

М.К. Касвинов

**ДВАДЦАТЬ
ТРИ
СТУПЕНИ
ВНИЗ**

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

М.К. Касвинов

ДВАДЦАТЬ ТРИ ступени ВНИЗ

Москва
«Мысль»
1989

ББК 63.3(2)52
К 28

Scan+DjVu: AlVaKo
19/05/2025

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ СССР

К $\frac{0503020000-025}{004(01)-89}$ 62-89

ISBN 5-244-00278-3

© «Издательство «Мысль». 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последний по счету самодержец земли российской принадлежал к династии Романовых, представители которой, за исключением Петра Алексеевича, страниц истории собою не украсили. Самому Николаю II из его многочисленных предков более всех импонировал второй по счету Романов — Алексей Михайлович, получивший в дореволюционной историографии полуофициальное наименование «тишайшего». Выбор образца для подражания в какой-то мере уже говорит о вкусах, да и о характере выбиравшего. Но стать тишайшим последнему самодержцу не довелось. Уже при жизни он заслужил ненависть народа и позорную кличку Кровавый, прилипшую к нему несмываемым клеймом.

Хорошо знавшие Николая Романова люди из числа высших сановников Российской империи единодушно считали, что по своим качествам он никак не подходил к роли правителя огромного государства. Интеллектуальный уровень невысок, хотя и дураком не назовешь, образованность посредственная, природных талантов не обнаружилось. Нрав расплывчатый, вяловатый, внешность «средняя», хотя, впрочем, это для управления государством значения не имело. А вот ум, характер, знания — всего этого ему явно не хватало. Современники, а за ними и историки дружно сошлись на том, что к разряду выдающихся людей Николай никоим образом не мог быть причислен. И несмотря на это, о нем написано очень много.

Первая волна книг, брошюр и статей приходится на 1917—1918 гг. Их авторами были в основном представители либеральной интеллигенции. Вся эта литература, написанная на фактическом материале, носила ярко выраженный разоблачительный характер: в ней огромное количество примеров двуличия, коварства, жестокости, бессердечия «государя императора»; показаны его малодушие, нестойкость во мнениях, малая образованность, низкий уровень культуры, наивность в государственных делах.

В 20-е годы появились более серьезные, аналитические работы, посвященные личности Николая II и его окружению. Среди них можно назвать книги С. Любоша «Последние Романовы», И. Василевского (Не-Буквы) «Романовы», Н. Фирсова «Николай II». Публиковалось много документальных материалов — пятитомная переписка царя и царицы, дневники и воспоминания современников. Впоследствии интерес к личности Николая заглох, и практически несколько десятилетий новой литературы о нем у нас не издавалось.

Вполне понятный и обоснованный интерес самой широкой читательской аудитории вызвала опубликованная в журнале «Звезда»¹ большая работа М. Касвинова «Двадцать три ступени вниз», которую сам автор определил как «Повествование о деяниях и конце Романовых — последних русских царей и их слуг». В этой работе собран обширный фактический материал, достоверно рисующий неприглядный облик самодержца, его поведение в различных ситуациях, отношение к важнейшим событиям государственной жизни. К тем фактам, которые были известны из литературы 20-х годов, прибавилось много новых, почерпнутых из архивов, из изданных за рубежом мемуаров бывших царедворцев, хорошо знавших царскую семью.

Вместе с тем труд М. Касвинова глубоко полемичен, и острые полемики направлено против зарубежных фальсификаторов истории, чьи произведения широким потоком хлынули на книжный рынок в середине 60-х годов, причем на их основе появились низкопробные фильмы и телефестановки о семье Романовых и ее окружении. По явно не случайному стечению обстоятельств поток этих антисоветских произведений усилился в канун 50-летия Великой Октябрьской революции, а новая «волна» пришлась на 60-летие Октября.

Во всех этих разных по жанру работах четко прослеживалась общая идея — обелить Николая II как личность. Его показывали хорошим семьянином, милым в общении человеком — правда, безвольным, но зато и не злым... Цель такой «подачи» прослеживалась достаточно ясно: большевики, дескать, проявили чудовищную несправедливость, приговорив к смертной казни такого в сущности милого, безобидного и никому уже не опасного человека.

В предлагаемой читателю книге М. К. Касвинова аргументированно и последовательно разоблачается эта одиозная концепция. Автор шаг за шагом прослеживает все 23 года царствования Николая II, дает нам возможность ощутить всю глубину духовного, нравственного падения последнего представителя династии Романовых, раскрывает перед нами «кухню» его правления, всю гниль и мерзость монархического строя, убедительно показывает его закономерную историческую обреченность.

К великому прискорбию, когда эта книга готовилась к печати, Марка Константиновича Касвинова уже не было в живых. Поэтому некоторые разделы книги не были доработаны с надлежащей полнотой. Отнюдь не претендуя на то, чтобы дополнить эти разделы за автора, мы считаем необходимым лишь обратить внимание читателя на самое важное в характеристике российского самодержавия и его последнего представителя.

Прежде всего следует подчеркнуть, что Николай был наиболее крупным собственником в России: ему принадлежали громадные массивы так называемых кабинетских и удельных земель. Только в Сибири они составляли 67,8 млн. га; там добывалось золото,

серебро, свинец, медь, эксплуатировались леса, значительная часть угодий сдавалась в аренду. Управляло имуществом царя особое министерство императорского двора.

Известно, что В. И. Ленин специально о последнем Романове не писал, но неоднократно давал четкое определение его классовой сущности: «помещик-царь», «первый помещик и главный крепостник», «первый дворянин и крупнейший помещик», «самый богатый и самый черносотенный помещик», «самый крупный помещик и угнетатель масс». Характеристика лаконичная, но полностью раскрывающая самое главное, основное не только в социальной принадлежности, но и в самой личности Николая II, олицетворявшего свое сословие, в его мышлении, во взглядах на жизнь.

Многих обманывала манера царя держаться просто, как бы в тени, носить без претензий полковничий мундир, довольствоваться подчас простой пищей. Таков был его внешний облик. А внутренняя сущность проявилась исчерпывающе во время Всероссийской переписи, когда в опросном листке в графе о профессии он собственноручно начертал: «Хозяин земли русской». Так он себя и воспринимал.

При всей своей посредственности, а может быть, именно потому, что был столь ограниченным и малообразованным, в его сознании намертво утвердилась мысль о том, что он единовластный повелитель и полный хозяин в государстве. Ничье мнение не могло быть поставлено вровень с его собственным, любые доводы и аргументы государственных сановников отменялись царским «хочу» или «не хочу».

Его манера держаться и одеваться была маскарадом. Это правда, что Николай II ходил нередко в походной гимнастерке стандартного покроя. Но при этом он был обладателем самого пышного в Европе двора, призванного подчеркивать величие российского императора. Вот официальные данные, опубликованные в 1912 г.: «К 1 июня в штате высочайшего двора состояло 1220 лиц обоего пола: 10 статс-дам, 4 камер-фрейлины, 12 высших, или первых, чинов двора, 8 обер-гофмейстеров и 4 обер-егермейстера, 240 вторых чинов двора, гофмаршалов, гофмейстеров, егермейстеров и шталмейстеров, 4 обер-церемониймейстера, 37 церемониймейстеров, 328 камергеров и 355 камер-юнкеров. В придворном штате также числится 42 врача по разным специальностям. Сотни титулованных дармоедов окружали его повседневно, создавая требуемый антураж. Не принося государству ни малейшей пользы, они получали баснословные оклады лишь за то, что прислуживали царской семье, развлекали и славословили ее, создавали ей раззолоченный фон.

Первую роль при дворе играли лица царской фамилии — великие князья и княгини. По существовавшему статуту титул великих князей имели братья и сестры царствующего (или царствовавшего) императора, его дети, а по мужской линии и внуки. Все они беспрестанно интриговали друг против друга. Но когда

возникала угроза их привилегиям, власти, собственности, они мгновенно сплывались и выступали сообща.

В глазах Николая II все они были «своими людьми», в кругу которых можно было решать интимные вопросы семьи. Многих из них он недолюбливал, а кое-кого и побаивался, но, если возникала конфликтная ситуация между великим князем и правительственным органом, он немедленно вставал на защиту родственника. Он сквозь пальцы смотрел на все их прегрешения перед законом и моралью, постоянно обеспечивал им доходные местечки, хотя и без того каждый из них был несметно богат.

Государственная казна была неиссякаемой кормушкой для всех представителей «царствующего дома Романовых». Обладая огромной личной собственностью, десятками тысяч десятин земли, приносившей миллионные доходы, все они получали еще и казенное «довольствие». Например, каждому сыну царствующего императора полагалось на содержание 150 тыс. руб. в год да на устройство резиденции единовременно по миллиону, а по вступлении в брак — уже по 200 тыс. в год и по 35 тыс. на содержание дворца.

Но и этого казалось мало великим князьям. Все они получали жалованье как военные, а кроме того, за различные посты, которые занимали. В 1905 г. шведский публицист Улар опубликовал сведения о подсчитанных им доходах великого князя Владимира Александровича — сына Александра II и дяди Николая II. Полтора миллиона рублей он имел ежегодно от земель, лесов, рудников и другой личной собственности; два с половиной миллиона ему доставалось от казны; 24 тыс. он получал как генерал, 50 тыс. — как командующий Петербургским военным округом, 40 тыс. — как член Государственного совета, 25 тыс. — как член Комитета министров, 30 тыс. — как президент Академии художеств. И в довершение ему полагались значительные суммы как члену различных государственных комиссий.

Однако же и гигантские доходы не удовлетворяли ненасытной алчности великих князей, которые вовсе не чурались спекуляции, финансовых афер и даже прямого казнокрадства. Александр Михайлович нагрел себе руки на аванюре с концессией Безобразова в Маньчжурии, прикарманил немало денег на постройке военных кораблей, а в годы первой мировой войны нажил огромные суммы на торговле вином. Дмитрий Михайлович имел собственный конный завод и продавал лошадей в гвардейский полк, которым командовал. Михаил Николаевич обогащался, спекулируя земельными участками на Кавказе и продавая минеральную воду из собственного имения Боржом. Особенно большими хищениями «прославил» себя шеф флота Алексей Александрович. При нем казнокрадство во флоте достигло небывалых размеров, сумма прикарманенных денег исчислялась миллионами. Не брезговал он и средствами Красного Креста, предназначенными для раненых солдат. Современник писал: «В карманах честного Алексея уместит-

лось несколько броненосцев и пара миллионов Красного Креста, причем он весьма остроумно преподнес балерине, которая была его любовницей, чудесный красный крест из рубинов, и она надела его в тот самый день, когда стало известно о недочете в два миллиона».

И все сходило Романовым с рук. За исключением тех случаев, когда кто-то из них доходил до воровства у собственной семьи. Таковым оказался, например, Николай Константинович, укравший у родной матери бриллианты для своей любовницы-певички. Скандал получил нежелательную известность, и виновного, отрешив от всех должностей, сослали в Ташкент.

Великие князья не только были нечисты на руку, но и были кутилами и развратниками. Эта сторона их жизни, разумеется, тщательно скрывалась от населения. Зато великосветский Петербург с удовольствием смаковал их похождения. На этом поприще до женитьбы и восшествия на престол хорошо поднаторел и сам Николай. Его дневниковые записи полны упоминаний о встречах с «картофелем» — так на дворцовом жаргоне назывались девицы для постельных развлечений. Потом он завел постоянную любовницу — балерину Кшесинскую. После женитьбы Николая эта дама «перешла» к Сергею Михайловичу, а от него — к Андрею Владимировичу...

Наследственной чертой почти всех Романовых был алкоголизм. Их кутежи принимали подчас самые непристойные формы. Рубили головы своим борзым собакам, лакали, стоя на четвереньках, шампанское из серебряной лохани... Обычные повседневные выпивки не шли в счет. Сам Николай любовь к алкоголю унаследовал от отца. Десятки знавших его людей отмечали в своих воспоминаниях эту пагубную страсть. К концу царствования дело зашло так далеко, что его почти не видели трезвым, что крайне тревожило царственную супругу. Любимица императрицы фрейлина Вырубова писала в дневнике, что Александра Федоровна «не раз говорила царю, чтобы он меньше пил». Однако в том же дневнике содержится объяснение, почему вдруг царица перестала удерживать супруга. Вырубова однажды предупредила ее, что ходят разговоры, будто царь «слишком много пьет». В ответ она услышала: «Старец не велит трогать папу, говорит, что вино дух смиряет...»

Признание многозначительное! «Старец» — это Распутин, а «папа» — сам Николай II. Хитрый проходимец понимал, что постоянное потребление алкоголя притупляет волю, делает человека более податливым, а это Распутину было крайне необходимо, чтобы влиять на царя, а через него на государственные дела.

Особого внимания заслуживает классовый «стержень» самодержавия: его взаимоотношения с армией — главной опорой династии, с православной церковью — ее духовной опорой, а также с полицией и охранкой, которые обеспечивали незыблемость монархического строя.

Многие современники в один голос отмечали большую любовь

Николая к воинским церемониалам, торжествам, салютам. На царскосельские парады гвардии он собирал весь столичный «свет» и дипломатический корпус. Ровные, как по линейке, ряды, блистающие кирасы кавалергардов, развевающиеся ментики гусар, султаны, кивера, эполеты, сверкание орденов, торжественная поступь пехотных полков — такие театрализованные представления наполняли его сердце радостью. Впрочем, большими любителями парадов были все его предшественники на троне. Все они гордились «своей» армией и лелеяли ее. Для семейства Романовых армия была не только средством защиты государства, но прежде всего средством обеспечения собственной безопасности, единственно реальной опорой трона. Принимая воинскую присягу, каждый солдат российской армии торжественно обязался «верно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови его императорскому величеству». И именно это в глазах императора было главным смыслом воинской службы.

В годы царствования Николая II армия участвовала в двух войнах. Но была еще и третья, необъявленная, кровопролитная — война против собственного народа. Во время первой русской революции воинские части использовались для подавления народных выступлений по всей территории Российской империи. Согласно букве и духу присяги, армейские полки, вводя в бой артиллерию и пулеметы, штурмовали баррикады Пресни, казармы восставших кронштадтцев, рабочие кварталы Сормова. Казачьи сотни шли в атаку на ивановских ткачей и читинских железнодорожников, брали с боя дома латышских, эстонских, грузинских крестьян. Боевые корабли били из тяжелых орудий по фортам поднявшего флаг восстания Свеаборга...

Под особой опекой царя находились гвардейские части, в которые отбирались наиболее красивые и высокие новобранцы, но главным было то, что их полнейшая политическая благонадежность обязательно удостоверялась местным полицейским начальством. Гвардейское офицерство было «белой костью» вооруженных сил. Почти целиком оно состояло из представителей знатных дворянских фамилий и было монархическим до мозга костей. Многих офицеров гвардии Николай знал поименно, всячески подчеркивал свою близость и расположение к ним.

Линия поведения вполне понятная, если учесть, что со времени Петра I, который создал гвардию, она редко участвовала в боях с внешними врагами, но зато в полной мере использовалась против «врагов внутренних», не раз выполняла чисто карательные функции и вообще рассматривалась Романовыми как личное, и притом наиболее надежное, войско. Потому и довольствие гвардии было куда выше армейского, потому и не пропускал Николай II случая посетить полковые гвардейские праздники, а его супруга строила церковь для лейб-гвардии Уланского полка, шефом которого она была, и собственноручно вышивала золотом ризы для полкового духовенства.

Наиболее приближенной и наиболее верной частью гвардии был «собственный его императорского величества конвой», куда входили четыре лейб-гвардии казачьи сотни, рота дворцовых гренадер и сводный пехотный полк, состоявший из представителей различных частей гвардии, армии и флота. Этот полк, пожалуй, больше всех других пользовался вниманием и любовью царя. Царь участвовал вместе с солдатами в стрельбах, христосовался с ними на пасху, устраивал для них елку на рождество, снимал пробы солдатской пищи. Словом, всячески задабривал их и хотел выглядеть в их глазах полным благодетелем и «своим человеком», что ему частично и удавалось.

В канун первой мировой войны в распоряжении Николая кроме конвоя были 3 пехотные и 2 кавалерийские дивизии — костяк гвардейского корпуса (в него входили еще 4 пешие и конные артиллерийские части и несколько отдельных частей). Впоследствии многие приближенные упрекали царя за то, что во время осенних боев 1916 г. он использовал гвардию на фронте, где ее потрепали так основательно, что она перестала представлять собой серьезную военную силу. Они считали даже, что именно слабость гвардейских частей предопределила победу Февральской революции. Но в связи с этим следует отметить, что в дни революции сохранившиеся гвардейские части вовсе не поддерживали царя, а солдаты их запасных батальонов, расположенных в Петрограде, одни из первых выступили вместе с восставшим народом. И даже собственный конвой отвернулся от него.

У царской семьи была отработанная система взаимоотношений с гвардией и армией. В дни рождений и тезоименитств (именин) Николая, его матери Марии Федоровны, его жены Александры Федоровны и сына Алексея, а также в годовщины восшествия на престол императора и императрицы все воинские части освобождались от занятий и учений. Члены царской семьи были шефами многих полков, присылали поздравления или лично участвовали в полковых праздниках, одаривали подарками офицеров и солдат. Представители мужской части семьи зачислялись на воинскую службу с рождения. Например, послужной список цесаревича Алексея начался с 30 июля 1904 г. — дня, когда он родился. Он числился атаманом всех казачьих войск, шефом четырех гвардейских и четырех армейских полков, двух батарей, а также Алексеевского военного училища и Ташкентского кадетского корпуса. Кроме того, его имя было занесено в личные списки десятков полков, военных училищ и кадетских корпусов.

Для того чтобы привязать ближе к себе гвардию и армию, Романовы использовали на командных должностях великих князей. Главным «приводом» между семьей Романовых и армией был дядя царя — великий князь Николай Николаевич. Ему доводилось исполнять должности генерал-инспектора кавалерии, председателя Совета государственной обороны, командующего войсками столичного военного округа, командира гвардейского корпуса, а с нача-

ла первой мировой войны до осени 1915 г. он занимал пост Верховного главнокомандующего.

Другой дядя — Алексей Александрович, имевший звание генерал-адмирала, ведал всеми делами флота (после гибели русского флота в войне с Японией получил ставшее популярным прозвище Цусимский). Третий дядя — Сергей Александрович — заведовал всей артиллерией России. Другие великие князья, распоряжаясь в армии кто как мог, командовали полками, дивизиями, корпусами — преимущественно гвардейскими. Убийственную характеристику дал им генерал Сухомлинов, долгое время занимавший пост военного министра: «В характере большинства из них были признаки дегенерации, и у многих умственные способности настолько ограничены, что если бы им пришлось вести борьбу за существование как простым смертным, то они бы ее не выдержали. Эти непригодные для дела великие князья, подстрекаемые окружающими их людьми или женами, присваивали себе право вмешиваться в дела правительства и управлений, а в особенности — армии».

Семейство Романовых, используя армейские штыки как опору трона, год от года все больше раздувало полицейский аппарат, который в дни царствования последнего представителя династии приобрел поистине чудовищные размеры.

Всей полнотой власти в губерниях Российской империи обладали генерал-губернаторы, подчиненные министерству внутренних дел и бывшие на местах высшими полицейскими чинами. В городах они возглавляли и направляли деятельность полицмейстеров, городских и участковых приставов, околоточных надзирателей, городских, а в сельской местности — исправников, станowych приставов, урядников, сотских и десятских. И вся эта полицейская свора была четко нацелена на «внутреннего врага», бесконтрольно хозяйничала в городах и селах, вершила «суд» и расправу.

Говоря о монархии Романовых, В. И. Ленин четко определил: «...самодержавие — есть самодержавие полиции», а самого монарха называл «его полицейское величество». И действительно, Николай Романов был в сущности первым российским полицейским и жандармом. Он строго следил за тем, чтобы генерал-губернаторами, директорами департамента полиции, шефами корпуса жандармов, министрами внутренних дел назначались преданные ему люди, и непременно черносотенного толка. В годы его царствования на этих постах побывала целая вереница самых крайних реакционеров и черносотенцев, слепо выполнявших волю монарха по части расстрелов, повешений, массовых порок и «обыденных» избиений его подданных. Все они состязались меж собой в деле изощренных провокаций и неслыханных зверств по отношению к противникам самодержавия. В сущности полиция была дополнительной армией; каждый городской был вооружен револьвером и шашкой, в участках стояли пирамиды винтовок, а к концу царст-

воения появились и пулеметы. Конная и пешая полиция вместе с казаками и армейскими подразделениями использовались для подавления уличных «беспорядков». Для этой же цели использовались и конные жандармские команды, расквартированные в крупных городах. Но основной функцией жандармерии был политический сыск, выявление и обезвреживание «врагов царя и отечества». Помимо этого на жандармов возлагались содержание арестных домов и тюрем, пограничная служба, обеспечение порядка на железных дорогах.

Особое место в полицейской системе занимало охранное отделение, которое было создано в Петербурге после убийства Александра II и, как видно из самого названия, предназначалось для охраны (разумеется, в первую голову царской семьи, а в конечном счете и всего самодержавного строя). В царствование Николая II охранные отделения существовали уже во многих крупных городах. Комплектовались они главным образом из состава отдельного корпуса жандармов. С «охранкой» связано бурное развитие провокаторства, которое стало едва ли не основным средством борьбы с «крамолой». К 1914 г. ежегодные расходы министерства внутренних дел на секретных сотрудников достигли 600 тыс. руб.

Охранные отделения крупных городов практически не подчинялись местным властям и были ответственны лишь перед департаментом полиции. Однако Петербургское отделение имело свой особый статут и его начальник пользовался правом личного доклада у министра внутренних дел. Особое положение петербургской «охранки» объяснялось тем, что ее попечению было вверено все многочисленное семейство Романовых. По личным заданиям царя это отделение выполняло и «деликатные» поручения: слежку за великими князьями, министрами и другими высшими чинами империи. Последний самодержец не очень-то доверял своему окружению.

При Николае II существовала в России еще одна охранная служба, которая — в отличие от всех других — не подчинялась даже министру внутренних дел. Она обеспечивала непосредственно безопасность двора и царской семьи. Ядром ее были 300 агентов-охранников под руководством жандармского полковника Спиридовича (только эти люди обходились государству в кругленькую сумму — более полумиллиона рублей в год). Помимо этого в ведении дворцового коменданта Воейкова были еще 300 человек, а начальник дворцовой полиции Герарди имел свой многочисленный штат.

Последний самодержец был чрезвычайно строг и дотошен, когда речь шла о безопасности его семьи. Не удивительно, что дворцовая охрана в Царском Селе разрослась при нем до чудовищных размеров. Осуществлялась она по разным линиям, так сказать многослойно. Для нее полностью использовался «собственный его императорского величества» сводный полк, который нес караульную службу во дворце и за его оградой, а также дважды в

сутки прочесывал всю парковую территорию. Царский павильон на железнодорожной станции и ведущую ко дворцу ветку охранял особый железнодорожный полк. У подъездов и главных ворот и на прилегающих к парку улицах дежурили чины дворцовой полиции, в парке стояли сторожевые посты «садовой» роты. Внутри дворца помимо солдат и офицеров сводного полка несли службу лейб-казаки конвоя. Всего во дворце круглосуточно действовало 11 постов; тщательнее всего оберегалась царская спальня: два поста охраняли ее со стороны коридора, один пост располагался у окон, а под спальней находилась комната дежурных офицеров. И сверх всего этого — вокруг парка и на его территории охранники из команды жандармского полковника Спиридовича.

Армия, полиция, жандармерия были основной опорой трона. Но семейство Романовых придавало огромное значение и православному храму, призванному вдалбливать в головы миллионов подданных мысль о божественности и, стало быть, незыблемости царской власти. Статья 1 Свода основных законов Российской империи гласила: «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться его власти не токмо за страх, но и за совесть сам бог повелевает».

«Сам бог» — ни больше ни меньше... С амвонов тысяч и тысяч российских церквей день ото дня царствующему дому провозглашались «многая лета!». На всех гражданских и военных торжествах и праздниках неуклонно предписывалось петь «Боже, царя храни...». Церковники распространяли среди населения огромное количество брошюр и листов, где доказывалась необходимость и святость царской власти, где на разные лады варьировался лозунг: «Богом да царем православным стоит русская земля».

Естественно, что самодержец, крайне нуждавшийся в столь могучей духовной поддержке, щедрой рукой (разумеется, за счет казны) финансировал издательскую деятельность церкви, приближал к себе наиболее высокопоставленных и авторитетных служителей, строго следил за тем, чтобы высшие посты в церковной иерархии занимали преданные ему люди. Царской семьей были пригеты многие одиозные духовные деятели. Среди них черносопенец и мракобес Иоанн Кронштадтский, крайний реакционер епископ Гермоген, невежественный и жуликоватый епископ Варнава, изворотливый и двуличный митрополит Питирим. Каждый из них не раз был обласкаан и словом и подарками, каждый из них лез из кожи, чтобы публично прославлять и обоготворять царскую семью.

Николай II охотно шел навстречу церковникам, когда речь шла о канонизации новых «святых». В его царствование было открыто много новых мощей, которые, как известно, служили для духовенства серьезным источником дохода. При нем были «пущены в оборот» мощи Феодосия Угличского, Серафима Саровского, княгини Анны Кашинской, Иоасафа Белгородского, Питирима Тамбовского, Иоанна Тобольского...

Особое внимание последний самодержец уделял духовенству, служившему в воинских частях и на кораблях. До 5 тыс. военных попов насчитывала при нем армия. На их содержание он денег не жалел. В вопросе укрепления нравственности военнослужащих (а под нею подразумевались прежде всего верноподданнические чувства) царь был на редкость тверд и категоричен. На постройку школ или больниц можно было урезать ассигнования, а вот на военное духовенство — ни в коем разе...

Но известно, однако, что молебнами и иконами войны не выигрываются, и русской Армии, которой дважды довелось воевать в годы царствования Николая II, пришлось слишком дорогою ценой убедиться в этой непреложной истине. В связи с этим следовало бы коснуться вопросов об отношении российского монарха к войнам, о его ответственности за пролитую в них кровь. Первая из них — русско-японская — была в значительной мере вызвана политикой царского правительства, поведением его придворной клики. Конечно, основной причиной этой войны, носившей захватнический, несправедливый характер с обеих сторон, было обострение империалистических противоречий на Дальнем Востоке. Но все же огромнейшая ответственность за нее лежит на царе и его окружении. Вдохновителем и организатором империалистического грабежа естественных богатств Кореи и Маньчжурии была так называемая безобразовская клика, куда входили помимо великого князя Александра Михайловича представители высших придворных кругов — князя Юсупов и Щербатов, граф Воронцов-Дашков, министр внутренних дел Плеве.

Война, к которой Россия оказалась неготовой, перечеркнула эти планы. Иконы, отправляемые на фронт целыми вагонами, не могли заменить пушек и пулеметов. В результате нескольких поражений Россия подписала позорный договор с Японией, расплатившись за близорукую политику царя и его окружения дорогой ценой: ее людские потери составляли 400 тыс. убитыми, ранеными, пленными.

Неизмеримо большие жертвы понесла страна в годы первой мировой войны, которая оборвала жизни миллионов солдат России. Непосредственно развязанная правящими кругами Германии, считавшими себя к лету 1914 г. более подготовленными к столкновению, чем страны Антанты, эта война явилась результатом империалистического противоборства великих держав. Но при всем этом никак нельзя представлять себе русского царя как этакую пешку в руках английских и французских империалистов, бессловесного исполнителя их воли. Вступая в войну, он преследовал и свои самодержавные цели, зафиксированные вполне четко в заключенных с правительствами стран Антанты тайных договорах. В манифесте, сочиненном по случаю войны, Николай II обвинил в развязывании войны своего царственного кузена Вильгельма. Однако же в тайных договорах он заранее оговорил право России на владение Черноморскими проливами, став таким обра-

зом полноправным участником империалистического сговора по территориальному переделу Европы.

Проследивая линию поведения Николая II по отношению к вооруженным силам, полиции и церкви, приходится убеждаться, что она была весьма последовательной и целеустремленной: он делал буквально все, что было в его силах, чтобы уберечь самодержавный строй, а вместе с ним и «право» своей семьи распоряжаться Россией как своей вотчиной, грабить и растранижировать ее богатства, беспощадно подавлять попытки подданных хоть как-то изменить существующее положение.

Говоря об этой стороне царствования, об этой целенаправленной жестокой политике, как не вспомнить гневных слов В. И. Ленина в адрес семьи Романовых: «...этих «первых среди равных» помещиков, обладающих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей *и своего класса* «священной собственности»»².

За время царствования Николая II преступлений накопилось много. За один лишь день 9 января, когда были застрелены, зарублены и растоптаны копытами свыше тысячи ни в чем не повинных людей, его следовало судить, как убийцу. Но это лишь один день... Оградившись от народа штыками армии, полицейскими и жандармскими заслонами, царь вел со своими подданными беспрестанную и кровопролитную войну. Особенно много жертв было во время первой русской революции. Только к апрелю 1906 г., по официальным данным, было расстреляно и повешено 14 тыс. человек. В 1907 и 1908 гг. приговорено к смертной казни еще более 5 тыс.

Террор против населения стал государственной политикой. Премьер-министр Российской империи удостоился «высокой чести»: «столыпинским галстуком» была названа веревка для повешения. Каждый день, разворачивая газеты, самодержец имел удовольствие читать извещения о казни своих подданных. Впрочем, изредка — раз в полтора-два месяца — случалось, что никого не казнили. Но такой «пробел» с лихвой покрывался днями, когда расстреливали и вешали сразу по десятку человек. Однако газеты сообщали лишь об официальных приговорах — сведения о замученных и забитых насмерть без суда и следствия в тюрьмах и полицейских участках в печать не попадали.

Политика террора осуществлялась не из-за попустительства «слабовольного государя», как это подчас пытаются доказать западные историки и советологи, и не только от его имени, но и по его прямому наущению. На нем лежала вся полнота ответственности за террор. В. И. Ленин, отдавший всего себя делу освобождения народа и глубоко переживавший все эти освященные волей царя убийства, заклеил последнего Романова разящими эпитафиями: «злейший враг народа», «кроважадный», «вешатель», «палач», «погромщик», «изверг»...

Да, именно таким и был в самой сущности своей этот внешне смирный и даже застенчивый человек с грустноватыми глазами тихого алкоголика. Как бы ни пытались обелить его современные доброжелатели с Запада, им никаким гримом не замазать кровавого клейма царя, душиателя народа. То, что Николая Романова судил и осудил на смерть Екатеринбургский Совет, — это лишь стечение обстоятельств. Намного раньше состоялся суд самого народа, который никогда не прощал и не мог простить царю пролитой им крови, преступлений, совершенных по его воле, лихоимства и казнокрадства пригретых им родственников, полного пренебрежения к судьбам миллионов страдавших от гнета, отчаявшихся людей. Это и предопределило судьбу последнего самодержца в июле тревожного восемнадцатого года. Повествование М. К. Касвинова об этой судьбе будет полезным для многих читателей, незнакомых с конкретными обстоятельствами существования и конца последних представителей династии Романовых.

В. Архипенко

ОТ АВТОРА

Это книга о заговорах, триумфах и крушениях, самые очертания которых, казалось, размыты и выветрены временем.

Повествование о безумствах, иллюзиях и трагикомедиях персонажей, которых давно поглотила Лета.

Повествование о деяниях и конце последнего царя из династии Романовых и об окружавшей его камарилье.

Было сказано: кого Юпитер хочет погубить, того он лишает разума. Не слишком обремененные разумом, как и другими некоторыми достоинствами, слуги последних Романовых в семнадцатом году особых хлопот Юпитеру не доставили. Они и их хозяева мертвы. Но мертвые хватают живых.

Привидения иногда возвращаются. Вызываемые политическими спиритами из мглы небытия, они время от времени напоминают о себе новым поколениям, то жалуясь, то лебезя, то угрожая, — по подсказке и на потребу спиритам, которые, за нехваткой лучшего, и бесплотных духов вербуют себе в союзники.

История крушения и гибели династии Романовых — одна из излюбленных, постоянных тем западной пропаганды. Вот уже свыше полувека, как чернильные наймиты антисоветского промысла эксплуатируют историю казни царской семьи, соблазняемые выигрышной, как им кажется, возможностью показать на этом примере «ужас» революции и «жестокость» разбушевавшейся народной стихии.

Нескончаемым потоком идет с идеологических конвейеров международной реакции соответствующая продукция — книги, статьи, кино- и телефильмы, радиокomпозиции. Их авторы силятся, с одной стороны, очернить великую революцию, с другой — обелить и восславить ее душителей и истязателей, в том числе последнего царя и его слуг. Эта одна из самых длительных антисоветских кампаний началась тогда же, в 1918 г. С тех пор она знавала подъемы и спады, переживала кризисные моменты, но никогда не прекращалась. Сдобренная очередной порцией вымыслов, фальшивок, «концепций» — поделками так называемых советологов, эта кампания из года в год, из десятилетия в десятилетие поднимается вновь и вновь.

Многочасовые композиции о «царевиче» и «царевнах», систематически демонстрируемые на голубых экранах Запада; двухсерийное шоу «Николай и Александра» стоимостью в четыре с половиной миллиона долларов, сработанное на студии «Коламбия пикчерз» Сэмом Спигелем; фильм «Я убил Распутина», снятый в

Западной Европе Робером Оссейном; полнометражный «документальный» фильм «Император Николай II», смонтированный в США Александром Тарсаидзе, — это лишь часть того, что вышло на экраны кино и телевидения. В литературно-публицистическом исполнении — кричаще оформленные, обильно иллюстрированные монографии о крушении династии, вышедшие из-под пера таких авторов, как Роберт Мэсси, Сидней Харкэйв, Нобл Франклэнд, Рональд Хинглэдж, Александр Тарсаидзе, Виктор Александров (США), Эдвард Крэнкшоу, Э. М. Альмединген, Колин Уилсон (Англия), Ганс Манфред Хойер, Гюнтер Штекль, Губерт фон Римша, Пауль Зете, Вернер Кёллер (ФРГ), Эдмонд ла Пьер Тэйлор (Франция), и других.

Как и для чего вызываются ими призраки из глубин Леты — мифологической реки забвения? Кому служат и какими скрытыми пружинами движутся современные фарсы теней? Кто были в реальной жизни те, кого сегодня на подмогу антикоммунизму вызывают из потусторонних миров западные магистры оккультно-идеологического столоверчения? Об этом повествуют предлагаемые вниманию читателя страницы.

Здесь нет обширной летописи эпохи. Нет и масштабного полотна, сотканного из общих положений. Можно сказать, что общеизвестную логическую схему автор стремится наполнить живой тканью фактов, отшумевших событий тех лет, какими они были в своих пестрых красках, пульсировали в своих разящих страстях.

Автор не пишет общую историю предреволюционных лет — он преимущественно иллюстрирует ее портретами и коллизиями, светотенью фигур и сцен, мерцающими в далекой полумгле очертаниями социальных пейзажей, в которых много забытого, изрядно полузабытого, а немало и такого, что поныне оставалось неизвестным для широкого круга читателей.

Автор надеется, что эта книга будет полезна, в особенности молодежи, представлением не совсем примелькавшихся сведений о былом — таких, с помощью которых лучше познается или уточняется истина. Если тем самым удастся добавить что-либо к конкретным представлениям читателя о событиях и людях прошлого — буду рад.

Хотелось бы выразить признательность всем, кто помог мне выполнить эту работу. В первую очередь благодарю за содействие в подборе документации и полезные советы сотрудников государственных архивов, на материалах которых эта книга в значительной степени базируется, в частности: в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР — директора Н. Р. Прокопенко, заведующую архивохранилищем З. И. Перегудову, заведующую отделом М. Ф. Фросину, главного хранителя фондов Е. В. Задорнову, старшего научного сотрудника Л. И. Тютюнник;

в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени

В. И. Ленина — заместителя заведующего отделом В. Г. Зимину и младшего научного сотрудника Т. П. Быкову;

в комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР — Г. К. Деева.

Выражаю благодарность зарубежным друзьям, способствовавшим поиску и разработке материалов, в первую очередь доктору Фаркашу Мартону из Военно-исторического архива в Будапеште (ВНР), доктору Янушу Кольчинскому и профессору Владиславу Маркевичу из Западного института в Познани (ПНР), а также персоналу Национальной библиотеки в Варшаве (ПНР) и Академического архива в Праге (ЧССР).

Весьма обязан сотрудникам Национальной библиотеки в Вене, отдела рукописей Исторического института в Граце (Австрия), Цюрихской народной и Базельской центральной библиотек (Швейцария) за оказанное внимание и предоставление соответствующих рукописных и печатных материалов.

Особо сердечное слово признательности — очевидцам и участникам описываемых в книге событий. Они внесли вклад в эту работу рядом ценных сообщений и уточнений в ходе личных встреч, а также переданными автору различными документами, записями воспоминаний, редкими фотографиями и другими подлинными материалами, остававшимися доселе неизвестными и в исторических описаниях не использованными.

Среди этих живых свидетелей истории в первую очередь должны быть названы: В. В. Шульгин — член Государственной думы II, III и IV созывов, лидер думской фракции националистов и «прогрессивного блока», входивший в состав делегации, которая приняла из рук царя 2 марта 1917 г. отречение от престола*; С. С. Онгирский — бывший курский вице-губернатор, один из ближайших сотрудников председателя Совета министров П. А. Столыпина и министра внутренних дел Н. А. Маклакова; М. Я. Русских — бывший гвардеец, участник конвоирования и охраны Николая II; П. В. Сулима — бывший офицер царской гвардии; Н. В. Стариков — один из старейших участников революционного движения в России, бывший политический ссыльный; П. С. Мазайлов — бывший матрос броненосца «Император Александр II», активный участник революционных событий в Кронштадте и Петрограде, сподвижник легендарного П. Д. Хорькова.

По событиям гражданской войны на Урале и в Сибири — О. Н., Е. Н. и М. Н. Тухачевские; В. И. Уборевич; Н. Г. Толмачев — секретарь Уральского Совета в 1918 г.

По периоду заключения Романовых в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге в 1917—1918 гг. — Р. Я., А. Я. и Е. Я. Юровские; В. Г. и В. Г. Никулины; Я. М. Свикке — член

* Автор встречался с ним трижды с августа 1973 по август 1975 г. во Владимире, где проживал В. В. Шульгин до своей смерти в 1976 г.

КПСС с 1904 г., командир латышских боевых отрядов на Урале и в Сибири в 1918 г.; И. И. Родзинский — член КПСС с 1917 г., член коллегии Уральской ЧК в 1918 г.; Д. Д. Авдеева и Л. П. Авдеева-Козлова; В. О., Г. Н. и А. Н. Немцовы; Т. И. Теумина и К. П. Чибисова; А. И. Коганицкая; А. С. Люханова-Вишнякова.

Всех названных лиц благодарю за предоставленные мне сведения и материалы.

Хотелось бы отдать должное поддержке и участию, проявленным в ходе моей работы над этим произведением А. Г. Баулиным — бывшим заместителем главного редактора «Известий» и «Литературной газеты»; докторами исторических наук В. И. Дашичевым и М. А. Полтавским; видным советским специалистом по международному праву доктором юридических наук А. И. Полтораком; кандидатами исторических наук А. Я. Шевеленко и Г. Г. Кочарянцем; членом Союза журналистов СССР И. П. Рыбаковой, а также известным в Москве книголюбом и знатоком историко-библиографических редкостей К. К. Поповым.

Очень признателен автор читателям журнала «Звезда», впервые опубликовавшего эту работу, за их письма с дополнениями, уточнениями, замечаниями. Представляя теперь книгу на суд читателей в несколько дополненном виде, автор надеется, что они и впредь не обойдут его своим взыскательным вниманием. Иные авторы писем выразили пожелание, чтобы этим повествованием еще раз было оттенено величие пути борьбы и побед, пройденного страной с начала века. Таково желание и автора книги. В работе над этими страницами ни к чему не стремился он столь искренне и усердно, как к этой именно цели, — в оправдание доверия и доброжелательства знакомых и незнакомых друзей.

Возможностью выполнения этой работы я во многом обязан Аделаиде Константиновне Рязановой — верному другу и помощнику в жизни и работе.

Москва — Ленинград
Ноябрь 1976 г.

ПРОЛОГ

Вечернюю тишину особняка разорвал резкий звонок. Неровная трель прокатилась по вестибюлю, по коридорам, отдаваясь в сумеречных углах. Привратник Тилле ринулся к двери. С полчаса назад приходил сверху доктор Рицлер, предупредил: явятся двое, впустить без заминки.

Щелкнул ключ, проскрипела щеколда. Блеснула в луче фонаря мокрая от дождя булыжная мостовая. Мимо прошуршала извозчичья пролетка. Отделившись от стены, метнулись к входу двое; мокрые плащи, обвислые шляпы.

В полумраке вестибюля Тилле принял одежду, вполголоса сказал:

— Битте, майне герршафтен. Его превосходительство ждет вас у себя наверху.

В слабо освещенном кабинете двое усаживаются в кресла, придвинутые к письменному столу. Из тени, отбрасываемой настольным абажуром, грузный Мирбах, откинувшись на спинку сиденья, разглядывает визитеров с холодным, чуть усмешливым любопытством. За послом застыл в почтительной позе первый советник Рицлер, придерживая под мышкой папку.

Навстречу посол не вышел, обменялись рукопожатиями через край стола.

Посол. Господа, мне приятно снова увидеться с вами, хотя в обстоятельствах, вызвавших эту новую встречу, приятного, пожалуй, мало. *(Двое молчат, понутив головы.)* Не так ли, барон Нейдгардт? *(Поворот с моноклем к одному.)* Не так ли, барон Будберг? *(Поворот к другому.)* Я вас слушаю, господа.

Нейдгардт. Граф, мы попросили об этой встрече, потому что в положении, которое мы обсуждали с вами еще в декабре, сдвигов к лучшему нет. Не кажется ли вам... что обстановка еще более обострилась?.. что она стала угрожающей?

Посол. Возможно. Скорее даже это именно так. С тех пор как император вывезен из Тобольска, ситуация, видимо, осложнилась.

Нейдгардт. Не будете ли вы любезны сказать, какими сведениями по интересующему нас вопросу располагает посольство? Сопоставление данных может быть полезно для дела.

Посол. Пожалуйста, в меру нашей осведомленности. *(Оборачивается к Рицлеру. Советник, почтительно изогнувшись, быстрым движением выхватывает из папки бумагу, кладет ее перед послом.)* Итак, по донесениям нашей агентуры, действующей в восточных районах России, после 268 дней заточения в Тобольске

августейшая семья двумя отдельными группами вывезена на Урал. Первая — император, императрица и принцесса Мария... (*Посол близоруко упирает монокль в записку.*) Да, первая группа прибыла в Екатеринбург 30 апреля в 8 часов утра. Вторая группа — престолонаследник и три принцессы — прибыла туда же 23 мая в 6 часов утра.

Нейдгардт. Интервал в три недели.

Посол. Да. Далее. По прибытии в Екатеринбург каждая из двух групп была без охраны доставлена с вокзала в центральный район города, в дом, реквизируемый у инженера Ипатьева, где все вместе и находятся. Несколько слуг оставлены. Остальные, включая Жильяра и Гиббса, отосланы прочь. Что еще? Обращение с заключенными остается корректным.

Будберг. Вы так думаете?

Посол. Я не думаю — таковы сведения. (*Пауза.*) Итак, обращение и охрана. По всем данным, охрана строга, но некоторые послабления даются. Например, сделано исключение для врача наследника. Врач может входить в дом днем и ночью. Отношение населения менее благоприятно. Оно характеризуется враждебностью и глухим напряжением. Узники, по-видимому, ощущают эту атмосферу, поэтому возросло их нетерпение. По каналам связи с домом от императора поступают все более настойчивые просьбы ускорить освобождение...

Будберг (нервно ежась в кресле). Эти надежды мы не должны обмануть...

Советник Рицлер. Кто это — мы, позвольте спросить?

Будберг. Мы — это вы и мы. Но прежде всего вы... обладающие влиянием и силой...

Нейдгардт. Ваши сведения, граф, совпадают с нашими... Медлить нельзя... Дело, которое уже приводило нас к вам в Петрограде и привело здесь, в Москве, не терпит отлагательств.

Посол. Вы и сейчас представляете от монархического центра?

Нейдгардт. Да, конечно. Как вам известно, я имею честь состоять главой этого центра. От его имени мы и возобновляем сейчас просьбу о вмешательстве. Его величество кайзер может и должен протянуть руку спасения.

Посол (устрепив на Нейдгардта долгий, тусклый взгляд из-под припущих век). Мой дорогой барон, позвольте напомнить, сколь глубокоую борозду проложили между нами эти годы... После того как царь Николай, уступив британскому подстрекательству, два с половиной года вел против рейха беспримерную вооруженную борьбу, кайзер ничем ему не обязан, ничего ему не должен. Впрочем, замечание это попутное. Оно не имеет отношения к нашему общему делу в данный момент и по его существу.

Нейдгардт. Благодарю за оговорку.

Посол. Пожалуйста.

Нейдгардт. Меня радует уже то, что вы не собираетесь вдаваться в эмоциональные отступления на тему, потерявшую значение. И все же... позвольте реплику вскользь. Версия о розни, якобы разделившей две династии, возникла в толпе и употребительна для толпы. С четырнадцатого года сражались друг против друга не императоры, а народы, движимые повелениями императоров. Монархи выше злобы дня. Они стоят над потоком проходящих событий, даже таких, как мировая война. Узы, издавна связывающие германского императора с русским кузеном, нерасторжимы. Поэтому я надеюсь: кайзер сегодня вырвет царя из рук русской толпы, как при иных обстоятельствах царь вырвал бы кайзера из рук толпы немецкой...

Будберг. И это тем более так, что речь идет о судьбе семьи столь же немецкой, сколь и русской. Надо ли напоминать вам, что для принцессы Алисы до ее замужества эта страна была чужой. Дочь великого герцога Гессенского поехала сюда, с трудом преодолев собственное внутреннее сопротивление. Она тогда уступила лишь настояниям кайзера. Он ее сюда отправил, он же должен теперь ее вернуть.

Посол (задумчиво качает головой, голос его становится жестким). Господа, взглянем в лицо истине, какова она есть. Повторилась извечная история: горе побежденным! Царь, ответственный за неудачный исход войны, просит теперь пощады. Он не может вымолить ее у своей страны и обращается к нам. Когда-то курфюрст Бисмарк учил нас: побежденным следует оставлять лишь глаза, чтобы они могли оплакивать свое несчастье. Вам, господа, мы этого не говорим. К данному случаю, признаю, эта формула не относится. Вы правы, барон Будберг: речь идет о родственной семье. Германия от нее не отстранится.

Нейдгардт. С декабря потеряно столько времени... Что вами предпринято? На что можно рассчитывать?

Посол. Сейчас, как стало нам известно, московские власти собираются провести суд над императором и, возможно, над императрицей. Уже идет обмен мнениями на этот счет между инстанциями московскими и уральскими. Готовится обвинительный акт. Наша позиция: суда не допустить, семью освободить и вывезти в Германию. Я убежден, что большевики не посмеют отказать нам в удовлетворении этих пожеланий.

Нейдгардт. Пожеланий или требований?

Посол. Скорее требований.

Нейдгардт. Они предъявляются официально?

Посол. Вполне.

Будберг. Требования бывают энергичные, бывают и вялые...

Посол. Насколько энергично они ставятся, вы можете судить по последней депеше, поступившей из Берлина. (Снова оборачивается к Рицлеру. Советник достает из той же папки бумагу, передает послу. Неторопливо всматриваясь в текст, посол читает его вслух.) Извольте. «Москва, Посольству. Демарш, предпри-

нятый вами в связи с опасностью, угрожающей царской семье, высочайше одобрен. Его величество желает, чтобы продолжались усилия, направленные на освобождение семьи и вывоз ее в рейх. При любых обстоятельствах немецкая принцесса и ее дети, в том числе наследник, как неотделимый от матери, не могут быть оставлены на произвол судьбы. Фон Кюльман».

Нейдгардт. Это отрадно.

Посол. Таким образом, господа, вам не следует предаваться унынию. Семья находится под нашим наблюдением и защитой. Какую бы форму ни приняла угроза, мы не отнесемся к ней безучастно, и, следовательно, она будет предотвращена. На мой последний демарш Чичерин ответил молчанием, но я надеюсь, что он вскоре заговорит. *(Посол встает, поднимаются и его собеседники.)* Возможно *(голос посла понижается почти до шепота)*, что в интересах освобождения семьи окажется целесообразным выступление на месте, на Урале, и ваших организаций... Но об этом не сейчас. О дальнейшем мы с доктором Рицлером *(легкий поклон советника в сторону посетителей)* будем ставить вас в известность. На сегодня же, я полагаю, сказанного достаточно.

Удостоенные еще раз рукопожатий, оба визитера, сопровождаемые до порога послом и советником, раскланиваются. У дверей Мирбах вдруг кладет руку на плечо Нейдгардта:

— Вы не забыли, барон, наши с вами довоенные дерби и пари на мюнхенском ипподроме?

Нейдгардт машет рукой:

— Ах, граф, какие уж тут дерби и пари и о чем вспоминать...

Посол позволяет себе минутную снисходительную фамильярность:

— Ну что вы, господа... Не надо киснуть. Увидите, все встанет на свое место. Не исключено, что недели через две-три вы увидите своего императора где-нибудь по ту сторону границы.

(Разговор велся на немецком языке, родном для всех его участников.)

Внизу, в вестибюле, снова шелкнул ключ, заскрипела щеколда. Тилле осторожно приоткрыл дверь, выглянул в переулок. Двое, нахлобучив шляпы, скользнули в дождливую мглу.

Это было в конце мая 1918 г.

Лантенак не имеет возраста. Лантенак — чужой. Лантенак призывает иностранцев... Лантенак — враг Родины. Наш поединок с ним может кончиться лишь его или моей смертью.

*Виктор Гюго. Девяносто третий год,
часть 3, глава 7*

ПЕПЕЛ НАД ИСААКИЕМ

Предшественником Мирбаха на посту германского посла в России был Пурталес.

Семилетняя служба в этой должности закончилась для графа Фридриха фон Пурталеса в восьмом часу вечера в субботу 19 июля, а по новому стилю — 1 августа 1914 г.¹ В этот злополучный день, оставив свою коляску у подъезда № 2 здания Главного штаба, он степенно поднялся на третий этаж к министру иностранных дел Сазонову (несколько суток подряд не покидавшему служебный кабинет) и спросил его: будет ли в соответствии с требованием германского ультиматума отменена объявленная в России мобилизация? Сазонов сказал: нет. Тогда граф, косясь на ангела Александровской колонны, вырисовывавшегося в окне, сказал министру, что с настоящего момента Германия находится в состоянии войны с Россией.

Посол положил на стол бумагу с текстом того же заявления и вышел. При этом он проявил феноменальную рассеянность. Им были заготовлены два варианта ноты — и на случай, если ультиматум будет принят, и на случай, если он будет отклонен. Посольский секретарь перепечатал оба текста на одном листе. В 4 часа утра Пурталес позвонил министру и попросил считать действительной «ту ноту, в которой объявляется война»².

Утром следующего дня столица превратилась в арену манифестаций. Вышла на улицы, буйствуя, черная сотня. Ватаги шли вдоль Невского, Садовой и Большой Морской, разбивая витрины, громя магазины и кафе под вывесками с немецкими именами. На Литейном вытащили из трамвая и едва не линчевали германского офицера в штатской одежде: его занесло в Россию в гости, он торопился на Финляндский вокзал, чтобы выбраться домой, — не успел...

К середине того же воскресного дня вперемежку с громилами устремилась на Дворцовую площадь «чистая» публика, среди нее разодетые дамы. На виду у монаршей четы, вышедшей по такому случаю на балкон, разыгралась истерическая демонстрация преданности царю и порицания кайзеру. Под звон колоколов Исаакия, под гул пушек Петропавловской крепости неслись проклятия в адрес потсдамского родича их величеств. Августейшая чета минут десять встревоженно-натянута улыбалась скопи-

щу, павшему перед ней на колени, затем поспешила скрыться в темной глубине покоев.

Несколько дней распространялась по центральным районам столицы волна черносотенного буйства, пока не докатилась до резиденции германского посла Пурталеса. Здесь состоялся один из наиболее эффектных в те дни подвигов скулодробительной братии.

Направляемая невидимой рукой, к вечеру 22 июля сосредоточилась на Исаакиевской площади большая толпа. Многие были вооружены ломami и крючьями. В девятом часу они бросились на штурм посольства, к тому времени, впрочем, уже опустевшего. Привратник Адольф Катнер, оставленный послом для присмотра за домом, выбежал на крышу и там был убит. К часу ночи посольство пылало как факел. Над Исаакием тучей вились дым и пепел. Когда под утро министр внутренних дел Н. А. Маклаков явился на площадь, жандармский полковник Сизов, гарцевавший вдоль гостиницы «Астория», насмешливо доложил:

— Так что, ваше превосходительство, германцы начисто выгореть соизволили.

Американский представитель Вильсон, которому Пурталес, уезжая, передал защиту в Петербурге германских интересов, 23 июля посетил министерство иностранных дел и от имени правительства США заявил протест. Сазонов в присутствии ухмылявшегося Маклакова «выразил сожаление».

Черносотенная пресса смаковала подробности погрома. Что касается германского императора, то уж для него воинственные журналисты не поскупились на бранные эпитеты.

Клубы дыма и пепла, окутавшие тогда Исаакиевскую площадь, уже сливались с удушливой гарью пожара, охватывавшего Европу и весь мир. Бушевать ему предстояло долго. Считая от тех дней, вооруженная борьба России с австро-германским блоком длилась три года и семь месяцев. За 1290 дней сражений, разгравшихся в пространстве между Балтийским и Черным морями, русская армия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести до семи миллионов человек.

Таковы статистические данные послевоенных лет. А отставной военный министр Д. С. Шуваев в 1918 г. приводил цифру потерь 8 млн. Ту же цифру в 1924 г. повторил в своих белоэмигрантских мемуарах В. В. Шульгин.

У С. Струмилина 975 тыс. — это только число погибших. Общую же цифру потерь России он определял во много миллионов жизней, к тому же с оговоркой, что в 1920 г. достаточно полных сведений о потерях еще не было.

Более поздний официальный источник говорит, что только убитыми Россия потеряла около 2,5 млн. человек³.

Одним словом, велик и страшен был конечный счет смерти. Однако не в глазах тех, кто открыл его под знаком дебошей и поджогов в радиусе нескольких километров вокруг царского двор-

ца. Приближенным Николая II этот расход крови не казался слишком большим. Не настолько, во всяком случае, большим, чтобы в минуту личной опасности они постеснялись обратиться за поддержкой и сочувствием к тем самым заклятым врагам, которых в августе четырнадцатого отчаянно поносили.

Эти господа в 1918 г., когда взрывными волнами революции их повышибало из петроградских гнезд и разбросало во все стороны, а своего обожаемого монарха они увидели за екатеринбургским частоколом, воззвали о помощи и спасении к тому самому кайзеру Вильгельму, во имя сокрушения которого они залили пол-Европы русской кровью.

Они — это включая и обожаемого монарха. Ибо всего лишь за полгода до заключения в Ипатьевский дом в Екатеринбурге Николая Романова его бывший военный министр Д. С. Шуваев, представ в Петрограде перед Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, на вопрос следователя: знал ли царь о чудовищных потерях армии и насколько это его волновало? — ответил: — Знал, но волновало мало.

Дальнейший диалог:

Председательствующий. Зачем же он взял на себя верховное командование?

Шуваев. Я ему подчеркивал: «Ваше величество, — говорю, — вы не можете отвечать, вы бог земли русской. Не могу я прятаться за ваше имя, и никто из министров не должен этого делать. Мы можем отвечать и должны отвечать, а вы, ваше величество, выше этого стоите... Как чуть что-нибудь: это — высочайшее повеление... Хорошо ли так?»

Председательствующий. Скажите, вот эти беседы... они касались военных вопросов или политических?

Шуваев. Всяких... Я прямо ему говорил: «Нельзя идти против течения... Надо идти не за событиями, а впереди событий, предупреждать их...» Я постоянно подчеркивал ему необходимость снять с себя это бремя, которое он фактически не мог нести.

Председательствующий. И что же... он?

Шуваев. Он поблагодарил меня... и выгнал.

Председательствующий. То есть как так?

Шуваев. Он назначил на мое место генерала Беляева.

Председательствующий. За что же?

Шуваев. Я понял, что просто надоел ему своими советами и замечаниями⁴.

НАДЕЖДА НА ПОТСДАМСКОГО КУЗЕНА

С призывом к воюющим державам о прекращении мировой войны Советская Россия выступила тотчас после провозглашения в актовом зале Смольного новой, рабоче-крестьянской власти. Державы Антанты к этой мирной инициативе не присоединились. 26 ноября русские парламентарии установили первые контакты с противником, согласившимся вступить в переговоры о заключении перемирия.

В ходе этих переговоров в декабре прибыла в Петроград германская миссия, возглавляемая графом Вильгельмом фон Мирбахом (с 1915 по 1917 г. посол в Греции, затем некоторое время представитель берлинского МИДа в оккупированной Румынии).

С разрешения Смольного миссия разместилась в уцелевших комнатах бывшего посольского здания у Исаакя, которое в августе 1914 г. разгромили монархисты. А вскоре новоприбывшие дипломаты кайзера узрели бывших шефов и вдохновителей громил. Через те самые ворота, которые в августе четырнадцатого рухнули под напором черной сотни, теперь крадучись пробирались к немецким гостям Нейдгардт, Трепов, Гурко и Бенкендорф. Предстали перед Мирбахом и его помощником, адмиралом Кейзерлингом, с поклонами. Теперь они уже не вопили, не сквернословили и не размахивали дубинами, а смиренно сетовали на подвох судьбы. Во-первых, по их словам, они горько раскаивались в том, что в свое время не уклонились от столкновения с рейхом. Во-вторых, им очень не по душе Советская власть. В-третьих, и это сейчас главное, что привело их к его превосходительству, они просят и умоляют Германию заступиться перед большевиками за свергнутого, изгнанного и ныне томящегося в сибирской неволе монарха.

Мирбах пообещал обо всем доложить в Берлин. Его донесение о визите группы Нейдгардта — Бенкендорфа — Трепова было первой официальной информацией о злоключениях «русского кузена», полученной Вильгельмом II по каналам собственной службы. По свидетельству приближенных, его первым движением было дать директиву канцлеру Бетман-Гольвегу: «Разработать меры по эвентуальному оказанию помощи и спасению».

И дело здесь было не только в родственных чувствах, в близости автократической системы, потерпевшей в России крушение. В судьбе своей петербургской родни Гогенцоллерны с тайным ужасом учуяли предзнаменование собственного конца.

С заключением (3 марта 1918 г.) мирного договора в Брест-Литовске, с появлением (в апреле) в Москве германского посольства во главе с тем же Мирбахом узел его контактов с подпольной группой Нейдгардта — Бенкендорфа — Трепова перемещается в дом № 7 по Денежному переулку (ныне улица Веснина). Потянулась далее цепь заговора, звеном которой и была описанная в прологе встреча четырех.

Долгие годы апологеты старого рейха отрицали, что такой заговор был. И сегодня в ФРГ кое-кто заверяет, что никаких связей с монархическим подпольем у Мирбаха в России не было, никаких шагов в пользу свергнутого царя он не предпринимал, не хотел даже соприкосновения с делом защиты Романовых как «не имеющим никакого отношения к интересам Германии»⁵. Принимать бывших царедворцев посол якобы отказывался, от разговоров с ними уклонялся, помощи не обещал и не оказывал. Если же им иногда удавалось вручить послу письменное представление на сей предмет, он «отказывался препроводить его выше». Одним словом, «Германия в этом деле занимала позицию сдержанности, отчужденности и полного невмешательства».

Каково было «полное невмешательство», рассказали в свое

время сами герои эпизода. Например, Нейдгардт, по воспоминаниям которого воспроизведена здесь майская восемнадцатого года встреча четырех. Или Мирбах, посольские донесения которого в некоторых своих образчиках проникли на страницы западной прессы. Среди них обращают на себя внимание две депеши: а) отправленная в Берлин 13 июня, через две недели после описанной встречи в Денежном переулке; б) посланная туда же 20 июня, за две недели до убийства посла⁶. Кратко, но выразительно докладывает Мирбах своему шефу Рихарду фон Кюльману о возрастающей активности в Москве и Петрограде подпольного блока монархистов и либеральных политиков, землевладельцев и промышленников. Его, посла, тайно осаждают «многие известные лица», «многие колеблющиеся фигуры», «носители старых имен или высоких званий, владельцы крупных фирм и собственники латифундий»; люди эти, доносил посол начальству, «ежедневно и всячески подчеркивая свое дружеское расположение к Германии», хотят с ее помощью освободить царя. Но не только. Есть у них не менее существенный пункт: «Они являются к нам просителями также для того, чтобы вымолить помощь в борьбе против большевиков...»

Какое же отношение к «мольбам» рекомендует начальству посол? Во всяком случае, не безразличие. «При всем своеобразии положения, — пишет он 20 июня, — следующее представляется мне первым велением момента: мы должны предотвратить объединение противников агонизирующей большевистской системы с руководством Антанты... Поэтому я считаю, что наши ответы на их запросы не должны носить характера абсолютного нет... Мы не должны отвечать им отказом от подобных переговоров, который прозвучал бы вообще как нет...»

Не говорить «нет» означало по существу сказать «да». Этого не могут отрицать и нынешние западные толкователи. Обойдя скромным молчанием промашку кайзеровской дипломатии насчет «агонии большевизма», эти господа поясняют: идея состояла в том, что «большевики должны быть свергнуты, буржуазная Россия должна быть восстановлена, условием же этого восстановления ставилась ревизия Брестского договора в смысле перехода России к курсу полной ориентации на Германию».

Иначе говоря, проект вызволения царя с помощью кайзера была частью более обширного плана — ликвидации Советской власти силой германских штыков, восстановления старой, скорее всего царской России, удел которой — союз с германским империализмом и подчинение германскому контролю. В такой план без особого труда вписывались и царь и наследник, а они тогда были живы, находились почти под рукой, фамилно близкие и хотя бы уже потому наиболее приемлемые. Оставалось только извлечь их из ссылки и вернуть в Зимний дворец. Потому-то «Вильгельм II и привел в действие все рычаги, чтобы спасти семью своего русского кузена»⁷.

Довелось и доктору Курту Рицлеру однажды поделиться некоторыми подробностями своих былых хлопот в Денежном переулке. Рицлер? — наморщит лоб, припоминая, иной современник. — Рицлер... Позвольте, это какой же Рицлер? Не тот ли, который в кайзеровском рейхе совместил функцию дипломата с деятельностью либерально-монархического публициста и философа, под псевдонимом И. И. Рюдорфера опубликовал несколько работ по проблемам мировой политики, на одной из которых в 1915 г. остановил свое внимание В. И. Ленин?

Да, тот самый Курт Рицлер — И. И. Рюдорфер. Прежде чем появиться в Москве, он состоял советником рейхсканцлера Бетман-Гольвега с 1915 по 1917 г., а в канун мировой войны выпустил в Берлине книгу «Основные черты современной мировой политики», которую В. И. Ленин подверг критическому разбору⁸.

Начал этот господин с проповеди космополитизма, с тезиса о божественности рейха, с идеи сотрудничества генералов и правых социал-демократов, а кончил неудавшейся попыткой спасти царя от суда русской революции.

Впрочем, он этим не кончил*. Ко времени смены кайзеровского режима веймарским относится явление Рицлера публике в новом амплуа. Республика не оставила его без работы. Он подвизался в 1920 г. на Вильгельмштрассе в роли ведущего эксперта по восточноевропейским делам. Здесь-то летом 1921 г. и появился некий Н. А. Соколов, русский белоэмигрант. Отрекомендовавшись Рицлеру главным следователем по делу о казни царя, получившим на то полномочия в 1919 г. от «верховного правителя России» Колчака, гость осведомился, не может ли герр доктор сообщить какие-нибудь полезные сведения по исследуемому вопросу.

О да, сказал веймарский эксперт колчаковскому изыскателю, подходящие сведения у него в избытке. Например: как «переживший драму в самом ее центре», он может заверить, что правительство его величества кайзера в 1918 г. через свое посольство в Москве пыталось сделать для уральских заключенных «все возможное и даже невозможное». В подтверждение этого Рицлер извлек из министерских архивов и показал Соколову пачку документов, датированных весенними и летними месяцами 1918 г. Копии нескольких депеш, взятых из переписки между посольством и министерством, Рицлер в сентябре того же года переслал Соколову в Париж, в том числе следующие:

Посольство в Москве. Министерству иностранных дел. Июль 1918 г.

Должно ли быть повторено решительное представление относительно бережного отношения к царице как германской принцессе? Не считаете ли вы, что распространять представление и на цесаревича было бы опасным, так как большевикам, вероятно, известно, что монархисты склонны выставить на первый

* Рицлер пережил и кайзера, и Веймарскую республику, и Гитлера, назначившего ему пенсию в 1935 г. В ФРГ он удостоился личных собеседований с Аденауэром и Штраусом. Умер на своей вилле под Дюссельдорфом в 1955 г. в возрасте 73 лет.

план цесаревича. Недоверие большевиков в отношении германских представлений еще более усилилось вследствие недавних слишком откровенных заявлений генерала Краснова на Дону*.

Рицлер

Министерство иностранных дел. Поверенному в делах в Москве. Июль 1918 г. С представлениями в пользу царской семьи согласен.

Буше

Эти, как и некоторые другие, документы Соколов позднее опубликовал в своей книге, вышедшей в Германии⁹. По содержанию они полностью совпадают с депешей Кюльмана, которую, согласно белоэмигрантским («рейхенгалльским») запискам Нейдгардта, зачитал ему в здании германского посольства в Москве Мирбах. В целом, обобщает Соколов, суть их сводится к тому, что «в 1918 г. русские монархисты вели переговоры с немцами о свержении власти большевиков». А «в рамки этой темы» входил вопрос об освобождении царя, которое и монархический центр, и поднявшие голову на юге России царские генералы «должны были оплатить какими-то услугами берлинским военно-политическим планам — как в центре страны, так и в разгоравшейся вооруженной борьбе на периферии, оккупированной или намечавшейся к оккупации германскими вооруженными силами»¹⁰.

Вполне серьезно, видимо, рассчитывал Мирбах на успех, если, адресуя Советскому правительству угрозы, он параллельно заявляет торг с монархическим подпольем: какой курс возьмут, как будут использованы Романовы, перед которыми, представлялось ему, вот-вот распахнутся двери Ипатьевского дома.

Как засвидетельствовал в свое время Р. Вильтон, непосредственный наблюдатель событий в России (корреспондент английской газеты «Таймс»), сам отпетый монархист и поклонник Романовых, в начале лета 1918 г. «по инициативе и призыву графа Мирбаха» собрались в глубоком подполье в Москве на особое совещание представители ряда крайне правых антисоветских групп. Уполномоченные Берлина поставили здесь на обсуждение «германские предложения о путях восстановления монархии в России». Одно из предложений гласило: сначала восстановить «в правах» царя Николая II; затем вторично провозгласить его отречение, чтобы тем самым продемонстрировать, что первое отречение (от 2 марта 1917 г.) считается не имеющим силы, поскольку оно было «принудительным», «насильственно навязано» революцией; после чего возвести на престол Алексея. Завязался на совещании спор между двумя основными группами участников: «Союзом возрождения» и «Национальным центром». Обе группы хотели монархии, но со следующим различием: первые готовы

* Эта ссылка Рицлера, несомненно, относится к сделанным в Новочеркасске в мае — июне 1918 г. публичным заявлениям П. Н. Краснова о том, что конечной целью «белого движения» является монархическая реставрация в России.

были принять ее из немецких рук, вторые отказывались от всякого «подарка» из Берлина. Немцы, говорит Вильтон, склонялись к выдвигению на первый план юного Алексея — на него, казалось им, легче будет давить, а «националисты» предпочитали брата царя Михаила Александровича, тем более что он уже был однажды провозглашен царем псковским актом отречения Николая¹¹. К окончательному решению участники дискуссии не пришли, согласились «еще немного подождать, когда раскроются двери Ипатьевского дома».

Пока эдакое «невмешательство» набирает темпы в Москве, оно все более явственно и цинично начинает проступать и в Берлине. Описывает его Виктор Александров в своей книге «Конец Романовых», изданной в 1966 г. на английском языке.

В те же летние дни восемнадцатого года, вскоре после вспышки белочешского мятежа, Кюльман приглашает к себе на Вильгельмштрассе советского посла А. А. Иоффе и заявляет ему: германское правительство опасается, что восставший чехословацкий легион захватит Романовых и «злоупотребит» ими в пользу военно-политических целей Антанты. Бывший царь может оказаться провозглашенным верховным главнокомандующим белых армий и в этой роли поможет восстановить на востоке антигерманский фронт в тот самый момент, когда «кайзеровская армия готовится к решающему удару по западным союзникам в Шампани». Германское правительство предупреждает: если советские власти не предотвратят такого поворота, оно двигает свои вооруженные силы на Оршу и Псков с последующей целью осадить и взять Москву. На ближайшей же стадии оно перейдет к прямой поддержке контролирующего Донскую область атамана П. Н. Краснова и откроет ему путь на Волгу, в глубь страны.

Кюльман страшает с Вильгельмштрассе. Военный атташе в Москве вторит ему из Денежного переулка. Заявившись в Народный комиссариат по военным и морским делам, он со своей стороны предупреждает, что «в случае неблагоприятного для Германии оборота событий вокруг Екатеринбурга» главное командование оккупационных войск на Украине и в районе Ростова-на-Дону двинет свои силы в направлении на Царицын, чтобы утвердиться «на обоих берегах великой реки». Не исключается, подчеркнул атташе, в крайнем случае и расторжение Брестского мирного договора с последующим германским наступлением на Москву и Петроград. Посему: кардинальным решением была бы передача Николая II и его семьи в распоряжение германских войск, что в корне исключило бы недоразумения и дискуссии на эту тему.

Советская сторона отклонила эти угрозы. Тогда предпринимается новый шаг — очередной, так сказать, акт «невмешательства», на сей раз из Дармштадта, родины бывшей царицы Александры Федоровны. Ее брат Эрнст Людвиг (Эрни), великий герцог Гессенский, обращается в советское посольство в Берлине с предложением: он может оказать России добрые услуги посред-

ника в назревающем конфликте с Германией. Услуги такие: а) он берется предотвратить германское наступление в России и неминуемую в таком случае, по его мнению, оккупацию всей страны; б) он берется добиться от имперского правительства сокращения или даже, может быть, аннулирования возложенной Брестским трактатом на Советскую Россию военной контрибуции в сумме 300 миллионов золотых рублей. Цена обеих услуг: освобождение и отправка в Германию царской семьи. Телефонный запрос Эрнста из Дармштадта: намерена ли советская сторона вступить в подобное обсуждение? Оказывается, нет. Не намерена¹².

К началу июля берлинские домогательства в пользу Романовых становятся все более грубыми и вызывающими. Даже покушение на Мирбаха кайзер использует для маневра в пользу царской семьи. Выдвинув после 6 июля провокационное требование о допуске в Москву немецкого батальона, якобы для охраны посольства¹³, Берлин в дальнейшем заявил о готовности снять это требование в обмен на разрешение царской семье выехать в Германию.

Но навязать советским властям торг вокруг Романовых ни Ризеру, ни другим германским уполномоченным не удалось. Несмотря на всю опасность положения, молодая республика, штурмуемая со всех сторон врагами, дала отпор кайзеровским притязаниям, отклонив как требование о допуске в Москву немецкого батальона, так и вмешательство в пользу царя. Серия атак на суверенитет Советской России кончилась для германской дипломатии ничем.

А сами Романовы уповали главным образом на спасительную помощь потсдамского кузена. Из своего сибирского (а потом уральского) далека они напряженно следят за движением инспирируемых из Германии сил, которые, как им мерещится, возвратят им свободу, а может быть, и власть. До последней минуты финала не покидают их надежда, что они еще попадут — пусть и при мало приятном германском содействии — в Зимний или Кремль. Удалось же когда-то Бурбонам вернуться в обозе иноземцев в Тюильри. Почему бы и им, Романовым, не добраться до своих дворцов с помощью интервенционистских и белых армий? Этой надеждой полнятся их письма и дневниковые записи тех недель и месяцев — и тобольских, и екатеринбургских. Чайанием и убеждением, что «все это скоро кончится», что «раньше или позже все это разветается», «минует», «пройдет».

Царь и царица уверены, что «Германия хочет дать им возможность возвратиться на трон» — при условии, правда, что они согласятся «вступить в союз с ней, порвав с западными союзниками». Все чаще в семейном кругу вместе с ближайшими сопровождающими — Жильяром, Татишевым, Долгоруковым — сходятся «во мнении, что будут отправлены в какой-нибудь из прифронтовых городов, где и состоится их передача германским войскам». Называются на этих совещаниях и возможные маршруты эвакуа-

ции: на Дон — к Краснову, в Киев — к Скоропадскому, в Прибалтику — к фон дер Гольцу, в Финляндию — к Маннергейму. Долгоруков высказал однажды предположение, что передача состоится в Риге (в то время все еще оккупированной кайзеровскими войсками)¹⁴.

Их интересует, где немцы? Волнует вопрос, где свои? Сиречь: где находятся, куда движутся, не дотянутся ли как-нибудь до них те из «своих» генералов, которые при поддержке германского командования вышли в вооруженный поход под знаменем монархической реставрации и, принятые на довольствие и денежное содержание кайзеровской военщиной, включились в ее карательные рейды по советской земле.

20 марта 1918 г. в письме из Тобольска бывшая императрица Александра Федоровна осведомляется у бывшей своей фрейлины А. А. Вырубовой, прячущейся в какой-то мансарде на Петроградской стороне: «Что немцы, в Петрограде уже или нет?»

«Подумай, — ликует Александра Федоровна в одном из писем к той же А. А. Вырубовой, — газеты пишут, что князь Трубецкой (Володя) соединился с Калединым. Какой молодец!» Несколько позднее — в тот же адрес: «Добрые вести о Каледине и Краснове идут с Дона... Дай бог удачи их святым начинаниям!»¹⁵

КАЙЗЕР НЕ ПОМОГ

«Святость начинаний» — это псевдоним мщения. Степень же святости пропорциональна зверству расправ. Чем кровавее, тем святее.

По такому принципу действовали белые атаманы — первые по времени чемпионы смерти и истязания на оккупированных интервентами советских территориях, люди, безгранично преданные монархии; некоторые из них, еще недавно состоявшие в ближайшем окружении Николая II, открыто или тайно поставили своей целью его (или его сына) возведение на трон. Первые заявки на такую роль сделали Каледин и Краснов, вызвавшие умиление бывшей царицы: два проромановских Лантенака, вознамерившиеся убить русскую революцию длинным кинжальным ударом с белоказачьего Дона.

В то самое время, когда в Петрограде Нейдгардт и его компаньоны ведут с Мирбахом тайные переговоры об освобождении царской семьи, на юге Каледин устанавливает первые связи с германским командованием, с тем чтобы превратить Дон в базу и исходный плацдарм российской контрреволюции. Не случайно именно на Дон бежали из Быхова, где находилась Ставка верховного главнокомандования русской армии, генералы Корнилов, Деникин, Марков, Лукомский, Романовский и другие участники контрреволюционного мятежа августа 1917 г.

За первым раундом последовал второй. Место застрелившегося

А. М. Каледина занял П. Н. Краснов, недавний царский флигель-адъютант. Тот самый командир 3-го конного корпуса Краснов, который в октябре 1917 г. вышел на бой с Красной гвардией у Пулковских высот, потерпел поражение, помог Керенскому в Гатчине переодеться и бежать, а затем вместе со своим начальником штаба Поповым был схвачен и доставлен в Смольный. Под честное слово впредь не поднимать оружия против Советской власти он был отпущен на свободу. Его «слово чести» стоило дешево. Получив 11 мая 1918 г. в Новочеркасске атаманскую булаву, он обратился к Вильгельму II с холопским посланием, в котором просил принять под германский протекторат объявленное им, Красновым, «независимое донское государство», заодно декларировал своей целью «восстановление в правах» Николая II и его сына. Даже октябрист М. В. Родзянко, ознакомившись с текстом этого послания, вознегодовал. Он выкрал копию письма у своего приятеля Богаевского (донского «министра иностранных дел», позднее атамана) и предал его гласности в зарубежной печати.

«Я просил у его императорского величества, — показал П. Н. Краснов на суде в 1947 г., — также содействия в присоединении к возглавленному мной государству городов Таганрога, Камышина, Царицына и ж.-д. станций Лиски и Поворино... усилить мне помощь вооружением... построить на Дону оружейный и патронный заводы... за что обязался предоставить Германии право вывоза с Дона любой сельскохозяйственной и иной продукции и помещения капиталов в донские предприятия...» С теми же просьбами и представлениями посылалась Красновым в Берлин миссия герцога Н. Н. Лейхтенбергского, родственника царя¹⁶.

В летописях проромановских авантюер восемнадцатого года значится также генерал П. П. Скоропадский, из крупнейших помещиков Полтавщины и Черниговщины. В начале века он командир кавалергардского полка (под его началом ходят некоторые из великих князей) и лично близок к царю, в мировую войну командует дивизией и корпусом. После Февраля Скоропадский выступает за самостоятельность Украины. Командующему германскими оккупационными войсками фельдмаршалу Герману фон Эйхгорну Павло Петрович приглянулся с первого взгляда. Почему и был 29 апреля провозглашен гетманом Украины.

Почти тут же он подписывает с Эйхгорном «соглашение» о поставке Германии в течение четырех месяцев 60 млн. пудов зерна. Спустя несколько дней его указом вводятся военно-полевые суды, смертная казнь через расстрел и повешение, порка розгами, плетью и шомполами.

Начинается вакханалия расправ. Страна стонет под пятой германских оккупантов и их гайдамацких прихлебателей.

Едва Павло Петрович управился с самыми неотложными мерами по обеспечению своих берлинских благодетелей украин-

ским хлебом и салом, как внимание его привлекает дом Ипатьева в Екатеринбурге, где сидит за дощатым забором его недавний августейший шеф. С разрешения Эйхгорна гетман садится в поезд, идущий на Берлин. Он направляется к кайзеру ходатаем и челобитчиком за царя.

«Гетман, — поясняет немецкий автор времен нацистского рейха, — со всей силой настойчивости просил и умолял императора Вильгельма о «более энергичном вмешательстве» в это дело...» Кайзер заверил его, что сделает все возможное. Гетман коснулся проблемы «размещения в рейхе царской семьи». И здесь были даны «достаточные заверения». Вскоре по императорской директиве Эйхгорн и Мирбах «пересылают царю в Екатеринбург тайное приглашение о переезде в рейх», добавив, что «советское разрешение на такой переезд, по-видимому, будет получено в ближайшее время»¹⁷.

Явились в Киев в те дни трое: генерал Мосолов, князь Кочубей и принц Лейхтенбергский. Побывали у гетмана и у Эйхгорна. Троица с ходу предлагает — как это ни кажется дерзким — снарядить германо-гайдамацкую диверсионно-спасательную экспедицию прямо в Екатеринбург.

Эйхгорн согласился молча. Гетман — шумно, не скрывая одобрения. Они, свидетельствует лидер троицы, «оказались очень предупредительными. Открыли нам кредиты, пообещали предоставить в наше распоряжение пулеметы, ружья и автомобили».

Составлен план: направить вооруженные пароходы вверх по Волге и Каме, «образовать базу верстах в 60 от Екатеринбурга», а затем пробраться к городу и сильно вооруженным отрядом напасть на Ипатьевский дом. И впрямь: «Мы послали в Екатеринбург разведчиков... Они вошли в сношения с немецкими эмиссарами, тайно пребывавшими в городе, содействием которых необходимо было заручиться...» После чего «я (генерал Мосолов. — М. К.) написал императору Вильгельму письмо, которое передал графу Альвенслебену, причисленному к особе гетмана... В этом письме я просил германского императора заверить государя, что ему и его семье будет дан свободный пропуск и оказан достойный прием... что он во всяком случае не будет считаться военнопленным Германии...»¹⁸.

Пока собирали оружие и людей, пока Альвенслебен консультировался у кайзера, а у Альвенслебена в свою очередь получал консультации германский представитель при гетмане граф Мумм, акция отпала: пришла в Киев весть, что дом Ипатьева пуст и посты вокруг него сняты. И осталось фельдмаршалу и гетману лишь почтить в Софийском соборе своим присутствием панихиду «по убиенному государю императору», каковую церемонию со свойственным ему профессиональным блеском провел архиепископ Антоний Волинский.

Семь с половиной месяцев продержался гетман, так и не осуществив свою мечту — организацию свидания в Киеве Вильгель-

ма II с Николаем II*. А как только оккупанты побежали с охваченной пламенем всенародного восстания Украины, вслед за ними поспешил унести ноги и Скоропадский. Но его шефу Эйхгорну уйти живым с Украины не удалось, рок настиг его раньше: 30 июля 1918 г. он был убит в Киеве.

Названные генералы Николая II в ожидании его возвращения расчищали для него (или для его сына) площадку на юге. Еще один генерал из той же плеяды усердствовал на севере. Незаурядные способности экзекутора Карл Густав Эмиль Маннергейм показал уже в начале гражданской войны, развязанной в Финляндии группой Свинхувуда. С помощью подоспевшего с десантными силами немецкого генерала Рюдигера фон дер Гольца** Маннергейм организует обширный и жестокий карательный рейд для подавления рабочего класса и Красной гвардии. Во имя чего — это определится через несколько месяцев, когда Финляндию объявят монархией, а претендентом на несуществующую корону будет выдвинут принц Фридрих Карл Гессенский, ближайший родственник Алисы Гессенской, последней русской царицы.

Мрачный шабаш, разыгравшийся на подконтрольных германским оккупантам территориях от Гельсингфорса до Киева и Новочеркасска, имел своего режиссера. Им был 49-летний генерал Макс Гофман: при японцах в Маньчжурии в 1904 г. — представитель берлинского генштаба, в России позднее — частый гость, приятель Маннергейма и Скоропадского; в годы мировой войны — начальник оперативного отдела штаба 8-й армии (действовавшей в Восточной Пруссии), преемник Людендорфа в должности начальника штаба Восточного фронта. Гофмана кайзер включил в делегацию, ехавшую в Брест-Литовск. Здесь-то он и обнаружил себя едва ли не как самый яростный сторонник курса на аннексии и контрибуции. Именно Гофманом была разработана реализованная в Бресте схема аннексий, согласно которой отторгались от Советского государства и превращались в протектораты германского империализма Украина, Белоруссия, Латвия, Эстония, Грузия — в общей сложности 1 млн. кв. км территории с населением 46 млн. человек. По настоянию Гофмана же был навязан Советской России так называемый дополнительный протокол от 27 августа 1918 г., согласно которому она должна была выплатить Германии в различных формах контрибуцию на сумму 6 млрд. марок (2,5 млрд. руб.).

* Надежду на «свидание и примирение их величеств» (царя и кайзера), чему Скоропадский рад был бы способствовать в меру сил, он высказал в интервью центральноевропейской прессе в августе 1918 г.

** В годы Веймарской республики фон дер Гольц примкнул к нацистам. С 1924 г. был председателем «объединения отечественных союзов» — первой военизированной формации фашистского толка. Свои похождения 1918—1919 гг. описал в книге «Meine Sendung in Finnland und Baltikum», изданной в Германии в 1920 г.

После того как рейх рухнул, у Гофмана хватило наглости предложить державам Антанты свои услуги по подавлению русской революции путем возобновления германского вооруженного похода на Восток. Кое-кому в Лондоне и Вашингтоне идея пришлась по вкусу. Народы Запада все же не позволили сыграть столь циничную шутку. Контракт с Вильсоном и Черчиллем у Гофмана не состоялся. Но что с идеей его найма не так-то легко на Западе расстались и что сутью его проекта было расчленение России, превращение ее в некую сателлитную, усеченную «Восточную империю» под эгидой ставленника из династии Романовых — это обстоятельство вновь подтвердил на основе поднятых в ФРГ документов западногерманский исследователь Жак Отто Грецер в статье к 50-летию Брестского договора. Гофман, по мнению этого автора, выступал тогда «подлинным выразителем экспансионистских вожделений центральных держав»; Гофманом был пущен в ход в Бресте тезис о «самоопределении», и лишь для того, чтобы «под его прикрытием осуществить ампутацию русских территорий». То были, пишет Грецер, «военные цели, зародыш которых через одно поколение лег в основу гитлеровской политики завоевания пространства на Востоке»¹⁹.

Заметим, что о «самоопределении» неонацистские и демокристианские проповедники реванша и территориальных захватов любят поговорить в ФРГ и сегодня. Как, впрочем, и о «рыцарском облике» творца брестского диктата... Далека же он был не то что от рыцарства, а от простейшей чистоплотности как небо от земли*.

Но не подоспели на спасение бывшие в свите его императорского величества генерал-адъютанты, с юга и востока огнем и плетью прокладывавшие себе извилистый путь к бывшему монарху; не удалась и дипломатическая операция «Русский кузен», предпринятая кузеном потсдамским. Она провалилась потому, что Советская власть даже в тех трудных условиях не дала запугать себя, не уступила шантажу, сознавая опасность послабления в вопросе о судьбе Романовых. В результате ни дипломаты, ни генералы, понукаемые кайзером или Антантой, не смогли предотвратить екатеринбургский финал.

А вскоре пришлось туго и некоторым из заступников. К осени 1918 г. ураганные вихри, поднявшиеся из глубин русской революции, докатились и до цитадели германского империализма; зашатались и в несколько дней рухнули ее стены.

9 ноября монархия в Германии была свергнута.

13 ноября ВЦИК РСФСР объявил Брестский договор аннулированным в целом и по каждому из его пунктов. Сбылось предвидение Ленина: брестский диктат уже через восемь месяцев пал

* В Веймарской республике Гофман оказался замешанным в уголовной афере — фальсификации советских червонцев. Умер в ходе следствия в 1927 г. Оставил книгу, полную антисоветских, антирусских передержек и инсинуаций.

под соединенными ударами российского и германского рабочего класса.

Свергнутый кайзер не стал медлить с бегством и уже на второй день очутился на границе. Не прояви Вильгельм такого проворства, он, похоже, получил бы свой Екатеринбург. В голландском имении Доорн он пережил Николая на 23 года. На досуге занялся сочинением мемуаров, пытаясь смыть с себя клеймо поджигателя мировой войны.

На основании 232-го параграфа Версальского договора Вильгельм подлежал выдаче Антанте для предания суду. Но Голландия отказалась его выдать.

Под конец жизни экс-кайзер сподобился увидеть одного из своих сыновей на нацистской службе в форме штурмовика, затем успел поздравить Гитлера с первоначальными успехами тотального блицкрига. Умер в Доорне 4 июня 1941 г., не дотянув трех недель до дня, когда мог бы увидеть, как его бывший ефрейтор возобновляет на востоке его, кайзера, первоавгустовский *danse macabre* (пляска смерти).

Дубликату повезло еще меньше, чем оригиналу. У ефрейтора и Доорна не получилось. Ефрейтор финишировал в яме, облитый керосином.

Ко времени своего перемещения в дом Ипатьева, говорят сегодняшние духовные наследники кайзеровского империализма, Романовы политически окончательно «девальвировались» и ввиду этого никакого интереса не представляли. Поэтому, дескать, и германской политике ни к чему было ими заниматься. В целесообразность их возвращения якобы не верили ни за рубежом, ни в России, даже сами монархисты.

Что и говорить, Николай даже в глазах некоторых крайне правых был фигурой одиозной. Он, с их точки зрения, запятнал себя неудачами, уронил псковским отречением. История, однако, уже видела случаи, когда и самая неблагоприятная репутация не мешала низвергнутому тирану вернуться в обозе контрреволюции и интервенции и вновь вскарабкаться на престол. К тому же для черных сил реакции свет не сошелся клином на бывшем царе. В частности, по одному из вариантов немцы полагали: даже если им не удастся спасти Николая и он будет расстрелян, все равно надо заполучить царскую семью, т. е. Александру Федоровну с Алексеем; сын раньше или позже будет провозглашен царем, а его мать станет при нем регентом — ведь вынашивались же ею еще до 1917 г. в Петрограде планы захвата власти и повторения карьеры Екатерины II. Вот почему над настроениями Александры Федоровны в Тобольске и Екатеринбурге довлела «страстная мечта», «всепоглощающая надежда»: доставить сына в какое-либо безопасное укрытие, лучше всего в немецкий фатерланд, и выждать момента, когда можно будет провозгласить Алексея царем. Она же за его спиной вновь встанет к рычагам власти²⁰.

Несомненно, именно этим расчетом в какой-то степени и подтал-

кивались шаги Берлина в пользу Романовых весной и летом восемнадцатого года. Кое-кому хотелось бы сие затушевать. Подметил такую особенность еще тогда же тот же Вильтон. Он не может не признать, что у Кюльмана и Гофмана симпатии к царизму и Романовым без труда совместились с планами расчленения России, а обида на царя за участие в борьбе Антанты против Германии — с желанием спасти ему жизнь. Они отрицают? Что ж, «их доводы страдают одним недостатком: желая доказать слишком многое, они не доказывают ничего... Правда очевидна: Гофман и компания попросту пытаются отречься от неудавшегося предприятия»²¹.

ОГНЕМ И ПЛЕТЬЮ

В этом случае черносотенцу из лондонской газеты придется отдать должное. Верно. Кайзер хотел выручить Романовых. Это не значит, однако, что он единственный задался такой целью, пойдя на грубое вмешательство во внутреннее дело России.

Ниже будет показано, как на второй день после отречения Николая захлопотали вокруг его особы недавние западные союзники, правительства держав Антанты.

Фактическим продолжением их проромановских происков было пособничество мятежам Корнилова и Дутова; позднее — ставка на Алексева, Деникина и Колчака. Делом рук антантовских лидеров был и развязанный в России весной 1918 г. мятеж чехословацкого корпуса. Штыками пытались пробиться к заключенному в Ипатьевском доме царю Гайда, Чечек и Спровы — исполнители прямых приказов Т. Г. Масарика, еще до русской революции известного своими тесными связями и тайными сделками как с ведущими политиками в Лондоне, Париже и Вашингтоне, так и в Петрограде с Николаем II. Об этих связях имеется немало свидетельств²².

Как было установлено, поставки легиону оружия, боеприпасов, средств связи и других военных материалов обеспечивали (наряду с другими) концерны «Ремингтон армс» и «Метэллик кэтрридж юнион», оплачивал же выполнение ими заказов нью-йоркский «Нэшнл сити бэнк». А роль «брокера», т. е. посредника между этими корпорациями и легионом, играл тот же «профессор Масарик, как раз в то время готовившийся въехать в ореоле освободителя в пражские Градчаны». Он-то «и был тем человеком, который, с одной стороны, осуществлял дистанционное управление корпусом в России, а с другой стороны, обещал союзникам освободить и передать им бывшего царя». Цепочка взаимосвязей: за предводителями легиона стоит Масарик; за Масариком — торговцы оружием из «Ремингтон армс» и толстосумы из «Нэшнл сити бэнк»; за этими же и подобными им монополистическими объединениями — вся правящая реакционная олигархия Запада, включая ее дельцов, министров и генералов, всех

тех, кому не жаль миллионных долларовых затрат на белочехов «в обмен на обещанное Масариком освобождение царя»²³.

На юге из первых атаманских мятежей, сомкнувшихся с интервенцией, выйдет позднее деникинщина.

На востоке из первых атаманских мятежей, сомкнувшихся с интервенцией, возникнет позже колчаковщина.

И омский «правитель», и его новочеркасский напарник из двух разных направлений выйдут в свои походы на Москву, тая одну цель: провозглашение в Успенском соборе в Кремле восстановления власти царя.

Но в Ипатьевском доме искать его уже не будут.

Дом к этому времени будет пуст. Останется их следователям и гробокопателям лишь подбирать данные для процесса о царевубийстве, который они рассчитывали со временем организовать, да еще отвечать низкопоклонническими рапортчиками на запросы антантовских правительств: куда все-таки девался их русский коронованный союзник, вкупе с ними 19 июля (1 августа) 1914 г. вступивший в войну?*

В первой же половине восемнадцатого года рвутся туда, к дому Ипатьева, на спасение царя всевозможные местных калибров хорунжие, есаулы и атаманы, на поддержку которых пока еще только рассчитывают Колчак и Деникин, приступив — один на востоке, другой на юге — к собиранию своих армий.

Не всегда отчетливо просматривается, на какую из двух зарубежных касс сориентировался очередной царский спаситель — кайзеровскую или антантовскую. Нередко — на ту и другую вместе. Ухитрился же оренбургский атаман Дутов получить крупные субсидии из двух противоборствовавших лагерей: в Вологде полтора миллиона франков от французского посла Нуланса, в Киеве от кайзеровского военного агента полковника Альвенслебена **.

Все же можно сказать: на юге они в те месяцы больше ориентировались на даяния кайзеровские, на востоке — на патронат антантовский и японский. Так они и действовали, лавируя и промышляя между двумя противоборствующими коалициями, точнее, между двумя системами иностранных разведок и интендантско-снабжениеческих служб.

* Часть этой документации была захвачена в Сибири Красной Армией при разгроме колчаковщины и хранится в советских архивах. Приведем образчик такой рапортички:

«11 февраля 1919 г. № 322. Омск. Управляющему делами Министерства иностранных дел Г. Г. Тельбергу. Милостивый государь Генрих Густавович! Выясняется необходимость сообщить материалы по делу об убийстве царя не только английскому высокому комиссару сэру Эллиоту, но и заместителю французского высокого комиссара г-ну Мартелю. Последний передаст их шифром в Париж, Вашингтон и Лондон. Подпись: Сукин, следователь» (ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 2, д. 36).

** Сообщено автору данной книги В. В. Шульгиным в августе 1975 г. во Владимире. Шульгину рассказал о германских субсидиях атаманам сам Альвенслебен, с которым он познакомился в оккупированном Киеве в 1918 г.

В то время, когда генерал А. И. Деникин, бывший командующий Юго-Западным фронтом, тайком пробирался на Дон в вагоне, набитом солдатами, ежеминутно рискуя быть опознанным, в заношенной шинели с чужого плеча и с фальшивыми польскими документами в кармане, там, на юге, уже прокладывали ему дорогу в историю его предшественники и приспешники Каледин и Краснов, Богаевский и Шкуро.

В то время, когда адмирал А. В. Колчак, бывший командующий Черноморским флотом, явился в Харбин и, заняв должность члена правления Китайско-Восточной железной дороги, приступил к организации вооруженных отрядов для борьбы с Советской властью, — уже тогда рядом с ним встает мрачная плеяда его предшественников и подручных, тех, кто впоследствии проложил ему, Александру Васильевичу, путь к карьере омского калифа на час; и первыми среди них были А. И. Дутов, Г. М. Семенов, М. К. Дитерихс, В. О. Каппель, К. К. Унгерн-Штернберг.

За этими пятью стоял «Михайловский кружок» — тогдашний главный (скрытый) идеологический центр монархизма в Сибири и на Дальнем Востоке. Из его духовных недр вышли не только эти пятеро. Не только их он подталкивал и вдохновлял. Поддержке «Михайловского кружка», разветвленного и состоятельного, сильного своими фондами и влиянием, своими связями в Лондоне и Париже, в немалой доле был обязан своей карьерой омского диктатора сам Колчак. Уже в январе 1918 г. особым секретным циркуляром, написанным В. О. Каппелем, руководство кружка благословило своих членов на подвиг спасения царской семьи как одну из главных задач момента. Тем же циркуляром был подчеркнут и «принцип беспощадности» действий, направленных к этой цели: сигнал к кампании безудержных расправ, длившейся в Сибири и на Дальнем Востоке несколько лет²⁴.

Как заплечных дел мастера выделяются Дутов и Семенов.

То и дело вступает в пререкания с Колчаком Семенов, но тоже до конца идет вместе с ним. Этот выходец из кулацкого гнезда в Забайкалье в Февральские дни в Петрограде впервые выпустил бандитские когти: замыслил с группой приспешников-юнкеров захватить Таврический дворец, перестрелять Петроградский Совет и объявить аннулированным отречение царя, как «вынужденное силой». Эсеровский подполковник Муравьев, которому Семенов неосторожно доверился, рассказал все Керенскому. Тот поспешил спровадить чересчур предпримчивого есаула в Забайкалье с командировочным заданием: сформировать для защиты «февральской демократии» бурят-монгольский воинский отряд. Этим и занимался до поздней осени есаул, обратясь тем временем в забайкальского атамана, пока не услышал, что провозглашена в Петрограде и быстро распространяется по России Советская власть. Он бежит с отрядом в Маньчжурию. Оттуда под монархическими лозунгами совершает одну за другой вооруженные вылазки на советскую землю.

29 января 1918 г., перейдя границу, Семенов врывается на станцию Маньчжурия и учиняет здесь дикую расправу. Его вызывает к телефону представитель Читинского Совета. Разговор состоялся такой:

— Атаман Семенов, что произошло у вас там, на станции Маньчжурия?

— Ничего особенного. Все успокоилось. Ваши красногвардейцы мне больше не мешают.

— Как это понять? Вы их расстреляли?

— Нет. Я их не расстрелял. Я дорожу патронами. Я их всех перевешал.

И приказал начальнику станции отправить на Читу платформу с трупами повешенных.

Его жестокость исключительна. Его зверства невероятны. Расправы огульны, слепы, бессмысленны. На процессе Семенова в Москве в 1946 г. состоялся в зале суда такой диалог:

Прокурор. Расстрелы у вас применялись?

Семенов. Применялись.

Прокурор. Вешали?

Семенов. Расстреливали.

Прокурор. Много расстреливали?

Семенов. Я не могу сейчас сказать... Непосредственно я не всегда присутствовал при казнях.

Прокурор. Много или мало?

Семенов. Да, много.

Прокурор. А другие формы репрессий вы применяли?

Семенов. Сжигали деревни, если население оказывало нам сопротивление²⁵.

Понятие «сопротивления» было у него определенное: отказ пойти с белыми спасать царя. И еще — недовольство конфискациями и реквизициями, т. е. грабежом.

Первоначальная исходная площадка у Семенова и Колчака одна — Харбин. Там снарядились и оттуда вышли они на марш с негласного благословения «Михайловского кружка», на деньги Антанты и японцев. Франки и доллары они получают от западных правительств через дальневосточного агента «Сюртэ женераль» Анри Буржуа (позже этими передачами будут заниматься Жаннен и Нокс, главы миссий при «верховном правителе»). Иены поступают из Токио, от военного министра (позднее премьер-министра и министра иностранных дел) Гиити Танаки, передают их по назначению состоящие при Семенове полковник Курасава и майор Куроки. Щепетильности не было не только по денежной, но и по принципиально-политической части. Семенов выступает за «единую, неделимую Россию», но служит Танаке — поборнику идеи расчленения России и аннексии русского Дальнего Востока, к тому же давнишнему шпиону, промышлявшему в русском тылу²⁶. Семенов выступает за спасение «русской государственности», провозгласил целью своей жизни восстановление в России власти романовской династии, но явно метит в царьки: он умильно принимает обещание Танаки поста-

вить его, Семенова, во главе «буферного государства Дальнего Востока и Восточной Сибири», как только русские земли будут отторгнуты Японией... Об этом он рассказывает в своем автобиографическом сочинении²⁷.

Там же в Харбине подвизался еще один Будберг — Рожер, близкий родственник Алексея Будберга, ходившего как раз в это время вместе с Нейдгардтом в Денежный переулочек бить челом кайзеровскому послу.

Преследовал Рожер Будберг цель вполне конкретную. Поскольку одним из вариантов бегства царской семьи был обходной путь на восток, через Японию, монархические заговорщики передали ему в Харбин поручение: заранее позаботиться о должном приеме здесь царской семьи, заручиться содействием высших японских и китайских властей ее дальнейшему следованию.

Рожера Будберга Романовы знали, и с давних пор. Он был ближайшим помощником вдовствующей императрицы Марии Федоровны в ее филантропических занятиях вплоть до того дня в 1904 г., когда она отправила его в командировку на Дальний Восток в составе особой миссии Красного Креста. Пока он добирался до Харбина, ревизоры выявили в Петербурге какие-то неувязки в кассовой наличности. В пути его догнала телеграфное распоряжение: вернуться для финансового отчета. Будберг почел за благо телеграмму сунуть в мусорную корзину, а темп своего продвижения на восток усилить. Через три года его видят в роли «специалиста по порядку» в дальневосточных тюрьмах — японских и китайских. Он женился на китайке, трансформировался сначала из русского в китайца, потом из китайца в японца. Предисловие к его мемуарам уточняет: «Дни и ночи проводил он на местах казней и зверских убийств». Если при петербургском дворе Рожера Будберга постигла неудача, то при пекинском он, напротив, утешился. За усердие «на местах казней» он дважды награждается орденом Двойного дракона²⁸. Милости богдыхана не помешали Рожеру в 1913 г. принять самое деятельное участие в организации в Харбине и Владивостоке торжеств в честь 300-летия дома Романовых. Он ухитрился вовлечь в эти торжества даже японцев²⁹.

Все шло неплохо, пока не вспыхнула мировая война. Тут плавный ход харбинской карьеры прибалтийского барона нарушила русская контрразведка. Она схватила его как шпиона, служившего разведкам держав германского блока на КВЖД. Тюремщик сам очутился за решеткой.

Пройдя под конвоем по улицам Харбина, Рожер Будберг предстал перед следователем ротмистром Бокастовым, из-под пера которого вскоре выходит следующий протокол:

1915 г., октября 18 дня.

В присутствии прокурора А. Д. Сульжикова обвиняемый показал: Беннингсгаузен-Будберг, Рожер Александрович, 49 лет, барон, приписан к трем дворян-

ским собраниям: Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний. Место рождения: Ковенская губерния, Понемунь, тоже Будберг. Подданство русское, по национальности немец. Женат по китайскому обряду на китайской подданной Ли; имеет дочь 6 лет по имени Джун Дэ-хуа. Мать Александра Будберг, рожд. Анреп-Эльмпт; брат Готтарт живет в Тобольске; сестра Мария Беллони живет в Риме; сестра Цецилия Дистельхорст живет в Дрездене; сестра графиня Антуанетта Рачинская живет в Познани; сестра Александра живет в Америке. Был ли за границей: был в Германии в 1893 г., ездил туда по делам наследства. Моя родная бабушка графиня Цецилия Эльмпт имела замок в Рейнланде, Пруссия; я имею два дома в Харбине.

Обвинен в связях с враждебными России державами. Помогал бежать их военнопленным. Провозил бежавших на своем пароходе по Сунгари³⁰.

Через пять дней прокурор Сульжиков доносит начальству:

В своем собственноручном показании барон Будберг заявил, что он ненавидит и презирает русское правительство и русскую власть, причем он завещает своей дочери Джун Дэ-хуа ненавидеть русских из глубины души так, как ее отец их ненавидит.

Пока Бокастов, Сульжиков и другие канцеляристы развозили бумажную канитель вокруг титулованного харбинского тюремщика-шпиона, царская империя рухнула. Барон, избежав веревки, выбрался на волю и с этого момента переключается с обвинений в ненависти к России на объяснения в любви к павшей династии Романовых. Даже в пору, когда кровавая эпопея монархической контрреволюции подходила к концу, он в своем заявлении на имя председателя правления КВЖД (от 20 апреля 1920 г.) все еще хорохорится: «Я немец... но мои предки уже несколько столетий состоят на службе русских царей»³¹.

У этого своего родственника и остановился Алексей Будберг, когда в начале июня 1918 г. явился в Харбин. Здесь он связывается с Колчаком, начинает прислуживать ему, будущему «верховному правителю», у которого несколько позднее, в Омске, сделал следующую карьеру: 29 марта 1919 г. назначен главным начальником снабжения армии Колчака, затем до октября 1919 г. там же в Омске — «военный министр»³².

А пока Алексей Будберг в Харбине включается в челобитно-спасательные маневры Рожера Будберга перед японскими и китайскими властями. Кое-чего бароны все же добились.

28 июня 1918 г. майор Куроки в Харбине конфиденциально ставит обоих в известность «для дальнейшей передачи поборникам монархической идеи в глубине России»: в Токио заверили, что, «если русскому императору понадобится совершить переезд по японской или контролируемой Японией территории, ему будут оказаны достойные приемы и поддержка». Правда, предприятие не окупилось. Полки Гайды и Чечека, как, впрочем, и действовавшие заодно с ними банды Дутова, Семенова и Колчака, не оправдали вложенные в них манхэттенскими финансистами миллионы. Уже в те дни, замечает американский автор Сидней Харкэйв, «мало кто питал иллюзию насчет того, что Николаю II

удастся получить место для своей могилы рядом со своими предшественниками по трону в соборе Петропавловской крепости»³³.

И все же факт таков, что Романовых одновременно пытались спасти два боровшихся между собой блока — каждый в своих интересах. Природа же их интересов в данном случае была одна: и Вильгельму II, и крайне правым антантовским кругам восстановленная в России монархия представлялась как оружие дальнейшего подчинения и закабаления страны, раздела ее на сферы влияния и (в кайзеровском или японском варианте) территориального расчленения.

2

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ: МИФЫ И БЫЛИ

Мы не боимся никого на свете, кроме бога.

*О. Бисмарк
(Из речи от 6 февраля 1888 г.)*

Вы боитесь всех, только бога вы не боитесь.

*А. М. Горчаков
(Из речи 28 февраля 1888 г.)*

БЬЁРКЕ

Разветвленные родственные узы были у царя и кайзера в ряде стран, в особенности в Англии. Но особенно близкими, временами даже тесными были их фамильные и приятельские контакты между собой. Вместе катались в шарабанах, на автомобилях, верхом. Охотились в Спале, Шварцвальде, Беловежской пушче. С приватного фотоснимка начала века оба весело смотрят в объектив, перепутав свои фуражки, обнявшись, слегка подпирают друг друга. Эта поза была и их политическим идеалом. Обходя по возможности тот факт, что их державы оказались в противоборствующих коалициях, царь и кайзер вдвоем, без свидетелей, не раз предавались грезам о новом священном союзе типа меттерниховского. За бокалом вина умственному взору обоих рисовался личный автократический альянс, устойчивый против превратностей общественного развития, способный в любое время обуздать и даже раздавить всякую крамолу.

Но меттерниховская идея солидарности монархов была не очень-то действенной и в свое время, в начале XIX в. Тем менее она могла обернуться реальностью по прошествии почти столетия.

Непреодолимые течения истории растащили августейших со-родичей в разные стороны, а потом с двух противоположных направлений прибили к 19 июля (1 августа) 1914 г., когда они в последний раз обменялись телеграфными посланиями, все еще именую друг друга Ники и Вилли... В последний раз призвали друг друга «одуматься» и «успокоиться»...

Не пожелали успокоиться ни тот ни другой. Не захотели одуматься ни их генералы, ни дипломаты. Последовал взрыв. Он мог произойти и в другое время, и по другому, не сараевскому поводу: силы, вызвавшие его, были глубинными и неотвратимо действующими; источники их лежали далеко за пределами личной воли двух сородичей.

И все же фамильные связи Романовых и Гогенцоллернов никогда не порывались до конца даже в период острых межгосударственных конфликтов, возникавших из путаницы империали-

стических противоречий; эти связи на какое-то время могли быть лишь ослаблены. Даже после того, как царская Россия окончательно впряглась в колесницу Антанты, при дворце продолжала свою неутомимую работу пронемецкая партия, тем более влиятельная и живучая, что ее патроном выступала царица — бывшая гессенская принцесса, ухитрившаяся за 23 года жизни в России почти не обрусеть.

Эта группа, впоследствии получившая подкрепление в лице Распутина, упорно отстаивала принцип жизненной взаимозависимости двух династий. Пронемецкая партия внушала царю, что лучше всего гарантирует его личные интересы ориентация на единение с рейхом, вступление в некое русско-германское общество взаимного страхования от грозящей революции.

Получалось в известном смысле так, что Романовы, интригуя против своей немецкой родни, в то же время за нее цеплялись; рейх был для них и внешнеполитическим противником, и фамильным якорем спасения; участвуя в антантовских кампаниях против кайзера, Романовы при первых же признаках личной опасности готовы были сомкнуться с ним через головы и своих, и его союзников. Параллельно двум империалистическим блокам, вставшим друг против друга с оружием в руках, действовал негласный русско-германский династический блок, базировавшийся на принципе: один попал в беду — другой выручает.

Потому-то кумиром российской черной сотни наряду с собственным монархом оказался к 1905 г. и Вильгельм II. К нему в трудные минуты обращали свои взоры погромщики как из полицейско-жандармских инстанций, так и из пресловутого «Союза русского народа». Руководство и филиалы последнего (киевский, харьковский, тамбовский, кишиневский, елизаветградский) в 1905—1907 гг. неоднократно обращались к кайзеру с призывами о поддержке, с приветственными посланиями. Рекорд пресмыкательства побила киевская организация СРН, пославшая Вильгельму (за подписью Юзефовича) телеграмму с выражением «беспредельных чувств благоговения и коленопреклонения».

То, что негласный династический блок существовал, подтверждают и западногерманские публицисты, например Себастьян Хаффнер. Он отмечает, что обе династии даже в периоды войн продолжали составлять некую общность частных интересов, все перекрывающее единство монархических кланов перед лицом революции, которая и Романовым, и Гогенцоллернам представлялась смертельным врагом. Этим взаимным тяготением был вызван к жизни тот старинный изысканный царистско-кайзеровский международный клуб, члены которого, даже ведя борьбу между собой, всегда оставляли в своей среде место для известной солидарности.

Если уж быть точным, клуб этот на деле был значительно шире. Среди его негласных, или скрытых, или безмолвных при-

верженцев можно было бы назвать и австрийских Габсбургов, и румынских Гогенцоллернов, и болгарских Кобургов, и сербских Карагеоргиевичей, и испанских Бурбонов, и некоторых других автократических правителей того времени. Но ведущей парой в клубе были, по Хаффнеру, «суверены царскосельский и потсдамский». Для них по давней традиции война была занимательной, почти не связанной с личным риском игрой, которая «велась, так сказать, в соответствии с клубными правилами... Стороны мерились силами и в зависимости от исхода заключали мир: ни одной из них и в голову не приходила мысль о борьбе на полное уничтожение партнера по военно-политическому пасьянсу». Соблюдение клубных правил и было одной из добродетелей в отношениях между Романовыми и их немецкими родственниками на протяжении двух веков. «Нечего уж говорить о том, — пишет Хаффнер, — какое значение для них приобрела идея этой солидарности, когда возникла проблема борьбы против большевизма».

В силу этой «идеи солидарности» Николаю и случалось то и дело обращаться к Вильгельму с просьбами о некоторых личных одолжениях. Так, в 1905 г. через посредство Витте он просил в Берлине займы денег на расходы, связанные с подавлением революции; заодно ставил перед кайзером вопрос о выделении германского экспедиционного корпуса для участия в умирительных рейдах по империи. В один из осенних дней того года он уложил чемоданы, готовясь бежать с семьей из страны. Тогда в Финском заливе, у Петергофа, появился германский эсминец «110», присланный Вильгельмом в распоряжение кузена; а за эминцем, как деликатно сообщала одна из столичных газет, «болталась в заливе целая флотилия нерусского происхождения и службы», и находилась она в русских водах, по выражению газеты «Вечерний Петербург», «до тех самых пор, пока не миновала в ней надобность». Вполне деловой тон внесли в свое сотрудничество в те же годы две охранительно-полицейские службы, агенты которых по принципу челночного движения постоянно сновали по Невскому и по Унтер-ден-Линден.

В Берлине царская охранка с помощью кайзеровских властей создала один из главных опорных пунктов своей диверсионно-сыскальной деятельности на Европейском континенте. Она, как отмечалось в 1917 г. в журнале «Былое», пользовалась поддержкой полицейских ведомств и в других зарубежных странах, но отношение к ней германской полиции было особо «сочувственным и дружеским». С чем бы ни обратились к берлинской жандармерии ее «русские собратья», последние всегда могли быть уверены, что «их просьбы будут выполнены», а если бы и возникли при этом какие-либо «формальные препятствия», президент полиции всегда готов был оказать помощь даже частным образом, конфиденциально. Как он ее оказывал, свидетельствует, например, письмо русского консула в Берлине А. В. Кудрявцева дирек-

тору департамента полиции П. Н. Дурново с уведомлением о полной поддержке шефом кайзеровской полиции фон Маданом «охоты охранного отделения на русских революционеров в Европе»².

Этот и другие документы показывают: кайзеровские власти систематически снабжали Петербург информацией о печатании русской литературы в лейпцигских и мюнхенских типографиях; из месяца в месяц передавали в Париж Л. А. Ратаеву, шефу заграничной агентуры царской охраны, сведения о деятельности в Германии русских революционных групп. Среди особых услуг, оказанных берлинскими шпионами петербургским, значатся в те годы: арест и выдача большевика Камо (Симона Аршаковича Тер-Петросяна); выдача охране ряда других революционеров; спасение от расплаты провокатора Е. Ф. Азефа*. Впрочем, все эти услуги можно было бы считать мелочью в сравнении с некоторыми другими попытками взаимопомощи и взаимовыручки накануне и в ходе первой мировой войны.

Сообразив уже к началу 1915 г., что война не обещает им ничего хорошего, Романовы принялись нащупывать возможность заключения сепаратного мира с Германией. Пока война казалась вариантом старого клубного пасьянса, они вели ее охотно и со спортивным задором. Когда же определились гигантские масштабы и затяжной характер побоища и потянуло гарью под самые окна дворцов, первым движением обеих сторон было возобновление интимных контактов с целью выбраться из переделки подобра-поздорову. Дело оказалось трудное. Выяснилось, что без риска свернуть себе шею царизм не может на полном ходу, внезапно приостановить свой кровавый бег в упряжке с Антантой...

На дальних же подступах к катаклизму вписывается обеими династиями в летописи европейской истории так называемый бьёркский инцидент. Относится он к лету 1905 г., когда Вильгельм, соблазнив Николая обещанием подпереть его покосившийся трон, предложил ему один на один, через головы своих правительств, договориться о священном союзе.

10(23) июля в залив Бьёрке близ Выборга вошли с противоположных сторон две яхты под императорскими штандартами.

* После разоблачения в 1908 г. Азеф скрылся в Германию. Кайзеровская контрразведка снабдила его документами германского подданного на фальшивое имя Курта Майера. Азеф прожил в Берлине девять лет, с помощью германской разведки еще два или три раза нелегально пробираясь в Россию. Умер в берлинской больнице Вегенера в апреле 1918 г.

Беспримерно позорная эпопея провокатора-монстра не мешает бывшим лидерам эсеровской партии до сих пор изображать его в «геронческом» свете, восхвалять его как «борца за революцию». Так славословит Азефа, в частности, его бывший подчиненный в организации, а позднее член контрреволюционного «правительства» в Самаре (Комуч) Зензинов (*Зензинов В. М. Пережитое*. Нью-Йорк, 1953. С. 260).

Кузены встретились для обсуждения обстановки в Европе. Вильгельм перешел на царскую яхту «Полярная звезда».

Два дня (10 и 11 июля) совещались императоры. Потом царь пригласил морского министра адмирала А. А. Бирилева и предложил ему, не читая, контрассигновать договор о русско-германском союзе. Адмирал повиновался.

Время в каюте кузены провели неплохо, но трудились они, как вскоре выяснилось, зря. Труд их пропал даром. Этот договор противоречил всей системе международных связей и обязательств России.

Во-первых, по этому договору Россия обязывалась защищать Германию в случае войны с Францией; но по действовавшему к тому времени союзному договору Россия обязана была защищать Францию в случае войны с Германией.

Во-вторых, кайзер обязался защищать Европейскую Россию от нападения «любой из европейских держав». От какой? Не от Германии же? Может быть, от Франции? Но с ней Россия в союзе. От Австро-Венгрии? Но она состоит в союзе с Германией, следовательно, и так не нападет на союзника своего союзника. От Италии? Она, как и Австро-Венгрия, участник германского (Тройственного) блока. От Англии? Она не может вести против России сухопутную войну.

От Японии? Да, это был источник опасности. Тем более что к тому времени Портсмутский мирный договор еще не был ратифицирован. Но в Бьёрке Вильгельм не взял на себя никаких обязательств перед Россией на Дальнем Востоке, и, следовательно, там Николай мог воевать себе в одиночку сколько угодно.

Весть о бьёркском соглашении вызвала смятение в европейских столицах, включая Петербург. По возвращении из Портсмута С. Ю. Витте между ним и министром иностранных дел В. Н. Ламздорфом происходит разговор.

Ламздорф. Читали ли вы соглашение, заключенное в Бьёрке?

Витте. Нет, не читал.

Ламздорф. Неужели Вильгельм и государь не дали вам его прочесть? *(На пути из США через Германию Витте побывал у кайзера.)*

Витте. Нет, не давали. Да и вы, когда я приехал в Петербург и был у вас ранее, чем явиться к государю, также не дали мне его прочесть.

Ламздорф. Я сам не знал о его существовании... Теперь посмотрите, что за прелесть.

Витте (прочитав документ). Я считаю, что этот договор прямой подвох, не говоря уже о его неэквивалентности. Он бесчестен по отношению к Франции... Разве государю неизвестен наш договор с Францией?

Ламздорф. Как неизвестен! Отлично известен. Государь, может быть, его забыл, а вероятнее всего, не сообразил сути дела в тумане, напущенном Вильгельмом...

Витте. Этот договор необходимо во что бы то ни стало уничтожить.

Премьера заинтересовала роль Бирилева. Он считает, что соглашение недействительно уже хотя бы потому, что оно не контр-

ассигновано министром иностранных дел. Бирилев же здесь ни при чем.

Витте. Адмирал, вы знаете, что вы подписали в Бьёрке?

Бирилев. Нет, не знаю.

Витте. То есть как так не знаете?

Бирилев. Я не отрицаю, что подписал какую-то бумагу, весьма важную.

Витте. Что же в ней заключается?

Бирилев. А вот что в ней заключается, не имею ни малейшего представления. Было же дело так. Призывает меня государь в каюту-кабинет и говорит: «Вы мне верите, Алексей Алексеевич?» После моего ответа он прибавил: «Ну, в таком случае подпишите эту бумагу. Вы видите, она подписана мною и германским императором... Он желает, чтобы ее скрепил и кто-нибудь из моих министров». Тогда я взял и подписал³.

К царю отправляется инициативная группа: Витте, Извольский и великий князь Николай Николаевич. Скопированная с музейной меттерниховской модели дипломатическая конструкция не выдержала первого же испытания на разрыв. Под давлением ассистентов Николай пишет Вильгельму письмо, в котором просит считать бьёркский документ не имеющим силы, пока не присоединится к нему Франция. Тщетно Вильгельм в ответном послании подстрекает Николая против Франции: «Твоя союзница оставляла тебя без поддержки в продолжение всей войны, тогда как Германия помогла тебе всячески... Это налагает на Россию нравственное обязательство также и по отношению к нам: *do, ut des* (даю, чтобы ты дал)...»* (Он явно ставит себе в заслугу, что во время русско-японской войны удержался от искушения напасть на Россию.) Тщетно взывает он к царю: «Ты и я — мы подали друг другу руки и поставили свои подписи перед богом... Что подписано, то подписано»⁴. Николай остался глухим к этим сетованиям. Значение бьёркской грамоты было сведено к нулю.

Какова прочность привязанностей и преклонения! Как зачарованные, не могут современные реваншисты отвести взор от своего кумира, от своего божества. Не того, что сбежал от народного гнева в Голландию, а того, кто четырем годами раньше с балкона своего дворца объявил России войну. Перед их духовным взором он по сегодня, словно живой, стоит с закрученными пиками усами на балконе берлинского дворца, и из его уст вылетают слова, обещающие немецкому народу несметные богатства в результате военных походов.

СКАЖИ, КТО ТВОЙ ДРУГ...

«Будьте спокойны, — вещал однажды Вильгельм, обращаясь к немецкой аудитории, но рассчитывая на слушающих его в Рос-

* Значительная часть писем Вильгельма при неясных обстоятельствах исчезла в 1919 г. из наших архивов. Несколько позднее они были опубликованы за границей. Переписка велась на английском языке, которым пользовались в почтовой связи между собой оба корреспондента. Здесь письма даются в переводе.

сии и Франции, — блага немецкого мира я вам обеспечу. Я и предупреждаю тех, кто осмелится посягнуть на них, блага, что в случае необходимости я преподам им урок, который они будут помнить сто лет». В другой речи — в адрес Франции, не забывшей о потере своих восточных земель (Эльзаса и Лотарингии): «Мы, немцы, заявляем: пусть лучше погибнут все наши 18 корпусов, пусть исчезнут 42 миллиона нашего народа, чем мы отдадим хотя бы частицу завоеванной нами территории». А потом — явно в адрес России: «Я не поколеблюсь сокрушить тех, кто будет мешать мне в осуществлении моих международных планов». Наслушавшись в Берлине таких речей, Шувалов удрученно докладывал в Петербург начальству: «Кайзер при всяком случае подчеркивает свою решимость сломить всякое сопротивление на пути, по которому он наметил вести немецкий народ по внушению промысла божьего»⁵.

Вильгельм базировал свое мирозерцание на трех идеях. Первая: немцы есть избранный богом народ и в силу своих недосыгаемых достоинств призваны господствовать над другими народами; вторая: немцы немцам рознь — благо одних есть благо нации, других надо держать в узде; третья: дабы превосходство тевтонской расы было реализовано практически, господь бог послал ей династию Гогенцоллернов, прежде скромных курфюрстов, ныне великих и непобедимых императоров; он же, повинувшись воле божьей, возглавит движение нации к невиданным в истории высотам.

Но когда кайзер прибыл в Петербург, то своей персоной не явил ничего божественного. Все увидели манерного, фанфаронствующего прусского гусара, имевшего ничуть не больше духовного величия и озарения, чем его русский кузен. Задавались иногда даже вопросом, который из двух превосходит другого по части обскурантизма и тиранических наклонностей. Вызвала в те времена шум карикатура лондонского «Панча», отдавшая первенство по части самодурства кузену потсдамскому*.

Ездили друг к другу в гости и на парады, отмечали семейные юбилеи, обменивались подарками. В гостях приятно щекотали самолюбие друг друга застольными объяснениями в любви, изысканными комплиментами. А расставшись, злословили друг другу вслед, награждали один другого прозвищами, ехидными эпитетами. Мелочная склока между императорами принимала подчас столь нудный и затяжной характер, что встревоженные дипломатические службы были вынуждены вмешиваться в их отношения. Иногда же возникали инциденты скандальные, где помельче, где покрупнее.

Так, примерно с 1906 г. стали в России замечать, что принц

* На этой карикатуре Николай бросает в сторону Вильгельма реплику: «Уж на что я сам держиморда, а поражаюсь, как твои немцы терпят тебя!» (Punch. 1895, 14. XII. P. 278).

Генрих Прусский (брат кайзера) и его жена Ирена (сестра русской царицы), приезжая к родственникам в гости, проявляют непомерное любопытство по части секретных государственных сведений, которые, казалось бы, не должны их интересовать. Бросалось в глаза, что на балах и раутах в среде знати они держатся поближе к военным, главам ведомств, экспертам по специальным вопросам. Складывалось все чаще впечатление, что они не столько гости, сколько эмиссары и соглядатаи. «Я, — вспоминает современник, — впервые подвергся одному из таких странных расспросов в зиму 1909—1910 гг., когда познакомился с этой высокопоставленной четой в Петербурге на балу у графини Е. Н. Клейнмихель... Позднее они еще не раз пытались задавать мне нескромные вопросы при встречах в знатных домах Петербурга в 1913 и 1914 гг., в домах старой московской знати, у сестры Ирены — великой княгини Елизаветы Федоровны в Малом Кремлевском дворце...»

И далее, у того же современника: «Они «удостаивали» меня своего внимания и интереса, несмотря на всю свою чопорность, настойчиво расспрашивая о положении дел в России... Возможно, что всю свою долгую жизнь они посвятили объединению обеих династий, служению интересам той и другой. Но, конечно, в первую очередь — германской. Чем они руководствовались, упорно и последовательно занимаясь собиранием сведений в русской среде? Одним лишь праздным любопытством или осведомительными целями в интересах Германской империи и династии? Для меня нет сомнения — вторым»^{*6}.

Итак, по указаниям кайзера его брат вкупе с сестрой Александры Федоровны шпионят в России, собирая для Берлина сведения из таких источников, какие заурядному шпиону были недоступны.

Постоянно осложняемые выходками Вильгельма, взаимоотношения двух дворов — петербургского и берлинского — были в общем «скорее теплыми, чем горячими», а в периоды политических осложнений становились «скорее прохладными, чем теплыми».

Иногда «милый Вилли» умеет разговаривать с русским царем двумя совершенно разными голосами одновременно: в тембр медоточивый вплетается грубо-угрожающий, что редко кому из внешнеполитических партнеров России позволялось. Так, когда русская эскадра идет вокруг Европы на арену войны с Японией,

* Автор цитируемой рукописи С. С. Онгирский (1886—1975) принадлежал к старинному дворянскому роду. Окончив МГУ по юридическому факультету, служил в министерстве внутренних дел. Был сотрудником министра Н. А. Маклакова и председателя Совета министров П. А. Столыпина. В 1913 г. — курский вице-губернатор. Поддерживал связи с великим князем Дмитрием Павловичем и Ф. Ф. Юсуповым (будущими участниками заговора против Распутина). В 1975 г. прислал рукопись воспоминаний автору этой книги, который передал ее на хранение в Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). В советское время Онгирский трудился на стройках пятилеток, вел научно-педагогическую и инженерно-экономическую работу, написал ряд научных работ.

Вильгельм, используя момент уязвимости Николая, предъявляет ему требование: пусть он обязается защищать Германию в случае ее войны с третьей державой. В подлиннике угрожающая часть послания буквально звучит так:

Берлин, 7. XII (н. ст.). 1904

Милейший Ники!

...Мне необходимо получить от тебя гарантии в том, что ты будешь помогать мне в том случае, если Англия или Япония объявят мне войну...

Если ты не гарантируешь мне, что в случае войны ты будешь честно сражаться плечом к плечу со мной, то я, к сожалению, должен буду немедленно запретить германским пароходам поставлять уголь твоему флоту.

Привет Алисе.

Твой всегда горячо любящий кузен и друг Вилли⁷.

Сущность государственной персоны с торчащими кверху усами распознал раньше других — еще в конце прошлого века — Л. Н. Толстой. Когда, например, князь Г. М. Волконский в 1899 г. прислал в Ясную Поляну свою брошюру о кайзере, приложив записку о трансваальской войне, поджигателем которой называл Вильгельма, Толстой усмотрел слабость брошюры в недостаточном отображении «отталкивающих черт одного из самых отвратительных, если не комических персонажей современной истории». Толстой характеризовал Вильгельма как «ограниченного, малообразованного, тщеславного человека с идеалами прусского юнкера», «славолюбца, снедаемого жадной ошеломляющих триумфов и блистательных феерий». В одной из толстовских легенд на вопрос озабоченного Вельзевула: «Кто ныне заведует грабителями на земле?» — выступает вперед явно смахивающий на Вильгельма дьявол с усами, закрученными кверху:

«Заведующий грабителями».

К своей подстрекательской картине «Желтая опасность» кайзер поставил надпись: «Народы Европы, берегите от желтой опасности ваши священные права».

Толстой эту надпись переиначил: «Народы Европы, берегите от кайзера Вильгельма ваши карманы»⁸.

Но каковы бы ни были зигзаги в отношениях между обоими дворами, какие бы ни происходили подъемы и спады в межфамильных разрывах и идиллии — при всех обстоятельствах кайзер оставался для Романовых кузеном, милым и презабавным Вилли, пусть непутевым и иногда угрожающе ерлашным, но все-таки своим. Настолько своим, что «интимнейшую корреспонденцию» с ним Романовы не прерывали (разумеется, в сугубой тайне) даже в годы первой мировой войны.

ПРИВИДЕНИЯ И МЕДИУМЫ

Преследуй болтуна до порога его лжи — гласит немецкая поговорка.

Вильгельма судьба не раз теснила до этого порога. И когда он был императором, и когда, оправившись от потрясений, проживал в Доорне. Находясь не у дел, скуки ради, отчего же не разложить пасьянс из персонажей истории, с тем чтобы обелить себя, объявить собственную вину перед историей как бы вовсе не существующей.

Договор, заключенный в Бьёрке между мной и Николаем II, заложил основы мирного и дружественного соглашения России с Германией... — раскладывает один из таких пасьянсов Вильгельм в письме к бывшему военному министру В. А. Сухомлинову, — он, однако, не вступил в действие вследствие вмешательства русской дипломатии (Извольский, Сазонов), русских генералов, членов Думы и других деятелей. Мировая война, к которой они стремились, не оправдала их надежд, опрокинула все их планы, и царь, равно как и я, потерял престол. Ужасные последствия, которые навлекло на Россию ее нападение на Германию, и все последующие события показывают, что оба государства найдут свое спасение в будущем, как и сто лет назад, лишь в тесном взаимном единении по восстановлении монархии в обеих странах.

Вильгельм Второй, император и король⁹

Как капля муты может отразить грязевое содержимое водоема, так в приведенном эпистолярном шедевре доорнского беженца отразилась вся ложь и спесь воинствующего германского империализма.

Германский кайзер Вильгельм II, видите ли, не нападал — на него напали. Он не хотел столкновения 19 июля (1 августа) 1914 г. — оно было ему навязано. К мировой войне стремились и надежды на нее возлагали другие, Вильгельм же и его генералы здесь ни при чем. Исход войны «опрокинул планы» других, у него же, кайзера, и опрокидываться было нечему — его генеральный штаб якобы не имел ни планов, ни расчетов. К Николаю у Вильгельма претензий нет: кузена сбили с толку Сазонов, Извольский и антантовские лидеры, в результате чего потеряли престолы «царь, равно как и он». Правда, свое смещение доорнский отшельник считал недействительным — он все еще величал себя королем и императором. Зато Россию постигли «ужасные последствия», под каковыми подразумеваются революция, исчезновение Николая, утверждение Советской власти в пределах бывшей империи. В самом деле, Вильгельму есть чему ужаснуться: с появлением новой, Советской России померкла надежда на осуществление программы «дранг нах остен» — как в ее кайзеровском, так и в последующем, гитлеровском варианте. Но еще не все пропало, утешал бывший кайзер бывшего пособника германской разведки Сухомлинова, совмещавшего одно время шпионаж с должностью российского военного министра: авось еще удастся отбросить мир, включая Россию и Германию, на сто лет назад. Чем дальше отбросить их в прошлое, тем лучше. Бьёркский каютный договор «не вступил в действие» — ничего, даст бог, будет новый царь, и тогда в «тесном взаимном единении» на основе возобновленного фамильного альянса «найдут свое спасение в будущем» стратеги новых походов как «нах остен», так и «нах вестен»...

Этой идее и поклонялись в эмиграции десятилетиями бывшие царские министры, генерал-адъютанты, губернаторы, духовные особы. Били челом Вильгельму и его генералам в 1917—1918 гг., Клемансо, Ллойд-Джорджу и Вильсону в 1919—1920-м. Пресмыкались перед Гитлером и его генералами в 1941—1944-м.

Сухомлинов. С позором и всероссийским скандалом отстранен от должности военного министра 11 июня 1915 г., арестован 21 апреля 1916 г., посидел недолго в Петропавловской крепости и по распоряжению Николая II был освобожден. Летом 1917 г. предстал в Петрограде перед военным судом; 12 сентября приговорен к пожизненной каторге. Бежал в Германию. На вилле в Ванзее (под Берлином) провел последние годы своей жизни. Напоследок успел (с 1923 по 1926 г.) послушать консультантом по восточноевропейским вопросам при главном штабе рейхсвера; помогал группе Секта — Браухича — Фрича отрабатывать планы нападения на Советский Союз.

Колчак. Бросил остатки своей разгромленной армии и, преследуемый красными бойцами и партизанами, укрылся в поезде белочехов, хотел под их прикрытием и вместе с ними уйти из России. Поезд был захвачен красными партизанами, Колчак арестован Иркутским ревкомом, судим. В январе 1920 г. под гул артиллерийской канонады — невдалеке вела бои с отступающими бандами Каппеля Красная Армия — адмирал расстался с жизнью, поставленный (вместе с главой своего «правительства» Пепеляевым) к ледяной проруби на реке.

Скоропадский. Выбравшись из Киева 14 декабря 1918 г. в обозе кайзеровской армии, направился в Баварию. Там тихо-мирно просидел более 23 лет. В 1941 г. написал Гитлеру письмо с предложением услуг, просил разрешения съездить в Киев «с целью в столь сложный момент оказать на месте содействие германской администрации». Фашистский фюрер передал благодарность «за добрые чувства», но услуг «за ненадобностью» не принял. По странному совпадению Скоропадский отдал богу душу 30 апреля 1945 г. — в тот самый день, когда Гитлер в берлинском бункере принял порцию крысиного яда.

Краснов. Случай редкого перевоплощения. Очутившись (после краткой гастроли у Юденича) в Германии, сменил плеть на перо. Выпустил до 30 антисоветских книг, в том числе ряд повестей и романов, среди которых вершинами бездария и пошлости высятся такие его сочинения, как «От двуглавого орла к красному знамени», «Белая свитка», «За чертополохом» и др. Насколько он своими литературными поделками потрафил вкусу Геббельса, видно из того, что в гитлеровской Германии они были размножены общим тиражом свыше 2 млн. экземпляров. Но не эти, а другие художества составили главное занятие белого атамана в канун и во время второй мировой войны.

Он пошел на службу к Альфреду Розенбергу в его министерство восточных областей и там стал главным консультантом по «работе с казачеством». Читал в министерстве доклады как «знаток казацкой души», привлекая слушателей из всех углов гестапо и СД: референтов по расовому вопросу и начальников зондеркоманд; конструкторов газовых печей и поводырей полицейских овчарок; истопников крематориев и мастеров по изготовлению абажуров из человеческой кожи. В ведомстве же Розенберга Краснов написал и два своих коронных литературных «шедевра»: а) послание «моим любимым донским казакам» с призывом «вместе с германскими вооруженными силами разделить счастье борьбы за честь и свободу Тихого Дона»; б) скрепленную подписями Кейтеля и Розенберга «Особую грамоту», коей Дон был провозглашен (10 ноября 1943 г.) военным союзником Гитлера, при этом дал заверение, что после уничтожения СССР его «дорогим казакам» будут возвращены прежние, времен царя, привилегии и собственность, в первую очередь земельная.

Через 25 лет после первого бегства с Дона Краснов в форме генерала вермахта вновь появляется в южных районах СССР. Он выполняет задания генерала Кестринга из управления казачьих войск (с распорядительной властью над Доном, Кубанью и Тереком), доктора Химпеля из министерства восточных областей, а под

конец переходит в непосредственное подчинение к генералу Бергеру в главном штабе войск СС.

Ему под стать на редкость удавшийся в своего дядю племянник **Семен Краснов**, ревностным служением фашистам в карательных операциях в СССР, Франции и Италии дослужившийся до чина генерал-майора вермахта и до трех нацистских орденов. Соответственно оба и кончили: были доставлены в Москву, судимы и получили по заслугам. 17 января 1947 г. «Правда» сообщила, что Военной коллегией Верховного суда СССР оба Краснова в январе 1947 г. осуждены на смертную казнь через повешение; тогда же приговор был приведен в исполнение.

Шкуро. Цирковая джигитовка оказалась не единственным дарованием, проснувшимся в нем в эмиграции. Он выступал антрепренером, подрядчиком на строительстве дорог, играл в рулетку, занимался разведением кур. Пока не набрел (к середине 30-х годов) на гораздо более прибыльное занятие — службу у нацистов. Он быстро вошел у них в фавор, получил под свое командование особый отряд («резерв») в сформированной в 1943 г. эсэсовской дивизии генерала фон Панвица, близкого к Гиммлеру. Дивизию (вскоре преобразованную в корпус) Гиммлер наименовал «казачьей», фон Панвица — «походным атаманом казачьего войска», а для вящего эффекта устроил ему избрание на эту должность на «казачьем съезде» (при том же корпусе), инсценированном Шкуро. С сим титулом, подходившим Панвицу не более чем, по-русски пословице, корове седло, а по немецкой — пожарному лифчик, этот «фон батько», инструктируемый Йодлем и Гиммлером, ходил в карательные рейды по оккупированным районам СССР, Франции, Югославии и Северной Италии, а за ним шакалими стаями увязывались то усташаи Ante Павелича, то четники Драже Михайловича, то донские и кубанские перевертни-предатели. В их авангарде галопировал опьяневший от вновь выпавшего ему счастья покутить и пограбить Андрей Григорьевич Шкуро. Едва он появился на оккупированном советском юге, как поспешил воззвать к населению: «Я, облеченный высоким доверием руководителя СС, громко призываю вас всех, казаки, к оружию и объявляю всеобщий казачий сполох. Поднимайтесь все, в чьих жилах течет казачья кровь... Дружно отзовитесь на мой призыв, и мы все докажем великому фюреру, что мы, казаки, верные ему друзья и в хорошее, и в тяжелое время»¹⁰.

Недавний белоэмигрантский циркач и куровод носился по пятам за своим эсэсовским «фон батькой» под черным знаменем с изображенной в овале головой волка — в знак преемственности и нерушимости нравов «волчьей сотни» времен гражданской войны... Носился и суетился, пока его не остановили: вместе с Панвицем Шкуро очутился в руках советского правосудия. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР оба были повешены (Правда. 1947. 17 янв.).

Семенов. После разгрома белогвардейщины и интервентов на советском Дальнем Востоке интернировался с остатками своей банды в Маньчжурию, помощников вроде Унгерн-Штернберга отправил в Харбин, а сам устроился на жительство в Порт-Артуре. В 30-х годах — с установлением фашистской диктатуры в Германии, в особенности с возникновением оси Берлин — Рим — Токио, — вновь оживает. Судебное дело в Москве содержит подлинник низкопоклоннического письма Семенова от 29 марта 1933 г., в котором он поздравлял Гитлера с приходом к власти. Позднее Семенов приступил на станции Сунгари-II к формированию новых белогвардейских отрядов в предвидении близящегося нападения империалистов на СССР. На деньги японских милитаристов и германских фашистов Семеновым была укомплектована войсковая группа «Асано», на базе которой он в 1943 г. начинает развертывать «русскую» армию в поддержку марионеточного государства Маньчжоу-Го — с танками, мотопехотой, кавалерийскими и казачьими частями. Завербуются в эту армию преимущественно белоэмигранты, обосновавшиеся в Юго-Восточной Азии. В пору «антикоминтерновского пакта» ставка Семенова та же, что и 25 лет назад: на расчленение Советского Союза, на превращение русско-го Дальнего Востока в некое буферное государство, императором которого станет он сам. В Порт-Артуре он забился в щель, полагая, что здесь его не достанут. Искушение дотянулось и до него. По совокупности своих деяний, давних и недавних, он разделит конечную участь других преступников: в августе 1946 г. Г. М. Семенов был судим в Москве и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен.¹¹

Дутов. Тоже бежал за пределы Советской страны, скрылся с остатками банды в Китае. Рассчитывал собраться с силами для нового похода на Советскую Россию, но был убит.

По той же дорожке проделали свой белоэмигрантский путь и некоторые другие бывшие русские люди, писал эмигрант Дмитрий Мейснер. Не все они в годы второй мировой войны «расхаживали в лампадах», не все «гарцевали на резвых скакунах», но «одержимость и жажда мщения не покидали их». Были среди них и сознававшие, что «советский строй пустил глубокие корни, что в нем много органически неустрашимого», но выше их сил было «отказаться от своей сладкой мечты о законном русском царе». Из всего того, что безнадежно ушло в прошлое, они держались за самое отжившее, за самое одиозное. Вот уже поистине трагическая вариация на тему: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман».

После вторжения вермахта в Советский Союз они «подсчитывали километры, отделяющие их от донских степей». Влекомые в бездну алчностью и злобой, «далеко пошли они по одному пути с врагами своей родины», от которой, впрочем, сами отреклись. В угоду гитлеровцам они готовы были отречься от своих имен, от своей тени, от самих себя. «Некоторые из них... — пишет Мейснер, — отрицали самую принадлежность казачества... к русскому народу и извергали на Россию ушаты грязи. Некоторые поповы, стариковы, быкодоровы, колосовы и носители других подобных фамилий вдруг, к всеобщему недоумению и изумлению, оказывались совсем не русскими... Они на чистейшем русском языке, да другого они отродясь и не знали, объясняли, что «Дон и Кубань совсем не Россия и что только «большевистское насилие» держит эти области в ее составе»¹².

Когда-то все эти приверженцы царя из династии Романовых были уверены, что они-то и есть самая соль России. Очутившись же в бегах, они на России, оставшейся без их благородий и его величества, поставили крест.

Не может без грусти вспомнить о них некий г-н Эрих Эдвин Двингер. Без них ему чего-то недостает. Все в Федеративной Республике Германии для него на месте. И неонацисты с факельными шествиями. И Штраус с реваншистскими речами. И бундесвер, наращивающий вооружение. Одного штриха недостает: белоказачьих кавалькад с их предводителями типа Шкуро или Краснова.

Г-н Двингер знает о них не понаслышке. Он пишет, что по долгу бывал в их среде (чем занимаясь — о том умалчивает) и в гражданскую войну, и во вторую мировую и проникся «глубокой симпатией» к ним. Неспроста. «Эти всадники во второй мировой войне сражались на германской стороне в своей традиционной форме и с германским оружием в руках... Лишь знаменитая шашка была выдана каждому из захваченных (вермахтом) советских военных складов». Особенно симпатичен ему Краснов,

по совместительству писатель. Конечно, его сочинения по своим художественным достоинствам не могли сравниться с классическими произведениями Пушкина, Толстого и Салтыкова-Щедрина. Но это с лихвой возмещалось другим качеством: романист был «отличный атаман». И подумайте только, как неделикатно с ним поступили: «его, пребывавшего в Германии эмигрантом, в 1945 г. выдали Советскому Союзу», а в 1947 г. он был казнен.

Еще очаровал когда-то г-на Двингера барон фон Унгерн-Штернберг — «я и этого знал лично». Он был прибалтийского происхождения, «не атаман, а царский кавалерийский офицер». Бывало, барон делился с г-ном Двингером заветными грезами. «Я буду новый Чингисхан, — говаривал он мне. — Я буду действовать, как он». То есть, «когда он вторгнется в собственно Россию... пробудятся потомки Чингисхана... и царство Будды распространится на все пространство от Тихого океана до Польши». Как видим, барон был не без чудачеств. Будда ли, Христос ли — ему все едино. А по известной слабости к поджогам крестьянских хат его можно было бы определить даже как огнепоклонника. Главное для него, чтобы снова объявился на Руси царь, остальное приложится.

Но в знаменитой «битве при Кяхте» красные развеяли по степи воинство полупомешавшегося на мистике барона, и обращение России в царство Будды под скипетром православного царя не состоялось. И даже видов на такую перспективу нет. Исчезла сама основа антисоветской «романтики». К скорби г-на Двингера, «хоть кой-какие атрибуты казачества в Советском Союзе и допущены — на концертах, например, можно видеть станичные группы в традиционных костюмах, — но казачьи свободы аннулированы, казаки стали обыкновенными советскими людьми, романтика их улетучилась...»¹³.

Таковы скорбящие по атаманам. Таковы были и сами атаманы. Таковы были и царские священнослужители...

Бежавшие за границу с остатками белой армии реакционные церковники еще в 1921 г. на своем соборе в югославском городе Сремски Карловци провозгласили себя «ратоборцами» за восстановление монархии в России и развернули серию антисоветских акций. От обращения клерикалов-монархистов к Генуэзской конференции в 1922 г. с призывом к новой интервенции в Россию тянется нить к их льстивому посланию Гитлеру в 1938 г., а далее — к «архиерейскому совещанию» в Вене в 1943 г., участники которого еще раз объявили о своем благословении нацистскому главарю, заклиная его восстановить царизм. После войны эти монархические группы перенесли свой центр из Мюнхена в Нью-Йорк. Из их среды вышли: архиепископ Антоний Женевский, в июле 1968 г. возглавивший в Брюсселе помпезную «юбилейную» церемонию в память о Николае II; архиепископ Иоанн Сан-Франциский (он же князь Шаховской) — бывший духовник фашистско-белогвардейских отрядов в Испании в 1936—1938 гг., бывший

настоятель Владимирской православной церкви в Берлине в 1939—1944 гг., автор публичных славословий Гитлеру в годы войны; бывший царский ротмистр Краббе и протопресвитер Георгий Граббе — организаторы жульнической махинации присвоения в Нью-Йорке в 1963 г. авантюристу Михаилу Голеневскому имени Алексея Романова, сына последнего царя¹⁴.

Из призрачного далека благословляюще простерли над Граббе и Краббе свои длани оба августейших привидения: потсдамское и царскосельское. Особенно первое: такое точно, каким оно само себя запечатлело в письме к В. А. Сухомлинову.

О, святая тень бывшего царя! Она бередила память доорнского беженца в 1926 г. Берedit она воображение западных почитателей покойного Николая II и сегодня.

ВСТУПЛЕНИЕ В ДОЛЖНОСТЬ

Николай Александрович в возрасте 26 лет стал восемнадцатым по счету царем из династии Романовых (от московского ее основания), вслед за чем пробыл у власти 23 года. По иронии истории ему выпало 21 февраля 1913 г. отпраздновать 300-летие династии в самый канун ее краха.

Вопреки мнению некоторых его помощников, затаивших обиду на него, он не был ни единственной, ни главной причиной этого краха. Истинно, однако, и то, что он внес в историю этого краха свой посильный вклад.

Немногие из 17 царей Романовых, занимавших трон до Николая II, умерли более или менее естественной смертью. Отец его — Александр III — умер в сравнительно молодом возрасте (49 лет), то ли от ушибов, полученных при железнодорожной аварии под Харьковом, то ли от нефрита — следствия неумеренных горячительных возлияний. Некоторые особенности характера, унаследованные от отца, — например, самомнение, себялюбие, скудость воображения — усугубили, по словам современника, «притаившуюся в душевных глубинах Николая Александровича жестокость и равнодушие к чужому страданию, столь свойственные роду Романовых вообще»¹. Кое-что досталось ему и от матери, датской принцессы Дагмары: малый рост, стойкая скрытность, способность взирать на предмет ненависти любезными, доброжелательными, иногда почти влюбленными глазами.

Девяти лет от роду престолонаследник приступил к организованному для него обучению на дому. В педагогическую коллегию вошли Н. Х. Бунге, Г. А. Леер, О. Э. Штубендорф, А. В. Пузыревский, Е. Е. Замысловский, Н. Н. Бекетов, Ц. А. Кюи, а также генерал Г. Г. Данилович. Прежде Данилович состоял начальником пехотного военного училища. На каком-то смотру он понравился Александру III и был назначен «заведующим учебными занятиями цесаревича Николая» (при закреплении за К. П. Победоносцевым общего руководства).

Двенадцать лет трудилась эта коллегия над развитием интеллекта и вкусов цесаревича, потом был прибавлен тринадцатый год. Главным был предмет, излагавшийся Победоносцевым: догма о божественном происхождении самодержавия, о неограниченности и неприкосновенности царской власти. Такую установку на воспитание и обучение сына дал Александр III, человек тяжкий

и полуграмотный, о котором императрица по смерти его назидательно говаривала своему первенцу: «И без образования был, и читать был не охотник, а в люди, видишь, вышел».

Первые восемь лет престолонаследник проходил нормальный гимназический курс, если не считать исключения из программы классических языков (латыни и древнегреческого), усиленных занятий английским, французским и немецким, а также занятий по так называемой политической истории. Последние же пять лет были отданы «высшим наукам» с упором на военные: стратегию и тактику, топографию и геодезию. Леер читал ему историю войн, Бекетов преподавал химию, Кюи — фортификацию, Штубендорф — топографию, Бунге — статистику и политическую экономию. Особое место занимал в победоносцевской школе мистер Хит, или, как его называли во дворце, Карл Осипович, фактически не столько преподаватель, сколько гувернер. Он с ранних лет привил своему воспитаннику привычку пользоваться английским языком вместо русского, почему Николаю изъясняться по-английски было сподручнее, чем по-русски, и родная его речь зачастую походила на подстрочный перевод с английского.

По всем предметам профессорам запрещено было задавать вопросы ученику, ему же самому спрашивать не хотелось, поэтому степень усвоения наук так до конца и осталась загадкой. Оставалась еще познавательная практика за пределами класса. Она наследнику нравилась больше и длилась дольше. Несколько лагерных периодов он провел в расположении войск близ столицы (большей частью под Красным Селом): два лета — в Преображенском полку, сначала субалтерн-офицером, затем командиром роты; еще два сезона — в гусарском полку командиром взвода, командиром эскадрона и еще лето — в расположении артиллерийских частей. Пределом достигнутого было командование батальоном в звании полковника.

В довершение образования отец выделил в его распоряжение балтийский крейсер и велел совершить путешествие на Дальний Восток. Много месяцев плыл Николай по морям и океанам, набираясь впечатлений, пока в Японии турне не было прервано покушением на его жизнь.

К осени 1894 г., когда тяжело заболел Александр III, пред миром и Россией предстал его преемник — сильно англизированный молодой человек, на вид скромный до застенчивости, со сдержанно-вежливыми манерами, с беглой английской и несколько натушной русской речью (плюс странный, так называемый гвардейский акцент), с общим уровнем развития гусарского офицера средней руки.

Мнения тех, кто мог приглядеться к Николаю с ближнего расстояния, были различны. Одни говорили: это штык-юнкер. Другие: зауряд-прапорщик. Третьи: новый вариант Павла I. Четвертые: благовоспитанный, но опасный двуличием и самомнением молодой человек.

Министр иностранных дел И. Н. Дурново спросил однажды Витте, какого он мнения о молодом царе. Витте сказал, что, на его взгляд, Николай «совсем неопытный, хотя и неглупый», производит впечатление «весьма воспитанного молодого человека». На это Дурново ответил: «Ошибаетесь вы, Сергей Юльевич, вспомните меня — это будет нечто вроде копии Павла Петровича, но в настоящей современности...» Конечно, замечает мемуарист, Николай II не совсем Павел I, но у него немало черт последнего, а также Александра I: мистицизм, хитрость и коварство... Впрочем, у него нет образования Александра I. Тот «был одним из образованнейших русских людей», а Николай II обладает «средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства»².

Александр III умирал, сидя в кресле на террасе Ливадийского дворца. В тот день газета «Ялта» напечатала последний бюллетень о состоянии его здоровья, подписанный пятью врачами. Рано утром он сказал Марии Федоровне: «Чувствую конец». За два часа до кончины потребовал к себе наследника и приказал ему тут же, на террасе, подписать манифест к населению империи о восшествии на престол. Тот сказал: «Точно так, папенька» — и скрепил своим автографом вступительный документ.

«От господ бога вручена нам власть царская над народом нашим, — говорилось в манифесте, — перед престолом его мы и дадим ответ за судьбы державы Российской». Обязательство расплывчатое, но для Николая удобное. Когда-то там придется предстать с отчетом перед всевышним, да и будет ли в чем отчитываться, а пока — власть в руках единоличная и безграничная, на земле она как бы ниоткуда, ни от кого, делить ее не с кем и докладывать о ее применении некому. Постулат полной и всеохватывающей свободы от ответственности — идеальный по простоте и удобству. Николай эту выгоду положения вполне понял и оценил.

Манифест содержал также два оповещения, по традиции принятые в таких случаях: а) кто его жена; б) кто его наследник. На оба пункта отвечала одна фраза: «...повелеваем всем нашим подданным учинить присягу в верности нам и наследнику нашему великому князю Георгию Александровичу, которому быть и именоваться наследником цесаревичем дотоле, доколе богу угодно будет благословить рождением сына предстоящий брак наш с принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской»³.

Со смертью Георгия в 1899 г. престолонаследником стал другой брат царя — Михаил. Последний оставался в этом звании до 1904 г., когда родился Алексей.

Акт на террасе совершился 20 октября 1894 г. С непривычки молодой император поначалу, правда, несколько оробел и путался. Но вскоре взял себя в руки по требованию матери и невесты; они напомнили ему, что власть его не только не ограничена, она еще имеет и предназначение свыше. То самое, о котором 13 лет вещал ему Победоносцев. И которое однажды прокомментировала мать.

«Твой дед, — поучала она сына, — либеральничать вздумал, вот его бомбой и разорвало. А отец твой никакого либеральничанья не допускал и, слава богу, как добрый христианин скончался»*.

Спустя 10 дней после смерти отца новый царь появляется на первом приеме в Большом Кремлевском дворце, в Георгиевском зале, перед представителями сословий. Запись в дневнике: «В это утро я встал с ужасными эмоциями». Ему предстоит напомнить собравшимся, что власть его от бога и потому незыблема; но оратора мутит от страха. В дневнике с облегчением фиксируется: «Все это сошло, слава богу, благополучно»⁴.

Не столь благополучно сошла следующая церемония, состоявшаяся в Аничковом дворце в Петербурге (17 января 1895 г.). Собраны в Большом зале депутации от дворянства, земств и городов. Николаю и здесь предстоит сказать слово. Победоносцев подготовил для него речь, которая должна прозвучать отповедью группе либеральствующих земцев из Твери, возмечтавших о некоторых буржуазных свободах. Бумага с крупно написанным текстом положена в барашковую шапку оратора. В 2 часа дня он поднимается на тронное возвышение, обводит взглядом зал и обращается к присутствующим с речью. «Я видел явственно, — рассказывал потом один из земских деятелей, — как он после каждой произнесенной фразы опускал глаза книзу, в шапку, как это делали бывало мы в школе, когда нетвердо знали урок»⁵. Косясь в шапку, оратор произнес: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земств в делах внутреннего управления». В шпаргалке было «беспочвенными», а молодой царь произнес «бессмысленными», что и сделало эту речь «исторической». Так как Николай говорил в повышенном тоне, его супруга, в то время еще слабо понимавшая по-русски, встревоженно спросила у стоявшей рядом фрейлины: «Не случилось ли что-нибудь? Почему он кричит?» На что фрейлина ответила по-французски, внятно и достаточно громко, чтобы услышали в депутациях: «Он объясняет им, что они дураки»⁶.

Предстал молодой император и перед членами Государственного совета, созванными в том же Аничковом дворце. Каково же было их удивление, писал иностранный наблюдатель, когда они увидели «инфантильную легковесность, шаркающую походку, бросаемые исподлобья взгляды и спазматические жесты...». Юноша

* Мать Николая II, Мария Федоровна (1847—1928), — дочь датского короля Христиана IX. Ее настоящее имя Дагмара Софья Доротея. Умерла в копенгагенском пригороде Хампенборге. Приехала в Россию в 1864 г. Вышла замуж за престолонаследника Александра в 1866 г. Ее сестра Александра (Александрина) была супругой английского короля Эдуарда VII, матерью Георга V. Отсюда одна из уз близкого родства русской и английской династий (Николай II и Георг V — двоюродные братья). Ей приходился внуком (двоюродным) король Дании Фредерик IX, умерший в 1972 г. Датская королева Маргрете II — правнучка (двоюродная) Марии Федоровны.

пробрался бочком в комнату, где эти посевшие сановники ожидали его, и, опустив глаза, выдавил из себя одну-единственную фразу: «Господа, от имени моего покойного отца благодарю вас за вашу службу». Немного потоптался, как будто хотел еще что-то сказать, но не решился, повернулся и вышел. Присутствующие переглянулись между собой, «одни в изумлении, другие с горечью, многие — вознося внутренние молитвы к небу о судьбах нации». Молодой царь «пришел и ушел, как дуновение ветра в песчаной пустыне, оставив их протирать глаза от недоумения и изумления»⁷.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ОБЫКНОВЕННОСТЬ

Он сидит в Зимнем в кабинете отца за столом, заваленным непрочитанными бумагами. Заводится механизм распоряжений и деяний, которому предстоит функционировать почти четверть века. Он чувствует себя здесь непривычно, неловко, даже как будто немного пуглив. Ерзает в кресле, когда вваливаются в кабинет и шумно рассаживаются дядя, мужчины brave, разнузданные*. Пока стоит возле стола дежурный офицер, Николай еще может сказать дядям что-нибудь веское и сказанное принимается с должным почтением. Как только за посторонним закрывается дверь, тяжелый кулак Владимира или Сергея ударяет по столу, и начинающий самодержец жмет в глубине кресла. Пройдет немного времени, царь освоится, и тогда они поутихнут и в кабинете будут вести себя смирнее, дабы он, чего доброго, не показал им на дверь.

Физически он крепок и подвижен — натренирован в гонках яхтных, велосипедных, на скачках, в пеших переходах и ружейных стрельбах. (За Красным Селом и в районе Ливадии ходил под полной солдатской выкладкой по 10—15 верст. А. П. Чехов делился тогда своим впечатлением врача: «Про него неверно говорят, что он больной, глупый, злой. Он просто обыкновенный гвардейский офицер. Я его видел в Крыму, у него здоровый вид, он только немного бледен»⁸.)

Человек без кругозора и воображения, с побуждениями мелкими, большей частью сугубо личными, он принял правление империей, как чиновник принимает конторскую должность. Приходит на службу в 9.30. Заканчивает занятия в 2 часа дня. Дает аудиенции, вызывает министров, выслушивает доклады, иногда председательствует на совещаниях.

Родзянко много позднее жаловался своим сотрудникам, что царь в беседах «скуп на слова», большей частью «отделяется молчанием», ответов на вопросы не дает; встречи с ним — своего

* Имеются в виду братья Александра III: Владимир (умер в 1909 г.), Алексей (умер в 1908 г.), Сергей (убит Каляевым в 1905 г.), Павел (расстрелян в Петропавловской крепости в январе 1919 г.).

рода пытка, ибо связаны с необходимостью «говорить без всякого отклика». Чтобы оживить его, Родзянко во время разговора старался сверлить его взглядом, фиксировать на себе его внимание; но тот по-прежнему бесстрастно глядел в сторону, в выражении его лица «не улавливалось ничего». И все же, по наблюдениям бывшего председателя Государственной думы, это безмолвие не было равнодушным. Как только по ходу беседы «что-нибудь задевало его за живое», обнаруживалось лично и непосредственно его касающееся, он преображался, «глаза его загорались, он вскакивал и начинал ходить по комнате». В таких случаях Родзянко расхаживал по кабинету вместе с ним, пытаясь на ходу «доказать ему то, что несколько минут назад он почти не слушал»⁹.

У Николая II никогда не было ни секретаря (личного или государственного), ни какого-либо кабинетного помощника по ведению дел и наблюдению за прохождением бумаг. Он опирался лишь на дежурного офицера или флигель-адъютанта.

Бумаг прочитывал множество. Читал и по вечерам, аккуратно и до одурения. Обязанность эту считал самой скучной из всех и тяготился ею с самого начала; поглядывая на очередную стопку представленных ему документов, старался поскорее сбить ее с рук. С первых шагов дневник его отражает тягостное, унылое единообразие с бумагами: «Читал до обеда, одолевая отчет Государственного совета...»; «Много пришлось читать; одно утешение, что кончились заседания Совета министров...»; «Вечером кончил чтение отчета военного министерства — в некотором роде одолел слона...»; заслушав в один день три доклада министров, записывает: «Вышел походить поглупевшим»¹⁰.

Прочитать бумагу мало. Надо, чтобы видели, что ее прочитал. И хотя он никому не подчинен и никого не боится, неудобно как-то оставить нижестоящих в неведении насчет того, что он думает о бумаге. Поэтому он усеивает документы пометками и резолюциями. Приносят донесений много, мыслей и слов на все не напаешься. Спасают трафареты. Но среди них проскальзывает импровизация.

На докладе о злоупотреблениях земских начальников пишет: *«В семье не без урода»*.

О беспорядках в Керченском порту: *«У семи нянек дитя без глаза»*.

На сообщении, что от продажи водки поступило в казну 8 млн. руб.: *«Однако!»*

На докладе о забастовке железнодорожников на участке Петергоф — Петербург: *«Хоть вплавь добирайся»*.

На сообщении о забастовке в Одессе: *«Милые времена»*.

Но чувства юмора он был лишен. Это показал его анкетный лист, заполненный во время Всероссийской переписи населения в 1897 г. На вопрос о звании царь ответил: *«Первый дворянин»*. В графе «Род занятий» записал: *«Хозяин земли русской»*.

Насколько банальны резолюции на официальных документах,

настолько же серы и лишены оригинальности его личные дневники. Уже самый вид их: педантичная гладкопись, невозмутимая нанизанность слов по веревочке, тщательная орнаментальная выписанность завитушек и загогулин в каждом слове — все говорит о том, что здесь не встретить ни своеобразия мысли, ни индивидуальности выражения. Как ровны и однообразны строки, так ровен и однообразен их смысл. Равнинность и одноцветность пустыни. С первых дней царствования, изобилующего потрясениями, — почти никакого отклика на общественные веяния или события. Ни одного упоминания значительных имен эпохи: писателей, мыслителей, общественных или политических лидеров. Ничего о содержании или смысле своей работы. Фиксируется только сугубо личное и мелко-бытовое: обед, чаепитие, прогулка (и сколько при этом подстрелено ворон), вечеринка, цвет новых обоев или диванов, приход гостей или отправление в гости. С редкой тщательностью изо дня в день регистрируется погода: дождь, снег, мороз, ветер, солнцепек, зной, отмечается положение барометрической стрелки.

Носит обычно офицерскую форму, но иногда к министрам выходит то в черкеске с газырями и кинжалом (форма «собственного его императорского величества конвоя»), то в малиновой косоворотке с поясом и в широких шароварах, заправленных в сапоги гармошкой (форма лейб-гвардии 4-го стрелкового полка). Перед депутациями, на банкетах произносит речи, чаще краткие; собранные воедино, они производят невыгодное впечатление; однажды даже власти вынуждены были оградить достоинство царя: полиция конфисковала «Полное собрание речей императора Николая II» за 1894—1906 гг., составленное по официальным данным «Правительственного вестника» книгоиздательством «Друг народа»¹¹.

Считает себя интеллигентным человеком, но не переносит слова «интеллигент». Когда на банкете в его честь (во время путешествия по западным губерниям) кто-то за столом произнес слово «интеллигент», он оглянулся на сказавшего и произнес: «Как мне противно это слово». И добавил, что прикажет Академии наук изгнать это слово из русского языка. Эпизод засвидетельствован сопровождавшим царя в поездке князем Святополк-Мирским, тогда генерал-губернатором, позднее министром внутренних дел¹².

Читает газеты «Новое время» и «Гражданин», сборники легких, увеселительных рассказов, уснащенных картинками и карикатурами, — Горбунова, Лейкина, Аверченко, Тэффи; с произведениями Толстого, Тургенева, Лескова, Салтыкова-Щедрина познакомится много лет спустя в тобольской ссылке.

Пригласил однажды Горбунова во дворец для чтения в семье рассказов вслух; чтение его показалось «очень забавным». Посылал такое же приглашение Аркадию Аверченко. Тот уклонился.

Любил, отделившись от трудов дневных, государственных, расклеивать по альбомам фотокарточки, играть в домино, пить дрова. Еще доставляло ему удовольствие перебираться на жителя-

ство из дворца во дворец: из Зимнего в Большой Петергофский, из Петергофа в Павловск, из Павловска в Царское, из Царского в Ливадию, из Ливадии в Аничков; в таких случаях хлопочет по хозяйству лично, укладывает чемоданы собственноручно, сам составляет инвентарные описи, дабы ничего не потерялось; на новом месте сам разбирает чемоданы, развешивает картинки и иконы, расставляет по своему вкусу кресла и кушетки.

Считал себя профессиональным военным (хотя званием недоволен: пожаловался как-то жене, что застрял в звании полковника, а по востшествии на престол продвижение в звании не положено по закону). Любил войсковые смотры и парады, иногда посещал полковые праздники. По воцарении одну из первых государственных проблем узрел в армейской униформе, особо — в пуговицах. Как должны застегиваться шинели, кители и гимнастерки — на пуговицы или крючки? Через посредство супруги в консультацию по крючкам вовлекается потсдамский кузен. Тот шлет 3(16) августа 1897 г. телеграмму: «Ники, неужели ты действительно собираешься перейти на пуговицы? Хорошенько подумай. Как следует взвесь». Да, отвечает новатор, все взвешено. Вопрос решен в пользу пуговиц. Но какими должны быть пуговицы — темными или светлыми? По здравом размышлении решена и эта головоломка: пуговицы должны быть светлыми, блестящими.

Обои должны быть пестренькими, книжки веселенькими, пуговицы блестящими. Ну, а памятник отцу? Он одновременно должен внушать и благоговение перед недостижимой верховной властью, и трепет перед обыкновенным городовым. Сам Николай как бы олицетворял эту недостижимость и обыкновенность. Он весь был, по выражению современника, необыкновенная обыкновенность.

По вкусу его, отвечающему этому качеству, и был воздвигнут на Знаменской площади в Петербурге монумент Александру III — редкий в своем роде образец скульптурной карикатуры. То был памятник и государственно-политическому уровню отца, и духовно-эстетическому уровню сына.

О своем намерении поставить памятник отцу Николай впервые заговорил с министрами в 1897 г. Конкурс был объявлен через шесть лет. Авторы выступали анонимно, под условными девизами. Поступившие проекты были экспонированы на закрытой выставке в Зимнем дворце. К осмотру допущены члены царской фамилии и некоторые сановники. Николай, поддержанный матерью, остановил свой выбор на одном проекте, объявив его лучшим. Вскрыли пакет и прочитали имя: Паоло Трубецкой.

Автора вызвали к Витте, потом представили царю. Выяснилось: родился в Италии, возраст 25 лет, приехал в Россию недавно, преподает в художественном училище в Москве; незаконнорожденный сын обнищавшего в Риме князя Трубецкого и итальянки. По приглашению Петра Николаевича Трубецкого, предводителя московского дворянства, поселился как родственник в его доме. Витте скульптор показался «человеком необразованным и мало-

воспитанным, но с большим художественным талантом». Николаю и Марии Федоровне он «очень понравился».

Проект Паоло Трубецкого было утверждено. Для руководства работами была учреждена комиссия под председательством князя Б. Б. Голицына, при участии (вместе с другими лицами) художника А. Н. Бенуа и графа (одно время министра просвещения) И. И. Толстого.

В специально оборудованном павильоне на Невском проспекте Трубецкой трудился энергично, напряженно, с творческим увлечением; был к себе требователен — сделанное не раз переделывал. Комиссию игнорировал, с Голицыным был строптив, указаниям не подчинялся.

Внутренней сути произведения не поняли ни Николай (несколько раз по ходу работы он приезжал в павильон), ни Мария Федоровна, ни царедворцы. Только великий князь Владимир Александрович смутно заподозрил, что «готовится карикатура на его покойного брата», но Николай не захотел его слушать.

Для отливки статуи привезли мастеров из Италии; ездил за ними и отбирал их Голицын. За год до начала литейных работ Витте пожелал проверить, как будет выглядеть композиция на площади. Ночью на деревянный пьедестал была поставлена модель. «Помню, в 4 часа ночи, по рассвету, поехал я туда. Еще никого из публики не было... мы открыли его... на меня произвел этот памятник угнетающее впечатление, до такой степени он был уродлив». Памятник обошелся казне в миллион рублей; был открыт в 1909 г.

Иногда молодой царь председательствовал в Государственном совете и на Особых совещаниях. Помаленьку осваивался и с этим делом. Сидел на председательском месте спокойно, слушал внимательно. Сам высказывался мало, лишнего или неуместного не говорил, а если и говорил, искры божьей в обсуждении не вносил. Было так и вначале, и спустя годы. Его реплики и указания, например на секретном совещании в Петергофе, лаконичны, сухи, бюрократически округлы¹³.

Царь-чиновник. Язык — чиновника. Ход мыслей — чиновничий. И все же это лишь одна из его ипостасей. Сдваиваются, наплаывают одна на другую черты его портрета тех ранних лет правления, оставленные современниками — очевидцами и приближенными: внешняя скромность, даже застенчивость — и припадки самодурства и своеволия; наружная уравновешенность — и затаявшийся в глазах невротический страх; чадолюбие в своей семье — и равнодушие к чужой жизни (когда в Зимнем устанавливали первый лифт, в шахте погиб монтер. Царь в дневнике записывает: «Утром нашей подъемной машиной был придавлен до смерти несчастный машинист по собственной неосторожности». И тут же: «Гулял долго. Погода холодная, ясная»¹⁴); домоседство — и позывы к кутежам; любезность, обходительность, «шарм» в глаза — и заглазно крайняя резкость отзывов и суждений; подозрительность ко всему окружающему — и готовность довериться про-

ходимцу или шарлатану; поклонение православию, щепетильность в исполнении церковных обрядов — и колдовское столоверчение, языческий фетишизм.

В мышлении и поступках личные мотивы довлеют над всем. Люди вообще, а министры и приближенные в особенности делятся для него на две четко разграниченные категории: плохих и хороших. Первые — это те, в личной полезности и преданности которых он не уверен. Вторые — те, кто ему лично полезен, верен и, кроме того, может развлечь и позабавить.

По воспоминаниям бывшего премьера Витте можно узнать, кто и в каком качестве его пленил: военно-морской министр адмирал Бирилев — «забавник, всегда очень милый императору и императрице своими шутками и анекдотами»; министр юстиции Муравьев — «очень забавный шут и анекдотист»; военный министр генерал Куропаткин — «рассказчик и комедиант»; дворцовый комендант генерал-адъютант Черевин — «крайний забавник»; князь Лобанов-Ростовский — «всегда очень забавен»; князь Оболенский — «забавник и балагур»; военный министр Сухомлинов — «презабавный балагур». Впрочем, когда последнего, много позже, довелось представить президенту Пуанкаре, Николай шутовские его достоинства осторожно обошел, сказав лишь: «Он, как видите, не подкупает своей наружностью, зато из него вышел у меня превосходный министр и он пользуется полным моим доверием» (комментарий президента: «Это тот самый Сухомлинов, на которого падает самая тяжелая ответственность за беспорядочность и развращенность военного управления в России. Счастье, что он оставил пост военного министра, на котором причинил столько зла»¹⁵).

Немного перепало от душевных щедрот его величества и самым усердным балагурам и комедиантам. Никого, кроме себя и нескольких домочадцев, он не любил, мало кого жаловал, холопствовавшим перед ним платил презрением. Сию минуту приласкав, мог через час уволить. Получив к Новому году множество поздравлений, отмечает в дневнике: «Весь вечер отписывался от пакостных телеграмм»¹⁶. Неприятности запоминал прочно, мстил за них долго.

Особым поручением выказав доверие одному министру, тут же, в порядке недоверия, то же поручение давал для параллельного выполнения другому, чем неоднократно вызывал у лучших своих помощников тихое бешенство. Так, для обсуждения проекта конституции царь созвал два параллельных совещания, одно (с докладом Витте) втайне от другого (с докладом Горемыкина). Узнав, первый из двух докладчиков записал, что этими «византийскими» уловками царя очень расстроен: «...он не способен вести дело начистоту, а все стремится ходить окольными путями...» Поскольку же его величество не обладает способностями ни Меттерниха, ни Талейрана, уловки обычно приводят его к одному результату: к луже — «в лучшем случае помоев», в худшем случае — к луже крови или к луже, окрашенной кровью¹⁷.

Назначал и смещал министров с легким сердцем, иногда из-

влекая из своих ходов полубуффонадное развлечение. Вакантна должность министра внутренних дел. Нужен новый. Дела его временно исполняет Горемыкин, товарищ (заместитель) министра. Этот же ничего ответственного брать на себя не хочет и ведет лишь текущие дела, поскольку новый министр может появиться со дня на день. На очередной аудиенции премьер (Витте) говорит, что без этого министра долее обходиться невозможно: в министерстве все выше громоздится гора дел, «нерешенных и недвигающихся вперед».

На это царь сказал:

— У нас с вами, Сергей Юльевич, уже был однажды разговор о кандидатурах Плеве и Сипягина. Спросил я еще и мнение на этот счет Константина Петровича (Победоносцева). Он мне свое мнение привел. Но я еще не решился кого-либо назначить, ожидая вашего приезда (Витте ездил тогда на лечение в Биарриц, во Францию. — М. К.).

Премьер спросил:

— Какое же мнение Константина Петровича, если ваше величество соизволите мне это сказать?

— Да он очень просто мне сказал: Плеве — подлец, а Сипягин — дурак.

— Что же, сам он кого-нибудь рекомендует?

Царь, улынувшись, ответил:

— Да, кой-кого он мне рекомендовал... Он, между прочим, говорил и о вас.

— Ваше величество, — заметил премьер, — я почти с уверенностью догадываюсь, что он вам обо мне сказал.

— А что?

— Да, наверно, сказал он вам так: подходит Витте, да и тот... И тут у него вышло что-нибудь вроде известной фразы Собакевича в «Мертвых душах»: «Один там только и есть порядочный человек — прокурор, да и тот, если правду сказать, свинья».

Царь рассмеялся:

— А что вы думаете, если я назначу Горемыкина?

Витте ответил, что ничего определенного о нем сказать не может, но добавил, что, по всей вероятности, К. П. рекомендует Горемыкина, потому что Горемыкин — правовед и К. П. тоже правовед, а известно, что правоведы, так же как и лицеисты, держатся друг друга, все равно как евреи в своем кагале.

Тогда царь сказал:

— Что ж, назначу Горемыкина.

Между тем речь шла как раз об одном из тех ведомств, к которым царь питал особую симпатию, чтобы не сказать — нежность. Оно обеспечивало не только полицейский порядок в империи, но и безопасность его, царя, священной особы. Правда, кое-кто из помощников, по словам Витте, спрашивал себя: «Ну кто же на такого императора, как Николай II, может покушаться?» Похоже было, что бомбометатели личностью его и в самом деле не очень-то ин-

тересуются. Признаков какой-либо охоты за ним, как за его дедом и отцом, никто не замечал ни тогда, ни после. Такие происшествия, как выстрел из Петропавловской крепости или авария яхты «Штандарт» в финских шхерах, больше смахивали на недоразумение*. Под дулом пистолета Богрова (в Киевском оперном театре) царь и Столыпин сидели рядом; первый внимания террориста-provокатора не удостоился, мишенью для выстрела в упор был взят второй. Все же Николай не слишком оболящался этими милостями судьбы, искушать ее не собирался. И о безопасности своей персоны заботился, может быть, больше, чем о чем-либо другом.

Заехав в Петроград в начале 20-х годов, французский гость г-н Моризэ, мэр Булоня, пришел на площадь Декабристов, в здание бывшего сената, влекомый острым интересом к расположенному здесь архиву охранки. Потом написал в своей книге, что больше всего потрясла его здесь документация, отразившая систему личного информирования царя о работе тайной службы. Донесения охранки поступали на письменный стол Николая II регулярно раз в неделю. Их основой и было это делопроизводство, забившее сверху донизу несколько помещений, в том числе так называемую комнату provокаторов. Шестьдесят ящиков с карточками на революционеров, заполнившие ее, и были вещным олицетворением итогов российской полицейской provокации за 23 года — с 1894 по 1917 г.

«Какой отменный порядок, какая блестящая система! — восклицал Моризэ. — Я вижу здесь всю историю преследования русского революционного движения... Охранка благоговейно регистрировала ее день за днем... Каждое дело имеет свою наглядную схему. Каждая карточка преследуемого — все данные о его жизни, о каждом слове и движении за много лет...» И каков же конечный смысл сего муравьиного трудолюбия provокаторства? А чтобы государь император все знал и чтобы с его ведома кого нужно хватали... «Вот еженедельный журнал, вот копии отчетов, представлявшиеся охранкой царю... Все выстроены в ряд, в прекрасных переплетах. Во всяком томе, взятом наудачу, можно увидеть заметки, сделанные царской рукой. Если нет такой заметки на полях, то можно заметить черту, проведенную красным карандашом, — традиционную отметину, всегда показывающую, сколько постоян-

* В канун Кровавого воскресенья состоялась у Невы церемония дня крещения. Николай, сопровождаемый свитой, вошел в построенную перед Зимним беседку на освящение воды митрополитом. По обычаю был дан орудийный салют из Петропавловской крепости. Вдруг у беседки с грохотом разорвался снаряд. Оказалось, одна пушка выстрелила не холостым зарядом, а боевым. Следствие показало случайную ошибку артиллериста. Но царь был напуган, а в народе говорили о покушении.

Во втором случае во время прогулки царской семьи по Балтике яхта ударилась о подводный валун, получила пробойну. Пассажиров высадили на берег. Охранка учинила следствие. Оказалось: умысла нет, причина — в слабой подготовке команды, а флаг-капитан адмирал Нилов перманентно пребывал во хмелю, хотя почти все время находился на глазах у государя.

ного внимания уделял августейший шеф изучению полицейских докладов». И нечто вроде лирико-философского резюме: «Столько затратить усилий и времени — и во имя чего? Александр II, отдавший этой работе 26 лет, тем не менее пал под ударами тех, кого он преследовал... Плеве, великий князь Сергей... И сколько еще было таких?! Разве они своими карами чему-нибудь и в чем-нибудь помешали?»¹⁸

Те не помешали. А вот Николай помешает... И он с первых лет правления удваивает численность своей личной охраны. Создает в ее недрах свой собственный «черный кабинет». Наделяет небывало обширными полномочиями дворцового коменданта. Перебывали при нем в этой должности: роковой Трепов; невылазно хмельной Черевин (достался ему еще от отца); свинцово-тяжкий князь Енгальчев; суетливо-мелкотравчатый Гессе; скользкий, как обмылок, Дедюлин. Опираясь на них, на охранку, на департамент полиции, и стремится «помазанник божий» удержать верноподданных на максимальном от себя расстоянии. Пока он сидит во дворце, это не слишком сложно. Иначе обстоит, когда он хочет отправиться в Ливадию или поехать по империи.

Император же особа священная, и он не может подвергать себя риску соприкосновения с возлюбленным им народом. Соответственно и обставляются его поездки.

Вдоль тысячеверстных железнодорожных и шоссеиных магистралей объявляется военное (или «третье») положение. Туда выдвигаются полки и дивизии, приведенные в боевую готовность. Солдатам выдают боевые патроны, маршевый продовольственный рацион. Станции наводняются жандармами, сыщиками и добровольцами от черной сотни. Приостанавливается всякое другое движение по путям и под мостами.

Возвратясь из очередного путешествия, молодая чета предавалась в Зимнем текущим занятиям. Приятнейшими из них были дворцовые вечера и балы. Отмечались свои и родичей отъезды и приезды, рождения и бракосочетания, юбилеи династические, иногда и государственные. На этих вечерах, как и вообще во дворце, чета чувствовала себя, конечно, уютнее и спокойнее, чем на открытых равнинах империи.

Много пиров задал государь император в Зимнем для родовой знати. Преподнес он в начале царствования угощение и народу.

ХОДЫНСКОЕ УГОЩЕНИЕ

За манифестом о воцарении следовало быть коронации. Совершалась она в первопрестольной Москве.

Программа коронационных торжеств, назначенных на май 1896 г., была разработана обстоятельно. Составили ее министр двора И. И. Воронцов-Дашков, его товарищ (заместитель) В. Б. Фредерикс и обер-церемониймейстер К. И. фон дер Пален. Подчинена была эта комиссия дяде молодого императора, велико-

му князю Сергею Александровичу, в недавнем прошлом прозывавшемуся «ментором кутежей», в данный момент московскому генерал-губернатору.

Плодом их усилий и были три основных документа, определившие порядок церемоний на протяжении трех недель: «Церемония коронации», «Положение об отпуске довольствия воинским чинам при командировании в Москву по случаю священного коронования ИИВ», «Расписание с 6 по 26 мая 1896 г.», изданное Коронационной канцелярией¹⁹.

Чего только нет в этих расписаниях на десятках страниц. Все предусмотрено в них до мелких подробностей. Кроме одной малости: что на 18 мая назначено на Ходынском поле народное гулянье с раздачей царского угощения. Кем и как обеспечивается этот пункт программы — о том в названных документах ни слова. Только сказано, что в ходе гулянья к 2 часам дня в императорском павильоне на поле соберутся все гостиные в Москве высочайшие особы и дипломатический корпус, а в 2 часа 10 минут прибудет сюда и царская чета. Музыкальный фон праздника на Ходынке обеспечивается большим симфоническим оркестром под управлением Сафонова; концерт должен быть открыт его же, дирижера, сочиненной для этого торжества кантатой.

Между датой решения о празднестве на Ходынке — 8 марта 1895 г. — и днем коронации времени было предостаточно — 14 месяцев. Почти ничего за этот срок не сделали, только построили буфетные ларьки на краю поля, а что представляет собой само поле — на это власти не обратили внимания. Между тем для народа то была самая настоящая западня.

В те времена Ходынкой называли обширный пустырь, служивший учебным плацем для войск Московского гарнизона. Он был изборожден траншеями и брустверами, из конца в конец усеян и пересечен рвами, ямами, забытыми колодцами. Среди этих ловушек и решили великий князь Сергей, Воронцов-Дашков и фон дер Пален порадовать народ московский: на поле каждому пришедшему вручить гостинец — бумажный кулек, а в нем сайка, кусок колбасы, пряник, десяток леденцов и пяток орехов. Прилагалась на память эмалированная «коронационная кружка» с инициалами нового царя. Всего было изготовлено 400 тыс. кульков и кружек.

Когда началась давка, артельщики принялись швырять кульки в толпу, рассчитывая таким образом унять сумятицу. Это не помогло, а только усугубило катастрофу. Никто и не подумал о том, что надо бы заранее организовать какое-то регулирование движения на поле, службу порядка в центре и по краям.

А к Ходынке еще с вечера и всю ночь шли люди... Дороги, ведущие сюда, чернели от движущейся массы народа. Шли и москвичи, и жители подмосковных деревень, фабричных посадок; шли, влекомые наивным любопытством, да еще надеждой отдохнуть, развеяться, отвлечься от изматывающей одури каждоднев-

ного подневольного труда... Пришли не только простые люди; кое-где в движущихся толпах можно было увидеть и купцов, и даже аристократов, вроде 23-летней княжны Рины Голицыной, — любопытство завлекло ее на Ходынку рядом с рабочим Емельяном Ягодковым (он и спас ее).

Л. Н. Толстой впоследствии описал этот злосчастный день. По его словам, шли большей частью «веселье и нарядные». И Емельян отправился, надев «лучшую одежду», начистив сапоги, «прочтя несколько молитв, значения которых он не понимал, да и никогда не интересовался...». И Рина, прихватив кузена, двинулась туда же, «радостная, сияющая от мысли, что она... с народом, среди народа, празднует восшествие на престол обожаемого народом царя»²⁰.

К рассвету 18 мая на Ходынском поле собралось свыше полумиллиона человек. Оценка минимальная. Сколько-нибудь точных данных, конечно, нет. Некоторые источники называют иную цифру — миллион и даже полтора миллиона человек²¹.

Беспорядочно сгрудилась плотная людская масса, в основном на одной квадратной версте прямоугольника, замкнутого шоссе-ной дорогой, Москвой-рекой, военным лагерем и буфетными палатками. Те, кто пришел накануне вечером и ночью, постарались усесться поудобнее, повыше, на брустверах. К 5 часам утра, как свидетельствует официальный отчет министра юстиции Н. В. Муравьева, не предназначавшийся для опубликования, «над народною массой стоял густым туманом пар, мешавший различить на близком расстоянии отдельные лица. Находившиеся даже в первых рядах обливались потом и имели измученный вид». Пришедшие первыми очутились как бы в капкане. Выбраться из середины отдельному человеку стало невозможно. Все чаще слышались стоны усталых и ослабевших; даже под открытым небом «атмосфера была настолько насыщена испарениями, что люди задыхались, им не хватало воздуха»²².

Напряжение все более усиливалось, давка стала мучительной. Появились обморочные. По описаниям Толстого, толпа невольно «выдавливала» вверх потерявших сознание; «они катились по головам до линии буфетов, где их принимали на руки солдаты» (к этому времени — слишком поздно — появились по краям поля воинские отряды). Так же и многие дети «добрались до свободного пространства по головам толпы».

— Давай его сюда, — крикнул шедший вместе с Емельяном кучер и взял мальчика и поднял его выше толпы.

— Беги по народу.

И Емельян, оглядываясь, видел, как мальчик, то ныряя в народ, то поднимаясь над ним, по плечам и головам людей уходил все дальше и дальше²³.

КАДРИЛЬ У ФРАНЦУЗСКОГО ПОСЛА

Позднее говорили, что причиной такой массовой гибели людей была вспышка паники. Это так, но из цитируемой записки Н. В. Муравьева, как и из тех материалов, которыми пользовался при написании своего рассказа Л. Н. Толстой, видно, что первые жертвы появились на поле еще до того, как возникла паника, — это были «ослабевшие и потерявшие сознание, задавленные до смерти... — докладывал Муравьев. — Несколько умерших таким образом людей толпа передавала по головам, но многие трупы, вследствие тесноты, продолжали стоять в толпе, пока не удавалось их вытащить... Народ с ужасом старался отодвинуться от покойников, но это было невозможно и только усиливало давку».

На исходе шестого часа утра, словно по чьему-то зловещему мановению, возникло движение в разных концах поля, масса народа заволновалась, стала подниматься. Первые падения в рвы и ямы и отчаянные крики затаптываемых развязали всеобщую панику. «Мертвецы, стиснутые толпою, двинулись вместе с нею», — продолжал Муравьев. Началось столпотворение. Гибли в ямах, рвах и среди насыпей старики, женщины и дети, растоптанные и раздавленные. Колодцы превратились в могилы; оттуда доносились вопли полуживых, перемешавшихся с мертвыми. Чудом уцелевшие «выскакивали из проходов оборванные, мокрые, с дикими глазами... Многие из них со стоном тут же падали... Один из оставшихся в живых оказался лежащим на трупах, поверх него лежали еще тела»²⁴.

Толпа валила через груды затоптанных, над полем стоял гул от криков и стонов. «Океан человеческих голов катился вперед, в сторону ларьков, — живописует другой источник. — И эти живые волны чувствующих, страдающих существ перекатывались, раздавливая тех, кто нечаянно попал в яму, кто ослабел, изнемог и падал. Трупы, словно жертвы кораблекрушения, взмывали то там, то здесь на поверхности этого моря искаженных лиц, бессильно всплескивающих рук, сжатых кулаков, среди стонов, проклятий и криков умирающих... А наверху сияло раннее равнодушное солнце, и туман от этой дымящейся толпы поднимался к лазурному небу, словно жертвенный фимиам Молоху самодержавия...»²⁵

Еще несколько часов тому назад Рина Голицына говорила отцу, что ей хочется «не смотреть на народ, а быть с ним», «видеть его отношение к молодому царю». А теперь рядом с ней лежала женщина «в полосатом, разорванном платье, с растрепанными русыми волосами... Она лежала навзничь... Лицо было не бледное, а с синею белое, как бывает только у мертвых». Эта женщина тоже пришла выразить свое доброе «отношение к молодому царю». Но она «была первая задавлена насмерть и была выкинута сюда, за ограду, перед царским павильоном». И сама Рина, когда толпа понесла ее куда-то и ужас охватил ее, «вскрикивала, прося поща-

ды. Но пощады не было... Она ослабела, и ей сделалось дурно. Она упала и ничего больше не помнила»²⁶.

Побывал на Ходынке и горьковский Клим Самгин — долго после того питал он безотчетный и непреодолимый страх перед всяким скоплением людей, все мерещилась ему гибель в давке²⁷.

Попал в толпу и реальный, не выдуманный богач Морозов. Когда понесло его вместе со всеми на рвы и ямы, он закричал, что даст 18 тысяч тому, кто его спасет... «Почему именно 18 тысяч? — удивлялся потом Толстой. — А главное, эта смена: сначала у всех веселое, праздничное настроение, а потом — эта трагедия, эти раздавленные тела... Ужасно!»²⁸

Начальство торопилось убрать трупы. Чем скорее убрать, замести следы, тем менее омраченными будут приемы и пиры, тем безоблачнее будет настроение монархов и принцев, созданных со всех концов света. Быстрее, быстрее! Убитых и раненых вповалку на одни и те же телеги... Вот какой-то врач собирается сделать раненому перевязку. Но раненого вытащили у него из-под рук и, раскачав, швырнули на воз. Врач протестует. Он обращается к стоящему рядом министру:

— Ваше превосходительство! Этого раненого еще можно спасти! И других таких тоже!.. Прикажете, пожалуйста, отделять раненых от убитых...

— Не ваше дело! — рявкает министр. — Я объявляю вам выговор!²⁹

Погибли, по официальным данным, 1389 человек. Цифра явно заниженная. Правдоподобнее, как отмечалось тогда в печати, что потеряли жизнь от 4000 до 4800 человек. И еще 3000 тяжело раненных, и еще десятки тысяч выбравшихся из свалки с ушибами и увечьями.

В то же утро весть о несчастье облетела Москву, к вечеру ею была потрясена Россия. Лишь несколько человек сохранили спокойствие: великий князь Сергей, Воронцов-Дашков, фон дер Пален с коллегами по комиссии и еще молодой царь. Он записал в тот день в дневнике: «Толпа, ночевавшая на Ходынском поле в ожидании начала раздачи обеда и кружки (кулек с сайкой он считал обедом. — М. К.), наперла на постройки, и тут произошла давка, причем, ужасно прибавить, потоптано около тысячи трехсот человек. Я об этом узнал в десять с половиной часов... Отвратительное впечатление осталось от этого известия»³⁰.

Впечатление осталось «отвратительное» — а дальше что? Да ничего. Оцепеневшая от ужаса Москва ожидала, что царь, во-первых, отменит празднества; во-вторых, распорядится об аресте и предании следствию и суду виновных; в-третьих, вместе с семьей и челядью удалится из города, где тысячи семей оплакивали погибших на его празднестве. Оказалось, что как раз такие распоряжения ему и было бы «ужасно прибавить» к объявленному веселительному графику. Он не сделал ни первого, ни второго, ни третьего.

Кое-кто из зарубежных буржуазных литераторов заверяет, что Николай в день Ходынки был «убит горем», что его охватила «безумная жажда уйти, удалиться куда-нибудь для молитвы». Он якобы отказался присутствовать на балу, который давался вечером того же дня в честь коронации, но приближенные будто бы тянули его на вечер чуть ли не насильно; «скрепя сердце он уступил им и отправился туда вместе с ними, с отвращением предвидя, что там ему придется протанцевать по меньшей мере одну кадрили...»³¹.

Иначе выглядит в тот день Николай в изображении премьер-министра С. Ю. Витте. На вечер 18 мая назначался бал у французского посла Монтебелло. Должны были присутствовать император с императрицей. Весь день не знали, будет ли отменен вечер по случаю происшедшей катастрофы. Наконец стало известно, что многие советуют государю просить посла отменить бал, во всяком случае самому туда не приезжать, что государь с этим мнением совершенно не согласен; по его мнению, катастрофу надлежит игнорировать. И действительно, празднества не были отменены и все имело место так, как будто никакой катастрофы и не было... Решено было катастрофу не признавать, с ней не считаться³².

Раз «не считаться» и «не признавать», значит, оставлены в программе все назначенные приемы, спектакли, концерты, званные обеды и конечно же бал у Монтебелло. Расставлены по столам в залах и благоухают сто тысяч свежих роз, выписанные для этого вечера из Прованса. Ужин сервирован на серебряной посуде, по этому случаю присланной из Версаля. Под огнями люстр веселятся, угощаются, танцуют семь тысяч званых гостей. В те самые вечерние часы, когда на Ходынском поле еще снуют пожарные и солдаты, убирая трупы при свете фонарей, на балу выходит в круг танцующая царская чета. В описании иностранного очевидца это выглядит так:

«Люстры бросают тысячи огней на гирлянды цветов и на брызги фонтана. Всем весело... Слышится повсюду счастливый смех... А весь день эта знать видела мертвых, целые кучи мертвых, обжигаемых солнцем... Образуются на балу кружки, теснятся к середине: там император с императрицей танцуют кадрили...» Потом снова утро, и «князья, чины посольств, военные атташе получают приглашение на голубиную стрельбу». Тир находится в ста шагах от кладбища, где только что хоронили погибших. И в то время, как народ плачет, по улицам Москвы движется пестрый кортеж старой Европы, надушенной, разлагающейся, отживающей... «Генерала Буадёффра (начальника французского генерального штаба, прибывшего в Москву для участия в коронационных торжествах. — М. К.) в кортеже не было. Он отклонил приглашение стрелять голубей. Он не захотел быть свидетелем того, как князья будут целиться в коршунов, привлеченных запахом мертвечины»³³.

Немного было среди иностранных гостей таких, как генерал Буадёффра. Веселилась как ни в чем не бывало не только «надушен-

ная, разлагающаяся» Европа, продефилировавшая через погруженную в траур Москву, но и почтившая нового царя своими приветствиями и поздравлениями феодально-императорская, великодержавная богдыхановская Азия. В кругу ее представителей в Москве выделялся окруженный пышной свитой особоуполномоченный Пекина на коронации Николая II — Ли Хун-чжан, по оценке Витте, «выдающийся деятель, занимавший в то время наивысший пост в Китае». Не стеснясь никого из стоящих рядом с ним, Ли Хун-чжан цинично высмеивает «ходынское происшествие» как пустяк, не заслуживающий не только сожаления, но и просто внимания. Китайский вельможа советовал фон дер Палену и другим царедворцам «поспокойнее», «посуше» отнестись к массовой гибели людей, к горю населения. Царедворцы слушают советчика не без интереса: он иллюстрирует свои поучения оригинальными примерами из практики «Срединной империи».

Витте рассказывает:

— Подъехал экипаж Ли Хун-чжана с его свитой... Он вошел в беседку, и, когда я подошел к нему, он обратился ко мне через переводчика с вопросом: «Правда ли, что произошла такая большая катастрофа и что есть около двух тысяч убитых и искалеченных?» Я ему нехотя ответил, что да, действительно, такое несчастье произошло. На это Ли Хун-чжан задал мне вопрос: «Скажите, пожалуйста, неужели об этом несчастье все будет подробно доложено государю?» Я сказал, что уже доложено. Тогда Ли Хун-чжан покачал головой и сказал мне: «Ну, у вас государственные деятели неопытные. Вот когда я был генерал-губернатором Печилийской области, у меня была чума и поумирали десятки тысяч людей. Я всегда писал богдыхану, что у нас благополучно... И когда меня спрашивали, нет ли каких-нибудь болезней, я отвечал: никаких болезней нет, население находится в полном порядке». И затем, как бы ставя точку: «Богдыхан есть богдыхан. Зачем ему знать и для чего я буду огорчать его вестью, что в его империи перемерли какие-то несколько десятков тысяч людей?»³⁴

Впрочем, от того, что царю было доложено о катастрофе, ничего не изменилось. Воронцов-Дашков, фон дер Пален и другие царедворцы пострадали за ходынские волчьи ямы не больше, чем китайский генерал-губернатор за печилийскую чуму. А дядя его величества был даже поощрен: высочайшим рескриптом, данным на месте, в Москве, Сергеем Александровичу, главному виновнику Ходынки, была объявлена благодарность «за образцовую подготовку и проведение торжеств». Рескрипт этот прозвучал «насмешкой над народом». Все знали правду о роли великого князя Сергея в событиях. С той поры, где бы он ни показался — на улице, в театре, в других людных местах, москвичи кричали ему вслед: «Князь Ходынский!»³⁵

К властям же, подведомственным дяде, его величество отнесся как будто несколько суровее. Он направил правительствующему сенату указ, в котором, назвав Ходынку «тяжким несчастьем»,

т. е. как бы некоей стихийной и неожиданной бедой, не зависящей от воли людей, вроде, скажем, землетрясения или наводнения, повелел выяснить роль в событиях властей предержащих, ибо, хотя бедствие и стихийное, все же они, по-видимому, «не приняли своевременных должных мер для направления массы народа». Выяснение было поручено следователю по особо важным делам Кайзеру, а, чтобы оно не вышло предвзятым, куратором над Кайзером был поставлен один из виновников катастрофы, обер-церемониймейстер фон дер Пален.

Как и следовало ожидать, обер-церемониймейстер, сам себя допросив, ничего в своем поведении предосудительного не нашел. В рапорте на имя царя он подчеркнул, что прибывшие из Петербурга представители министерства двора, включая и автора рапорта, обязаны были только «обеспечить увеселения и раздачу гостинцев». О порядке же на местности должна была позаботиться московская полиция.

С ответным рапортом выступил московский обер-полицеймейстер полковник Власовский. На поле, доложил он, хозяйничало министерство двора, им все устраивалось — и балаганчики, и кульки с леденцами, «полиция же ко всем этим приготовлениям отношения не имела»; касалось полиции лишь то, «что было около поля и до поля, а там никаких историй не произошло, там обстояло все в порядке».

Кончилось просто. Два тома следственных протоколов «О ходынском беспорядке», написанные Кайзером, были погребены в ящиках канцелярии московского генерал-губернаторства. Суда не было. Хотя Кайзер, рискуя должностью, осмелился назвать — сквозь зубы — нескольких виновников, единственно повинным был официально объявлен Власовский. Наказали его истинно устрашающе: отстранили от должности с обеспечением пожизненной пенсии — 3 тыс. руб. в год.

Мария Федоровна, мать царя, разослала по московским больницам тысячу бутылок портвейна и мадеры для тяжело раненных — из остатков кремлевских запасов, какие еще уцелели после трех недель коронационных балов и банкетов.

Сын, вслед за матерью ощутивший позыв к милосердию, повелел выдать каждой осиротевшей семье пособие в 1000 руб. Когда же выяснилось, что погибших не десятки, а тысячи, он негласно взял назад эту милость и посредством разных оговорок одним снизил выдачу до 50—100 руб., других вовсе лишил пособия. Всего царь ассигновал на эту цель 90 тыс. руб., из них московская городская управа урвала 12 тыс. — в возмещение расходов на похороны жертв.

А сами коронационные торжества обошлись в 100 млн. руб. — в три раза больше затраченного в том же году на народное просвещение. И не из личных средств царской семьи, а из казны, т. е. из бюджета государства. Иначе говоря, «пригласили народ на торжество, вместо угощения перекалечили и этот же народ за-

ставили расплачиваться за калечение, которому его подвергли»³⁶.

В этом смысле «издевательством над народом» была сама по себе коронация в целом. Пухли от голода миллионы подданных в неурожайных губерниях. Еще ощущал юг России последствия недавней опустошительной эпидемии холеры. И у несчастных людей, обессиленных голодом, изнуренных болезнями и нищетой, молодой царь отнял 100 млн. на свой праздник.

И вслед за французским журналистом, в ужасе уставившись взором в ходынский пейзаж, свидетельствовал потрясенный американский писатель. «Взирая на варварскую роскошь этих коронационных процессий, парадов и пиров, — писал в те дни Роберт Ингерсолл, — я не мог не думать о бедном мужике, о выбивающихся из сил полуголодных тружениках, о нежесточенных массах, принадлежащих царю телом и душой». Ингерсолл писал, что в эти мгновения в Москве он не мог не думать «о спинах, истерзанных кнутом, о заключенных, томящихся по тюрьмам, о толпах людей, которых, подобно скоту, гонят по дорогам, ведущим в сибирский ад».

Нет, восклицает писатель, «ни звоном колоколов, ни трубными звуками не заглушить народный стон...»³⁷.

Этот стон — и предостережение. В нем — и скрытая угроза. Минутами находит на царедворцев страх: не попытался бы народ московский отплатить за учиненное ему истязание.

Через два дня после окончания торжеств, 28 мая, великий князь Сергей получает от царя еще одно демонстративное поощрение: он назначается по совместительству командующим войсками Московского военного округа. И первое, что делает новый командующий: большую часть войск округа и гарнизона он стягивает к Кремлю и вводит в центр города. И встали полки «непроницаемым кордоном вокруг Большого Кремлевского дворца, где царь поживает и продолжает угощаться с семьей и ближайшими приближенными»³⁸.

Закончив таким образом с торжествами в Москве, Николай с супругой в середине июня отбыли в путешествие. Не слишком угнетало их случившееся. Из потрясенной Москвы они отправляются в увеселительную прогулку по России и Западной Европе. Длилась поездка четыре месяца.

17 июля Николай приезжает в Нижний Новгород, чтобы торжественно открыть всероссийскую ярмарку, тут же попить среди дворянства и купечества. 13 августа уезжает в Вену в гости к императору Францу Иосифу. 22 августа направляется в Берлин, к Вильгельму II. 24 августа, сопровождаемый Вильгельмом, делает в Бреслау смотр германским войскам, после чего через Киль выезжает в Копенгаген к своему деду со стороны матери, датскому королю Христиану IX. 3 сентября — из Копенгагена в Лондон, в гости к королеве Виктории. 23 сентября прибывает из Лондона в Шербур, где его встречает французский президент. Во Франции проводит в развлечениях три недели. 17 октября

едет из Парижа в Дармштадт к Эрнсту Гессенскому, брату жены.

И лишь 19 октября царская чета появляется у Иорданского подъезда Зимнего дворца. Встречающие находят его загорелым, посвежевшим и «все забывшим».

А через два с половиной месяца, в канун Нового года, молодой царь записал в дневнике: «Дай бог, чтобы следующий, 1897 год прошел бы так же благополучно, как этот»³⁹.

Думного дьяка спросили: умен ли царь Берендей?
Думный дьяк ответил: царь Берендей очень
добрый человек.

ЦАРЬ ГОЛОД

«Жупел», 1905 г.

Почти в каждом волостном правлении, писал молодой Ленин в начале века, вы можете увидеть такое изображение: стоит Александр III перед волостными старшинами, вызванными на его коронацию, держит речь к ним. И главное, что он по такому случаю сказал им:

— Слушайте ваших предводителей дворянства.

Вслед за своим отцом то же говорит русскому народу Николай II.

Цари сами твердят народу, что управлять государством они не могут иначе как при помощи дворян и через посредство дворян. Им-то служит, их интересы защищает, их господство олицетворяет на Руси своей особой государь император.

Говорят, что царь выше всех, и бедных и богатых. Царь справедлив одинаково ко всем, и к бедным и к богатым. Но говорить так — лицемерие. И в России, и во всем мире, отмечал Ленин, хорошо известно, какова справедливость царского режима, каковы добросердечие и человечность царя.

И в самом деле. Достаточно взглядеться, кто за ним стоит, чьи интересы он защищает, чем он сам владеет.

Из 109 млн. десятин земли, принадлежавших частным владельцам, 7 млн. находились в руках удела, т. е. в частной собственности императорской семьи. Это значит, что царь — первый из помещиков, самый крупный помещик России. У него одного земли больше, чем у полумиллиона крестьянских семей.

В его руках — единоличная, неограниченная, самодержавная власть. Он самовластно, бесконтрольно и абсолютно непререкаемо распоряжается всеми делами в государстве. Издает законы. Назначает министров, генералов и чиновников, которые действуют исключительно по его единоличным распоряжениям. Разумеется, в такой громадной стране, как Россия, царь не может даже знать ни всех законов, ни всех чиновников. Один человек при всем своем желании не в состоянии управлять такой гигантской страной. Кто же ею управляет? Кучка самых богатых и знатных из сановников — помещиков и капиталистов. И царь полностью с ними заодно. Он сам помещик и дворянин... Интересы царя и этих господ — одни и те же¹.

Как же живут под началом царя-батюшки те миллионы людей, которых он обычно именует в манифестах и указах своими верными подданными?

В начале века (на 1 января 1904 г.) население империи составляло 144 млн. человек. Из них 18 с половиной миллионов проживали в городах, 125 с половиной миллионов — в деревнях.

Насчитывается в империи чуть больше 38 тыс. промышленных предприятий, где занято повседневным изнурительным трудом около 2,5 млн. рабочих. В том числе действуют 200 металлургических заводов с 300 тыс. рабочих, которые в 1904 г. дали 180 тыс. пудов чугуна и почти столько же (178 тыс. пудов) железа и стали².

По более же полному подсчету, российский пролетариат в ту пору насчитывал свыше 3 млн. человек.

Россия была страной хронического бедствия — массовой нехватки хлеба для народа. Бедствия, систематически поражавшего и юг и север страны. Голод в рабочих районах, голод в деревнях. Сатирический журнал тех времен опубликовал парафраз известных Некрасовских строк:

Выдь на Волгу! Чей стон раздается,
Как предвестник грядущей беды?
Этот вопль у нас бунтом зовется,
То голодные просят еды³.

В годы недорода голод охватывал сплошняком целые губернии и края. Мучались миллионы обездоленных и обнищавших, многие погибали. Возвратясь в столицу из поездки в свои владения в провинции, видный сановник Ламздорф записывает: «От просящих хлеба нет прохода. Окружают повсюду толпой. Картина душераздирающая. На почве голода тиф и цинга».

Может быть, царь-батюшка удручен? Не спит ночами? Ему стыдно и больно? Как бы не так! Наблюдающий его с ближней дистанции сановник «в ужасе от того, как относятся к бедствию государь и интимный круг императорской семьи». Его величество не верит, что есть голод. За завтраком в тесном кругу «он говорит о голоде почти со смехом». Находит, что раздаваемые пособия только деморализуют народ, вышучивает тех, кто уезжает в губернии, чтобы наладить помощь... И такое отношение к бедствию «разделяется, по-видимому, всей семьей...».

«Ужас» впечатления, вынесенного из царского дворца, Ламздорф приписывает своему начальнику, министру иностранных дел Гирсу. На первый взгляд может показаться, что вместе с Гирсом «ужасается» и его заместитель Ламздорф. В действительности последний вторит августейшему шефу, оба они вторят царю, считая, как и он, что спасение умирающих с голоду «развращает» умирающих. Ламздорф записывает: они, т. е. «громадное большинство крестьян и рабочих», гоняются за пособием и получают его даром «вместо того, чтобы работать и пособие это заслужить». Такой непорядок, по мнению автора, страшнее самого голода: «Благотворительность такого рода может в конечном счете привести к еще большим бедствиям, чем сами последствия неурожая, от которых пострадала большая часть России».

Царь колеблется между благотворительностью и государственными субсидиями. Первое ему не нравится, на второе же, по его мнению, слишком мало (или вовсе нет) денег.

Тем временем со всех концов страны идут в Петербург просьбы и требования: в любой форме наладить какую-либо организованную, систематическую помощь голодающим. Поскольку и царь и правительство ссылаются на нехватку средств в казне, возникает проект: за 60 млн. руб. наличными продать зарубежным банкам права на военную контрибуцию, взыскиваемую с Турции, и вырученные деньги обратить на закупку хлеба для голодающих. Ни один банк на сделку не согласился. Кто-то предложил попросить взаймы у Германии. Кайзер от содействия займу уклонился. Решили еще раз, теперь с размахом, провести благотворительную кампанию, с лотереями и пожертвованиями. Призвал вносить пожертвования «Правительственный вестник». Не уверены даже сановники, что нечто в этом роде может существенно облегчить положение, — в их числе, например, тот же Ламздорф. Он, во-первых, называет «ложными» слухи, «будто бы государем пожертвованы в пользу голодающих миллионы рублей из удельных сумм». Во-вторых, спрашивает он, что может дать какая-то благотворительная лотерея, с помощью которой рассчитывают «добыть мизерную сумму в пять миллионов»? Какое и кому несет спасение эта игра «с купонами в один рубль»? К тому же и над собранными жалкими средствами «нет контроля и в разных местах уже совершены растраты»⁴.

И все же, невзирая на препоны и затруднения, вопреки скептицизму царя общественность делала все возможное, не щадя усилий. Добровольцы из народа собирали по стране деньги, закупали и отправляли в бедствующие районы хлеб, открывали на местах столовые (много хлопотал, душевно страдая, Л. Н. Толстой). Но взирал на дело исподлобья не только царь. Ставили общественности палки в колеса те же самые чиновники, которые сами в помощь голодающим ничего сделать не хотели и не сделали. Отличился по этой части некий полковник А. А. фон Вендрих, приближенный царя, в то время инспектор министерства путей сообщения (позднее — заместитель министра). Посланный особополномоченным в пострадавшие районы, он дезорганизовал грузовое движение на центральных железнодорожных магистралях, загнал в тупики 11 тыс. вагонов с зерном; на загроможденных путях намокли и стали загнивать 6,5 млн. пудов ржи и пшеницы. Когда о поведении фон Вендриха доложили царю, он раздраженно возразил: «Не говорите о нем вздора, это достойный офицер». И добавил: «Всяких побирающихся всегда будет много, а таких верных людей, как Вендрих, раз-два и обчелся».

Одни, как Вендрих, хлеб гноили. Другие, как Алабин, гниль подсовывали голодающим, выставляя казне счета, по которым получали и присваивали крупные суммы. Если Вендриху, пользовавшемуся личным расположением царя, безобразия сходили с

рук, то дело Алабина получило широкую огласку и потрясло Россию.

В один из неурожайных годов конца столетия правительство решилось на необычную для него щедрость: в два приема выделило на закупку хлеба для голодающих кредиты — 1,5 и 4,7 млн. руб. Для особо пострадавшей Самарской губернии должен был обеспечить закупки Алабин, председатель губернской земской управы. Он заключил сделки с двумя хлеботорговыми фирмами: Шихабодова и Дрейфуса. Первый представил в условленные пункты муку формально «5-го сорта», а на деле заведомо гнилую, к употреблению непригодную; второй — зерно с примесью ядовитых семян куколя и других сорных трав, также непригодное. К голодным смертям теперь прибавились массовые заболевания и гибель людей от отравлений. Оказалось, Алабин получил от поставщиков взятки.

Он предстал перед судом в Московской судебной палате. Оправдывался «неумелостью». Обвинитель А. Ф. Кони отверг довод, заметив, что обвиняемый прослужил 48 лет, занимая такие должности, как управляющий палатой государственных имуществ, посол в Болгарии, городской голова в Самаре и т. д. Обвинитель предостерег суд от мягкого решения, ибо «такой прецедент был бы опасен»: он открыл бы возможность «относиться к общественному бедствию легкомысленно, невнимательно, высокомерно или бездушно... уходить из-под карающей длани закона и драпироваться в удобную и безопасную мантию неумелости». Но именно со ссылкой на «неумелость» суд вынес Алабину оправдательный приговор⁵.

Немного позднее снова недород, снова с трудом выжатый из правительства кредит, снова шум вокруг этих денег — теперь уже в министерском, общегосударственном масштабе. Создать резерв зерна на 8 млн. руб. было поручено фавориту царя, товарищу министра внутренних дел В. И. Гурко. В нарушение закона Гурко переуступил (за мзду) свои полномочия по закупкам зерна иностранцу Лидвалю. Последний контракта не выполнил. Сенатор В. Н. Варварин провел следствие. По его требованию Гурко был предан суду сената, приговорен к отрешению от государственной службы. Следователь недоучел отношение царя к Гурко. Когда спустя некоторое время министр юстиции И. Г. Шегловитов представил Николаю имена сенаторов, рекомендуемых к назначению членами Государственного совета, в их числе и Варварина, его величество на назначение последнего не согласился, сказав, что он не забудет действий Варварина по преданию суду Гурко⁶.

И все эти бедствия голода и скандальные аферы вокруг них продолжались от начала царствования до его конца. Все 23 года не давал России паузы или передышки царь Голод.

В середине 50-х годов в Нью-Йорке была издана книга белоэмигранта А. Н. Наумова, бывшего в 1915—1916 гг. министром земледелия. Он участвовал в борьбе с «самарским голодом»

еще в конце прошлого века, когда «небывалые недороды 1897 и 1898 гг. повлекли за собой почти повсеместное недоедание, а в ряде районов настоящий голод с его последствиями — цингой и тифом». Спустя почти два десятилетия Наумов председательствует в Особом совещании по продовольственному снабжению, которое занято той же проблемой. «И что же мне пришлось увидеть? — спрашивает он. И отвечает: — Россия фактически не вылезает из состояния голода то в одной, то в другой губернии, как до войны, так и во время войны». По-прежнему подвергаются «мучению голодом» знакомые ему и Саратовская, и Симбирская, и Казанская, и Уфимская губернии... Все так же процветают спекуляция хлебом, хищничество, взяточничество; «комиссионеры, поставляющие зерно, наживают состояния, не отходя от телефона». Остались прежними «неподготовленность административных верхов, их неспособность обеспечить снабжение, учет и размещение по стране имеющихся запасов».

И на фоне полной нищеты одних — безумная роскошь других. В двух шагах от конвульсий голодной смерти — оргии пресыщения. Вокруг усадеб власть имущих вымирают селения; они же тем временем заняты постройкой для себя новых вилл и дворцов под Питером и Москвой, в родовых имениях, на побережье Черного моря.

Тот же Наумов вспоминает: трудно представить себе что-либо более богатое и прекрасное, нежели крымский Форос с его дивным парком, лужайками, розариями, причудливыми тропическими растениями, огромными клумбами пахучих цветов, разбросанными там и сям прудами, искусственными протоками в извилистых берегах с переброшенными через них легкими мостиками. Этот восхитительный уголок на земле создал для себя фабрикант фарфора А. Г. Кузнецов, на предприятиях которого рабочий получал в среднем 42 копейки за 14-часовой рабочий день. Когда же однажды гость в Форосе спросил А. Г. Кузнецова, дорого ли ему обошелся созданный им здесь райский сад, тот ответил: «Во столько, во сколько сложится сумма всех радужных сторублевых кредиток, если устлать ими всю поверхность этого сада»⁷.

Единственное, что смогли придумать советники Николая II для «удержания в спокойствии» пролетариата, была зубатовщина*; выше этого изобретательский гений царедворцев и шпииков, специализировавшихся на «рабочем вопросе», не поднялся. Един-

* Чтобы отвлечь рабочих от революционной борьбы, царское правительство создало в промышленных центрах организации так называемого полицейского социализма. В Москве эту систему подкупа и политического растления рабочих возглавил начальник местной охраны жандармский полковник Зубатов. Во главе петербургской организации, поддерживаемой градоначальником И. А. Фуллоном, оказался священник пересыльной тюрьмы Георгий Гапон; ее сеть к началу 1905 г. составляли в разных районах северной столицы 11 отделений с 9 тыс. членов. В целом зубатовщину инспирировал и направлял министр внутренних дел В. К. Плеве; 15 февраля 1904 г. он утвердил устав петербургской организации.

ственное, что смогло царское правительство надумать и сделать в попытке смягчения крестьянского вопроса, — так называемая столыпинская аграрная реформа.

Боясь потерять все, помещичьи лидеры призадумались, не пожертвовать ли частью. На первые годы века приходится рождение идеи отчуждения некоторой части помещичьих и казенных земель для распределения (за компенсацию) среди крестьян. Разработал проект закона главноуправляющий земледелием и землеустройством Кутлер, соавторами его были профессор-экономист Кауфман и директор департамента государственных имуществ Риттих. Они предлагали передать крестьянам 25 млн. десятин государственных и помещичьих пахотных земель. Исходили они не из интересов крестьянства, а из стремления экономически укрепить крупное землевладение, все более усваивавшее капиталистический способ сельскохозяйственного производства. Маневр вполне благонамеренный, хотя и необычный по заходу и масштабу; но и он показался царю подозрительным. Несмотря на то что Кутлер и его коллеги запланировали взыскание с крестьянства огромного выкупа, общей суммой превосходившего платежи, какие были взяты «с мужичка» после реформы 1861 г.; несмотря на то что к передаче крестьянству намечены были преимущественно «земли, впусе лежащие, а также земли, обычно сдаваемые владельцами в аренду», Николай проект отклонил.

На докладе главы правительства С. Ю. Витте о результатах обсуждения в Совете министров аграрного вопроса («Представляется предпочтительным для помещика поступиться частью земли и обеспечить за собой владение остальной землей, нежели лишиться всего...») Николай ставит резолюцию: «Частная собственность должна остаться неприкосновенной»⁸. Вслед за чем (на другом документе) появляется другая его резолюция: «Кутлера с должности главноуправляющего сместить».

Страх перед революцией не проходил, надо было что-то сделать. Поскольку «накатывающийся воз» (выражение Л. Н. Толстого) продолжал все более «накатываться», реформа некоторая все же была осуществлена. Ее главным «героем» стал П. А. Столыпин. Он дал свое имя как аграрному новшеству («столыпинские отруба»), так и одновременно системе массового убийства несогласных с его ухищрениями («столыпинский галстук»). В ходе реформы были наделены землей и выведены на отруба местами до 25% крестьянских хозяйств. По европейской части России к 1 января 1916 г. выделились из общин 2,5 млн. хозяйств, закрепивших в личную собственность 16,9 млн. десятин земли, что составляло около 12% надельного землевладения в 1905 г.⁹

Результат вышел такой, какой предсказывали передовые люди России: половина земли, переданной трудовому крестьянству, так или иначе ушла в руки кулачества. Доля неимущих и безземельных в сельском населении еще более возросла.

Помещичьего землевладения реформа по существу не затрону-

ла, расслоение же крестьянства усугубила, не только не «умиротворив» деревню, но и еще более обострив в ней классовую борьбу. Не получилось, таким образом, ни расширения собственнической базы в деревне, на что рассчитывал Столыпин, ни отвлечения массы крестьянства от революционной борьбы. Только с 1908 по 1913 г., в разгар, казалось бы, «умиротворительного» эффекта реформы, зафиксировано по стране около 22 тыс. крестьянских выступлений¹⁶.

Деревня как была, так и осталась одним из главных очагов революции. Тень озабоченности пала на чело «помазанника божия». Но премудрость его сработала как-то боком, поперек здравого смысла. Когда попала к царю докладная записка с некоторыми из этих итоговых данных, он написал: «В том-то и дело, что не слишком ли много льгот и удобств? Боюсь, это только балует и развращает».

ПИСЬМО ИЗ ГАСПРЫ

А ведь менее всего царь мог жаловаться на неясность сигналов, подаваемых ему и обстановкой, и отдельными людьми. Старались привлечь к ним его внимание. Значение этих сигналов ему объясняли. Внушали серьезное к ним отношение. Советовали не отмахиваться — предупреждали о последствиях. Подсказчики были разные, среди них и весьма уважаемые, например Лев Николаевич Толстой. В 1902 г. он послал Николаю II письмо еще раз попытавшись — в который раз! — в соответствии со своей «социальной педагогикой» наставить царя в здравомыслии и благоразумии*.

Случалось, и прежде писатели пытались «оздоровляюще» повлиять на царей — достаточно вспомнить А. И. Герцена. Толстовское послание последнему самодержцу стоит рядом с герценовскими обличительными обращениями к царю-«освободителю». Сколь иллюзорной ни казалась бы преследуемая цель — повернуть, изменить образ мыслей и действий самодержца, меньше всего было в этих обращениях наивности, диктовались они только болью за терзаемый царизмом народ. Движимые жгучим к нему состраданием, авторы этих обращений готовы были добиваться облегчения его участи пусть даже путем ходатайства за него перед царем. По существу и герценовские, и толстовские письма к царям были актами отчаяния. И Герцену, и Толстому хотелось

*Л. Н. Толстой неоднократно пытался непосредственно воздействовать на трех последних русских царей: Александру II написал письмо 22 августа 1862 г.; Александру III — 8 — 15 марта 1881 и 2—3 января 1894 г.; Николаю II — 10 мая и 19 сентября 1897, 7 декабря 1900, 26 марта 1901, 16 января 1902 г. (из Гаспры). С посланием «Царю и его помощникам» он обратился 15 марта 1901 г. (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 60. С. 440—441; Т. 63. С. 44—52; Т. 67. С. 4—9; Т. 70. С. 72—75, 140—141; Т. 72. С. 514—516, 516—520; Т. 73. С. 55, 184—196; Т. 34. С. 239—244).

думать и верить, что император, если его уговорить, сможет и пожелает что-нибудь сделать для простых людей.

Свое последнее из посланий к царям, составленное в 1902 г. в Крыму, в Гаспре, Толстой писал с трудом. Великий писатель тяжело болел, чувствовал себя умирающим. Один из близких к нему людей, А. Б. Гольденвейзер, тогда писал: «Он слишком много работает в эти дни над очень волнующей его работой (письмо к царю) и переутомился. У него сделались перебои, и вчера он не вставал с постели». О том же вспоминал его сын Сергей: «Несмотря на свои страдания и слабость, отец... даже диктовал. В конце декабря он составил письмо Николаю II с призывом уничтожить тот гнет, который мешает народу высказать свои желания и нужды... уничтожить земельную собственность... 16 января была закончена последняя редакция этого письма и отослана через великого князя Николая Михайловича. 28 января Николай Михайлович телеграфировал, что письмо передано царю»¹¹.

Вероятно, адресата ошеломили уже первые два слова, которыми начиналось письмо. «Любезный брат!» — такую, на первый взгляд странную, форму обращения к Николаю II избрал Толстой. И сразу вслед за этим пояснение: «Такое обращение я счел наиболее уместным потому, что обращаюсь к Вам в этом письме не столько как к царю, сколько как к человеку-брату... Мне не хотелось бы умереть, не сказав Вам того, что я думаю о Вашей теперешней деятельности и о том... какое большое зло она может принести людям и Вам, если будет продолжаться в том же направлении, в котором идет теперь».

Из дальнейших строк адресат мог без труда уяснить себе, что думают передовые люди как о его теперешней деятельности, так и о видах на продолжение чинимого им зла. Толстой пишет Николаю об архаичности тиранического единовластия вообще, о бессмыслице и несправедливости царского самодержавия в особенности. О глубокой несправедливости привилегий и самоуправства паразитических классов, поддерживающих самодержавие и стоящих за царем. Толстой советует царю, во-первых, отказаться от единоличной власти; во-вторых, решительно улучшить положение рабочих, провести отчуждение помещичьей земли и передачу ее крестьянам. «Самодержавие, — поучает царя Лев Николаевич, — есть форма отжившая»; в ее основе лежит идея «такого неисполнимого намерения, как остановка вечного движения человечества». Лгут те охранители царского строя, которые в оправдание свое заверяют, будто, «останавливая всякое движение жизни в народе, они обеспечивают благоденствие этого народа». Каково благоденствие — могли бы засвидетельствовать «те сто миллионов, на которых зиждется могущество России», но которые «нищают с каждым годом» и доведены до того, что «голод стал нормальным явлением». Берегитесь взрыва, предостерегает царя Толстой, подумайте и о своей личной безопасности; не дожидайтесь, чтобы «накатывающийся воз» ударил по ногам. Не следует поддаваться

и иллюзии обожания, которым как будто окружают самодержца толпы верноподданных, — это самообман. Эти люди, которых царь принимает за выразителей народной любви к нему, суть не что иное, как полицией собранная и подстроенная толпа, долженствующая изображать преданный ему народ, — как, например, «это было с Вашим дедом в Харькове, когда собор был полон народу, но весь народ состоял из переодетых городских»¹².

Ответить Льву Великому Николай «маленький» счел ниже своего достоинства. Призывы Толстого оказались адресованными глухонемому. Позднее, когда писатель окончательно убедится в безрезультатности своих обращений к царю и его помощникам (Витте, Столыпину), он скажет в домашнем кругу: «По крайней мере я все сделал, чтобы узнать, что к ним обращаться бесполезно»¹³.

Правда, потом Николай II принял для частной беседы сына писателя, Льва Львовича. Тщетно пытался тот завязать диалог на темы, затронутые в гаспринском письме. Николай разговора не поддержал. Он угрюмо, почти раздраженно сослался на свое обещание, данное в Ливадии умирающему отцу, и на свою присягу в Успенском соборе в день коронации. Льву Толстому-младшему ничего не оставалось, как посвятить остаток аудиенции популяризации других призывов своего родителя: не курить, не пить и не убивать животных. Эти пояснения царь выслушал спокойнее, с любопытством и даже не без видимого удовольствия, хотя потом не бросил ни пить, ни курить, ни стрелять птиц и животных.

Не больше уважения к Л. Н. Толстому проявили тогда и некоторые помощники царя, к которым писатель — по тем же мотивам и с теми же мыслями — тоже обращался несколько раз, в том числе к Витте и Столыпину¹⁴.

Что касается членов императорской фамилии, включая кузенов того же как будто услужливого Николая Михайловича, то своей непочтительности к Толстому они не скрывали, иногда же она просто переходила в грубость.

В районе Ливадии группа великих князей встала поперек дороги, по которой ехал верхом Толстой. Преграждали путь и дрожки в одну лошадь. Под требовательным взглядом Толстого лошадь отошла в сторону, пропустив его; великие князья остались на месте, повернувшись к нему спиной.

Проехав минуты две молча, он сказал:

— Узнали, дураки.

И еще через минуту:

— Лошадь и та поняла, что надо уступить дорогу Толстому¹⁵.

Кончилась толстовская попытка «просвещения разбойников» тем, чем она только и могла закончиться, — ничем. Убедившись в таком результате, Толстой вопреки всем своим проповедям о всепрощении и безотчетной любви преисполняется гневом и презрением. Тот, кого он назвал своим «любезным братом», впредь в

беседах и письмах клеймится как «малоумный гусарский офицер», а под конец и как «скрытый палач», «убийца». Охотно воспроизводит Толстой перед своими друзьями самые резкие оценки деятельности царя, доносящиеся из низов народных. Софья Андреевна, рассказывает он, однажды «встретила оборванца», разговорила с ним. Тот сказал ей: «Был у нас когда-то царь Николай Палкин, теперь имеем Николая Веревкина. Ну, да мы до него доберемся»¹⁶.

Об этих настроениях Толстого царь знал (от охранки, агенты которой таились даже среди яснополянской домашней прислуги). Когда однажды за семейным столом писатель сказал: «Времена царей кончаются», первым за пределами Ясной Поляны узнал об этом через тайную полицию Николай II. Получая информацию подобным образом, он выше своего мелкокалиберного рефлекса на масштабные явления так и не поднялся. Не смог выше приподняться ни при жизни яснополянского гиганта, ни после того, как в астаповском пристанционном домике перестало биться великое сердце.

О смерти Толстого официально сообщил царю П. А. Столыпин 7 ноября 1910 г. в форме докладной записки в несколько строк:

Сего числа, в 6 часов 5 минут утра, на станции Астапово, Рязано-Уральской дороги, скончался на 83 году жизни граф Лев Николаевич Толстой. О чем приемлю долг всеподданнейше доложить Вашему императорскому величеству.

Статс-секретарь Столыпин

На этой докладной царь надписал:

*Господь бог да будет ему милостивым судьбою. Николай*¹⁷.

Ошибочно утверждение о том, что семье Толстого сразу же была назначена пенсия в размере 10 тыс. руб. в год. Пенсия не была назначена ни в ноябре 1910, ни в течение 1911 г.

После смерти писателя Софья Андреевна дважды просила Николая II выкупить Ясную Поляну (за 500 тыс. руб.), опасаясь, что имение будет раздроблено и попадет в руки частных лиц. Она писала царю: «Передать его колыбель и могилу под охрану государства составляет горячее наше желание». И позднее в тот же адрес: «Умоляю В. И. В., не позволяйте бесповоротно погубить Ясную Поляну... помогите вместе с тем семье моей... Верую всем сердцем в доброту, милосердие и высшую справедливость Вашу...»

Черносотенцы подняли вой. Обер-прокурор синода В. Саблер публично заявил, что выкуп Ясной Поляны будет посмертной «премией» Толстому за его выступления против правительства.

20 мая 1911 г. Николай II направляет просьбу С. А. Толстой на рассмотрение Совета министров. В своем заседании от 26 мая правительство постановляет: в принципе предложение вдовы принять, министру финансов изыскать средства. Но 20 декабря 1911 г. царь ставит на деле резолюцию: *Нахожу покупку имения графа Толстого правительством недопустимою. Совету министров*

обсудить только вопрос о размере могущей быть назначенной вдове пенсии. Иначе говоря, царь «отвязался» от жены великого писателя путем назначения ей пенсии.

Всенародным национальным достоянием, охраняемым государством, Ясная Поляна стала только после Октябрьской революции.

ПЕТЕРГОФСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Мало поработить народ — надо ему внушить, что это порабощение освящено самим всевышним и потому вечно. Недостаточно лишить народ прав — надо убедить его, что это несправие естественно и потому навсегда незыблемо.

Установить для 140 млн. подданных режим нещадной эксплуатации, ввергнув их в беспросветную нищету и голод, — это только полдела. Другая сторона дела, которому посвятило свой творческий разум и организационно-политическую изобретательность царское правительство, — это разъединить их националистической травлей; запугать одних, «приласкав» других; привить всем равно страх и покорность; внушить им трепет перед величием и всемогуществом императорской власти.

Главная же предпосылка такого властвования над подданными — удержание их в невежестве и темноте. Пока подданный безграмотен и суеверен, рассчитывали слуги престола, он останется верным подданным. Пока по темноте своей не разбирается в причинах своих бедствий, рассчитывали его эксплуататоры, он, даже погибая с голоду, будет преданно падать им в ноги. Вообще, говорили они, простому русскому человеку исторически свойственно поддерживать основы консерватизма и монархической старозаветности, и он таким останется, если держать его подальше от школы и грамоты, не давать ему в руки обыкновенного букваря.

Как продолжить и впредь сей традиционный курс — об этом и завязали разговор царь и его приближенные на одном из самых представительных государственных совещаний начала века. Это совещание, посвященное вопросу о создании Государственной думы, проходило в Новом Петергофе в течение восьми дней (с 19 по 26 июля 1905 г.). Суть обсуждения: как отвести от самодержавия грозные разряды нарастающей революционной бури, приоткрыв клапан в виде «народного представительства». По ходу обсуждения оказались затронутыми другие проблемы жизни России, не менее, если не более наглядно отобразившие тот тупик, в который ее завел царизм.

В зале второго этажа дворца, обращенном настежь распахнутыми окнами к фонтанам и взморью, разместились в рядах кресел 49 человек — они вызваны сюда из Петербурга и Москвы по списку, составленному лично императором. Наиболее близкие его советники и консультанты сидят в первом ряду прямо перед ним. Это К. П. Победоносцев — обер-прокурор синода;

А. Г. Булыгин — министр внутренних дел; А. А. Будберг — главноуправляющий императорской канцелярией; Э. В. Фриш — старейшина Государственного совета, статс-секретарь; В. Н. Ламздорф — министр иностранных дел; А. Ф. Редингер — военный министр; братья Д. Ф. и А. Ф. Треповы; князь А. А. Ширинский-Шихматов; граф А. А. Бобринский; граф А. П. Игнатьев; А. С. Танеев (отец пресловутой фрейлины А. А. Танеевой-Вырубовой).

Несколько поодаль за ними барон Ю. А. Икскуль фон Гильденбрандт — статс-секретарь; барон Б. В. Фредерикс — министр двора; А. А. Нарышкин — председатель совета объединенного дворянства; О. Б. Рихтер — член Государственного совета; П. Х. Шванебах — главноуправляющий земледелием и землеустройством; барон Э. Ю. Нольде — управляющий делами Комитета министров; А. Г. Тимрот — статс-секретарь; Н. Н. Герард — председатель департамента Государственного совета; сановники В. Н. Коковцов, А. С. Стишинский, Н. М. Павлов, В. В. Верховский, Н. М. Чихачев и еще некоторые другие; среди них маститый историк профессор В. О. Ключевский. Присутствуют пять великих князей.

Председательствует Николай II. Открыв первое заседание, он предупреждает участников о необходимости хранить «абсолютную и строгую тайну» обсуждения от начала его до конца. Спросил: ввиду исключительной секретности обсуждения следует ли вести протокол? Мнения разделились. А. Г. Булыгин решительно высказался против. Николай отдал распоряжение Икскуль фон Гильденбрандту: обеспечить ведение записи в двух экземплярах. Спустя два месяца после совещания полный текст стенограммы был опубликован в Германии издательством «Нейнаст».

Председательствующего интересует вопрос: будет ли у проектируемой Думы возможность покушаться на его единовластие? Просит слова Шванебах. Он приводит теологический аргумент: «Ваше величество, сам господь бог подчиняется законам, которыми его же премудрость управляет вселенной... Ваш закон, вы его и истолкуйте. Мы не допустим, чтобы Дума вас ограничила». Царь заключает: «Хорошо, мое самодержавие остается, как встарь».

Следующий вопрос: куда должен быть включен тезис о неизблемости самодержавия — в манифест, которым царь известит страну об учреждении Думы, или в конституционный закон, на основе которого она будет создана? Выступающие считают, что это все равно. Манифест прочтется и забудется, а закон о Думе будет действовать постоянно. Царь указывает: включить соответствующую формулу не в манифест, а в закон.

Затем он хочет знать: упоминает ли о его особе формула ответственности депутата Думы за свою деятельность? «Прочитай-те мне проект текста присяги депутата». Читают. Проект гласит: «Обещаем перед всемогущим богом исполнять возложенные на

нас обязанности, как верноподданные самодержавного нашего государя». Достаточно ли? Чтобы не оставалось сомнений на этот счет, он хочет сравнить запроектированную присягу депутата Думы с действующей присягой члена Государственного совета. Зачитали и эту. Минута раздумья, потом он заключает: «Эта формула (первая) мне нравится больше. Она короче и гораздо яснее». И указывает: «Считать принятым первый текст».

Теперь, когда уточнено главное, т. е. касающееся его божественной личности, можно перейти к сути дела. Ставится на обсуждение вопрос: кто может избирать и быть избираемым в Думу? А. С. Стишинский напоминает участникам совещания, что статья 54-я будущего закона преграждает доступ в Думу лицам, «не знающим русской грамоты». Поскольку подавляющее большинство жителей империи неграмотно, а особенно мало грамотных среди крестьян, возникает соображение: как, по каким нормам и на каких условиях предоставлять им активное и пассивное избирательное право? Завязывается дискуссия, в центре которой оказывается проблема народного просвещения вообще.

Стишинский. Понятие грамотности слишком условно и допускает весьма противоречивые толкования. Среди деревенских стариков весьма мало грамотных, а они-то, наиболее почтенные и опытные люди, не будут иметь возможности явиться в Думу представителями своего сословия.

Стишинского поддерживают Шванебах, Нарышкин, Павлов и Будберг.

Булыгин. Нельзя допускать в Думу таких членов, которые не в состоянии прочесть печатные материалы по тому или иному вопросу, рассматриваемому в Думе.

Верховский. Члены Думы при своем вступлении в нее должны подписывать присягу. Значит, они должны по крайней мере уметь написать свою фамилию.

Нарышкин. Ничего. Неграмотность крестьянам не мешает. Они будут ставить три креста, или за них будут подписывать присягу другие сочлены. Неграмотные старшины гораздо лучше справляются со своим сложным делом, нежели знающие грамоту.

Его императорское величество. Я согласен с тем, что такие крестьяне с цельным мировоззрением внесут в дело больше здравого смысла и житейской опытности.

Павлов. Грамотных или даже малограмотных следует считать нравственно испорченными и совращенными с пути истинного... Это плеве́лы.

Его императорское величество. Может быть, и в самом деле лучше исключить пункт «г» статьи 54 на первое по крайней мере время. Пойдем далее.

Всплывает вопрос: как быть с инородцами? Если не со всеми, то по крайней мере с некоторыми из них. Предоставить им избирательное право или, напротив, лишить?

Выступают Шванебах и Нарышкин. Их позиция: лишить.

Нарышкин. Инородцев, по моему мнению, надо лишить такого права. Это элемент совершенно неблагонадежный и потому вредный для будущей Думы.

Коковцов. Я думаю, что лишение инородцев избирательных прав явилось бы едва ли оправдываемой несправедливостью.

Нарышкин. С соображениями Совета министров я не считаю возможным согласиться. Главный мотив — брожение среди инородцев — не может иметь решающего значения в данном вопросе...

Его императорское величество. Оставить проект без изменения¹⁸.

От имени группы членов Государственного совета делает заявление *Нарышкин*. Председатель Комитета министров высказался за дарование избирательных прав довольно многочисленному классу фабрично-заводских рабочих.

Выставляют мотивом признаки серьезного брожения между рабочими... Ну и что из этого?.. Не могу не указать, что есть еще не коренной слой населения, преимущественно городского, который, однако, облачается (по проекту закона) упомянутыми правами. Это интеллигенция, не владеющая имущественным цензом, а платящая только налоги, промысловый и квартирный... Я возражаю против допущения к выборам этих квартирнанимателей, опасаясь, что таким путем проникнут в Думу весьма нежелательные элементы.

Решение принимается царем в согласии с мнением этой группы.

Утвержденный царем 6 августа 1905 г. — вскоре после петергофских дискуссий — избирательный закон рассортировал население империи по трем неравным куриям: землевладельческой, городской и крестьянской. Последней в виде милости было отведено в Думе 51 из 412 депутатских мест. Рабочие, батраки и ремесленники не получили избирательных прав. Не допускались к выборам все женщины, мужчины моложе 25 лет, а также учащиеся, военнослужащие и «бродячие инородцы».

Под давлением событий пришлось перестроиться на ходу. 11 декабря того же года Николай утверждает разработанный Витте новый избирательный закон, который, оставив в силе все основные положения старого, ввел новшества: учреждение четвертой, рабочей курии при многостепенном голосовании, при условии проживания избирателя (рабочего) в определенной местности не менее шести месяцев. По этому закону один выборщик приходился на 50 тыс. рабочих, на 30 тыс. крестьян, на 7 тыс. буржуа и на 2 тыс. помещиков; или, в другом пересчете, один голос помещика значил столько же, сколько 3 голоса буржуа, 15 голосов крестьян или 45 голосов рабочих.

Но и такое соотношение не удовлетворило Николая. Избранная на сей основе I Дума оказалась для него слишком левой, а II — левее первой. Церемониться он не стал: разогнал и ту и другую.

Не порадовали его патриархальные хуторяне своей эпической речью и тремя крестами в месячных ведомостях на 12 рублей депутатского жалованья. Не удовлетворило его и уравнивание: 1 помещик=45 рабочим.

Разогнав II Думу, он новым избирательным законом установил еще более оригинальное соотношение весомости избирательных бюллетеней. Теперь один голос помещика равнялся 4 голосам буржуа, или 260 голосам крестьян, или 550 голосам рабочих. Выборы, проведенные на основе этого закона, дали две трети мест в Думе помещикам и крупной буржуазии, которые составляли (в европейской части страны) меньше 1% населения.

ОБЛО, ОЗОРНО И СТОЗЕВНО

Отпечатав свое сочинение тиражом в 650 экземпляров, коллежский советник А. Н. Радищев отправил его в Гостиный двор книготорговцу Зотову. Пока тот продавал новинку, один ее экземпляр лег на инкрустированный яшмовый столик в кабинете

императрицы в Зимнем дворце. Екатерине II оказалось достаточно прочесть 30 страниц из 453, чтобы уловить суть сочинения. Участь автора была предрешена: Радищев, брошенный в Петропавловскую крепость, стал смертником. Приказ об аресте отдала сама — письмом на имя генерал-аншефа Брюса, «главнокомандующего в Санкт-Петербурге».

Она, «философ на троне», раз и навсегда отучит крамольников хулить самодержавие — «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». Следствие повел известный в столице «кнутобоец» Шешковский. Последний выявил все: и когда приступил сочинитель к преступному написанию оного «Путешествия из Петербурга в Москву» (в 1785 г.); и кто книгу набрал (таможенный служащий Емельян Богомолов); и кто принес ее в цензуру (друг автора Мейснер); и кто в цензуре разрешил ее опубликование (полицмейстер Никита Рылеев, по лености «не токмо не прочитавший сочинение, но и даже не заглянувший в него»).

Самое же важное, что установил кнутобоец и что доведено было до сведения императрицы: крамольные идеи «Путешествия» автор проповедует давно. Еще 17 лет назад (в 1773 г.) было им начертано черным по белому возмутительное утверждение:

Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние.

И еще:

Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками.*

Екатерина предписала расправу устрашающую. Имея в виду оду «Вольность», включенную в «Путешествие», пояснила: «Она совершенно ясно бунтовская, где царям грозит плахую. Кромвелев пример приведен с похвалой».

В новое время профессор П. Н. Милюков, он же кадетский лидер, пытался «причесать» Радищева под либерала. Никто ему не поверил. Не мог выпрашивать милостей предвозвестник революционных бурь, пророчивший самодержавию плаху. Тот самый автор оды «Вольность», который, осуждая преступления самодержавного монарха Карла Стюарта, воскликнул: «Единой смерти на то мало... умри, умри же ты стократ»¹⁹.

И спустя столетие после того, как «помилованный» Радищев погиб в мучениях, приняв яд, чудище царизма продолжало травить лучших людей страны, терзая их и убивая, и делалось это в конце XIX — начале XX в. с той же методичностью, как и в конце XVIII. И через сто с лишним лет «наипротивность» самодержавия отнюдь не уменьшилась — она стала еще более очевидной...

Медленно, но неотвратно в России размывались, расшатывались развитием капиталистических отношений помещичье-дво-

* Примечания А. Н. Радищева к сделанному им переводу книги Мабли «Размышления о греческой истории».

рянские устои самодержавия. Вызревали и крепили в недрах общества новые силы, расправлявшие окостенелую оболочку феодально-автократического режима. Чудище было еще и обло, и озорно, и огромно, и стозебно, но историческую обреченность его уже со времен Радищева понимали многие мыслящие люди и в России, и за ее пределами — только восседавшие на троне и толпившиеся подле них не хотели этого видеть и признавать. Под натиском нараставших сил прогресса и революционного обновления феодально-императорская система трещала по швам, но ее идеологами и администраторами владела все та же идея, однажды лаконично сформулированная будочником Мымрецовым: «Тащить и не пущать».

Отвратить от царизма его крах не смог бы правитель и сильнее умом и духом, чем Николай II. История определила крах царизма безотносительно к тому, какой самодержец, с какими индивидуальными качествами олицетворял этот насквозь прогнивший антинародный социально-экономический строй.

Это, однако, не значит, будто в истории предреволюционных десятилетий, как уверяют некоторые советологи, в частности г-н Хойер, роль Николая II в силу «некоторой обыденности», «пассивности» и «неамбициозности» его натуры была «слишком незначительной, чтобы его можно было в чем-нибудь обвинить»²⁰. По мнению Хойера, Николай II стал жертвой своего окружения. Оно, включая царицу и Распутина, давило на него, злоупотребляя его уступчивостью и податливостью; царю якобы навязывались порочные решения, которые зачастую были ему даже неприятны. Слабоволие плюс непреодолимая склонность прислушиваться к дурным рекомендациям помощников — вот что, согласно этой оценке личности последнего Романова, предопределило его провалы, крушение и екатеринбургский финал.

Умысел г-на Хойера достаточно прозрачный: свести причастность Николая II к событиям 1894—1917 гг. до минимума, с тем чтобы можно было представить уральский приговор 1918 г. как необоснованный. Будем справедливы: такого представления о последнем царе придерживались в свое время и люди отнюдь не злонамеренные: одни — в полемическом увлечении, другие — по недостаточной осведомленности. Давно возник и поныне эксплуатируется заинтересованной стороной миф о пассивности, незлобности, «тряпичности» Николая II, о столь полной необремененности его реальным участием в делах, что и предъявить ему, собственно говоря, нечего.

Склонялся вначале к этой мысли Л. Н. Толстой. Бесхребетность, расслабленность иногда приписывал своему шефу С. Ю. Витте. Николай II, иронизировал он, «имеет женский характер». Только по игре природы незадолго до рождения он «был снабжен атрибутами, отличающими мужчину от женщины».

И со страниц старой буржуазно-либеральной публицистики

Николай II встает как правитель-размазня, самодержец-непротивленец, изредка — унылый кретин-неудачник, которому просто не везло. Его изображали «Антоном Горемыкой на троне», называли чеховским Епиходовым, которого преследуют двадцать два несчастья. Даже в лучших образцах ранней советской публицистики он представлен столь ничтожной, почти исчезающей величиной, что по существу его в истории России как бы вовсе и не было. Литературный блеск фельетона «Николай», написанного Михаилом Кольцовым в 1927 г., не может искупить допущенные автором преувеличения, которыми фактически снимается с Романовых ответственность за содеянное ими.

Ссылаясь на советского историка М. Н. Покровского, который фамилию «Романовы» ставил в кавычки, М. Е. Кольцов писал: «Кавычки. В кавычках ничего. Пустые кавычки. Как шуба без человека. Как пустые шагающие валенки, приснившиеся Максиму Горькому». По замечанию Кольцова, ко времени Февральской революции «Романовых не было». Точнее: «Царя не было. Николая Второго не было. Вот уж подлинно: тот, кого не было». Можно ли по крайней мере считать бывшим царский режим? Да, режим был. А кроме режима? Ничего. «Прямо ничего. Нуль. Как у Гоголя в «Носе» — пустое, гладкое место». Эту свою мысль автор подчеркнул также сравнением последнего Романова с игрушкой «фараонова змея». Игрушка — миниатюрный конус, из которого, если поджечь его, выползает небольшая серая змея из пепла. Лежит совсем как змея. Пока не дотронешься до пепла пальцем. Тогда вмиг рассыплется. Власть Николая, по мнению автора, и была змеей из пепла. Не удивительно, что трудовые массы России, свергнув царский режим, о нем «немедленно после Февральского переворота забыли»: как человек, «спросонья запустивший сапог в крысу, чтобы, подняв сапог, взяться за настоящие свои дневные дела»²¹.

«Тот, кого не было» в действительности существовал. И был у него под руками пульт власти, у которого он 23 года хлопотал и орудовал. Не раз складывались острые, рискованные ситуации — тогда самодержец терялся, проявлял нерешительность и колебания, переходя от возбуждения к апатии. Не раз подталкивали его супруга и Распутин; требовали волевых усилий сановники и царедворцы.

И все же он был далек от роли пешки. Он знал, что делал, и хотел того, что делал. Под внешним покровом безразличия и пассивности таилось понимание своей определенной роли. На пути к цели он способен был проявить и энергию, и изобретательность. Эту энергию придавали ему глубоко сидевший в нем обскурантизм, его органическая и непримиримая враждебность ко всему, что шло от исторической новизны, от прогресса и свободы мысли.

И дело было не только в том, что он верил в providенциальное назначение системы самодержавия, отчаянно цепляясь за

свое единовластие, стремясь предельно усердно выполнить данное умирающему отцу обещание о бескомпромиссном охранении автократических устоев. «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть, сам бог повелевает»²². А за четыре месяца до утверждения этого закона, приняв делегацию (23 человека) из «Союза русского народа» во главе с доктором А. И. Дубровиным, царь, выслушав адрес черной сотни, сказал: «Возложенное на меня в Кремле Московском бремя власти я буду нести сам... Во власти этой я отдам отчет перед богом».

Он сам по самой сути своей личности держался глубоко реакционных воззрений и настроений. Всю жизнь владела им острая ненависть ко всему прогрессивному и свежему, что несла с собой современность. Всякое движение сил, олицетворявших идею свободы и человечности, отождествлялось у него с угрозой его личной безопасности и благополучию его семьи. Его ведущим идеалом были застойность и неподвижность; он хотел законсервировать, омертвить все, что охватывалось его полем зрения. Он был беззаветным приверженцем премудрости барона М. А. Корфа, оставившего для истории запись следующего своего разговора с современником. «В том-то и беда наша, — сказал Корфу собеседник, — коснуться одной части вы считаете невозможным, не потрясая целого. А коснуться целого вы отказываетесь потому, что, дескать, опасно трогать миллионы народа. Как же вы из этого выйдете?» «Очень просто, — отвечивал барон. — Не трогать ни части, ни целого... Так мы, может быть, долее проживем»²³.

Коль скоро представление о полезном или вредном для самодержавия и для него лично утвердилось в нем, он мог действовать с решимостью, переходившей в ожесточение. Перед лицом крамолы или либерализма, в которых прежде всего усматривалась угроза его единоличной власти, а следовательно, и личной безопасности, он не знал ни колебаний, ни пощады. Без следа улетучивалась сентиментальность, как рукой снимало его внешнюю благовоспитанность, которую, несмотря на свои огорчения на службе царю, превозносил его бывший премьер-министр. Уж кому-кому, а Сергею Юльевичу Витте довелось в свое время отвеждать удовольствие сотрудничества со своим августейшим патроном; этот-то сановник хорошо знал, чего стоит сломить упорство Николая, преодолеть его сопротивление.

До конца жизни вспоминал Витте, как осенью пятого года в Петергофе он — совместно с некоторыми из великих князей — добивался от царя согласия на маневр дарования конституционных свобод. В тот октябрьский день в небольшом домике на берегу моря шли бурные дебаты. Дядья заседали на Николая и переругивались между собой. Спорили, есть ли в России революция. Сошлись на том, что, наступила ли она или только надвигается, надо сманеврировать, выиграть время, собраться с сила-

ми. Горячились Николай Николаевич, прозванный Длинным, и Владимир Александрович, известный в Петербурге гурман и гуляка. Оба теснят царя к письменному столу, где на раскрытом бюваре ждет его подписи бумага с заготовленным текстом.

Но тот отказывается и упирается. Он на это не пойдет. Подпись свою на таком документе не поставит. Не просите и не уговаривайте. Напрасная трата времени.

Снова, в который раз, выступает вперед и нависает над племянником Длинный. Бегаёт по кабинету, рассыпая на ходу не совсем деликатную словесность, Владимир Александрович. Уступка эта ненадолго, повторяют они. Это не уступка, а уловка. Надо схитрить и извернуться, иначе все пропадет.

Отказывается. Надолго ли, ненадолго — все равно. Не расположен.

К полудню уговаривающие обмякли. Но прибыло из Петербурга подкрепление: Витте, глава правительства, один из авторов проекта манифеста. На ходу выскочив из коляски, побежал вниз по парку, по опавшей листве.

Снова в коттедже уговоры. Под шум прибоя и ветра бархатно журчат округлые, настойчивые речи Сергея Юльевича.

— Я вам не советую, — говорит он Николаю, — ходить на ненадежном судне по открытому океану. Переждите грозу в гавани. Эту паузу выжидания дает вам манифест о свободах. Переждав в тихой гавани непогоду, вы сможете взять прежний курс. У вас снова будут развязаны руки.

Но реакция та же: нет! Ни в какую. Его желание иное: не отступать перед крамолой; навалиться на нее с силой утроенной, удесятенной. Пойти на нее огнем и мечом. Подписи не будет. Льгот и попустительства не будет. Он не такой. Его принимают за кого-то другого.

Теперь, кажется, увядает и Сергей Юльевич. Но осталась у него еще не выложенная карта: последние известия, утром прихваченные из правительственной канцелярии. Он считает своим долгом довести до сведения его величества:

а) что общее число бастующих по империи перевалило за миллион, а бунтующих в деревне — за три миллиона;

б) что число разгромленных крестьянами помещичьих имений достигло двух тысяч;

в) что отмечены бунты в войсках, возвращающихся с Дальнего Востока;

г) что, если выступления мастеровых, мужиков и солдат сольются воедино, а маневр с манифестом не состоится, его величеству с семьей, возможно, придется эмигрировать из России;

д) в связи с этим из Берлина поступил запрос: не желает ли его величество, чтобы на случай необходимости выезда был послан к Петергофу в его распоряжение германский эскадренный миноносец?

Пауза. Молчание. Пять минут. Десять. Кажется, дошло. Похо-

же, он уловил, каков выбор: манифест — или германский миноносец. Пожалуй, лучше манифест. С миноносцем подождем.

«Он сел у стола, ранее вставши, чтобы перекреститься, и написал... Не у стола, стоящего на возвышенности, где он принимает доклады, а у стола, стоящего в середине комнаты, за которым он занимается...»²⁴

Пережив на петергофском взморье в октябрьские дни пятого года страх и унижение чуть было не состоявшегося бегства из России, в дальнейшем мстил революционерам и демократам изощреннее, чем когда-либо прежде. О «дарованных» царем свободах говорили популярные в те времена строки одной из социал-демократических листовок:

Царь испугался, издал манифест:
Мертвым — свобода, живых — под арест.
Россия, Россия, жаль мне тебя!
Горькая, горькая участь твоя²⁵.

Но за его мстительным упорством никогда не было широты тактико-стратегического замысла; его реакция на опасность была упрощенной и односложной; в его представлениях о противнике отсутствовал кругозор. По замечанию одного публициста тех лет, у рычагов управления империей Николай II напоминал человека, который взялся решать задачи по интегральному исчислению, зная только таблицу умножения. Едва ли не главная движущая пружина его побуждений — беспокойство за себя и свой престол; основная реальность, им учитываемая, — физическая сила; наиболее почитаемые средства внутренней политики — экзекуции, травля и устрашение. Приспособиться к новым условиям исторической обстановки он не может и не хочет. Не в состоянии приноровиться к Государственной думе, которую сам «даровал», и притерпеться хотя бы к ее буржуазно-националистическому большинству, которое выказало ему столь много верноподданнического почтения. Личным страхом питается его ненависть ко всему, что идет не от официального бога и не от полицейского ведомства.

Прочно утвердились в нем эмоции дня 1 марта 1881 г., пережитого им в 13-летнем возрасте: через 37 лет после взрыва на Екатерининском канале, сидя в тобольском заключении, он все еще помнит и по случаю годовщины поминает словом скорби «мученическую кончину» Александра II. Запуганный в детстве убийством деда, в отрочестве — деспотизмом отца, в первые месяцы царствования — нахрапом горластых, фанфаронствующих дядьев, последний самодержец вознамерился в свою очередь запугать Россию.

Вдохновляемый идеалом царствования, с детства навеянным ему Победоносцевым, и стал Николай править 140-миллионной державой. Перешагнув через ходыньские волчьи ямы, двинулся дальше.

Попробуем представить его себе без «окарикаривания». Разрозненные черточки, извлеченные из разных источников и сведенные воедино, дают примерно следующую портретную миниатюру...

Он был среднего роста, плотного сложения, с несколько непропорционально развитой верхней частью фигуры. Полная шея придавала ему вид некоторой неповоротливости. При движении вся его фигура как бы несколько подавалась правым плечом вперед. Для обычного выражения лица характерна была странная, «таинственная» полуулыбка. Она тонула в густых усах и небольшой овальной бородке светло-рыжеватого цвета.

У него были большие спокойные серо-зеленые (иногда казавшиеся голубыми) глаза, обычно непроницаемого выражения, которое как-то отдаляло его от собеседника. Возможно, впечатление такое шло еще от того, что он никогда не смотрел в глаза собеседнику. Взгляд Николая либо устремлялся куда-то за плечо собеседника, либо медленно скользил по его фигуре, ни на чем особенно не задерживаясь.

Являвшихся к нему обычно встречал любезно (зачастую приветливо), но всегда сдержанно. Жесты и движения его были размеренными, медлительными. Говорил не спеша, негромким грудным голосом, обдумывая каждую фразу, почему разговор изобиловал длинными паузами, смущавшими собеседника, — могло показаться, что тема для него исчерпана или неприятна и он не желает продолжения разговора. От него никогда не слышали скороговорки. Когда его что-то сильно смешило, смеялся сдержанно, как бы смущенно прикрывал ладонью глаза или рот. Во время разговора иногда производил впечатление человека, не вполне уверенного в себе, колеблющегося, но старающегося скрыть свои колебания и неуверенность, что наружно выдавали подергивание плечом, частое нарочитое покашливание, сопровождавшееся безотчетным поглаживанием рукой бороды и усов.

Сидя, он под столом скрючивал ноги или подгибал их под стул крест-накрест. Вставая, он подавался вначале подбородком и шеей чуть вперед. У него были сильные ноги. За пределами кабинета, как правило, стоял, избегая садиться. Стоя, он никогда не прислонялся и не облокачивался.

Общие характеристики его внешности разноречивы. Генерал Ю. Н. Данилов находил его красивым. Известный юрист и писатель А. Ф. Кони, близко соприкасавшийся с царем и бывавший у него, писал, что это был «un charmeur» («очарователь»), человек с «любезным и ласковым взглядом газели». Эту оценку разделял С. Ю. Витте. М. К. Лемке, напротив, в своем штабном дневнике 16 октября 1915 г. записал: «Сегодня я мог близко рассмотреть его... и долго наблюдать... Царь некрасив, цвет бороды и усов желто-табачный, крестьянский, нос толстый, глаза каменные...» Мстиславскому он через месяц после отречения выраже-

нием лица и взглядом кажется похожим на затравленного волка²⁶. Все, кто наблюдал его в Сибири и на Урале, отмечают появившиеся у него в последние месяцы жизни мешки под глазами, желваки под скулами на потемневшем и заросшем лице. В Екатеринбурге проступила у него равномерная проседь; лысины не было и признака. Брился он до последних дней сам.

Речь его была чистая, внятная. Он почти не употреблял иностранных слов, но говорил с едва уловимым акцентом — не то иностранным, не то так называемым гвардейским. Скандальной истории со сборником его речей (когда полиция конфисковала издание как дискредитирующее царя) Кони не придает значения: тексты эти, считает он, были тенденциозно подобраны и обработаны. «Эта брошюрка, наполненная банальными словами и резолюциями, — не доказательство. Мне не раз приходилось слышать его речи по разным случаям... Я помню, например, как по вступлении на престол он сказал приветственную речь Сенату, умную и содержательную...» Позднее же «я с трудом его речи узнавал — до того они были обесцвечены и сокращены, пройдя своеобразную цензуру»²⁷.

Будучи человеком литературно грамотным, даже в своем роде стилистом, он тем не менее допускал иногда элементарные грамматические ошибки (или опiski?)*. Свободно владел языками английским, французским, датским, немного — немецким. Рядом со своим кабинетом держал личную библиотеку, получавшую основные русские и иностранные книжные новинки. При переездах библиотеку возили за ним. Заведовавший ею С. А. Щеголов ежемесячно выдавал ему на прочтение до 20 книг²⁸. Что и как читал — сведения об этом скудны. А. Ф. Кони считал его сравнительно начитанным: «Я лично видел у него на письменном столе номер «Вестника Европы», заложенный посередине разрезкой, а в беседе он проявлял такой интерес к литературе, искусству и даже науке и знакомству с выдающимися в них явлениями, что встречи с ним, как с полковником Романовым, в повседневной жизни могли быть не лишены живого интереса»²⁹.

Судя по другим данным, однако, его начитанность была весьма неравной. В дневнике сам засвидетельствовал, например, что только в Тобольске (когда ему было уже под 50) впервые взял в руки 4-ю часть «Войны и мира» Л. Н. Толстого; к тому же времени относится его знакомство с основными произведениями М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. С. Лескова. Из газет читал преимущественно «Новое время», «Русские ведомости», шульгинскую «Киевлянин», иногда московскую либеральную «Русское слово». Любил смотреть кинофильмы, главным образом хроникальные. Предложение генерала Алексеева об устройстве личной

* В текстах его встречается: «посетили ярмонку», «яроморочный собор», «убил двух тетеревей», «диакон поменул нас в церкви», «гулял с Мишой», «репетили песю», «снова стали репетить» и т. п.

просмотровой комнаты отклонил, часто ходил на вечерние сеансы (вместе с наследником) в офицерский клуб при Ставке.

Он был точен во времени. Не спешил, но и не опаздывал. Всю жизнь придерживался одного режима дня, без отклонений. Днем никогда не спал, но после обеда отдыхал. Был несколько близорук, но в очках никто (кроме, возможно, домочадцев) его не видел. Слух у него был острый, он мог издалека узнавать людей по шагам. Имел цепкую зрительную память: раз встреченного человека узнавал через много лет.

За столом Николай пил обычно мало. Мог выпить за обедом одну-две рюмки сливовицы или водки, в Ставке по вечерам выпивал стакан французского сухого вина «Рафаэль». Курил временами помногу. Обычно доставал откуда-то из-за пазухи пенковый изогнутый мундштук и вставлял в него папиросу из портсигара. Одно время пользовался трубкой; набивал ее табаком из папиросы («Сальве»). Закуривая, приглашал к тому же и присутствующих; сигар при нем не курили, он не переносил их запаха. Своего табака или папирос другим не предлагал.

Визитеров принимал стоя, впереди своего письменного стола. Садясь, указывал посетителю кресло, при этом выдвигал из стола доску, на которую можно было положить принесенные бумаги. Во время аудиенции обычно курил. Иногда вставал и, продолжая слушать, ходил по кабинету. Если его что-нибудь захватывало или поражало, он внезапно приостанавливался.

В беседе был внимателен, выслушивал не прерывая; если возражал, то мягко, не повышая голоса. Никогда не поднял голоса на министра или генерала. Это было обманчиво, вводило в заблуждение и многим из его сотрудников стоило карьеры. Как правило, Николай избегал вступать с кем-либо в споры. Но спорить мог и «под настроение» иногда спорил. Мосолов рассказывает: в 1909 г., проезжая через Полтавщину на торжества 200-летия исторической битвы, царь где-то ввязался в разговор с толпой крестьян, длившийся более двух часов, и обнаружил при этом незаурядное полемическое упорство. Авдеев в своих записках упоминает о длительных политических дискуссиях Николая с особоуполномоченным ВЦИК Яковлевым на пути из Тобольска в Тюмень в апреле 1918 г. При этом бывший царь, по утверждению возницы Севастьянова, «наседал» на собеседника, «прямо-таки прижимал его на обе лопатки»³⁰.

Он редко опровергал или поправлял кого-либо. Позиция или мнение его в разговоре оставались неопределенными; наружно оставался обычно бесстрастным. Не защищал какого-либо своего воззрения и не пытался переубедить собеседника. Последнему же казалось, что его мнение восторжествовало. Увлеченный тем, что царь слушает без возражений, он доводил изложение своей позиции до конца и, не уловив отрицательной реакции царя, уходил окрыленным. В действительности там, где почудилось согласие, его часто не было. Царю нужно было лишь выяс-

нить для себя, каковы воззрения сотрудника. Как только он убеждался, что они не совпадают с его собственными, участь этого сотрудника была предопределена, оставалось лишь вопросом времени, когда он будет уволен.

Мосолов объясняет эту черту Николая «нехваткой гражданского мужества», которая «претила ему принимать окончательные решения в присутствии заинтересованного лица»³¹. Сдержанности и скрытности генерал Данилович когда-то его научил, но упустил внушить ему минимум смелости и прямоты в обращении хотя бы с ближайшими помощниками. Научил таиться, не научил высказывать свое мнение или решение оппоненту в открытую, напрямик. Отсюда укоренившийся прием: задуманное во время разговора с человеком сделать за спиной этого человека, неприятность послать ему вдогонку. Так, на второй день после «благосклонно принятого доклада» обер-прокурора синода Самарина премьер Горемыкин получает от царя записку, гласящую: «Я вчера забыл сказать Самарину, что он уволен. Потрудитесь ему это сказать»³². Так же он увольнял многих других. Впрочем, кроме прочно привитого ему двуличия были и другие причины, почему он так обращался с людьми. Во-первых, из болезненно развитого самолюбия; во-вторых, из опасения, что ему докажут его неправоту; в-третьих, «он смотрел на своих министров как на простых приказчиков». Считал не нужным попытаться переубедить министра, привлечь на свою сторону и таким образом сохранить для себя его сотрудничество. Проще, считал царь, смахнуть этого сотрудника, каковы бы ни были его достоинства, и поставить на его место другого. Слишком активный и инициативный человек был подозрителен. Назначая на пост премьер-министра Коковцова, он сказал ему: «Надеюсь, вы не будете меня заслонять так, как это делал Столыпин?»³³

Бывало и так, что возникает препирательство, и тогда Николай, наружно бесстрастный, дает собеседнику почувствовать, что не позволит воздействовать на себя, тем более не уступит. Его бесстрашие не было податливостью. Под чужим давлением, если кто-нибудь на это отваживался, «он иногда сгибался, но лишь для того, чтобы немедленно устремиться к выпрямлению»³⁴. Раз усвоив определенную точку зрения, он обычно от нее не отступался. Кони, бывавший у Николая, писал, что «никогда не выносил из царского кабинета удовлетворительного впечатления». Несмотря на «любезность и ласковый взгляд газели, чувствовалось, что цена этой приветливости очень небольшая и, главное, неустойчивая». Мнения других, явно здравые и обоснованные, царь игнорировал. Его первым рефлексом на соображения, приводимые собеседником, было отталкивание. Каждый раз, когда Кони заговаривал с ним о «безобразиях внутренней жизни», пытаясь «двинуть его мысли в этом направлении», «глаза газели смотрели... ласково, рука, от одного росчерка которой зависело счастье и горе миллионов, автоматически поглаживала и пощипы-

вала бородку, и наступало неловкое молчание, кончаемое каким-нибудь новым вопросом». Парадоксально: при обычной его внутренней неуверенности в себе «взгляд на себя, как на providенциального помазанника божия, вызывал в нем подчас приливы такой самоуверенности, что ставились им в ничто все советы и предостережения тех немногих честных людей, которые еще обнаруживались в его окружении»³⁵.

Любезно министров выслушивал, легко с ними расставался. Никогда никого из них, даже самых ценимых им, не брал под защиту. В случаях сплетен, наветов или доносов почти никогда не пытался выяснять, кто прав, кто виноват, что правда, что вымысел, — не входя в мотивы или основания, склонялся к отчислению того, кого оговорили.

На аудиенциях слушает непроницаемо, но реакция на важное мгновенна. Суть доклада схватывает быстро. К оттенкам формулировок чуток. Отлично улавливает, зачастую с полуслова, смысл нарочито недосказанного. Симпатизировал толковым докладчикам, особенно тем, кто умел ясно и кратко излагать запутанные вопросы, не выходя из разговорного тона. Докладчики, способные реферировать в таком тоне, завладевали его вниманием надолго, иногда на два-три часа. Это получалось у Сухомлинова, блестяще — у Витте, плохо — у Родзянко. Николай не любил в докладах нагромождения аргументов. Когда, встав из-за стола и подойдя к окну, заговаривал о посторонних вещах, значит, аудиенция окончена. Если начинал барабанить пальцами по столу или (подойдя к окну) по стеклу, это означало опасное для собеседника недовольство или раздражение.

Кони оспаривает два основных «господствующих мнения о нем»: будто, с одной стороны, «это укоренившийся в безволии человек», а с другой — «коварный и лживый византиец, недалекий по кругозору, неумный и необразованный». Оба эти определения, настаивал Кони, неверны. «Мои личные беседы с царем убеждают меня в том, что это человек несомненно умный» — правда, с оговоркой: «если не считать высшим развитием ума разум как способность обнимать всю совокупность явлений и условий»³⁶.

Другие наблюдатели также считали Николая человеком умным или во всяком случае неглупым. У него, отмечали они, бывали и ясность суждений, и некоторая острота мышления. Например, в разговоре с С. Д. Сазоновым он однажды высмеял его наивные полулиберальные представления о России. «Поверьте мне, — сказал царь своему министру иностранных дел, — если когда-нибудь вы и другие вроде вас очутитесь лицом к лицу с русским народом, недели через две от вас ничего не останется». Вместе с тем царь был лишен дальновидности, ему чужд был расчет действия в глубину, в перспективу. Его взгляд на вещи был крайне поверхностным, оценка обстоятельств — примитивной. Он, может быть, и был человеком ума, но ума негосударственного. По

шахматному сравнению, неспособен был продумать более одного хода вперед. Чтобы разглядеть ходы дальше, ему не доставало осознания стратегической сути игры, способности анализа, собственного осмысления задачи. И логика, которую ему когда-то преподавали в университете на дому, была у него такая же — недалекая, усеченная, простиравшаяся только на один ход вперед. Кони рассказывает, как однажды он заговорил с Николаем о видах на «успокоение» в стране, если будут выполнены обещания свобод, данные в манифесте от 17 октября. ««Да, — как бы утешаясь, сказал Николай, — это было уже везде. Все государства через это прошли: и Англия, и Франция...» Я едва удержался, чтобы не сказать: но ведь там вашему величеству отрубили бы голову».

У него была логика статичности, неподвижности. Ему не хватало логики движения, развития. Приняв одно положение, Николай не замечал, что за ним неотвратно напрашивается следующее, другое. Точно так же, по мнению Кони, царь не был — в бытовом смысле — «ограничен или необразован». Объяснения многого, что «способствовало несчастьям и позору России», надо искать «не в недостатке умственных способностей у Николая II, а в отсутствии у него сердца в целом ряде его поступков. Достаточно припомнить посещение им бала во французском посольстве в ужасный день Ходынки... или равнодушное попустительство погромам при Плеве... или жестокое отношение к ссыльным в Сибирь духоборам, где они на севере обрекались как вегетарианцы на голодную смерть». Все это и многое другое в этом роде говорит о жестокости и трусости вместе, ведь обе эти «добродетели» идут рядом, взаимодействуя и дополняя друг друга. «Трусость и предательство, — отмечал Кони, — прошли красной нитью через всю его жизнь, через все его царствование, и в этом, а не в недостатке ума и воли, надо искать некоторые из причин того, чем закончились для него и то, и другое». Не недостаток ума, а отсутствие сердца, повторяет Кони, и связанное с этим отсутствие чувства собственного достоинства — то самое, «в результате которого он среди унижений и несчастий всех близко окружающих продолжает влачить свою жалкую жизнь, не сумев погибнуть с честью»³⁷. Эти строки были написаны за год до екатеринбургского финала.

Николай был суеверен. Считал себя здравомыслящим человеком, а в решении государственных вопросов откровенно полагался на иррациональное — на интуицию, предопределение, инстинкт. Его суеверие сочеталось с фатализмом («от судьбы не уйдешь»). Отсюда особый оттенок того наружного бесстрастия, которым зачастую он прикрывался. Он мог долго обдумывать решение, но в последний момент ставил его в зависимость от того, что подскажет инстинкт или о чем говорит случайная примета. Представленный министром доклад мог быть тщательно отработанным, содержать самые убедительные аргументы и ссылки,

однако царь, выслушав его, углублялся в мистическое самозерцание, взвешивая приметы и признаки, и выносил решение, подсказанное «внутренним голосом». Ходила молва, что он принимает решения с помощью подброшенного медяка («орел» или «решка»).

Полного одиночества не любил. Обед и ужин в широком кругу приглашенных (особенно в Ставке) были для него видом отдыха. Зубы у него были ухоженные, но плохие, частично заменены искусственными, поэтому, смеясь, он иногда прикрывал рот ладонью. Любил анекдоты, но сам их не рассказывал. Скабрзности не любил.

Излюбленный его досуг — катанье на автомобиле, яхте, моторной лодке; распиловка и колка дров, вообще физическая работа на открытом воздухе; пешее хождение на дальние дистанции, в котором не могли угнаться за ним и самые выносливые из его молодых флигель-адъютантов. Проживая в Крыму, много ездил на автомобиле в горы. Но радость вида с гор на море и долины была ему чужда. Он вообще пейзажами интересовался мало и был к ним почти равнодушен.

Часто и экстравагантно переодевался, не всегда проявляя при этом вкус, почему выглядел подчас просто несерьезно (в особенности в так называемых галла-униформах). Любил удивлять окружающих контрастами своего костюмирования. Галла-униформы были с перьями, хвостами и всякими побрякушками; внезапно он сменял их простецкими косоворотками, подпоясанными шнурком. За границей надевал двубортный пиджачный костюм, но не выглядел в нем элегантно: пиджак висел мешком, пальто сидело бесформенно. Галстуки носил темные, гладкие, приглушенные, выбирала их Александра Федоровна. Руки держал свободно, никогда не засовывая в карманы брюк.

Обычная же повседневная его одежда, в какой он сидел в кабинете или в кругу семьи, солдатского кроя и защитного цвета суконная гимнастерка с полковничьими погонами, подпоясанная широким кожаным ремнем; такого же цвета широкие шаровары, заправленные в невысокие шагреновые сапоги с голенищами гармошкой.

Денег при себе не имел. Представление о рубле было смутным. В Скерневицах (Польша) в 1912 г. лошади царского экипажа однажды понесли. Катастрофу предотвратило мужество конвойного казака: он на лету схватил за узду коренника, протащился с ним по земле и остановил коляску. Казак едва не погиб. Царь приказал Мосолову:

— Дайте ему 25 рублей или золотые часы — по его выбору.

Мосолов дал казаку золотые часы, а на ближайшем приеме сказал царю о несоответствии денежной суммы и стоимости часов.

— Да, — заметил Николай смеясь. — Это пробел в моем образовании. Я не знаю, что сколько стоит³⁸.

Данилов из своих наблюдений делал вывод: «Я уверен, что, если бы безжалостная судьба не поставила императора Николая во главе огромного и сложного государства и не вселила в него ложного убеждения, что благополучие этого государства зиждется на сохранении принципа самодержавия, о нем, Николае Александровиче, сохранилась бы память как о симпатичном, простодушном и приятном в общении человеке...»³⁹

Если бы...

НЕКОТОРЫЕ ЦАРСКИЕ АВТОГРАФЫ

Ни большого, ни малого повода не упускает император для укрепления в своих помощниках духа усердия и тщания. В каком же направлении?

Томский губернатор в годовом отчете пишет, что «необходимо строить побольше храмов», и не только в городах, но особенно «в сельских местностях». Резолюция царя на полях: *Вопрос этот очень близок моему сердцу.*

Генерал Сухомлинов из Киевского военного округа жалуется в докладной записке на невозможность «обеспечить войска церковными причтами в достаточном количестве». Причина: министерство финансов скупится на ассигнования. Резолюция: *Военное ведомство должно более решительно требовать кредиты на удовлетворение этой важнейшей нужды в войсках... Тут мало что значит мнение того или другого, раз я этого хочу.*

Военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант Ионов пишет в годовом отчете о «настоятельной необходимости» продолжить «изъятие у киргизов-кочевников возможно большего количества земель» с последующей передачей их «под устройство новых казачьих поселений». Царь надписывает: *Надо настойчиво двигать колонизацию этого края.*

Военный губернатор Тургайской области генерал-лейтенант Ломачевский высказывает в отчете убеждение, что «учебные заведения для киргизов бесполезны». Надпись: *Согласен. Вниманию министерства народного просвещения.*

Генерал-лейтенант Газенкампф сообщает из Астрахани, что городская гимназия «переполнена». Открытие еще одной гимназии в городе «составляет давно назревшую, а теперь даже вопиющую потребность». Его величеству благоугодно собственной рукой начертать: *Ни в каком случае не гимназию, а разве техническое училище.*

Олонецкий губернатор в годовом отчете сообщает, что стараниями земств в подведомственных ему районах «открыты еще 117 народных школ». Резолюция: *Излишняя торопливость в этом направлении совсем нежелательна.*

Вологодский губернатор Лодыженский докладывает, что земства стараются сокращать расходы на церковно-приходские

школы, перераспределяя средства в пользу школ народных. Надпись: *Это мне сильно не нравится.*

Полтавский губернатор в годовом отчете замечает, что, хотя и есть разница между программами церковно-приходских и земских школ, он строжайше следит за тем, чтобы преподавание велось и там и здесь «на общей основе православия и преданности царю». Николай пишет на полях: *В сохранении этих начал, присущих каждому русскому сердцу, зиждется залог настоящего развития у нас народных масс.*

Губернатор Столыпин сообщает из Саратова, что, как обнаружено, слушатели Марининского земледельческого училища перепечатают нелегальные прокламации и брошюры и распространяют их среди крестьян. Высочайшая помета против этих строк: *Безобразие! Какое взыскание наложено на училищное начальство?*

Тот же вологодский губернатор Лодыженский в годовом отчете жалуется на «вредные явления в поведении учащихся мужских средних учебных заведений», ставит вопрос о «роли окружного учебного ведомства». Резолюция Николая: *Не сужать, а еще больше расширить права губернаторов по наблюдению за учебными заведениями всех ведомств.*

Тот же саратовский губернатор Столыпин в годовом отчете отмечает, что причина склонности учителей народных школ к «предосудительной пропаганде» — их недовольство условиями жизни, материальной необеспеченностью, разбросанностью по мелким населенным пунктам. Царь надписывает: *Тем желательней заменить мужской учительский персонал женским.*

Степное генерал-губернаторство докладывает о возрастающей активности в крае ссыльные, «гласно и негласно поднадзорных». Они организуются в просветительские кружки, участвуют в работе статистических органов и географического общества, провели своих представителей в городское управление. Царь начертал: *Это не должно быть терпимо.*

Екатеринославский губернатор в отчете запрашивает: обоснованно ли предположение, что административные органы на местах будут лишены прав судебной власти? Резолюция Николая: *Об этом и речи быть не может.*

Князь Голицын, главноначальствующий гражданский губернатор на Кавказе, просит разрешить ему увеличить численность полиции и повысить оклады полицейским чинам. Высочайшая резолюция: *Справедливо.*

Градоначальник города Николаева контр-адмирал Энkvист в отчете обращает внимание на «безотлагательную необходимость увеличения штата полиции города Николаева на 18 околоточных надзирателей». Царская помета: *Надо исполнить.*

Эстляндский губернатор Бельгард докладывает: его стараниями создана в губернии сеть антропометрических сыскных бюро с центром в Ревеле. Тем самым «сильно подвинуто вперед» дело

политического сыска. Царь надписывает: *Очень важно и для других губерний.*

Тот же градоначальник города Николаева контр-адмирал Энквист отмечает в отчете, что этот город «остро нуждается в сооружении особой тюрьмы для пересыльных и подследственных арестантов разных категорий». Надпись: *Когда же, наконец, приступят к устройству здесь тюрьмы?*

Тот же семиреченский губернатор генерал-лейтенант Ионов в отчете жалуется на нехватку тюрем. Специально построенные дома заключения имеются только в городах Верном и Джаркенте. Остальные все «не приспособлены и тесны». В Лепсинске, например, под тюрьму сняты у частных лиц два обыкновенных дома, к тому же расположенные в разных концах города. Высочайшая резолюция: *Положение невозможное. Немедленно приступить к сооружению тюрьмы.*

Губернатор Булатов в отчете пишет, что единственная в городе Якутске деревянная тюрьма требует переустройства; просит разрешения и средств на постройку новой тюрьмы, «по крайней мере на 150 арестантов». Надпись: *Ускорить.*

Кронштадтское военное командование доносит, что местная тюрьма содержится в «образцовом порядке» и что это — заслуга «прежде всего ее начальника». Надпись царя: *Почтенный труженик.*

Тот же саратовский губернатор (будущий премьер-министр) Столыпин в отчете делится опытом: оказалась эффективной практика усмирения бунтующих крестьян с помощью небольших конных вооруженных отрядов, укомплектованных по вольному найму «свободными казаками Астраханского войска». Выяснилось преимущество этих отрядов перед пехотой: они более подвижны и «с самого начала очень удачно разгоняют толпу нагайками». Надпись его величества: *Вполне разделяю этот взгляд.*

Тот же Столыпин сообщает, что отмечены несколько случаев поджогов в крупных имениях, виновники обнаружены и преданы суду. На полях вопрос: *Что же решено?*⁴⁰

Школ поменьше, тюрем побольше; не гимназии, а церкви; не учителя, а околоточные; не помощь голодным, а защита от них помещиков — это и был путь императора всероссийского к «каждому русскому сердцу».

Личность в общем ограниченная, он в борьбе с собственными подданными обнаруживал и неутомимость, и темперамент. Сквозь внешнюю оболочку благовоспитанной деликатности и мягкости проступала злоба и жестокость.

Чем больше расстояние между повелевающим и повинующимся, тем меньше значения имеют для первого кровь и слезы второго.

ЗАЛПЫ ПОД ОКНАМИ ДВОРЦА

Дидро

За тринадцать с половиной лет до екатеринбургского финала царь позволяет своим генералам, руководимым великим князем Владимиром, учинить побоище на улицах столицы и на площади перед Зимним дворцом. Петербург объявляется на военном положении. В подкрепление столичному гарнизону вызываются войска из Пскова, Ревеля, Нарвы, Петергофа и Царского Села. К 9 января в Петербурге было сосредоточено свыше 40 тыс. солдат и жандармов, в том числе два батальона Преображенского полка, где царь в свое время служил под начальством своего дяди Сергея Александровича и в обществе Нейдгардта и Ренненкамппа. Войска и жандармерия совершают нападение на мирное шествие рабочих (вместе с женами и детьми — до 140 тыс. человек), которых священник Георгий Гапон призвал обратиться к «царю-батюшке» за помощью и защитой.

Первые выстрелы раздались в 12 часов у Нарвских ворот. К 2 часам дня преображенцы и семеновцы открывают огонь у Зимнего дворца, куда подошла главная колонна — огромная толпа безоружных, благонамеренно и даже богомольно настроенных людей с хоругвями и иконами. Солдаты и полицейские стреляют по толпе; конные жандармы рубят женщин и детей шашками. топчут лошадьми, добивают раненых. Дворцовая площадь и прилегающие улицы усеяны убитыми и ранеными. Жандармы ведут огонь по верхушкам деревьев Александровского сада, куда забрались мальчишки, чтобы лучше видеть демонстрацию; дети, расстрелянные в ветвях, падают на заснеженные клумбы... Потом идет истязание на Невском проспекте, у Казанского собора, на Морской и Гороховой улицах, за заставами Нарвской, Невской, на Выборгской стороне. К концу дня в санитарно-госпитальном реестре Кровавого воскресенья значатся тысячи убитых и раненых.

Вечером царь записывает: «Тяжелый день. В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных частях города; было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело»¹.

Почему «вследствие желания дойти до Зимнего дворца» должно было быть «много убитых и раненых»? Почему непременно «войска должны были стрелять»? Кто разрешил, кто приказал стрелять? Запись в дневнике наталкивает на эти вопросы и оставляет их без ответа. Горестен вздох — «как больно и тяжело»,

но тут можно вспомнить, что, когда при Толстом однажды кто-то рассказал, что царь подавлен событиями 9 января, писатель усмехнулся: «Я этому не верю, потому что он лгун»².

И в самом деле. После слов «много убитых и раненых» он записывает через несколько строк: «Мама приехала к нам из города прямо к обедне. Завтракал со всеми. Гулял с Мишой(?)». Значит, не такое уж тяжелое настроение, не совсем потерял аппетит. И на следующий день: «Завтракал дядя Алексей. Принял депутацию уральских казаков, приехавших с икрой. Гуляли. Пили чай у мамы»³.

Настроение явно улучшилось. Он готов даже объявить свое монаршее прощение тем, в кого «войска должны были стрелять в разных частях города». Процедура этого акта прощения: через 10 дней после Кровавого воскресенья охранка набрала на заводах для представления царю «рабочую делегацию» в составе 34 человек. Комплектовалась группа так: конторщик одной из фабрик сидит в своей квартире, пьет чай. Резкий стук в дверь. Конторщик открывает и пугается: перед ним пристав, жандармский офицер, городовые, дворник.

— Вы Х.?

— Я.

— Одеться и следовать за нами.

— За что?

— Поторопитесь.

Конторщика посадили в карету, привезли к комендантскому подъезду Зимнего. Жандарм все время подгоняет: «Скорей! Скорей!» Вошли в зал, в центре стоит генерал Трепов. «Обыскать!» — командует градоначальник. Обыскали. «Раздеть!» Раздели. «Наденьте на него вот это». Что-то надели. Затем увозят на Царско-сельский вокзал и помещают в вагон, где под охраной шпиков уже сидят другие «рабочие депутаты», схваченные таким же образом. В вагоне им запрещено переговариваться⁴.

Царское Село. Зал Большого Екатерининского дворца. К побледневшим и осунувшимся конторщикам, облаченным в треповские костюмы, выходит царь. Краткая речь. Оказывается, ему известно, что «нелегка жизнь фабрично-заводских рабочих», многое действительно «надо улучшить и упорядочить». Однако он тут же угрожающе предупреждает, что «мятежной толпой заявлять мне о своих нуждах преступно». Затем следует момент, ради которого и поставлен фарс с переодеваниями. «Я верю, — восклицает царь, — в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их»⁵.

«Гнусной комедией» назвал эту сцену Ленин в своей статье «Трепов хозяйничает», опубликованной в газете «Вперед» через две недели после Кровавого воскресенья. Отметив, что «царь принял у себя в Царском депутацию из 34 рабочих, подобранных полицией, и сказал полную казенного лицемерия речь об отеческом попечении правительства и о прощении преступлений рабочих»,

Ленин выразил уверенность, что этот маневр не обманет российский пролетариат. И пророчески предрек: «Пролетариат поговорит еще с царем иным языком!»⁶

В таких делегациях, как подобранная Треповым, знал толк капиталист Савва Морозов. Он, один из умных людей своего круга в тогдашней России, хорошо знал и рабочих, и конторщиков. В те январские дни, когда на заснеженных петербургских мостовых еще алели пятна рабочей крови, случилось встретиться с ним А. М. Горькому.

— Царь — болван, — грубо и брезгливо говорил Морозов. — Он позабыл, что люди, которых с его согласия расстреливают сегодня, полтора года тому назад стояли на коленях перед его дворцом и пели «Боже, царя храни...».

Он сел рядом с писателем и, похлопывая себя по колену ладонью, сказал:

— Да, теперь революция обеспечена... Годы пропаганды не дали бы того, что достигнуто самим его величеством в один этот день⁷.

Доносятся в Россию голоса из потрясенного внешнего мира: изумления («Неужели подобное возможно?») — одних; гнева («Как царь посмел?») — других; безжалостного окончательного приговора царизму — третьих. К последним относится Жан Жорес, выступивший в те дни в «Юманите» со специальной статьей.

До сих пор, писал он, Россия и человечество могли еще думать, что Николай II есть «первый пленник абсолютизма»; что бюрократия угнетает и разоряет народ без него, помимо него. До сих пор некоторые могли еще полагать, что он не ответствен ни за кишиневские события, гнусно подготовленные полицией, ни за гибельную японскую войну, ни за другие безобразия... Но — «на этот раз народ обращался к нему самому». Отныне река крови пролегла между царем и «его» народом. Нанося удары рабочим, «царизм смертельно ранил самого себя». И теперь, воскликнул Жорес, все видят, что «царь — несомненный убийца»⁸.

А царь, объявив суровое и угрожающее «прощение» тем, кого 9 января расстреливали, с умильным словом признательности обращается к тем, кто с его ведома стрелял. Обычно в писаниях своих сдержанный и монотонный, он дает волю сентиментальным чувствам в строках, адресованных Семеновскому полку: «Спасибо, семеновцы, дорогие мои! От всей души благодарю вас за вашу службу. Благодаря вашей доблести, стойкости и верности сломлена крамола». И в другой раз: «Я люблю и уважаю дорогих мне семеновцев, я даю своему наследнику завет так же любить вас. Шлю вашему полку глубокую благодарность за малую и большую шашку, подаренную наследнику. Малую он носит ныне, а большую, бог даст, будет носить на службе»⁹.

Он объявляет о предоставлении семеновцам необычной льготы: каждый из них, отслужив срок, имеет право обращаться к нему лично и непосредственно: «Вы, уходящие в запас, скоро верне-

тес по домам. Если кто вас обидит или отнесется не так, как следует отнестись к настоящему семеновцу, то я дам вам право обратиться прямо ко мне. Да хранит вас бог». Эта льгота была не столь уж мелкой. Семеновский полк в пятом году стяжал себе репутацию палаческого. Обещанием своего личного покровительства Николай приободрял опричников, многих из которых уже пробирала дрожь перед лицом надвигающейся бури первой русской революции.

ДВА ПОВЕЛЕНИЯ

Мать пришла к сыну — заключенному. Они разговаривают через решетку, в присутствии жандарма. Дело происходит в Саратовской тюрьме. Среди прочего мать говорит сыну, что была вчера у следователя Альбицкого.

— Я спросила его, скоро ли выйдут из тюрьмы на свободу наши дети.

— И что же он тебе ответил?

— Он сказал: у нас из тюрьмы не выходят, а выносят.

— А ты что?

— Я ему сказала: что вы! За что так? Ведь они же не убийцы!

— А он?

— Хуже, сказал мне следователь Альбицкий. Убийцы, говорит, это что. Пустяк — убийцы. Уж лучше бы эти ваши были убийцами. А то ведь вон что, только вообразить, какой ужас: они пошли против царя¹⁰.

Того же мнения, что следователь Альбицкий, придерживался сам царь: нет и не может быть на свете преступления, равного по тяжести такому «ужасу», как попытка пойти против него, «помазанника божия».

В архиве сохранилась канцелярская папка. Каллиграфическим почерком, при округлых завитушках и хвостиках, выведено на лицевой стороне обложки: «Об установлении правил о военно-полевых судах». И чуть ниже: «1906 год». Первое, на что невольно падает взгляд, когда открываешь папку, — это отношение Главного военно-судного управления в военное министерство, датированное 8 июля того же года. На нем собственноручная резолюция императора: *Напоминаю Главному военно-судному управлению мое мнение относительно смертных приговоров. Я их признаю правильными, когда они приводятся в исполнение через 48 часов после совершения преступления, — иначе они являются актами мести и холодной жестокости. Николай*¹¹.

Какой-то стороной что-то похожее на милосердие, не правда ли? Он против актов мести. Ему претит холодная жестокость. Кроток. Мягок. Сердоболен. К мучительству человека нетерпим, христиански сострадателен и ангельски всепрощающ. Толкуя некоторые личные его черты, г-н Катков еще и в 1867 г. утверждал,

что сквозь доброту и мягкость Николая Александровича просвечивает как бы божья святость его натуры; в основных чертах своих эта натура сродни таким персонажам Ф. М. Достоевского, как Алеша Карамазов или князь Мышкин. Другое сравнение предложил г-н Александров: он считает Николая II чем-то вроде дубликата Гамлета, принца Датского¹².

С Алешей и Гамлетом придется, однако, подождать. Надо прежде перелистать упомянутую папку из архива. Там кроме резолюции от 8 июля можно обнаружить высочайшее решение от 20 августа того же года — об учреждении военно-полевых судов. То самое решение царя, которое сразу по его обнародовании в форме закона было квалифицировано листовой Петербургского комитета РСДРП («Ко всем рабочим города Петербурга») как акт безграничного и беспримерного произвола¹³.

Оба августейших повеления вместе и составляют краеугольный камень системы так называемой скорострельной юстиции царизма, действовавшей в последнее десятилетие его существования. Как видно из резолюции от 8 июля, «милосердный» царь хочет, чтобы казни совершались «через 48 часов после совершения преступления». Еще он желает, чтобы не было отступлений от этого правила. Посему военный министр 20 июля того же года предупреждает всех, кому ведать надлежит и кто призван выполнять это повеление, в первую очередь командующих военными округами, генерал-губернаторов, военных прокуроров и судей, что за отклонения они будут привлекаться к «личной ответственности перед его величеством».

Нет, отклоняться никто из них не намерен. Но и придерживаться предписанного правила (о 48 часах) не так-то просто. Такого правила не было никогда и нигде, ни в одном государстве, в том числе и в России.

Дело в том, что за 48 часов невозможно уложиться даже с самой упрощенной судебной процедурой. Раз смертный приговор, значит, суд, значит (пусть формально), дознание, предварительное и судебное следствие, вызов свидетелей, меры прокуратуры, сам процесс и прочее тому подобное — как же успеть за 48 часов?

Покорнейшая просьба к его величеству — обратить на эту трудность благосклонное внимание. Главный военный прокурор генерал Павлов уж на что свиреп (был впоследствии убит революционерами за жестокость), а и тот через военного министра подает на самый верх критическое замечание: на громадном пространстве империи действует 12 военно-окружных судов; чтобы срочно провести процесс в любой точке этого пространства, надо либо перебросить весь суд к обвиняемому, либо обвиняемого доставить в надлежащий центр. И в том и в другом случае, учитывая расстояния, нужны на процедуру не 48 часов, а семь-восемь дней, обычно же уходят на нее недели и даже месяцы.

К главному военному прокурору Павлову присоединяется министр юстиции Щегловитов. И еще другие — кто робко, кто смелее.

Возражения отвергнуты.

Что же такое эти 48 часов? Ошибка императора? Или его просчет — не продумал как следует? Или же — поскольку за 48 часов настоящее разбирательство провести невозможно — этим повелением маскируется фактический приказ убивать людей без суда при видимости некоей процедуры правосудия?

Вот именно. Ошибки нет. Недопонимания нет. Его величество вполне отдает себе отчет в том, что говорит и делает. Указанием о 48 часах он просто расширяет практику бессудных казней. Ту практику расправ без всякого следствия и суда, которую уже осуществляют начальники карательных экспедиций в разных концах империи в силу полученных лично от него, государя императора, неограниченных полномочий. Ту практику, образцы которой уже продемонстрировали Дубасов и Мин в Москве на Пресне, Ренненкампф и Меллер в Чите, Орлов под Ригой. Теперь ставятся на те же рельсы — переводом на неисполнимую срочность процедуры — военно-окружные суды.

Он сам подтвердил это военному министру А. Ф. Редигеру, приняв его однажды для доклада. И Редигер, выйдя из царского кабинета, шлет 29 июля 1906 г. премьер-министру Столыпину донесение о том, что царь, «подтвердив свое указание о казнях не позднее чем через 48 часов», пояснил: «Такое быстрое исполнение будет больше утешать»¹⁴. Устно Редигеру об «утрашении» сказал. В письменной же резолюции о таком мотиве умалчивает, подставив вместо него мнимое неприятие «мести» и «жестокости», хотя очевидно, что «утрашение» в царской практике включает и «мечь», и «жестокость». Они-то и водили его рукой, когда он 8 июля писал свою резолюцию. Эта резолюция постановлением Совета министров от 20 августа 1906 г. обращается в государственный закон.

Методы и средства могут быть разнообразными: приемлемы для него и судные и бессудные, формальные и фактические — главное, чтобы пребывала в непрерывном круговом движении, как выразился тогда Витте, «рулетка смерти», чтобы обеспечивался этим движением «конечный — успокоительный — т. е. кладбищенский — эффект». И она вращается на полных оборотах — рулетка судно-бессудной смерти.

Одновременно ставят рекорды оба агрегата скорострельной юстиции: суд военно-окружной (с разбирательством и исполнением в 48 часов) и суд военно-полевой (разбирательство и исполнение немедленно, на месте).

В 1906 г. казни совершаются в 94 городах империи — губернских, областных и уездных. Из 154 дней, истекших с 31 августа 1906 г. по 31 января 1907 г., только 31 день прошел в России без казней, все остальные 123 дня были с казнями, т. е. из каждых

5 дней 4 были днями исполнения смертных приговоров. Число жертв измеряется тысячами и тысячами¹⁵.

Чем сильнее раскручивается «рулетка смерти», тем чаще возникают споры между ведомствами: кому заниматься казнями. Одно ведомство норовит свалить «нагрузку» на другое. Велика честь оказывать эти услуги трону, но лучше свалить их на кого-нибудь другого — так-то и легче, и, главное, безопаснее.

С начала 1906 г. спорят между собой на эту тему министерство юстиции и министерство внутренних дел; главные управления тюремное и жандармское; суды и прокуратуры военные и гражданские; генерал-губернаторы и командующие военными округами. Обычно одна сторона доказывает, что другая для такого дела лучше оснащена и подготовлена, и прежде всего — что такое занятие ближе ей по профилю и основной специальности. Так, военный министр Редигер жалуется, что его суды (военно-полевые и военно-окружные) изнемогают под бременем дел смертников; у судей, говорит он, отнимаются руки от подписывания приговоров. Пусть Дурново, министр внутренних дел, и Щегловитов, министр юстиции, прекратят передачу гражданских лиц в руки военных судов, сами приговаривают их и сами в своих тюрьмах казнят. Но Щегловитов не хочет. Ему больше по душе скандальные судебные постановки вроде ритуального дела Бейлиса, чем хлопотная и опасная возня с революционерами-смертниками. И он отвечает Редигеру: поскольку, как явствует из установки императора, вся суть скорострельной юстиции — в устрашении, никакая суровость гражданского суда не даст того психологического эффекта, что даст жестокость военного, поэтому пусть военные занимаются вынесением и исполнением смертных приговоров и впредь.

ВЕШАТЬ ИЛИ РАССТРЕЛИВАТЬ?

20 сентября 1906 г. командующий войсками Одесского военного округа генерал А. В. Каульбарс шифрованной телеграммой № 1443 сообщает в Петербург военному министру генералу А. Ф. Редигеру: «По приговорам военно-полевых судов уже расстреляно 25 человек». Затем следует несколько необычная для автора телеграммы оговорка: «Почитаю своим долгом, однако, доложить вашему высокопревосходительству, что подобные частые расстрелы производят крайне неблагоприятное впечатление на введенные мне войска».

Это Каульбарс-то... Пресловутый «усмиритель Одессы» — и вдруг «неблагоприятное впечатление»... К чему бы это он? А вот к чему: «Считаю желательным, чтобы часть смертных приговоров приводилась в исполнение не через расстрелы, а через повешение».

Какая для царских слуг была разница между этими двумя способами умиротворения верноподданных — об этом ниже. По-

ка же надо заметить, что, поскольку Каульбарс не только генерал его величества, но и прусский барон, он в соответствии со своим складом мышления увенчивает шифровку сугубо деловым резюме: «Для оплаты палачам необходимы средства. Почему прошу ваше высокопревосходительство ассигновать мне на указанную цель денежный аванс»¹⁶.

Министр обращается с запросом к главному военному прокурору Павлову. 22 сентября Павлов представляет Редигеру свое суждение (секретное), начинающееся следующими словами: «Согласно шестой статье Правил о военно-полевых судах, их приговоры приводятся в исполнение безотлагательно...» Но: «Такая скорость возможна на практике лишь в случаях смертной казни через расстрелы, а не через повешение. Ибо для повешения осужденный обычно передается в ведение гражданских властей, кои могут оказаться не имеющими палача и необходимых приспособлений для казни, между тем как расстрелы производятся непосредственно самими войсками».

Что же из этого? А из этого следует, что «назначенные судами смертные казни через повешение крайне нежелательны, поскольку гражданский исполнитель за неимением экзекуторов и оборудования может не только сорвать установленный для исполнения приговора кратчайший срок, но и вообще не выполнить порученное ему дело». Впрочем, заключает главный военный прокурор, даже если предпочтение будет отдано виселице — все равно — «независимо от того, будет или не будет допущено к такому исполнению приговора гражданское ведомство» — в любом случае расходы на казни «должны быть отнесены на его счет».

И Редигер ставит на записке Павлова резолюцию: «Согласен»¹⁷ — что означает: Редигер не хочет вешать, чтобы не платить. Он хочет — как и подсказывает ему Павлов — бесплатно расстреливать. А что такое занятие производит «неблагоприятное впечатление на войска» — ничего. Пусть привыкают.

Такова постановка проблемы на министерском уровне. А вот ее практическое разрешение ступенью ниже.

В июне 1905 г. в городе Феодосии во время смотра 52-го пехотного Виленского полка, когда его командир полковник Герцык объявил благодарность личному составу за «успешный обстрел» подошедшего к побережью восставшего броненосца «Потемкин», рядовой (барабанщик) Могидловер поднял винтовку, прямо из строя прицелился в полковника и трижды выстрелил в него.

На допросе солдат заявил, что хотел отомстить за погибших в восстании моряков. Об этом немедленно доложили в Петербург. На докладе царь надписал: «Судить военным судом». Солдат был приговорен к смертной казни через повешение.

Оказалось, некому вешать. Да и сами власти боятся казнить этого солдата на месте: город бурлит, не поднялось бы население. Дни и недели идут, барабанщик ждет смерти. Наконец 4 сентября таврический губернатор генерал Волков шлет командованию

Одесского военного округа (куда входит Крым) телеграмму за № 4686: «Командир 52-го полка просил меня о приискании исполнителя приговора над рядовым Иосеком Могидловым, а также о разрешении совершить казнь в закрытом дворе тюрьмы гор. Феодосии». Теперь, уведомляет генерал, «могу сообщить вашему высокопревосходительству: просимый палач приискан». Но «он просит 25 рублей вознаграждения». Что касается двора феодосийской тюрьмы, то «ввиду его малых размеров не распорядитесь ли вы о совершении казни в Керченской крепости?».

Вскоре поступает ответ генерала Безрадецкого, временно исполняющего обязанности командующего округом. «25 рублей, — сообщает он, — будут переведены в ваше распоряжение». Перенос же казни в Керчь отклоняется. «У вас, — дается рекомендация, — есть вполне удобное для этого место, у мыса Ильи». Если же нет уверенности в поведении «публики», т. е. населения, во-первых, отвезите осужденного на мыс «в закрытой повозке», во-вторых, «устраните публику путем оцепления этого места войсками»¹⁸.

Губернатор согласен. Но какой сюрприз: пока идет этот шифрованный обмен соображениями о 25 целковых и площадке для виселицы, исчез внештатный палач. 27 сентября 1905 г. Каульбарс обращается с шифрованной телеграммой № 641 в Петербург к Редигеру: «К скорейшему исполнению приговора были приняты все меры». Он, Каульбарс, лично поручил командированному в Феодосию генерал-майору Шульцу «сделать на месте все возможное, чтобы с делом барабанщика было покончено». Шульц «еще в 1902 г., в бытность свою командиром 49-го пехотного Брестского полка, руководил исполнением таких приговоров в аналогичных условиях». Он и теперь рассчитывал обеспечить казнь не позднее 20 сентября. Но «палач в последнюю минуту отказался, а другого нет». Шлите палача из центра.

Редигер обратился за содействием к Д. Ф. Трепову. В декабре командированный Треповым «специалист» прибыл в Феодосию. Солдат погиб на виселице, промучавшись ожиданием смерти почти полгода¹⁹.

В начальную свою пору администрация Николая II занимается проблемами более развлекательного свойства. Например: к армейским шинелям пришивать крючки или пуговицы? А если пуговицы, то какие: блестящие или матовые?

Теперь решается альтернатива более весомая: вешать или расстреливать?

До самого своего конца в феврале 1917 г. она так и не определила окончательного выбора ни в ту, ни в другую сторону. Применяла оба способа казни, точнее — расправы.

Вроде бы предпочтение чаще отдавалось виселице: она «тише», ее легче укрыть, не требуется ей и опасное участие солдат... Зачастую род исполнения определялся и географией района, где предавался смерти «крамольник».

Каждый военный суд имел свою (к нему прикрепленную, его обслуживавшую) тюрьму. Каждая тюрьма имела свой (к ней прикрепленный, ее обслуживавший) палаческий филиал.

Петропавловскую крепость обслуживал своими виселицами форт № 6. Столичную тюрьму «Кресты» — Лисий Нос. За другими тюрьмами Петербурга были закреплены шлиссельбургские эшафоты. Имели свои площадки для виселиц тюрьмы Москвы (Бутырская), Орла (Орловский каторжный централ), Варшавы (Александровская цитадель), Киева (Луцкая), Вильны (Трокская) и др. Доставка смертников к ним была за много лет четко отработана.

В условленный предрассветный час к Николаевскому мосту подан пароход. Обреченные на смерть, гремя кандалами, поднимаются в сопровождении конвоя на палубу. С ними священник, жандармские чины, несколько мастеровых, палач. Пароход идет Невой и заливом. Конечный пункт — Кронштадт, форт № 6. Над водной ширью выются за кормой балтийские белокрылые чайки, тянется несмолкающий кандалный перезвон...*

Из складского барака вытаскиваются по частям разобранные виселицы. Мастеровые принимаются монтировать их. Это новинка. Таких прежде не было. Ведомство наводит экономию, кто-то из начальников предложил эту конструкцию. Она выгоднее. Меньше возни и затрат. Не надо каждый раз ставить целый лес столбов, затем выворачивать их. Теперь меньше уходит материала на столбы и перекладыны, не надо каждый раз заново платить плотникам. Легко разобрать и унести на склад и там хранить до следующего раза. И легко задвигается такое сооружение в укромное место, в лесок или за пороховые погреба, так, чтобы не увидели ни караулы, ни другие возможные зрители.

Через час все кончено. Жертвы сняты с перекладин. Сняты с трупов кандалы (осужденных вешают в кандалах). Виселицы разобраны и унесены на склад. Трупы вывезены на лодках в море и с грузом сброшены в глубину. Топить тоже дешевле и проще, чем зарывать в землю. Да и нет опасности, что придет кто-нибудь на могилу «проявить симпатию к погибшим»²⁰. Участники казни садятся на пароход и тем же путем возвращаются в Петербург.

Мало было администрации убивать безвинных людей руками уголовников. Вершиной изобретательности стало убийство осужденных руками их же сотоварищей. Тот, для кого суд кончился смертным приговором, должен пасть от руки другого осужденного, получившего по тому же процессу «только» каторгу.

Этот прием был не отсебятиной какого-нибудь военно-полевого

* Кроме водного пути был и сухопутный (использовался преимущественно зимой). Из Петропавловской крепости осужденных вывозили по Каменноостровскому проспекту в Новую Деревню, на железнодорожную станцию, а оттуда поездом в Лисий Нос.

Пришибеева. Даже не самодеятельностью вошедшего в азарт главы ведомства. Это была официальная установка, спущенная в форме ряда официальных приказов из императорских верхов. Один такой приказ был отдан в дни военного суда над матросами крейсера «Память Азова»:

Ревельскому военному генерал-губернатору.

Его императорское высочество главнокомандующий* приказал:

Матросов, приговоренных к смертной казни, расстрелять на острове Карлос.

Для расстрела назначить матросов того же крейсера из числа приговоренных к другим наказаниям — по соглашению с контр-адмиралом Вульфом.

Если матросы, назначенные для исполнения приговора, откажутся, пехотная часть должна заставить их силой оружия.

Тела расстрелянных похоронить на том же острове или предать морю с использованием матросов того же крейсера, присужденных к другим наказаниям.

Место погребения тщательно сровнять.

Других матросов из эскадры капитана 1-го ранга Бострема никого к участию в экзекуции не привлекать.

Подписал: Раух,
свиты его величества генерал-майор,
генерал-квартирмейстер округа²¹.

Под стать облику высокопоставленных экзекуторов и стилю их приказов было исполнение, особенно когда совпадали в одной акции оба способа. 21 сентября 1906 г. генерал-лейтенант Адлерберг**, кронштадтский комендант, приказывает вывезти за крепостной обвод 19 матросов, приговоренных военным судом к расстрелу. На пароходах «Минер» и «Артиллерист» их под конвоем доставили на отдаленный пустырь, к месту казни; распоряжается полковник Турбин.

Положено каждого осужденного привязать к столбу. Турбин решил сделать «дешевле и проще». Он натянул поперек пустыря на высоте пояса канат, «нанизал» на него всех девятнадцать. Залп. Одни привязанные к канату убиты наповал, другие ранены, третьи невредимы. Кто еще в живых, те рвутся в стороны, судорожно бьются в узлах каната. Поскольку Турбин, экономя, выдал только по два патрона, солдаты могут выстрелить еще лишь раз. Турбин подал команду ко второму (последнему) залпу. Стре-

* Дядя царя, великий князь Николай Николаевич, в то время командовавший войсками Петербургского военного округа и гвардией. Он был очень близок к Николаю II, последний не мог не знать о подобных распоряжениях. Примерно в тот же период великий князь, получив донесение о массовой заболеваемости среди узников Петропавловской крепости, надписал: «Собакам — собачья смерть» (*Полуцков А.* 1905 год в казармах, крепости и тюрьме // По тюрьмам. Сб. М., 1925).

** Тот самый Адлерберг из известной семьи царедворцев, который «прославился» тем, что 20 июля 1906 г. перед расстрелом семи матросов-минеров заставил их копать могилу, а затем издевательски крикнул: «Копайте, копайте, ребята! Вы хотели земли, так вот вам земля, а волю на небесах найдете!» (*Ольшанский Н.* Кронштадтское восстание 1906 г. // Красная летопись. 1922. № 8. С. 199).

ляющие растеряны, целятся плохо, наугад. На канате висят мертвые, извиваются в конвульсиях умирающие. Унтер-офицер вышагивает вдоль каната, высматривает и пристреливает тех, кто еще подает признаки жизни. Кажется, все кончено. Все стихло. И вдруг привстает над канатом окровавленная фигура и слабым голосом взывает:

— Братцы, как же это так? Ведь я-то еще живой, братцы!

Добит и этот, последний. Мертвые тела укладывают в мешки; в каждый мешок насыпают камни весом в пуд-полтора; на пароходе трупы вывезены за Толбухин маяк и сброшены в воду. Долгие годы ходила потом по матросским рукам баллада «Царские гости».

Трупы блуждают в морской ширине,
Плещут волнами зелеными...
Связаны руки локтями к спине,
Лица покрыты мешками солеными...
Там, над водою, спокойно красуется
Царский дворец — Петергоф...
«Где же ты, царь? Покажись, выходи
К нам из-под крепкой охраны!
Видишь, какие кровавые раны
В каждой зияют груди?»

Трупы плывут через Финский залив,
Серым туманом повитый.
«Царь Николай, выходи на призыв
С мертвой беседовать свитой»²².

Этой беседы еще нет, но она будет. Не в Петергофе, а на Урале. Через 12 лет.

ЧАСЫ ОТБИВАЮТ ВРЕМЯ

Правило в общем таково: никакой отсебятины. Администрации нужны планомерность, ритм, субординация.

Главное: никаких никому послаблений. Делать все жестко и круто, как велено начальством. А велены жесткость и крутость от самого верху до самого низу.

Министр внутренних дел П. Н. Дурново 12 февраля 1906 г. рассылает всем губернаторам циркуляр, гласящий:

Особое внимание обратить на крамольную пропаганду среди населения, в том числе среди крестьян.

Извлечь из деревень всех студентов, земских служащих и шляющихся без надобности евреев.

Бросить их в тюрьмы.

Земским начальникам не позволять никакого неповиновения властям.

Ввиду переполнения тюрем пересмотреть виновность арестованных. Освободить наименее опасных, дабы иметь возможность посадить новых революционеров²³

Ближайший коллега Дурново, столичный генерал-губернатор Трепов, несколько ранее, 14 октября 1905 г., издает приказ, главный пункт которого тогда же вошел в летопись конвульсий царизма: *Холостых залпов не давать, патронов не жалеть*²⁴.

15 декабря 1905 г. барон Медем в письме московскому генерал-губернатору Дубасову рекомендует «категорически внушить войскам» принцип обращения с захваченными дружинниками: *Не подвергая задержанию, предавать смерти*.

Операцией разгрома училища И. И. Фидлера в Москве на Чистых прудах, где укрылись, обороняясь, 100 дружинников, руководил ротмистр Рахманинов. Он действовал с помощью артиллерии и штыков. Позднее его спросили на суде: каков был данный ему приказ? Он ответил: *Переколоть и перестрелять всех, кто не захочет сдаться*. На другой вопрос — он же: *Повторяю, я получил категорическое указание ворваться в здание и всех перерубить и переколоть*.

Идя от этой отправной точки, генерал Шейдеман 19 декабря того же года требует: *Пройти Пресню, истребляя всех, не арестовывая никого*²⁵.

В свою очередь полковник Мин, огнем прокладывая себе путь через Пресню, издает приказ по полку, основной пункт которого таков: *Арестованных не иметь, пощады не давать*²⁶.

Несколько дней спустя, явившись к Риману в Люберцы, Мин приказал согнать на площадь окрестных крестьян и обратился к ним с речью, в которой, между прочим, сказал: *Если ораторы вернутся, убивайте их. Убивайте чем попало — топором, дубиной. Отвечать за это не будете. Если сами не сладите, известите семеновцев. Тогда мы опять сюда придем*²⁷.

Как засвидетельствовал в своем дневнике генерал Раух, начальник штаба Петербургского военного округа, в 1906 г. великий князь Николай Николаевич сказал генералу Орлову, «усмирителю Прибалтики»: *Валяй всю и знай, что за строгость тебя выше не осудят, а за недостаток ее наверняка тебе попадет*²⁸.

Есаул Граббе в ходе карательного рейда по Прибалтике приказал своим подчиненным: *Встречаемых в лесу людей расстреливать. Дома сжигать*²⁹.

Приказ наместника на Кавказе графа Воронцова-Дашкова о назначении на должность кутаисского генерал-губернатора генерала Алиханова-Аварского содержал пункт: *Отряды местной милиции, созданные населением, должны быть уничтожены в пределах губернии с такой основательностью, чтобы и мысль о их возрождении не могла бы ни у кого появиться*³⁰.

Командир карательного рейда по Черниговской губернии полковник Яблонский, прибыв на станцию Сарны, издал приказ по отряду: *Пуля и штык должны быть в полном ходу. Последствиями не стесняться. Если мастера не выпускают из*

*депо паровозов — открывать по мастеровым ружейный и пулеметный огонь*³¹.

Как видим, в горячке своих усмирительных операций слуги царя особой стеснительности ни в чем не проявляли. Распалась, они не колебались ни в выборе слов для приказов о карах, ни в выборе самих кар. И все же кое-кого из них минутами брала оторопь. Не всем одинаково чужда была мысль о возможных последствиях их деяний.

Часы отбивают время. Мир идет вперед. Что-то происходит и с Россией. Она явно рвется куда-то из тисков, завинченных властями. Можно ли будет навечно удержат ее в том «подмороженном» состоянии, какое рекомендовал когда-то Обскур-ант Леонтьев? И чем в конечном счете обернется для стражей полицейских устоев развязанная ими по империи мымрецовско-пришибеевская вакханалия? Не по себе становилось подчас даже самым высокопоставленным из них — тем, кто определял и тактику, и стратегию борьбы с крамолой.

Уже тогда, в годы первой революции, и в непосредственном окружении царя кое-кто призадумывался — пройдут ли даром жестокости? Гадали, кому и как в час расплаты придется отвечать, когда и где этот час грянет. Тревожились немногие трезвые и проницательные, что будет предьявлен счет и за директиву «арестованных не иметь», и за приказ «патронов не жалеть», и за команду «холостых залпов не давать», и за девиз «так было, так будет». Являлся соблазн отдалиться от «рулетки смерти», отмежеваться от непосредственных мастеров заплочных дел, запастись на всякий случай хоть видимостью алиби.

В такие моменты Витте наедине с собой упражнялся в упреках Николаю, как «бессердечному правителю», царствование которого характеризуется сплошным проливанием «более или менее невинной крови»; в сетованиях в адрес Столыпина, который «уничтожил смертную казнь и обратил этот вид наказания в простое убийство, часто совсем бессмысленное, убийство по недоразумению»; что место правосудия, хотя бы только формального, заняла «мешанина правительственных убийств». Витте саркастически спрашивал: «Интересно было бы знать, как бы теперь отнеслись к Столыпину анархисты, теперь, после того, как он перестрелял и перевешал десятки тысяч человек, и многих совершенно зря, если бы он не был защищен армией сыщиков и полицейских, на что тратятся десятки тысяч рублей в год».

Подразумевается как бы само собой, что автор упреков никакого отношения к «мешанине» не имеет; он разглядывает ее откуда-то извне, порицает ее, как посторонний; себя ограждать ему не от кого и незачем — он не навлек на себя ничьих обид. Правда, его пытались втянуть в предосудительную практику преследования и устрашения. Но он не дался. «...Что я

себе ставлю в особую заслугу, — это то, что за полгода моего премьерства во время самой революции в Петербурге было всего убито несколько десятков людей и никто не казнен. Во всей же России за это время было казнено меньше людей, нежели теперь Столыпин казнит в несколько дней...» Какие-то там пустяки, следовательно, были — «несколько десятков людей», но, что обошлось такими мелочами, это результат его стойкости и выдержки, ибо обвинения в высших сферах предъявлялись ему серьезные. «Одно из главных обвинений, до сих пор мне предъявляемых, — это то, что я, будучи председателем Совета министров, после 17 октября мало расстреливал и другим мешал этим заниматься». Говорили, что «Витте смутился, даже перепугался, мало расстреливал, вешал; кто не умеет проливать кровь, не должен занимать такие высокие посты»³².

Даже если учесть, что многие ламентации Витте продиктованы обидой на Николая, который лишил его премьерского кресла, и ненавистью к Столыпину, который это кресло перехватил, — при самой большой скидке на эти обстоятельства очевидно, что свое «неприятие» террора граф изрядно преувеличил. Не свойственно было ему ни «смутиться», ни «перепугаться», и должностно свою высокую он занял при полном соблюдении условия о способности участвовать в игре в «рулетку смерти».

Фрондируя (задним числом) против соперников в окружении царя, он рядится в тогу либерала. Ему хочется выглядеть сторонником некоего обновления, противником реакции, антиподом Столыпина и Трепова. Но получается неубедительно. И в самом деле: Витте, как и тесно связанная с царизмом русская буржуазия, никогда не выдвигал и не мог выдвинуть подлинно демократическую, прогрессивную программу. Он предлагал программу буржуазного развития России лишь в той степени, в какой ее можно было осуществить посредством реформ с согласия дворянства и под эгидой Николая II. Последнему одинаково усердно, хоть и на разных ролях, служили и Витте, и Столыпин с Треповым, и главари черной сотни. Ленин указывал, что «царю одинаково нужны и Витте, и Трепов: Витте, чтобы подманивать одних; Трепов, чтобы удерживать других; Витте — для обещаний, Трепов для дела; Витте для буржуазии, Трепов для пролетариата... Витте истекает в потоках слов. Трепов истекает в потоках крови»³³.

Витте был одним из инициаторов карательного рейда по Сибири Ренненкампа — Меллера; его тезис о «непролитии крови» иллюстрируется той руководящей ролью, которую он сыграл в организации похода Мина и Дубасова на Москву, Рихтера на Ригу, подмосковного рейда Римана, прибалтийских и причерноморских кровавых оргий Каульбарса, Нейдгардта и Толмачева; и не только этим. В 1905 г. от правительства

Витте исходит серия циркуляров и постановлений, предписывающих гражданским и военным властям применение самых крайних мер в борьбе с освободительным движением, включая смертную казнь без суда и следствия.

Наказному атаману Войска донского председатель Совета министров по поручению царя лично телеграфирует: *Ничего не стеснясь, задавить восстание в Ростове-на-Дону.* На основе решения Совета министров, принятого в заседании от 15 декабря 1905 г. под председательством Витте, военный министр рассылает командующим военными округами секретный циркуляр с требованием *без всякого колебания прибегать к употреблению оружия для прекращения беспорядков.* На основании того же решения министр внутренних дел рассылает органам власти на местах директиву, в которой подчеркивается, что *в настоящую минуту необходимо раз и навсегда искоренить самоуправство.* Поскольку, гласила директива, *аресты теперь не достигают цели, а судить сотни и тысячи людей невозможно, властям вменяется в обязанность: немедленно истребить силой оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления разрушать или сжигать их жилища*³⁴.

С одной стороны, просвещенный граф напускает на себя выражение кротости и милосердия; с другой стороны, слышится его команда убивать и выжигать. Вещи, казалось бы, трудно совместимые, но граф Витте гибко их совмещал.

Итог похода Ренненкампа — Меллера понравился Николаю. Едва оба карателя, приглашенные в гости к царю, встали из-за его обеденного стола, как Витте задумал продолжить их практику на других направлениях. Он решает вопрос о формировании новых «экзекуционных поездов». Об этом свидетельствует следующее письмо, посланное министру внутренних дел Дурново 11 марта 1906 г.

Милостивый государь Петр Николаевич!

Для вящего устрашения лиц, стремящихся посеять смуту, Совет министров признал полезным ныне же сформировать на главнейших узловых станциях особые экзекуционные поезда с воинскими отрядами, которые в случае надобности могли бы своевременно быть отправлены на линию для водворения порядка.

О таком имею честь уведомить ваше высокопревосходительство.

Подписал: граф Витте³⁵

«Разрушать или сжигать их жилища» — такое передавал он вниз, по цепочке, поступившее сверху распоряжение. Одно не приходило ему в голову: что угроза разрушения может повиснуть и над его собственным жилищем.

Витте сделал немало тонких наблюдений над своим августейшим шефом, но недоучел одной его черты: способности под настроение или по двойственности натуры предать любого из своих помощников. Никому самое ревностное служение

государю не давало ни устойчивости положения, ни безопасности.

Самое пылкое верноподданническое усердие даже видных сановников не гарантировало неприкосновенности с того момента, как выяснялось, что этот сановник царю надоел, или вызвал его раздражение, или — что почти то же самое — навлек на себя гнев близкой царскому сердцу черной сотни. В таких случаях любой из обласканных прислужников мог внезапно очутиться на плахе, которую сам помогал сколачивать, и попасть под топор, который сам точил.

Окончательное падение оказавшегося в немилости Столыпина предотвратила только его гибель от пули агента-provокатора из им же выпестованной и натренированной на подобных операциях охраны.

1 сентября 1911 г. в Киевском оперном театре в помпезной обстановке, при скоплении знати, в присутствии Николая II и его дочерей двумя выстрелами в упор из револьвера смертельно ранил премьер-министра Столыпина провокатор Дмитрий Богров. В сильно охраняемый зрительный зал ему удалось проникнуть при содействии начальника местного охранного отделения полковника Кулябко.

По словам Витте, все давно говорили, что карьера Столыпина этим и кончится. Атмосфера вокруг трона сложилась такая, «рулетка смерти» вызвала в системе управления империей такой полицейско-provокаторский ажиотаж, что «для всякого мало-мальски благоразумного человека было совершенно очевидно, что Столыпин, уцепившись за свое место, на этом месте и погибнет»³⁶.

Но и самого Витте едва не постигла та же участь. В признании оказанных им услуг Николай II сначала осыпал его наградами и возвел в графское достоинство, затем, отрешив от премьерства, выдал на травлю черной сотне, и только случайность спасла от гибели и свежее испеченного графа, и его особняк на Каменноостровском проспекте.

Впрочем, перед лицом гнева народного, в часы сильных порывов бури одинаково замирали и обласканные царем, и опальные его, и сам царь.

Осенью пятого года, когда Николай собирался укладывать чемоданы, чтобы бежать из России, обер-гофмаршал Бенкендорф растерянно бродил по дворцу и жаловался челяди, что в бегстве «пятеро детей императора будут большим затруднением». В те же дни ехавший в воинском эшелоне с Дальнего Востока князь Васильчиков, уполномоченный Красного Креста, увидел в Челябинске толпу солдат, обсуждавших сообщение о том, что «весь кабинет министров в полном составе повешен в центре столицы на Марсовом поле». Председатель Государственного совета граф Сольский настолько пал духом, что, услышав о восстании в Москве, расплакался в присутст-

вии министров и своих сотрудников. Струхнул даже считавшийся твердым в царском семействе великий князь Николай Николаевич. От поста военного диктатора, предложенного ему царем, он отказался, не скрывая мотива: не хочет навлечь на себя «мечь» революционеров. Позднее он послал одного из своих помощников, генерала Газенкампа, к Витте с просьбой: столицу перевести не на военное, как намечалось, а на чрезвычайное положение. Разница: в первом случае смертные приговоры будет утверждать командующий военным округом, во втором — министр внутренних дел. Николай же Николаевич, командующий округом, вовсе не намерен сделаться мишенью для пули революционеров.

Раз так может рассуждать командующий — могут и его подчиненные. И не где-нибудь, а у стен дворца, в Петергофе. «Среди них, офицеров Петергофского гарнизона, царит смятение. Они с ужасом ожидают диктатуры пролетариата и неизбежного суда народного над военными. Они запасаются штатским платьем и скрываются кто куда. У одного из важных военных нервы так расходились, что он в штатском бежал в Питер, не подав рапорта ни об отставке, ни о болезни»³⁷.

Возможное в Петергофе тем более возможно в Ростове-на-Дону. Как только этот город охватили волнения, градоначальник граф Пиллар фон Пильхау сказался больным и велел распоряжаться своему заместителю фон дер Вейду. Ненадолго хватило и Вейда: тоже «заболел» — сдал власть Прокоповичу. Не слишком задерживаясь, Прокопович уступил должность воинскому начальнику Макееву. Этот забрал круто с первых дней: наемил в станицах 400 казаков по вольному найму за еженедельную оплату по 40 руб. каждому, придал им батарею 3-дюймовых орудий и обрушился на рабочие кварталы. Утром Трепов прислал Макееву телеграфную благодарность за рвение, а вечером этому усердию положила конец угловидшая в воинского начальника пуля, прилетевшая с баррикады.

От такого итога царская милость не страховала. Спасательной панацеей не были ни благодарность из Петербурга, ни денежная премия, ни иная царская награда: крест, лента или бриллиант.

Многokrатно отмеченный правительственными наградами фон дер Лауниц, поставленный петербургским градоначальником, почтил своим присутствием церемонию открытия нового (дерматологического) отделения в Институте экспериментальной медицины. В тот момент, когда закончился молебен и Лауниц спускался по лестнице к выходу, неизвестный выстрелил в него и убил наповал. Полицейские набросились на покушавшегося и затоптали его насмерть. Когда свыше потребовали от полиции сведений о неизвестном, а она оказалась неспособной установить его личность, был применен беспрецедентный способ опознания: убитому отрезали голову, положи-

ли в стеклянный сосуд со спиртом и выставили напоказ перед зданием института.

Часы отбивают время. Оно несет карателям не только предостережение, но и расчет за содеянное ими.

Ренненкампф был казнен по приговору суда народного на юге в 1918 г.

Скончались Трепов, Меллер-Закомельский и Дубасов.

Искупительная пуля настигла ротмистра Трещенкова через три года после его преступления на Лене, когда он каким-то образом попал на фронт, в галицийские окопы.

Был награжден «за усердие» Мин. В марте 1906 г. он получил чин генерал-майора, в апреле — денежную премию «с призовокуплением царского поцелуя». Воспользоваться этими поощрениями, однако, не успел: на новопетергофской вокзальной платформе Мина застрелила З. В. Коноплянникова.

Покушение Коноплянниковой было актом самоотверженным, но для дела революции бесполезным. Большевистская партия, отвергая индивидуальный террор как средство политической борьбы, всегда подчеркивала и разъясняла, что убийства отдельных представителей царской власти не только не ослабляют, но еще больше усиливают ее жестокость, ведут лишь к бесцельной гибели борцов за дело народное, таких, как в данном случае З. В. Коноплянникова.

6

КОГДА ВСЕ СРЕДСТВА ХОРОШИ

ПАРТИЯ ДИКОГО И ТРУСЛИВОГО ОТЧАЯНИЯ

Утопающий хватается за змею.

Восточное

Высунувшись из чердачного окна, невысокий рыжеусый человек в горностаевой мантии кричит двум взлохмаченным субъектам, примостившимся у дымохода на крыше соседнего дома:

— Эй, вы, чего тянете! Сказано же вам было: заткнуть и взорвать!

Такой карикатурой мюнхенский художник Раухвергер откликнулся на происшествие, случившееся в Петербурге в ночь на 29 января 1906 г.¹

Место происшествия: особняк С. Ю. Витте, в то время главы правительства. Пробрались ночью на крышу особняка через двор и по чердакам соседнего дома некие Казанцев и Федоров, накануне утренним поездом прибывшие из Москвы с двумя «адскими машинами» в чемодане. Под покровом предутренней мглы они спустили свой груз в дымовые трубы резиденции премьер-министра, теми же ходами возвратились на улицу и из запорошенных снегом аллей Александровского сада стали поглядывать, какой получится эффект.

Взрыв должен был произойти в девять утра. Снаряды не сработали.

В тот же день о случившемся узнал весь город. Стало также известно, чьих рук это дело. Покушение организовал «Союз русского народа». За игру Витте с либералами в компромиссы и уступки.

Решение убить Витте было принято 16 декабря 1905 г. на встрече лидеров двух филиалов «Союза» — петербургского и московского. Из соображений секретности исполнение было возложено на московскую организацию. Последняя и отрядила в Петербург Казанцева и Федорова.

27 января Буксгевден, чиновник для особых поручений при московском генерал-губернаторе, привез обоих в Питер и поместил в меблированных комнатах на Староневском. Отсюда они ночью доставили снаряды к дому Лидваля. Узнав утром 29 января о неудаче, Буксгевден приказал террористам снова взобраться на крышу в следующую ночь и протолкнуть вниз заряды, застрявшие в дымоходе. К этому времени прислуга Витте обнаружила в трубах странные предметы и особняк был оцеплен полицией*.

* Четыре месяца спустя черносотенцы повторили попытку. Те же двое снова приехали из Москвы, чтобы бросить бомбу под карету Витте на пути с Камен-

Куда же, спрашивали опытные наблюдатели, восходят нити этой операции, на которую «союзники», столь же наглые, сколь и трусливые, сами вряд ли решились бы пойти? И поскольку петербуржцы втихомолку поговаривали, что на этот «подвиг» черносотенцев благословили из царского дворца, некоторые недоумевали: неужели «помазанник божий» может опуститься до соучастия в покушении на собственного премьер-министра?

Может, отвечали другие. Не прямо, конечно. Сам, свидетельствует С. Ю. Витте, лично, он не принимал участия в этих кровавых делах. Но «ему были если не приятны, то... курьезны все эти убийства и покушения». Совершавшие их знали, что его величеству они по меньшей мере безразличны, а если надо будет, он постарается все прикрыть².

Осталось запечатленным в анналах царствования и обличье тех, кого служение идеалам «Союза русского народа» привело в ночь на 29 января к дымоходам на Каменноостровском.

Филимон Казанцев. До 1901 г. работал ассенизатором за Рогожской заставой. Потом банщиком в Сандунах на Неглинной. За кражу в раздевалке был бит тазами и шайками, в довершение изгнан из бань. В поисках места случайно забрел во двор особняка Буксгевдена близ Таганки. Управляющий представил его графу, последнему с первого взгляда он пришелся по душе; зачислен на должность дворника, а затем отведен к трактиру на Таганской площади, где в те поры по воскресным и праздничным вечерам собиравлась черносотенная братия. Здесь Казанцев быстро освоился и вошел в круг понаторевших в потасовках молодцов. В последующем не бывало в центре и на окраинах «союзнического» побоища без Казанцева впереди пьяной ватаги. С ведома и поощрения начальства постепенно перешел на «мокрые» дела, брался за такое, от чего другие отказывались. Был соучастником серии политических убийств. За участие (вместе с Федоровым) в убийстве либерального профессора Г. Б. Иолоса, думского депутата и редактора «Русских ведомостей», получил от Буксгевдена 80 руб.; за содействие убийству профессора М. Я. Герценштейна, думского депутата, — 75 руб.; за участие в убийстве Н. Э. Баумана, одного из руководителей московского пролетариата, — 90 руб.; за восхождение на премьерову крышу — 100 руб. Называл себя отставным солдатом, хотя в армии не служил.

Афанасий Федоров. Шесть лет был ломовым извозчиком в Марьиной роще. Потом стал легковым извозчиком, стоял у биржи на Ильинке. Выйдя в 1900 г. из-под следствия по подозрению в убийстве и ограблении седока, бросил извоз, поступил швейцаром («вышибалой») в ресторан «Яр». Здесь попался на глаза Грингмуту, руководителю московской организации «Союза русского народа», понравился ему ростом, зычным голосом и диким выражением лица. Вовлечен был в таганскую группу «Союза», с тех пор в нападениях и самосудах орудовал с Казанцевым рядом. Помимо убийства Иолоса совершил ряд других террористических актов (впоследствии «каялся», оправдываясь тем, что Казанцев и другие черносотенцы якобы его «обманули», злоупотребили его доверчивостью). На деньги, заработанные у Буксгевдена, выбился в мелкие хозяй-

ноостровского проспекта в Марининский дворец (на заседание Государственного совета). Но в утро, когда было намечено покушение, 29 мая, Казанцев и Федоров в подпольной мастерской на Пороховых поссорились из-за денег, полученных от Буксгевдена, и Федоров, не задумываясь, ударом кинжала в горло убил своего компаньона.

чки, обзавелся собственной чайной у Разгуляя. Здесь на задворках избили его до полусмерти свои же дружки в отплату за убийство Казанцева. Спасаясь от их мести, Федоров бежал за границу. В начале первой мировой войны завербовался во французский «Иностранный легион». В «Литературных воспоминаниях» Виктора Финка, служившего в том же легионе, имеется очерк о Федорове³.

Из таких, как Казанцев и Федоров, и комплектовалась в низах своих черная сотня. Эти двое были как бы ее эталоном. Ее красой и ударной силой. Ее обличем, физическим и духовным. К таким последний самодержец питал симпатии устойчивые и непоколебимые.

Тонкое воспитание, теологическая философия, внушенная Победоносцевым, аристократические навыки и изысканная английская речь не помешали царю общаться с трактирными «вышибалами» и ломовыми извозчиками, которые, по его понятиям, и представляли собой «настоящих, искренних, не подточенных грамотейством и сомнениями русских людей», к тому же «сплотившихся в любезном моему сердцу Союзе русского народа», как выразился Николай II в речи, обращенной к депутации монархических организаций⁴.

Влечение к этому союзу было у него почти сентиментальное. И были на то причины.

Развертывавшимися в стране событиями ставился вопрос о жизни и смерти романовской монархии. Все очевиднее становилось и то, что для спасения самодержавия ни окостеневшая бюрократия, ни ослабленный военными провалами генералитет достаточными силами не располагают. Тогда-то в ведомстве В. К. Плеве (сначала директора департамента полиции, затем министра внутренних дел и шефа жандармов) родилась идея: из темного омута мещанско-кулацких низов вызвать на поверхность дополнительные промонархические силы.

«Монархия не могла не защищаться от революции, — указывал В. И. Ленин, — а полуазиатская, крепостническая, *русская* монархия Романовых не могла защищаться иными, как самыми грязными, отвратительными, подло-жестокими средствами...»⁵ Систему таких средств, особенно широко пущенную в ход Плеве, а затем усовершенствованную Столыпиным, и увенчала черная сотня*, в первую очередь ее наиболее свирепая и неразборчивая в средствах группа, назвавшая себя «Союзом русского народа».

Структурно «Союз русского народа» окончательно оформился в октябре 1905 г. С этого же времени он открыто выступает как организация монархическая, расистско-шовинистическая и погромно-террористическая.

В 1906 г. вокруг «Союза» сконцентрировались другие монархические организации (в частности, так называемое «Русское

* Так именовались в старину мещанские ополчения, набиравшиеся в слободах и посадах для защиты царя.

собрание»). Поглотив ряд подобных групп, «Союз» в 1907 г. раскололся на несколько враждовавших между собой организаций: дубровинский «Союз русского народа» (лидер А. И. Дубровин) и «Союз Михаила Архангела» (лидер В. М. Пуришкевич). Существенной разницы между ними не было; они разошлись главным образом в вопросе об отношении к Государственной думе. Главными органами организаций были газеты «Русское знамя» (выходила с октября 1905 по февраль 1917 г.), «Объединение» и «Гроза», специализировавшиеся, по выражению Витте, «в руготне на жаргоне публичных домов». К кульминационному пункту событий первой русской революции «Союз» имел филиалы («отделы») почти во всех крупных городах страны и даже в сельской местности; самые разветвленные и активные из отрядов черной сотни действовали в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, фактически взятые на содержание правительством, опекаемые и используемые охранкой, полицией и жандармерией. Так после 17 октября 1905 г. на политической авансцене империи появилась значительная и довольно опасная сила, располагавшая денежными фондами, пропагандистскими центрами и полиграфической базой.

Основала «Союз русского народа» группа крупных помещиков, предпринимателей и домовладельцев. Социальные слои, поставлявшие активистов и рядовой состав: мещанство, купечество, кулачество, чиновничество, духовенство и, наконец, городское «дно», деклассированные элементы. Предпочтительно рекрутировались дворники, извозчики, приказчики, официанты и «вышибалы», мелкие лавочники и ростовщики, отставные фельдфебели и урядники, трактиро- и притоносодержатели, обитатели городских трущоб, ночлежек и рынков — отсидевшие в тюрьмах воры, налетчики, сутенеры. И это-то воинство повело на штурм крамолы, на спасение царской власти «вожаки — политические проходимцы, люди грязные по мыслям и чувствам, не имевшие ни одной жизнеспособной и честной политической идеи и все свои усилия направившие на разжигание самых низких страстей дикой, темной толпы». Их организация, утверждает Витте, способна лишь «произвести ужасные погромы и потрясения, но ничего, кроме отрицательного, создать не может. Она представляет собой дикий, нигилистический патриотизм, питаемый ложью, клеветой и обманом... Она есть партия дикого и трусливого отчаяния». Действия этих людей, подчеркивает бывший глава царского правительства, «архилживы, архибессовестны и архикровожадны. Ложь, коварство и убийство — их стихия»⁶. На таком «идейном» стержне и вращалась практическая деятельность «Союза русского народа» с момента его возникновения в 1905 г.

Обличая эту банду монархических наемников, В. И. Ленин писал: «Где только можно, полиция поднимает и организует подонки капиталистического общества для грабежа и насилия...

Стреляют из митральез (Одесса), выкалывают глаза (Киев), выбрасывают на мостовую с пятого этажа, берут приступом и отдают на поток и разграбление целые дома, поджигают и не позволяют тушить, расстреливают тех, кто смеет сопротивляться черным сотням». От Польши до Сибири, от Финского залива до Черного моря — «всюду одно и то же». На громадном пространстве империи «контрреволюция работает всюду»⁷.

Но был на обширном театре войны царя со своими подданными участок, на котором его подзаборная рать орудовала с особой страстью, — еврейские погромы. Погромное ремесло становится одной из подпорок царского администрирования. 6 и 7 апреля 1903 г. в Кишиневе убито до 500 человек. Даже в отчете местных властей центру кишиневская расправа названа «выдающейся по своей жестокости»⁸.

Затем такая же резня в Гомеле в сентябре того же года. Серия погромов переходит на 1904 и 1905 гг. Своей высшей точки волна достигает в октябре. 17-го объявлен манифест о свободах, а 18-го империю обволакивает невиданное в ее истории облако пепла и грязи. От края до края бушуют поджоги и дебоши. С этих осенних дней погромы несут на себе новую, истинно каинову печать: ударной силой выступает в них черная сотня, именующая себя «Союзом русского народа». Едва возникнув, «Союз» становится поставщиком для хулиганских дебошей и «кадров», и «идей». Прикрываясь званием «истинно русских людей», развернули кампанию травли и избиений такие лидеры черной сотни, как Нейдгардт и Буксгевден, фон дер Лауниц и фон Раух, Марков 2-й и Замысловский, Каменский и Пуришкевич. Стереотипное оправдание погромов эти политики обычно черпали из ссылок на якобы прорвавшийся «гнев народных низов». Дескать, простой русский человек, движимый любовью к батюшке-царю, стихийно выходит на улицу чинить свой самосуд над ненавистными ему «краснофлажниками». Но любому непредвзятому наблюдателю было ясно, что за «низы народные» выдается наемный руководством «Союза», распаляемый не столько «истинно русскими», сколько полицейскими провокаторами и оплачиваемый из секретных фондов «охранки» мещанский и уголовный сброд.

Так мстил царизм за свои страхи и унижения пятого года — побоищами и разграблениями: еврейскими — в Одессе, Киеве, Екатеринославе, Елизаветграде, Бердичеве и других южных городах; армянскими — в Тифлисе, Баку и других городах Закавказья; польскими — в Белостоке, Житомире и других областях запада империи; смешанными еврейско-интеллигентскими — в Томске, Новосибирске и других городах северо-востока; погромами, направленными против рабочих организаций и интеллигенции, — в Петрограде, Москве, Иваново-Вознесенске: здесь от рук наемных убийц погибли А. Л. Караваев, Н. Э. Бауман, Ф. А. Афанасьев и другие деятели революцион-

ного движения. Преимущественно антиинтеллигентскими были погромы 17 октября в Твери, 18 октября во Владимире и Курске, 19 октября в Казани.

То, что над громилами из «Союза русского народа» властвуют уполномоченные царя, и в те дни мало у кого вызывало сомнения. Так же как и то, что эти уполномоченные сами вызывают погромы.

Одесса. Октябрь 1905 г. Градоначальник Нейдгардт. Тот самый, который в юности служил в одном полку с престолонаследником Николаем. Прелюдией к погрому было здесь его воззвание к населению, увенчанное прозрачной концовкой:

Вчера с утра по приказу забастовщиков закрылись в нашем городе аптеки, а в некоторых заранее назначенных ими пунктах будущих баррикад открыты перевязочные пункты. Кто же все это организовал, и предвидел, и подготовил? Вы это знаете. Что вам делать — решайте теперь сами, люди благонамеренные!

Сигнал понят. Разрешение дано. Черносотенцы выходят на «патриотическое» шествие с трехцветными флагами и портретами царя к дому градоначальника. Нейдгардт появляется на балконе и возглашает: «Спасибо, братцы!» Внизу затянули гимн «Боже, царя храни». Толпа, распадаясь на группы, устремляется в близлежащие улицы. Начинаются нападения на прохожих, битье витрин, грабежи и поджоги в магазинах и жилых домах, причем без особенного разбора — и в еврейских, и в православно-христианских. Дикость разгула — звериная: калечат и убивают безвинных, вспарывают животы, проламывают череп, детей ударами головой о стену убивают, выбрасывают с высоты этажей. Кое-где наспех созданная рабочая самооборона пыталась остановить бойню, но безуспешно: полиция и воинские отряды ограждают громил; то и дело падают на мостовую защитники, подкошенные казенной пулей.

Четыре дня — с 18 по 22 октября — длилась расправа. Было убито 500 человек, ранены тысячи, разграблено и разрушено свыше полутора тысяч жилищ. Когда стало утихать, Нейдгардт продефилировал в экипаже по разоренным и выгоревшим улицам, окруженный конвоем. Депутации от населения, в тот день явившейся в градоначальство, он сказал:

— Ничего я для вас сделать не могу и не хочу. Вы хотите свободы. Вот вам ваша свобода⁹.

Черная сотня и прикрывавшие ее полиция и жандармерия только за 10 дней октября 1905 г. (с 18 по 29-е число) учинили еврейские погромы в 660 городах и местечках, в некоторых по два-три раза подряд. Жертвы: десятки тысяч убитых, погибших в пожарах и под развалинами, искалеченных, вдов, полусирот и круглых сирот. Только 100 городов в эти дни потеряли до 4 тыс. граждан убитыми и до 10 тыс. изувеченными¹⁰.

В белой эмиграции В. В. Шульгин, предаваясь воспоминаниям, описал разгул черной сотни в Киеве в 1905 г. В дни мани-

феста о даровании свобод он, прапорщик 14-го саперного батальона, вывел воинское подразделение в район Демиевки на пресечение черносотенных насилий и грабежей. Шульгин был одним из тех, кто создание черной сотни благословил, кто вдохновлял и подталкивал ее на эксцессы. И он выступил перед погромщиками с нравоучением: следует воздержаться от постыдного марша, в котором шествуют «впереди царь, а за царем — грабители и воры»¹¹. Похоже, оратор-умиротворитель обратил тогда свои упреки не по адресу. Дело было не столько в том, что мародеры пожелали видеть во главе своей рати царя, сколько в том, что царь сам пожелал встать и фактически стоял во главе этой рати.

ПЛАТА ЗА СТРАХ

С трибуны Таврического дворца 24 июля 1912 г. Н. Е. Марков 2-й, один из лидеров «Союза русского народа», бросил в переполненный депутатами и публикой зал:

— Вы называете нас черной сотней. Но какая же мы сотня? Нет, не сотня мы. Нас миллионы. С нами русский народ.

А ровно через пять лет, день в день, представ перед Чрезвычайной следственной комиссией для допроса, он заявил, что четкой регистрации членов «Союза русского народа» не было.

В речи с трибуны Думы в 1912 г. Марков 2-й в обычной для него развязной манере отрицал «какое бы то ни было подкармливание» его организации властями вообще, получение денег наличными в частности. А на допросе через пять лет произошел такой разговор:

Председатель (С. Муравьев). Скажите, как вы относились к субсидированию из правительственных средств?

Марков 2-й. Мы их получали и ничего в этом зазорного не видели.

Председатель. Значит, в идеях партии не было идеи самостоятельности от правительства?

Марков 2-й. Эта идея была, но идеями без денег не проживешь. Организации требовали денег.

Председатель. Почему же вы в Думе это отрицали?

Марков 2-й. Из нежелания поставить себя в предосудительное положение.

Председатель. Почему же вы не пытались встать на позицию защиты непозорности этого?

Марков 2-й. Не было ничего дурного в том, что партия, поддерживающая монархию, получает деньги от правительства своего монарха.

После того как следователями предельно убедительно установлен факт «подкармливания», у них возникает вопрос, кто же из защитников престола подобным способом «кормился». Сразу выясняется: прежде и больше всех — сам главарь когорты защитников.

Председатель. Получая от правительства монарха деньги, вы передавали их в организации или расходовали сами?

Марков 2-й. Частью передавал, частью расходовал сам.

Председатель. Вы отчетность кому-нибудь давали?

Марков 2-й. Не давал и не был обязан.

Председатель. Сколько же вы лично получали от правительства?

Марков 2-й. Я обычно получал враз по 144 тысячи рублей.

Так, он получал — сколько раз? — почти по 150 тыс. руб., клал в свой карман и отчитываться в них «не был обязан». А что же происходило с той наличностью, которая, так сказать, благополучно проскальзывала мимо его кармана?

Председатель. Вы с членов «Союза русского народа» взносы брали?

Марков 2-й. Да. 50 копеек в год.

Председатель. А были ли случаи, когда не член платил союзу, а, наоборот, союз платил члену?

Марков 2-й. То есть вы хотите сказать, покупали ли мы членов?

Председатель. Да, с целью привлечения... вы их субсидировали?

Марков 2-й. Несомненно, субсидировали.

Председатель. Отдельных членов?

Марков 2-й. Да, конечно...

Соколов (член комиссии). А к каким выступлениям вы призывали этих членов, купленных за деньги?

Марков 2-й. Мы внушали сознание полезности твердой царской власти¹².

Страстной была преданность «союзников» обожаемому монарху, но лишь окропляемая живительным золотым дождиком. Благим делом в их глазах был погром, но питать его надо было наличностью — казенной прежде всего. Лишь хорошо промазанная субсидиями и даяниями во всех своих узлах, способна была работать во спасение монархии созданная ею машина оглушения и провокаций.

Как было установлено после революции, ассигнования руководству «Союза» выдавались из специального фонда, созданного «по высочайшему повелению». Вначале фонд находился в ведении Д. Ф. Трепова, позднее им распоряжались министры внутренних дел по заявкам начальников департамента полиции. Освоение этих средств было отработано до такой степени эффективности, что один из ведущих агентов полиции, жандармский ротмистр Комиссаров, в те дни сказал собеседнику: «Все зависит от того, сколько вы отпустите денег. Тогда я могу устроить погром, какой вам угодно: хотите — на десять человек, а хотите — на десять тысяч». По расчетам фон Плеве, «средней внушительности погромчик» может обойтись полицейскому фонду примерно в 6—10 тыс. руб.

Долго не знали, кто писал, где печатались и как распространялись черносотенные прокламации, с осени 1905 г. наводнявшие страну. Они были сгустком дикого человеконенавистничества; их появление обычно предвещало погром; без них не было бы той насыщенности атмосферы отравой, которая только и делала возможным избиение одной части населения руками другой. Листовки не только призывали к погрому. Например, листовка отделения «Союза» в городе Александровске (февраль 1906 г.) заканчивалась вполне конкретным указанием:

Итак, истинно русские люди, кто за царя и веру православную, собирайтесь с оружием, косами и вилами на городской площади, вступайте под трехцветные знамена сформированной нами Александровской боевой дружины, и, как только прозвучит сигнал, ринемся с портретами царя и святой иконой на врагов наших, краснофлажников¹³.

Вяснилось. Распространяются прокламации из Петербурга и Москвы через аппарат «Союза русского народа». Печатаются они миллионными тиражами частью в Почаеве, частью в небольших уездных и губернских типографиях; главная же масса, как ни ужасно, — в тайной типографии, специально для этой цели оборудованной непосредственно в здании министерства внутренних дел.

Наладили эту фабрику духовной отравы барон фон дер Липпе, сенатор барон фон Тизенгаузен и генерал фон Раух; сотрудниками у них состояли шеф тайной службы Рачковский и жандармский ротмистр Комиссаров, а техническую сторону обеспечивали Вуич и Климович; и наконец, тексты для прокламаций частью поступали даже из... дворца. От кого именно? Наиболее грубые из этих зловещих писаний, как установила пресса, сочинял Д. Ф. Трепов; часть — фон Крамер, частенько бывавший в покоях царицы; упражнялись в этом литературном творчестве также Буксгевден, Нейдгардт и генерал Богданович. Несколько же листовок вышли из-под пера некоего «высокого автора», который предпочел свое имя не называть. В этой связи петроградская пресса после Февральской революции отмечала, что Николай II слыл в придворных кругах «недурно пишущим человеком»; превозносились его «гибкий слог», «чувство стиля», да и сам он, видимо, числил за собой такие достоинства, почему, шефствуя над Всероссийским историческим обществом, счел не слишком обременительным для себя одновременно вступить и в Российское общество любителей изящной словесности.

На званом обеде в Петербурге супруга премьера Витте сказала за столом: «А Рачковскому за его поганую типографию семьдесят тысяч рублей наградных дали». После чего за «несение пошлого вздора» в кругу гостей госпоже Витте дорога в дом хозяина была заказана. Из документов же царского правительства явствует, что в конце 1906 г. Трепов действительно представил Николаю II доклад о работе подпольной фабрики прокламаций, на котором тот собственной рукой начертал: *Выдать 75 тысяч рублей Рачковскому за успешное использование общественных сил*. Собственно говоря, «пошлый вздор» г-жи Витте мог быть еще «пошлее»: она могла добавить, например, что в поощрение того же контакта с «общественными силами», т. е. с трактирными лакеями и ломовыми извозчиками, Рачковский и Комиссаров по повелению царя были награждены орденами: первый — Станислава, второй — Владимира, не считая других милостей и поблажек.

Что упустила мадам Витте за обеденным столом, возместил ее супруг в своих мемуарах. Он пишет, что царь возлюбил черно-

сотенцев — этих «героев вонючего рынка, которых сторонятся и которым порядочные люди не подадут руки», — как «первых людей Российской империи, как образцы патриотизма, как национальную гордость». Поэтому-то и оказалось возможным, что черносотенцы «завели при департаменте полиции типографию фабрикации погромных прокламаций».

Поначалу контакты царя с лидерами «Союза» кое-как маскировались. Они поддерживались с соблюдением некоторых правил конспирации главным образом через таких посредников, как великие князья Николай Николаевич и Владимир Александрович, а также генерал Раух и князь Путятин. Пока не привык, Николай II в какой-то степени еще стеснялся соприкосновения с «союзом этим, составленным из воров и хулиганов», пишет Витте. В дальнейшем «тайная, или, вернее, не демонстративная, поддержка царем «Союза русского народа» делается явною, ничем не стесняющейся»¹⁴.

Насколько обе стороны уже «ничем не стеснялись», видно из того, что А. И. Дубровин, глава организации, открыто приглашался Николаем II во дворец для личных бесед; там же официально принимались депутации «Союза русского народа». В декабре 1905 г. на очередном приеме во дворце группы черносотенцев Николай получил из их рук подарок — два значка «Союза»; один он прикрепил к своей гимнастерке, другой — к рубашке своего полуторагодовалого сына.

Эта братия влекла его к себе. В ее кругу он чувствовал себя легко и непринужденно. Пускал ее в дворцовые покои, устраивал для нее угощения, церемонии раздачи наград. Мог в этом обществе запросто подвыпить и сплясать «барыню». Он вызывал к черносотенцам в тостах, приветственных обращениях и поздравительных телеграммах: *Объединяйтесь, истинно русские люди!.. Буду миловать преданных... Вы мне нужны... Царское вам спасибо... Вы моя опора и надежда...* На верноподданнический адрес союза извозпромышленников, поставлявшего черной сотне «актив», царь 23 декабря 1906 г. ответил: *Передайте извозчикам мою благодарность, объединяйтесь и старайтесь*. На приеме во дворце он не постеснялся при всех справиться у ярославского губернатора Римского-Корсакова о здоровье главара местных «союзников» Кацаурова — человека, знаться с которым почиталось в Ярославле за стыд.

В сентябре 1906 г., когда председатель «Союза русского народа» Дубровин слегка занемог, генерал Раух привез ему на квартиру личное соболезнавание императора с пожеланием скорейшего выздоровления. Zenитом же теперь уже открытого царского благоволения к черной сотне была телеграмма, посланная Николаем доктору А. Дубровину 3 июня 1907 г., в день, когда разгоном Государственной думы второго созыва Столыпин фактически совершил государственный переворот. Отбросив недомолвки, самодержец в своем послании воззвал: *Да будет мне Союз русского народа*

надежной опорой. «Безобразнейшая телеграмма эта, — писал потом Витте, — в связи с манифестом о роспуске второй Думы показала все убожество политической мысли и болезненность души нашего самодержавного императора». Увы, вздыхал экс-премьер, те из приближенных царя, которые могли бы удержать его от якшанья с черной сотней, «утеряли всякие принципы и действуют по минутному влечению, держа нос по ветру, как это делает хорошая легавая собака»¹⁵.

Себя Сергей Юльевич в легавых, конечно, не числил. Между тем готовности «держат нос по ветру» царь требовал от каждого своего помощника и приглядывался, кто и в какой степени эту готовность проявляет. К тем из своих приближенных, кто не состоял в «Союзе русского народа» или не ладил с ним, царь относился настороженно, нередко с подозрением. Похоже было, что он подрядился вербовать в черную сотню новых членов, не останавливаясь перед обработкой на сей предмет министров.

— Отчего вы, Петр Аркадьевич, не запишетесь в Союз русского народа? — спросил он однажды Столыпина. — Ведь Дубровина там теперь нет. (Столыпин и Дубровин относились друг к другу неприязненно.)

С таким же вопросом царь обратился в свое время к предшественнику Столыпина Витте, намекнув, что помнит о его пребывании в подобной организации. В другой раз Николай, беседуя с Витте, огорошил его вопросом:

— Правду ли о вас говорят, что вы стоите за евреев?

Вероятно, та же нотка подозрения и скрытой угрозы прозвучала бы в вопросе царя, если бы он вздумал допытываться у своего премьера, а не «стоит» ли он, скажем, еще за украинцев («малороссов»), или за армян, или за финнов, или, что было бы совсем уж предосудительно, за поляков?.. Ибо в основе отношения Николая II к своим подданным различных национальностей лежал «лозунг гонения всех русских подданных нерусского происхождения», иначе говоря, около 60 млн. жителей империи¹⁶.

Если в прежние царствования жители некоторых окраинных областей еще пользовались относительными льготами и элементарными национальными правами, жили своей внутренней культурной жизнью, то администрация Николая II эти послабления стала отнимать и перечеркивать с резкостью, как никогда раньше. Последний царь без преувеличения можно назвать организатором крупнейшего в истории империи наступления на все права национальных меньшинств. Именно при нем империя особенно эффективно соперничала с некоторыми другими многонациональными дворянско-капиталистическими государствами, например с Австро-Венгрией, в утверждении за собой репутации «тюрьмы народов».

В эту эру, отмечают французские историки Лависс и Рамбо, в общем не слишком склонные критиковать деятельность царской администрации, все, как и при Александре III, подводится

под один ранжир. На народы, населяющие империю, надето «одинаковое ярмо»: под запретом национальные языки, подавлена национальная культура. Драконова политика дискриминации, преследования и подавления, разжигания национальной розни осуществляется по указаниям царя «во всех инородческих губерниях», на всех окраинах, опоясывающих Россию от Балтики до Кавказа¹⁷.

О том, что антисемитизм был официально провозглашенной идеологией и практикой царского правительства и едва ли не важнейшей принципиально-политической платформой, на которой базировалось единение (впрочем, зачастую лишь кажущееся) разношерстных реакционно-шовинистических и обскурантистских сил, — об этом хорошо известно. Однако, по выражению Лависса и Рамбо, «меры, принимавшиеся против поляков, зачастую были еще более суровы». Больше чем кому бы то ни было в царской империи, считают эти авторы, пришлось полякам страдать из-за верности своему языку и религии.

Поляки (не принадлежавшие к аристократической верхушке) не могли занимать в империи государственные должности; в юго-западных губерниях не могли владеть земельной собственностью. Польский язык в самой Польше был вычеркнут из программ школ — сначала средней, затем начальной и, наконец, высших учебных заведений, включая Варшавский университет. Запрещалось употреблять польский язык в учреждениях Царства Польского. Полиция под контролем царских чиновников сдираала с фасадов домов вывески на польском языке, таблички с написанными по-польски названиями улиц и площадей. В соседней Литве, как отмечают те же авторы, «гонения на польский язык приняли характер настоящей инквизиции». Но не менее жестокими были гонения на литовскую культуру — искусство, книгу, прессу, на самую мысль о национальной жизни, о творческой самобытности.

Казалось бы, прибалтийские провинции — Лифляндия, Эстляндия и Курляндия — традиционно пользовались царским благоволением. За полтора века здешнее дворянство — а состояло оно в основном из «немецких баронов — потомков древних меченосцев» — превратилось в рассадник генералов, министров, полицейских и дипломатов для империи. Они пользовались привилегиями, владели обширными землями, совместно с немецкой городской буржуазией задавали тон в Риге, Ревеле и других крупных городах. Им в царской империи жаловаться было не на что. Те же французские историки ссылаются на случай, когда Николай I, желая вознаградить за что-то А. П. Ермолова, спросил его, чего бы он хотел. Ермолов ответил:

— Государь, сделайте меня немцем¹⁸.

Иное дело — эксплуатируемая этим слоем немецких господ эстонская и латышская народная масса. Еще в 1883 г. Александр III поручает сенатору Манасину разобраться в «пороках»

прибалтийской администрации, взять под увеличительное стекло ее «внутреннюю расшатанность». Взял, разобрался. Набросал план, как эту систему управления «прибрать к рукам». С воцарением Николая II центральные власти приступают к реализации наметок Манасеина. Начальные школы изъяты из ведения местных властей и переданы под контроль министерства просвещения. Ландгерихты заменены мировыми судьями, которые могут назначаться и смещаться только министерством юстиции. Окружные суды Ревеля, Риги, Митавы и Либавы подчинены Петербургской судебной палате. При этом в Прибалтике, как и в Польше, подавление национальной культурной жизни, война против коренных народов сопровождаются войной против религии, точнее, против традиционно сложившихся религиозно-церковных привязанностей народных масс — на фоне грубого полицейского давления, попыток навязать населению казенное православие.

К лютеранству эстонцы и латыши были всегда более или менее равнодушны. В их глазах это была главным образом религия немецких господ. После того как граф Протасов силой навязал православие десяткам тысяч эстонцев и латышей, а вслед за ним такое же лютое усердие стали проявлять другие царские администраторы, получилась вполне обратная реакция. Возросло сопротивление. Многие простые люди, прежде равнодушные к религии, стали отчаянно отстаивать, отбиваясь от православия, лютеранскую веру. Особо ожесточила население и в Прибалтике, и в других районах на периферии империи практика насильственного отлучения детей у «кинородческих» родителей с целью воспитания их в верноподданническом и православном духе. Детей отнимали (и увозили подальше, в другие губернии) у прибалтов-протестантов, у поляков-католиков, у украинцев духоборов и униатов, у евреев и т. д.

Не всегда могли скрыть свое отвращение к этой варварской практике даже иные из сановников. Ламздорф однажды удрученно фиксирует «печальную весть о насилиях, творимых в балтийских провинциях». Там живут многие «православные», выросшие в лютеранской среде. Если такие подданные, вступив в смешанный брак, уклонятся от крещения своих детей в православной церкви, «власти, как только узнают, отнимают таких детей от родителей. Можно ли представить себе подобные ужасы?»¹⁹.

Штрих отношения к Кавказу. Наместник Голицын доносит царю, что, на его взгляд, «армяне слишком о себе возомнили». К тому же «армянская церковь способствует революционизированию местного населения». Чтобы проучить непокорных, наместник с согласия царя наложил секвестр на имущество армянских церквей. Государственный совет признал секвестр незаконным и подлежащим отмене. Царь отказал в утверждении журнала (протокола) заседания Совета, тем самым аннулируя его решение. Приказ о секвестре вступил в силу.

Обращение с финнами. С воцарением Николая II отношение

к ним становится все более жестким. Назначенный в 1899 г. в Финляндию генерал-губернатором Бобриков резко усиливает практику исключительных распоряжений. 3 февраля 1899 г. эта система увенчивается царским манифестом, аннулирующим часть традиционных прав финских учреждений. Сенат в Гельсингфорсе заявляет протест. Специальная депутация отправляется в Петербург с петицией; ее подписали 500 тыс. человек. Николай депутацию не принял. В 1901 г. едет к нему другая депутация с таким же обращением; он снова отказался принять ее. Бобриков за свое полицейское неистовство поплатился жизнью. 3 июня 1904 г. он был убит финским буржуазным националистом, сыном сенатора Шаумана. Но ту же практику на посту генерал-губернатора Финляндии продолжали в 1905—1908 гг. Н. Н. Герард и в 1908—1909 гг. В. А. Бекман. С просьбой «не травить финляндцев» обращался к царю его дед со стороны матери, датский король; и это заступничество было оставлено без внимания.

17 марта 1910 г. Столыпин по указанию Николая II вносит в Государственную думу проект положения «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения». Этой мерой царь хотел еще раз продемонстрировать, что он является «великим князем Финляндским», что его верховная власть над этой страной незыблема, что он намерен не ослаблять, а еще более усилить механизм своего единоличного законодательства — по крайней мере «в вопросах, касающихся одновременно и великого княжества, и империи в целом».

Анализируя сущность этих событий, В. И. Ленин в статье «Погород на Финляндию», опубликованной 26 апреля 1910 г., еще раз заклеил позором «национализм самодержавия, давящего всех «инородцев»». Он разоблачает пустозвонство буржуазных либералов, выражающих лицемерное сочувствие угнетаемым царизмом национальностям: «Фраза осталась фразой, а сущность *пошла на пользу* человеконенавистнической политике самодержавия» — и пророчески говорит: «Придет время — за свободу Финляндии, за демократическую республику в России поднимется российский пролетариат»²⁰.

Витте советовал царю «предоставить евреям равноправие с другими подданными», но, поскольку и у «других подданных» не было прав, беспредметной была речь о каком-то уравнивании в правах — все были уравнены в бесправии. В том числе украинцы и белорусы, которым отказано было в праве на национальную культуру и родной язык. В том числе кавказские народы, под кнутом царизма «возгоревшиеся так, что многие заговорили, что Кавказ нужно снова покорять». Впрочем, размышляли некоторые в правительственных сферах, «нужно покорить Россию, тогда нетрудно будет покорить Кавказ и привести к благоразумию окраины. Ну вот, пусть покорят Россию»²¹.

Ничто не могло поколебать убеждения Николая II: все спе-

циальные законы, направленные против национальных меньшинств, подлежат не отмене, а усилению; и если существует в империи сила, исполненная решимости эту систему травли и преследований поддерживать и отстаивать, то такой силой, по его мнению, является черная сотня.

По действовавшему в Российской империи Основному уложению, проекты новых законов, прежде чем быть представленными на усмотрение царя, предварительно должны были проходить обсуждение и утверждение в Государственном совете (после 1905 г. — также в Государственной думе). Но ни один расистско-шовинистический акт, введенный в действие в последние десятилетия царизма, такой процедуры в названных инстанциях не прошел. Все подобные законы были проведены окольными путями и явочным порядком.

Законопроекты, явно обреченные на провал в Думе или в Государственном совете, протаскивались, например, через так называемые Особые совещания при царе в порядке «верховного управления». Они могли получить силу закона с помощью одной только подписи царя на соответствующем докладе министра. Так, единоличной властью Николая II были проведены в 1905—1910 гг. почти все постановления, направленные против национальных меньшинств.

В обход ли закона или на его основе — все равно: империю мало удерживать в постоянном напряжении погромной атмосферы; бандам «Союза русского народа» должна быть обеспечена психологическая возможность в любой момент выйти на разбой; демократическая общественность должна оцепенеть под мертвящим взглядом охраны и черной сотни. То, чего не успевают сделать Дубровин и Буксевден, доделывают министр юстиции Щегловитов и прокурор Виппер. И наоборот, чудовищными судебно-расистскими спектаклями Щегловитова и Виппера протапывается дорога к новым подвигам для таганских и демиевских молодчиков. Скоординировались между собой юстиция и полиция, охранка и генералитет, военно-полевые суды и жандармерия; с каждым из них в отдельности — «Союз русского народа»; и со всеми вместе взятыми — «божьей милостью» Николай Второй. Якшанье с черносотенными подонками, субсидии, наградные, премиальные «союзникам» были его платой за свой страх. Страх перед революцией. Страх перед Россией. Страх перед русским народом — подлинным, трудовым, а не тем, какого изображали собой охотнорядцы и кабатчики, подонки общества.

Те самые ландскнехты с титулами и без, которые на протяжении лет на совещаниях под председательством императора обосновывали пользительность для русского народа голода, неграмотности и порки, столь же усердно участвуют с 1905 г. в погромном промысле вкупе с коренной отечественной знатью. Прусско-остзейские бароны и графы также включаются непосредственно в ее скулодробительные операции в центре и на местах.

...Низко нахлобучив мокрые шляпы, крадутся в дождливой мгле вдоль по-
сольского фасада два человека... Метнулись к входу; потянулась к звонку дрожа-
щая рука... Кто они, изображенные в прологе ходатаи перед германским послом
за русского царя?

Визитер первый: **Нейдгардт Дмитрий Борисович**. Барон, сенатор, помещик.
Именья в Нижегородской и Пермской губерниях. Получил образование в Пажес-
ком корпусе в Петербурге. Личными отношениями с Николаем II связан был со вре-
мен совместной их службы в молодые годы в Преображенском полку. Позднее
Нейдгардт не раз получал из рук Николая назначения на должности. Служил в
министерстве внутренних дел, был градоначальником в Одессе, губернатором
нижегородским и екатеринославским. Проявил незаурядную жестокость при подав-
лении народных волнений. Не раз уличенный в казнокрадстве и взяточничестве,
с помощью августейшего покровителя выбирался сухим из воды. Представитель
рода, вышедшего из Нассау и «вженившегося» в русское дворянство; родная се-
стра Д. Б. Нейдгардта была супругой председателя Совета министров П. А. Сто-
лыпина. К концу последнего царствования Нейдгардт в звании сенатора приобщи-
лся к обсуждению в верхах важнейших государственных вопросов, за каковым за-
нятием его застала Февральская революция. В 1918 г. после неудачных хлопот
в Денежном переулке у германского посла бежал в Германию, где и окончил в Рей-
хенгалле свою жизнь*.

Визитер второй: **Будберг Алексей Александрович** из разветвленного баронско-
го рода Будбергов и Бенингсгаузенов, еще в средние века перебравшегося из Вест-
фалии в Лифляндию, а со второй половины XVIII в. подвизавшегося на военном
и дипломатическом поприще в России.

Царям служили многие Будберги, и в высоких должностях:
были среди них министры, послы, командующие войсками, а один
из Будбергов (Александр Андреевич) при последних двух царях
22 года (с 1891 по 1913) занимал должность главноуправляюще-
го канцелярией прошений на высочайшее имя. Он фактически
состоял у Николая II политическим советником, пользовался его
личным расположением, участвовал в разработке в 1905 г. ма-
нифеста «о свободах». Тогда же способствовал и созданию тай-
ных денежных фондов для «Союза русского народа». Всячески
старались тогда помочь снабжению черной сотни материальными
средствами и Алексей Будберг, и близкий приятель семьи Буд-
бергов — Густав Кестринг, выходец из Ганновера, тульский по-
мещик, вплоть до 1914 г. поддерживавший связи в кайзеровском
рейхе.

Черносотенная одержимость легла печатью и на послерево-
люционный путь барона Алексея Будберга, генерала, командовав-
шего в мировую войну русским корпусом. Она привела его в стан
контрреволюции. После уже известного визита к Мирбаху барон
возвратился на Дальний Восток, где обосновался было после

* Небольшое дополнение. Один из читателей журнала «Знамя», горьковчанин
Петр Иванович Шмелев, прислал автору письмо. Он пишет: «...этот барон хоро-
шенько запомнился нашей землей».

Крупный помещик, он одно из своих имений имел в нашей Ичалковской волости
Княгининского уезда. Мой отец, будучи еще мальчиком, пас барону скотину. Раз
скот забрал куда-то не туда. Как рассказал мне потом отец, барон приказал выпо-
роть его. На глазах Нейдгардта управляющий Юдин зверски избил моего отца,
нанес ему раны, рубцы от которых ныли и мучили его всю жизнь.

И это тот самый Нейдгардт, с которым царь яхшался и чуть ли не лобызался с
юных лет. Истинно: скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

Октябрьской революции, и там, в Харбине, в окружении Колчака, предпринял новое восхождение. К 1919 г. он становится в Омске у «верховного правителя» военным министром. Омскому периоду своей деятельности он впоследствии посвятил мемуары, пронизанные ненавистью к России. Есть какая-то и логика, и ирония судьбы в том, что этот бывший приверженец «Союза русского народа», очутившись в белоэмигрантских бегах, называет русский народ «партией С. С. (сукиных сынов)», утверждает, будто «русский народ не способен на действительный подвиг и жертву»²².

Как будто не Будберги с Нейдгардтами незадолго до того гнусавили свои снисходительно-лицемерные комплименты «братцам», выдаваемым за русский народ, под звон разбиваемых витрин и стоны забытых насмерть. Однако следует заметить, что инерция черносотенства завела их и несколько дальше. Может быть, не тех, что в царской России подвизались в «Союзе русского народа», а их сыновей, которые в «третьем рейхе» оказались верноподданными Гитлера.

Отто Ойген Будберг. В 1921 г. вместе с отцом уехал в Германию из района Пабажи-Саулкрасты (под Ригой), в середине 20-х годов вступил в рейхсвер, продвигался в должностях и воинском звании. В 1940—1941 гг. в составе 22-й танковой дивизии вермахта в звании майора участвовал во вторжениях в Бельгию, Францию, Грецию, Югославию, Советский Союз. Участвовал в боях под Ленинградом, в районе Пушкина, способствуя разрушению тех самых дворцов, куда 30 годами раньше его родственник Александр Андреевич являлся с докладами к Николаю II. О. О. Будберг — непосредственный виновник разграбления в Пушкине Большого Екатерининского дворца, организатор похищения знаменитого «янтарного кабинета», поныне не найденного. Совершил этот акт вандализма вместе с лейтенантом Зольмс-Лаубахом, действовавшим по его приказу и под его руководством. 5 марта 1945 г. Будберг был упомянут в сводке ОКВ (гитлеровской ставки) как «герой» обороны Бреслау от наступавших советских войск.

Эрнст Кестринг. Как и Отто Будберг, родился и вырос в России. Учился в Москве и Петербурге, владел русским языком, как родным, много ездил по нашей стране. Девятнадцать лет выехал в Германию, вступил добровольцем в кавалерию, воевал на Восточном фронте. В составе кайзеровских войск участвовал во вторжении на Украину в 1918 г., состоял в миссии при Скоропадском. Во времена веймарской Германии служил в рейхсвере в звании полковника. Дважды был германским военным атташе в Москве: с 1931 по 1933 и с 1935 по 1941 г., вплоть до нападения фашистской Германии на Советский Союз. В течение шести лет из Москвы снабжал Гитлера докладами и всевозможной информацией, сыгравшей немалую роль в его решении напасть на СССР. В годы второй мировой войны занимался в прифронтовой полосе формированием банд из антисоветского отребья. К концу войны попал в плен к американцам, был отпущен. В послевоенные годы жил в ФРГ на пенсию, данную ему Аденауэром и Штраусом, писал мемуары, оплакивая неудачи нацистского «блицкрига» против СССР.

В серии апологетических сочинений о «выдающихся солдатах рейха», издаваемых военным отделом федерального архива ФРГ, обращает на себя внимание сборник воспоминаний о бывшем германском военном атташе в Москве под названием «Генерал Эрнст Кестринг». Эта книга, пронизанная реваншистским духом, призванная обелить гитлеровскую военщину, подверглась справедливой критике в международной демократической прессе, в том числе в советской периодике²³.

Из глубины времени подает голос единомышленник будущих гитлеровцев **Адальберт Крамер**, приверженец и трубадур «Союза русского народа», прибалтийский помещик, член Государственного совета. В дни первой русской рево-

люции он был одним из самых одержимых проповедников расизма и человеко-ненавистничества в России. Речи, им тогда произносившиеся, поражают сходством с монологами Геббельса и Штрейхера спустя три десятилетия в Мюнхене и Нюрнберге. Одобрительно слушали его провокаторский бред на приемах и совещаниях генералы, губернаторы, высшие полицейские чины, лидеры СРН. Поднимались с мест и спешили пожать ему руку фон Плеве, фон дер Лауниц, Меллер-Закомельский, Буксгевден и подобные им деятели, опалившие пламенем пожаров небо Украины и Прибалтики за 30 лет до появления там их последователей из эсэсовско-гестаповских зондеркоманд. Улыбчиво-сочувственно внимал Крамеру на заседаниях в своем дворце и царь. Когда же речами фон Крамера возмущались даже некоторые буржуазные политики, требуя предания его суду за подстрекательство к самосудам, Николай II демонстративно присвоил ему звание статс-секретаря и послал в поместье под Ригой приветственную телеграмму.

Безнаказанность окрыляла черную сотню — и главарей, и на-вербованный ими сброд. Бывало, что от осуждения громил (если случалось их задержать) не могла уклониться даже царская юстиция. Тогда Николай сам освобождал их от наказания. О помиловании революционеров запрещалось и говорить в его присутствии; за «союзников» вступался по первой просьбе, да и без просьб, по своей инициативе. Сам признался однажды в беседе с Коновницким, что ведет «постоянную борьбу с собственным судом» в пользу черносотенцев. «Я знаю, — говорил он собеседнику, — что русские суды относятся к участникам погромов с излишней строгостью и педантизмом. Даю вам мое царское слово, что буду всегда исправлять их приговоры по просьбам дорогого мне Союза русского народа»²⁴. Приговоры «исправлял», а «исправив», мог послать в адрес подзащитного приветственную телеграмму, «царский поцелуй», благодарность, награду. Под его горностаевой мантией, писал современник, черная сотня укрывалась, из-под трона российского высывалась свое ядовитое жало; она была «сплочена и организована, как только могут быть сплочены воровские и разбойные шайки, иначе всем им будет конец»²⁵.

Сложилась таким образом единственная в своем роде многослойная судебно-башибузукская амальгама, которую в общественных кругах называли «карательным самодержавием». Это была и хитроумная, и вместе с тем до примитива упрощенная система, в которой на базе совместного истязания народа, в дружном замахе на него кнутом и топором соединились вор и полицейский, ландскнехт и великий князь, половой из трактира и генерал-губернатор.

Роль императора в этой системе — главенствующая, участие в ее практике — координирующее и вдохновляющее. А видные деятели этой карательно-охранительной системы Крамер и Пуришкевич с трибун Государственного совета и Государственной думы обличают «мировой жидомасонский заговор», направленный против двуглавого орла, и призывают государя императора каленым железом выжечь, вытравить из российской почвы «иродово семя».

Но самодержец в таких призывах не нуждался. Его незачем подталкивать — он сам идет.

Вот только куда идет и куда этот путь его приведет — это еще не совсем ясно. Пока — ни ему, ни его окружению.

НА ПОДЛИННОМ НАЧЕРТАНО

Кто был царь — человек или бог?

— Скажите мне откровенно, Сергей Юльевич, — спросил однажды великий князь Николай Николаевич председателя Совета министров, — как вы считаете государя, человеком или нет?

Тот ответил:

— Государь есть мой государь, а я его верный слуга, и, хотя он дан нам богом или природой, он человек со всеми людям свойственными особенностями.

— Нет, — возразил великий князь. — Я не считаю государя человеком. Он не человек и не бог, а нечто среднее²⁶.

Одно из различий между самодержцем на земле и всевышней силой на небе состояло, по-видимому, в том, что в то время, как названная сила входящих и исходящих бумаг не читает и рутинного делопроизводства не ведет, у царя делопроизводство было, почему и осталось в архивах множество рапортов, отчетов, донесений и докладных, на которых черным по белому запечатлены резолюции по издавна установившейся формуле: *На оном его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать...*

Семьдесят восемь петербургских литераторов подписали петицию на высочайшее имя. Она содержала просьбу: «Благоволите, государь, принять русскую литературу под сень закона». Писатели просили не о каких-либо особых льготах или преимуществах, а лишь о том, чтобы «литература не стояла вне правосудия», т. е. чтобы кары назначались писателям не в административном (полицейско-жандармском), а в судебном порядке. Обращение передано через императорскую канцелярию по прошениям (ведал ею А. А. Будберг). Ответ доставлен одному из подписавших, академику Бильбасову, через околоточного надзирателя по месту проживания. Он гласит: *Оставить без всякого последствия. Николай.*

Министерство внутренних дел представило царю доклад о забастовочном движении, указав, где и сколько стачек сорвано с помощью штрейкбрехеров, сколько подавлено силой. Николай предписывает: *И впредь действовать без послаблений.*

Несколько губернаторов в своих отчетах жалуются на трудности привлечения штрейкбрехеров, которым рабочие обычно угрожают расправой. 2 декабря 1905 г. царь подписывает указ, согласно которому штрейкбрехеры и провокаторы, срывающие забастовки, официально берутся под защиту властей; для «зачинщиков» забастовок устанавливается тюремное заключение от четырех лет и выше²⁷.

22 июля 1905 г. товарищ министра внутренних дел Д. Ф. Тrepов направляет царю рапорт с просьбой разрешить увеличение штата полиции в Курляндской губернии. Следует высочайшее повеление: *Увеличить состав полиции из расчета одного городского на 400 душ населения.* Одновременно указано: выделить на повышение окладов городовым 19 млн. руб.²⁸

Командующий Киевским военным округом доносит, что революционные настроения рабочих передаются солдатам; соприкосновение войск с населением, считает он, грозит армии разложением. И предлагает: оградить гарнизоны от местных жителей, для чего построить вокруг казарм высокие дощатые заборы. Царь пишет на полях: *Насчет ограждения правильно. Истина безусловная.*

Забор хорош, но розги лучше. По действовавшему в империи «Положению о телесных наказаниях» местный полицейский начальник мог по своему усмотрению выпороть любого крестьянина. За отмену «Положения», как позорного, выступил Государственный совет. На отчете о дискуссии в Совете надпись: *Когда захочу, тогда отменю.*

Петербургский градоначальник предлагает: наиболее «строптивых» стачечников в административном порядке приговаривать к заключению в «рабочие дома с особо строгим режимом». То есть рекомендует еще одну внесудебную, полицейскую форму принудительного труда. Резолюция царя на докладной: *Да, или розги, как сделано в Дании.*

Херсонский губернатор в годовом отчете сообщает, что учащаются случаи «правонарушений» в рабочих районах. На полях резолюция: *Розги!*

Пороть хорошо, но вешать лучше. Дальневосточное командование сообщает в Петербург, будто из центра страны прибыли в армию «анархисты-агитаторы» с целью разложить ее. Не интересуясь ни следствием или судом, ни даже простым подтверждением факта, царь приказывает: *Задержанных повесить.*

Вешать хорошо, но можно и расстреливать. Витте докладывает о «переизбытке усердия» Рихтера, командующего карательной экспедицией в прибалтийских губерниях. Его жандармы порют поголовно крестьян, расстреливают без суда и следствия, выжигают деревни. Следует высочайшая резолюция на записке: *Ай да молодец!*²⁹

В Государственной думе (второй) бурно обсуждается случай расстрела заключенных в рижской тюрьме. По требованию царя министерство внутренних дел представляет ему докладную — что произошло. Там, где изложены подробности, когда и кто стрелял в узников, помета: *Молодцы конвойные! Не растерялись!*

Прочитал донесение московских властей об исходе боев на Пресне. Отмечает в дневнике: *В Москве, слава богу, мятеж подавлен силой оружия*³⁰.

Узнав, что осада училища Фидлера, где оборонялись 100 дружинников, окончилась разгромом здания (с помощью артилле-

рии) и убийством ряда осажденных, Николай шлет из Царского Села командующему войсками Московского военного округа телеграмму: *По удостоверению генерал-губернатора о безупречном поведении войск поручаю вам объявить им мое сердечное спасибо*³¹.

На докладе уфимского губернатора о расстреле рабочей демонстрации и о гибели под пулями 47 человек Николай надписывает: *Жаль, что мало*³².

Можно стрелять, не худо и топить. Во время доклада Витте о положении в стране царь подошел к окну и, глядя на Неву, сказал: *Вот бы взять всех этих революционеров да утопить в заливе*.

И сжечь... В трехэтажном здании управления Сибирской железной дороги, в Томске — митинг демократической общест-венности. По сигналу губернатора Азанчевского-Азанчеева чер-ная сотня окружила и подожгла здание. Все три этажа охватило пламя. Гасить огонь запрещено. Губернатор любителю пожаром с балкона своего дома, с другой стороны площади. Каждого, кто пытался выбраться из здания с черного хода, убивали на месте. Итог провокации чудовищный: погибла тысяча человек. В адрес губернатора поступила из Петербурга благодарственная телеграм-ма и «царский поцелуй».

После погрома в Гомеле в декабре 1905 г. было установлено, что избиение жителей организовал с помощью «Союза русского на-рода» местный жандармский офицер граф Подгоричани. Данные следствия Витте вынес на заседание в Совете министров. За-слушав доклад министра внутренних дел Дурново, правительство постановило: Подгоричани отстранить от должности и предать суду. Царь, получив на утверждение журнал (протокол) заседа-ния, надписал: *Кому какое, собственно, до всего этого дело?* И в утверждении протокола отказал.

Полубог, казалось бы, не должен бряцать тюремными ключами. Ан нет! В действительности он крепко держит, не выпуская из рук, рычаги непосредственного управления механизмами подавления и террора. Лично следит за работой карательных жерновов. Царь — душа этой отрасли управления империей. Ничто здесь не делается без его личного ведома и санкции.

В столице военно-полевой суд заседал в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Это подтверждается письмом от 11 сентября 1906 г., направленным генералом М. А. Газенкам-пом временно командующему войсками округа и гвардии ге-нералу А. В. Эллису. Со ссылкой на «секретный отзыв» (т. е. по-желание) штаба округа за № 1678 от того же сентября первый ставит в известность второго: «Трубецкой бастион вверенной вам крепости избирается как единственное (в Петербурге. — М. К.) место, вполне обеспечивающее безопасность заседаний, приведение же смертных приговоров в исполнение будет произво-диться вне столицы»³³.

В каждом из двух этажей бастиона насчитывается 36 оди-
ночных камер; всего их, следовательно, 72. Сюда сажают аресто-
ванных, которых власть считает самыми для себя опасными и
поэтому изолирует их наиболее надежно. Департамент полиции
поставляет узников бастиону, а бастион — смертников военно-
полевому суду, заседающему тут же, между рядами камер, в квар-
тире коменданта. По вековой традиции должность коменданта
Петропавловской (как и Шлиссельбургской) крепости может за-
нимать только человек, пользующийся неограниченным доверием
царя, в любое время к нему вхожий, от него лично получающий
указания.

Таков в годы первой революции генерал А. В. Эллис. Комен-
дант систематически посылает Николаю II в его рабочий кабинет
сводный доклад со списком заключенных по состоянию на очеред-
ное 1-е число каждого месяца. О том, насколько методично и не-
ослабно шла эта информация из месяца в месяц, из года в год,
свидетельствуют сохранившиеся в архивах доклады коменданта
Петропавловской крепости Николаю II за период с 1 января
1900 по 1 января 1917 г., а также «Алфавитный список секретным
арестантам, содержащимся в СПб крепости с 1900 по 1916 год»³⁴.

Получает он столь же систематическую информацию и из дру-
гих источников: из «охранки» (еженедельную сводку о поисках
и арестах); из корпуса жандармов; от начальников карательных
экспедиций.

Вот образчики донесений. Об одной из казней в Сибири ге-
нерал Гродеков телеграфирует ему в Царское Село:

При приведении в исполнение смертного приговора толпа хлынула, пытаясь
проникнуть через оцепление, но выстрелами последнего была остановлена³⁵.

Еженедельная записка о борьбе с крамолой дворцового ко-
менданта:

1906 г., января 26-го дня

В Черниговской губернии, Суражском уезде, наводит порядок начальник
жандармского управления генерал Рудов.

В сопровождении отряда казаков он объехал более 40 деревень. Собирает
сходы, требует выдачи подстрекателей, возвращения имущества помещиков,
причем подстрекатели подвергаются тут же телесному наказанию.

Когда сход отказывается выдавать главарей, генерал Рудов приказывает
сжигать избы, после чего крестьяне выражают полное раскаяние.

Выпорото 120 человек. Были случаи, когда крестьяне бросались с топором
или колом на командира казачьей сотни. Они были убиты на месте.

О чем всеподданнейше долгом поставлю себе представить вашему импе-
раторскому величеству.

Свиты его величества
генерал-майор Трепов³⁶

Каждую неделю представлял ему лично сводку о борьбе с революционным движением министр внутренних дел П. Н. Дурново. Одна из них гласит:

1906 г., января 11-го дня

В Прибалтийском крае восстание можно считать подавленным. 3 января делегаты 46 волостей заявили генерал-майору Штофу о полной своей покорности и смирении, причем хором пропели гимн «Боже, царя храни», закончив пение дружным «ура».

Однако случаи насильнических действий в отношении помещиков в уездах повторяются.

На Кавказе восстание по линии Владикавказской дороги подавлено.

В Александрийском и Елисаветградском уездах Херсонской губернии крестьяне оказали сопротивление войскам, и последние стреляли, убив 15 и ранив 80.

О чем считаю долгом всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству.

Дурново³⁷

В Ливадии и в Царском Селе Николай II не брезговал приглашать к столу самых свирепых карателей, с интересом слушал их рассказы. Мелькают в письмах и дневнике записи о подобных гостях: *Мин, умиритель Москвы, явился и завтракал с нами... благодарил за то, что их послали в Москву усмирять мятеж. ...В Гусарском манеже представлялся мне экспедиционный отряд барона Меллер-Закомельского... Гулял, убил две вороны. ...Гулял долго и убил две вороны... Обедали Меллер-Закомельский и офицеры его отряда, вернувшиеся из экспедиции по Сибири.* Как прошла трапеза, улавливается из дневника поручика Евсеевича, побывавшего с Меллером во дворце: «Его величество много спрашивал о подробностях нашего рейда, будучи, видимо, в курсе дела; он хорошо ознакомлен с телеграммами-донесениями барона и согласен с его мнением, что подавить революцию надо было гораздо строже — раз навсегда»³⁸.

Приятно царю посидеть с такими рассказчиками. Умеют сюжет сотворить и о нем поведать. Велико его доверие к ним. Велико, но не безгранично. Есть кое-что такое, чем нельзя поступить и доверить даже таким помощникам. Ревниво держался он прежде всего за свою прерогативу властвования над жизнью и смертью людей. Предоставил, например, генерал-губернаторам право предавать гражданских лиц военному суду и утверждать вынесенные им смертные приговоры. Но отказал в праве смягчать смертные приговоры, заменять казнь тюремным заключением.

Николай II поручал своим уполномоченным отнимать у людей жизнь, но не даровать ее. Выдавал карт-бланш на неумолимость, но не на снисхождение. Тем самым пресекал возможность «поблажек», недостаточной жестокости в практике своих судов. Если генерал-губернатору очень уж хотелось спасти жизнь осужденного, он мог лишь через министра внутренних дел обратиться с представлением о помиловании к царю. Но редко возника-

ло у генерал-губернатора такое желание, еще реже отваживался он на обращение через министра (да и согласится ли министр передать представление выше?), и уж совсем уникален, почти невероятен случай, чтобы царь такую просьбу удовлетворил.

Министр юстиции С. С. Манухин во время очередного доклада о работе министерства спросил, как быть с 28-летним И. П. Каляевым, приговоренным к смертной казни; проскользнул едва заметный намек: не пожелает ли его величество изменить что-нибудь в участи смертника. Николай, по последующему свидетельству Манухина, «молча отошел к окну и забарабанил по стеклу пальцами». Разговаривать с министром больше не стал, выпроводил его не прощаясь. Вдогонку министр двора Фредерик послал Манухину предупреждение, чтобы он впредь на аудиенциях воздерживался от «бестактных вопросов», иначе ему грозит отставка.

В Таврическом саду молодой человек с расстояния в десять шагов выстрелил в гулявшего Дубасова из браунинга. Промаялся, был схвачен. В полицию заявил, что хотел отомстить за расправы при подавлении восстания в Москве. Дубасов просил царя пощадить юношу, назвав его «почти мальчиком». Николай просьбу отклонил, «почти мальчик» предстал перед военно-полевым судом и был повешен.

Об инциденте в Таврическом саду Дубасов рассказал Витте: «Так передо мною и стоят эти детские бессознательные глаза, испуганные тем, что он в меня выстрелил... Я написал государю, прося его пощадить этого юношу и судить его общим порядком». Через день Дубасов сообщил Витте об ответе царя на просьбу о помиловании. «Никто, — сказал ему Николай, — не должен умалять силу законов; законы должны действовать механически; то, что по закону должно быть, не должно зависеть ни от кого и ни от него — государя императора». Комментарий Витте: «Точно закон, по которому этот юноша был судим и затем немедленно повешен, установлен не им — императором Николаем II... Точно его величество в то же время не миловал осужденных из шайки крайних правых... Еще чаще полиция просто не обнаруживала этих заведомых убийц и организаторов покушений и потому не привлекала их к следствию. Разве государю все это не было отлично известно?»³⁹

Впрочем, иногда — только представить себе! — и снисхождение ему не чуждо.

23 февраля 1906 г. Ренненкампф в Сибири предает военному суду трех схваченных либералов: инспектора народных училищ Окунцова, врача Шинкмана и земского деятеля Мирского. Они обвинены в «возбуждающих» выступлениях на митингах и в писании предосудительных статей для либеральствующей газеты «Верхнеудинский листок». Все трое «преступников» приговорены к смертной казни.

11 марта поступает по телеграфу из Царского Села высочай-

шее повеление: смертная казнь заменяется пожизненной каторгой. Кто-то, оказывается, доложил царю, что один из осужденных — тот самый провокатор Л. Ф. Мирский, который когда-то в Петропавловской крепости предал Нечаева, оказав охранному отделению важную услугу. Ради этого одного Николай распространил свое милосердие на троих.

Он образцовый отец, сына своего обожает. Когда заходит речь о наследнике Алексее, у императора выступают на глазах слезы. «Я помню, — писал современник-очевидец, --- как дрогнул от чувства и сдержанных слез его голос, когда, говоря свою речь в 1906 г. перед открытием Государственной думы в тронном зале Зимнего дворца, он упомянул о своем сыне»⁴⁰.

Здесь — одна сторона самовыражения личности, возглавлявшей верховную власть в России. А вот другая сторона — проявление той же личности, от ее воли идущее, ее деятельность характеризующее.

Во время волнений в Москве четырнадцатилетний мальчик чем-то обозлился жандарма, тут же спрятался за колонной Екатерининской больницы. Жандарм вытащил револьвер и выстрелом убил мальчика наповал.

И еще. В Кокнесе были расстреляны 30 человек, в их числе 14-летний Граудзинь, за то, что пытался спрятать в хворосте ржавый, где-то им подобранный, негодный револьвер⁴¹.

Добрый отец, он и добрый сын. Ни возрастом, ни тревожными должностями не выветрено из его сердца трогательное чувство к матери. В письме к ней обычно делился своими заботами.

Царское Село
1906 г., января 12-го дня

Моя дорогая мама!

В прошлый четверг я решительно не мог написать тебе... Я должен был написать длинное письмо графу Воронцову. К счастью, он теперь стал действовать энергичней — сейчас все там (на Кавказе) пошло лучше...

В Прибалтийских губерниях Орлов, Рихтер и барон Ферзен действуют великолепно — замирение уже близко...

В Сибири тоже лучше, но еще не кончена чистка от всей дряни...

Витте после московских событий резко изменился: теперь он хочет всех вешать и расстреливать.

Горячо тебя любящий Ники⁴²

На это письмо вдовствующая императрица отвечает выражением надежды, что *кримзола будет в конце концов сломлена*.

17 ноября 1905 г. он сообщает матери: *Какой-то прогнанный со службы офицер, бывший лейтенант Шмидт, провозгласил себя командиром «Очакова». Его придется, конечно, расстрелять.*

Ответ гласит: *Надеюсь, что со Шмидтом покончено, а то, чего доброго, еще убежит.* Семейная мораль четко выражена: *С такими канальями церемониться не следует*⁴³.

Подает ему советы и супруга. Она пишет о революционерах

и либералах: *Мое солнышко, согни их в бараний рог... Пичужка моя, не давай никому из них пощады.*

А ведь, казалось бы, не «пичужкино» это дело — пуля и перекладина. И не «солнышкино» это занятие — запарывать шомполами или загонять в вечную каторгу.

Таков уж, однако, моральный облик этого человека и членов его семьи. Тем не менее на Западе не только монархисты из белых эмигрантов, но и разных мастей советологи оплакивают судьбу последнего российского самодержца, не считают справедливой понесенную им кару.

- Вами Дунька сейчас интересовалась.
- Жулик вы, говорит, и чей-то сын.
- Все мы сыны России, Павла Петровна.
- Нет, она несколько иначе вашу генеалогию выводит.

К. Тренев. Любовь Яровая

ДОРОГАМИ СТРАНСТВИЙ

Лет через 10—11 после своего воцарения Николай II видит на придорожной обочине незнакомого мужика, подманивает его пальцем к себе и, взяв под локоток, идет плечом к плечу вместе с ним. Союз странный, если не забывать о некоторых особенностях и положения, и характера последнего царя.

Никого, кроме себя (и своих детей), он не любил, никого не жалел и никем не дорожил — даже самыми преданными из своих слуг. Не эти, так другие будут. Николай охотно водил их за нос, легко с ними прощался; обласкав и облобызав, тут же мог уволить; а при случае втихомолку радовался, если кто-нибудь из верных, но поднадоевших отправлялся на тот свет.

Ему сообщили, что убит министр внутренних дел и шеф жандармов Д. С. Сипягин. Вечером записывает в дневнике: *Нужно со смирением и твердостью переносить испытания, ниспосылаемые господом для нашего же блага*. Худо ли, что убили, хорошо ли — прямо не сказано, но скорее не плохо, раз «для нашего же блага».

Доложили, что убит В. К. Плеве, преемник Сипягина. Оставшись наедине с собой, Николай уясняет себе, что всевышний, вероятно, вправе отозвать к себе любого царского слугу, и записывает: *На то его святая воля. И в следующих строках: Завтракала тетя Маруся... Гуляли с мамá... Обедали на балконе, вечер был чудный...* И день был чудный, и вечер чудный, и Плеве больше нету, и на том слава богу...

Услышав, что скончался его бывший премьер-министр граф С. Ю. Витте, едва скрывает радость. Жене в тот день пишет: *В сердце моем воцарился истинно пасхальный мир*. А в беседе с послом Палеологом признается: *Смерть графа Витте есть для меня глубокое облегчение*². В том же духе отозвался на кончину П. А. Столыпина, едва ли не самого верного своего слуги. Отказался пойти на его похороны.

Единственным исключением из этого порядка отношений между престолом и его хранителями был Распутин. Только ему не страшны были зигзаги дворцовой конъюнктуры, превратности монаршего настроения.

Состояли и прежде при царях фавориты, временщики, ясновидцы, шуты. Обычно из толпы тех же придворных, зачастую из аристократов. Ни на кого из них Распутин не похож. Он в своем

роде уникален. Это фаворит неслыханный, небывалый. Его изобразил в своей поэме советский поэт Петр Орешин.

Того замучила одышка,
Тот слаб, тот хил...
Но вот пришел Распутин, Гришка,
И угодил.
Запахло во дворце овчиной,
Таежной тлей,
Старинным говором, лучиной,
Сырой землей³.

Пришел из тайги во дворец, пишет Алексей Толстой, дошел до императорского трона «и, глумясь и издеваясь, стал шельмовать над Россией неграмотный мужик с сумасшедшими глазами и могучей мужской силой»⁴.

Не он ищет милостей у своих августейших патронов, а они преклоняются и заискивают перед ним. Вымаливают у него заступничество перед судьбой, благословения и рекомендации от имени бога. Какие бы досье, протоколы и сводные обзоры его безобразных походов и деяний ни составляла тайная полиция, препровождая их в царский кабинет, все отскакивает от Григория Ефимовича, как горох от стенки.

К наивысшему взлету его карьеры уже не могут появиться во дворце идея или проект, которые не связывались бы с именем этого проходимца.

И поныне, спустя много лет после его смерти, он котируется на западных пропагандистских биржах как непреходящая, неувядающая историческая сенсация. Проходит как главное действующее лицо по меньшей мере 20 кино- и телефильмов, поставленных голливудскими, мюнхенскими, лондонскими и прочими западными продюсерами только за 60—70-е годы.

Актер Клод Жувенель в картине «Распутин» сыграл его как русскую разновидность герцога Ришелье, петербургский вариант парижского «черного» кардинала, с той небольшой разницей, что у петербургского погуще и подлиннее борода, а в паузах между интригами он иногда шатается по ночным кабакам.

Актер Герт Фребс в фильме «Я убил Распутина» изобразил его носителем некоей демонической, сверхчеловеческой силы, возмечтавшим о спасении империи и династии от надвинувшейся гибели, каковому замыслу, однако, помешали Юсупов и Пуришкевич, сунув титана мысли и духа под невиский лед. Сценарий написан по одноименной книге Ф. Ф. Юсупова. Рекламе картины способствовало судебное дело по обвинению в клевете на Распутина, возбужденное в 1967 г. его 75-летней дочерью Марией (Матреной) Соловьевой против режиссера Оссейна и Юсупова.

Он проходит героем сквозь десятки книг, включая специально ему посвященные поэмы, повести, романы, трилогии. Иван Наживин, из беглых, еще в 20-х годах посвятил ему роман в трех томах, полный полубредовых диалогов с царем, с банковскими дельцами, с черносотенными активистами вроде Иоанна Востор-

гова. Мелко-трусливо и лебезяще в этом произведении каждое движение старца, чего в действительности не было; несуразна его речь, почти пародийно стилизованная под «простонародную» и «лапотную»⁵. И другие такие же авторы из бывших писали за рубежом повести, тоже полупародийные и по сюжету, и по вложенному в уста старца лексикону.

Пустопорожним, полупьяным, дурашливым, охочим главным образом до дам и мадеры, озорником из глухомани изобразили его немецкие литераторы Роберт Хейман и Конрад Линц, Уильям ле Куэ в Англии, Джеймс Биллингтон в США⁶. На рекордные высоты воображения поднялся автор сочинения «Страшный монах», вышедшего на русском и украинском языках в Канаде. В этом произведении за Распутиным посылают в Сибирь агента с поручением доставить его во что бы то ни стало в центр. Едва прибыв в столицу, старец бросается очертя голову в альковные приключения; немедленно вклиниваются в сюжет обольстительная Ирина, жена князя Феликса, не менее пленительная цыганка Анна и вооружившаяся кинжалом некая Зоня. Князь обнаруживает старца ночью в спальне своей жены, но тот удачно избегает смерти, уйдя «задними дворами в ближайшие огороды». Шашням Распутина кладет конец верховой казак: прямо на коне он въезжает в кабак, где кутит старец, и убивает его⁷.

Не вдаваясь в анализ различных литературных толкований распутинского образа, следует отметить ту ускользавшую до сих пор от западных продюсеров и романистов подробность, что всего лишь за пять лет до своего появления в кругу семьи Романовых он однажды темной сибирской ночью был застигнут в чужой деревенской конюшне и тяжело избит односельчанином за попытку украсть лошадей. Весной 1917 г. крестьянин Е. И. Картавец, 67 лет, был вызван из села Покровского под Тюменью в Петроград Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства для дачи показаний о личности Распутина. Комиссия получила из первых рук сведения касательно того, как был обработан оглоблей будущий член императорского триумвиата.

Конечно, для того, чтобы от увода трех лошадей Егора Ивановича Картавцева подняться к уводу значительной доли монарших prerogatives Николая Романова, нужно было обладать какими-то недюжинными способностями. Какими? Не отвечают на этот вопрос ни мелодраматический Жувенель, ни эпический Фребс. Даже Картавец, судя по сохранившимся в архиве протоколам следственной комиссии, лишь немного смог сказать на эту тему, хотя в свое время оказался ближе других к этой исторической личности, настолько близко, что чуть было не остался безлошадным. Из протоколов видно, что Распутина и раньше замечали в воровстве у крестьян муки (на мельнице), сена (из сараев) и т. д. У того же Картавцева раньше украл жерди⁸.

Ко времени появления в столице Распутину было, по видимому, 30—32 года (сам даты своего рождения не знал).

Выходец из семьи «крепкого достатка». Отец вел артель отхожего промысла, занимавшуюся погрузкой и разгрузкой барж на реке Туре. По некоторым данным, он (как и сын Григорий) одно время служил ямщиком почтовых троек на тракте Тюмень — Тобольск⁹. Григорий еще подростком научился пить водку, слонялся большей частью без дела, женился лет двадцати*. Слыл на селе драчуном, сквернословом. Дрался с братом и даже с отцом, и не только до своей карьеры, а уже поднявшись в ее зенит. После случая с Картавцевым сельская община обратилась к властям с ходатайством выселить его куда-нибудь подальше. Пока рассмотрение рассматривалось, он ушел из села сам.

В странствиях начинается его «преображение». В полумонашеском одеянии бродит он по монастырям и приходам, юродствует и побирается, иногда бредут вместе с ним, ночуя где попало, две-три странницы. Научился немного читать по-церковнославянски, усвоил манеру молиться крикливо и припадочно, бессвязно бормотать священные тексты; речь его становится заумной и отрывочной. Потаскавшись из конца в конец России (на юге доходил до Нового Афона), возвращается в родное село, теперь уже в образе «божьего человека».

Юродствует и дома. Возникает вокруг него в Покровском кружок последователей (большей частью последовательниц) распространенной в те времена в Сибири секты хлыстов. Секта, о которой он узнал в странствиях, для него удобная, по вкусу. Духовных книг не признает, верит в «живое слово бога», оное же слово передается от бога к верующим через «достойнейшего», каковым в данном случае предстает в своем окружении Гриша Распутин.

Организационная основа: секта состоит из «корабликов», т. е. замкнутых кружков-общин; на каждом «кораблике» регулярно устраиваются совместные экзальтированные моления, именуемые «радениями». Идейная основа: спасение души возможно лишь через грех и покаяние. Не нагрешешь — не спасешься. Чем больше блуду, тем внушительнее подвиг покаяния, тем выше будет оценен подвиг там, в небесах. На этой платформе Григорий почувствовал себя как бы в своей стихии. Раз всевышней силе требуется греховодство, он ей угодит. И пошла на покровском «кораблике» с преимущественно женским «экипажем» свистопляска ночных радений с пением духовных стихов, с эротическими плясками в чем мать родила и групповым непотребством. Не понравилось местным властям; они к тому же не забыли ночную сшибку в картавцевском хлеву. Упреждая события, Григорий поспешил и на этот раз раскланяться с родной околицей.

Снова петляет по проселочным дорогам и лесным тропам, околачивается по ночлежкам, постоянным дворам и монастырским

* Семья Григория Распутина состояла из жены Прасковьи, сына Дмитрия, дочерей Матрены и Варвары. Родственники в разное время приезжали к нему в Петроград. В канун мировой войны дочери поступили в Петербурге в закрытое учебное заведение.

обителям, пока судьба не заносит его (в 1902 г.) в Петербург. С рекомендательной запиской от викария Казанской епархии Хрисанфа является к ректору духовной академии Сергию, смиренно просит обратить на себя внимание вообще, выдать денежное вспомоществование («что милость ваша...») в частности. В кабинете Сергия сидят будущие друзья Распутина — Шванебах и Нейдгардт, вместе с ними инспектор академии и негласный духовник царской четы Феофан. Что-то показалось им в старце необычным: движения, речь, взгляд.

Вскоре Феофан в общезнании академии познакомит с богомольным мужиком Анастасию Черногорскую, жену великого князя Николая Николаевича. Затем великокняжеская пара представляет странника императрице Александре Федоровне. Как завороченная сидит ее величество под пронизывающим, пригвождающим взором Распутина, слушает его вкрадчивую, пересыпанную мистическими вывертами мужичью речь. Затем следует представление Николаю II, первое приглашение во дворец, где он быстро овладевает вниманием семьи и входит в роль «своего человека».

Он начал в семейном кругу Романовых с роли «божьего человека», знатока христианских догм, испытывающего постоянную жажду общения с «всевышней силой». В его застольных проповедях сначала перед царской четой, а потом в петербургских аристократических салонах перемешались мистическая евангельская фразеология со старым, времен радений в Покровском, хлыстовским словоблудием о единстве плоти и духа. Нет божьей истины, кроме истины духовного экстаза на базе эротики, и Григорий Ефимович — ее глашатай. А от глашатая и пророка — один шаг до спасителя. В едином лице своем он предлагает и грех, и спасение, и блаженство. Кроме того, он якобы ниспослан провидением охранять династию и царскую чету. Особливо же (это прибавилось несколько позднее, когда родился Алексей) — ограждать от опасностей и случайностей жизнь больного престолонаследника*.

В обществе тюменского шарлатана августейшее семейство забывает о времени. С первых месяцев знакомства с Распутиным Николай записывает: *Снова собрались всемером с нашим Другом... И все бы слушать и слушать его без конца*. Одна из записей фиксирует, что Распутин прибыл во дворец в 3 часа дня, пробыл там до вечера, при этом ему был открыт доступ в интимные апартаменты: *Он обошел все наши комнаты*¹⁰. Попал на этот раз и в царскую спальню. Его особенно интересовали такие укромные уголки. И еще раз сюда попадет, не только по лампадному делу, не только

*Алексей от рождения страдал гемофилией (несвертываемостью крови). Малейший ушиб, порез или царапина, обычно пустяковые для нормального ребенка, грозили царевичу смертью. Эту болезнь он унаследовал от гессенского рода: в Германии ее жертвами не раз становились ближайшие родственники Александры Федоровны. Не без ловкости Распутин колдовал над больным, с помощью различных фокусов и ухищрений внушив и ему, и родне, что является единственным и незаменимым его лекарем и спасителем.

для зажигания и гашения священных фитильков, о чем позднее скандально прошумит — почитай что на весь мир — иеромонах Илиодор, черносотенный блюститель духовной нравственности¹¹.

Прежде лучший друг старца, затем его смертельный враг, Илиодор в 1914 г. организовал покушение на жизнь Распутина, подослав к нему в Покровское фанатичку Феонию (Хионию) Гусеву, которая нанесла ему тяжелое ранение (ножом в живот). Спасаясь от возмездия, Илиодор бежал в Норвегию, где написал книгу, обличающую Распутина. Среди прочего публикация содержала документальную улику — собственноручное письмо царицы к Распутину, наводившее на мысль об интимной связи между ними. Министр внутренних дел А. А. Марков с помощью своей агентуры выкрал в Христиании (Осло) подозрительные письма царицы и великих княжон и представил их царю. Николай устроил жене скандал, а бумаги бросил в каминную топку.

Пока же снова и снова фиксируется: *Сидел с нами Григорий*. И долго еще, почти до самого конца царствования, даровано было Николаю II наслаждаться обществом экс-хлыста: *Всякое от него слово для меня радость, при нем оживаю душой*.

Роберт Мэсси, положив в основу своей 500-страничной пророчановской монографии историю болезни Алексея, доказывает, что Распутин запугал родителей угрозой гибели сына. Это верно, но лишь отчасти. Старец запугал чету угрозой и ее собственной гибели. Он научился эксплуатировать ее страх, а окончательно уверовав в прочность своих внушений, в значительной степени гипнотических, ездил на этом коньке до конца своей жизни. Усердное служение Распутина своим патронам не исключало ни нажима на них, ни даже прямого шантажа. Он грозил им: *Наследник жив, покуда жив я*. Потом эту формулу расширил: *Моя смерть будет вашей смертью*¹².

Юсупов, его убийца, уверял, что «религиозность его была личной», а вкрадчивостью его прикрывались «обман и грязь». Тем не менее Юсупов признает в Распутине субъекта «нечеловеческой силы», которая, как он считает, особенно проявилась в его «необычайной живучести» в те часы, когда его убивали¹³.

Распутин разглядел свою клиентуру. Наблюдения подсказали ему, что мистический выкрик или смутное заклинание зачастую производят на царскую чету более сильное впечатление, чем самый отработанный логический аргумент. Нечленораздельным бормотанием, таинственными завываниями старец отгоняет бесов от семьи, заговаривает болезнь Алексея. Приступы у Алексея обычно осложнялись истерией и страхом матери. Успокоение, которое внушал ей Распутин, передавалось и сыну. Нечто вроде гипноза Распутин, по-видимому, испытывал и непосредственно на больном. Вечерами он приходил к царевичу в спальню, садился на край постели, в полумраке устремлял на него свой горящий взгляд, гладил по голове, сильным, не допускающим сомнений голосом рассказывал всякие небылицы, успокаивал, переключал

внимание и усыплял. Он настолько приучил его к себе, к своему голосу, к этим ночным беседам с побасенками и прибаутками, что иногда больной при одном его появлении в спальне переставал стоять и плакать и на глазах у потрясенных «чудом» родителей утихал и засыпал.

Династии в целом он наколдовывает благополучие и безопасность. Без его косноязычия не было бы и его магии. Как знахарь господствует над своими пациентами и держит их в руках с помощью ритуального набора пассов и взвизгов, так и Распутин выезжает на ритуале молитвенных бредней, не поддающихся расшифровке и переводу на человеческий язык.

Из Тюмени или Нового Афона шлет во дворец телеграммы, которые могли бы показаться плодом белой горячки, августейших же адресатов повергали в благоговение:

Увенчайтесь земным благом небесным венцом по пути с Вами Григорий.

Словно бо прославился у нас в Тобольске новоявленный свяtitель Иоанн Максимович бытие его возлюбил дом во славе и не уменьшит его ваш и с вами любитель архиепископство пущай там будет он.

*Ставка Вырубовой моего птенца из гнезда трепещущей пташки жалостливой мамы гостью опять на испытание понедельник я верю вам это ширма и для чего нам такая ширма они еще скажут загородить весь свет огородам что нам в пользу то дайте как волки овец ой не нужно твердыня это бог а узники дети его довольно пусть мой дух будет на небе не на земле Распутин новых*¹⁴.*

Об этих произведениях старца подконтрольный в 1917 г. Владимиру Бурцеву петроградский журнал «Былое» отозвался, что «писаны они хорошим русским языком, стилем крепким и ядреным». Впрочем, тут же было пояснено, что «по стилю они напоминают отчасти и язык начетчиков, отчасти условный воровской язык»¹⁵.

Загадочно бормочет что-то старец на своем «ядреном» языке, но, когда понадобится и обстоятельства прижмут, он может и отступить от мистического словооборота. В тех случаях, которые А. Н. Хвостов уже после Февраля называл распутинской «торговлей влиянием», когда, используя завоеванное во дворце положение, Григорий Ефимович берется — за мзду, конечно, — помочь любому ходатаю в любом затруднении¹⁶. На комиссионных началах он обеспечивает сановнику должность; промышленному магнату — интендантский заказ; осужденному уголовнику — помилование; пленному германскому офицеру — освобождение. По свидетельству бывшего секретаря Распутина, во время войны через его руки проходило до 150 таких записок ежемесячно¹⁷. Насколько более внятным становится в таких случаях его стиль,

*Ввиду неблагозвучности фамилии «Распутин» царь ввел приставку «Новый» или «Новых», якобы по возгласу малолетнего наследника, который, впервые увидев Распутина, воскликнул: «Этот дядя — новый!»

показывают следующие образцы эпистолярного наследия старца.

Председателю Совета министров И. Л. Горемыкину: *Дорогой старче божей выслушай ево он пусть твоему совету и мудрости поклонитца распутин.*

Дворцовому коменданту В. Н. Воейкову: *Ставка генералу Воейкову вот дорогой милый обидят инженера Кульжинского которому я слышал вы симпатизируете он мне устроил моих бедных минимум 150 и пристроил всего лишь месяц устройте его на место уходящего инженера Борисова начальника управления железных дорог Грегорий.*

Министру иностранных дел С. Д. Сазонову: *Слушай министр я послал к тебе одну бабу бог знает что ты ей наговорил оставь это устрой тогда все будет хорошо если нет намну тебе бока расскажу любящему Распутин.*

Здесь словарь старца эмоционально несколько приподнят, но вообще не чужд ему и жестковатый лаконизм. Хлопочущему о должности он дважды телеграфирует: *Доспел тебе губернатором. Распутин*¹⁸.

Грубым фетишизмом пронизана жизнь последних Романовых под сводами царскосельских и кремлевских дворцов. С легкой руки старца здесь появился своеобразный ассортимент техники колдования. Бьют бубны, предупреждают о недруге колокольчики, молитвенная скороговорка адресуется разным божкам: чурбанчикам, пенькам, мелкокалиберным идолам, лепным и резным истуканчикам, амулетам — палке с набалдашником в виде рыбьей головы, пояску с вмонтированными в него «священными» цитатами. Юродствующий фетишизм сочетается с внешним лоском европейской образованности, с изысканностью парадных выходов, с блеском балов и пиров. Шаманская юрта соседствует с тронным залом.

Колдунами и чародейками последняя чета Романовых увлекалась издавна. Из отечественных прошли перед ней чередой: богомолка Дарья Осиповна, странник Антоний, ворожея Матрена-босоножка, юродивый мещанин Митька Козельский и др. Среди приглашенных из-за границы первыми были француз Папюс и австриец Шенк. Непосредственно Распутину предшествовал выписанный из Франции некий мсье Филипп — в прошлом лионский колбасник, затем фельдшер; преследовался французской полицией за шарлатанство. Его поселили рядом с царской спальней, чтобы он спиритическими, гипнотическими и иными приемами намолил чете сына-наследника (после четырех дочерей). Был для Романовых чем-то вроде консультанта по вопросам государственного управления¹⁹.

Трясучку покровских полунощных «корабликов» просвещенная Александра Федоровна — гейдельбергский бакалавр философских наук — дополняла и обогащала собственными духовными ценностями — культурой психопатической галлюцинации. Так, она пишет супругу: *Наш друг Филипп подарил мне образ с колокольчиком, который предупреждает меня о близости недобрых людей, мешает им подойти ко мне поближе.*

Или: путешествующей по Новгородской губернии царице представили столетнюю богомолку, носящую вериги. Описав мужу эту встречу, добавляет: *Тебе старица посылает яблоко. Пожалуйста, съешь его.* Она считает, что старушкин фрукт *придает силы.* Позднее запрашивает Николая, какова судьба священного плода, и узнает из ответного сообщения, что супруг и сын *съели яблоко старицы и оба нашли его превосходным.*

ГОРОХОВАЯ УЛИЦА, 64

С тех пор как старец появился в Петербурге, он переменял шесть квартир. На Гороховую переехал с Английского проспекта 1 мая 1914 г.

Визитеров у Григория Ефимовича хватало и прежде. Но с переездом на Гороховую, а особенно по возвращении из двухмесячной побывки в тюменских краях, где его настигла мстительная длань Феонии (что придало ему еще больше популярности), дамы и господа идут через обитель старца потоком.

Сквозь зашторенные окна третьего этажа днем и ночью на улицу пробивается гул. В нем смешались застольные речи, молитвенные песнопения, цыганский гитарный перезвон, топот пляски, мужские нетрезвые выкрики и дамское повизгивание. К подъезду в полукруглом дворике за аркой подкатывают нарядные фаэтоны, дорогие моторы (автомобили) и обыкновенные извозчичьи пролетки. За самыми солидными из визитеров несут лакеи из экипажей ящики с винами, корзины со снедью и цветами.

Разные были в двухмиллионной столице злачные гнезда и заведения, но от этого несло особым, как тогда говорили, амбрé. Вереницей тянутся через эту квартиру чины звания и состояния, о которых с первого взгляда и не скажешь, что могло бы их здесь собрать и связать: министры, рестораторы и биржевые маклеры; князья, адвокаты и торговцы бриллиантами; фрейлины, банщики и театральные антрепренеры. Иногда днем, а чаще под покровом вечерней мглы проскальзывают сюда отставные или еще действующие главы российского правительства — Горемыкин, Трепов, Штюрмер, министры Хвостов и Протопопов, шеф департамента полиции Белецкий, сановники Крамер и Шванебах, архиепископ Варнава, князь Феликс Юсупов, тот самый, от руки которого хлебосольный старец через два года примет смерть.

Многие из этих гостей толпились у его стола и прежде, званные то на уху с расстегаями, то на торт с мадерой. Но с 1915 г. все чаще мелькают в потоке визитеров военные — офицеры и генералы, обычно приводимые сюда князем Андронниковым. Как бы само собой получается, что замешиваются в толпу гостей дамы и господа, по различным обстоятельствам колесящие по расположению действующих армий. Нельзя сказать, что тайная служба империи равнодушна к этому странному скоплению на Гороховой, совсем им не интересуется. Нет, наблюдение кое-какое ведется. О нем сви-

детельствуют осевшие в архивах отрывки информации. Но слишком оно пассивно, к действию никакому не ведет — ведь тут не борьба с крамолой, не охота за революционерами...

Выделяются среди гостей проворством и явной близостью к старцу: «Анна Александровна Вырубова, фрейлина императрицы; Арон Симонович Симанович, 42 лет, 1-й гильдии купец, родом из Мозыря, личный секретарь старца; Мария Евгеньевна Головина (Муся, Муня), 26 лет, дочь крупного чиновника, второй секретарь старца; Моисей Акимович Гинзбург, 63 лет, крупный банкир, коммерции советник; Дмитрий Леонович Рубинштейн, 39 лет, крупный банкир, кандидат юридических наук; Иван Федорович Манасевич-Мануйлов, литературный сотрудник международного отдела газеты «Новое время», коллежский асессор, личный секретарь председателя Совета министров; Михаил Михайлович Андронников, князь, 28 лет, чиновник министерства внутренних дел; Александра Александровна фон Пистолькорс (сестра А. А. Вырубовой), 25 лет, жена офицера, состоявшего при штабе гвардии, разъезжает по фронтовой полосе в вагоне для раненых; Акулина (Акилина) Никитишна Лаптинская, 29 лет, родом из Могилевской губернии, сестра милосердия, разъезжала в санитарном поезде ее величества, затем переехала к старцу и живет неделями в его квартире; при этом мамзель Лаптинскую подводит недостаточная плотность штор в комнате, предоставленной ей гостеприимным хозяином, поскольку в некоторых случаях ее общение с ним становится бесплатным зрелищем для жителей противоположных домов.

Постоянные гости также доктор Бадмаев, мадам Сухомлинова (жена генерала), а также весьма близкая к старцу супружеская пара: Соловьев Николай Васильевич, 52 лет, важный чиновник святейшего синода, действительный статский советник, и жена его Елизавета Петровна, 30 лет, ярая поклонница старца, — проживает чета в нескольких шагах от его дома²⁰. Этот Соловьев — отец того самого поручика Б. Соловьева, который в 1917 г. обвенчается с дочерью старца и вместе с ней отправится в Сибирь высвобождать из заключения царскую семью.

Душа всего общества — Григорий Ефимович. Грубые манеры и постоянное пребывание во хмелю не мешают ему цепко держать эту разномастную публику в руках и регулировать в ее среде контакты и отношения. Опирается он при этом на самых близких в своем окружении; почти каждый из них имеет у него клочку. Привычку старца давать прозвища приписывали тогда его крестьянскому чувству юмора, склонности к шутке. Так, Симановича он именует Симочкой; Рубинштейн для него Митряй, Кудряшка; Протопопов — Калинин; Горемыкин — Глухарь; Штюрмер — Тюря, Старикашка; Варнава — Мотылек; Воейков — Вивейка и т. д. «Эта его манера коверкать фамилии, — писал Воейков, — казалась забавной и многим в нашей среде нравилась»²¹. Сомнительно.

Работавший в Чрезвычайной следственной комиссии В. М. Руднев высказал мнение, что прозвища давались в целях конспирации, принятой в замкнутой распутинской группе (например, кличка Варнавы Мотылек то и дело мелькает в переписке царицы с Вырубовой). Письма и телеграммы Романовых и их приближенных в те годы изобилуют и кличками, и всякими условными выражениями и терминами, значение которых могло быть понятно только адресатам. Подметил это, сотрудничая в следственной комиссии, и А. А. Блок. Кое-кто «в самых верхах» империи, писал он, «окрестили друг друга и тех, кто приходил с ними в соприкосновение, такими же законспирированными кличками, какие были в употреблении в самых низах — в департаменте полиции»²².

Язык шифра, хотя бы примитивного, они усвоили не для забавы, а чтобы скрывать свои мысли и намерения. Им было что скрывать. Сущность их поведения определялась тем, что они были «людьми, яростно возражавшими против планов сокрушения кайзеровской Германии», считавшими, что «Россия ни в коем случае не должна ссориться с Германией, бывшей оплотом монархизма, и по этой, а также по экономическим причинам должна даже вступить с ней в союз»²³.

Германофильство Распутина было «убежденным, активным и настойчивым» и пронизывалось «концепцией русского самоуничтожения и самоуничтожения»²⁴. Своему секретарю он внушал: «На нее (кайзеровскую Германию) надо нам равняться, ей в рот и смотреть... Она — сила, купец ее — сила... Русский привык к немецким товарам. Немец умеет работать... Немец молодец»²⁵. Такого противника Распутину не надо. И он заверяет в узком кругу, что «войны нашего царя с германским» не допустил бы, если бы в дни июльского кризиса был в Петербурге. Если есть в этом какое-то преувеличение, есть и зерно реального.

Как известно, в тот месяц старец очутился на больничной койке с тяжелым ранением, которое нанесла ему Феония Гусева, подосланная Илиодором. Позднее корреспонденту лондонской газеты «Таймс», разъезжавшему по Сибири, рассказали в тюменской больнице, что, «когда Распутину в палате вручили высочайшую телеграмму с известием о начале войны, он на глазах у больничного персонала впал в ярость, разразился бранью, стал срывать с себя повязки, так что вновь открылась рана, и выкрикивал угрозы по адресу царя»²⁶.

Да и дочь старца Матрена (Мария), а она месяц просидела в Тюмени у его постели, рассказывала в эмиграции: «Отец был горячим противником войны с императорской Германией. Когда была объявлена война, он, раненный Гусевой, лежал тогда в Тюмени. Государь присылал ему телеграммы, прося у него совета... Отец всемерно советовал государю в своих ответных телеграммах «крепиться» и войну Вильгельму не объявлять... Я тогда была сама около отца и видела как телеграммы государя, так и ответные телеграммы отца»²⁷.

Отвратить войну с «ерманским царем» Распутин и его единомышленники не смогли; но с первых же месяцев стремятся погасить ее — во имя солидарности, союза и спасения обеих династий от грозящей революции, и это устремление было главной его тайной.

Поговаривали, не шпион ли он. Гадали, не служит ли он иностранной разведке. Нет явных оснований это утверждать. Однако несомненно, что иностранная агентура не могла не обратить внимание на посетителей дома 64 на Гороховой и постаралась использовать в своих целях находившийся здесь вертеп. Насколько она преуспела и действительно поживилась в окружении Распутина — покрыто мраком. Но о том, что утечка государственных сведений сквозь эту брешь была вероятна и возможна, говорит многое.

По мнению советского историка М. Н. Покровского, высказанному еще в 20-х годах, Распутин, имея доступ к кошельку Романовых, самой богатой семьи в России, вряд ли польстился бы на деньги германской или иной иностранной секретной службы. Будучи по-своему верным Романовым, Распутин мог, лишь следуя за ними, продать или предать кого угодно: антантовских лидеров, кайзера или даже какого-нибудь своего ставленника. Радея за Романовых, действуя вместе с ними, за них, от их имени, он под их эгидой торговал и промышлял всем, что могло обернуться и для династии, и для него самого личной выгодой и прибылью в прямом и переносном смысле этого слова. Сознательным же, намеренным, купленным иностранцами агентом он, по-видимому, не был²⁸.

Однако «бессознательно», известными особенностями своего поведения он мог оказывать шнырявшим вокруг него разведкам услуги. Воспользоваться его болтливостью и бесшабашным разгулом вблизи важнейших источников государственной информации агенты и германской, и противодействовавших ей антантовских тайных служб вполне могли. Такая опасность, а распознать ее было не так уж трудно, обязывала верхи соблюдать особую осторожность по отношению к завсегдашним квартиры на Гороховой; во всяком случае — держать их на максимальной дистанции от возможных источников сведений, сейфы же с документацией наглухо от них отгородить.

На деле осторожности такой не было. Было нечто прямо противоположное. Бывший премьер А. Ф. Керенский выражал в эмиграции убеждение, что «около Распутина беспрепятственно работали не только германофилы, но и немецкие агенты». Бывший кадетский лидер В. А. Маклаков сообщил: «Хвостов в бытность свою министром внутренних дел рассказывал мне: он учредил наблюдение за Распутиным и для него было совершенно ясно, что Распутин окружен людьми, которых подозревали как немецких агентов... Хвостов счел своим долгом

доложить об этом государю, и это было причиной его опалы и отставки».

Неназванное лицо, участвовавшее в полицейских наблюдениях за квартирой Распутина, высказалось более определенно: «Тогда для меня и стало ясно, что его квартира — это то место, где немцы через свою агентуру могут получать нужные им сведения»²⁹.

В России, следует учесть, иностранные разведки развивали активность издавна — в первую очередь британская, японская и австрийская, а в предвоенное десятилетие ошутимо проявила себя и германская. Противодействовала ей русская контрразведывательная служба слабо и неквалифицированно³⁰. Используя низкую эффективность русской самозащиты от иностранного шпионажа, скоординированная с 1908 г. тайная служба держав центрального блока сумела угнездиться со своими резидентурами в двух военных округах — Петроградском и Киевском и превратить пограничную станцию Вержболово в главный передаточный пункт добываемой информации.

В преддверии войны глава германской военной разведки полковник Николай смог доложить кайзеру о нескольких крупных удачах своей службы: в России была добыта серия сверхсекретных документов непосредственно из аппарата военного управления. Часть их исходила от некоего поручика Адальберта Зиверта. Он служил в секретной части штаба Киевского военного округа, в так называемом черном кабинете, где негласно велась перлюстрация служебной и личной переписки офицеров и генералов округа, включая командующего. Завербованный руководителем объединенной австро-германской секретной службы в Киеве Альтшуллером, поручик Зиверт составил для Альтшуллера по письмам офицеров и генералов несколько обзоров положения в войсках.

Информация Зиверта, переданная из Киева в Потсдам, была, конечно, важна; но она поблекла перед документом, поступившим туда же из Петербурга, точнее, из кабинета военного министра. Вокруг генерала В. А. Сухомлинова австро-германская разведка раскинула сети еще в годы его службы в Киеве в должности командующего военным округом, которую он занимал с 1904 г. Завербована была вначале его жена (бывшая Бутович). По переезде в Петербург вместе с супругом (он с 1908 г. возглавлял Генеральный штаб, а затем в течение шести лет, с 1909 по 1915 г., — военное министерство) мадам Сухомлинова становится частой гостьей Распутина, участницей вечеринок и попок. Ею увлекаются в поставку сведений Альтшуллеру полковник В. Иванов и капитан А. Веллер — сотрудники канцелярии военного министерства, затем связанные с делами министерства инженер А. Гошкевич, А. Полли-Полачек, В. Думбадзе (племянник известного жестокостью ялтинского губернатора Думбадзе) и, наконец, подполковник Ерандаков —

начальник контрразведывательного отдела главного управления Генерального штаба.

Эта-то компания выкрала и унесла из военного министерства документ исключительной важности, составленный Сухомлиновым для царя лично: «Отчет о состоянии и мерах подготовки русской армии с 1909 по 1913 год». Понятно, что означала такая добыча для кайзеровских стратегов, как раз в то время вносивших последние уточнения в оперативные планы вторжения в Россию на основе «двухфронтowej» концепции Шлиффена...

Началась война. Она, конечно, затруднила германский шпионаж в русском «хинтерланде». Но отнюдь не прервала и даже не очень его ослабила. Не стало у немцев передаточного пункта в Вержболове — там фронт; но создан такой пункт под названием «Зеленый центр» в Стокгольме. Руководил им посол в Швеции фон Люциус, по линии абвера тесно связанный с полковником Николаи. Кто и где работал на Люциуса, т. е. на Николаи?

Антантовские секретные службы доносят своим правительствам, что в ходе военных действий на востоке Европы германское командование обнаруживает странную осведомленность; оно зачастую наносит удары с точностью, какую обычными средствами фронтовой разведки обеспечить невозможно. Как ни слабо поставлена русская контрразведывательная служба, к тому же дезорганизованная предательством Ерандакова, но и она от времени до времени обращает внимание Ставки и лично царя на те же подозрительные обстоятельства. Нет сомнения, настаивают с обеих сторон, что противнику удастся столь точно бить по определенным целям потому, что ему подаются сигналы агенты, орудующие где-то в глубине русского тыла.

Летней ночью пятнадцатого года петроградская контрразведка вторгается в отель «Бельвю» на Большой Морской и устраивает обыск в номере 28, занятом князем М. М. Андронниковым. Этого человека знал весь официальный Петроград, и все же известно было о нем не слишком многое. В 1942 г. один из немецко-фашистских авторов огласил некоторые подробности жития данного субъекта. Отец его из Грузии, офицер русской армии, участвовал в русско-турецкой войне. Мать — баронесса Унгерн-Штернберг. Родился и вырос Андронников-младший в Германии. По приезде в молодые годы в Россию связался с «Союзом русского народа», сдружился с петроградским градоначальником фон дер Лауницем, издавал газетку «Голос русского»³¹. Но кое о чем коричневый автор умолчал. О том, что с годами Андронников вошел в доверие к Распутину и стал одним из самых близких к нему и доверенных лиц. «Дрянная личность», — сказал о нем бывший премьер С. Ю. Витте. Сыщик не сыщик, плут не плут. Все о чем-то хлопочет, подличая, интригуя, ссоря между собой людей. Втирается ко всем

министрам. Ближайший друг Сухомлинова, его супруги, министра внутренних дел Макарова. «Влез и ко мне в служебный кабинет... Влез к Коковцову, который сказал о нем: большая дрянь»³².

Во время обыска обнаружены у Андронникова военные документы, к которым он никакого отношения и тем более допуска иметь не мог. Выясняется: каким-то образом раздобыл пропуск в расположение 12-й армии, повадился ездить туда к знакомым офицерам-аристократам, у них получает военную информацию, таскает карты и копии приказов. Те же знакомые и приятели во время своих краткосрочных приездов с фронта навещали по приглашению Андронникова квартиру Распутина. Здесь он устраивал им пирушки, сводил с женщинами, выуживал последние данные о положении в войсках. С той же целью, используя свой княжеский титул, Андронников заводил знакомства с офицерами в городе, выискивал подходящих компаньонов в ресторанах «Астория» и «Европейский». Обзаведясь номером в гостинице «Бельвю», оборудовал там за перегородкой приватное делопроизводство; там же прятал добытые на фронте и в тылу военные документы, а также составлял по запросам из Германии справки о судьбе попавших в русский плен германских офицеров.

За перегородкой вываливается из ящика бумага... У контрразведчиков вытянулись лица. Ну, уж теперь-то, кажется, элегантному князю наверняка несдобровать. Заголовок на бумаге: «О состоянии армейских резервов и вооружения». Подпись: генерал Епанчин. Зачем и для кого она писалась? Этого на допросе не могут вразумительно пояснить ни Епанчин, ни Андронников. Из последовавшего по этому случаю приказа можно было узнать, что генерал Епанчин «по повелению верховного главнокомандующего увольняется от службы без права ношения мундира за составление записки, в которой он, Епанчин, позволил себе изложить весьма секретные сведения военного характера». Андронникову же и вовсе ничего не сделалось. Он остался на свободе и продолжал свои темные занятия до декабря 1916 г., когда за исчезновением старца в невиской проруби военно-информационная биржа на Гороховой закрылась навсегда. Затем царь приказал сослать Андронникова в Рязань.

Летом шестнадцатого года полковнику Николаи удастся совершить одну из крупнейших своих диверсий периода первой мировой войны. Из британской гавани Скапа-Флоу выходит курсом на Архангельск крейсер «Хэмпшайр». Он везет в Россию на переговоры о координации межсоюзнических оперативных планов фельдмаршала лорда Горация Герберта Китченера, военного министра. Поездка обставлена исключительной секретностью. О маршруте и конечном пункте рейса командир корабля узнал лишь по выходе из Скапа-Флоу в море, когда

вскрыл пакет с предписанием адмиралтейства. 5 июня германская подводная лодка V-22, поджидавшая английский крейсер в указанном ей квадрате у Оркнейских островов, торпедирует и пускает ко дну корабль; вместе с экипажем погиб и Китченер. Долгие годы после этого (вплоть до нацистских времен) в Германии оспаривали нападение V-22 на «Хэмпшайра»; утверждали, что крейсер подорвался на mine. Однако расследование, предпринятое тогда же английской службой «Секрет сервис» совместно с контрразведывательным отделом Скотланд-Ярда, выявило, что «Хэмпшайр» был взорван торпедой с подводной лодки и что сведения о его рейсе стокгольмский «Зеленый центр» фон Люциуса несколько ранее получил из Петрограда от некоего Шведова, завсегдагая квартиры на Гороховой. Подтвердил эти данные в 1921 г. бывший секретарь Распутина. Из его книги можно узнать, что Николай II, встревоженный упреками из Лондона, попросил Распутина «указать виновника гибели Китченера». Распутин, по словам автора, указал на Андронникова и Воейкова, но «царь не тронул ни того, ни другого»³³. (Шведов, однако, незадолго до Февральской революции был осужден и повешен.)

О причастности распутинского окружения к гибели «Хэмпшайра» рассказал в 1924 г. в интервью для западной прессы жандармский генерал Комиссаров — тот самый, который в свое время печатал в министерской типографии погромные листовки, а позднее ведал полицейской охраной Распутина. Его интервью было воспроизведено и в советской печати³⁴. То же подтвердил в своих опубликованных в Лондоне в 1933 г. мемуарах Герберт Фитч, бывший инспектор контрразведывательного отдела Скотланд-Ярда³⁵.

В реакции царицы на происшествие с «Хэмпшайром» было нечто созерцательно-философическое. Мужу в Ставку она написала, что в этом случае, как и вообще в жизни, «нет худа без добра». Далее ее позиция конкретизируется: преподобный Григорий, сообщает она супругу, в связи с указанным инцидентом пребывает в приподнятом настроении. Как «нашему Другу» кажется, «для нас хорошо, что Китченер погиб, поскольку позже этот лорд нанес бы России много ущерба, и можно не жалеть также о том, что вместе с ним погибли и его бумаги»³⁶. Весьма вероятно, что от Китченера действительно ничего хорошего ждать не приходилось, но и способ отвращения от России возможного ущерба был применен более чем оригинальный: путем наведения германских торпед как на собственные, российские, так и на союзнические корабли...

К тому же примерно времени относится дело группы киевских сахарозаводчиков (Бабушкин, Добрый и Хепнер), умудрившихся во время войны наладить снабжение противника русским сахаром. Всем троим грозила смертная казнь через повешение. Они обратились за помощью на Гороховую, 64. Спасти

обвиняемых оказалось делом трудным даже для Распутина, потому что арестованы они были по приказу Брусилова (командующего Юго-Западным фронтом), генерал же и слышать не хотел о представлениях в их пользу, даже идущих от царицы. Лишь когда Николай II повелел передать дело из военного судопроизводства в гражданское, спекулянты почувствовали себя ушедшими от петли; в конце же шестнадцатого года дело было и вовсе прекращено³⁷.

Пост директора Русско-французского банка Д. Л. Рубинштейн совмещал с должностью директора страхового общества «Якорь». По порядкам того времени военное ведомство должно было страховать свои заказы на оружие, размещенные за рубежом, и его транспортировку в Россию; страховые операции совершались большей частью в «Якоре». В 1915 г. Рубинштейн был арестован по обвинению в том, что сведения о размещенных заказах и о маршрутах зафрахтованных военным ведомством судов он передает страховым компаниям в нейтральных странах, не считаясь с тем, что эти компании в свою очередь связаны с немецкими фирмами. Было очевидно, что противник эту информацию перехватывает. Его подводные лодки на указанных им координатах обнаруживали и топили русские транспорты с военными грузами. Кроме того, «Якорь» пересылал шведским фирмам данные о мощностях и производственных планах застрахованных у него русских промышленных предприятий, и в этом случае игнорируя связи шведов с немцами. Рубинштейну грозила виселица. Распутин вступился за него перед царем и царицей, и в 1916 г. он был выпущен на свободу³⁸. После Февраля Манасевич-Мануйлов показал следователям, что Рубинштейн за свое освобождение «поблагодарил» Распутина суммой 100 тыс. руб.

Тайну неуязвимости Рубинштейна бывший секретарь Распутина усматривает в услугах, оказанных этим банкиром царице. По рекомендации старца она еще до войны сделала Митя своим агентом по личным финансовым делам. Он выполнял по поручениям Александры Федоровны систематические трансфертные операции между Россией и Германией, в частности помогал переводить в Гессен крупные суммы «ее небогатым родственникам». Война подобную практику как будто прервала, но его клиентка, «не переставая беспокоиться о своих родственниках», по-прежнему искала возможности «тайно пересылать в Германию деньги». И Рубинштейн продолжал «с прежней ловкостью» проделывать те же операции, хотя стали они «исключительно деликатными и опасными». Благодарная Александра Федоровна протянула ему руку спасения в тот момент, когда над ним зависла петля.

Правда, даже для нее, императрицы, подобное заступничество было небезопасно. Поначалу она вестью об аресте Рубинштейна ошеломлена. Это удар. Не только потому, что те-

ряла порученца. Она в страхе перед возможной дискредитацией, небывалым для трона скандалом. Ей в первую минуту показалось, что арест Рубинштейна «вызван операциями с ее переводами... что раскроются теперь ее связи с ним». Когда же выяснилось, что причины ареста не имеют отношения к ее делам, она успокоилась и осмелела. Оказала давление на власти — Рубинштейн вышел на свободу. По утверждению того же автора, ему в те дни тайно была доставлена записка: «Симанович, поздравляю. Наш банкир свободен. Александра»³⁹.

О «Зеленом центре» фон Люциуса были в свое время данные и из парижских источников: французы, естественно, интересовались этим заведением не меньше, чем русские. Так, парижский журнал «Меркюр де Франс» опубликовал, а петроградский «Исторический вестник» воспроизвел в 1917 г. пространное сообщение Бинштока, согласно которому «Зеленый центр» возник в 1915 г., получил в свое распоряжение опытных австро-германских агентов, одним из его руководителей наряду с Люциусом был Жавинер, один из директоров «Дойче банка». Биншток писал о причастности к проискам этой организации фрейлины Васильчиковой, министра двора Фредерикса и генерала Ренненкампа. Он особо подчеркивал значение документов, обнаруженных в конце 1915 г. во время обыска у Васильчиковой в петроградском отеле «Астория», особенно зашифрованного письма Вильгельма II к великой княгине Марии Павловне: «В письме этом, находящемся теперь в руках Временного правительства, было, между прочим, сказано, что между Романовыми и Гогенцоллернами нет и не может быть вражды, что ведется эта война Германией только против русского народа, поскольку он боится и не хочет германского влияния»⁴⁰.

Источники информации могут быть различными; но самая драгоценная информация — это, конечно, полученная из первых рук. То есть строго достоверно, с глазу на глаз сообщенная божьему человеку самим его императорским величеством.

Неужели была и такая? Была.

Шестнадцатый год, весна. В квартире Распутина шумит на столе самовар. Сидят друг против друга двое: старец и Митяй. Сдвинулись вплотную, почти носом к носу, шепчутся. О таком шепчутся, чего и стены слышать не должны. Дмитрий Леонovich просит Григория Ефимовича при первом подходящем случае узнать у «самого», когда может начаться предполагаемое решительное русское наступление в Галиции.

Спустя несколько дней божий человек во дворце калякает с «самим» о том о сем и, как бы между прочим, вклинивает в застольный диалог вопрос:

— Будешь ли наступать?

— Наступления не будет, Григорий Ефимович, — отвечает собеседник.

— А все же: когда будешь наступать?

— Оружия недостаточно. Будет достаточно только месяца через два. Вот тогда и пойду в наступление. А раньше никак не могу.

Узнав об этом разговоре за царским столом, министр Хвостов спрашивает старца, почему, собственно, его интересуют предметы, столь далекие от нагорных проповедей спасителя, а также от проблемы взаимозависимости духа и плоти? Следует объяснение: Митяй замыслил куплю-продажу лесных угодий в западных губерниях; поскольку оному Митяю неясно, как пойдет далее военные события, он колеблется — приступать к сделкам или воздержаться. Ему надо помочь советом. «Потому я с папой и переговорил... Да тебе-то, сукин сын, что?» Запечатленный в анналах комментарий Хвостова: «Нужны ли были эти сведения банкиру для того, чтобы купить лес, или для того, чтобы сообщением в Берлин сделать для немцев возможной переброску пяти-шести корпусов с русского фронта на Верденский, — это теперь установить уже трудно»⁴¹.

От Распутина у царской четы нет государственных секретов, в том числе военных. Он спрашивает о чем хочет, и они отвечают на любые его вопросы. Без всякого риска навлечь на себя подозрение или хотя бы упрек в излишнем любопытстве запрашивает информацию, доступ к которой закрыт не только большинству старших офицеров, но и многим генералам. Из переписки четы Романовых 1914—1916 гг. возникает впечатление, словно они озабочены в первую очередь тем, как бы не прошло мимо внимания преподобного Григория ни одно важное событие и как бы не ускользнул из поля зрения ни один стратегический секрет, и соединенными усилиями восполняют малейшую брешь в его представлениях о состоянии и планах действующих армий.

Наш друг, — сообщает супругу в Ставку Александра Федоровна, — *все молится и думает о войне. Он говорит, что необходимо, чтобы мы ему тотчас же сообщали обо всем, как только происходит что-нибудь особенное.* Строкой ниже: *Он сделал выговор за то, что Ему своевременно об этом не сообщили.* Как видим, «друг» не только просит, но и требует сведений, если же супруги недостаточно поворотливы, выносит им взыскания (объявил их величествам выговор).

Несколько ранее Николай посылает из Ставки супруге целое оперативное донесение об обстановке на фронте; излагаются в нем сведения секретнейшие. Теперь, пишет верховный главнокомандующий, он должен сказать *несколько слов о военном положении*: оно представляется угрожающим в направлении Двинска и Вильны, серьезным в середине, к Барановичам... Серьезность положения состоит *в страшно слабом состоянии наших полков, насчитывающих менее четверти своего состава; раньше месяца их нельзя пополнить, потому что новобран-*

*цы не будут подготовлены, да и винтовок очень мало. А бои продолжаются и вместе с ними потери. И далее: Тем не менее прилагаются большие старания к тому, чтобы привезти, какие возможно, резервы из других мест к Двинску... Вместе с тем на наши железные дороги уже нельзя полагаться так, как прежде. Только к 10 или к 12 сентября будет закончено наше сосредоточение, если, боже упаси, неприятель не явится туда раньше нас*⁴².

Даты, сроки, пункты, направления, нехватки — все выписано досконально; все самое важное и опасное — как на ладони. Непостижимо, как в условиях элементарного военного порядка можно было доверять каналу частной переписки подобные сведения; их утечка означала угрозу гибели десятков и сотен тысяч солдатских жизней. К концу послания автор как будто спохватывается и добавляет: *Прошу, любовь моя, не сообщай этих деталей никому, я написал их только тебе*. Уже одно то, что он оговорил такое условие, предполагает, что нераспространение подобных сведений не было для его адресата чем-то само собой разумеющимся. К тому же Распутин под это условие не подпадал, и из ответного письма царицы явствует, что тот с этими «детальями» сразу же ознакомился. Тем не менее Николай продолжает снабжать супругу сверхсекретными военными отчетами.

Позднее, перед следственной комиссией Временного правительства, директор департамента полиции Белецкий засвидетельствовал, что «немцы знали маршруты и время прохождения особо важных поездов и на фронте, и в прифронтовой полосе»⁴³.

Все это — случаи, когда верховный главнокомандующий сам проявляет инициативу в поставке жене и ее консультанту сверхсекретной информации. Но бывало и так, что он становился несловоохотливым, возможно под нажимом осторожного начальника штаба Ставки генерала Алексеева. Тогда двум царско-сельским корреспондентам Николая II приходится информацию из него выжимать. Царица напрямую ставит вопросы, интересующие старца, она и не скрывает, кем информация заказана, для кого запрашивает сведения.

Дорогой мой ангел, я очень хотела бы задать тебе много-много вопросов, касающихся твоих планов относительно Румынии. Все это крайне интересует нашего Друга. Позднее: А теперь совершенно конфиденциально... Если в тот момент, когда начнется наше наступление, немцы через Румынию нанесут удар в наш тыл, какими силами тыл будет прикрываться? Будет ли послана гвардия к югу от группы Келлера и для защиты направления на Одессу?.. И если немцы пробьются через Румынию и обрушатся на наш левый фланг, какие будут силы, способные защитить нашу границу?.. А какие существуют у нас теперь на Кавказе планы после того, как взят Эрзе-

рум?.. Извини меня, если надоедаю тебе, но такие вопросы как-то сами собой лезут в голову.

И после всех этих вопросов, которые трудно представить себе «само собой лезущими в голову», — вопрос, который и по-давно вряд ли могло бы родить ее собственное воображение: *Интересно было бы знать, годится ли противогазовая маска Алека?*⁴⁴

Разумеется, чтобы вышивать для старца шелковые косоворотки, Александре Федоровне не обязательно было владеть секретными сведениями о новом противогазе или о новых атаках за Эрзерумом, тем более вести частную секретную карту военных действий, найденную в дворцовом тайнике после Февраля.

Старцу мало знать о военных делах — он хочет регулировать их. Из своего окружения на Гороховой, 64, он тянется не только к военной информации, но и к военному руководству. С лета пятнадцатого года выявляется его претензия на участие в планировании операций, на постановку задач армиям и фронтам. Опираясь на сведения, добываемые через Александру Федоровну, пытается давать военно-политические установки главному командованию. И как ни парадоксально, в этих установках, исходящих от неграмотного тюменского шамана, вовсе не было сумбура или бессмыслицы. В них была своя логическая последовательность, обусловленная определенной идеей: неуклонным снижением активности вооруженных сил России продемонстрировать перед Вильгельмом II уступчивость, склонность к примирению. А в подходящий момент заключить с ним сепаратный мир, чтобы затем перейти в наступление на внутренних врагов трона.

Задача не из легких... С обратным ходом к прусско-гессенским родственникам обстоит теперь куда сложнее, нежели было во времена старинных межфамильных пасьянсов, идилическую прелесть которых столь популярно живописал Себастьян Хаффнер в западногерманском журнале «Штерн»⁴⁵. Уже через полгода после того, как августейшие кузены обменялись по телеграфу колкостями, высятся на европейских полях гекатомбы жертв. Слишком много крови пролито в первые же месяцы войны, чтобы можно было в келейном порядке обратиться в дипломатическое недоразумение. Слишком тугим узлом связала свои корыстные интересы с этой войной и с Антантой русская буржуазия, чтобы придворная германофильская партия могла легко и безопасно его разрубить. Но — Антанта ли, немцы ли — пусть лучше они «отрубят нам хвост, чем мужички голову». Нет бога, кроме покровительствующего Романовым, и Распутин — пророк его.

Преимущественный источник стратегического озарения отца Григория — это, как правило, магический толчок, неизвестно откуда взявшийся, или улавливание нутром воли всевышнего, или же ниспосланное с неба мистическое видение. Мнение, вы-

сказанное старцем со ссылкой, например, на сновидение, приобретает для Романовых силу повеления. Все в божьем человеке было исполнено таинственного смысла: хрипота, икота, похмельная тяга к квасу, даже заурядный кашель. Со ссылкой на эти показатели внутреннего горения старца Александра Федоровна на протяжении полутора лет (в 1915—1916 гг.) передала в Могилев до 150 его рекомендаций, предупреждений и прямых требований.

Григорий кашляет и волнуется в связи с положением вокруг греческого вопроса, — сообщает царица супругу в одном из своих писем в Ставку верховного главнокомандования. Как явствует из послания, кашляет старец не просто так: он хочет этим простудным симптомом дать поворот целому направлению так называемой балканской (юго-восточной) политики царского правительства, о чем свидетельствует собственноручный к кашлю комментарий ее величества: *Наш Друг, будучи очень встревоженным, просит тебя* (в связи с создавшимся на юго-востоке положением) *послать телеграмму сербскому королю...* И даже текст заготовлен: *Прилагаю Его бумажку, по которой ты иставишь свою телеграмму: смысл ее изложи своими словами*⁴⁶.

Обучавшийся полтора десятка лет у виднейших профессорских светил империи Николай Романов принимает к руководству в своей балканской стратегии каракули бывшего сибирского юридического, и все, что от него, главнокомандующего русской армии и просвещенного европейца, требуется, — это «изложить их смысл своими словами». Впрочем, обижаться на супругу не приходилось. И до этого, и позднее она писала ему нечто подобное не раз.

Не дремал стратегический гений божьего старца и летом 1916 г. Наступление русских войск в разгаре, и Александра Федоровна пишет в Ставку: *А сейчас ОН считает, что было бы целесообразно не слишком настойчиво наступать на западном участке фронта... Можно вести наступление очертя голову и в два месяца закончить войну, но в таком случае будут принесены в жертву тысячи людей, если же проявить терпение, тоже дойдешь до цели, не пролив при этом так много крови.* «Гуманист» с Гороховой рекомендует побеждать немцев «терпением», не соблазняясь им же измышленной возможностью выиграть войну в два месяца; все это нужно для того, чтобы, затормозив операции в северной зоне фронта, сделать то же в западной.

После того как Григорий Ефимович старался попридержаться север и запад, он добивается того же и на юго-западе. О чем Александра Федоровна своевременно ставит в известность супруга: *Наш Друг надеется, что мы не станем переходить через Карпаты и даже не сделаем попытки ими овладеть.* И потом снова: *Ах, мой муженек, зачем они* (солдаты Бруси-

лова) *лезут и лезут, как будто на стену, пусть лучше выждут удачного момента, не давай им идти вперед и вперед...* А через три дня в очередном послании проскальзывает строка, как будто мало что значащая, в действительности же таящая ключ к разгадке сути всей распутинской военно-политической стратегии: *Как я рада, что ты указал П. переговорить, наконец, всерьез с Г. и Б.*⁴⁷

Как будто загадочно, но расшифровке поддается: «П» — Протопопов, «Г» — Григорий (Распутин), «Б» — Бадмаев. Руками этой троицы группа Александры Федоровны и завязывала тогда узелки тайных контактов и переговоров с кайзеровским правительством, изначальная фаза которых восходит к весне пятнадцатого года.

В отрыве от истины об антигосударственных деяниях Распутина невозможно представить себе всю глубину разложения царского режима в последнее десятилетие его существования. Конечно, не очень-то легко определить, какая доля его воззрений исходила из доступного ему самому понимания вещей — весьма примитивного вследствие общей некультурности (он едва-едва умел читать, не знал книг и документов, не разбирался в карте мира, о многих государствах никогда не слышал). Во всяком случае, среди наблюдавших его были люди, убежденные в том, что он при всей изощренности своего хитрого ума все же в главном лишь повторяет нечто подсказываемое и навешиваемое ему из каких-то источников. Принципиальная основа этого «нечто» — чужая, форма практического изъяснения — своя.

Приобщившись сначала к семейным делам Романовых, он постепенно распространяет свое влияние на обширный комплекс внутриполитических, внешнеполитических и иных государственных проблем. Его экзотические застольные монологи маскировали определенную программу и холодный расчет. Цель, которую поставил перед собой Распутин (точнее — какую поставили перед ним тайные силы, проложившие ему путь), сводилась к тому, чтобы, упрочившись при дворе с помощью проповедей и фокусов, прибавить силы дворцовой прогерманской группе, влиять на ход политических дел в ее интересах, а буде окажется возможным, в интересах той же группы рвануть к себе верховную власть. В годы кануна и разгара первой мировой войны бывшая жертва дубины хлебобороа Картавцева непосредственно приобщается к государственной власти и в известном смысле в определенные моменты ею распоряжается.

У ПАПЕРТИ ВЛАСТИ

Участвовал ли Распутин в управлении Российской империей? Какова была степень его причастности к государственным делам?

Некоторые царедворцы, оказавшись под замком в Петропавловке, такую причастность отрицали, хотя на допросах вынуждены были привести факты, свидетельствующие о всемогуществе этого царского фаворита. Отрицали (позднее) белоэмигранты. Стараются это опровергнуть заготовители и продавцы антисоветской клюквы, всякого рода советологи, все те, кто из стремления облегчить вину царя перед Россией стараются «деполитизировать» старца, оставив на его счету главным образом гипнотические сеансы, недопитую мадеру и соблазненных баронесс.

Между тем неопровержимые факты свидетельствуют, что Распутин ездил в Царское Село как главный государственный консультант, как великий визирь, как член негласного императорского триумvirата.

Эту роль он играл на протяжении многих лет, и особенно в период мировой войны, о чем свидетельствуют письма царицы к супругу в Могилев, в Ставку. Они пересыпаны рекомендациями и фактическими указаниями, которые обычно впрямую обозначены как исходящие от старца. Свидания же с ним (по возможности скрываемые или маскируемые) она устраивает в царскосельском особняке Вырубовой — в том самом домике, который министр внутренних дел однажды назвал «папертью власти».

Типичные строки, какими изобилуют письма царицы супругу в 1915—1916 гг.: *Аню видела мельком. Наш Друг пришел туда со мной переговорить... Я собираюсь пойти к Ане, чтобы встретиться с нашим Другом... Наш Друг вчера побыл у Ани. Он был так хорош... много расспрашивал и о тебе... Пошла к Ане и просидела там до пяти часов, переговорила там с Другом... Вновь собираюсь повидать у Ани Друга...* Из монотонного ряда подобных сообщений блеснуло однажды как бы вынужденное неприятным обстоятельством пояснение: *Я встречаюсь с Ним у Ани, а то во дворце еще подумают обо мне бог знает что*⁴⁸. Как видим, она была не столь наивна, чтобы не понимать, как могут быть истолкованы визиты Распутина во дворец в отсутствие Николая, и, значит, даже по ее собственному мнению, не столь невероятно это «бог знает что» — вопреки последующим заверениям Вырубовой перед следователями о «неаппетитности» преподобного Григория.

Бывало, что преподобный находился вдалеке от Царского Села. Все равно до сведения супруга доводились все распутинские наказания: *Что за прелестная телеграмма от нашего Друга... Очаровательная телеграмма от Друга, она доставит тебе удовольствие... Переписал ли ты для себя на особом листе и эту Его телеграмму?* Это один из ее методов обогащения супруга премудростью старца: царь должен переписывать его указания, составляя для себя нечто вроде скрижалей, и держать их перед глазами. Иногда и сама дает указания: *Держи эту бума-*

гу перед собой... Вели ему (Протопопову) больше слушаться нашего Друга... Реакция Николая на подсовывание шпаргалок: *Нежно благодарю тебя за твое милое письмо и точные инструкции для разговора с Протопоповым*⁴⁹.

В устах самодержца, который 23 года столь непримиримо отстаивал свое божественное право на единоличную власть, благодарность за «точные инструкции» может с первого взгляда показаться иронической. Но Николай не иронизировал. Наставления Александры Федоровны были не праздными капризами скушающей в разлуке супруги. Они давались и принимались всерьез. Случилось, впрочем, и отклонение от этого распорядка. Однажды царь выразил сомнение, следует ли оставлять (как она требует) не вполне нормального А. Д. Протопопова на посту министра внутренних дел. Предвидя, что Распутин вступится за своего протеже, Николай добавляет: *Только прошу тебя, дорогая, не вмешивай в это дело нашего Друга. Ответственность несу я, и поэтому мне хотелось бы быть свободным в своем выборе*⁵⁰.

Итак, о чудо! На этот раз он захотел остаться «свободным в выборе», вознамерился сместить угодного Распутину министра. Не тут-то было. Супруга отвечает: *Мой милый!.. Я, может быть, недостаточно умна, но у меня сильно развито чувство, а оно часто помогает больше, чем ум. Не сменяй никого до нашей встречи, давай спокойно все обсудим вместе*⁵¹. Плененный доводами о необязательности ума и легкой заменяемости этого качества каким-нибудь другим, а также приглашением царицы, то бишь Распутина, «спокойно обсудить все вместе», Николай оставляет Протопопова в должности, с каковой «сняла» его Февральская революция.

Если сопоставить даты царицыных писем, содержащих наставления Распутина, с датами императорских указов тех дней, можно увидеть, каким обширным было влияние старца на ход государственных дел.

Распутин провел назначение на пост военного министра В. А. Сухомлинова (прослужил с 1909 по 1915 г.), а когда последнего сменил более честный и дельный А. А. Поливанов (прослужил с 13 июня 1915 по 13 марта 1916 г.), Распутин добился его устранения с этого поста. О прочих происках распутинской группы в военном ведомстве имеется немало свидетельств⁵².

Им было инспирировано назначение на пост министра внутренних дел А. Н. Хвостова (1915 г.). По его настоянию та же должность была дана А. Д. Протопопову (занимал ее с сентября 1916 по февраль 1917 г.).

По его рекомендации председателем Совета министров был назначен И. Л. Горемыкин (состоял в этой должности с января 1914 по январь 1916 г.), затем Б. В. Штюрмер (январь — ноябрь 1916 г.) и уже после смерти Распутина, но рекомендо-

ванный им Н. Д. Голицын (декабрь 1916 — февраль 1917 г.).

Его ставленниками на министерских и иных ответственных постах были Л. А. Кассо, И. Г. Шегловитов, Г. Ю. Тизенгаузен, С. В. Рухлов, П. Г. Барк, И. Л. Татищев, В. Н. Воейков, А. А. Риттих, Н. А. Добровольский, С. П. Белецкий и многие другие. Все они и им подобные государственные мужи возвысились лишь после того, как обязались перед Распутиным подчиняться ему и выполнять его требования. Главный показатель пригодности того или иного протеже к государственной деятельности — степень преклонения перед достопочтенным Григорием. Если министр ему покорен — годится; если не благовоет перед ним — подозрителен, лучше от него избавиться. Как только обнаруживалось, что протежируемый министр нарушил свое обязательство личной исполнительности перед покровителем, он лишался поддержки Распутина и вслед за тем — почти автоматически — доверия царя.

На основе таких взаимоотношений только в годы войны было назначено и смещено около 20 министров и несколько председателей Совета министров. Среди них образчиком скоростного восхождения на самый верх и не менее стремительного падения можно считать Б. В. Штюмерера — предпоследнего царского премьер-министра, одного из самых усердных клеветников Распутина. Связующим звеном между ними был И. Ф. Манасевич-Мануйлов, личность достаточно темная*. В бытность Штюмерера премьер-министром возил его к Распутину на доклады о ходе дел. Одно время Распутин весьма благоволил Штюмеру, хотя отзывался о нем не без презрения. Окружающим говорил: «С горя я этого немца поставил. Не по душе он мне. Больно плутоват. Одним хорош, что от меня не уйдет. Я ему так и сказал: правь, да так, чтобы мои глаза видели не только то, что делаешь, но и то, над чем думаешь». Называл Штюмерера «старикашкой». За покровительство премьер платил услужливостью, граничившей с раболепием: принимал к беспрекословному исполнению пожелания старца о назначениях, награждениях, выдачах субсидий из казны и концессий, помилованиях, освобождении от воинского призыва; проводил в Совете министров рекомендованные им (в интересах стоявших за ним «клиентов») постановления. Вступив в должность, Штюмерер прежде всего приказал департаменту полиции обеспечить личную охрану Распутина наравне с членами императорского дома**.

* Сотрудник газеты «Новое время» и тайный агент полиции, секретарь и правая рука Штюмерера, «свой человек» у Распутина, редкостный авантюрист. По определению французского посла в России М. Ж. Палеолога, Манасевич-Мануйлов был одновременно «и шпион, и сыщик, и пройдоха, и жулик, и шулер, и поддельватель, и развратник — странная смесь Панурга, Жиль Блаза, Казановы, Роберто Макэра и Видока».

** Распутина оберегали (независимо одна от другой) четыре службы: «охранка», полиция, придворная полиция, а также особая частная охрана, организованная группой банкиров во главе с Д. Л. Рубинштейном.

Опьяненный властью, Штюрмер, однако, потерял осторожность в обращении со своим благодетелем и однажды в чем-то ему не угодил. На квартире у митрополита Питирима, куда Манасевич-Мануйлов доставил провинившегося, разыгралась сцена. Когда Распутин и премьер уединились, в соседней комнате слышали крики: «Ты не смеешь идти против меня!.. Смотри, чтобы я от тебя не отошел, тогда тебе крышка!» Позднее Манасевич показал: «Когда Штюрмер уехал, я спросил Распутина: что вы, Григорий Ефимович, кричали на него? Он ответил мне: «Старикашка перестает повиноваться... Он должен по веревочке ходить. А не так будет, шею ему сломаю»⁵³.

Такую «выволочку» старец устроил председателю Совета министров всего лишь через 10 дней после его назначения.

Из протоколов Чрезвычайной комиссии видно, что следователей особенно интересовал беспрецедентный приезд царя в 1916 г. на открытие сессии Государственной думы (никогда прежде не удостаивал ее своим посещением). Следователи хотели знать: действительно ли царь поехал по указанию Распутина? Штюрмер говорил: из секретных донесений полицейских агентов ему тогда же стало известно, что высочайший визит был нанесен Думе по требованию Распутина, который царя туда «послал». «Сделаю так, — сказал Распутин в присутствии одного из тайных осведомителей. — Пошлю-ка я самого в Думу... Пушай поедет, откроет (сессию. — М. К.), и никто ничего супротив сделать не посмеет». Манасевич-Мануйлов показал: «Я был в те дни у Распутина и сказал ему: «Говорят, у вас достаточно влияния даже для того, чтобы заставить царя появиться в Думе». Он забежал по комнате, потом говорит: «Да, это я, пожалуй, сделаю, папаша в Думу поедет... ты же скажи старикашке (Штюрмеру), что есть такое предположение, что, вероятно, будет в Думе царь...»⁵⁴

Пытаются умалить роль Распутина в преступлениях царизма с помощью довода, будто «дело было не в Распутине, а в распутинщине», словно отделимо одно от другого. Ссылаются на слова Шульгина, что якобы «не было Распутина, а было распутство», что не все принимали всерьез его каракули, а явись Распутин к нему, Шульгину, он бы «заиграл» у него с лестницы. Не в значимости Распутина, мол, дело, а в том, что петербургские правящие сферы — дрянь. То же повторил Шульгин в одной из бесед с автором этой книги в августе 1975 г., с одним, однако, уточнением: «...слитны были обе стороны зла — то, что мы были дрянью, и то, что Распутин, будучи еще большей дрянью, сумел из нашей дряблости извлечь для себя силу и власть». «Сильными же позициями», добавил Шульгин, Распутин несомненно располагал, иначе Юсупов и Пуришкевич не стали бы его убивать (сам он, Шульгин, отговаривал Пуришкевича от этой акции ввиду полной ее бесполезности — «что толку убивать змею, когда она уже ужалила»)⁵⁵.

Не существенно в этом контексте, что «прохвост» писал каракулями, а не изысканной каллиграфической вязью. Ничего не доказывает и воинственное заявление о том, как «заиграл» бы Распутин с лестницы, если бы «пришел» — прежде всего потому, что тот, зная его враждебность, никогда не ходил к Шульгину, как не ходил и Шульгин к тем из своих противников, где его могла подстеречь неприятность. К тому же в сослагательных наклонениях нет довода, особой убедительности они в себе никогда не заключали, тем более угроза Шульгина задним числом во время эмиграции — как бы храбро разделался он с живым Распутиным во времена царя. А «не ходил» старец не только к Шульгину — он до ночи убийства никогда не бывал, например, и во дворце подозрительного для него Юсупова; понадобилась целая группа заговорщиков и специально разработанный ими план, чтобы посредством тщательно продуманной уловки заманить старца в этот дворец*. Во всяком случае, похвальба Шульгина 1925 г. крутостью своего лестничного спуска 1910 г. уяснению вопроса о силе или бессилии Распутина ничего не дает.

Говорят некоторые, что влияние Распутина на дела высшего управления в империи «преувеличено»; что «строго очерченной» его функций при царе было «нести мистический вздор». Такое утверждение не соответствует как фактам и документам истории, часть которых приведена здесь, так и в особенности тому глубокому анализу и принципиальным обобщениям, какие этим неопровержимым фактическим и документальным материалам дает В. И. Ленин.

Николай II и Распутин, как соумышленники, виновники многих бед и страданий многомиллионного народа, в ленинских работах ставятся рядом, характеризуются равнозначно.

Старая Россия, по Ленину, — это страна Николая и Распутина⁵⁶.

Верховную власть царской России Ленин называет «шайкой жалких, полоумных людей, как Романов и Распутин...»⁵⁷.

Говоря о внешней политике самодержавия, Ленин задавал вопрос: кто ее вдохновители? И отвечал: «Царь, Распутин, царская шайка, конечно»⁵⁸.

В «Письмах из далека» Ленин клеймил «цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее...»⁵⁹.

Ленин указывал, что, «пользуясь защитой самого царя или его родни», Распутин топчет все и всяческие законы⁶⁰.

Революция, писал Ленин, «обнажила и изолировала *Николая II и К⁰* (Распутин)»⁶¹.

Что же общего между этими ленинскими определениями «чу-

* Власти неоднократно предостерегали Распутина об опасности. Министр внутренних дел Протопопов прямо рекомендовал ему остерегаться Ф. Ф. Юсупова.

довищного Распутина», как своего рода напарника царя, стоящего рядом с ним у руля управления, и образом сравнительно безобидного дворцового балагура — шута, которому вменена функция несения при царе мистического вздора?

Отнюдь не преувеличена ленинская оценка Распутина как одного из ведущих участников преступной царской камарильи, который верховодил в ней, стоя, как сказано у Ленина, «во главе ее».

Волк сказал стаду: «Давайте, овцы, договоримся на экономической основе. Я не буду жрать вашу траву, а вы будете отдавать мне свое мясо».

ПОЗОРНОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Карел Чапек

Закончив свой учебный курс на дому, престолонаследник Николай сдал выпускные экзамены отцу — экзаменатору не очень грамотному, но строгому — и тут же был за успехи поощрен: велено было собираться в кругосветное путешествие.

Из балтийской эскадры выделен в распоряжение 22-летнего «туриста» крейсер «Память Азова». Даны в сопровождение греческий наследный принц Георг (Джорджи) и несколько молодых гвардейских офицеров, в их числе князь Оболенский из конной гвардии, князь Кочубей из кавалергардов и Волков из лейб-гусар. Руководителями поездки назначены князья В. А. Барятинский и Э. Э. Ухтомский. Конечная цель поездки — Япония.

Шли морями и океанами с октября 1890 по апрель 1891 г. До Японии добрались благополучно. А 23 апреля в городе Отсу путешествию кладет конец инцидент: во время торжественного проезда русского наследника в коляске-дженрикше по узким улицам из рядов японской охраны внезапно выбегает полицейский Сандзо Цуда, выхватывает из ножен саблю и наотмашь бьет Николая по голове. Сабля только скользнула, подоспевший Георг Греческий предотвратил новый удар. Николай отделался небольшой раной и коротким испугом. На этом и закончился познавательный рейс по белу свету. Не отдав «визитной карточки» в Токио (вопреки просьбам русского посла в Японии Д. Е. Шевича), Николай с забинтованной головой поспешил через Киото на знаковую палубу, куда вскоре явился с извинениями сам микадо. Под эскортом броненосной эскадры, вызванной из Владивостока, «Память Азова» со своими пассажирами вскоре причалил к родным берегам¹.

Некоторые современники отмечали, что удар сабли оставил шрам не только на темени, но и в душе престолонаследника и был заметен потом, когда он стал императором. «Император Николай, когда вступил на престол, не мог относиться к японцам особенно доброжелательно... — писал Витте. — Он придерживался мнения о японцах как о нации антипатичной, ничтожной и бессильной, которая может быть уничтожена одним щелчком российского гиганта...»² На этой слепой предвзятости, смешавшейся с безответственным пренебрежением, нетрудно было сыграть тем, кто рассчитывал извлечь выгоду для себя.

Семена подстрекательства, брошенные в такую почву, должны

были дать зловещие всходы. Кайзер Вильгельм подталкивал царя к столкновению русскими о слабости и ничтожестве Японии. А в Токио (через посредство своих дипломатов) распалял страсти комплиментами японскому динамизму, славословиями империи Восходящего солнца, уверениями в слабости «русского колосса на глиняных ногах», а кроме того, секретными соглашениями о германской помощи оружием, военными инструкторами и разведывательной информацией.

Царя кайзер заверяет в своем желании посылить в дело отражения «желтой опасности», исходящей из Японии и Китая, а микадо и пекинского богдыхана — в сочувствии идее отеснения русских с Дальнего Востока если не до Москвы, то во всяком случае до Байкала, на худой конец — до Читы. Замысел с далеким прицелом: втравить в дальневосточный конфликт русскую армию, вынудив ее ослабить прикрытие западной границы страны; повиснув над этой границей, навязать России такие условия дальнейших экономических и политических отношений с рейхом, которые открыли бы ему путь к гегемонии в Европе.

Какой-нибудь специальной обстановки для дипломатических ходов в этом направлении не требовалось. Использовался любой случай. Например, кайзер приехал в гости в Петергоф. Вдвоем с царем прогуливался в шарабане по парку. Неожиданно гость задал хозяину вопрос: будет ли он возражать, если германский военный флот захватит китайский порт Циндао?

Николай против, но застигнут врасплох, сразу не нашелся, что ответить. Своих помощников, однако, поставил в известность о каверзном вопросе. Инцидент сказался серьезными последствиями. Германские корабли вошли в бухту Циндао, войска высадились. Через своего посла в Токио кайзер довел до сведения японцев, будто Николай сам предложил ему «совместно двигаться в глубь Азии», будто он посоветовал немцам «сделать за Циндао следующий шаг», в то же время с Россией «совместно подготовиться к устранению японского барьера».

Обозначилась перспектива резкой активизации политики и военных приготовлений Японии против России, чего и добивался Вильгельм. Несомненно, что «один из толчков к этому дал император Вильгельм своим захватом Циндао», считает Витте. Он всячески старался «втиснуть нас в дальневосточные авантюры... стремился к тому, чтобы отвлечь все наши силы на Дальний Восток... это и было им вполне достигнуто»³.

Исследованиями советских историков Б. А. Романова и А. С. Ерусалимского давно доказано, что кайзер попросту лгал, когда говорил японцам о своей договоренности с царем. В действительности Николай ни в Петергофе, ни в каком-либо другом месте не давал согласия на немецкое вторжение в Китай вообще, на захват Циндао в частности. В провокационных целях Вильгельм раздул лживую версию о русско-германской договоренности о Дальнем Востоке, чтобы подтолкнуть развязывание

конфликта в этом районе мира. Он оперировал характерным для него набором приемов: дипломатией канонеров и крейсеров, службой плаща и кинжала, а также использовал любые более или менее благоприятные для его замыслов обстоятельства. Николай, правда, впредь при встречах держался с Вильгельмом поосторожнее, как, например, при следующем свидании их в Потсдаме. Однако не слишком длительными были эти старания превозмочь собственную опрометчивость.

Военному взрыву предшествовали длительные русско-японские переговоры. В тот момент, когда эти переговоры резко осложнились и стало очевидно, что японцы, невзирая на уступчивость Петербурга, клонят к разрыву, царь и царица поехали в гости к родственникам в Дармштадт. Не считаясь с тем, что нависла опасность войны, царь взял с собой руководителей военного и внешнеполитического ведомств (в том числе министра иностранных дел Ламздорфа), а также группу генералов из своей военно-походной канцелярии (нечто вроде передвижного филиала Главного штаба). Эта группа сопровождающих поселяется во дворце великого герцога (брата царицы). С их помощью Николай пытается из Гессена руководить как делами империи вообще, так и в особенности действиями своего наместника на Дальнем Востоке Алексея.

Для Вильгельма, направлявшего в те дни все усилия, чтобы связать Россию вооруженным конфликтом на Дальнем Востоке, появление русского центра власти на германской территории было даром неба. На глазах у его разведки и генерального штаба ежедневно проходил поток секретной информации на восток и обратно. В герцогском дворце, кишашем шпионами кайзера (и первым среди них был сам гостеприимный хозяин), царские офицеры день за днем отрабатывали штабную документацию, шифровали приказы и директивы, расшифровывали доклады и донесения, поступавшие из Петербурга, Харбина, Порт-Артура. Изо дня в день немецкие дешифровальщики клали кайзеру на стол копии перехватов. Он был в курсе всех замышляемых ходов и маневров царского правительства на Дальнем Востоке, включая передвижения и боевую подготовку вооруженных сил. Вся переписка Николая оказалась перед Вильгельмом как открытая карта.

Установлено, что перехваченную в Дармштадте информацию кайзер передавал (по крайней мере частично) японскому генеральному штабу. Витте ужаснулся, узнав об этой «вакханалии безопасности» в компании, разбившей свой табор во дворце Эрнста Людвиг Гессенского. Министра двора Фредерикса, прибывшего из Дармштадта в Петербург, Витте спросил, как тот мог равнодушно взирать на столь преступное отношение к интересам государственной безопасности. Фредерикс возразил: он обращал внимание государя императора на опасность утечки и перехвата сведений, но тот ничего не пожелал изменить. Осталось без

результата такое же предостережение Ламздорфу, сделанное Витте⁴.

Современники свидетельствуют, что горечь потерь, причиненных внезапным и вероломным нападением японских милитаристов, переживала в 1904 г. вся Россия. Было в сердцах простых людей много гнева и обиды. Возмущались честные люди в России и поведением царского правительства — его авантюризмом и хищничеством, слепотой, косностью, бездарностью, обрекавшими страну на слабость перед лицом внешней угрозы. Вестью о катастрофе на рейде Порт-Артура население было подавлено. Тщетно пытались в те дни власти и черная сотня вызвать промонархические манифестации — почти никто не пошел. Не видно было воодушевления на улице, не очень-то заметно оно было и во дворце. Сам венценосец, однако, авансом зачислил себя в победители.

Насколько излишняя самонадеянность помешала ему разглядеть степень опасности, видно из того, что всего лишь за месяц до взрывов на порт-артурском рейде он на новогоднем приеме, презрительно усмехнувшись, сказал по-французски японскому послу: «Япония кончит тем, что рассердит меня»⁵.

Предвидения бедствий не было настолько, что, когда прибывший из Бессарабии предводитель тамошнего дворянства Крупенский встревоженно спросил царя: что же будет теперь, после ночного разгрома эскадры на рейде Порт-Артура, тот небрежно бросил:

— Ну, знаете, я вообще смотрю на все это как на укусы блохи⁶.

То, что Николай с таким пренебрежением назвал укусом блохи, обернулось длительной и кровопролитной войной. Она продолжалась 19 месяцев; русская армия потеряла 400 тыс. человек убитыми, ранеными, больными и попавшими в плен; война обошлась России в 2,5 млрд. золотых рублей прямых военных расходов, не считая 500 млн. руб., потерянных в виде отошедшего к Японии имущества и потопленных военных и торговых кораблей.

Черту под войной подвел Портсмутский мирный договор. Этим договором фиксировались итоги и сдвиги, которые западная пресса в те дни восхищенно определяла как «дальневосточный феномен», «японское чудо». В действительности чуда никакого не было. Ларчик открывался сравнительно просто.

Японскому милитаризму подставил плечо для подъема на пьедестал его маньчжурской победы германский империализм. И не он один.

С апреля 1904 по июль 1905 г. Япония получила от Германии, Англии и США четыре займа на общую сумму до полумиллиарда долларов, которыми была покрыта почти половина ее расходов на войну. Не меньшую, если не большую роль сыграли немецкое и английское оружие, западный военный инструктор.

Всестороннюю военную помощь японцам рейх наладил по меньшей мере лет за десять до Порт-Артура.

Японскую армию, какой она в 1904 г. высадилась на материке, фактически создали и обучили кайзеровские офицеры. Трехкратное увеличение численности японской армии с 1896 по 1903 г. совершилось под их же руководством. Японскую армаду, какой она к 14 (27) мая 1905 г. построилась в Цусимском проливе, чтобы встретить эскадру Рождественского, помогали строить и вооружать немецкие и английские кораблестроители и адмиралы. С их материально-технической помощью и при их консультации японский военно-морской тоннаж за те же восемь лет возрос в четыре с половиной раза. В результате, когда на Дальнем Востоке возникла война, против 69 изрядно послуживших кораблей русской Тихоокеанской эскадры выступили 168 японских боевых кораблей новейшего образца.

А уж чего рейх и подавно не пожалел для своих дальневосточных выучеников — так это опыта постановки тайной службы, покупки и продажи шпионских услуг; во многих же случаях эти услуги были предметом дружеского обмена на безналичной основе. Сотни японских шпионов, возвращенных под крылом германской и британской разведок, орудовали в тылах русской армии, в Петербурге и Москве, в других наших крупных городах; они следили за мерами командования, за передвижениями войск, за военной промышленностью, доставляя добытую информацию в токийский центр. Одновременно и Берлин делился с японцами секретной информацией, поступавшей от петербургской пронемецкой клики. Таким образом, в то время, как администрация Николая II пренебрегала элементарной подготовкой отпора возможному японскому нападению, положившись на авось, рассчитывая «шапками закидать» японцев, вероятный противник довольно отчетливо просматривал русский военный и экономический механизм, заранее засек его бреши и слабые узлы и с первых дней конфликта оказался в состоянии наносить безошибочные удары.

«Генералы и полководцы оказались бездарностями и ничтожествами... — писал В. И. Ленин в январе 1905 г. в статье «Падение Порт-Артура». — Бюрократия гражданская и военная оказалась такой же тунеядствующей и продажной, как и во времена крепостного права. Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием... Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным. Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела...» И Ленин делал вывод: «Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению»⁷.

Нельзя сказать, что Николаю безразличны были течение и исход этой войны. Прервав кабинетное чтение рапортов и отчетов, он колесит по дорогам империи, инспектирует войска. Его маршруты 1904 г.: в мае побывал в Полтаве, Белгороде, Туле, Москве; в июне — Коломна, Пенза и Сызрань; в сентябре — Елизаветград, Николаев, Одесса, Кишинев, другие города юга и запада страны; круг этот завершен посещением Риги и Ревеля; в октябре — Минск, Витебск, Сувалки и другие города западных губерний; в декабре — Житомир, Жмеринка, Бирзула и другие районы юго-запада.

Всюду он инспектирует и напутствует воинские части, отправляемые на Дальний Восток; освящает знамена; раздает солдатам и офицерам образки и крестики; участвует в церемониях освящения новых военных кораблей, начатых строительством или сходящих со стапелей. Генерал М. И. Драгомиров тогда острил: «Бьем японцев образами наших святых, а они лупят нас ядрами и бомбами. Мы их образами, а они нас — пулями». Ты его евангелием, а он тебя — пулей. Ничего себе война, веселенькая!⁸

Равнодушие у венценосца не было, но и тревогой, тем более отчаянием он не терзался. Весть о падении Порт-Артура застала его в пути, на станции Барановичи. Вечером записывает в дневнике: *Потрясающее известие от Стесселя о сдаче Порт-Артура японцам ввиду громадных потерь и болезненности среди гарнизона и полного израсходования снарядов. Тяжело и больно, хотя оно и предвиделось, но хотелось верить, что армия выручит крепость. Защитники все герои и сделали все, что можно было предполагать. На то, значит, воля божья*⁹.

Поступает в Петербург весть о гибели флагманского броненосца «Петропавловск». Доложить царю об этом мрачном событии должен К. Н. Рыдзевский, замещающий министра двора. Аудиенция назначена на 3 часа дня. Не без тревоги Рыдзевский думает о сцене, которая произойдет, когда он доложит царю о случившемся. Вдруг курьер из Зимнего: прием отменен. Рыдзевский облегченно вздыхает — хоть временно, но пронесло. Вскоре опять курьер: прием в назначенный час состоится.

Приехал, рассказывал потом Рыдзевский, к царю. Оказывается, он на панихиде по адмиралу Макарову. Ну, думаю, еще хуже вышло все. Но вот служба кончается. Государь в морской форме возвращается из церкви, весело здоровается со мной, тянет за руку в кабинет и говорит, указывая на окна, в которых порхают крупные снежинки:

— Какая погода! Хорошо бы поохотиться, давно мы с вами не были на охоте. Сегодня что у нас — пятница? Хотите, завтра поедем?

Рыдзевский смущен, бормочет что-то невнятное, спешит уйти.

А по дороге через коридоры и вестибюли, спускаясь по дворцовой лестнице, видит с площадки: царь стоит у окна, вскинув ружье, и прицеливается в стаю ворон в сером зимнем небе...

Позже, летом 1904 г., в дни Вафангоу и Ляояна, его занимает тетеревиная охота. Записывает: *Убил двух тетеревей (?)* В дни, когда Куропаткин засыпает его шифровками, показывающими гибельные последствия провалов генералов Штакельберга и Фока на поле боя, отмечает в дневнике: *Баловался в реке, по которой (?) ходил голыми ногами*¹⁰.

Из записей дней Цусимы (сражение произошло 14—15 (27—28) мая):

16 мая. Ездил верхом, гулял и катался на байдарке. Сегодня стали приходить самые противоречивые вести и сведения о бое нашей эскадры с японским флотом — все насчет наших потерь и полное молчание о их повреждениях. Такое поведение ужасно гнетет. Ольга, Петя и Кирилл обедали.

17 мая. Тяжелые и противоречивые известия продолжают приходить относительно неудачного боя в Цусимском проливе. Гуляли вдвоем. Погода была чудная, жаркая. Пили чай и обедали на балконе.

18 мая. Дивная погода. Завтракал Сергей. Миша приехал проститься, так как вечером уезжает в Берлин на свадьбу кронпринца. Сделал хорошую прогулку верхом... Обедали на балконе и покатались в Павловске.

19 мая. Теперь окончательно подтвердились ужасные сведения о гибели почти всей эскадры в двухдневном бою. Сам Рождественский, раненый, взят в плен. День стоял дивный, что прибавляло еще больше грусти на душе. Завтракал Петя. Ездили верхом.

20 мая. Было очень жарко. Утром слышался гром вдали. Завтракала Е. А. Нарышкина. Принял Трепова. Гулял и катался на байдарке¹¹

Россия в войне 1904—1905 гг. не была побеждена. Вопреки всем неудачам и отступлениям, несмотря даже на Цусиму, Вафангоу и Мукден, русская военная и экономическая мощь и к концу войны намного превосходила японскую. Противник же был измотан и изнурен.

Империалистическая Япония торжествовала, поблбднв от кровотеченно. Ее действительное состояние — с учетом быстро нараставшего в стране революционного брожения — было таково, что через несколько дней после Цусимы, 18 (31) мая 1905 г., японское правительство обратилось к президенту США Теодору Рузвельту с просьбой взять на себя мирное посредничество. Рузвельт согласился. Он передает по телеграфу в Петербург директиву американскому послу: просить аудиенцию у царя, постараться убедить его, что продолжение конфликта невыгодно ни одной из воюющих сторон, напротив, грозит обоим опасными внутренними осложнениями и что мир особенно нужен России, потрясаемой волнениями и мятежами.

25 мая (7 июня) Николай выслушал посла и сказал, что на переговоры согласен. На следующий день Рузвельт официально обратился к русскому и японскому правительствам с предложением вступить в переговоры о прекращении войны и заключении мира. Оба правительства ответили согласием: русское — в соответствии с доводами президента о необходимости обратить

силы на подавление революции; японское — в сознании своей фактической неспособности продолжать борьбу с Россией и с тем же тайным страхом перед ростом революционного настроения масс, все более проникавших пониманием того, что эта война чужда подлинным интересам трудящихся как России, так и Японии. Местом переговоров был избран городок Портсмут в США.

Через замирение к удушению русской революции — таков был замысел. Но получилось нечто иное: через замирение — к новым революционным потрясениям, к дальнейшему ожесточению народных масс, возмущенных дальневосточной авантюрой. Особенность обстановки в России состояла еще в том, что в события все шире вовлекались солдатские массы. С востока возвращается в центр страны армия, взбудораженная позором неудач, который навлекли на нее царские генералы. Солдаты заражают своими настроениями население, и, наоборот, под влиянием подъема рабочего движения в стране нарастают революционные настроения среди солдат.

Возвращения армии власти и хотят, и боятся. Отношение к ней дворцовых верхов двойственное. Они хотели бы бросить войска на народ, штыками подавить революцию. Из тех же кругов раздаются голоса, что армию в центр страны пускать нельзя. Многие из офицеров, кто вел воинские эшелоны с Дальнего Востока, не были уверены, найдут ли в центре России старый порядок, уцелел ли он. Князь Васильчиков, после заключения мира возвратившийся со своим полком в Петербург, рассказывал Николаю II, что он «до самого Челябинска не знал точно, что делается в стране»; он думал, что «уже не застанет в ней царскую семью, которая, по слухам, будто бы бежала за границу», а премьера Витте вместе с его коллегами по кабинету «ожидал увидеть на Марсовом поле висящими на виселицах». Но для того и был подписан 23 августа (5 сентября) Портсмутский договор, чтобы подобное не случилось. И Витте, скрепивший договор своей подписью, потом подчеркивал, что если бы не был заключен Портсмутский мир, то последовали бы такие внешние и внутренние катастрофы, при которых не удержался бы на престоле дом Романовых¹².

Портсмутский договор знаменовал утверждение японского империализма на Азиатском материке. Токийское правительство через два с половиной месяца после Портсмута навязало Корею договор о протекторате, а спустя еще пятилетие, в 1910 г., включило Корею в состав Японской империи. Перешли к Японии Квантунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, южная ветка КВЖД, а также половина русского острова Сахалин (к югу от 50-й параллели).

Но с добычей вышла из конфликта не только Япония. Чужими руками вытащил из дальневосточного костра груды каштанов и Вильгельм II. Он делал ставку на длительное изнурение России

в этой войне. Расчет оказался не столь уж неточным: от схватки, которая Россию действительно ослабила на многие годы, Германия, по мнению Витте, «выиграла больше всех». Еще в июле 1904 г. Витте по прямому указанию Николая без всяких оговорок подписал в Берлине новый торговый договор с Германией, точнее, дополнительную конвенцию к русско-германскому договору о торговле и мореплавании 1894 г. По этому соглашению немцы резко повышали пошлины на русскую пшеницу и рожь; русские же ставки обложения германского промышленного ввоза в Россию оставались на прежнем крайне низком уровне. Пошлины на поставляемый из России в Германию лес были снижены, а на изделия русской деревообрабатывающей промышленности повышены. В общем и целом еще более, чем в 1894 г., усугублялась роль русского экономического партнера как поставщика сырья. Договор был пронизан стремлением германских экспансионистов удержать Россию в роли поставщика дешевого сырья для германской промышленности, а также широко раскрытого, не защищенного таможенными барьерами рынка сбыта немецких промышленных товаров.

И это был лишь один из призов, которыми Вильгельм вознаградил себя за удачу поджигательских интриг на Дальнем Востоке. Сталкивая Петербург с Токио, он кое-чем поживился.

Начиная с весны 1904 г. вержболовский центр систематически сообщает кайзеру через Эйленберга о фактической оголенности западной русской границы, которая в результате перебросок войск на Дальний Восток потеряла свое прежнее прикрытие армейскими контингентами. Судьба этих контингентов: часть растаяла в боях (400 тыс. убитыми, ранеными и попавшими в плен); часть была расформирована на Дальнем Востоке и в Сибири с прикреплением солдат к земле путем распределения между ними наделов. Наиболее же благонадежные полки, в первую очередь казачьи, были расположены во внутренних губерниях с задачей помочь властям удержать в повиновении население. Таким образом, защита западной границы оставалась ослабленной еще несколько лет.

Далее. Воспользовавшись моментом, когда Россия и Япония вступили в вооруженное противоборство, кайзеровская Германия без особых помех укрепилась на захваченном еще в 1898 г. плацдарме, открывавшем возможность дальнейшего империалистического проникновения в Китай. Не теряя времени, кайзеровские морские стратеги во главе с Тирпицем в течение 1904—1905 гг. переоборудовали и оснастили Циндао как главную базу своего военного флота в Восточной Азии. Впрочем, удерживали они эту базу сравнительно недолго. Их японские выученики не дали им там засидеться. 10 (23) августа 1914 г. Япония, присоединившаяся к Антанте, объявила войну Германии и захватила Циндао, а также группу тихоокеанских островов (Каролинские, Марианские и Маршалловы). Дальневосточный пожар 1904—1905 гг. был своего

рода прелюдией к мировому побоищу 1914—1918 гг. Спустя девять лет вышли в поход «за жизненным пространством» генералы кайзера.

ВЫСТРЕЛЫ У ЛАТИНСКОГО МОСТА В САРАЕВО

В 4 часа пополудни 16 (29) июня 1914 г. фельдъегерь поручик Скуратов поднялся из шлюпки на борт царской яхты «Штандарт», стоявшей у побережья Ханко. С разрешения флаг-капитана адмирала Нилова он прошел к столику, за которым играли в карты царь, царица и фрейлина Вырубова. Николай взял из рук отрапортовавшего поручика конверт, вскрыл. Пробежал телеграммы, вложенные в конверт, встал и в сопровождении Нилова пошел по палубе к своему кабинету-салону, взглядом зовя за собой и дам.

До вечера все трое на палубе не появлялись. Яхта круто повернула от Ханко в море и на предельной скорости пошла к Кронштадту.

Обе телеграммы, доставленные Скуратовым, содержали чрезвычайные сообщения. В одной из них подтверждалось известие, в неясной форме поступившее на яхту накануне: 15 (28) июня в боснийском городе Сараево убиты выстрелами из револьвера австро-венгерский престолонаследник эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга Софи фон Гогенберг. Они заехали в Сараево после маневров австрийской армии на территории аннексированной Боснии, на подступах к сербской границе. Покушавшийся схвачен*. Второе сообщение взволновало царскую чету не меньше первого. Ударом ножа в живот тяжело ранен в селе Покровском Распутин. Когда он, окруженный толпой почитателей-богомолок, шел по сельской улице, напала увязавшая за ним Гусева Феония, бывшая его поклонница, спутница по монастырским странствиям. Мужики гонялись за ней по селу, а она не давалась, кричала: «Все равно убью антихриста!» — и тем же ножом пыталась сама зарезаться...**

Вечером «Штандарт» при потушенных огнях миновал Кронштадт, прошел к Петергофу.

* Выстрелы прозвучали у въезда с набережной на Латинский мост. Восемнадцатилетний серб Гаврила Принцип, стоя в толпе на тротуаре, два раза выстрелил в чету Габсбургов, медленно проезжавшую в открытом автомобиле, и убил обоих наповал. Кортёж против обыкновения двигался без всякой охраны, что весьма подозрительно: полиция отлично знала об опасной напряженности в городе. И маневры в Боснии, и приезд Франца Фердинанда в Сараево носили явно провокационный характер.

** При датировке покровского происшествия М. К. Касвиновым допущена неточность из-за смешения старого и нового стилей. Покушение на Распутина случилось 28 июня (11 июля) 1914 г., на что обратил внимание редакции кандидат технических наук Ю. К. Копытов. — *Ред.*

20 июля (2 августа) 1914 г., через 35 дней после того, как фельдъегерь поднялся с конвертом на яхту «Штандарт», Николай II в присутствии толпы сановников в Зимнем дворце официально возвестил стране, что ей навязана Германией война. Несколько дней спустя он в присутствии московской знати огласил тот же манифест в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца.

В истоках своих сараевское и покровское происшествия не имеют одно к другому никакого отношения. Они связаны лишь тем, что произошли почти одновременно. И все же...

Позднее Распутин говорил, что, не будь случая с окаянной Феонией, не было бы и войны. Он всегда был против раздора «с такой царской страной, как Германия», и удерживал Николая II от столкновения с ней раньше, удержал бы и в то лето. Не потому, что вообще был против войны, а потому, что стоял за союз монархий, против революции; ради такого союза, считал он, стоило кайзеру и уступить.

Знал о такой его позиции и потому благоволил к нему Вильгельм II.

Потом вслед за Вильгельмом II в узком кругу приближенных поминал Распутина добрым словом Гитлер. Стенографическими записями ставки вермахта зафиксировано, что 11 ноября 1941 г., в разгар нацистского наступления на Москву, Гитлер в узком кругу своих приспешников заговорил о Распутине, при этом изрек: «Они (русские) устранили Распутина и тем самым ту силу, которая могла бы привить славянскому элементу здоровое приятие жизни»¹³.

Рассуждениям об этом царском фаворите и покушении на его жизнь охотно предаются публицисты из концерна западногерманского газетного магната Шпрингера, а также некоторые американские советологи, например Мэсси. Он, однако, склонен толковать тюменский случай несколько витиеватее. Этот случай, по его мнению, совпал с сараевским не только во времени. К сожалению, история движется подчас слишком алогичными, иррациональными ходами. Ведь куда больше исторического смысла было бы в противоположном исходе того и другого эпизодов, то есть: остался бы невредимым эрцгерцог, а вместо него от руки Феонии отправился бы к праотцам тюменский чудодей¹⁴. Не пришлось бы Романовым, Гогенцоллернам и Габсбургам через три-четыре года пережить свой тотальный, почти групповой крах.

Не будь Сараева, не потеряли бы свои престолы «царь Николай, равно как и я», писал Вильгельм II Сухомлинову. Организовали же сараевское убийство, по уверению группы кёльнских и геттингенских профессоров, выступивших 27 и 28 июня 1964 г. на страницах венской газеты «Ди прессе», «петербургское правительство и его военные». Мировой войны, считают эти ученые, больше всех хотели великий князь Николай Николаевич, генералы Брусилов, Самсонов и их коллеги. Они-то через свою белград-

скую агентуру — сербскую секретную службу — и послали на встречу эрцгерцогскому автомобилю гимназиста Гаврилу Принципа, и означенным способом им удалось спровоцировать взрыв, захвативший врасплох кайзера и Мольтке. До зубов вооружившаяся Россия напала на ничего не подозревавшую Германию, а также на Австро-Венгрию. Последние же как-то упустили из виду, что к подобному возможному случаю надо было подготовиться. В 1914 г. каверзный Николай внезапно вцепился в простодушного Вильгельма.

Участник названной группы профессор Кёльнского университета Теодор Шидер сам убежден и других хочет убедить в том, что в 1914 г. Вильгельм II и Бетман-Гольвег, как в 1939 г. Гитлер и Риббентроп, были противниками войны. Некоторая разница между этими двумя парами, по мнению профессора, состоит разве лишь в том, что кайзер, оказавшийся в положении «изоляции и угрозы» и поддавшийся «реакции страха», действовал более оборонительно, фюрер же через 25 лет принял тактику наступательную; если тот и другой внутренне готовы были пойти на риск войны, то лишь малой, локальной — «в первом случае Австрии с Сербией, во втором случае Германии с Польшей», не больше того. Во всяком случае, замечает профессор, «государственными мужами кайзеровской Германии, как и самим кайзером, превышение пределов возможного в государственной экспансионистской политике рассматривалось лишь как спланированная игра; в глубине души они надеялись, что и до такой игры не дойдет».

Примерно так же обстояли дела и в Габсбургской империи. «Австрийские государственные деятели, — пишет Адам Вандручка, другой кёльнский профессор, — находились летом 1914 г. в почти безвыходном положении. У историка не поднимется рука написать в их адрес жестокое слово «повинны»; более уместны здесь слова «им было суждено», ибо эти слова заключают в себе веру в действие неисповедимых сил». Ну, а раз так, тут уж ясно, что ничего не могли поделать для спасения мира ни Вильгельм с Бетман-Гольвегом, ни Франц Иосиф с Берхтольдом. Последний действительно, будучи министром иностранных дел, больше всех в Вене потрудился над составлением ультиматума такой сути и формы, чтобы Сербия не могла его принять. Он же ультиматум передал и почти тут же послал в Белград объявление войны. Но, утверждает еще один профессор, Гуго Ханч, «хотя Берхтольд никогда не отрицал свою ответственность за события июля 1914 г., он до конца жизни был уверен, что иного выхода для него не было».

Ханчу вторит Ганс Вейчект: русскому нападению подверглась Габсбургская империя, бывшая «раем» для населявших ее народов; к несчастью, «в этот рай, впоследствии ими утерянный, была вмонтирована адская машина», и машиной той был «начиненный бешеной яростью динамитный снаряд славянского национализма, к которому Россия задолго до 28 июня подвела свой бикфордов

шнур». Вену, как и Берлин, якобы подточили петербургские козни. Будто бы безграничны были любовь и преданность славянских народов к Вильгельму и Францу Иосифу, но отравила это отношение своими наветами и диверсиями русская политика. Вспомните, пишет Иоганн Кристоф Альмайер-Бек, «те незабываемые дни начала первой мировой войны, величие которых не могут затмить даже первые дни начала второй мировой войны». Необозримые толпы людей вышли на бульвары Вены, загрохотали улицы и площади городов по всей империи и, провожая взглядами уходящие на фронт войска, восторженно кричали им вслед: — Вы наши герои! Победы вам! До скорого свидания — на рождество!

К рождеству, однако, «герои» триумфальным возвращением Вену не порадовали. Часть из них вернулась через три рождества на четвертое, по окончании мировой войны, но тогда уже не было не только ликующих толп на улицах веселой Вены — не осталось ни кайзера старого, ни кайзера молодого, ни имперской армии, ни самой империи. Габсбургская «лоскутная монархия» рассыпалась, и поспешили разойтись по домам теперь поглощенные действительно своими, близкими и волнующими их заботами и чехи со словаками, и боснийцы с хорватами...

Но еще один автор газеты «Ди прессе», Пьеро Кисмандо, берется утверждать, что боснийцы определенно почитали Габсбургов. И все славянские верноподданные Дунайской империи оплакивали эрцгерцога Франца Фердинанда безутешно, о чем свидетельствует гусларская песня на его смерть, якобы записанная в «третьем рейхе» в исполнении двух югославянских военнопленных в 1942 г.

Однако даже в статьях названных ученых проглядывает и нечто иное. Профессор Фриц Фельнер с удовольствием воспроизводит слова князя Андраши, однажды дожившего Францу Иосифу и Францу Фердинанду: «Наша политика (на Востоке) сводится не только к территориальным приобретениям; мы должны устремиться вперед также в моральном и экономическом отношениях; параллельно захвату земель должно осуществляться также мирное проникновение. Нести на Восток культуру и товары — такова ныне задача габсбургской монархии». Поскольку же русский, сербский и другие славянские народы отказывались от чести быть облагодетельствованными культурой и товарами Австро-Венгрии и Германии, газета «Нейе фрайе прессе» решительно потребовала: «Болото должно быть осушено, дабы исчезла злокачественная лихорадка». А Франц Фердинанд и его сподвижники, напоминает профессор Вандручка, считали, что успеху в этом деле будет способствовать «не боязливая сдержанность, а лишь бросок вперед... баня крови и стали — совместно проведенная победоносная война». Когда же его сразила сараевская пуля, пробил час его сторонников — тех, кто давно хотел толкнуть Европу и мир на «путь кровавого обновления», кто воинственно

провозглашал: «Смерть на поле сражения, а не на куче соломы!»

Вторжения, захваты и экзекуции издревле были родовым занятием Гогенцоллернов и Габсбургов, хотя по части захватнических устремлений антантовские соперники мало в чем им уступали. Однако напором агрессии, экспансионистским неистовством Гогенцоллерны и Габсбурги своих противников превосходили. Усиленно эксплуатируя рурско-рейнскую «кузницу оружия», которую предоставил в их распоряжение возникший в 1871 г. бисмарковский рейх, они за 20—30 лет перед мировой войной развернули лихорадочную гонку вооружений и вскоре встали в центре Европы в вызывающе воинственной позе, вооруженные до зубов.

Первую мировую войну готовили все империалисты, но особенно агрессивно настроены были германские, жаждавшие коренного передела мира в свою пользу. «Немецкая буржуазия, — писал В. И. Ленин, — распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предпринятые Россией и Францией»¹⁵.

Кайзеровская Германия хотела войны и развязала ее. Берлинский генеральный штаб ринулся в глобальную схватку, соблазненный разрывом в наличных военных средствах обеих сторон, точнее, своим материально-техническим перевесом над армиями противной стороны, в первую очередь России.

Фон Ягов, статс-секретарь по иностранным делам, в июле 1914 г. в письме германскому послу в Лондоне объяснял, почему Германии следует воспользоваться сараевским инцидентом для выступления. «Россия, — подчеркивал он, — в настоящий момент к войне не готова, а Франция и Англия также не захотят сейчас войны»¹⁶. Неравенство в соотношении сил, отмечал он, временное, оно неизбежно изменится. Вывод: нанести плохо или мало подготовленному противнику нокаутирующий удар.

К такому заключению пришли Вильгельм II и Франц Фердинанд во время своего предвоенного свидания в Конопиште. Обои участниками сговора был предreshен переход от языка ультиматумов к языку пушек.

Безотнositельно к субъективному порыву сербского юноши очевиден ответ на вопрос: кто такого инцидента жаждал и кому случайность совершившегося оказалась на руку?

В изображении шпрингеровской публицистики Вильгельм II, заслышав сараевские выстрелы, в ужасе простирал руки к небу, моля всевышние силы отвратить от него вызванную детонацией лавину. Свой очерк Пауль Зете так и озаглавил: «Кайзер боялся войны — он ее не хотел»¹⁷.

С августа 1905 г., когда в Портсмуте была подведена черта под русско-японским конфликтом, и до июля 1914 г. прошло непол-

ных девять лет. Это не очень много, но не так уж и мало. И в меньшие сроки удавалось потерпевшей военную неудачу стране привести в порядок свои оборонительные средства, восстановить на своих границах необходимый заслон. Империи Романовых решение такой задачи оказалось не под силу.

Хотя очевидно было, что германская угроза нарастает, боеспособность и боеготовность русских вооруженных сил оставляла желать лучшего. Ничего существенно не изменилось в состоянии военной машины царизма, которой дал столь глубокую и уничтожающую характеристику В. И. Ленин в 1905 г., после падения Порт-Артура.

За две недели до начала мировой войны Николай, принимая у себя президента Франции, заверил его в готовности ринуться в бой — примерно так же, как незадолго до того в Конопиште обменялись подобными заверениями Вильгельм и Франц Фердинанд.

Но когда полыхнуло пламя, Николай Романов на какую-то минуту заколебался. Возможно, его полоснуло смутное предвидение финиша той дорожки, на которую вытолкнули его Вильгельм и Пуанкаре. Отдав приказ о мобилизации, он под влиянием угрожающей телеграммы Вильгельма II раздумал и по телефону предложил начальнику Генерального штаба Н. Н. Янушкевичу приостановить принятые меры. Но этот отбой длился недолго — под давлением военных распоряжение о мобилизации было возобновлено.

Пройдет несколько недель, и Россия узнает о трагической гибели генерала Самсонова. Пройдет несколько месяцев, и страна узнает, что вынуждены отступить оставленные без снарядов и патронов дивизии, взявшие Львов, освободившие Галицию, загнавшие противника в глубь Восточной Пруссии, разгромившие австрийскую армию под Перемышлем. К лету 1915 г. выяснится, что отступающие войска, лишенные боеприпасов, оставили на полях сражений почти половину своего артиллерийского парка и потеряли свыше миллиона человек убитыми и ранеными.

Кровавые глупости непоправимы.

КОНТИНЕНТ В ОГНЕ

Стендаль

Начинается вооруженная борьба, которую не переживут четыре империи — царская, германская, австро-венгерская и османская.

После того как Пурталес вышел из кабинета Сазонова, оставив на столе ноту с объявлением войны, стремительно стали разворачиваться военные события. Дьявольская спираль, с которой Вильгельм II сорвал предохранители, раскручивалась, набирая все-европейские, а затем и глобальные обороты. В конечном счете в пылающем кольце первой мировой войны оказались 38 государств с населением свыше полутора миллиардов человек.

Из 290 дивизий, в первые недели посланных на европейские поля сражений правительствами Антанты, более половины выставила Россия. Но из-за просчетов в подготовке и оснащении, а также из-за медлительности сосредоточения (вследствие слабости транспортных средств) армия вынуждена была вступить в первые сражения лишь частью сил. К тому же с самого начала ей пришлось взять на себя то бремя систематического вызволения союзников, которое она несла на протяжении всех 40 месяцев участия России в мировой войне.

И все же наперекор всем трудностям вооруженные силы России успешно вступили в первые бои и нанесли противнику ряд оглушающих ударов. В Галицийской битве (август — сентябрь 1914 г.) четыре русские армии (Юго-Западный фронт) нанесли четырем австро-венгерским тяжелое поражение и, взломав на широком участке фронт, вынудили противника к общему отступлению. Но воспользоваться этим успехом для достижения стратегического результата Юго-Западный фронт не смог, так как у него не оказалось нужных резервов — несмотря на то что по приказу Николая II резервы были как будто выделены.

Пока в Галиции шли эти бои, на подступах к французской столице, вдоль реки Марны, изнуренные союзные войска отчаянно сдерживали напор германских армий. Над Парижем нависла смертельная угроза. Пуанкаре в письме Николаю взмолился о помощи.

Повинуясь личному приказу царя, Ставка бросила в поспешное наступление на Восточную Пруссию две армии: 1-ю — Ренненкампа и 2-ю — Самсонова. Армия Самсонова развернулась на линии Ломжа — Млава и смело пошла вперед, вначале поддерживаемая 1-й армией Ренненкампа. В районе Биркенфельд — Аугау Самсонов нанес сильные удары по центру и флангам пятившейся перед ним 8-й германской армии фон Притвица. Неся тяжелые потери, бросая технику, Притвиц в панике донес германской

Ставке (в Кобленц), что намерен отойти за Вислу, но не уверен, сумеет ли удержать и этот рубеж. Смятение охватило Германию, увидевшую на своих дорогах потоки беженцев с востока. Чтобы предотвратить катастрофу, начальник германского генерального штаба Мольтке снял с фронта на Марне два корпуса и кавалерийскую дивизию, в районе Меца сосредоточил третий корпус и перебросил эти силы в Восточную Пруссию.

В те дни командующий Северо-Западным фронтом Жилинский заверял Самсонова, что 1-я армия Ренненкампа продолжает участвовать в наступлении, поддерживая давление на противника; в действительности в критический момент подхода с запада новых германских сил Ренненкамф остановился и вышел из боя, обнажив фланг 2-й армии. Воспользовавшись неожиданно открывшейся брешью, Гинденбург, сменивший Притвица, обрушился на 2-ю армию, измотанную атаками и израсходовавшую боезапас. Она попала в тиски в районе Сольдау и была сокрушена.

Зато союзникам удалось улучшить свое положение. Ослабленная уходом на восток части своих ударных сил, кайзеровская армия на Марне была остановлена, а затем отброшена. В итоге союзники удержали фронт. На марнских берегах Жоффри надломил Клука; но удачу эту сделал возможной Самсонов, когда за Вислой, по его выражению, «расквасил» Притвица.

«Чудо на Марне» оплатили своей кровью и жизнью тысячи солдат 2-й армии, преданной Ренненкампом, а вместе с ними стал жертвой того же предательства и командующий армией Александр Васильевич Самсонов. 17 (30) августа 1914 г. в районе боев под Сольдау он покончил с собой. Двумя днями раньше Ренненкамф, бросив свои войска, бежал в Вильну.

Ожидали, что Николай II предаст дезертира и изменника военному суду. Этого не случилось. Еще некоторое время Ренненкамф подвизался на фронте в высокой командной должности. Потом, правда, было что-то вроде следствия. Кончилось оно ничем: императрица дала Ренненкампу аудиенцию, демонстративно милостиво побеседовав с ним, после чего власти фактически не могли уже ничего с ним поделать.

Следствие довела до конца Советская власть. Помянулись генералу и карательные рейды пятого года, и восточнопрусская эпопея четырнадцатого. По приговору Революционного трибунала Ренненкамф был в 1918 г. расстрелян.

15 (28) сентября 1914 г. русская армия завязывает Варшавско-Ивангородское сражение, закончившееся крупным поражением противника и отходом его на запад. 9 (22) марта 1915 г. капитулирует окруженная крепость Перемышль; взяты в плен 120 тыс. солдат, захвачены 900 орудий. С этой весны центр тяжести противоборства все более перемещается на восток, где против России действуют 120 из 268 дивизий германского блока. Убедившись, что Николай II распыляет силы и шарахается из стороны в сторону, преимущественно принаравливаясь к военным и политическим по-

требностям союзников, германское командование задумало добиться решающих успехов путем летнего наступления на востоке.

У Горлицы противнику удалось прорвать фронт. Стойкость русских солдат не могла возместить нехватку боеприпасов, скудость средств связи и транспорта, слабость службы разведки, просчеты командования. Началось массовое отступление под шквалом огня германских орудий; отвечать врагу было почти нечем — боезапас составлял три снаряда на орудие в сутки. 9 (22) июня пал Львов. Упорно сопротивляясь, армия в течение июня — июля оставила Галицию. Была потеряна также часть Прибалтики. 9 (22) августа пала крепость Ковно, брошенная бежавшими в тыл генералами Григорьевым и Меллер-Закомельским, ответственными за ее оборону. К концу лета под немецкой оккупацией оказалась вся так называемая русская Польша. Еще усилие, казалось генералам кайзера, и главная русская группировка будет выведена из строя. Но эта цель оказалась недостижимой. Потеряв пространство, сопротивляющаяся армия не дала окружить себя и сохранила живую силу. Она сумела закрепиться на оборонительном рубеже Двинск — Пинск — Тарнополь — Черновицы; здесь и заглохло австро-германское наступление.

Неудачи пятнадцатого года особенно наглядно показали народам России, что царизм не способен обеспечить эффективную оборону страны, отдает армию в жертву интересам антантовского империализма, ведет дело к катастрофе. Остались безнаказанными виновники провалов и снарядного голода, тайные и явные пособники врага в штабах и министерствах. Отстранен был только военный министр Сухомлинов (11 июня 1915 г.). Но вскоре после того, в самые горькие дни неудач, Николай II назначает на высшие военные посты других известных германофилов, в их числе Эверта — командующим Западным фронтом и фон Плеве — командующим Северо-Западным фронтом.

В этот период тяжелых для русской армии испытаний западные союзники почти ничего не сделали, чтобы облегчить ее положение хотя бы в оплату того, что она сделала для них. Снова выяснилось, что союзники больше заняты собой, трудностями русской армии мало озабочены, интересуют их главным образом ее способность, не щадя себя, отвлекать и сковывать общего противника. В самом деле, при всей серьезности весенне-летних отступлений пятнадцатого года русская армия своим ожесточенным сопротивлением дала возможность западному командованию преодолеть опасный кризис, вызванный первыми германскими газовыми атаками на Ипре, где тысячи союзных солдат бежали с переднего края, гонимые наплывающим ядовитым туманом; русскими контратаками союзное командование воспользовалось и для того, чтобы улучшить свои позиции во Фландрии, Шампани и у Артуа; получив передышку, союзники использовали ее для того, чтобы пополнить боевые запасы, усилить тяжелую артиллерию, доставить из колониальных владений воинские контингенты, за-

купить в США и перевезти через океан массу военного снаряжения.

Западные союзники, особенно Англия, намерены были вести вооруженную борьбу до победы. Несколько иначе настраиваются друг к другу определенные элементы в высших сферах Петрограда и Берлина. Там имеются люди, проявляющие первые признаки своеобразной «усталости» от разлада между двумя автократическими империями. Уже первые восемь месяцев кровопролитной войны — а каждая из сторон только за этот срок потеряла до миллиона человек убитыми и ранеными — внушили некоторым деятелям в свитах и царя, и кайзера мысль, что ни тому, ни другому никакого выигрыша это предприятие не обещает.

К весне и лету пятнадцатого года относятся первые шаги распутинской группы царедворцев, направленные на установление тайных контактов с германским правительством. Такие же шаги предприняли и немцы. Взаимно прощупывается возможность заключения сепаратного мира. На секретный меморандум-запрос Фалькенгайна (после Марны занявшего место Мольтке), насколько желательны переговоры с Россией о примирении, Вильгельм ответил «безоговорочным «да»»¹.

ЗАПОЗДАЛЫЕ БАЛАНСЫ

Теплый, лазоревый вечер над дворовыми садами старинного Владимира. Сады душисты и раскидисты, полны птичьего гомона и звона. А вот и тихая зеленая улочка за живописной крутизной городских высоток и откосов. Стоит в глубине улочки добротный каменный дом с четырех этажей, обращенный входами во двор, во внутренний садик.

В нижнем этаже дома у открытого окна сидит очень старый седой человек. Это В. В. Шульгин. Ему девяносто семь лет. Поглаживая бороду, говорит внятнм, вовсе не стариковским голосом:

— В Петрограде меня тогда называли: Шульгин, который с усиками. Теперь я — Шульгин с длинной седой бородой. Конечно, Шульгин с бородой не может говорить буквально то же самое, что говорил Шульгин с усиками*.

— Что же иное вы можете сказать сегодня, Василий Витальевич?

— Это иное я уже сказал. В «Письмах к русским эмигрантам». В одном из современных исторических журналов². Может быть, читали?

* Помещик, депутат Государственной думы трех созывов (кроме первого) Шульгин возглавлял на ее правом крыле фракцию русских националистов, активно выступал в защиту монархии и Романовых. Издатель и редактор крайне реакционной газеты «Киевлянин». Ленин неоднократно разоблачал и бичевал его реакционные воззрения.

— Конечно. И такие сдвиги во взглядах можно понять. Как-никак прошло шесть десятков лет, полных столь громадными событиями.

— Да, ровно шестьдесят лет назад, вот в такие же летние дни, в июле 1915 г., я поехал из Петрограда на фронт, в Галицию. Я побывал там не только как политический деятель, но и как офицер. Я не только всматривался в происходящее, но и участвовал в бою... ходил вместе с солдатами в атаку...

— Бывали ли вы еще и позднее в действующей армии?

— Как сказать... Если считать штаб фронта частью войск, то я был на фронте, в штабе генерала Рузского, 2 марта 1917 г., когда государь передал мне свой акт отречения от престола.

— С какими же впечатлениями вы в пятнадцатом году вернулись с фронта, из огня боев?

— Что и говорить... Увиденным и пережитым там я был подавлен. Подавлен был необеспеченностью армии. Побывал тогда, между прочим, и в полках 14-й дивизии генерала Эрдели. Той самой 14-й, которая в первый же день войны остановила немцев у Ченстохова. Теперь ее полки отступали с Карпат, и довольно беспорядочно. В тридцатом году я встретился в Париже с этим Иваном Егоровичем Эрдели, он водил такси. Покатал меня вдоль Больших Бульваров, говорил: дали бы мне тогда вдоволь снарядов, не сидел бы я теперь за этой баранкой.

— И вы ему поверили?

— Как бы не так... Детское представление о взаимосвязи причин и следствий... Детская сказочка о воробушке, который думал, что ветер бывает от того, что качаются деревья... Или еще: сказочка о том, как потеряно было королевство из-за потери гвоздя*.

— У него, у этого Эрдели, в приданной ему артиллерии действительно было мало снарядов?

— Мало. Вообще материальная часть, насколько я сам мог тогда разглядеть, была у нас слабой. Солдаты были — герой к герою. А вот пушек, снарядов, даже винтовок не хватало, и нехватка была, прямо скажу, зловещая. Сапог и шапок было вдоволь, это было, да. Но главного, с чем воюют, чего армия жаждала, давали недостаточно.

— Вы об этом в Петрограде кому-нибудь рассказывали?

* Он потом пояснил, что имеет в виду сюжет английской песенки: выпал гвоздь — потерялась подкова; пропала подкова — захромала лошадь; подвела лошадь — убит командующий; нет командующего — побежала армия. И погубило королевство:

Враг вступает в город,
пленных не щадя,
оттого что в кузнице
не было гвоздя.

— Но так бывает только в песенке для детей, — добавил Шульгин.

— А как же. Всем. И государю рассказал. Как раз в то время, помнится, он собирался в Могилев, на должность верховного, и Алексея собираясь с собой прихватить.

— Что же царь вам сказал?

— Государь внимательно меня выслушал, с моим анализом и выводами согласился.

— И что же последовало?

— Видите ли, его внешняя покладистость еще мало что значила. Он ведь охотно соглашался не только со мной. Была тогда в ходу шутивая версия. Приходит к государю министр и делает доклад. Выслушав его, государь говорит: «Я того же мнения, что и вы». Вскоре является другой министр и по тому же вопросу докладывает прямо противоположное. Выслушав и этого, государь говорит: «Я с вами целиком согласен». Вечером за столом государыня, осведомленная о делах дня, упрекает его: «Зачем ты так противоречиво действуешь, Ники? К чему, кроме несчастий, это может привести!» И он ей отвечает: «Да, Аликс, я с тобой согласен».

— Он и в самом деле легко со всеми соглашался?

— Ничего подобного. Это была видимость. Внутренне государь был упрям, невероятно упрям. Раз зафиксировался на точке, и почти никому не удавалось его сдвинуть. И это была одна из причин его гибели, хотя и далеко не самая, может быть, существенная. Его погубили, я считаю, неспособность к маневру, отвращение к инициативе, невероятное упрямство цепляния за застывшую ситуацию, равнодушие к организационным элементам любого дела, а к концу в особенности роковая недооценка продовольственного вопроса.

— Вы в Думе об этом говорили?

— Сколько раз... И с какой горячностью... Увы, ни к чему... У вас мои «Дни», кажется, имеются?

Гость достает из портфеля книгу «Дни». На заглавном листе дарственное посвящение — надписано Шульгиным в предыдущую встречу. Старик просит зачитать ему вслух несколько строк из четвертой главки (сам он по слабости зрения читать уже не может). Эти строки напоминают что-то волнующее его. Гость читает вслух, и старик, полуприкрыв глаза, в такт чтению покачивает головой. Лицо его мрачнеет. Он переносится мыслями и чувствами в прошлое, в зал Таврического дворца. А вместе со стариком мысленно переключается в ту навсегда канувшую эпоху его собеседник, сиюсья представить себе и трибуну, и стоящего на ней одного из самых блистательных тогдашних ораторов, которому внимала Россия, языком которого восхищались. («Шаляпин сделал мне комплимент по поводу моей речи:

— Так редко удастся услышать чистую русскую речь.

Это замечание в высшей степени мне польстило. Для нас, киевлян, «чистая русская речь» наше слабое место... И вдруг...»³)

Он высится на трибуне Думы, молодой, темпераментный

«Шульгин с усиками»... Взывает и предостерегает, бросая жгучие слова в замерший зал...

Будет беда, говорит он. Россия безнадежно отстает. Рядом с нами — страны высокого напряжения воли. Нельзя жить в таком неравенстве. Такое соседство опасно. Одного из опасных соседей, если не самого опасного, он называет по имени: «Германия ищет для себя выхода...» Ее «глаза жадно устремлены» на восток... Неумолчно звучит над Германией воинствующий клич — «дранг нах остен» — и раздаются глухие удары молотов Круппа... Но тщетно среди беломраморных колонн Таврического дворца призывает Шульгин «употребить какие-то большие усилия». Напрасно убеждает министров и депутатов, что перед лицом нарастающей угрозы нужны в ведении дел «размах, изобретательность, творческий талант», что требуются «изобретатели в государственном деле», нужен «социальный Эдисон».

Откуда было взяться всему этому — и размаху, и таланту, и изобретательности — в правящей группе, подточенной вырождением, ослепленной эгоизмом, увязшей в непролазной паутине зарубежных родственных и иных связей, по существу потерявшей внутреннюю связь со страной, с ее подлинными интересами и чаяниями... И колонны слышали в ответ:

— От меня требуют, чтобы я был каким-то государственным Эдисоном... Очень был бы рад... Но чем я виноват, что я не Эдисон, а только Владимир Николаевич Коковцов*.

С подкупающей непосредственностью Василий Витальевич, во-первых, признал, что на должную подготовку отпора внешнему нашествию правящая группа неспособна; во-вторых, он, в то время молодой и богатый волынский помещик, заранее извинял ей все слабости и упущения. «Конечно, Владимир Николаевич не был виноват». И всепрощающее обобщение: «Как не был виноват весь класс, до сих пор поставлявший властителей, что он их больше не поставляет... Был класс, да съездился...»⁴

Кой-какие способные кадры этот класс, конечно, еще поставлял. Но шли их дарования в несколько ином направлении. И на другой, не «социально-эдисоновской», а военно-полицейской и карательной стезе они еще способны были проявить и размах, и изобретательность, и творческий талант. Тут мерилом «изобретательности» могли бы послужить Ренненкампф с Меллер-Закомельским, образцом «творческого таланта социального Эдисона» — Зубатов с Гапоном, «размаха» же — ну хотя бы сам Василий Витальевич, который в своих мемуарах скалькулировал оплату подавления революции: «Николай I повесил пять декабристов, но если Николай II расстреляет 50 000 «февралистов», то это будет задешево купленное спасение России»**⁵.

* В. Н. Коковцов был дважды министром финансов (в 1904—1905 и с 1906 по 1914 г.), а в описываемый момент возглавлял Совет министров (занимал этот пост с 1911 по 1914 г.).

** «Задешево купленной» личной расплатой за дела, связанные с этой уста-

В таком направлении и мысль, и энергия слуг царизма работали интенсивно. И еще занимали их парадный шаг и пуговицы. За эти годы, писал после Февраля один из петроградских журналов, если в армии что-нибудь изменилось существенно, то главным образом форма одежды и знаки отличия. Уж тут действительно «прогресс шел непрерывно». Период от Порт-Артура до Гумбинена «Николай отметил такой длинной серией указов о пуговичках, кисточках, вырезках, шапочках и надписях, таким числом медалей, крестиков и всевозможных значков», что в конце концов запутались и сам царь, и его военное ведомство: «Кавалеристы стали похожи на опереточных гусар, а офицеры гвардейские и даже полицейские по кучам блямб на груди свободно могли состязаться со знаменитыми цирковыми борцами или фокусниками». Запутались сами генералы настолько, что однажды на обеде у германского посла в Петербурге военный министр Сухомлинов заговорил по-немецки с сидевшим рядом русским офицером, ошибочно приняв его по форме за прусского⁶.

И вдруг, писал Шульгин, произошло то, что должно было произойти: германскую армию бросили на Россию. И уже через несколько месяцев, побывав в одном из галицийских сражений, возвратившись с фронта в Петроград, «я почувствовал себя представителем армии, которая умирала так безропотно, так задаром, и в ушах у меня звучало:

— Пришлите нам снарядов».

Теперь-то он и заметил: «Был класс, да съездился».

Такой констатацией мог ограничиться воынский землевладелец Шульгин, но не миллионы крестьян и рабочих, которые в 1914 г. были мобилизованы, отправлены на 3000-верстный фронт и здесь увидели себя подставленными под германский ураганный огонь без достаточного оснащения ответными средствами; увидели некомпетентность некоторых из своих военачальников, увидели свою армию, себя без снарядов, без пулеметов, убедились, что бессмысленной потерей своих жизней должны оплатить неспособность господствующего класса, который «был, да съездился».

Насколько «съездился» правящий класс, частично показал сам Василий Витальевич. Уже тогда, побывав на фронте, он убедился, что русская армия, уступая врагу в оснащении, несет «жесточайшие потери», а к 1917 г. Россия потеряла 8 миллионов человек убитыми, ранеными и попавшими в плен; этой ценой она «вывела из строя 4 миллиона человек у противника». К счастью, отмечал он, страна в то время еще не знала «этого ужасного баланса смерти: два русских за одного немца». Те же, кто знал этот баланс, молчали. Одно это сопоставление, писал он, звучит как приговор. Приговор в настоящем и прошлом. Приговор «нам всем. Всему правяще-

новкой, и явилось осуждение доставленного в Советский Союз в 1944 г. Шульгина на 25 лет тюремного заключения. Милосердие советского народа даровало ему в 1956 г. свободу и права гражданина СССР, которыми он и пользовался, живя в предоставленной ему уютной квартирке во Владимире.

му и неправящему классу, всей интеллигенции, которая жила беспечно, не обращая внимания на то, как безнадежно в смысле материальной культуры Россия отстает от соседей»⁷.

Сказано сильно. И все же зря пытался Василий Витальевич подтянуть под свой приговор и «неправящий» класс. Как раз российский рабочий класс, завоевавший в октябре 1917 г. государственную власть, и явился в союзе с трудовым крестьянством той исторической силой, которая спасла от катастрофы Россию. Спасла в длительной и тяжелой борьбе с классом, к которому принадлежал Шульгин; спасла самоотверженным героическим трудом, преодолев отсталость, которую Шульгин в канун революции называл «безнадежной»; спасла, породив и воспитав новую, народную интеллигенцию, которой и в голову не придет «жить беспечно», не обращая внимания на потребности и жизненные интересы Родины.

Но «баланс смерти», которому он ужасался, — далеко не все, чего, «по счастью», не знала тогда страна. Этот баланс можно внушительно дополнить. «Съездился класс», а для России расплата по счету была тяжелая. В среднем на протяжении войны армия теряла каждый месяц 175 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. В отдельные периоды эта статистика выглядит еще мрачнее. 1915 год: с августа по ноябрь армия теряет каждый месяц соответственно 585, 418, 366 и 347 тыс. человек. 1916 год: в феврале — 293 тыс., в августе — 274, в сентябре — 334, в октябре — 364, в декабре — 278 тыс. Свои рекорды эта мельница смерти ставит в те месяцы, когда противник переходит в крупные атаки, поддерживаемые тяжелой артиллерией, а русские корпуса за недостатком техники и боеприпасов вынуждены «отмалчиваться», отвечая преимущественно штыковыми контратаками. Одним из таких месяцев и был август 1915 г., когда на жерновах неравной борьбы были перемолоты почти 600 тыс. жизней русских солдат и офицеров⁸.

Общий итог вращения жерновов.

С начала войны до крушения царизма мобилизованы были в русскую армию 14,5 млн. человек. Призывы охватили почти половину мужского населения (на каждую тысячу человек — 474 мобилизованных); по отдельным районам этот показатель был еще выше (например, в Пензенской губернии из тысячи жителей призваны были 503, в Тульской — 536). Согласно статистике Главного штаба, на 1 февраля 1917 г. потери русской армии убитыми, ранеными, контуженными, отравленными газами, пропавшими без вести и попавшими в плен составили: солдат — около 6 млн.; офицеров — свыше 63 тыс. К концу войны эти показатели изменились следующим образом: мобилизовано было свыше 15 млн.; общее число потерь (рядовые и офицеры вместе) возросло до 8 млн.⁹ Таким образом, потери превысили половину мобилизованных мужчин лучших возрастов — цвет населения России.

«Воевнули чем бог послал», — угрюмо съязвил думский депу-

тат и прапорщик В. В. Шульгин, вернувшись в 1915 г. из поездки в действующую армию. Это он повторил 60 лет спустя, в тихий летний вечер во Владимире. Надо отдать справедливость: со своейственной ему, по признанию многих, искренностью он ближе других бывших приверженцев царской империи подошел к подлинным причинам ее военного и политического банкротства. Царизм окостенел и изжил себя, стал историческим анахронизмом; в силу классового своего склеротического омертвления — «заезженности», «затасканности», потенциальной несостоятельности — был обречен.

Многие из социального стана Шульгина сумели проявить такое понимание исторических реальностей. Как правило, и до своего краха, и в особенности после него, в белоэмигрантских бегах, они оправдывали царизм, вину его перед Россией отрицали, на реабилитацию его мобилизовывали все неправды и полуправды, выискивали всяческие отговорки, чтобы перед лицом обвинительного акта истории сконструировать некое алиби абсолютизму и лично последнему царю.

В объемистом томе воспоминаний, изданных в 1930 г. в Париже, бывший полковник Назанский отвел целый раздел доказательству того, как много заботились царь и его правительство об обороноспособности страны до мировой войны. Чтобы показать, «как много было сделано в царствование Николая II для развития, усовершенствования и усиления военной мощи России», автор этот ссылаясь на «краткий перечень важнейших мероприятий военного ведомства», заимствованный из статьи генерала Е. Миллера, опубликованной в белоэмигрантском «Вестнике Союза офицеров», № 3—4 за 1928 г.

Чего только нет в этом перечне! Тут и «перевооружение полевой артиллерии», некоторые образцы которой «превзошли германские и даже французские пушки», в том числе тяжелую артиллерию. Тут и идеально налаженная работа артиллерийского ведомства, которое еще в 1910 г. «показало себя на должной высоте» при решении «вопроса снабжения армии тяжелыми орудиями крупных калибров» и снарядами, за чем «с неослабным вниманием следил сам государь». Тут и отработка планов стратегического развертывания, и пересмотр воинских уставов с учетом опыта японской войны, и усовершенствование системы мобилизации и подготовки резервистов, и создание генеральных инспекций по родам оружия, и всякие другие проблемы, к которым «государь относился с громадным вниманием... изучая их и интересуясь ходом дела... везде, где только появлялась малейшая заминка, мягко, но настойчиво своим личным влиянием устранял возникшие препятствия и добивался более быстрого движения». В результате страна вступила в войну во всеоружии средств и мощи, вполне достаточных, чтобы изгнать из пределов Российской империи восторгшегося врага.

Между прочим, Назанский ставит в заслугу царю принятие

еще до войны так называемой большой программы реорганизации армии. Рассчитанная на три года, она имела своей целью увеличить боевую силу войск, «сократить сроки мобилизации, усилить снабжение техническими средствами, от тяжелой артиллерии и пулеметов до службы связи, от искрового телеграфа до авиационных частей». Хорошая программа, только с небольшим минусом: она была «принята к исполнению в феврале 1914 г.»¹⁰, т. е. всего лишь за шесть месяцев до начала мировой войны.

И другие из беглых господ доказывали и продолжают утверждать, что мощь и ресурсы, обеспеченные царизмом, были для сокрушения военного противника более чем достаточны. На берегах Темзы, в частности, некий «Русский высший монархический совет», возглавляемый г-ном Кнупфером, скомпоновал и выдал на свет божий специальное обзорное издание — «Правда о правлении императора Николая II» — на ту же тему и с той же аргументацией¹¹.

Что же помешало этой военно-экономической машине эффективно сработать на арене мировой войны? Почему не был достигнут тот конечный стратегический результат, к которому стремился царизм?

Отвечают на этот вопрос беглые черносотенцы и белогвардейцы не колеблясь: ставили палки в колеса враги престола. Враги же — это прежде всего те, кого заклеил еще гоголевский Сквозник-Дмухановский. Во-первых, либералы проклятые, чертово семя (подкапывались под царя, намереваясь вырвать у него власть). Во-вторых, щелкоперы, бумагомараки всякие (в петроградских газетах непрестанно критиковали и позорили царскую администрацию и тем самым подорвали ее авторитет).

Отбить иноземное нашествие в мировую войну помешали государю императору «усе сопротивляющиеся» его власти, коих точно обозначил на казарменном уроке словесности купринский ефрейтор Сероштан: «так что бунтовщики, студенты, конокрады, жиды (жидомасоны) и поляки».

Снаряды иродово семя прятало. Патроны рассыпало, губило, распродало перекупщикам-спекулянтам, о чем генерал Маниковский своевременно докладывал. Вредили царю либералы, масоны и студенты (скубенты) где и как только могли. Видит бог, хотел государь Николай Александрович со своими генералами войну выиграть, все необходимое для этого обеспечил, да вот не дали ему довести дело до победы проклятые банкиры, заводчики и фабриканты.

Почему же так вышло? Оказывается, буржуазных (Милюков, Гучков) и помещичьих (Родзянко, Львов) лидеров, с одной стороны, царя, с другой стороны, разделила вражда, и не простая вражда, а лютая, непримиримая, не на жизнь, а на смерть. Вражда столь яростная, что в разгар войны буржуазия (при известном участии и помещичьих деятелей) встает на путь разрушения русской обороноспособности путем утайки снарядов и подрыва военно-промышленного потенциала, преследуя зловредную цель: вызвать

военное поражение России, выдать страну на растерзание германскому блоку, с тем чтобы поставить во главе правительства Родзянко или Львова вместо Голицына или Штюрмера.

Правда, здесь обнаруживается несколько неувязок, порождающих недоумение. Например: если война на стороне Антанты велась не в интересах русских капиталистов, помещиков и банкиров, то в чьих же интересах она велась? Может быть, пролетариата и беднейшего крестьянства? Или: когда Милюков и Гучков утаивали снаряды и патроны, чтобы срывом боепитания удушить армию, как технически-организационно они ухитрились это проделывать? Где эти миллионы снарядов прятали? А если прятали на каких-нибудь складах — куда же смотрели полиция, «охранка», верховное главнокомандование и вообще правительственные власти? Может быть, прятал снаряды сам Маниковский, начальник боепитания? Так что же, и царские генералы приняли участие в этом фантастическом разворовывании снарядов и патронов?

Излюбленным тезисом тираний, рушившихся под тяжестью своих преступлений, был в разных версиях «удар ножом в спину», как причина краха. Апологеты царизма здесь ничего не изобрели. Они тоже варьируют на все лады ссылку на «удар в спину», который в годы мировой войны был нанесен империи в то время, как она сражалась с врагом. «Удар в спину» объявил главной причиной своего падения прежде всего сам Николай II. В день отречения он записал в дневнике: *Кругом измена, и трусость, и обман*¹². Не случайно именно эти слова вынес эпитафией на титульный лист своей книги Назанский. В них — квинтэссенция белогвардейского понимания совершившегося. Царю и его помощникам очень хотелось выглядеть жертвами измены и обмана — за эту ширму лучше всего укрыться от обвинений истории. Это, считали и считают черносотенцы и белогвардейцы, лучший способ снять с царизма вину за неподготовленность России к обороне от военного нашествия, за ход и исход первой мировой войны.

С особым увлечением развивали они в эмиграции версию о некоей искусственной «дискредитации» царизма, которой якобы добивалась буржуазно-либеральная оппозиция, стремясь прибрать к рукам государственную власть. Оппозиция, дескать, сама развалила экономику, вызвала «снарядный голод», дезорганизовала администрацию, вызвала катастрофические отступления на фронте, а «раздув» ею же спровоцированные трудности и недостатки в ведении войны, изменнически сыграла на них и обратила их в пользу своим интриганским целям. Из смертельной враждебности к царизму русская буржуазия будто бы намеренно занималась вредительством, в частности утаивала от армии снаряды, чтобы добиться поражения России в войне. (Тем более адресовались задним числом такие обвинения подлинно прогрессивным и демократическим силам страны, передовым организациям рабочего класса, в особенности большевикам.) Виной всему были «вредительство», «предательство», «злой умысел» и прочее тому подобное —

все вокруг были виноваты, только не царь, не его бездарные слуги, не прогнивший насквозь царский строй.

«Смертельная враждебность» Милюкова и Гучкова царизму — абсурд. Их готовность отдать царскую армию на разгром Вильгельму, а русский капитал на съедение германской монополистической олигархии — вымысел на грани помутнения разума. Но ясно назначение вымысла: крупнейшее из преступлений царизма — гибель в империалистической войне миллионов людей — переложить на плечи его буржуазных оппонентов; тем самым обелить самодержца и освободить от исторической ответственности его режим. В действительности обе стороны несут эту ответственность в равной мере. Они были не врагами, а партнерами и союзниками. Даже соперничая и препираясь, они делали совместно одно и то же общее для них антинародное дело, единые в своей классовой природе эксплуататоров, движимые своими классово однородными интересами угнетателей и поработителей как внутри, так и вне страны. Милюков был «Дарданелльским» в не меньшей степени, чем Николай II. На Особом совещании по обороне, как описал его Шульгин, сидят рядом и одинаково радеют об увеличении производства снарядов и начальник Главного артиллерийского управления Маниковский, и главарь черной сотни Марков 2-й, и лидеры буржуазной оппозиции Родзянко с Милюковым, и типичный представитель царской бюрократии Стишинский, и прочие их коллеги¹³.

В февральские же дни Родзянко, Милюков и Гучков до последнего момента предпринимали все возможное, чтобы выручить Николая II, надумать его сманеврировать против революции, сохранить за ним трон. Когда это им не удалось и Николаю пришлось отречься, уже на следующий день на расширенном совещании буржуазно-помещичьих лидеров на Миллионной улице, 12, Милюков и Гучков снова делают судорожную попытку спасти династию Романовых, призывают Михаила возложить на себя потерянную Николаем корону; они настаивают на этом вопреки мнению других; в вопросе о сохранении романовской монархии они оказываются даже правее самого крайне правого Шульгина¹⁴. Какие же были из них принципиальные противники пресловутой романовской династии?

Органическим социальным пороком, неизлечимым маразмом были поражены и царское самодержавие, и его буржуазный партнер-соперник, рука об руку вступившие на стороне Антанты в мировую войну. В силу этих глубинных пороков, а не каких-либо «таинственных» причин все более погружались они в разруху, развал и хаос. Отсюда нехватка снарядов, нехватка винтовок; отсюда другие признаки военно-технического банкротства. Поставка же армии 40 млн. сапог, о которых Шульгин писал как о рекорде изобилия¹⁵, вовсе не была таким уж потрясающим рекордом. Армия насчитывала до 15 млн. человек, значит, за четыре года маршей, переходов, наступлений и отступлений на расстояниях в многие

тысячи верст в тягчайших условиях, по бездорожью, болотам и горам в среднем на солдата пришлось чуть больше двух пар сапог — норма более чем скромная, как знает каждый, кто был на войне.

О том, как «роскошествовала» к концу войны Россия, будто бы заваленная казенной обувью и одеждой, можно судить хотя бы по эпизоду времен пребывания Романовых в Екатеринбурге. Прогуливаясь по садику, бывший царь остановил свой взгляд на вооруженном караульном. Это был сысертский рабочий Фомин: заносенный пиджак, стоптанные полуботинки, замасленная кепка.

Николай подошел к нему:

— Вот вы под ружьем, вроде как бы солдат, а формы воинской у вас никакой нет. Почему?

Фомин ответил:

— Не во что одеться, не во что обуться. Провоевали всю одежду и обувь, нам ничего не осталось¹⁶.

С чем начинал войну Николай Романов — это как будто и тогда уже, в 1914—1915 гг., кое-кому было известно. Меньше знали, как он ее ведет, а еще меньше могли предполагать, чем кончится эта война.

СЧЕТ ВОЗРАСТАЕТ

Велики были страдания «серых солдатиков», неисчислимы их жертвы, поглощенные то бушующим, то замирающим пламенем. Трагизм этих страданий состоял прежде всего в том, что солдаты не знали, во имя чего воюют; цели и интересы «начальства», «господ» в той войне были им чужды и непонятны. Но по исторической традиции в душе русского воина, когда он выходил на поле боя, над иными побуждениями преобладало чувство воинской чести, ратного долга. Это, однако, не может снизить принципиального значения того факта, что солдаты шли на поля сражений жертвовать своей жизнью, не отдавая себе ясного отчета, за что, во имя чего они должны принести такую жертву.

Генерал А. А. Брусилов писал: «Сколько раз спрашивал я солдат в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты... Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, т. е. по капризу царя... Войска наши были обучены, дисциплинированы и послушно пошли в бой, но подъема духа не было никакого, и понятие о том, что представляла из себя эта война, отсутствовало полностью»¹⁷.

Несомненно, сочувствие к Сербии было в России громадное. Тяжесть бедствий южных славян вызывала отклик сострадания в каждом русском сердце. Возмущала жестокость агрессии австро-германских империалистов, вознамерившихся «взять за горло» маленький народ, по циничному выражению тогдашнего кайзеровского канцлера, «без всяких бархатных перчаток»¹⁸.

Но главным источником чувств солидарности нашего народа с Сербией было то, о чем писал тогда же Ленин: из всех воюющих государств только сербы боролись за свое национальное существование; только в Сербии имелось многолетнее и миллионы людей охватывавшее национально-освободительное движение, продолжением которого и стала оборона от нападения Австрии. Вместе с тем Ленин указал и на то, что этот момент не имеет серьезного значения в общеевропейской войне; идеи освободительной борьбы действительны только для Сербии, т. е. для какой-нибудь «сотой доли участников... войны... Для ⁹⁹/₁₀₀ война есть продолжение политики империалистской...»¹⁹.

Посланный царским приказом на ближние и дальние поля сражений, русский солдат повсюду, в самых трудных положениях сражался со свойственными ему доблестью и стойкостью. Но в массе своей он тогда не мог еще знать (разве лишь отчасти догадывался), что в то время, как власть имущие взимают с него дань кровью во имя своего контракта с Антантой, некоторые из них в дворцовых закоулках ткут паутину прогерманского сговора, готовясь продать кайзеру и своих союзников, и русскую армию.

Руководящим ядром германофильской группы были царица Александра Федоровна (ее настоящее имя Алиса Виктория Елена Бригитта Лониза Беатриса принцесса Гессен-Дармштадтская) и Г. Е. Распутин.

Гекатомбы жертв были нагромождены на полях сражений уже в первый год войны, и на протяжении того же года придворная пронемецкая группа невидимо и неумоимо работала на Вильгельма II, стремясь, с одной стороны, не допустить его возможного разгрома русскими вооруженными силами, с другой стороны, добиться примирения с ним в видах последующего полюбовного соглашения или даже союза.

Движущей пружиной этих происков был страх Николая II и его окружения перед революцией. Не говоря уже о мучительных для них воспоминаниях, связанных с потрясениями 1905 г., с тревогой оглядывались они и на многие события последних предвоенных лет.

То были годы нового революционного подъема в России. Организуемый и вдохновляемый на борьбу партией большевиков, рабочий класс все громче заявлял о своих правах и требованиях. Стачки протеста против расстрела на Лене, прокатившиеся по стране в апреле 1912 г., охватили 300 тыс. человек. Еще более мощная волна выступлений пролетариата ознаменовала 1 мая 1912 г.: в один только этот день состоялось свыше тысячи забастовок в 50 губерниях — больше, чем в маевку 1905 г. «Ленские события послужили поводом к переходу революционного настроения масс в массовое наступление против царской монархии и капиталистов... — отмечается в «Истории КПСС». — Отныне размах и характер забастовочного движения определяют развитие революционного подъема в целом. Но это не был возврат к пятому году.

История не повторялась. Пятый год начался с гапонады, с шествия к «царю-батюшке». Апрельско-майские стачки 1912 г. провозгласили: «Долой царское правительство!» Этот лозунг дала движению большевистская партия»²⁰.

В дальнейшем усиление большевистского влияния на массы трудящихся отмечается повсеместно. В 1913 г. большевистские организации работают во всех основных промышленных районах страны; выступления рабочих, как правило, проходят по инициативе и под руководством большевиков. В тот период царский департамент полиции в «Докладе о современном положении РСДРП» отмечал: «...элементом наиболее энергичным, бодрым, способным к неустойчивой борьбе, сопротивлению и постоянной организации, является тот элемент, те организации и те лица, которые концентрируются вокруг Ленина... Из всех революционных организаций, существующих в России и за границей, единственная, которая... успела достаточно сплотиться и зафиксировать свои лозунги и связи... это большевистская фракция Российской социал-демократической рабочей партии»²¹.

По определению В. И. Ленина, страна в то время переживала «состояние плохо прикрытой *гражданской войны*... Правительство не управляет, а воюет»²².

Для положения в те годы характерно, что министр внутренних дел Н. А. Маклаков, направив Николаю II письмо о «настроениях среди фабрично-заводского люда», выдвинул план перевода столицы на положение чрезвычайной охраны с целью подавления назревающей «смуты». С этим планом Николай II согласился, но реализацию его затормозили возражения главы правительства Коковцова. Насколько тревожной была для царского правительства обстановка в канун войны, показывает тот факт, что к лету 1914 г. общее число стачечников в России превысило уровень 1905 г. 7 июля, в день, когда прибыл в Петербург для переговоров с Николаем II французский президент Пуанкаре, в столице остановились все фабрики и заводы, закрылись магазины, замерло трамвайное движение — бастовали 130 тыс. человек. По городу прошли колонны демонстрантов с красными флагами, с пением революционных песен, произошли столкновения рабочих с полицией; впервые после 1905 г. появились в Питере баррикады. Волна революционных выступлений распространилась в те дни на другие города страны: в Москве бастовали 55 тыс. человек, в Риге — 54 тыс., в Варшаве — 20 тыс., в Харькове и Тифлисе — по 12 тыс. Можно было полагать, вспоминал потом член Думы большевик А. Е. Бадаев, что, «если бы не война, окончательный штурм царизма был бы следующим, очень быстро наступившим после июля этапом»²³.

Трудящиеся России все решительнее становились под знамя грядущей революции. Большевики спланировали их для совместной борьбы против классового врага. «Будет революция или не будет, — писал В. И. Ленин, — зависит *не только* от нас. Но мы

свое дело сделаем, и это дело не пропадет никогда. Оно посеет в массы глубоко семена демократизма и пролетарской самостоятельности, и семена эти *обязательно* дадут ростки, завтра ли в демократической революции или послезавтра в социалистической»²⁴.

Отмечалось в предвоенные годы и быстро нараставшее обострение классовой борьбы в деревне (одно из следствий столыпинской аграрной реформы), а также усиление революционных настроений в армии (волнения солдат в Киевском и Ташкентском гарнизонах, матросов в Кронштадте, Свеаборге и Севастополе). От выдвижения частичных требований трудящиеся массы России, руководимые рабочим классом, все чаще переходят к политическим действиям под лозунгом свержения царского самодержавия.

После короткого спада во второй половине 1914 г. борьба рабочего класса против царского гнета разгорается с новой силой, несмотря на условия военного времени. В 1915 г. произошли в России 1063 стачки — в 15 раз больше, чем за первое полугодие войны. Число стачечников поднялось до 569 тыс. — увеличилось более чем в 15 раз. «Чем помирать за врагов своих, — говорилось в одной из листовок иваново-вознесенских рабочих, — померем на баррикадах за постоянный мир, за свободу»²⁵. В дни, когда распространялась эта листовка, полиция устроила иваново-вознесенскому пролетариату зверское избиение. Десятки убитых и раненых — таков был итог расправы, учиненной царскими властями на улицах города.

Никакие самые жестокие репрессии не могли, однако, задержать подъем классовой борьбы. Несмотря на драконовский режим военного времени, в стране неудержимо назревал революционный кризис. Массовые выступления прошли в течение 1915—1916 гг. на шахтах Донбасса, в рабочих районах Нижнего Новгорода (в особенности Сормова), Тулы, Екатеринослава, Харькова и других промышленных центров и, разумеется, в главных из них — в районах обеих столиц. Отсюда, из очагов рабочего движения, революционное брожение в годы войны перебрасывается в деревню (разгром и поджоги помещичьих имений, «бабьи бунты», потравы полей и лугов), на национальные окраины (восстание в Казахстане), в армию (братание солдат со стачечниками и демонстрантами, антивоенные вспышки в гарнизонах и частях, в русских экспедиционных войсках во Франции и Греции). Конец 1916 г. отмечен напряженной борьбой партии за подготовку масс к революции. «Довольно терпеть! — писали в одной из своих листовок большевики Екатеринбурга. — Пора самим положить конец этой бессмысленной войне». «Готовьтесь к решительному бою со своими угнетателями», — обращались к трудящимся ростовские большевики²⁶.

Широко разливалась по стране волна народного недовольства и возмущения, эпицентр же грядущей бури определялся, конечно, в обеих столицах. Здесь формировались ведущие, ударные силы

надвинувшейся революции. Сосредоточившие более 40% всего рабочего класса России, эти два района были в годы войны очагами большинства стачек. Один Петроград дал по декабрь 1916 г. 30% участников всех стачек вообще и 75% участников стачек политических. Петроградские забастовки и демонстрации, вспыхнувшие в начале января 1917 г., в 12-ю годовщину Кровавого воскресенья, были и началом народных волнений, развернувшихся в Февральскую революцию.

Именно такого конечного исхода больше всего и боялся Николай II: разрушения его власти и трона новым, небывалым ударом очередной революционно-демократической волны. Он хочет, подстраховав себя «священным союзом» с кайзеровским рейхом, раз и навсегда «подморозить» Россию так, чтобы она не жила*. Он цепляется за свой главный и нерушимый идеал, идеал мертвенно неподвижной России, которому был непоколебимо верен на протяжении всех 23 лет царствования:

Лбом в полюс упершись, а пятками в Кавказ,
Спит непробудным сном Отчизна, Русь святая²⁷.

Тайное или явное желание замирения с кайзером во имя этого принципа звучало в устах разных лиц так:

М. М. Андронников, князь. Не будем, господа, забывать пятый год. По мне, так уж лучше пусть немцы отрубят нам хвост, чем наши мужички голову²⁸.

Г. Е. Распутин. Лучше Германия, чем революция²⁹.

Он же. Германия слишком сильна для нас, чтобы мы рискнули с ней бороться. К тому же она ничего, кроме добра, нам не делает³⁰.

В. И. Бреев, монархический лидер. Франко-русский альянс этот — несчастная ошибка, дружба ястреба с медведем: один — в небесах, другой — в лесах и оба друг другу ни на что не нужны... Для нас была бы полезнее дружба с Германской империей — дружба каменная, железная...³¹

Т. Е. Боткина, дочь лейб-медика. Они (царедворцы. — М. К.) говорили, что Россия ни в коем случае не должна бороться с Германией, так как Германия — оплот монархизма... По этой, а также по экономическим причинам мы, напротив, должны быть с ней в союзе³².

А. А. Мосолов, бывший начальник канцелярии министерства двора. Он (Фредерикс. — М. К.) считал, что для блага монархического принципа России следует поддерживать наиболее дружеские отношения с Германией. Пруссия, по его мнению, была последним устоем принципа легитимизма в Европе; в этом отношении она столь же нуждалась в нас, как мы в ней... Ни Франция, ни даже Англия, сказал мне однажды граф, не постоят за нашу династию... Они знают судьбу Самсона после того, как его остригла Далила³³.

В. Н. Воейков, бывший дворцовый комендант. Они (революционные власти. — М. К.) поставили мне в вину то, что в момент, когда до сведения государя дошло известие о начавшейся революции, я сказал ему: «Ваше величество! Теперь остается одно: открыть немцам Минский фронт. Пусть германские войска придут для усмирения этой сволочи»³⁴.

И аристократы типа Андронникова, и служаки типа Воейкова настойчиво твердили: «Не забывайте о пережитом в пятом году».

* Выражение К. Н. Леонтьева (1831—1891), публициста крайне реакционного направления.

Но дело в том, что события начала века уже не были мерилom. Народный счет Николаю II с 1905 г. namного возрос. Ведь только за два с половиной года войны русская армия потеряла столько же людей, сколько все армии союзников, вместе взятые.

Протест народный назревал не только в России. Брожение нарастало и в других концах Европы, в странах обеих коалиций. Но Романовым будущее предвещало особенные неприятности.

Посеявший ветер — пожнет бурю.

СТАВКУ В МОГИЛЕВ

Книга пророка Осии, глава 8

С осени четырнадцатого года царь много ездит по стране, по фронтовой зоне. Его дворцовый комендант потом подсчитал, что до февраля 1917 г. императорский голубой поезд (вместе со следовавшим за ним свитским) наездил более ста тысяч верст¹.

Главный маршрут: дворец — Ставка, которая при главнокомандующем Николае Николаевиче находилась в Барановичах. В первый раз царь приехал туда 20 сентября 1914 г. Поезд его укрыли в соседней ольховой рощице на специально построенной колее. Были с ним в этой поездке военный министр В. А. Сухомлинов, министр двора В. Б. Фредерикс, флаг-капитан К. Д. Ниллов, дворцовый комендант В. Н. Воейков, гофмаршал В. А. Долгоруков, генерал А. А. Мосолов и флигель-адъютант А. А. Дренгельн.

Каждое утро, ровно в 10 часов, царь приходил в штаб. В присутствии верховного главнокомандующего начальник штаба Н. Н. Янушкевич (или генерал-квартирмейстер В. Н. Данилов) докладывал ему об обстановке на фронтах. С той же пунктуальностью царь появлялся на заседаниях военного совета, которыми обычно руководил Янушкевич или великий князь. Любил сажать рядом с собой священника Г. А. Шавельского, протопресвитера русской армии и флота; о своем общении с Николаем II он поведал в своих воспоминаниях, изданных в Нью-Йорке в 1954 г.²

Сидел царь на этих совещаниях скромно, почти безмолвно. От вмешательства в обсуждения воздерживался, дяде своему не мешал, авторитет его перед генералами не ущемлял, выглядел рядом с ним просто как почетный гость. Иногда, вытащив из кармана портсигар, доставал папироску и объявлял: «Кто желает закурить, курите».

Невмешательство его в дела, впрочем, кажущееся. За спиной верховного идет возня. Под него подкапывалась придворная клика, возглавляемая Распутиным, вдохновляемая царицей. Николай Николаевич не устраивал ее ни своим необузданным нравом, ни подчеркнуто проантантовской ориентацией, ни демонстративным презрением к обступившей царицу «плебейской швали».

У Николая Длинного были основания терзаться раскаянием. Он сам лет десять тому назад помог сибирскому бродяге проникнуть в царский дворец. На первых порах по своему появлению в Петербурге, констатирует Палеолог, экс-монах «не имел более

восторженных почитателей, чем великие князья Николай и Петр Николаевичи и их черногорские супруги Анастасия и Милица». Они-то в 1903 г. и представили старца Александре Федоровне. Когда же выяснилось, что подопечный вошел в самостоятельную роль и довольно непринужденно овладел ситуацией, дойдя до такой развязности, как обращение к их величествам «на ты», было поздно. Тщетно заклинал племянника долговязый дядя «прогнать гнусного мужика». Его величество не только не внял этим уговорам, но и счел долгом досконально осведомить Григория Ефимовича о ненавистнических домогательствах своего дяди. «С тех пор, — отмечает Палеолог, — Распутин не расставался с мыслью об отмщении»³.

Как только сложилась благоприятная для этого обстановка — неудачи на фронтах, перелом в настроениях двора в пользу сепаратного мира, противником которого был верховный главнокомандующий, — старец дал Длинному бой и быстро сбил его с ног. Склока, в которой смешались и разноразличной политической ориентации, и личная взаимная ненависть, кончилась тем, что 23 августа 1915 г., следуя настойчивым рекомендациям Распутина, поддерживаемым царицей, царь отстранил от должности дядю и назначил верховным главнокомандующим самого себя.

Так и не успев Длинный осуществить свою заветную мечту, которой он еще в конце 1914 г. делился со штабными офицерами: буде Григорий Ефимович мелькнет в Ставке или хотя бы где-нибудь во фронтовой полосе, повесить его на первом же суку с последующим извинением перед царской четой за недоразумение, объяснимое условиями военного времени. Генерал Деникин подтвердил в своих мемуарах, что такое намерение было: «Попытка Распутина попасть в Ставку вызвала угрозу Николаю Николаевичу повесить его. Тем же грозился отрицательно относившийся к нему Алексеев»⁴.

В истории самоназначения на пост верховного сыграли роль и его собственные скрытые счеты с дядей. Царь не вполне доверял личной лояльности Николаю Николаевичу, с подозрением поглядывал на честолюбивые замашки этого крутого характером родственника — военного-профессионала, который, держа в волевых руках 12—15-миллионную армию, обращал в свое личное прославление малейший ее успех; затем, не без толчка со стороны дворцовых интриганов и шептунов, царь начал подозревать Длинного в тайных замыслах захвата трона. Враги великого князя, распутинцы, наущничали во дворце о такой опасности для царя⁵. К весне 1915 г. они особенно усердно распространяли слухи о «грядущей диктатуре Николая Николаевича, а может быть, о его восшествии на престол... — пишет Мосолов. — Знает об этом контрразведка, не может не знать государь. Попали ли в его руки какие-либо доказательства — не знаю, но с этого времени их (царя и царицы) переписку пронизывают ноты опасения перед возрастающим влиянием великого князя...»⁶.

Решение о самоназначении принято не без некоторых колебаний (царь покраснел, когда впервые заговорил в узком кругу о своем намерении). На министров же этот его шаг произвел особое впечатление.

6 августа 1915 г. заседает Совет министров. Председательствует глава кабинета И. Л. Горемыкин. Слово берет военный министр Поливанов, возвратившийся из Царского Села.

Поливанов. Господа, как ни ужасно то, что происходит сейчас на фронте, назревает еще одно событие, которое, может быть, страшнее всех, угрожающих до сих пор России. Во время моего сегодняшнего утреннего доклада его величество объявил мне: великий князь Николай Николаевич с должности верховного главнокомандующего отстраняется.

Голоса. И кто же на его место?

Поливанов. Разве вам это не ясно само по себе, господа?

Горемыкин. Кто?

Поливанов. Сам его величество.

В протоколе записано: *Весть эта вызывает среди министров сильнейшее волнение.*

9 августа кабинет снова заседает. Берет слово военный министр.

Поливанов. Господа, должен прямо сказать вам: на новом приеме у его величества я не счел себя вправе умолчать о том, какие возможны последствия, если его личное предводительство не улучшит положение на фронте... Подумать жутко, что будет, если государю императору самому придется отдать приказ об эвакуации Петрограда или, не дай бог, Москвы. Однако его величество выслушал меня и сказал, что его решение неизменно.

Сазонов. Речь идет о судьбе России. Знали бы мы раньше, мы, может быть, оказали бы противодействие этому решению государя, которое я не могу назвать иначе как пагубным...

Горемыкин. Я его не осуждаю. На фронте почти катастрофа. Он считает своей священной обязанностью царя быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть... Нам остается склониться перед его волей и помогать ему...

Сазонов. Нет! Мало кто верит в твердость характера государя... Все это ужасно... Россию толкают в бездну...

Кривошеин. Надо протестовать, умолять, настаивать, просить... надо удержать его величество от этого шага... Народ еще со времен Ходынки и японской кампании считает государя царем несчастливым, незадачливым...

Щербатов. Несомненно, это решение государя будет истолковано как результат влияния пресловутого Распутина...

Самарин. Надо пойти к государю и на коленях его умолять...

Харитонов. Неуявися, что будет...

Голоса. Что? Что? Что будет?

Заседание закрывается.

На следующий день опять заседание. Напряженная тишина. Встает премьер.

Горемыкин. Господа, позвольте довести до вашего сведения. По поручению его величества военный министр уехал в Ставку, чтобы подготовить передачу верховного главнокомандования⁷.

Единодушного «за» не было даже среди приверженцев Распутина. Считался таковым, например, Фредерикс, но, «когда царь

сказал ему о своем решении (принять главнокомандование), граф сразу запротестовал»⁸. И другие тоже «предостерегали его против опасного шага... Мотивы были: а) трудность совмещения управления (страной) и командования; б) риск ответственности за армию в столь тяжелые для нее времена». И еще был страх, что «недостаток знаний и опыта у нового верховного еще более осложнит военное положение»⁹. И в самом деле, «все знали неподготовленность государя, достигшего на военной службе лишь скромного положения полковника одного из гвардейских полков». Естественно, что его самоназначение было встречено, как правило, «недоверием и унынием», и главным тут было то, что «весь его внутренний облик мало соответствовал грандиозному масштабу этой войны»¹⁰.

Тем не менее смена верховного состоялась. 20 августа 1915 г. Николай II приказал Ставке перебраться из Барановичей в Могилев, а вскоре выехал туда и сам. 23 августа императорский поезд подошел к могилевскому перрону. За станцией раскинулся сравнительно небольшой город, где до сей поры на положении провинциального сатрапа распоряжался губернатор Пильц. Из вагона новый верховный главнокомандующий вышел в сопровождении вновь назначенного (на место Н. Н. Янушкевича) начальника штаба Ставки генерала М. В. Алексеева, в недавнем прошлом командовавшего Северо-Западным фронтом.

В тихом городке с трамвайной узкоколейкой и разбитыми тротуарами, среди приземистых домиков и уютных сквериков отведены для штаба верховного несколько отгороженных зданий, на крышах которых поставлены для защиты от цеппелинов и аэропланов 18 пулеметов. Наружную и внутреннюю охрану несут полторы тысячи солдат. В одном из домов, двухэтажном, царь занимает две комнаты: одна служит рабочим кабинетом, другая спальней. Рядом со своей кроватью Николай позднее велел поставить койку для наследника, которого повалился возить на фронт для показа войскам*. Здесь последний царь и будет с помощью Алексеева полтора года упражняться в высшей военно-стратегической деятельности, пока не оборвет ее Февраль 1917 г.

Распутин, интригуя против Николая Николаевича, знал свою цель, видел, куда метит. С августа 1915 г. начинаются сдвиги не только в аппарате военного руководства, но и в системе общей администрации. Смещаются центры тяжести в механизме управления страной. Суть перемены отметил довольно точно А. А. Блок: «Став верховным главнокомандующим, император тем самым

* Пресса Шпрингера находит забавным эпизод, характеризующий конфузное раздвоение цесаревича Алексея между своими родителями. В коридоре Ставки генерал встречает хнычущего наследника. — Что с вами, ваше высочество? — Алексей отвечает: — Когда бьют русских, удручен папа. Когда бьют немцев, горюет мама. Скажите, а в каком случае огорчаться мне? (Welt am Sonntag (N 29). 1968, 21. VII. S. 27).

утратил свое центральное положение, и верховная власть... окончательно распылилась в руках Александры Федоровны и тех, кто за ней стоял»¹¹.

ЛИКВИДИРУЮТ УЛИКИ

С той весны многое пережили и страна, и армия. Прогремели жестокие сражения. Испытана горечь беспримерных потерь. А в тылу, в закоулках притихших дворцов, их обитатели продолжали свое, плели сети большой интриги. Ее суть: замирение с кайзером. Цель: спасение обоих тронов — и своего, романовского, и родственного, гогенцоллернского.

Приглашалась активность армии и другими обстоятельствами. Но не последнюю роль сыграли и эти интриги. Нити их ведут к царице, и не всегда в обход царя.

Он воюет, но охоты воевать у него все меньше. Интерес к участию в антантовском предприятии заметно падает. Все слабее его вера в благополучный исход этого предприятия, все меньше у него доверия к тем, кто с его именем на устах должен умирать. Послу Бьюкенену, однажды прибавившему к поздравлению несколько ординарных слов о доверии народа к государю, Николай возразил на своем безупречном английском языке: «Вы говорите, дорогой посол, о доверии народа ко мне. Не следовало ли бы скорее моему народу позаботиться о моем к нему доверии?»¹²

Он сомневается в готовности России погибать за трон его предков. Русские люди должны доказать ему, что достойны такой высокой чести. Беседуя с Бьюкененом, он как бы еще размышляет про себя, стоит ли дальше воевать. Но по сути дела, раз все определеннее вырисовывается опасность для него лично и его семьи, он не прочь просигнализировать — очень осторожно — берлинским родичам, что в общем и целом воевать ему больше не хочется.

Многие белогвардейцы, монархисты, а вкуче с ними советологи и сочувствующие им отрицают эту страницу заключительной летописи русского царизма. Никакую, пожалуй, закулисную интригу той поры не оспаривают они с такими затратами чернил и страсти, как эту: попытку царя и кайзера в разгар мировой войны, на нагроможденных ими горах трупов, заключить между собой полюбовную фамильную сделку.

Одну из адвокатских операций такого рода предпринял еще в начале 20-х годов через белоэмигрантское издательство «Двуглавый орел» и с помощью Н. Г. Тальберга и Б. В. Гаранина пресловутый юридический перевертень В. М. Руднев. Когда-то Керенский вызвал прокурора Руднева из Екатеринослава в Петроград и включил его в состав Чрезвычайной следственной комиссии по делам о преступлениях царского режима. Полгода трудился в комиссии Руднев над доказательством того, что «темные силы» во дворце были и что за спиной «истекающей кровью» армии

они «подло заигрывали с врагом». Так он заявил в интервью корреспонденту газеты «День» 27 июня 1917 г. Очутившись же в белой эмиграции, он принялся доказывать прямо противоположное: якобы никаких темных сил в петроградских дворцовых сферах не было и «никакой одновременной двойной игры с русской армией и с военным противником никто из органов высшей власти не вел». Этому тезису он и посвятил изданное совместно с двумя соавторами специальное сочинение¹³.

Злостью исходит на страницах этой книжки Н. Г. Тальберг — сын того Тальберга, который в 1919 г., будучи в Омске «управляющим министерства иностранных дел», по указанию «верховного правителя» снабжал западные военные миссии в Сибири данными колчаковского следствия о казни Романовых¹⁴. В разделе «Кара божия» Тальберг-младший проклинает Россию за то, что она, «поклонившись революционному Молоху», тем самым «тяжко согрешила» перед Николаем II; одним из «прегрешений» была, считает он, «поползшая со змеиным шипением гнусная клевета», в особенности связанная с «обвинением в измене императрицы Александры Федоровны». Сколь причастны к этому большевики — и говорить нечего. Не менее возмутительно то, что оговорить Александру Федоровну помогли «все эти Гучковы, Милюковы, Родзянки, Львовы, Винаверы, Маклаковы», «наиболее позорные личности из эпохи русского лихолетья», «крестные отцы революции»¹⁵. Не лезет за словом в карман и Борис Гаранин: «Треплются в грязи кристально чистые, незапятнанные имена государя и императрицы»: следовательно Руднев «не нашел ничего, ни одного факта, который подтвердил бы обвинения». Из всех обвинений, предъявленных царской чете, «ни одно никогда не было подкреплено хоть каким-нибудь самым слабым доказательством: все они до единого были плодами злостных измышлений»¹⁶.

Что же говорит сам бывший следователь? Из пространной записки, составленной им в Екатеринославе 28 марта 1919 г., явствует, что в 1917 г. только обыск у Андронникова занял два дня, изъятое у него громадное делопроизводство перевозилось в резиденцию Чрезвычайной комиссии (в Зимний) на двух автомобилях. Не меньше было хлопот с архивами царя и царицы, великих князей, Воейкова, Бадмаева, епископа Варнавы и др. И что же? Ни следа заговора или чего-либо в этом роде. Правда, в Александровском дворце Вырубова в большом количестве жгла какие-то бумаги. Пришел Руднев и был «поражен выражением ее глаз: оно было полно неземной кротости». Что касается Распутина, то следствием под руководством А. Ф. Керенского не было добыто «решительно никаких указаний» «на какое-либо его вмешательство в политическую жизнь»¹⁷.

Какова была добросовестность этих утверждений, можно судить по такой же примерно правдивости подсчетов состояния Распутина. По этому поводу съязвил даже матерый белогвардеец Н. А. Соколов: «Руднев считает Распутина бедняком, бес-

сребреником. Между тем мной установлено, что только в Тюменском отделении Государственного банка после его смерти оказалось 150 тыс. руб.»¹⁸.

Белоэмигрант С. П. Мельгунов на протяжении полувека сотни страниц своих сочинений посвятил утверждению, что «у Николая II не могла родиться в мозгу даже мысль о сепаратном мире», поэтому «легенда» о заключении такого мира «должна быть отнесена к числу направленных против царя самых грубых и сугубо несправедливых клевет»¹⁹.

Примерно с той же позиции высказывались в свое время бывшие лидеры «февральской демократии», включая тех, кто в эмиграции давал показания Н. А. Соколову. По мнению бывшего премьер-министра Временного правительства князя Львова, «невиновность царя и царицы установлена». Повторил это утверждение бывший заместитель министра юстиции Переверзев. Керенский 14 августа 1920 г. показал Соколову: личные беседы с Романовыми в 1917 г. убедили его в том, что «он сам, он один, он, Николай II, не был изменником», т. е. никакого соприкосновения с Вильгельмом II в ходе войны за спиной борющейся армии не имел. Однако в том же соколовском протоколе есть иные показания того же Керенского: «Я считаю должным установить следующий факт. В документах (в Царском Селе) было обнаружено письмо императора Вильгельма к государю, в котором Вильгельм на немецком языке предлагал заключить сепаратный мир. Был обнаружен ответ на это письмо, оказавшийся в виде отпуска (копии. — М. К.) в бумагах. По поручению Николая кем-то (положительно не могу припомнить, кем именно) по-французски было сообщено Вильгельму, что государь не желает отвечать на его письма. Этот факт известен был и Следственной комиссии... Он имел место в 1916 г.»²⁰.

Выходит, сношения Николая с Вильгельмом все же были. Вот только кто именно посредничал, через кого шла связь, кем делались «отпуска» и кто был посвящен в содержание переписки с Вильгельмом — этого Керенский всего лишь через три года положительно не мог вспомнить, хотя куда более обширные данные на сотни мемуарных страниц извлекал из своей памяти и через 50 лет.

На самом же деле, как только за четой Романовых шелкнут засовы, они принялись в своих апартаментах в Александровском дворце жечь бумаги в печах и каминах (в чем и постаралась помочь им Вырубова). Засвидетельствовал это прежде всего сам Николай. 23 марта 1917 г. он записывает в дневнике: *Приводил в порядок и жег бумаги*. Через несколько дней: *Продолжал сжигать письма и бумаги*²¹.

Тем же занята Александра Федоровна: она сожгла до шести пудов бумаг, в том числе около 500 писем от иностранных адресатов. Видели это все. Знал об этом и министр юстиции Временного правительства Керенский, отвечавший за арестный режим во двор-

це. Но не пытался воспрепятствовать. Знали и тогда же говорили об этом придворные. Фрейлина Ден, например, пошучивала, что Вырубова ходит по дворцу «почерневшая от каминной гари, как истопница», называла ее «мадам Печная Вьюшка»²².

Об этом свидетельствуют и белые эмигранты, обратившиеся в советологов. «С помощью дорогой Ани (Анны Вырубовой), — пишет один из них, — Александра посвятила себя задаче критической важности — она принялась сжигать всю свою личную переписку, все письма Распутина, все тетради своих дневников. Более десяти ящиков ценнейших документов, которые несомненно могли бы пролить свет на отношения императрицы с ее «кликой», в ту ночь превратились в дым»²³.

Были сожжены многочисленные оригиналы обращений к Романовым их германских родственников. Адвокаты Романовых ссылаются на отсутствие какого-либо подтверждения этой переписки с той стороны. Ничего удивительного. Преемники кайзеровского рейха довольно аккуратно хранят важные секреты. Боннские архивариусы редко выпускают что-нибудь из своих хранилищ. Кое-что, однако, нет-нет да и появляется.

Например, в 1967 г. на страницах гамбургского журнала «Штерн» Себастьян Хаффнер предал огласке извлеченное из западногерманских архивов письмо кронпринца, относящееся к 1915 г. «Я считаю, — писал сын Вильгельма II герцогу Гессенскому для передачи своей петроградской кузине, — что нам совершенно необходимо заключить с Россией мир...» Во первых, «слишком глупо, что мы терзаем друг друга»; во-вторых, «если мы оттуда (из России) оттянем наши военные силы, то получим возможность рассчитаться с французами». И деловое поручение: «Не можешь ли ты связаться с Ники и посоветовать ему столкнуться с нами по-хорошему?.. Только пусть он вышвырнет вон это дерьмо — Николая Николаевича»²⁴.

«Вышвырнули» Николая Николаевича несколько позже, в августе. А до этого были приняты меры, чтобы восстановить фамильные контакты. Правда, в канун нового, 1915 г. на приеме во дворце Николай еще раз заверил французского посла в своей верности союзу²⁵. Однако имеются признаки того, что, не будь поданы из Царского Села сигналы о склонности «столкнуться по-хорошему», вряд ли предпринял бы Потсдам свои акции зондажа. Выделяется среди них акция, которой по имени ее героини можно было бы дать кодовое наименование: операция «Фрейлина Васильчикова».

Мария Александровна Васильчикова была дочерью директора Эрмитажа гофмейстера Васильчикова и жены его, урожденной графини Олсуфьевой; в 1880 г. стала фрейлиной царицы. Из ее письма 1917 г. видно, что она переселилась из России в Австрию в 1906 г., там купила имение, где и проживала вплоть до начала мировой войны. Среди ее ближайших друзей был царский генерал Скоропадский (тот самый, которого немцы в

1918 г. в Киеве провозгласили «гетманом всея Украины»). С началом войны здешние власти Васильчикову не тронули (хотя других русских подданных интернировали или бросили в тюрьму); она оставалась «совершенно свободной», могла «пользоваться телефоном, переписываться, принимать у себя друзей»; было лишь одно ограничение: ей запретили выезжать из имения²⁶. Но вскоре и этот запрет отпал.

В имении Васильчиковой появились однажды трое господ и обратились к ней с деликатным предложением. Результатом этой и последующих встреч были три письма, посланные Васильчиковой в Россию государю императору: два — из Австрии от 15(28) февраля и 4(17) марта, третье — из Берлина от 14(27) мая того же, 1915 г. Суть дела достаточно полно отражена уже в первом письме, о котором говорит следующая запись в секретной, так называемой поденной записи русского министерства иностранных дел:

Шведский посланник привез барону Шиллингу (советнику русского министерства иностранных дел. — М. К.) полученный им из Стокгольма пакет, заключающий в себе письмо на имя государыни императрицы Александры Федоровны от М. А. Васильчиковой. Как оказалось позднее, в это письмо было вложено другое, также от М. А. Васильчиковой, на имя государя императора, который 28 марта переслал таковое министру иностранных дел. Тут же поясняется: оставшаяся во время войны в своей вилле «Клейн Вартенштейн» на Земмеринге в Австрии фрейлина Васильчикова теперь сообщает его величеству, что ее посетили три влиятельных лица (два немца и один австриец), которые, указав на тяжелое положение, в котором в результате войны очутились Германия и Австрия, а также ссылаясь на отсутствие в этих странах враждебного отношения к России, попросили ее (Васильчикову) обратиться к государю императору, миролюбие которого общеизвестно, и умолила его прекратить губительную войну ввиду того, что в Германии и Австрии уже вполне убедились в силе русского оружия. В случае благожелательного отношения его величества к этому ходатайству уполномоченные от Австрии, Германии и России могли бы съехаться где-нибудь в нейтральном государстве, причем Россия могла бы рассчитывать на весьма примирительное отношение к ее пожеланиям...²⁷

В этой записи опущены детали: а) Васильчикова напоминает царю, что 15 лет назад он был инициатором созыва Гаагского мирного конгресса и уже по одному этому должен стремиться к прекращению настоящей войны; б) она призывает его остановить своим «могучим словом» кровопролитие, пока воюющие стороны находятся в равном военном положении; что же касается сильно интересующего Россию вопроса о Дарданеллах, то «стоит русскому царю пожелать», «и проход через проливы будет для него свободен». Второе письмо в основном повторяет первое (оно послано из опасения, что первое не дошло до адресата)²⁸.

Третье (берлинское) письмо более весомо, поскольку к этому времени с Васильчиковой, приглашенной в Германию, беседовал уже фон Ягов, кайзеровский министр иностранных дел, а по некоторым данным, и сам кайзер. Они прямо попросили ее передать царю, что «Германия желает прекратить войну с Россией». Ту же просьбу повторил Васильчиковой, приглашенной в Дармштадт,

великий герцог Гессенский, брат царицы. Это свое третье письмо к царю Васильчикова заключает следующими строками: «Оно будет вручено дежурному флигель-адъютанту для передачи в собственные руки вашему величеству... Я смею просить ваше величество приказать мне дать ответ, который я могла бы передать фон Ягову... Если ваше величество решит с высоты вашего престола произнести слово «мир» и если вы назначите доверенное лицо, одновременно такое же лицо будет послано отсюда для первых переговоров»²⁹.

Напрасно сомневалась Васильчикова в судьбе подметных писем, продиктованных ей Вильгельмом и Францем Иосифом. Они все дошли по назначению, и довольно быстро. «Посылаю тебе письмо Маши из Австрии, — можно прочитать, например, в депеше Александры Федоровны супругу от 9 марта 1915 г. — Ее там просили написать тебе в пользу мира»³⁰. И сам прочитал, и ближайшим доверенным дал: Николаю Николаевичу, Сухомлинову, Сазонову, Кудашеву (представителю МИДа при Ставке). «Вильгельм, — записывает Сухомлинов 24 марта в своем дневнике, — закидывает удочки через лиц, находящихся за границей и близких государю»³¹. Обмен посланиями сопряжен для Романовых с большой опасностью, поэтому они конфиденциально вызывают Васильчикову домой. Австро-германская разведка, обычно жестокая и бескомпромиссная, на этот раз русскую фрейлину почтительно выпускает. Более того, сама любезно доставляет ее на границу, выделив для сопровождения четырех агентов.

РАЗВЕЯНО С ДЫМОМ

Через шесть месяцев после своего третьего (берлинского) письма Николаю II, 19 ноября 1915 г., фрейлина Васильчикова прибыла на русскую землю. Первые минуты оказались для нее неприятными. Офицеры 6-й армии (Северный фронт) задержали ее, привели в свой штаб и подвергли допросу. Предъявив пропуск на переход границы, выданный русским посольством в Стокгольме, фрейлина объяснила, что едет в Россию по семейным обстоятельствам, выезду ее из Германии содействовал великий герцог Гессенский, назад она отправится «дней через 12—15». Начальник штаба армии генерал Бонч-Бруевич телеграфирует о задержанной генералу Алексееву, начальнику штаба Ставки. К своему удивлению, он получает от Алексеева телеграмму: «Васильчикову пропустить. Досмотр не нужен. Наносить личные унижения тоже нет надобности». Несомненно, за этими указаниями Алексеева стояли царица или царь.

Васильчикова без осложнений провезла через границу пачку писем кронпринца, великого герцога Гессенского, принцев и принцесс прусских и баварских. Были переданы письма царской чете, великим княгиням Елизавете Федоровне (сестре царицы) и Марии

Павловне (бывшей принцессе Мекленбург-Шверинской), С. Д. Сазонову, А. М. Голицыну, А. Д. Самарину. Обличая Васильчикову с думской трибуны, Родзянко в те дни заявил, что она добивается, хотя и тщетно, приема у Сазонова. Он ошибался: к этому времени Васильчикова на приеме у министра иностранных дел уже была³².

Пока она жила в «Астории» (где кем-то заранее был заказан для нее один из лучших номеров), в ее отсутствие С. П. Белецкий, глава департамента полиции, на свой страх и риск произвел обыск. После Февральской революции он говорил (в следственной комиссии), что среди бумаг обнаружил письмо Франца Иосифа к Васильчиковой, инструкции Бетман-Гольвега и Эрнста Гессенского к возможным ее встречам в Петрограде и т. п. Он, Белецкий, хотел дать этим материалам ход, но это оказалось невозможным. Вскоре Васильчикова перебирается в Царское Село и поселяется вблизи императорского дворца.

Еще одно послание царице было доставлено раньше. Весть о нем летит в Ставку 17 апреля 1915 г.: *Я получила длинное милое письмо от Эрни. Он пишет: если кто-нибудь может понять его (то есть тебя) и представить себе его переживания, то это я. Он крепко тебя целует... хотел бы найти выход из сложившейся ситуации и полагает, что кому-нибудь следовало бы приступить к наведению моста для переговоров. У него возник такой план: неофициально направить в Стокгольм доверенного, который там встретился бы с человеком, столь же частным путем присланным тобою, и вместе они разрешили бы преходящие затруднения. План его исходит из того, что в Германии не питают действительной ненависти к России.*

В дальнейшем уточняется, что этот план уже реализуется: *Два дня тому назад Эрни распорядился послать туда (в Стокгольм) к 28-му одно лицо, которому сказано пробыть там с неделей... Я немедленно написала ответ и через Дэзи послала в адрес этого господина. И сообщила ему, что ты еще не возвратился (из поездки в Ставку)... Конечно, В. обо всем этом абсолютно ничего не знает. Эрни пишет, что они (немцы) стоят во Франции, а также на юге и в Карпатах прочной стеной. Они утверждают, что уже захватили 500 тысяч наших пленных. В общем все письмо милое и любезное. Оно доставило мне большую радость*³³.

Эрни — родной брат царицы, Эрнст Людвиг Гессенский, великий герцог; Дэзи — наследница шведского престола принцесса Маргарет, приятельница Александры Федоровны; В. — Вильгельм II, который «ничего не знает», словно Эрни мог начать организацию тайных переговоров с царем о мире, не получив полномочий от кайзера. Сама Александра Федоровна не заблуждается на этот счет, она вполне оценила авторитетность запроса и, не дожидаясь возвращения супруга, за него и от его имени «немедленно написала ответ».

Каков был этот ответ? Были ли другие письма и ответы на них?

Тайну этой переписки поглотила куча золы в царскосельских каминах. И все же, как давно замечено, нет ничего тайного, что не стало бы явным.

Исследованиями известного советского историка К. Ф. Шацило документально установлено, что весной 1915 г. с ведома и согласия Николая II был послан в Германию специальный агент для переговоров с кайзеровским правительством. Им был В. Д. Думбадзе (племянник ялтинского градоначальника генерала И. А. Думбадзе). Он пробыл с 24 мая по 11 июня 1915 г. в Берлине, где встречался с видными представителями правящих кругов, с руководителями германской разведки (в частности, с пресловутым Люциусом), вел с ними переговоры, о чем по возвращении официально доложил рапортом начальнику Главного управления Генерального штаба генералу М. А. Беляеву. Позднее Думбадзе в связи с делом Сухомлинова был привлечен к уголовной ответственности и приговорен к смертной казни. Николай II не стал реабилитировать своего посланца, но «милостиво» заменил ему казнь 20 годами каторги³⁴.

В дальнейшем попытки наладить контакты возобновляются. Кто потом ездил из Петрограда за границу по этим темным делам, с кем встречался в Стокгольме и Берлине — об этом шпрингеровские и демохристианские публицисты и архивариусы умалчивают. Царскосельская же документация, как сказано, стала золой в каминах. Не исключено, что эмиссар кронпринца просидел неделю в Стокгольме напрасно. Потому что, учуяв неладное, подняли шум в прессе и Думе проантантовские политики.

Со своей стороны ощутили и Романовы, что играют с огнем. Это видно из письма Александры Федоровны супругу от 5 января 1916 г.: *Миша Бенк сказал у Павла, что Маша является передатчицей писем от Эрни к нам. А сказала, что ничего не знает. Павел же утверждал, что сказанное Мишей — правда. Кто же Павлу все это рассказал? В прессе, кажется, опубликовано письмо к Маше от княгини Голицыной, ужасное письмо, в котором Маша обвиняется в шпионаже и прочих преступлениях, но я этому по-прежнему не верю, хотя и считаю, что она (Васильчикова) поступила во многом необдуманно и, опасаясь, из жадности к деньгам. И вместе с тем как мне неприятно, что мое имя опять упоминается рядом с именем Эрни*³⁵.

Маша — все та же неугомонная Васильчикова; А. — Анна Вырубова; Миша Бенк — гофмаршал двора Бенкендорф; Павел — великий князь, дядя царя. Очевидно, во дворце произошел спор на тему о похождениях Маши и было высказано мнение, что она занимается непотребным делом. Логика комментария Александры Федоровны к состоявшейся дискуссии неотразима: а) никаких германских происков нет; б) но кто же о них разболтал? в) вероятно, сама Маша, она не умеет держать язык за зубами; г) не то плохо, что Маша за оказываемые ею немецким доверителям услуги берет деньги, а то, что ее одолевает жадность к деньгам;

д) Эрни хотя и брат родной, но в данной ситуации неприятно быть названной рядом с ним.

Неприятным стало соглядатайство Васильчиковой. Летом 1916 г. в очередном письме в Могилев уходит жалоба: *Мария Васильчикова поселилась в зеленом угловом доме и оттуда, из окна, как кошка, следит за всеми, кто входит и выходит из нашего дворца... Изу (фрейлину Буксгевден) она извела разными расспросами: почему дети в одном случае вышли из ворот пешком, а в другой день выехали из других ворот на велосипедах; почему утром офицер вышел в мундире и с портфелем, а вечером появился в другой одежде и без портфеля и т. д. Она рассказывает графине Фред. (Фредерикс) о каждом случае, когда к дворцу подъезжает Гр. (Распутин), — как это отвратительно! Чтобы наказать ее, мы сегодня пошли к А. (Вырубовой) окольной дорогой, так что она и не увидела, как мы вышли и куда пошли*³⁶.

Скомпрометированная фрейлина в свою очередь скомпрометировала Романовых. Это становилось для них опасным. Поэтому, когда подвернулся подходящий момент, государыня императрица через адъютантов дала знак полиции, и Васильчикову по этапу препроводили в селение Милорадовичи в Черниговскую губернию. Предприятие, ради которого она приехала в Россию, продолжали другие лица.

В премьерство Б. В. Штюрмера, креатуры Распутина, придворной германофильской группе удалось довести дело до фактического открытия в Стокгольме тайных русско-германских переговоров. Кайзера представлял банкир граф фон Варбург, Николай II — А. Д. Протопопов, который прикрылся участием в парламентской делегации, приглашенной в Англию, и проездом остановился в шведской столице, якобы по личным делам³⁷. Оборвало эти переговоры неожиданное происшествие, случившееся во дворце Юсупова на набережной Мойки в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г., — убийство Распутина.

Васильчиковой после этого пришлось совсем несладко. Ее не слишком жаловали в петроградском обществе и в те дни, когда она еще обитала в «Астории». Уже тогда она жаловалась на отношение к ней всех, даже родственников: никто не хочет с ней знаться, не подает руки. После Февраля пошло и того хуже. Поэтому она то и дело подает голос из Черниговской губернии, вызывает о справедливости к редакциям центральных газет. Ее оклеветали. О ней говорят небывлицы. Взять, например, апрельскую книжку «Исторического вестника» за 1917 г. Что там о ней сказано? Будто бы она помогла кайзеру в его политико-диверсионных операциях против России. Разве там есть хоть крупинка правды? Чистая выдумка!..

Как и что она опровергает? Никакого отношения ни к каким политическим делам она, Васильчикова, не имела и не имеет. Но сказано в том же письме в редакцию газеты «Русское слово»: «В мае 1915 г. некоторые лица в Германии, у власти стоящие, просили

меня написать государю Николаю II о желательности мира», что она и сделала. О сепаратном мире она никогда не слышала и даже не знает, что это такое. Но: в Дармштадте великий герцог Эрнст Людвиг попросил ее «передать государю о желании Германии прекратить войну». О том, что в «Астории» в 1915 г. у нее был обыск и найдены документы, она впервые узнала только теперь, в 1917 г. Что найдены были у нее в чемодане письма — «выдумка и ложь, так как таковых не было». Но: было письмо от герцога, привезла его из Германии, постаралась передать царю. Ни с кем из официальных лиц она по приезду в Россию не встречалась. Но: к Сазонову ездила, ему тоже передала письмо. У нее и в мыслях не было по приезду в Россию вступать с кем-нибудь в переписку. Но: прибыв в Петроград, написала и царю, и М. В. Родзянко, и Б. А. Васильчикову, и А. Д. Самарину. И вот идут потоком «ужасные газетные статьи», в которых ее «обливают грязью, называя изменницей». Еще до переворота она протестовала перед царем и Фредериксом, письменно заявила им: «Если мое звание фрейлины не избавляет меня от этих ничем не заслуженных нападок (?) и министерство двора за меня не заступится, прошу снять с меня звание фрейлины». И что же? «С 1 января 1916 г. я не числюсь больше фрейлиной»³⁸.

Осенью 1917 г. она бежала из России. Через Финляндию пробралась в Швецию, а в мае 1918 г. вновь появилась в своей вилле на Земмеринге.

Белоэмигрантские летописцы и советологи уверяют: никакой прокайзеровской группы в царском дворце не было. О переориентировке романовских контактов с Антанта на рейх никто в Петрограде не помышлял. В окружении царя никаких замыслов перепродажи русских услуг западным империалистическим блокам не было.

Во французской сказочке фермер обнаруживает в своем птичнике воришку; тот клянется, что ничего не утащил. А из-под полы торчит хвост петуха. Фермер поглядывает на него и говорит: «Парень, я готов тебе поверить, но как быть нам с этим хвостом?» И белоэмигрантские летописцы Руднев с Мельгуновым, и вслед за ними новейшие советологи твердят: не было в окружении царя ни «темных сил», ни, следовательно, их махинаций. Хорошо, допустим. Но как же в таком случае быть с петушиными хвостами фактов, торчащими из некоторых материалов тех времен?

Даже старательно все опровергающему Мельгунову волей-неволей приходится рассказать:

...Как приехал в Петроград с «миротворческой миссией» датский бизнесмен Андерсен, первый из тайных эмиссаров кайзера, и сколь приветливо принимала его и вела с ним беседы царская чета, о каковом визите свидетельствует в своем дневнике сама царица: *Был милый Андерсен... убеждал нас, что надо заключить мир.*

...Как затем включились в установление контактов между царем и кайзером и всячески способствовали организации переговоров между ними шведский король Густав, датский король Христиан, стокгольмские банкиры Кюльберг и Мендельсон и гамбургские Монквич и Варбург.

...Как включился в эти пронски князь Гогенлоз, бывший австрийский военный атташе в Петербурге, в годы мировой войны австрийский посол в Берлине; он тайно уговаривал Николая вступить в переговоры о мире, просил его послать в Швейцарию доверенное лицо для встречи с таким же доверенным Франца Иосифа, и царь аккуратно передавал эти предложения на «суждение» Сагонову.

...Как с такими же предложениями по поручению кайзера и через посредство «неизвестного эмиссара» граф Эйленбург обращался к царскому министру двора барону Фредериксу, с которым связан был «тридцатилетней дружбой», и эти обращения также аккуратно доводились до конечного адресата, до царя.

...Как Александра Федоровна через посредство «не названного по имени» американца в военное время посылала в Германию письма принцу Макс Баденскому (ставшему рейхсканцлером в 1918 г.) и принцессе Виктории, что подтверждается, в частности, одним из ее писем супругу (от 25 июня 1915 г.): *Я дала знать американцу, уезжающему завтра в Германию, что я прошу его поведать Макса и передать ему некоторые бумаги; ответы же, полученные из Германии, она тоже пересылает царю, и это также подтверждается ее собственноручными к нему письмами, в которых она просит супруга «никому об этих письмах не говорить», о них «никто не должен знать, за исключением, может быть, верховного главнокомандующего Николая Николаевича»³⁹.*

И еще всякое прочее в том же роде... Таков метод, которым пользуются и оригиналы, и копии в их вылазках против правды истории: во-первых, ничего такого не было; во-вторых, было, но неудачно; в-третьих, сошло бы и удачно, если бы не революция и не большевики. В центре у них — рыцарский образ государя императора, готового скорее потерять трон и жизнь, нежели подвести союзников, которым он дал обет верности. Эта верность, говорят они, и была его роковой ошибкой.

И еще вот что было: всеохватывающая дьявольщина масонов. Она-то и опрокинула троны двух императоров. Народные массы ничего не решают. Они лишь статисты на подмостках грандиозных спектаклей, устраиваемых масонами и именуемых войнами и революциями.

Эту тайну разгадал в свое время еще фон Ягов, предтеча Риббентропа во внешнеполитическом ведомстве старого рейха. Согласно концепции фон Ягова, «политическими заправилами войны являются франкмасоны, радикалы и *tutti quanti* (все им подобные), целью которых является низвержение тронов». Именно поэтому, считал он, «оба соседние царствующие дома и должны поддержать свои старые монархические и дружественные традиции», осознав, что «продолжение войны опасно для династий». Иначе говоря, заключение царем и кайзером сепаратного мира есть «вопрос жизни и смерти для обеих стран»⁴⁰.

Из этой позиции солидарности двух монархий исходил и П. Н. Дурново, когда незадолго до начала мировой войны, в феврале 1914 г., специальным меморандумом предостерегал Николая II от войны с кайзеровской Германией. Дурново доказывал царю, что жизненные интересы самодержавия диктуют ему союз не с Антантой против кайзера, а, напротив, с императорским рейхом против «демократических» западных держав⁴¹. С той же «горячей убежденностью», но уже во время войны (в 1916 г.)

барон Р. Р. Розен* бил тревогу в петроградских верхах, что ведущаяся против Германии война «ни к чему, кроме крушения империи, привести не может»⁴².

Новейшие советологи вторят своим предшественникам, не слишком заботясь о каком-либо варьировании: сведения о тайных переговорах России с Германией — блеф; сепаратный мир — надуманные утверждения. Если в научный оборот не будут введены новые достоверные факты, нет оснований утверждать, будто царское правительство или придворная камарилья помимо правительства предпринимали реальные шаги для заключения сепаратного мира. Дескать, В. И. Ленин говорил о повороте к империалистическому миру, выводя его из слухов о сепаратном мире между Германией и Россией...

Но у Ленина речь идет вовсе не о «слухах». Попытке изобразить Ленина в роли толкователя «не поддающихся проверке слухов» такая же цена, как попытке изобразить свержение самодержавия в феврале 1917 г. результатом заговора масонов, а не вооруженного восстания петроградского пролетариата и гарнизона по призыву большевистской партии.

Отметив, что царское правительство «не может признаться в ведении переговоров о сепаратном мире», В. И. Ленин указывал, что такая тактика нужна царизму для прикрытия перехода от империалистического союза англо-русского против Германии к такому же союзу германо-русскому против Англии. Ленин предупреждал, что заключение сепаратного мира возможно уже «завтра или послезавтра», а «тайно» он, может быть, уже заключен, поскольку «история дипломатии знает примеры тайных договоров, о которых не знал никто, даже министры, за исключением 2—3 человек». Не «слухами», а лишь твердой уверенностью могли быть продиктованы такие ленинские строки: «Что переговоры о сепаратном мире между Германией и Россией совсем недавно велись, что сам Николай II или влиятельнейшая придворная шайка на стороне такого мира, что в всемирной политике обрисовался поворот от империалистского союза России с Англией против Германии к не менее империалистскому союзу России с Германией против Англии, все это не может подлежать сомнению»⁴³.

Спрашивается, что общего между «слухами», «блефом» и «надуманными утверждениями», с одной стороны, и ленинским «все это не может подлежать сомнению» — с другой?

В свете же приведенных фактов, включая и новые (например, установленные К. Ф. Шацилло), «слухи» о маневрах вокруг сепаратного мира предстают не такими уж «непроверенными», как кому-то кажется или, точнее, как кое-кому хотелось бы изобразить.

* Роман Романович Розен, дипломат, был дважды русским послом в Японии (в 1897—1898 и 1902—1904 гг.), а затем послом в США (1905—1911 гг.). С 1912 г. — член Государственного совета.

ЗАКЛИНАНИЯ И КАРАКУЛИ

Распутин был неугомонен вплоть до своей последней ночи в юсуповском дворце. Дел у него по горло. Он весь в хлопотах и усердствует в полную силу: в одном случае — из преданности августейшим покровителям; во втором — ради своей платной клиентуры; в третьем — просто так, войдя в раж, по инерции развязности, которую он у подножия царского престола обрел и усвоил. Ни на час не прекращал он свою бурную политико-стратегическую и приватно-склочную деятельность, рассыпая направо и налево директивы и указания, направляя во всяческие адреса записки и телеграммы.

В. Н. Воейкову. Генералу Фаеякову вот дорогой без привычки даже каша и та не сладка а не только Пуришкевич с бранными устами теперь таких ос расплодилось миллионы так вот и поверь как касается души а надо быть сплоченными друзьями хоть маленький кружок да единомышленники а их много да разбросаны силы не возьмет в них злоба а в нас дух правды. Григорий Новых.

А. А. Вырубовой. Твердыня это бог пусть мой дух будет на небе не на земле а почему репа хороша когда зубы есть Хвостов беззубый а укусить охота в думе лают маму собираются мучить а что Хвостов смотрит ваше солнце а моя радость Григорий.

Ей же. Старикашу пусть бог судит куда не годится убрать бы его Григорий.

Царице. Все страхи ничто время крепости воля человека должна быть камнем божья милость навсегда на вас вся слава и терпение только крепость своих поддержите Григорий.

Ей же. Письмо да здесь что то выбрано для меня скорби чертог божий прославит вас господь своим чудом.

Ей же. О письме Калинин придет сам расскажет и многова расскажет Григорий Новый.

Царю. Твердость стопа божия против немцев не наступайте держись румынского фронта оттуда слава воссияет господь укрепит оружие молюсь горячо Григорий.

Ему же. Очень кротко и ласково беседовал с Калининным умоляет чтобы ему никто не мешал также контрразведка пушай ведет свое дело ласково беседовали об узнике (банкире и его клевете Д. Л. Рубинштейне. — М. К.) по христиански... дай власть одному чтобы работал разумом Григорий.

Ему же (в ответ на запрос). Вставку ево величеству пушай Григорий⁴⁴.

Удивлялись этому стилю многие. Его «ядренности» — Бурцев. Его «шарлатанности» — Шульгин. Его «шифрованности» — Руднев. Его «бредовости» — министр почт и телеграфа Похвиснев, через чьи руки прошли все телеграммы Распутина с 1913 по 1916 г., адресованные царской чете. Только во дворце не вызывал он недоумения, царицу же повергал в умиление, в благоговейный трепет. Распутинская мать внушала Александре Федоровне восторг, граничивший с истерией.

Впрочем, истерия была почти нормальным ее состоянием. На протяжении 23 лет и до минуты краха пронизывает ее жизнь и деятельность истерия — политическая, религиозная и буднично-бытовая. Истеричны и страх ее, и радость, и горесть, и любовь. Почти ни в чем не знает она золотой середины сдержанности и трезвого суждения. И дружба, и вражда ее — пароксизм.

Даже Николай II как-то заинтересовался подоплекой состояния жены и попросил дворцового доктора Фишера представить справку на сей предмет. Она нашла врачебное заключение в столе мужа и выгнала незадачливого докладчика вон.

Надвигающуюся угрозу революции она пыталась приостановить заклинаниями и проклятиями. Свое отношение к постоянно попрекаемому крамоллой русскому народу она не может выразить иначе как в характерном для нее духе презрения.

Дорогой, — пишет она Николаю в канун Февральского переворота, — будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским... Дай им теперь почувствовать твой кулак. Они сами просят этого — сколь многие недавно говорили мне: нам нужен кнут. Это странно, но такова славянская натура — величайшая твердость, даже жестокость и вместе с тем горячая любовь. И далее поучает мужа: Я слишком хорошо знаю, как ведут себя ревущие толпы, когда ты находишься близко. Они еще боятся тебя. Они должны бояться тебя еще больше, так, чтобы, где бы ты ни был, их охватывала бы все та же дрожь⁴⁵.

Кто после этого мог бы усомниться в родственной близости Александры Федоровны к потсдамскому кузену? Это его голос, его язык, его образ мышления: «кулак» и «кнут» — «вот что надо русским». В том же категоричном стиле характеризует она всех и вся, даже тех, кто относился к ней неплохо.

В Думе все дураки; В Ставке сплошь идиоты; В синоде одни только животные; Министры — мерзавцы; Дипломатов наших надо перевешать; Разгони всех, назначь Горемыкину новых министров... Прошу тебя, дружок, сделай это поскорее; Только поскорей закрой Думу, прежде чем будут представлены их запросы; Газеты всем недовольны, черт бы их побрал; Думу надо прихлопнуть; Заставь их дрожать; Все они должны научиться дрожать перед тобой; Когда же ты, наконец,хватишь рукой по столу и накричишь?; Тебя должны бояться; Покажи, что ты хозяин; Ты владыка, ты хозяин в России, помни это; Мы не конституционное государство, слава богу; Будь львом в борьбе против маленькой кучки негодяев и республиканцев; Будь Петром Великим, Иваном Грозным и Павлом Первым, сокруши их всех; Будь решительным и более самодержавным, показывай свой кулак там, где это необходимо; Докажи, что ты один властелин и обладаешь сильной волей; Будь строгим, это необходимо, они должны слышать твой голос и видеть недовольство в твоих глазах; Они должны, они должны дрожать перед тобой, иначе все будут на нас наседать, и надо теперь же положить этому конец; Довольно, мой дорогой, не заставляй меня попусту тратить слова...

Сазонов — дурак; Воейков — трус и дурак; Посол Демидов — совершенный дурак; Самарин — настоящий дурак; Все министры — сплошь дураки; Я надеюсь, что Кедринского (Керенского) из Думы повесят за его ужасную речь — это необходимо и это было бы хорошим примером; Спокойно и с чистой совестью я сослала бы Львова в Сибирь; Я отняла бы чин у Самарина; Милюкова, Гучкова и Поливанова — всех их надо тоже в Сибирь⁴⁶.

Раз зачислив Гучкова в революционеры, она рвет и мечет при одном упоминании его имени, не знает, какую кару для него измыслить. Гучков — это скотина, хотя и умная, он начинает всякими мерзостями Алексеева; Как отвратительно, что Гучков, Рябушинский, Вайнштейн, Лазарев и Жуковский избраны этими мерзавцами в Государственный совет. Однажды она спешит порадовать супруга весточкой: Гучков очень болен; желаю ему отправиться на тот свет. Увы, вскоре сообщает: Гучков поправляется. Ее комментарий: По свести должна тебе сказать, мой ангел: выздоровление Гучкова — к нашему несчастью. Но! Правда ли, что собираются послать к тебе Гучкова и других с депутацией от Москвы? Тяжелая железнодорожная авария, в которой пострадал бы он один, была бы заслуженным божьим наказанием. Она всерьез озабочена: Конечно, отделаться от

*Гучкова надо, но только как — вот в чем вопрос. Теперь военное время — нельзя ли придаться к чему-нибудь такому, на основании чего можно было бы его засадить? И без дальних околичностей: Гучкову место на суку высокого дерева. Ах, если бы только можно было повесить Гучкова!*⁴⁷

Это была воистину достойная партнерша Распутина. Поведав мужу в очередном письме свою заветную мечту о расправе с ненавистным ей человеком, она вместе с Вырубовой отправляется инкогнито в ресторан Чванова на Петроградской стороне, чтобы вновь, как в первые дни царствования, послушать в исполнении румынского скрипача чувствительный романс, заливаясь слезами под темной вуалью.

Сентиментальной была, этого у нее не отнять. При случае могла проявить даже сердечность, кого-нибудь пожалеть, душевно о ком-нибудь погоревать... Конечно, если этого «кого-нибудь» отделяла от нее самой и в особенности от «нашего Друга» не слишком большая дистанция. Сочетание личного с государственным могло выглядеть в ее варианте так.

Летом 1915 г. верховное главнокомандование решило призвать ратников ополчения 2-го разряда для пополнения корпусов, обескровленных в галицийских боях. Распутин возражает. Со ссылкой на его мнение царица пишет супругу в Ставку: *Относительно призыва 2-го разряда: скажи Н. (Николаю Николаевичу), что надо повременить и что ты против этой меры. Она предвидит, что Н. не согласится, и заранее настраивает супруга: Не слушай никаких его извинений. Почему так круто? Потому, что эта мера может оказаться гибельной, о чем Он (Распутин) заранее и предупреждает. День спустя опять: Меня преследует предостережение нашего Друга... Если оно не будет учтено, последствия будут роковыми и для нас, и для страны... Прошу тебя, мой ангел, не разрешай призыва 2-го разряда... Уж лучше призови следующий год. Пожалуйста, послушайся Его совета. Раз Он говорит с такой серьезностью... Из-за одной этой ошибки мы, может быть, все поплатимся*⁴⁸.

Но почему «уж лучше призови следующий год»? Оказывается, к ратникам 2-го разряда причислен сын Распутина. Тайна оппозиции призыву ратников коренится в библейском иносказании, которое в июне 1915 г. принял к передаче в Царское Село тюменский телеграф: *Анне Вырубовой получил весть (из Покровского) что сына моего забирают я сказал в сердце неужели я Авраам века прошли один сын и кормилец надеюсь пущай он владычествует при мне как при древних царях помоги Григорий.* Не получив ответ сразу, он телеграфирует в тот же адрес более конкретно: *Первого объявление ратников вести узнай тщательно когда губерния пойдет наша. Сию депешу, впрочем, тоже приправляет аллегорическим бормотанием: Воля божия это последние крохи всего мира многомилостивец Никола творящий чудеса.* Некий Никола, намекает отправитель, может принять вполне удовлетворительное для него решение.

Александра Федоровна тоже переходит от туманных предостережений и угроз о роковых последствиях «и для нас, и для страны» к спасанию Распутина-младшего от фронта: *Наш Друг, напоминаю, в отчаянии от того, что Его сына*

призывают в армию, — это Его единственный сын, который в отсутствие отца ведет все хозяйство... Любимый мой, что можно для него сделать? В следующем письме: Не можешь ли ты, любимый мой, выяснить, какой срок назначен для призыва Его губернии, и сразу же сообщить мне об этом? Я полагаю, что в твоём штабе все это предопределено точно. Может ли коснуться этот призыв Его сына, который даже не является ратником? Пожалуйста, ответь мне поскорее⁴⁹.

Из телеграмм старца явствует, что сына его нужно выручить именно как ратника, царица же в избытке усердия перепутала. Как бы то ни было, через несколько дней нужный результат достигнут: ополчение 2-го разряда Тобольской губернии вышло в поход без распутинского чада. Дмитрий Распутин был устроен санитаром в поезд для раненых, оборудованный благотворительным комитетом имени великой княжны Татьяны (второй дочери Николая II).

Примерно в те же дни Александра Федоровна пишет супругу: *Перелистывая газеты, я увидела, что Литке (офицер подшефного ей полка) убит, и мне стало очень грустно... Боже мой, какие потери... Но наш Друг сказал, что они (погибшие на войне) — светилники, горящие перед престолом господа бога, и это, конечно, восхитительно; какая дивная смерть. И далее: Но не следует слишком много об этом думать, очень уж становится от этого больно⁵⁰.*

Насколько в действительности было ей «больно», трудно судить. Беды и страдания народа в те военные годы были неисчислимы. Однако хорошо известно: что непосредственно не задевало личных интересов Романовых, к тому они оставались более или менее равнодушными. Даже Распутин, сам циник, временами диву давался, насколько безразличны Романовы к разыгрывавшейся вокруг них кровавой трагедии. Он подсказывал им, что эта черствость перед миллионкратным зажиганием «светильников» небезопасна, что равнодушие надо по возможности маскировать.

С конца четырнадцатого года члены царской семьи публично демонстрируют свое сострадание к «увечным и раненым воинам». Организуются санитарные поезда имени царицы и дочерей. Устраиваются во дворцах мастерские пошива солдатского белья. Принцессы участвуют в сборе теплой одежды для армии. Царица ходит по царскосельским лазаретам, раздает раненым иконки, молитвенники и конфетки. Из всего этого шпрингеровская пресса, верная взятой линии на изображение Александры Федоровны «мученицей» ее русского патриотизма и человечности, сотворила легенду. Будто бы именно ее усилиями один из царскосельских дворцов — Большой Екатерининский — был превращен в военный лазарет; что она взяла под свое личное покровительство все 85 лазаретов в районе Петрограда; как она, «окончив 2-месячные санитарные курсы, шагала во главе колонны сестер милосердия к пункту получения диплома Красного Креста», а затем ассистировала хирургам, «бегала со стерилизованными инструментами... своими руками очищала, обмывала и перевязывала раны... ее руки были в крови раненых, за которыми

она ухаживала у операционных столов и в больничных палатах»⁵¹.

Кое-что тут правда, больше преувеличено. А главное — Россия всем этим человеколюбием, больше показным, чем действительным, не была тронута, ощущала все подобные жесты Александры Федоровны как нечто натужное. Слишком слабо увязывались с ее обликом, со всем ее поведением все эти претензии на сближение с «мужичком» и «солдатиком», на подобие душевного контакта с ними.

Отсюда и убожество разыгрывавшихся в госпиталях сентиментальных сцен, включая те, в которых помимо своей воли и понимания оказывался зачастую вовлеченным юный наследник. Один из его визитов с матерью в царскосельский госпиталь, руководимый доктором Е. С. Боткиным, выглядит так:

Среди раненых появляется царица с сыном. Кто-то завел граммофон, слышится гимн («Боже, царя храни»). Наследник упирается, не хочет идти, он смущен. Раненые сидят на кроватях, кто в халате, кто в нижнем белье, некоторые играют в карты. Царица подходит к кровати, спрашивает, какая игра. «В дурочки, ваше величество», — следует ответ. Подходит к одному раненому, ему лет 35, но он до такой степени изнурен, что ему можно дать 75. Лежа он читает Евангелие, ранее присланное в госпиталь царицей. Солдат не догадался, кто заговаривает с ним. «Ты что читаешь?» — спросила, наклонившись, царица. «Да вот все ноги болят», — отвечает невпопад солдат. Гостья улыбнулась и задала другой вопрос, но разговор такой же бестолковый. Прощаясь, она выходит в переднюю. «Уже на зиму приготовили?» — говорит она, проходя и указывая на валенки, стоящие в передней. Вышла на крыльцо, кивнула врачам и сестрам и села с сыном в автомобиль...⁵²

Таков типичный для нее контакт с народом... Ничто не может затормозить ее скольжения по наклонной. Ни попытки вкупе с Распутиным настаивать мужа, руководить его поведением. Ни бранные эпитеты окружающим и бесконечные интриги против всех неугодных ей.

Плохо дело. Зашло столь далеко, что даже Государственный совет, вековая опора трона, образец верноподданного смирения, и тот в середине декабря 1916 г. потребовал от царя устранения распутинца Протопопова из Совета министров.

В серьезных случаях старец умел переходить от языка заумно-божественного к деловито-канцелярскому. Уединившись на Гороховой, Распутин и Протопопов составили на имя царя телеграмму-иносказание:

Не соглашайтесь на увольнение директора-распорядителя. После этой уступки потребуют увольнения всего правления. Тогда погибнет акционерное общество и потеряет должность даже его главный акционер»⁵³.

Оба автора и не подозревали, насколько окажется удачной и пророческой эта их телеграфная аллегория. Не прошло и трех месяцев, как «главный акционер» потерял должность. Одновременно прекратило свое существование и возглавлявшееся им «акционерное общество» под двуглавым орлом.

Мир хижинам, война дворцам.

КАНУН

Себастьян Шамфор

Могилев, 1916 год. Сумрачное декабрьское утро. В штабном конференц-зале при горящих канделябрах заседает военный совет. Генералы под председательством начальника штаба Ставки Алексеева обсуждают план предстоящей весенне-летней кампании 1917 г.

Царь внимательно следит за выступлениями, иногда вставляет реплику или вопрос, попыхивает папиросой. Внезапно вырастает в дверях плотная фигура коменданта Воейкова. Минута колебания, затем комендант решительно подходит к верховному главнокомандующему, подает ему телеграмму с пометой: «Из Царского Села». Николай читает, лицо его багровеет. Убит Распутин... Тон сообщения истеричный: «Нашли в воде. Молитвы, мысли вместе. Да смилуется над нами бог. Александра». Царь встает и выходит. Велит Воейкову приготовить поезд к отправлению. До отъезда он успевает ознакомиться с подробностями из параллельной информации, поступившей к Алексееву от шефа охранного отделения генерала Глобачева.

Распутин убит в ночь с 16 на 17 декабря во дворце Юсупова на Мойке. Участники убийства: Ф. Ф. Юсупов, В. М. Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович. (Начальник «охранки» тогда не знал, что было еще двое участников: поручик А. С. Сухотин и военный врач С. С. Лазаверт.) Мотивы и обстоятельства убийства главные заговорщики изложат и опубликуют в эмиграции¹.

Выражение «нашли в воде» надо понимать так: его вывезли ночью на Малую Невку и сбросили с моста. Водолазы обшарили речное дно близ Петровского моста и ничего не нашли, но случайно один из городских заметил примерзший к краю проруби рукав распутинской бобровой шубы, и труп вытащили. Район места был оцеплен войсками. Прибыли сюда министр внутренних дел Протопопов, министр юстиции Макаров и другие члены правительства, шеф «охранки» Глобачев, чины прокуратуры, командующий Петроградским военным округом. Весть о находке разнеслась по городу, со всех концов потянулись коляски и автомобили любопытствующих, но власти перекрыли магистрали Петроградской стороны.

Труп положили в сарай на берегу реки, покрыв рогожей, затем переправили в Чесменскую часовню, что на пути из Петрограда в Царское Село. Дочери Матрена и Варвара и жених по-

следней, подпоручик Пхакадзе, пожелали перенести покойного на Гороховую, 64, но власти не разрешили.

Позже установлено: Распутин был сброшен в реку еще живым, он и подо льдом продолжал бороться за жизнь, высвободив из опутывавших его веревок правую руку, крепко сжатую в кулак. Отравленный ядом, дважды смертельно раненный пулями в грудь и шею, с двумя проломами в черепе, он еще и утонул.

Когда через сутки царь вышел на царскосельский перрон, он увидел тоскливо сбившихся в кучку дочерей, сына и жену. По дороге во дворец Александра Федоровна успела сообщить, что, во-первых, начатое следствие она распорядилась прекратить во избежание кошмарного скандала, раздуваемого врагами династии; во-вторых, просила Протопопова обратить жилище Распутина в квартиру-музей, а одному из видных петроградских архитекторов поручила проектирование и сооружение в Царском Селе мраморного мавзолея, куда не позднее лета 1918 г. должен быть перенесен прах Григория. Пока же он будет похоронен в Царском Селе, неподалеку от дворцов, за парком.

Пополудни вся семья (кроме старшей дочери Ольги) едет на похороны. «Отслушав литию отца Василия, вернулись домой»², — записал в дневнике Николай II.

Члены семьи ходят на могилу каждый день. Подолгу стоят над бугром, перекрытым деревянной часовней, молятся. Царица «носит на могилу белые цветы; она бледна и готова в любую минуту зарыдать, но старается сдерживать себя»³. Сама о себе Александра Федоровна в те дни пишет: «Солнце светит так ярко... Я ощущаю такое спокойствие и мир на его дорогой могиле. Он умер, чтобы спасти нас»⁴. Эти ощущения, однако, разделялись не всеми. Точнее, за пределами осиротевшего распутинского кружка — никем. Что и отразилось некоторым образом на состоянии могилы уже в первую ночь после литии отца Василия, когда группа офицеров царскосельского гарнизона подкатила к часовне ассенизационную бочку и вывалила ее содержимое на могильный холм. Через три месяца, в феврале, солдаты вырыли труп и сожгли, часовню снесли, а могилу сровняли с землей.

Новый год некоторые верноподданные газеты встретили оптимистично. Вступаем в 1917 г. при многих благоприятных предзнаменованиях, писали 30 декабря «Московские ведомости». Иной прогноз внес в свою записную книжку французский посол Палеолог: «Судя по созвездиям русского неба, год начинается при предзнаменованиях достаточно дурных. Я вижу здесь вокруг беспокойство и уныние... в победу больше не верят... с покорностью ждут, что же ужасное произойдет дальше»⁵.

Вывод о «покорности» не делает чести его наблюдательности. Но в том, что касается «беспокойства» и «уныния», он был не так уж неправ. Тяжелые бедствия переживала страна. На исходе 1916 г., отмечал компетентный наблюдатель Александр Блок, «все члены государственного тела России были поражены бо-

лезню, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами»⁶.

Миллионы рабочих и крестьян, взятых на войну, изнемогали в окопах. Все более ухудшались условия жизни в тылу. Надвигалась разруха — следствие неспособности царизма справиться с трудностями военного времени. Транспорт не выдерживал напряжения. Из-за острой нехватки рабочей силы, топлива и сырья некоторые фабрики и заводы сокращали производство, а иные и вовсе останавливались. Исклеивали в городах запасы хлеба; Петроград имел муки только на 10—12 дней. Неудержимо возрастала дороговизна. Угроза голода нависла над промышленными центрами. Невиданные масштабы приняли спекуляция и коррупция, нажива на военных поставках и биржевых махинациях. И в то же время — длинные очереди у булочных и лавок.

Этим очередям советологи придают роковую роль, говоря о «неожиданном» крушении царизма в феврале 1917 г. Подробно говорит о них Кеннан. Подчеркивает их наличие Рэдклифф со ссылкой на некоторых эмигрантских лидеров, утверждавших, что петроградских рабочих в феврале 1917 г. «выгнал» на улицу «царь Голод». И Мурхэд находит, что «в умах простых людей Петрограда доминировало желание пищи»⁷. Страсть как хочется антикоммунистам изобразить народную массу России в те дни «лишенной духа гражданственности», поглощенной своими непосредственными «утробными интересами» и потому поддавшейся бесовскому наваждению ярости, навеянному очередями... Что и говорить, в очередях за хлебом, как и в занесенных снегом окопах, накипело тогда немало возмущения простых людей. Но царизм сломал себе голову не на продовольственных затруднениях, как ни были они серьезны. События начала 1917 г. были конечным звеном длительного процесса борьбы против самодержавия, которую народ вел на протяжении поколений, а с невиданным ранее размахом и решимостью — с начала XX в.

Ведь не в 1917 г. возникло в России рабочее и освободительное движение, а задолго до него, и развивалось оно под непрерывным и неослабным руководством авангарда рабочего класса — большевистской партии. Попытки буржуазных историков приуменьшить и размах движения, и роль этого руководства вздорны. Достаточно сказать, что масштабы стачечного движения в России в первом полугодии 1914 г. превысили масштабы всего революционного 1905 г. И этот разительный подъем русского рабочего движения в канун мировой войны неотрывен от того факта решающего значения, что к тому же времени ⁴/₅ сознательных рабочих России объединяли большевики, что в 1912—1914 гг. за большевистской партией шло подавляющее большинство российского рабочего класса. В военные же годы вопреки беспощадным условиям полицейско-жандармского террора большевистские организации существовали и продолжали свою работу более чем в 200 городах страны. Они действовали и в вооружен-

ных силах: только на Северном и Западном фронтах насчитывалось свыше 110 большевистских партийных организаций⁸.

С уверенностью можно сказать, что в революционном подполье не было партии более сплоченной, сильной и авторитетной, чем большевистская. И связь ее с Заграничным бюро ЦК во главе с Лениным была налаженной и неослабной, как неослабно продолжалась, несмотря на систематические преследования и потери (в результате арестов), работа Русского бюро ЦК. Какую опасность для царизма представляла эта деятельность большевиков в гуще народа, среди солдат и матросов, царские власти вполне понимали. Об этом свидетельствует обширная документация, после революции поднятая из архивов «охранки» и полиции, центральных и местных жандармских управлений; частично в разное время она предавалась гласности в периодической прессе СССР⁹. Результаты этой длительной, упорной, зачастую исполненной героизма кропотливой работы в массах и сказались полностью в феврале 1917 г., когда пробил час открытой вооруженной схватки народа с царизмом.

По меткому выражению В. И. Ленина, «телега залитой кровью и грязью романовской монархии» на особо крутом историческом повороте февраля 1917 г. опрокинулась *«сразу»*. Чтобы могло произойти такое, необходимо было сочетание целого ряда условий всемирно-исторической важности; понадобилось и необыкновенное ускорение всемирной истории. Первая мировая война и оказалась великим, могучим и всемогущим режиссером революции, который, с одной стороны, ускорил в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой — породил «невиданной силы всемирные кризисы, экономические, политические, национальные и интернациональные»¹⁰.

Результат этого процесса: в России всего за восемь дней развалилась монархия, державшаяся веками. Некоторым буржуазным политикам столь быстрое течение событий показалось «чудом». Но «чуда» не было, если учесть, какая длительная революционная борьба предшествовала Февралю, каким долгим и трудным путем героизма и самопожертвования шел трудовой народ России к своей победе над царизмом.

За 12 лет до крушения самодержавия, в пору начала первой русской революции, Владимир Ильич отмечал, что отсталость в России «политической надстройки от совершившегося переворота в общественных отношениях делает крах надстройки неизбежным», и тут же подчеркнул: «...вполне и вполне возможен крах сразу, *от одного удара*, ибо «народная революция» в России нанесла уже царизму сотню ударов, и добьет ли его сто первый или сто десятый удар, это неизвестно»¹¹.

Одним из этой «сотни ударов», притом самым мощным, потрясшим устои царизма, оказалась революция 1905—1907 гг. Ее значение для последующего, что произошло в Феврале, выражено в ленинских строках: «Без трех лет величайших классов-

вых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее *начального этапа* в несколько дней, вторая революция». И далее: «Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепенных репетиций; «актеры» знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия»¹².

По Ленину, ведущей силой «репетиций», предшествовавших Февральской революции, являлся пролетариат. У Ленина предельно отчетливо указано, что событиями двигала революционная энергия пролетариата. Классы, социальные группы — вот кто были, по Ленину, «актеры», задолго до Февраля изучившие обстановку, друг друга и осознавшие свои роли и места в революции. Современные советологи прodelьвают здесь небольшой трюк. Приведенную метафору Ленина они разрывают на две части: первую, ее строки, говорящие о пролетариате и его революционной энергии, опускают; во второй подменяют пролетариат масонами, его революционную энергию — масонскими происками и, исказив таким образом до неузнаваемости смысл ленинского положения, торжествуяще объявляют: вот видите, и Ленин обличал масонов, и Ленин видел в них корень зла! Конечно, авторов такой проделки можно и понять по-человечески. Хочется им доказать «масонское» происхождение Февраля, а доказательств нет. Кроме разве ссылки на мнимое свидетельство Шульгина да еще на какое-то письмо белоэмигрантской старушки Кусковой. Все же можно сказать: манипуляция как будто и небольшая, но жульничеством отдает солидным.

В действительности же Ленин ничего о масонстве не говорил. Черносотенная надуманность рассказней о «всемирном масонском заговоре» столь очевидна, что великий вождь рабочего класса не считал нужным вдаваться в какой-либо их «разбор» или «анализ», оспаривать или опровергать их в каких-либо дискуссиях. Ленин, всю жизнь боровшийся против всех и всяческих козней врагов трудового народа, обличавший малейшие ухищрения буржуазии в ее политике обмана и эксплуатации трудящихся масс, не только ни разу не остановил своего внимания на масонстве — он не считал его даже достойным упоминания. В 55 томах произведений В. И. Ленина, охватывающих треть века ожесточенной борьбы за дело рабочего класса, самое слово «масонство» ни разу не употреблено.

Со стороны советской историографии и публицистики от времени до времени давалась отповедь отдельным выходкам приверженцев мракобесных, громоотводных версий «мирового масонского заговора», как и научная оценка некоторых общих сторон этого явления¹³. Уместно здесь заметить, что и сами буржуазные авторы зачастую выражают скептическое отношение к «масон-

ским» вымыслом некоторых из своих коллег. По мнению Сетон-Уотсона, например, результаты исследования «роли масонов в Февральской революции неубедительны». Ашер называет «масонский заговор» февраля 1917 г. «искусственным мифом», версию о нем «предвзятой, односторонней и неубедительной»¹⁴.

Ощутительный удар нанес этой «концепции» бывший князь В. А. Оболенский, когда-то член ЦК кадетской партии, воспоминания которого (в отрывках) включил в одну из своих работ американский историк Натан Смит. С зимы 1910/11 по 1916 г. Оболенский состоял главой масонской ложи в Петербурге. По опыту прямой и непосредственной причастности к делу он свидетельствует, что «в России, собственно, настоящих масонов не было, а было нечто вроде того, что-то похожее» (как у Гоголя — «ни то ни се, черт знает что»). Во всяком случае, утверждает Оболенский, политической силы они не представляли никакой. И не только это. Оболенский заявляет, что масоны не имели никакого отношения к революционному движению. Если же говорить об их личных политических симпатиях, то «среди масонов было много противников революции. Большинство, к которому принадлежал и я, во всяком случае было против революции... В целом масонство не стояло за революцию». Но может быть, спрашивает он, масонство хотело использовать революцию для той или иной своей цели, даже не желая вызвать ее? Нет. «Я на этот вопрос должен ответить отрицательно».

Более того, пишет он: «Невозможно даже представить себе, чтобы масоны могли сыграть в Февральской революции какую бы то ни было роль, хотя бы уже по одному тому, что они принадлежали к различным взаимно враждовавшим партиям, сила же сцепления внутри любой из этих партий была неизмеримо прочнее, чем в так называемом масонском братстве... Вражда разделяла их такая, что в февральские дни я уже ни разу не мог собрать их вместе, они просто не смогли бы уже сидеть за одним столом. А в большевистскую революцию и гражданскую войну наша ложа вообще прекратила свое существование»¹⁵.

Ссылаются на свидетельство Шульгина о «мощи» масонства. В беседе с автором этой книги в августе 1975 г. Шульгин сказал нечто совсем иное: «Никакой я тут не свидетель. Масонов не видел, с ними не встречался, что за люди — не знаю. Только раз в Париже заговорил о них при мне В. А. Маклаков. Что-то он о них рассказывал, с насмешливой бравадой и себя к ним причислил, но болтовню его я не придал значения. Что болтуны они были и шуты гороховые, пялили на себя дурацкие колпаки, это еще у Толстого показано, где о Пьере Безухове».

Начало 1917 года... Распутина нет. Замело январской поземкой тропу к его могиле в поле за дворцовым парком. Уже не могут сановники и дельцы сваливать на него вину за свои просчеты и провалы. И чаша терпения народного наполнена до краев...

Еще в конце 1916 г. Русское бюро ЦК партии большевиков

предложило петербургской и московской организациям приступить к подготовке всеобщей стачки, перейти к более широким уличным выступлениям. Руководство ориентировало партийные организации на переход от разрозненных стачек экономического характера к массовой политической борьбе, на вовлечение в революционное движение солдат, на подготовку к вооруженному восстанию. Развертывание уличных выступлений большевистские организации обеих столиц решили приурочить к 9 января — двенадцатой годовщине Кровавого воскресенья. В тот день в Петрограде бастуют 150 тыс. рабочих. Бастуют также в Москве, в Нижнем Новгороде и других крупных городах.

Весь январь отмечен по стране стачками, большей частью политического характера. Столица становится ареной не прекращающихся ни на день народных выступлений, направленных против войны и самодержавия. Насчитывавший к началу 1917 г. около 400 тыс. человек питерский пролетариат шествует в первых рядах нарастающей революции. Большевики идут с массами и во главе их. Представляя сильнейшую партию революционного подполья, уходящую своими корнями глубоко в толщу пролетариата, большевики вносили в движение организованность, давали ему боевые лозунги, указывали революционную перспективу, крепили союз рабочих и солдат. В противовес меньшевикам-оборонцам, приглашавшим защищать Государственную думу, плестись в хвосте либеральной буржуазии, большевики звали пролетариат к стачкам и демонстрациям, на улицу, на открытую борьбу против самодержавия. Призыв этот «учитывал созревшую в стране революционную ситуацию и отвечал настроениям питерского пролетариата, рвавшегося в бой. Он развязывал его революционную энергию и направлял в сторону решительных действий против царизма»¹⁶.

Царь живет в Александровском дворце месяца два, приводя себя в душевное равновесие после похорон Распутина. За скорбью по усопшему старцу как-то подзабылось, что существует трехтысячеверстный фронт, где по колени в снегу и грязи сидят под германской шрапнелью 12 млн. солдат, и что он, император всероссийский, властвует над их жизнью и смертью в звании верховного главнокомандующего. Но — пора в Могилев. 22 февраля звон колоколов Федоровского собора традиционно проводил императора на станцию Александровскую, откуда его голубой поезд должен выйти на Николаевскую железную дорогу. В сопровождении Фредерикса (министра двора), Нарышкина (начальника военно-походной канцелярии), Воейкова (дворцового коменданта), Граббе (начальника конвоя), Федорова (лейб-врача), принца Лейхтенбергского и Мордвинова (флигель-адъютантов) и некоторых других он, коротая время за чтением «Записок о Галльской войне», снова едет в Ставку, чтобы возобновить там свою военно-стратегическую деятельность.

Поздно. На исходе крайние сроки, отпущенные историей цар-

ствованию Романовых. Вслед голубому составу несутся из Петрограда нарастающие раскаты революционного грома. Николаю и в голову не приходит, что из этой поездки он вернется всего лишь через 16 дней низложенным и арестованным и что до конца дней своих, которых осталось немного, он больше не будет на свободе.

Вечером 23 февраля императорский поезд прибывает в Могилев. На платформе его встречает Алексеев, лишь накануне возвратившийся из Крыма (царь дал ему для санаторного курса в Севастополе отпуск с 8 ноября 1916 по 22 февраля 1917 г.; руководил в этот период работой Ставки и за Алексеева, и за Николая II генерал В. И. Гурко).

Едва Алексеев и Гурко положили на стол карту, чтобы доложить верховному обстановку на фронте, как посыпались на тот же стол телеграммы сановников и думцев о положении в тылу. Вести одна другой тревожнее: столицу потрясают народные волнения. Похоже, что начинается революция.

Заступники Николая II на Западе чуть не в один голос твердят будто эти депеши посыпались на него, ничего не подозревавшего как снег на голову. Революция будто бы грянула внезапно. Ее никто, в том числе царь, не ожидал и даже не предчувствовал.

Не совсем так, подает из глубины времени голос генерал Глобачев, шеф «охранки». Его упрекают: «неожиданностью» Февральской революции, мол, выявлено полное банкротство тайной службы царизма, ничего не сумевшей своевременно ни провидеть, ни доложить. Но позвольте, что же тут неожиданного?

Глобачев 5 января 1917 г. в докладной записке предупреждал правительство: «Настроение в столице носит исключительно тревожный характер», политический момент напоминает канун 1905 г. ... 19 января он же строго секретно доносит, что «население открыто критикует в недопустимом по резкости тоне все правительственные мероприятия», причем слышатся речи, «загромождающие даже священную особу государя императора». Правительству, возможно, предстоит «бороться не с ничтожной кучкой... членов Думы, а со всей Россией». Глобачев бьет в набат 26 и 31 января, 1, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10 и 13 февраля, заключив серию своих секретных докладов правительству опасением, как бы нарастающее недовольство населения не явилось «последним этапом на пути к началу беспощадных эксцессов самой ужасной из всех революций»¹⁷.

Поспешила информировать царя о начавшихся в столице волнениях и его супруга. Правда, в свойственном ей стиле и с характерной для нее пронизательностью: дескать, события в Петрограде есть всего лишь «хулиганское движение», в ходе которого «мальчишки и девчонки носятся по городу и кричат, что у них нет хлеба, и это просто для того, чтобы вызвать возбуждение... Была бы погода холодней, они все сидели бы по домам...»¹⁸. По мнению Кеннана и Рэдки, переворота не было бы при наличии в петроградских булочных вдоволь калачей. Согласно же тезису Алек-

сандры Федоровны, революция не случилась бы, прихвати чуть покрепче мороз. Но есть и противоположное утверждение (Александрова): «Термометр иногда падал до 40°... На рельсах у столы смержлись, как глыбы льда, 200 продовольственных поездов... хлебные лавки опустели»¹⁹.

Такие случайности — и столь далеко идущие последствия... Распоясавшиеся, по выражению Харкэйва, «люмпены» гонятся по Петрограду за беззащитными городовыми и убивают их, не зная, за что и почему; нет у «люмпенов» ни лозунгов, ни программы, ни лидеров, они просто ошалели от безнаказанности и буйствуют, войдя в азарт; власти же опустили руки, сам император в Могилеве ничего не может сделать. «Этот кризис, с которым столкнулись Романовы, — пишет Харкэйв, — никем не планировался, не готовился, он был локальным, поначалу совсем не драматичным, и тем не менее — почти невероятно! — стал для Романовых последним»²⁰.

Итак, что же в основе событий? Случайности. Невезение. Сопадения. Капризы непогоды. Зловещие пустячки и роковой вздор. Царь, ничего не предчувствующий. Ничего не подозревающий. Застигнутый будто бы врасплох.

Нет. Он все знал. Своевременно осведомлен и предупрежден. Обер-охранник пробил, когда полагалось, тревогу, добросовестно снабдил его сведениями. Наступает историческая февральско-мартовская неделя, неделя краха самодержавия. И вот как в эти восемь суток, от четверга до четверга, Николай распорядился предоставленной ему информацией, своими сотрудниками, временем и судьбой.

ДНИ ПЕРВЫЙ — ЧЕТВЕРТЫЙ

Четверг, 23 февраля

В Могилеве царь пригласил к обеду глав антантовских военных миссий.

В Петрограде вышли на улицы 128 тыс. стачечников. Они кричат: «Мира и хлеба!» Появились красные флаги и плакаты с надписями: «Долой войну!», «Да здравствует революция!» По случаю Международного женского дня активно участвуют в митингах и демонстрациях десятки тысяч работниц. В разных концах города слышится пение «Марсельезы».

До середины дня положение в общем контролируется еще полицией. Но с 2 часов, как сообщено в полицейском донесении, «охрану порядка и спокойствия в столице принимают на себя военные власти».

Вечером на квартире рабочего И. Александрова состоялось экстренное совещание руководства петроградских большевиков при участии представителей Русского бюро ЦК. Решено: забастовку продолжить и расширить; провести демонстрации на Невском; усилить агитацию среди солдат; приступить к вооружению

рабочих. Определены два главных лозунга движения: свержение монархии и прекращение войны.

В тот же вечер Нарвский райком партии большевиков принял решение о вовлечении в борьбу на стороне рабочего класса солдат, работающих на Путиловском заводе.

Столица на голодном пайке. Запас муки составляет 500 тыс. пудов. При минимуме ежедневной выдачи в 40 тыс. пудов этого может хватить лишь на 10—12 дней.

Пятница, 24 февраля

Царь отмечает в дневнике, что он награжден бельгийским орденом «Croix de Guerre». Александра Федоровна сообщила ему телеграммой из Царского, что сын и две дочери заболели корью. Теперь царица прикована к постелям детей.

Число бастующих в Петрограде возросло до 200 тыс. На Васильевском острове к рабочим присоединяются студенты. Демонстранты стремятся прорваться к центру города, появились на Невском. Полиция и пока еще участвующие в усмирении пехотные и кавалерийские подразделения пытаются рассеять их, избивают плетками, прикладами, шашками. К середине дня лавина демонстрантов заполнила Знаменскую площадь. Конные городовые, пытавшиеся воспрепятствовать демонстрации, были встречены свистом, криками протеста, градом поленьев и осколков льда... До позднего вечера на Невском не прекращаются митинги, звучат пламенные речи. Лозунг «Хлеба!», доминировавший раньше, теперь тонет среди знамен с надписями: «Долой царизм! Долой войну!»

В тот день Русское бюро ЦК партии большевиков постановляет: энергично развивать движение далее, чтобы оно перешло во всеобщую политическую стачку; еще более активизировать агитацию среди солдат. Решено также широко информировать о ходе событий «близлежащие к столице города» и московскую партийную организацию.

В Могилеве царь отдает Алексееву приказ: сообщить по телеграфу командующему Петроградским военным округом генералу С. С. Хабалову, что на него возлагается руководство всеми усмирительными операциями в столице.

В Мариинском дворце, как обычно по пятницам, заседает Совет министров. Выйдя с заседания, министры с удивлением обнаруживают, что не могут пробраться домой; в частности, премьер-министр Н. Д. Голицын не может попасть к себе на Моховую, закупоренную демонстрантами.

Впоследствии советологи особенно резко станут упрекать царское правительство за упущения в этот второй день массовых волнений. По их мнению, «многое еще можно было спасти». Мэсси, Фрэнклэнд и Харкэйв клеймят за «неспособность» министра внутренних дел А. Д. Протопопова и командующего Петроград-

ским военным округом С. С. Хабалова. Ими, считают эти авторы, «какие-либо предупредительные меры не были приняты, а принятые оказались беспорядочными и рассредоточенными... Одни районы города были взяты в кордон, другие оставлены открытыми...». То есть оба «не проявили тех данных, какие требовались по их должностям в такой момент». Хабалову «не хватало ни оценки положения, ни плана контроля над массовым беззаконием, ни способности помешать мелким толпам присоединиться к большим». Протопопов же «стал терять нервы при первых признаках организованного неповиновения». Выявилося, что «даже те люди, которых царь в пятом году называл трусливыми курицами, могут считаться бесстрашными орлами в сравнении с этими двумя»²¹.

Духовные оруженосцы современных усмирителей из Луизианы и Алабамы задним числом поучают царских жандармов, как следовало им действовать на петроградских улицах в феврале 1917 г., когда уже ничто не могло предотвратить падение самодержавия.

Суббота, 25 февраля

В этот день движение перерастает во всеобщую политическую забастовку, охватившую свыше 300 тыс. человек. Из рабочих кварталов людские потоки неудержимо рвутся к центру города. Ряды демонстрантов растут. Вышло на улицы подавляющее большинство населения столицы. Восставшие становятся фактическими хозяевами улицы. Полиция бежала из рабочих предместий и сосредоточилась в центре, пытаясь создать здесь преграду бушующей толпе. Оцеплены мосты, перекрыты даже тропинки по льду через Неву. Гремят первые выстрелы по безоружным демонстрантам, падают первые убитые и раненые. Начались ожесточенные столкновения рабочих с полицией.

С утра совещаются представители Бюро ЦК и ПК партии большевиков. Решено развернуть дальнейшие наступательные действия, возводить баррикады, призвать к братанию рабочих и солдат. Принимаются меры, чтобы движение петроградского пролетариата нашло отклик по всей стране. Завоевание солдатских масс на сторону революции объявлено особо важной задачей. ПК РСДРП(б) выпускает листовку, обращенную к «братьям-солдатам». В этот день «большевики, рискуя жизнью, проникали в казармы, беседовали с солдатами или организовывали демонстрации возле казарм, провозглашали революционные лозунги, словом, пользовались каждым удобным случаем, чтобы призывать солдат к единению с рабочими»²².

Хабалов телеграфирует в Ставку Алексееву, что у Гостиного двора «демонстранты запели революционные песни» и подняли красные флаги с надписями «Долой войну». Взвод драгун спешил-ся и открыл огонь по толпе; убиты двое и ранены десять рабо-

чих. В этот день военный министр Беляев сказал Хабалову: «Ужасное впечатление произведет на наших союзников, когда разойдется толпа и на Невском будут трупы»²³.

Протопопов телеграфирует в Ставку Воейкову, что на Знаменской площади убит пристав Крылов, а на Выборгской стороне толпа сбросила с лошади и избила полицейского полковника Шалфеева. Добавлено, что все чаще отмечается сочувственное отношение солдат к демонстрантам. Когда «фараоны» убегают от рабочих, солдаты смеются.

Хабалов объявил: если рабочие до вторника не вернутся на работу, все пользующиеся отсрочками новобранцы досрочных призывов 1917, 1918 и 1919 гг. будут мобилизованы и отправлены на фронт.

Министры собрались на внеочередное заседание у Н. Д. Голицына на Моховой. Хотя премьер не раз просил Хабалова выделить лично для него охрану и тот заверил, что послана рота, заградившая с обоих концов Моховую, в действительности охраны такой не видно. На заседании министры В. А. Беляев, Н. А. Добровольский и А. А. Риттих настаивают на подавлении волнений вооруженной силой. Позднее Голицын говорил, что Хабалов на этом заседании показался ему «очень не энергичным и малосведущим тяжелодумом, а доклад его — сумбуром». Протопопов же, по словам министра иностранных дел Н. Н. Покровского, на предыдущем заседании кабинета «нес околесицу», так что министры переглядывались и спрашивали друг друга: вы что-нибудь поняли?²⁴

Царь в Ставке спокоен, придерживается привычного распорядка дня: с 9.30 до 12.30 — работа с начальником штаба Алексеевым, затем завтрак, в 2 часа дня — прогулка на автомобиле, в 5 часов — чаепитие, в 7.30 — обед... Донимает тревожными депешами Родзянко. Председатель Думы предупреждает о надвигающейся катастрофе, угрожает, требует. Чего? Уступок. Послаблений. Сформирования буржуазного правительства «общественного доверия», которое повело бы войну лучше, отвечая за свои действия перед Думой. Грядет ураган, ваше величество, поторопитесь сменить, не то все треснет и развалится.

И, как во времена споров на петергофском взморье: он не хочет. Уступок не будет.

Надо было, считает он, и тогда, в пятом году, отбиваться до конца. Зато уж теперь он ученый. Не проведете. Шатаний не будет.

Привычным движением, как 12 лет назад, он тянется рукой к плети. Его рефлекс на осложнения тот же, что был во времена Мина и Дубасова.

Выйдя вечером из своего кабинета, чтобы посетить штабной синематограф, император по дороге задерживается на несколько минут у прямого провода и диктует телеграмму Хабалову: *Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые*

*в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай*²⁵.

Из этого телеграфного экспромта, конечно, не следует, что до «тяжелого времени войны» автор его считал беспорядки «допустимыми». Но в иные времена он не ставил усмирителям столь жесткие сроки. Теперь же Хабалову даны на исполнение сутки. И служака Хабалов, петроградский дубликат московского Дубасова, хочет уложиться в заданный срок.

Всего лишь через три недели, когда Хабалов предстал перед Чрезвычайной следственной комиссией, между ним и председательствующим состоялся такой диалог:

Хабалов. Около десяти часов я получил телеграмму за подписью его величества: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки».

Председатель. Где теперь эта телеграмма, генерал?

Хабалов. Не могу вам сказать, я передал ее начальнику штаба... Может быть, он мне ее вернул, но я не помню...

Председатель. И что же дальше?

Хабалов. Эта телеграмма, как бы вам сказать?.. Она меняхватила обухом... Как мне прекратить завтра же? Когда говорили «хлеба дать», — дали хлеба, и кончено. Но когда на флагах надпись «долгой самодержавие» — какой же тут хлеб успокоит? Но что же делать? Царь велел, значит, стрелять надо...

Уже час спустя после получения этой телеграммы, рассказывает далее Хабалов, он собрал у себя воинских и полицейских начальников участков.

Председатель. Это было 25 февраля?

Хабалов. Совершенно верно... Когда они собрались, я прочел им телеграмму.

Председатель. И что же?

Хабалов. Я тогда объявил: Господа! Государь приказал... и вот последнее средство, и оно должно быть применено... Если толпа малая, не с флагами — пользуйтесь кавалерией и разгоняйте плетьюми... Если толпа агрессивная, с флагами — после трехкратного сигнала открывайте огонь!

Председатель. Вы не устали, генерал? Может быть, вам воды дать?

Хабалов. Нет, благодарю... Я вовсе не нервничаю²⁶.

Воскресенье, 26 февраля

Повеление царя вступает в действие. Когда стачечники и демонстранты вновь устремились к центру города, Хабалов и Протопопов приказали встретить их огнем. Петроград походит на военный лагерь. Вооруженные городовые засели на крышах и чердаках высоких зданий, на колокольнях и пожарных каланчах. С этих высоких точек расстреливают рабочих. Полиция бьет из пулеметов вдоль Невского, простреливает прилегающие к Невскому улицы, поливает свинцом мосты. Конные отряды жандармерии повсюду атакуют демонстрантов, рубят их шашками, расстреливают в упор. Только на Знаменской площади убито 40 человек.

Теперь народу не остается ничего другого, как с оружием в руках выйти на бой против прислужников самодержавия. По решению петроградского руководства партии большевиков всеобщая политическая стачка начинает переходить в вооруженное восстание.

Но подготовился и противник.

Вооруженная борьба против старого режима была сложной,

трудной и опасной. Возможный исход ее в первые несколько дней был вовсе не ясен. Революция была совсем не похожа на прогулку веселых и ликующих манифестантов с красными бантами в петлицах, как изображают ее современные советологи. Она требовала от своих героев бесстрашия и мужества. Многим из них пришлось взглянуть смерти в глаза.

Во многих районах города на начальном этапе, особенно до начала перехода солдат на сторону восставшего народа, перевес властей в непосредственной боевой силе был огромным. Из данных градоначальства видно, что в состав сил, первоначально брошенных на подавление революции, были включены 55 рот пехоты, 23 сотни и один эскадрон кавалерии, т. е. более 20 батальонов²⁷. За ними (до присоединения к восстанию) стоял Петроградский гарнизон, насчитывавший до 180 тыс. солдат. К этому надо прибавить 80 тыс. петроградских полицейских, включая 5 тыс. специально обученных «обращению с уличной толпой» городских. С этими силами, показывал на послефевральском следствии Протопопов, власти рассчитывали подавить любое революционное выступление в Петрограде максимум за 4 дня²⁸. Был заранее разработан и план применения этих сил с условной разбивкой территории столицы на «отделения», а «отделений» — на «районы», с расположением по всем этим участкам более 250 тыс. вооруженных усмирителей²⁹.

Все громче звучат призывы большевистской партии, обращенные к солдатам. Листовка, распространенная в тот день среди солдат Петербургским комитетом большевиков, начинается словами: «Братья-солдаты! Третий день мы, рабочие Петрограда, открыто требуем уничтожения самодержавного строя — виновника льющейся крови народа, виновника голода в стране, обрекающего на гибель ваших жен и детей, матерей и братьев...»³⁰

Работа, долгое время проводившаяся партией среди солдат, дала плоды. В тот день солдаты 4-й роты запасного батальона Павловского полка, возмущенные участием полковой учебной команды в расстреле рабочих, подняли восстание, вышли из казарм и открыли стрельбу по отряду конных городских. Это был первый переход целого воинского подразделения на сторону революции.

На Моховой у Голицына состоялось частное совещание. Протопопов в такой растерянности, что требует схватить Родзянко. В своем дневнике Дубенский комментирует: «Первое, что надо было сделать, — это убрать самого Протопопова»³¹. С удивлением министры замечают, что и у Хабалова руки трясутся, равновесие утрачено. Оказывается, у него такой расход патронов, что скоро нечем будет стрелять. Он уже просил займы боеприпасов в Кронштадте, но тамошние начальники сами боятся восстания и берегут свои запасы. Кроме того, Хабалов не может найти несколько броневиков, нужных ему позарез; просил на Путиловском заводе — не дали; обращался к ведающему броневиками генералу Секретову — тоже не получилось. Поскольку Хабалов явно теряется,

решено направить в помощь ему начальника Генерального штаба генерала Занкевича.

На этом заседании обсуждался также перевод Петрограда на осадное положение. Хабалову указано: подготовить объявление. Позднее Хабалов пытается отпечатать в типографии градоначальства афишу тиражом в 1000 экземпляров, но там отказались принять такой заказ. Кое-как удалось отпечатать в типографии Адмиралтейства. Потом выяснилось, что объявление невозможно расклеить по городу: градоначальник Балк сказал, что у него нет для этого ни людей, ни кистей, ни клея. Тогда Хабалов вызвал двух околоточных и лично приказал им: развесить хотя бы несколько листков на решетке Александровского сада. Околоточные пошли выполнять, но к вечеру листки валялись на Адмиралтейской площади перед зданием градоначальства.

Власти предприняли попытку обезглавить движение. Произведены по районам многочисленные аресты большевиков, в том числе членов Петербургского комитета партии.

К исходу дня Бюро РСДРП(б) сообщает: «Раздаются залпы вдоль Невского, у Знаменской площади и в других местах. Стреляют из пулеметов. Много убитых и раненых»³².

ДНИ ПЯТЫЙ—ВОСЬМОЙ

Понедельник, 27 февраля

В разгаре вооруженное восстание, к которому призывали большевики. Обнародован Манифест ЦК партии «Ко всем гражданам России» — один из важнейших политических документов тех дней. Он призвал к созданию Временного революционного правительства, долженствующего провозгласить республику, потребовал установления 8-часового рабочего дня, конфискации помещичьих земель и передачи их народу, прекращения империалистической войны и обеспечения демократического мира. Это показывает, пишет академик И. И. Минц, что партия большевиков была «первой и единственной партией, которая опубликовала еще до окончательной победы революции свою платформу, революционные лозунги и конкретные предложения по дальнейшему развитию революции»³³.

Рабочие приступом взяли Главный арсенал, забрали оттуда 40 тыс. винтовок и 30 тыс. револьверов. Солдаты помогают рабочим вооружаться. В настроениях войск гарнизона произошел окончательный перелом. Часть за частью присоединяется к рабочим. Солдаты восставшего Волынского полка направились в казармы соседних — Литовского и Преображенского — полков и вывели их также на улицу; затем они все вместе устремились к казармам Московского полка, который в свою очередь заявил о своем переходе на сторону народа. Если утром этого дня на стороне революции насчитывалось 10 200 солдат, то в середине дня их было 25 700, к вечеру — 66 700, а на исходе следующего дня —

127 тыс.³⁴ Поддерживаемые солдатами рабочие с боем очищают от «фараонов» квартал за кварталом, улицу за улицей.

Но еще продолжают действовать, выполняя высочайшее повеление, защитники трона во главе с Хабаловым. Он телеграфирует в Ставку, что бои идут в различных районах города, в частности на Лиговке, Знаменской площади, на пересечении Невского проспекта с Владимирским и Садовой; есть убитые и раненные, «коих толпа, рассеиваясь, уносит с собой»³⁵.

Сформированный из шести рот и полтора эскадронов с 15 пулеметами отряд под командованием полковника Кутепова брошен в атаку на район Таврического дворца; однако Кутепов вскоре донес, что дальше улиц Кирочной и Спасской продвигаться не может. Не подойдя даже близко к цели, этот «кутеповский кулак», насчитывавший по выходе с Дворцовой площади полторы тысячи вооруженных до зубов усмирителей, за Кирочной «растворился без остатка»³⁶. Затем поступило к Хабалову донесение, что толпой, нахлынувшей с Сампсониевского проспекта, подавлена и пулеметная рота, прикрывавшая с Выборгской стороны Литейный мост.

Родзянко звонит Беляеву и советует разгонять толпу водой из пожарных шлангов. Беляев передал об этом по телефону Хабалову, но тот возразил, что «обливание водой приводит лишь к обратному действию, т. е. еще больше возбуждает толпу»³⁷. Кроме того, из повеления его величества ясно, что поливать бунтовщиков следует не водой, а свинцом...

Родзянко проехал по набережным, наблюдая, как рабочие, обходя перекрытые мосты, движутся по льду Невы к центру города. По возвращении домой он находит у себя царский указ, гласящий: *На основании статьи 99 Основных законов повелеваем: занятия Государственной думы с 26 февраля с. г. прервать и назначить срок их возобновления не позднее апреля 1917 года... Николай.* Родзянко спешит в Таврический дворец, где через совет старейшин проводит решение: указу царя подчиниться, но из дворца не уходить, оставаться на своих местах в разных помещениях.

В тот день в Таврическом дворце открыто возобновил свою деятельность Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Одновременно усилиями группы Родзянко образован там же Временный комитет Государственной думы. Таким образом, революция как бы разделила Таврический дворец на две части: в одном его крыле расположился Совет; в другом — представители буржуазных политических групп, с первых часов революции направившие свои усилия на спасение монархии, на сохранение у власти династии Романовых.

Создав Совет рабочих и солдатских депутатов, «петроградский пролетариат сорвал попытки Временного комитета Государственной думы установить после победы революции единовластие буржуазии... Однако и Совет не стал единственной

властью в стране. Образовалось крайне своеобразное переплетение двух властей, двух диктатур — диктатуры буржуазии в лице Временного правительства и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в лице Петроградского Совета»³⁸.

Это было одно из коренных противоречий Февральской революции — противоречие между буржуазией, образовавшей Временное правительство, и рабоче-крестьянскими массами, создавшими Петроградский Совет. Одновременно к власти пришли разные классы, и ни один из них не владел ею полностью.

В возрожденном Совете в те дни зачастую еще задавали тон меньшевистские лидеры. Напуганные размахом движения, они вместе с эсерами стремились отвести революционный поток в спокойное русло «нормального» буржуазного парламентского режима. Не веря в творческие возможности пролетариата, не понимая значения создаваемых им новых органов власти, меньшевики боялись оторваться от либеральной буржуазии, пойти против нее. На словах они были не только за демократию, но и за социализм, на деле же ориентировались на буржуазно-демократический путь развития страны. В итоге в руководстве Петроградского Совета сложился меньшевистско-эсеровский блок, который вместо борьбы за дальнейшее развитие революции повел линию на добровольную передачу власти буржуазии. И буржуазные политики поспешили этим воспользоваться.

В то время как соглашатели убеждают депутатов Совета, будто буржуазия помогает закрепить завоевания революции, Временный комитет Государственной думы делает все возможное, чтобы использовать ее в своих, промонархических целях, выиграть время, вынудить Николая II пойти на уступки «ему же во благо». Буржуазия в лице родзянковской группы стремится захватить безраздельное руководство революцией, чтобы приглушить, притормозить ее, вывести из-под удара династию Романовых, в крайнем случае, может быть, пожертвовав для этого Николаем.

В этот день Родзянко продолжает бомбардировать Николая депешами. Он все еще убеждает его проявить гибкость, пойти на уступки. Рекомендует отмену роспуска Думы, требует формирования «ответственного» правительства. Но Родзянко и его коллеги бьют в набат не только и даже не столько потому, что жаждут «демократического обновления», сколько потому, что боятся революции и хотят ее немедленного подавления. В этом смысле они не менее активны в защите царизма, чем сам царь. Могло показаться, что они руководят выступлениями масс; им хотелось бы поддерживать такую иллюзию. В действительности, страхась масс, они стремились путем давления на царя спасти царизм. Отсюда столь необыкновенная агрессивность, даже ярость обращений Родзянко к царю в те дни. «Положение ухудшается, — гласит одна из его телеграмм. — Надо принять немедленные меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба

Родины и династии». «Прекратите присылку войск, — вызывает другая телеграмма, — так как они действовать против народа не будут»³⁹. Еще одна: «Положение серьезное... Правительство парализовано... На улицах беспорядочная стрельба... Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство... Всякое промедление смерти подобно»⁴⁰. Копии этого обращения направлены командующим фронтами с просьбой поддержать его перед царем. Откликнулись позитивно Брусилов и Рузский. Реакция Николая (в разговоре с Фредериксом): «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему даже отвечать не буду»⁴¹.

Но тем же «вздором» засыпают его и другие. Советует уступить Думе брат Михаил. Рекомендует гибкость военный министр Беляев. Подсказывает компромисс князь Львов. Сам просит отставку Голицын, последний царский премьер: он охотно уступит свое место другому, кто сумеет поладить с Думой, только бы все улеглось, успокоилось... Наконец взвыл и Хабалов: «недопустимые беспорядки», оказывается, вылились в нечто такое, с чем не совладать ни «завтра же», ни «послезавтра же», ни вообще в обозримом будущем; чтобы удержаться генералу на своих последних боевых рубежах, проходящих по вестибюлю и коридорам Адмиралтейства, надо обещанием либеральных поблажек зайти противнику в тыл.

Трон трещит, качается. Но царь этого не видит. Другие струсили и мечутся как угорелые. Он не таков. Он спокоен, уверен в себе, знает, что делать. Уступки крамоле — не его стиль. У него есть в запасе средство, многократно проверенное на практике: карательный рейд.

Вызван в кабинет генерал Н. И. Иванов. Приземист, угловат, хриповат. Борода лопатой, узенькие, в морщинистых веках хитрые глазки, утиный нос с бородавкой. Что-то есть в нем от старинного ушкуйника — выбился из низов. И молва о нем еще с пятого года мутная, невеселая: это его безжалостной рукой было тогда подавлено в Кронштадте восстание революционных матросов. Да еще два у него качества: во-первых, он приходится крестным отцом наследнику; во-вторых, ему царь обязан получением особо ценной в глазах армии боевой награды — Георгиевского креста*.

— Николай Иудович, во имя вашего крестника, на благо его будущего пойте ли вы на Петроград?

— Пойду, ваше величество. Но с чем, осмелюсь спросить?

Царь перечислил выделяемые части и подразделения.

— А пулеметы «кольт» будут?

— Целая пулеметная команда.

— Слушаюсь, ваше величество.

— Дойдете, Николай Иудович?

— Дойду, чего бы ни стоило, ваше величество⁴².

* Осенью 1915 г. Николай II, посетив с сыном фронт, побывал на передовых позициях у станции Клевень, после чего Георгиевская дума Юго-Запад-

Переговорив с Алексеевым, царь назначает Иванова командующим Петроградским военным округом (взамен Хабалова), велит ему по укомплектовании отряда незамедлительно выезжать. В удостоверении № 3716 за подписями Алексеева и дежурного генерала Кондзеровского зафиксировано высочайшее поручение Иванову — «водворить полный порядок в столице и ее окрестностях». Генералу даны диктаторские полномочия. Как только он вступит в Петроград, в беспрекословное подчинение ему переходят все министры и другие высшие должностные лица.

Западные авторы, пишущие о Февральской революции, о карательной экспедиции Иванова предпочитают либо вовсе умалчивать, либо сказать что-то путаное и невнятной скороговоркой, как о мелочи, не заслуживающей внимания. Хотят создать впечатление, что ничего серьезного в этом роде царем не замышлялось; сам же Иванов если и согласился выйти в поход, то лишь потому, что ему будто бы удалось добиться у царя обещания либерализации общества и государства. Ничего такого царь ему не обещал, а Иванов у него не просил; если же генерал и просил что-нибудь, то лишь побольше войск, патронов и снарядов. И они были ему даны.

По личному повелению Николая II в распоряжение Иванова были выделены немалые силы. Северным фронтом: полки 67-й Тарутинский и 68-й Бородинский (пехотные), 15-й уланский Татарский и 3-й Уральский казачий. Западным фронтом: полки 34-й Севский и 36-й Орловский (пехотные), 2-й Донской казачий и 2-й гусарский Павлоградский да две батареи артиллерии. Позднее должны были подойти части с Юго-Западного фронта. В состав карательных войск царь включил также два батальона георгиевских кавалеров из своей личной охраны в Ставке и несколько артиллерийских подразделений, включая батареи Выборгской крепостной артиллерии. Все эти войска должны были в кратчайший срок сосредоточиться в районе Царского Села и близлежащей станции Александровской, с тем чтобы оттуда вести наступление на столицу⁴³.

Пока Иванов собирался в поход, близились к концу операции Хабалова. К исходу этого дня (27 февраля) восставшие рабочие и солдаты овладели Петроградом. В руки народа перешли все ключевые позиции — мосты, вокзалы, Главный почтамт, телеграф, Главный арсенал, важнейшие правительственные здания. Попытка Хабалова вызвать войска из окрест-

ного фронта постановила: «Через старейшего георгиевского кавалера генерал-адъютанта Н. И. Иванова повергнуть к стопам государя всеподданнейшую просьбу — оказать обожающим державного вождя войскам милость и радость, соизволив возложить на себя орден Георгия 4-й степени» (*Воейков В. Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта императора Николая II. Гельсингфорс, 1936. С. 145).

ностей Петрограда ни к чему не привела: солдаты всюду переходили на сторону народа. Только в Адмиралтействе еще сидят, занимая последнюю линию обороны, военный министр Беляев, командующий округом Хабалов и начальник Генерального штаба Занкевич. Вместе с ними — великий князь Михаил Александрович, брат царя. У них 1500 солдат, 15 пулеметов, 2 орудия. Они расположены по фасаду и на углах здания так, чтобы держать под контролем Невский, Вознесенский и Гороховую, т. е. подступы от трех вокзалов — Николаевского, Царскосельского, Варшавского. Они еще рассчитывают на приход Иванова. У окна, выходящего на Невский, сидят у пулемета генералы Тяжелыников и Михайличенко. Им слышно, как в соседней комнате Беляев диктует телеграмму начальнику штаба Ставки (копия дворцовому коменданту): «Ждем скорейшего прибытия войск».

В часы, когда по торцовым мостовым столицы еще струится кровь, царь заносит в свой дневник: *Написал Аликс и поехал по Бобруйскому шоссе к часовне, где погулял... После чаю читал и принял сенатора Трегубова до обеда. Вечером поиграл в домино*⁴⁴.

С Воейковым поиграл в домино, с Родзянко — заочно — в жмурки. Теперь предстоит трик-трак с Ивановым. Но в общем и целом его игра во всех возможных вариантах клонится к концу.

Вторник, 28 февраля

В канун выхода на марш Н. И. Иванов направляет следующие две бумаги:

Начальнику штаба Ставки

28 февраля 1917 г. № 1.

Его императорскому величеству благоугодно повелеть доложить Вам для поставления в известность председателя Совета министров:

Все министры должны исполнять все требования генерал-адъютанта Иванова Н. И. беспрекословно.

Иванов

Коменданту Царского Села

28 февраля 1917 г. № 4.

Прошу подготовить помещения для расквартирования 13 батальонов, 16 эскадронов и 4 батарей. О последовавшем уведомить меня завтра, 1 марта, на ст. Царское Село.

Иванов

Накануне позвонил в Ставку обер-гофмаршал Бенкендорф и по поручению царицы сообщил, что, так как «ожидается движение революционной толпы из Петрограда на Царское Се-

ло», она намерена вместе с детьми выехать в Могилев. По указанию царя Воейков ответил Бенкендорфу, что Александре Федоровне выезжать не следует, так как «его величество сам отбывает в Царское Село».

Снабдив Иванова полномочиями диктатора и карателя, Николай велит приготовить свой поезд. В 4 и 5 часов утра оба литерных поезда (императорский и свитский) выходят маршрутом на Оршу — Вязьму — Лихославль — Тосно. Вслед Воейков посылает шифрованную телеграмму, предупреждает Протопопова о том, что Николай прибудет в Царское Село «в среду 1 марта в 3 часа 30 минут дня»⁴⁵.

Отъезд царя из Ставки некоторые западные авторы, в частности бывший глава британской военной миссии в Могилеве Джон Хэнбери-Уильямс, осуждают, как «первый совершенный им неосмотрительный и почти безумный шаг к гибели собственной и к гибели своей семьи»⁴⁶. Одни из окружения Николая II (например, Воейков) вполне оправдывают этот его поступок: царь, говорят они, не без оснований надеялся, что с кратчайшей царскосельской дистанции с помощью Иванова ему удастся восстановить утраченный контроль над столицей. Другие (Хэнбери-Уильямс, Фрэнкленд, Альмединген, Александров) считают, что решение оставить Могилев «было последней и наиболее нелепой его ошибкой за все время его правления». Ибо пока он «укрывался» в центре многомиллионной армии, он был и лично неуязвим, и располагал необозримыми средствами для борьбы за возвращение к власти; между тем как, «оставив свое самое надежное убежище, он просто пустился в бессмысленную авантюру»⁴⁷.

Названные авторы прикидываются, будто не знают, что в Петрограде на сторону народа перешел почти весь гарнизон, а в Могилеве генералы с затаенным ужасом ожидали, что с часу на час перейдут на сторону революции и фронтовые соединения. Своей стойкостью и решимостью в борьбе восставшие рабочие всколыхнули армейскую массу и повели ее за собой, внося в солдатско-крестьянскую стихию пролетарскую организованность. Солдаты увидели в пролетариате своего руководителя и пошли за ним. Вместе с передовыми рабочими и под их руководством солдаты в те дни громили полицейские участки, взламывали двери тюрем, арестовывали сановников, разоружали жандармов и полицейских. «Так пролетарские и солдатские массы слились в единый поток народной революции, что придало ей неодолимую силу»⁴⁸.

В штабах фронтов и флотов главнокомандующие ждут с часу на час взрыва в подчиненных им армиях и на кораблях. Должна только залететь искра, а ждать ее, видимо, недолго...

Главнокомандующий Кавказской армией великий князь Николай Николаевич пригласил командующего Черноморским флотом адмирала Колчака прибыть в Батум для обсуж-

дения возможных совместных действий. Адмирал прибыл на эсминце. После совещания, возвратившись на корабль, Колчак получает от начальника своего штаба М. И. Смирнова шифрованную телеграмму, поступившую из Петрограда. Она гласит: «В столице беспорядки. Город в руках мятежников. Гарнизон перешел на их сторону». Колчак по телеграфу приказывает коменданту Севастопольской крепости «немедленно прервать всякую связь, включая телеграфную и почтовую, Крымского полуострова с остальной Россией»⁴⁹. Такие же приказы отдали и другие главнокомандующие по своим фронтам.

Пока императорский поезд катит из Могилева, а главный пассажир, усевшись на диване, опять погрузился в чтение «Записок» Юлия Цезаря, колесо его судьбы набирает обороты.

Отряд Иванова движется на Царское Село коротким путем, через Дно, поезд Николая — через Лихославль (по Николаевской железной дороге). В подкрепление Иванову направляются к Царскому Селу, в пункт сбора карательных войск, с Северного фронта батальоны 67-го Тарутинского и 68-го Бородинского полков, с Западного — два пехотных и два кавалерийских полка, пулеметная команда.

Прибыв в Витебск в 5 часов, Иванов наталкивается на первые затруднения: рабочие не хотят пустить его дальше...

В 2 часа 20 минут дня Беляев шифрованной телеграммой сообщает в Ставку Алексееву, что около 12 часов дня оставшиеся еще верными подразделения выведены из Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому здание. В 4 часа дня в опустевшем здании революционные солдаты обнаруживают и берут под арест Хабалова...

Голубой поезд идет пока без задержки, встречаемый губернаторами и полицейскими чинами. По пути, за чтением «Галльской войны», пассажир не упускает случая кое-чем и распорядиться.

Из Вязьмы шлет жене успокоительную телеграмму: *Надеюсь, что вы хорошо себя чувствуете и спокойны, много войск послано с фронта*⁵⁰ (он не знает, что Иванова уже останавливают); еще раз телеграфно сообщает Голицыну, что ни на какие перемены в правительстве не согласен (не подозревая, что это правительство прекратило свое существование); телеграфирует Хабалову, что на помощь ему идет Иванов (не зная, что у Хабалова все кончено).

Чем закончилась хабаловская эпопея, видно из протоколов той же следственной комиссии:

Хабалов. Здесь, в Адмиралтействе, мы предполагали обороняться, заняв для обороны фасады, выходящие к Невскому. Артиллерия была поставлена во дворе. Пехота размещена по второму этажу. Пулеметы тоже на втором этаже — на подходящих для обстрела углах... Но события вскоре показали, что и оборона наша безнадежна.

Председатель. Почему?

Хабалов. У нас не только не было патронов, почти не было снарядов, но, кроме того, еще и есть было нечего.

Председатель. А сколько у вас было сил?

Хабалов. Я думаю, тысячи полторы...

Председатель. А дальше?

Хабалов. Решили очистить Адмиралтейство. Решено было так: сложить все оружие здесь...

Председатель. Сдачи отряда не было?

Хабалов. Просто все разошлись постепенно, оставив оружие... Сдачи не было. Кому же сдаваться?.. Сдаться было некому...

Председатель. Генерал, а вас кто задержал?

Хабалов. Меня задержала толпа нижних чинов, которая осматривала это здание...⁵¹

Царь не знал не только о конце Хабалова. Он еще не догадывался, что теперь и ему самому дорога на Царское закрыта.

Среда, 1 марта

В 2 часа ночи императорский поезд подходит к станции Малая Вишера. Воейков стучится к царю и, разбудив его, говорит, что ехать дальше нельзя: опасно и путь перекрыт. Оказывается, литерным поездам за Малую Вишеру хода уже нет. Точно и Любань контролируются революционными войсками. Кроме того, из Таврического дворца дано по линиям указание: глубокой поезд в Царское Село не пускать.

Через Дно и Псков хотят ехать свитские. На ходу литерного поезда генерал Д. Б. Дубенский шлет из своего вагона в соседний лейб-врачу профессору С. П. Федорову записку с явным расчетом на то, что тот покажет ее царю. Генерал настоятельно советует «повернуть на Псков и оттуда, опираясь на фронт Рузского, начать действовать против Петрограда». И предусмотрительно просит записку уничтожить⁵².

С приходом Воейкова царь встает с постели, надевает халат и говорит:

— Ну что ж, поедемте до ближайшего юза.

Это означает: в Псков, к Н. В. Рузскому.

Воейков выходит веселый, говорит свитским:

— Мы едем в Псков. Теперь вы довольны?

Литерные составы повернули назад. На станции Старая Русса, пока паровоз отцеплен и набирает воду, Воейкову удается узнать на телеграфе, что Иванов только сегодня утром прошел Дно. «Это известие, доложенное мною государю, произвело на него самое гнетущее впечатление, — вспоминал потом Воейков. — Его величество только спросил меня: «Отчего же он так тихо едет?»»⁵³

К 10 часам вечера царский поезд прибыл в Псков. Генерал Н. В. Рузский идет в вагон. Ступив на подножку, он оборачивается к столпившимся на платформе придворным, прибывшим вместе с царем, и, чуть заметно усмехаясь, говорит:

— Господа, придется, кажется, сдаться на милость победителя.

Теперь Николаю ничего не остается, как дать загнать себя в глухой тупик, на неосвященные пути... и ждать вестей... Ждать и терпеть. Вытерпеть и сентенции о благоразумии, которые имеет наглость высказывать ему теперь этот его далеко не первый генерал, в руках которого он очутился.

Рузский говорит ему, что главное сейчас — не допустить развала армии. Ради этого стоит пожертвовать всем. Если он, Николай, не локализует восстание в Петрограде путем соглашения с Думой, то последний шанс на спасение боеспособности войск будет утрачен. Нет иного выбора, кроме уплаты дани победителю, и дань, может быть, не так уж страшна: согласие на образование ответственного министерства.

Утро вечера мудренее, отвечает царь командующему Северным фронтом. Посмотрим, какая будет обстановка завтра. Это значит, что он хочет еще подождать вестей о движении Иванова на Петроград. Он все еще надеется на успех карательной экспедиции. Ушкуйник — последняя нить его надежды. Тщетно — нить обрывается.

Он, правда, еще не знает, что «после каких-то затруднений с переводными стрелками, со сломанными крюками в хвостовых вагонах... весь поезд с георгиевским батальоном уведен обратно, на Вырицу». Что «где-то между Лугой и Гатчиной» солдаты полков, данных Иванову, отказались повиноваться и заявили, что не пойдут на Петроград, и что «бригада, взятая с Западного фронта, тоже вышла из повиновения»⁵⁴. Николай также не знает, что командир одного из двух батальонов его личной охраны, генерал Пожарский, сегодня объявил в эшелоне своим офицерам: стрелять в народ не будем, хотя бы приказал Иванов, даже сам император.

Оставшись без подчиненных, генерал Иванов решил пробиться вперед один. Не к Зимнему дворцу, так к Александровскому. Задержанный с эшелонами на путях к Петрограду, он просит Бубликова* пропустить в Царское Село хотя бы... с отдельным паровозом один его вагон или хоть прицепить его к дачному поезду. Бубликов обращается в Думу, советуется, как быть. Думцы решают: во имя высших принципов демократии кандидата в палачи демократии «пропустить». Вместе с тем, полагают они, хорошо бы попытаться воздействовать на Иванова добрым либеральным словом. Посылаются навстречу ему в Царское два «думских полковника» — Доманевский и Тилли. Они передают ему письменную рекомендацию начальника Генерального штаба М. И. Занкевича поладить миром с образовавшимся Временным комитетом Думы и рассказывают — об

* В то время комиссар Временного комитета Государственной думы в министерстве путей сообщения. Позднее министр путей сообщения во Временном правительстве.

обстановке в столице: рассчитывать на восстановление прежнего порядка силой, говорят они, трудно, вооруженная борьба только усложнит, ухудшит положение... Порядок можно восстановить легче всего соглашением с Временным правительством⁵⁵.

Вслушав эти сентенции посланцев «февральской демократии», а они для него пустой звук, генерал Иванов уточняет, кто же есть у него под руками, чтобы выполнить поручение его величества — взять бунт за горло. Почти никого. На станции Александровская выгрузился только Тарутинский полк, да и тот большей частью тут же перешел на сторону Царскосельского гарнизона, присоединившегося к революции. Иванов спешит к георгиевцам, застрявшим в Вырице. Он все еще не потерял надежду продвинуться хоть с ними к Петрограду. Пытается идти с эшелонами вперед, по пути арестовывая и расстреливая. Нет, непреодолимы завалы, которыми железнодорожники перегородили ему путь на столицу. Не либеральные угрозы остановили Иванова, а реальность действий рабочего класса. И он, парализованный, опускает руки. Решает возвратиться в Могилев. 5 марта его вновь увидят в Ставке, на прежнем месте. И всего лишь через три-четыре недели перед лицом победившей революции он будет публично оправдываться, доказывая: я не я и экспедиция не моя. Ничего не знаю, ничего не видел. И никакой такой экспедиции вовсе и в помине не было, а если была, то не я ее возглавлял⁵⁶.

В тот день представители полков, перешедших на сторону народа, потребовали от Петроградского Совета: принять меры к закреплению революционных завоеваний солдатской массы; по-новому, на демократической основе определить ее взаимоотношения с офицерством. Как результат работы в Таврическом дворце специальной комиссии появился известный в истории Февраля приказ № 1. Это был документ большой революционной силы — своего рода «хартия вольности» для солдат. Приказ № 1 «способствовал дальнейшему революционизированию армии и сорвал попытки буржуазии разоружить революцию»⁵⁷.

Оплакивая и этот день, некоторые советологи констатируют, что он выявил окончательный разрыв России со своим бывшим «главой и сувереном»⁵⁸.

Четверг, 2 марта

Последний день царствования династии Романовых. В этот день, через 304 года после того, как на 16-летнего Михаила Романова была возложена царская корона (21 февраля 1613 г.), будет сделана попытка вручить эту корону другому Михаилу Романову — 39-летнему великому князю, брату Николая II.

Утром на псковских пристанционных путях генерал Рузский доложил царю, что порученная Иванову миссия не удалась. Безуспешны и некоторые другие меры по изысканию надежных сил для защиты трона, каковыми считались, например, офицерские школы, включая находящиеся тут же, в Пскове.

Теперь, когда Николай чувствует, что власть уже ушла из его рук, что без разрешения из Таврического голубой поезд не сдвинется с места, что над ним властен даже этот самый бесцветный из генералов, — теперь до его сознания доходит витающее в воздухе слово «отречение».

Устарели, перечеркнуты идеи и «ответственного министерства», и созыва Думы, и всяких там конституционных уступок и льгот. Оказывается, раз и навсегда избавиться от Николая II — «вот что надо русским». Так и заявляет Родзянко генералу Рузскому, вызвав его к прямому проводу. События в столице ушли слишком далеко вперед, чтобы можно было еще спорить об ответственном министерстве; вопрос этот отпадает — может идти речь лишь об отречении императора от престола. О чем командующему фронтом и следует доложить его величеству. И постараться — со своей стороны — склонить его к такому решению.

ОТРЕЧЕНИЕ

В царском вагоне слово «отречение» впервые прозучало в 10 часов утра 2 марта. Его произнес генерал Рузский, явившийся с докладом об обстановке.

Доклад был краток. Царь выслушал спокойно. Слово «отречение» его не ошеломило, не потрясло и даже как будто не очень удивило. Выслушав, сказал, что в принципе возражений против рекомендуемого решения нет. Но хотел бы узнать мнение на этот счет командующих фронтами.

Рузский отправляется на свой штабной телеграф и передает в Могилев Алексеву: царь желает опроса командующих. В свою очередь начальник штаба Ставки рассылает запросы по фронтам. Текст запроса гласит:

Наступила одна из страшнейших революций... Войну можно продолжить лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича...

Если Вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать свою верноподданническую просьбу его величеству через Главкосева, известив меня...

Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом. Надо избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху.

Алексеев

Через полтора-два часа на вопрос о желательности отречения ответили положительно:

великий князь Николай Николаевич (Кавказский фронт)
генерал Брусилов (Юго-Западный фронт)
генерал Эверт (Западный фронт)
генерал Сахаров (Румынский фронт)
генерал Рузский (Северный фронт)
адмирал Непенин (командующий Балтийским флотом).

Командующий Черноморским флотом адмирал Колчак от посылки телеграммы Николаю воздержался, но представления и Алексеева, и Родзянко «принял безоговорочно»⁵⁹.

Начальник штаба Ставки генерал Алексеев тоже «за».

Некоторые, правда, подавлены горем. Проклинают день и час, когда оказались поставленными перед такой дилеммой. Не хватает у них слов, чтобы выразить и сочувствие августейшему шефу, и ненависть к революции, и отвращение к думцам, толкающим его величество на такой шаг. Но раз те толкают, придется, пожалуй, и этим толкать. По гроб жизни сохраняют они благодарную память о возлюбленном монархе, но лучше ему, может быть, и в самом деле отречься. Эта позиция особенно прочувствованно изложена в телеграфном ответе генерала Сахарова. Предложение об отречении, идущее из Думы, генерал называет «преступным и возмутительным». Подобную «гнусность», по его мнению, могла придумать только «разбойная кучка людей, предательски воспользовавшаяся удобной минутой для своих преступных целей». Ясно. Поведение Думы недопустимое. «Горячая любовь» к его величеству не позволяет примириться с чем-либо подобным. Сахаров уверен, что русский народ не имеет к этому делу никакого отношения. И армия, если бы ее спросили, «непоколебимо встала бы за своего державного вождя».

В чем же дело? Почему не встает? Нет, пожалуй, не вступилась бы. А раз так... «Я, переходя к логике разума... рыдая... вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям».

«Державный вождь» тоже, «переходя к логике разума», продвигается как будто к финалу — отречению.

Этот утренний генеральский плебисцит от 2 марта 1917 г. повергает в ярость советологов и кремлевцев, специализирующихся на охаивании русской революции. При этом особой принципиальности или последовательности они не обнаруживают. Когда им надобно, они противопоставляют Февральскую революцию Октябрьской, доказывая, что в то время, как Октябрьская была с самого начала «запланированным путчем, вышедшим из заговора», в Февральской все же было на какой-то ее стадии нечто от «воли разбушевавшейся толпы», т. е. «она несла в себе элемент демократии». Когда же этим господам надобно, они, ничтоже сумняшеся, делают оборот на 180 градусов и принимаются поносить будто бы симпатичную им Февральскую революцию, именуя ее «взрывом необузданности» и «вероломной изменой долгу»⁶⁰. От-

речение же 2 марта изображают как последствие генеральского путча против царя. Николаю, говорят они, вообще не следовало ставить свое решение в зависимость от каких-либо опросов. Если же, утверждают они, своим отречением царь хотел избавить страну и армию от кровавых раздоров, то ничего он не достиг, как раз напротив — именно с его отказа от трона развязываются в России смуты, хаос и раздор. Инстинктивно, заверял задним числом и Воейков, он был против отречения царя. Он говорил Николаю, что «и при отречении неминуемо такое же кровопролитие, как и при подавлении уже вспыхнувших беспорядков... умолял его величество не отрекаться»⁶¹.

Николая посмертно упрекают: он-де не учел, что массовая расправа на улицах Петрограда была бы выгоднее отречения. Но это несправедливо: Николай не пожалел усилий, пытаясь с помощью Хабалова и Иванова сохранить корону; ему отнюдь не претило «неминуемое кровопролитие». Другое дело, что по причинам, от него не зависевшим, его приказы не были выполнены.

Тем не менее, обращаясь к опросу 2 марта, авторы этой категории твердят: не в том дело, что царь пошел на опрос, а в том, что Алексеев, злоупотребив доверчивостью своего шефа, якобы «организовал его свержение»⁶². Единоголасие ответа командующих начальники штаба Ставки якобы обеспечил, «предварительно обработав их по телеграфам и телефонам... запугав их угрозой, что тыл прекратит снабжение фронта... что он подорвет боеспособность армии...». В результате всех этих действий (а также действий помогавших ему «могилевских мудрецов» генералов Лукомского, Клембовского, Кондзеровского и адмирала Бубнова) «все командующие армиями и флотами, облеченные доверием своего державного вождя, превратились из слуг престола и отечества в пожарных исполнителей велений камергера Родзянко и не воспрепятствовали восседавшим в Таврическом дворце народным представителям... обратить уличный бунт во всероссийскую революцию». Именно они, руководители вооруженных сил, «оказались теми восемью человеками, которые, изменив воинской чести и долгу присяги, поставили царя в необходимость отречься от престола»⁶³.

Вслед за бывшими царедворцами причитают об обманутом в Пскове императоре и современные советологи. Попадает от них прежде всего Рузскому: сей угрюмый человек с высоко поднятыми острыми плечами и холодным взглядом из-под золотого пенсне оказался едва ли не первым среди «этих людей, которые поклялись отдать за него свои жизни, а теперь как будто объединились в предательстве». Сколь глубока низость этого генерала, негодует Харкэйв, видно из того, что, когда Николай «спросил Рузского, нельзя ли было бы бросить на подавление петроградских мятежников южные войска, казаков, достаточно красноречивым ответом было молчание генерала»⁶⁴. За каковой грех «нелояльности на грани вероломства» и Рузского, и почти всех его коллег в купе с Алексеевым «бог и наказал»⁶⁵. Автор этого высказывания

Воейков, по-видимому, намекает на конечную участь участников опроса*.

В час дня 2 марта Рузский, сопровождаемый начальником своего штаба Даниловым и генерал-квартирмейстером Савичем, идет к Николаю в вагон и докладывает ему о результатах опроса командующих, а также мнение Алексеева и свое. Кроме того, он просит выслушать пришедших с ним генералов. Они тут же кратко высказываются в поддержку доводов Рузского. «Главкомандующие фронтами, — говорит Данилов, — правы... Если благоугодно будет разделить наше мнение, ваше величество принесете и эту жертву Родине». Да, ему благоугодно. Раз все оставили его в одиночестве, даже и вернейшие из генералов...

Составляются тексты двух телеграмм о готовности к отречению, предназначенные для отправки Родзянко и Алексееву.

Председателю Государственной думы

Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной Матушки-России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына, с тем чтобы он оставался при мне до совершеннолетия при регентстве брата моего великого князя Михаила Александровича.

Николай

Наштаверх. Ставка

Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно.

Николай⁶⁶

И форма отречения, и время отправки телеграмм были определены не без смысла: как записал потом генерал Дубенский, «дабы отказ от престола совершился не под давлением думских представителей Гучкова и Шульгина», которые, как стало известно в штабе фронта, должны были прибыть сюда после полудня.

Рузский уходит на телеграф. Теперь-то, кажется, точка.

Нет, не совсем.

Как только Рузский ушел, к Николаю подступили взбужденные сановники. «На мой взгляд, — заявляет, в частности, Воейков, — никакое окончательное решение принято быть не может, пока не выслушаете находящихся в пути Гучкова и Шульгина»⁶⁷.

* Вице-адмирал Непенин был убит восставшими матросами через несколько дней после отречения царя. Адмирал Колчак через три года казнен сибирскими красными партизанами. Рузский по приговору советского суда расстрелян в 1918 г. в Ессентуках. Эверт был убит солдатами на фронте в конце 1917 г. Николай Николаевич умер в изгнании, в Париже. Алексеев, надломленный провалами и неудачами, в том числе корниловскими и калединскими, умер на Дону в августе 1918 г. Только Брусилов достойно завершил жизнь, вступив на службу своему народу: работал в центральном аппарате Красной Армии. Умер в Москве в 1924 г.

— Вы полагаете, я поторопился? — спрашивает Николай.

Вновь накатывает на него волна ожесточения. Ему не хочется отказываться от царствования. Николай велит Нарышкину пойти к Рузскому и забрать бланки. Рузский говорит, что у него их нет, отдал телеграфистам. Нарышкин уходит, но вскоре возвращается. Николай требует возвратить телеграммы. Рузский отдает их, добавив, что текст уже ушел по проводам. Нарышкин тянет Рузского к начальнику телеграфа. Тот обещает обоим генералам, что попытается приостановить прохождение уже отправленных текстов, но надежда небольшая.

Когда Нарышкин, вернувшись в салон Николая, рассказывает об этом, присутствующие в один голос восклицают: «Все кончено!»

В ожидании думцев Николай вызывает профессора С. П. Федорова и просит откровенного ответа на вопрос: каковы виды на здоровье Алексея в будущем? Врач заявляет: боюсь, он проживет лет до шестнадцати, не больше (Харкэив почему-то приписывает Федорову ответ, что «Алексей проживет до 40 лет»)⁶⁸. Поразмыслив, Николай говорит, что хотел бы остальную свою жизнь прожить в России «простым обывателем», что у него и в мыслях нет «интриговать», что он хочет «жить около Алексея и воспитывать его»⁶⁹. Федоров возразил, что вряд ли новая власть разрешит малолетнему царю остаться вместе с отцом. Николай сказал: в таком случае я отрекись в пользу не Алексея, а Михаила.

Думцы приехали не в четыре-пять дня, как ожидалось, а вечером, в половине десятого. Оба были, собственно, частными лицами: никто, кроме Родзянко, их на эту поездку не уполномочил, никого они не представляли. А для чего приехали, видно хотя бы из того, что по пути они попытались связаться с Ивановым. В изложении Шульгина этот эпизод выглядит так:

«Не помню, на какой станции нас соединили прямым проводом с генерал-адъютантом Николаем Иудовичем Ивановым... По приказанию государя он выехал по направлению к Петрограду усмирить бунт. Он дошел до Гатчины, но кто-то разобрал рельсы... Он ничего не может сделать, потому что явились агитаторы и солдаты уже разложились... На них нельзя положиться... Они больше не повинуются.

Надо было спешить... Мы ограничились этим телеграфным разговором...»⁷⁰

Поскольку Иванову похвастать было нечем, думцы поехали дальше. Они, рассуждает заокеанский советолог Харкэив, не без оснований рассчитали, что, если Николай отречется немедленно, «Михаил в качестве регента быстро приберет к рукам власть, прежний порядок будет восстановлен и династия таким образом будет спасена»⁷¹.

Поезд остановился. Два думца вышли на перрон. Несколько поодаль стоял другой освещенный поезд — царский. Тотчас к прибывшим подошел флигель-адъютант полковник А. А. Мордвинов.

— Государь ждет вас... — И повел Гучкова с Шульгиным через рельсы.

Значит, сейчас все это произойдет, ужасается в душе представитель «февральской демократии». И нельзя отвратить?

Нет, нельзя... Так надо... Нет выхода... напишет потом Шульгин. «Мы пошли, как идут люди на все самое страшное — не совсем понимая... Иначе не пошли бы...»

И государь не хочет отречения, и Хабалов с Ивановым, и Шульгин с Гучковым в душе против, а ничего не поделаешь, раз Николаю Иудовичу не удалось овладеть фонарными столбами Петрограда, чтобы повесить на них «бунтовщиков». «И вот результат... Спасаем монархию через отречение»⁷².

На путях собралась толпа, приветствует думцев возгласами «ура». Чиновники на платформе возмущаются этой «выходкой». Воейков слышит, как, обернувшись к ним, военный комендант Пскова генерал-лейтенант Ушаков насмешливо говорит: «Пора, господа, привыкать... Настали другие времена».

В царском вагоне думцев встретили В. Б. Фредерикс и К. А. Нарышкин. Несколько минут спустя вошел Николай. Расположился возле маленького четырехугольного столика у стенки, оклеенной зеленым шелком, и жестом пригласил всех садиться. Вошел Н. В. Рузский; как бы не замечая царя, разворчался, явно из-за Мордвинова. «Всегда происходит путаница, когда не исполняют приказаний... — бурчал он, ни к кому не обращаясь. — Ведь я же ясно приказал направить депутатов сначала ко мне. Отчего же это не сделано? Вечно не слушаются...»⁷³

Николай сделал вид, что не слышит. Нарышкин вынул блокнот, чтобы записывать переговоры. Воейков поставил коменданта поезда Гомзина за дверью со стороны столовой, чтобы он помешал посторонним подслушивать, а сам встал у другого входа, со стороны площадки, чтобы слышать и видеть происходящее.

Николай встретил прибывших спокойно, корректно и даже как будто дружелюбно. Спросил их о цели визита. Гучков глухо, с трудом справляясь с волнением, сказал, что хотел бы дать совет, как вывести страну из тяжелого положения. Петроград «уже всецело в руках движения»; любая посланная на усмирение воинская часть перейдет на сторону движения, «как только она подышит петроградским воздухом». Поэтому, заключил Гучков, «всякая борьба для вас бесполезна. Совет наш сводится к тому, что вы должны отречься от престола».

Царь сидит неподвижно. Смотрит прямо перед собой, спокойно и непроницаемо. Одно можно прочитать на его лице: «Эта длинная речь — лишняя...»

Рузский, сидящий чуть позади Шульгина, наклоняется к нему и едва слышно говорит:

— По шоссе из Петрограда движутся сюда вооруженные грузовики... Неужели это ваши? Из Государственной думы?

Оскорбленный в своих лучших чувствах таким предположением, посланец «февральской демократии» резко оборачивается к генералу:

-- Как могло прийти вам в голову нечто подобное...

— Ну, слава богу, простите... Я приказал их задержать⁷⁴.

Гучков между тем продолжает: «Я знаю, ваше величество, что я вам предлагаю решение громадной важности... Если вы хотите несколько обдумать этот шаг, я готов уйти из вагона и подождать... Но, во всяком случае, все это должно совершиться не позднее сегодняшнего вечера». Николай говорит: «Я этот вопрос уже обдумал и решил отречься». Гучков предупреждает, что он должен будет расстаться с сыном, ибо ему «никто не решится доверить судьбу и воспитание будущего государя». Николай сообщает нечто для депутатов неожиданное: «В 3 часа дня я принял решение отречься в пользу сына. Но теперь, подумав, пришел к заключению, что расстаться с ним не могу, и передаю престол брату Михаилу»⁷⁵.

Николай, отмечает Шульгин, сказал это «спокойно, просто и точно, только акцент был немножко чужой — гвардейский» и тихо добавил: «Надеюсь, вы поймете чувства отца...»

Согласились. Хотя не прочь были возразить. Он может отречься от престола, но не может «передать» или «подарить» его кому захотел. Маневр сомнительный, не пришлось бы тут же «отречься и следующему». Но спорить некогда, ибо «каждый миг был дорог. И не только потому, что по шоссе движутся вооруженные грузовики, которых... достаточно рассмотрели в Петрограде... и которые генерал Рузский приказал остановить (но останут ли?)...». А главным образом потому, что требования революции «будут расти. Может быть, сейчас еще можно спасти монархию...». Родзянко и его группа готовы в крайнем случае пожертвовать Николаем, чтобы спасти царизм и династию. Даже если царь не вправе отречься в пользу брата, главное, «этим выиграется время... Некоторое время будет править Михаил, а потом, когда все уговорится, выяснится, что он не может царствовать, и престол перейдет к Алексею Николаевичу...»⁷⁶.

Быть по сему. Думцы заявляют, что хотят уехать через час-полтора; они не позднее завтрашнего утра должны быть в Петрограде, причем с актом отречения; поэтому просят немедленно приступить к оформлению. Набросок текста есть, подготовлен Шульгиным; они не навязывают его, а лишь предлагают в качестве основы*.

Николай берет бумагу, уходит. Через час возвращается и передает думцам машинописный текст, под которым уже стоит подпись: *Николай***.

* Автору данной книги В. В. Шульгин в августе 1975 г. во Владимире категорически заявил, что подписанный Николаем текст отречения был составлен в Петрограде и привезен в Псков им, Шульгиным, и здесь после нескольких стилистических поправок был переписан набело в соседнем вагоне ремингтонистом поручиком Савельевым.

** Этот документ, отлично сохранившийся, находится в Москве в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. Вокруг него ведутся на Западе надуманные дискуссии. В частности, дебатировался вопрос: кем написан его текст? Образчик такого обсуждения: *Sworakowsky W. The authorship of the abdication document of Nicholas II // The Russian review. 1971. N 30. P. 277—286.*

Все, господа? Можно расходиться?

Нет, у думских деятелей еще есть пожелание. Шульгин просит передвинуть обозначение времени на акте на несколько часов назад — как если бы он был подписан не после, а до приезда делегатов: «Я не хотел, чтобы когда-нибудь кто-нибудь мог сказать, что манифест был вырван...» Так как это явно «совпало с его желанием», Николай надписал: «15 часов», хотя «часы показывали начало двенадцатого ночи».

Еще вопрос. Раз царь отрекся, теряет пост и глава правительства. Кто же назначит нового? Поскольку сделать это пока некому, пусть и нового премьера назначит он же, бывший царь. Сидя у столика, тот поднимает на думцев усталый взгляд и спрашивает:

— Кого вы думаете?

Думцы говорят: князя Львова.

«Государь сказал как-то с особой интонацией — я не могу этого передать:

— Ах, Львов? Хорошо — Львова...

И тут же написал и подписал указ правительствующему сенату о назначении председателя Совета министров»⁷⁷.

И еще вопрос. Нужен новый Верховный главнокомандующий. Кто им будет? Думать долго не приходится. Николай еще раз присаживается к столику и подписывает указ о назначении на эту должность Николая Николаевича.

Не совсем, правда, логично. «И верховного, и премьера он назначил уже после того, как скрепил акт о своем отречении»⁷⁸. От власти отрекся — и тут же снова пускает ее в ход. «Для действительности этих актов время было поставлено двумя часами раньше отречения, т. е. 13 часов».

Прощались, вышли, у вагона толпились люди. Гучков со ступеньки сказал им: «Русские люди, обнажите головы, перекреститесь, помолитесь богу... Государь император ради спасения России снял с себя свое царское служение... Россия вступает на новый путь»⁷⁹.

Путь-то новый, да не тот, каким представляли его себе московский заводчик Гучков и волынский помещик Шульгин.

* * *

Триста лет тиранило Россию романовское «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй».

И вдруг — чудища нет. Исчезло. Растаяло. Растворилось в еще морозном, но уже радующем предвесенними запахами петроградском воздухе. Последних двуглавых орлов с дворцовых фасадов сдирали, соскребали под уже заголубевшим небом, под шорох ручейков из тающих снежных сугробов.

Кое-кому даже показалось, как легко, как просто. И как... обыкновенно.

Об этой «обыкновенности», «легкости», «простоте» совершив-

шегося в Феврале с тех самых времен твердят эмигрантские летописцы и советологи. Одни при этом утверждают, что царизм вовсе не был свергнут. Подгнив, он сам по себе надломился и «просто пал». Другие считают, что если «некоторое» низвержение и было, то оно оказалось «удивительно легким и безболезненным».

Третьи объявляют о «тотальном отсутствии сопротивления» царизма в февральские дни, о его чуть ли не «самоисчезновении»; о том, что он, подобно «башне из игральных карт», покосился при слабом дуновении революционного ветерка, повалился и рассыпался от соприкосновения с «бунтующей толпой».

Так или этак, победа революции в Феврале, говорят эти советологи, одержана почти без боя. Пала власть царя сама собой, уступил он ее якобы без сопротивления.

Документальные свидетельства опровергают подобные измышления. Власть его вовсе не «пала», тем более «сама собой». Народ отнял власть у царя, сверг Николая II, преодолев упорное сопротивление и его самого, и всей царской администрации.

Народ победил самодержавие в тяжелой борьбе, потребовавшей героических усилий и самопожертвования, что вовсе не снижает значения того факта, что ко времени своего краха самодержавие обанкротилось. Оправдалось ленинское положение о том, что царский режим и в самых кризисных условиях сам по себе «не упадет», если его не «уронят»⁸⁰.

Потребовались от народа мужество и жертвы, чтобы «уронить» с престола Николая II, а за ним и всю его камарилью.

По официальному сообщению «Вестника Временного правительства» от 25 марта 1917 г., число жертв среди восставших в феврале 1917 г. в Петрограде составило 1443 человека. Однако с оговоркой, что цифра эта неполна.

Другой источник тех же времен (газета «Биржевые ведомости») назвал иную цифру: 2 тыс. человек⁸¹.

Примерно такую же цифру называла большевистская «Правда».

Ленин считал достоверным, что численность жертв во время Февральской революции в Петрограде превышала две тысячи⁸².

Нельзя забывать, что восемью днями февральского «чуда» охватываются события только в Петрограде. Вопреки западным версиям переворот в Петрограде вовсе не был автоматически безмолвно воспринят остальной Россией. В провинции прислужники царизма еще продолжали отчаянно цепляться за власть. Их сопротивление в губерниях и уездах народ ломал, зачастую идя на огонь и штыки, не щадя жизни. Рабочие «дрались, как львы, с царской полицией, жандармерией и той небольшой частью войск, которая не сразу перешла на сторону народа... — писал В. И. Ленин. — Своею кровью русские рабочие купили свободу нашей стране»⁸³.

Вот какова действительная, а не измышленная советологами цена февральской победы над царизмом.

ЕЩЕ ОТРЕЧЕНИЕ

В тот момент, когда думцы собрались уходить, Николай, пожимая каждому из них на прощание руку, вдруг спросил:

— Как вы полагаете, господа, куда бы лучше мне сейчас поехать — в Царское или Могилев?

Гучков ответил:

— Мы этого не знаем, ваше величество. Поступайте, как вам подсказывает желание.

Шульгин сказал определеннее:

— Мне кажется, что вам следовало бы прежде всего откланяться в Могилев*.

В ту же ночь участники псковской встречи разъехались в разные стороны. Думцы — в Петроград. Николай Романов — в Могилев, к месту потерянной военной службы, отнявшей у него 18 месяцев. (Описана она во многих мемуарах⁸⁴.)

С дороги, со станции Сиротино, он посылает телеграмму:

Петроград. Его императорскому величеству Михаилу Второму.

События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю бога помочь тебе и твоей Родине.

Ники⁸⁵

Едва Гучков и Шульгин ступили на петроградскую мостовую, как им тотчас стало ясно, по горестному выражению заокеанского летописца Харкёйва, что «они трудились напрасно»⁸⁶. И в самом деле: весть о попытке спасти монархию путем замены Николая его братом вызвала в народе бурю возмущения.

Массы трудящихся сразу же ясно поняли, как писал В. И. Ленин, что новая власть *«уже работает над реставрацией царской монархии, уже приглашает кандидата в новые царьки, Михаила Романова»*, заботится о замене монархии легитимной монархией бонапартистской. Было очевидно, что созданное буржуазно-помещичьими лидерами новое правительство «не хочет создания в России демократической республики. Оно хочет только вместо плохого царя Николая II посадить на престол якобы «хорошего» царя Михаила. Оно хочет, чтобы власть в России имел не сам народ, а новый царь вместе с буржуазией»⁸⁷.

Еще с вокзала Шульгин позвонил в Таврический дворец, и первое, что он услышал от взявшего трубку П. Н. Милюкова, были слова:

— Василий Витальевич, прошу вас и умоляю: акта отречения не оглашайте. Народ возбужден до предела, — говорил в телефон

* Сцена излагается по рассказу В. В. Шульгина автору этой книги (в августе 1975 г. во Владимире).

кадетский лидер. — С тех пор, как вы уехали, настроение сильно ухудшилось. Это отречение уже никого не удовлетворяет... Не делайте дальнейших шагов, могут быть несчастья...

Но Гучков уже допустил оплошность. С вокзала каким-то ветром занесло его в соседние железнодорожные мастерские. Здесь на митинге он объявил рабочим, что Николай отрекся в пользу Михаила, что сформировано «демократическое» правительство во главе с князем Львовым.

— Князь!.. — закричал какой-то мастеровой, вскочив на трибуну. — Так вот для чего мы, товарищи, революцию делаем!.. От князей и графов все терпели... и на тебе!.. Министром финансов, вы слышали, Терещенко... А кто такой господин Терещенко? Сахарных заводов штук десять... Земли десятин тысяч сто... Да деньжонки — миллионов тридцать наберется⁸⁸.

Подскачили к выходу несколько других мастеровых, стали запирать двери. Запахло самосудом.

— Давай сюда грамоту! — кричали со всех сторон. — В ключья ее!

Документа у Гучкова не нашли, ему кое-как удалось выбрать-ся... Позднее выяснилось: еще на вокзале Шульгин и Гучков незаметно сунули акт отречения думцу Лебедеву. Тот передал Ломоносову. Ломоносов пробрался в министерство путей сообщения и там отдал документ Бубликову. Последний спрятал бумагу в куче газет на секретарской этажерке...⁸⁹

Впрочем, и сам Шульгин забежал вперед. На вокзале по прибытии в Петроград он выступил перед строем воинской части и большой толпой, закончив свою речь словами:

— Государю императору Михаилу Второму провозглашаю «ура!»⁹⁰.

Нечаянно чуть не опередил события и адмирал Колчак. Во время передачи на Черноморский флот актов отречения оборвался телеграфный провод. Создалась опасная для начальства ситуация: на флоте могли счесть, что оно скрывает свержение Николая II. Тогда Колчак приказал привести команды к присяге на верность Михаилу II, новому императору. На кораблях приступили к выполнению приказа. Но провод восстановили, оба акта были получены, и церемонии присяги дали отбой⁹¹.

Не успели родзянковские посланцы отдышаться после поездки в Псков, как попали в новую переделку. На Миллионной улице в квартире князя П. П. Путятина 3 марта в 10 часов утра открылось обсуждение вопроса: брать ли Михаилу Романову отписанную ему корону, т. е. объявлять ему себя императором или не объявлять?

На совещание явились ведущие буржуазно-помещичьи лидеры старой России. В нем участвовали помимо Михаила Романова* М. В. Родзянко, А. Ф. Керенский, П. Н. Милюков, Г. Е. Львов,

* Некоторые данные о нем: родился 22 ноября 1878 г., на 10 лет моложе Николая II. Проживал большей частью в Гатчине. С момента смерти в 1899 г. брата

В. Н. Львов, В. В. Шульгин, А. И. Гучков, М. И. Терещенко, И. В. Годнев, И. Н. Ефремов, М. А. Караулов, В. Д. Набоков, Н. В. Некрасов⁹². Печать тревоги и страха лежала на их лицах: они собрались в центре громадного города, бурлящего и клокочущего, охваченного кипением страстей; в любой момент могли явиться сюда рабочие и солдаты; охраны почти не было: у подъезда и на внутренней лестнице стояли несколькими группками кое-как собранные офицеры Преображенского полка. Посредине салона сидел Михаил, вправо и влево от него, полукругом, расположились на диванах и в креслах приглашенные. Он попросил высказываться.

Один за другим берут слово. Советуют Михаилу власть на себя не брать. Мотив: в данной обстановке такой шаг Михаила навлек бы на него большую личную опасность. Уже сию минуту кто угодно может сюда вломиться. И нигде в России, даже если бы Михаилу удалось куда-нибудь выбраться, он реальной безопасности для себя не найдет. В такой обстановке, говорили советчики, когда народные массы проявляют крайнюю, прямо неистовую враждебность идее сохранения монархии, попытка Михаила взобраться на трон может стоить ему головы.

— Я не вправе скрыть здесь, — заявил Керенский, — каким опасностям вы лично подвергнетесь в случае решения принять престол... Я не ручаюсь за жизнь вашего высочества.

А Милюков, возбужденный, убеждает, что Михаил не только может, но и должен занять трон.

— Если вы, ваше высочество, откажетесь, будет гибель... Потому что Россия тогда потеряет свою ось... Монарх — это ось... Монархия — это единственно возможный в России центр... Единственно общее, что все знают, единственное понятие о власти... Если вы откажетесь, будет ужас...

Белый как лунь, каркает как черный ворон... Без монарха, говорит он, Временное правительство будет лишь «утлой ладьей», которая потонет в океане народных волнений. Без царя «стране грозит потеря всякого сознания государственности». Без царя Временное правительство до Учредительного собрания «не доживет».

Согласно уговору, выступать должны только по одному разу. Но Милюков вошел в раж, не довольствуется одной речью. После нескольких ораторов он, невзирая на протесты, снова требует слова. Заявляет: хотя и правы те, кто ссылается на соображения лич-

Геorgia (второго сына Александра III) и до рождения Алексея в 1904 г. официально считался наследником престола. С начала мировой войны командовал Кавказской кавалерийской так называемой дикой дивизией, участвовавшей в боях. В 1911 г. против воли царя тайно вступил в мorganатический брак с дважды разведенной дочерью московского адвоката Н. С. Шереметьевской-Мамонтовой-Вульф-ферт (последние две фамилии — по первым двум мужьям; получила титул графини Брасовой). Жизнь Михаила, включая его шумные семейные скандалы, конфликты на этой почве с царем, подробно описала его падчерица Наталья Мамонтова, по мужу Мэджольер (*Majolier N. Step-daughter of Imperial Russia. L., 1940*).

ной безопасности Михаила, надо рискнуть. Вне Петрограда есть полная возможность собрать военную силу, необходимую для обуздания толпы, для защиты великого князя⁹³.

Милюкова поддержал Гучков. Он полностью с ним солидарен. Призывает Михаила сказать «да» и со своей стороны выражает убеждение, что без царя «России не жить». Гучков уговаривает Михаила:

— Если вы боитесь возложить на себя бремя короны, примите власть по крайней мере на время как регент империи... Пообещайте народу сдать власть Учредительному собранию, как только кончится война⁹⁴.

И эдаких-то ратоборцев за сохранение романовской монархии их черносотенные соперники объявили... кем? О небо! Масонами. Чуть ли не подрывниками-бомбометателями и цареубийцами. Обидели монархисты-черносотенцы Милюкова и Гучкова — усерднейших из февральских защитников царя. Их, вернейших из верноподданных, беглые охотнорядцы окрестили «иудами-искариотами». Те, кто и в белой эмиграции занял позиции правее здравого смысла. Ослепленные злобой. Осатаневшие от ненависти. С помутневшим разумом. Один такой, свихнувшись в тоске по монарху, однажды в Павла Николаевича Милюкова даже стрелял (В. Д. Набоков, другой кадетский лидер, прикрыл его собой и был убит)⁹⁵.

У Михаила хватило ума не слишком долго колебаться. Вышел подумать, вскоре вернулся с решением об отказе от трона. «Союзник Гучковых-Милюковых, Михаил Романов догадался, — писал В. И. Ленин, — что при таком положении дела благоразумнее отказаться, пока его не выберет на трон Учредительное собрание...»⁹⁶

К 6 часам вечера был подписан акт, составленный В. В. Шульгиным, Н. В. Некрасовым и В. Д. Набоковым. Когда расходились, Родзянко обнял Михаила и назвал его «благороднейшим человеком». В свою очередь разразился многословным комплиментом и Керенский: перед всеми, сказал он, «сейчас заявляю, что великого князя Михаила Александровича я глубоко уважаю и всегда буду уважать»⁹⁷.

Свое почтение к брату последнего русского царя задним числом афишируют и некоторые советологи, хотя некоторые из них за отказ от трона не прочь упрекнуть его в трусости. Другие этот упрек от него отводят: у него, говорят они, «было достаточно мужества, но ему не хватило темперамента, чтобы возглавить битву»⁹⁸. В общем же идеализация буржуазной пропагандой Михаила Романова как «порядочного» и «лояльного» человека вряд ли, конечно, на чем-либо существенном основана. По ходу февральских событий он оказался вовлеченным в активную борьбу на стороне монархической контрреволюции. Неправда, будто он появился в Петрограде только 3 марта, в день совещания на Миллионной. Родзянко вызвал его из Гатчины еще 27 февраля, и

с тех пор он из Петрограда не уезжал, оставаясь в центре событий и за кулисами интригуя с Хабаловым, Бьюкеном и Родзянко.

Первому он на месте, в Адмиралтействе, давал указания о методах вооруженной борьбы. О чем впоследствии поведал сам Хабалов⁹⁹.

У английского посла зондировал возможность поддержки Антантой мер по удушению революции, о чем впоследствии рассказал сам Бьюкенен¹⁰⁰.

С третьим он обсуждал возможность своего провозглашения военным диктатором, о чем поведал сам Родзянко. В присутствии думцев Н. В. Некрасова и И. И. Дмитрюкова речь шла о том, что Михаил «должен явочным порядком принять на себя диктатуру над Петроградом, понудить старое правительство подать в отставку и в интересах спасения династии сформировать новое по своему усмотрению»¹⁰¹.

Есть данные о том, что еще 27 февраля на частном совещании членов Думы Михаилу Романову предлагалась военная диктатура¹⁰².

После акта отречения в Пскове участники сразу попрощались и разъехались в противоположных направлениях. После акта отречения на Миллионной мадам Путятина позвала всех участников к пышному обеденному столу.

У Николая борьба за трон заняла восемь дней, от четверга до четверга. Михаил управился с этим делом в одну пятницу, от десяти утра до шести вечера.

Британский метод — бежать вместе с зайцем и гнаться за ним вместе с охотником.

АРЕСТ

Огюст Барбье

Подписав акт отречения, Николай надел свою полковничью шинель, вышел из салона в тамбур и спустился на перрон.

Охрана куда-то исчезла. Пошел за ним лишь принц Георгий Лейхтенбергский, один из его флигель-адъютантов.

Отрекшийся царь долго ходит по платформе, по путям между поездами, жалуется на судьбу, на неверных сотрудников. Он с обидой говорит Лейхтенбергскому о положении, в какое поставлен перед союзниками: «Мне стыдно будет увидеть в Ставке иностранных агентов, да и им неловко будет увидеть меня». До подписания акта он еще улыбался, а «после отречения лицо у него одеревенело, он стал всем кланяться и протягивать руку, он и мне руку протянул...»¹ — вспоминал Д. Н. Дубенской.

Немного позднее он вызывает на прогулку Мордвинова, жалуется и ему. Тот утешает его: «Ничего, ваше величество, не волнуйтесь очень, ведь вы не напрашивались на престол... Пускай управляют сами, если хотят... Насильно мил не будешь...» При этих словах государь приостановился. «Да, — сказал он, скрипя зубами, — нечего сказать, хороша эта их воля народа...»²

Много разного наговорят позже о мнимой пассивности, о поразительном якобы равнодушии, с каким Николай «сдал» свою власть («как сдают эскадрон»). Мастер фельетонной гиперболы А. Т. Аверченко еще раз превзойдет самого себя в умении ради красного словца не пощадить ни матери, ни отца — он нарисует Николая в салон-вагоне на псковских путях так: «Сидел он и поглаживал карандашом ус... а потом, молча, подписал отречение и сказал: «Ну и ладно, поеду в Ливадию, буду цветочки разводить»»³.

Не ливадийские цветочки занимали в те часы мысли Николая. Ночью под стук колес он пишет об «измене, трусости и обмане», жертвой которых, по его убеждению, пал. В его собственном описании суть событий истекшего дня (2 марта) такова: *Утром пришел Рузский... Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем командующим. К 2¹/₂ часам пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России, удержания армии на фронте и спокойствия нужно сделать этот шаг. Я согласился... Вечером прибыли из Петрограда Гучков и Шульгин... я передал им подписанный манифест... В час ночи*

*уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман*⁴.

Он обиделся на дядю Николая Николаевича, на Эверта и Сахарова — за поспешность, с какой они передали Алексееву свое «за». Обиделся на офицеров Могилевского гарнизона, которые, заслышав «Марсельезу», вышли на улицу с красными бантами в петлицах и присоединились к манифестантам. И очень злился на генерала Рузского.

На другой день (3 марта): *Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный... Читал о Юлии Цезаре*. В тот вечерний час, когда в Петрограде из-за обеденного стола княгини Путятиной встают «февральские демократы» Милюков, Керенский и их коллеги, голубой поезд подходит к Могилеву. Низложенного царя встречают на перроне Алексеев и штабисты. У одних вид смущенный, у других — подавленный. Что ему здесь делать? Этого он сам как следует не знает. Продолжение записи того дня: *В 8.20 прибыл в Могилев. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексеева в вагоне. В 9¹/₂ перебрался в дом*⁵.

Утром чаепитие с Алексеевым; потом идет в штаб выслушать в последний раз доклад Алексеева о положении на фронтах; затем отправляется на вокзал встретить прибывшую из Киева мать. На платформе Мария Федоровна обняла сына, пошла с ним в расположенный рядом со станцией деревянный барак. Долго сидели они там наедине; вышла из барака вдовствующая императрица с заплаканными глазами. В Могилеве несколько раз видели мать и сына вдвоем в одной и той же позе: она ему что-то выговаривает, он безответно слушает, уставившись неподвижным взглядом вниз, покуривая папироску⁶.

В этот его приезд в Ставку ему не дают ни почты, ни агентских телеграмм. Полковник, ведавший отделом прессы, обещал приносить, но о своем обещании «забыл» в тот же день.

Поступила от Родзянко телеграмма Алексееву о совещании на Миллионной. Комментарий Николая: *Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выбора через шесть месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его написать такую гадость. В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дольше*. 7 марта записывает: *После чая начал собирать вещи. Обедал с мамой и поиграл с ней в безик*⁷.

Нет таких жалостливых слов, на какие поспешили бы заокеанские советологи, рисуя образ Николая Романова в февральско-мартовские дни. Оторванного от жены и детей, от центров его власти, заброшенного за 800 верст в провинциальный Могилев, бывшего царя в их изображении преследуют и добивают, как загнанного зверя. Фрэнклэнд пишет, что «безотносительно к различным проблемам» Николая и даже «вовсе ими не интересуясь», он по-человечески жалеет царя, «как жалеют слепого человека,

которого при переходе на ошупь через улицу задавил автомобиль»⁸.

В книге Александрова свергнутый царь предстает как человек, «вконец потерявший себя, с потухшим взором, с пожелтевшим, изборожденным старческими морщинами лицом, раздавленный событиями, безвольно переступающий, подобно лунатику, душевно отрекшийся от всего и уже поэтому заранее обреченный на мученичество». Именно этот автор блеснул оригинальным открытием (подхваченным некоторыми другими): Николай Романов есть Гамлет, принц Датский; и не только потому, что в Могилеве и Пскове он вместо того, чтобы действовать, извел себя в нескончаемых колебаниях на тему «быть или не быть»; дело еще в том, что его мать — родом датская принцесса; таким образом, последний царь — в некотором роде как бы потомок Гамлета; следовательно, нерешительность его — в унаследованной от Гамлета крови; обстоятельство, которым нельзя пренебрегать, если хочешь вникнуть в тайны русской революции...⁹

Тем более заслуживает сострадания Николай II, уверяют эти господа, что в трудный для него час к «жестокости революционеров» и «неверности сотрудников» присоединилось безразличие родственников. «Его предали и продали и штабисты, и аристократия, и союзники, и члены царствующего дома; не кто иной, как двоюродный брат его Кирилл, явился к Таврическому дворцу с красным бантом на кителе, с изъявлением готовности покориться революции»¹⁰.

Нужно ли доказывать, что «скрипящий зубами» Николай мало похож на лунатика-непротивленца, какой предстает перед нами в заокеанских проромановских фантазиях. Не лунатик посылал приказы Хабалову беспощадно подавить «бунт», не двойник Гамлета снаряжал карательную экспедицию Иванова. Что касается отношения к Николаю его родни, можно заметить, что он, яростно цеплявшийся за свою единоличную власть, сам приучил близких (кроме жены) и не помышлять о влиянии на его дела. Он запретил им даже касаться в разговорах с ним каких-либо политических тем. Естественно, что и в этом случае он не сделал ни малейшей попытки снестись и обсудить с ними шаг громадной для них важности. И дело здесь не столько в географической разобщенности, сколько в хронических склоках и грызне, разъедавших семью Романовых. Их мнения о своем отречении Николай не спрашивал ни до, ни после; они же не пытались обсудить сложившееся для них критическое положение ни с кем-либо, ни между собой. О его отречении они узнали как о совершившемся факте. К тому же семья Романовых ко времени краха династии представляла галерею таких ничтожеств, что и советовать-то почти не с кем было. Единственно серьезный в компании великих князей — Николай Николаевич — не обошел племянника советом. Получив запрос, он безоговорочно рекомендовал ему отречься.

7 марта, в предпоследний день своего пребывания в Могилеве, Николай составил прощальное «Обращение к Действующей армии». «Повинуйтесь новому правительству, — говорилось в нем, — слушайте ваших начальников, и да поможет ему господь бог вести Россию по пути славы и благоденствия»¹¹. Алексеев включил обращение в приказ № 371 от 8 марта, но Гучков, узнав об этом, телеграммой из Петрограда категорически предписал исключить из приказа обращение бывшего царя.

Заокеанские пропагандисты квалифицируют этот эпизод как подвиг мужества и самопожертвования Николая, с одной стороны, как очередную низость ими же одновременно восхваляемых «февральских демократов» — с другой. На самом деле просто совпали два простейших хода, точнее, параллельные попытки политической перестраховки с обеих сторон: бывший царь вздумал попрощаться с Могилевом «лояльно» и «патриотично», а капиталисту Гучкову и его коллегам показалось в тогдашней обстановке целесообразным выпроводить экс-императора из Ставки возможно более «революционно». Этого миссис Э. М. Альмединген не видит и не хочет знать. Она данным эпизодом вообще по-женски расстроена. «Велико было благородство этого небольшого фрагмента текста, — пишет она, — и тем не менее правительство не позволило ознакомиться с ним армию». Это понятно: оно убоялось, «как бы простые и волнующие фразы письма царя вновь не пробудили в войсках чувства лояльности к трону». И хотя документ «никогда не был зачитан», он якобы свидетельствует о том, что «последний Романов не был просто марионеткой, что он до конца оставался лояльным к своим союзникам и что благосостояние страны означало для него нечто гораздо большее, чем утверждали его враги»¹².

Остается лишь еще раз удивиться, с каким упорством западные советологи претендуют на право раздачи дипломов о русском патриотизме по своему усмотрению.

Уже на второй день после отречения царя Петроградский Совет, учитывая требования, выдвинутые на многочисленных митингах и собраниях, постановил принять меры к аресту четы Романовых. На призыв Совета к Временному правительству — предпринять этот шаг совместно — Львов и Керенский не ответили. Но когда они убедились, что Петросовет может и намеревается самостоятельно осуществить арест, Временное правительство принимает (7 марта) постановление: «Признать отречение императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село»¹³.

Выполнить это назначены четыре правительственных комиссара: А. Бубликов, С. Грибунин, И. Калинин, В. Вершинин (все думцы). Их напутствует министр юстиции Керенский: «Лично бывшего государя не беспокоить, ограничиться сношениями через генерала Алексеева».

С формальным предписанием Временного правительства ко-

миссары 7 марта в 11 часов вечера выезжают экстренным поездом в Могилев. На следующий день они на месте; с вокзала едут на автомобиле в Ставку, предстают перед Алексеевым и просят его передать Николаю: он объявляется лишенным свободы, правительство рекомендует ему незамедлительно выехать в Царское Село к семье. Алексеев сообщает комиссарам, что царский поезд готов и может выйти в любой момент по их усмотрению. Комиссары просят представить им полный список лиц свиты и прислуги, которые будут сопровождать Николая. Такой список (на 47 человек) был дан.

В вагоне-ресторане поезда Марии Федоровны устроен ленч, на котором мать и сын видятся и беседуют в последний раз. Здесь Алексеев и сообщает Николаю о постановлении Временного правительства. Отправление назначено на 5 часов пополудни (8 марта).

Идущий в свой последний путь императорский поезд состоит, как всегда прежде, из 10 вагонов. Вагон для четырех комиссаров прицеплен в хвосте. Охрана состава по приказу Алексеева сформирована из солдат железнодорожного батальона под командой унтер-офицера Ерофеева. За несколько минут до отправления Николай через платформу переходит из поезда матери в свой поезд. Он идет, держа руку под козырек, одетый в форму своего конвоя, без шинели, в башлыке. Все собравшиеся на платформе офицеры Ставки и приближенные провожают его взглядами, храня гробовое молчание. Никаких восклицаний — ни сочувственных, ни враждебных. Только адмирал Нилов подскочил к нему, схватил и поцеловал его руку.

Первым в 4 часа пополудни отходит от могилевского вокзала поезд вдовствующей императрицы. Николай отсутствующим взглядом смотрит ему вслед. В 4.45 ушел в противоположном направлении голубой императорский поезд. Когда мимо провожавших генералов и офицеров промелькнул царский салон-вагон, Алексеев, стоявший впереди группы, снял папаху и отвесил вслед поезду поясной поклон.

Александра Федоровна пребывает в это время в Царскосельском дворце в истерическом состоянии. Сознание своего бессилия помрачает ее разум. Если бы она в минувшие две недели была рядом с супругом и могла влиять на его решения, он, несомненно, проявил бы еще больше цепкости и ожесточения, хватаясь, по ее терминологии, за кнут. Но Александр и Николая разделяют 800 верст. Велика ее ненависть, безгранично ее иступление. Ориентируется же она в событиях слабо.

Когда камердинер Волков сказал ей: «Кажется, начинается революция, даже казаки и те ненадежны», она ответила: «Нет, это не так. В России революции быть не может. Казаки нам не изменят»¹⁴.

Когда вслед за Волковым то же сказала ей Виктория, жена Кирилла Владимировича, она ответила по-английски: «Я на тро-

не двадцать три года. Я знаю Россию. Я знаю, как любит народ нашу семью. Кто посмеет выступить против нас?»¹⁵

Об отречении Николая она узнала от великого князя Павла Александровича; он пришел к ней с газетой и вслух прочитал ей текст акта. Она воскликнула: «Не верю, все это — враки. Газетные выдумки. Я верю в бога и армию. Они нас еще не покинули»¹⁶.

Она мечется, наталкиваясь на невозможность выехать к Николаю, шлет ему депешу за депешей то в Могилев, то в Псков, адресует в пустоту наставления и призывы. И каждый раз курьеры доставляют ей в Александровский дворец возвращенные с телеграфа бланки с пометой: «Местонахождение адресата неизвестно».

Наконец является в Царское Село сам адресат. Не привлекая ничего внимания на промежуточных станциях, его поезд в 2 часа дня (9 марта) подошел к царскому павильону на станции Александровская. На перроне всего несколько человек. Петроградские журналисты в стороне небольшой группкой. Николай соскочил с подножки вагона и быстро, ни на кого не глядя прошел к автомобилю. Вместе с ним сел в машину гофмаршал В. А. Долгоруков. Ехали и вышли за ним из поезда многие, но, как только он сошел с перрона, эти люди «стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо боясь, что их узнают».

Автомобиль подкатил к Александровскому дворцу. Солдат, дежурящий у ворот, долго не открывает, равнодушно смотрит на бывшего царя. Наконец из помещения появился дежурный офицер и издал крикнул постовому:

— Открыть ворота бывшему императору!

Николай выходит из машины. «Офицеры стоят на крыльце с красными бантами на кителях, держат руки в карманах, некоторые с папирсой во рту. Николай приветствует их отданием чести, ни один из них не ответил ему тем же, не отдал ему честь»¹⁷.

Через несколько минут Николай услышал, как за его спиной звякнул засов. Теперь он заключенный до конца жизни. Одновременно в Гатчине был взят под домашний арест Михаил Романов. Формально он был объявлен «поднадзорным революции».

Накануне была переведена на положение арестованной и Александра Федоровна. По постановлению Временного правительства обеспечить эту меру должен был Л. Г. Корнилов, вновь назначенный командующим войсками Петроградского округа. Допущенный обер-гофмаршалом П. К. Бенкендорфом в апартаменты бывшей царицы, генерал почтительно склоняется перед ней: «Ваше величество, на меня выпала тяжелая задача объявить вам постановление Совета министров о том, что вы с сегодняшнего дня считаетесь лишенной свободы». Она слушает, крепко стиснув зубы, наклонив голову. По ее шее, по лицу, внешне бесстрастному, ничего не выражающему, медленно расплываются багровые пятна. Немного помолчав, Корнилов принимается утешать ее. Он заверяет, что ни сам, ни пославший его министр

юстиции Керенский не допустят никакого «ущемления» или «беспокойства»; согласно установке премьер-министра Львова, единственной целью «лишения свободы» (а не ареста) является обеспечение безопасности семьи, а идеальным исполнителем такой задачи можно считать нынешнего дворцового коменданта штабс-ротмистра П. И. Коцебу. Как только обстановка разрядится, ограничение свободы будет снято¹⁸.

Тронутая галантностью командующего, Александра Федорона удостаивает его и своего поручения. Не переговорите ли вы, генерал, на ту же тему с дочерьми и сыном? У вас все звучит так внятно, так оптимистично. О да, конечно. Сию минуту. Рад стараться. С разъяснительной работой среди барышень Лавр Георгиевич уложился в полчаса, оставив их почти очарованными восторжествовавшей демократией. Что касается наследника, то, посоветовавшись на ходу с воспитателем Жильяром, решил: целесообразнее будет, если Алексея введет в курс событий сам названный педагог*. После чего между наставником и его питомцем произошел разговор:

— Вы знаете, Алексей Николаевич, ваш отец возвратился из Могилева. И он больше туда не поедет.

— Отчего же?

— Потому что он больше не хочет быть верховным главнокомандующим. Эта весть огорчает царевича, так как ему нравилось ездить в Ставку.

После паузы я добавляю:

— Вы знаете, Алексей Николаевич, ваш отец больше не хочет быть и императором.

Он смотрит на меня испуганно, стараясь прочесть на моем лице, что произошло.

— Как? Почему?

— Потому что он очень устал и перенес много тяжелого в эти дни.

— Ах да. Мама мне говорила, что остановили его поезд, когда он ехал сюда. Но папа будет императором потом опять?

Я объясняю, что император отрекся в пользу Михаила Александровича, который отрекся в свою очередь.

— Но тогда кто же будет императором?

— Я не знаю. Теперь, по-видимому, никто.

Он густо покраснел... После нескольких минут молчания говорит:

— Если больше нет императора, кто же будет управлять Россией?¹⁹

Разумеется, Жильяру трудно было ответить на такой вопрос. Он, конечно, мог бы объяснить любознательному мальчику, что, если в России не стало императора, это не значит, что некому будет ею управлять. Впрочем, на уровне несмышлениша Алексея размышляли тогда о будущем России и некоторые из ведущих буржуазных политиков, судя хотя бы по выступлениям неспра-

* Пьер Жильяр — уроженец Женевы. В 1904 г. окончил Лозаннский университет. В 1905 г. принц Лейхтенбергский, родственник царя, пригласил Жильяра в Петербург преподавать французский язык своему малолетнему сыну Сергею. Через год Лейхтенбергский «переуступил» швейцарца царской семье, и тот стал обучать французскому языку Ольгу и Татьяну. В 1913 г. он становится преподавателем и фактически воспитателем 9-летнего Алексея. Находился с Романовыми в Царском Селе до августа 1917, в Тобольске до мая 1918 г., проводил их в Екатеринбург.

ведливо заподозренных в масонстве господ Милюкова и Гучкова на совещании в квартире Путятина 3 марта 1917 г. Считал незаменимыми и систему единоличной власти, и лично свою персону экс-император, делился этой мыслью в первые часы после своего отречения. В ту прогулку со своим флигель-адъютантом Мордвиновым, о которой уже упоминалось, «душит его что-то, чего он не может в себе подавить». Оказывается, обида «за себя, за отнятое звание» и еще «страх за Россию, которая потеряла стержень и опасно колеблется неизвестно на какой опоре». Тогда-то он и «заскрипел зубами»²⁰.

Заскрипишь, если еще раз вмешались «анонимные толпы», снова положив свою волю на чашу весов его судьбы. Не будь этого вмешательства «толпы» в лице Петросовета — еще не известно, осмелились ли бы явиться в Могилев г-н Бубликов с компанией...

«Правительство оставило бывшего царя на свободе, — писал В. И. Ленин. — Рабочие заставили арестовать его. Правительство хотело отдать все командование армией Николаю Николаевичу Романову. Рабочие заставили сместить его. Ясно, что помещики Львовы-Гучковы завтра же спелись бы с Романовым или с другим помещиком, не будь Совета рабочих и солдатских депутатов»²¹.

ПО КАБИНЕТАМ И КАЗЕМАТАМ

Когда Николай и Александра очутились под стражей, некоторые их помощники и слуги пытались спастись бегством.

Едва низложенный царь вернулся в Царское Село, как сановники пустились наутек от него с той же легкостью, что и лакеи. Одни буквально на его глазах еще на станции Александровская; в их числе были такие приближенные, как К. А. Нарышкин — начальник императорской военно-походной канцелярии, Г. Г. фон Граббе — командир императорского конвоя, Н. П. Саблин — флигель-адъютант. Бежали и те двое, кому Николай изливал душу на прогулке между стрелок и семафоров сразу после отречения: принц Г. Н. Лейхтенбергский и полковник А. А. Мордвинов. Одни ретировались, «озираясь по сторонам», другие — вовсе без оглядки. Еще раньше, в Могилеве, исчезли В. Б. Фредерикс и В. Н. Воейков. Впрочем, Фредерикс несколько дней спустя был обнаружен и арестован в Гомеле, Воейков — в Вязьме. В те дни Родзянко мог позлорадствовать: «Эти люди были первыми, в тяжелую минуту бросившими царя. Вот как государь не умел выбирать близких»²².

Некоторые ретировались из дворца. Бывший царь меланхолически отметил в дневнике, что ушли от него 46 лакеев²³.

Но были и добровольно согласившиеся разделить с ним заключение. Среди них оказались В. А. Долгоруков, П. К. Бенкендорф, две фрейлины — С. К. Буксгевден и А. В. Гендрикова, чтица

Е. А. Шнейдер, врачи Е. С. Боткин и В. Н. Деревенько, преподаватели Пьер Жильяр и Сидней Гиббс, фрейлины А. А. Вырубова и Ю. А. Ден²⁴.

3 апреля (в день отстранения от должности дворцового коменданта штабс-ротмистра Коцебу) явились в Александровский дворец солдаты, арестовали Вырубову и увезли ее в Петропавловскую крепость. Здесь она очутилась в камере 70, рядом с камерой 69 доставленного из Вязьмы Воейкова.

В то время крепость на Неве представляла картину необычайного оживления. Со всех концов прибывали сюда под стражей деятели павшего режима. Все казематы были заняты. По казематам ходили, знакомясь с заключенными, а иногда снимая тут же допросы, члены Чрезвычайной следственной комиссии по делам о преступлениях старого режима, сформированной в начале марта в Таврическом дворце.

В центре группы, передвигавшейся из камеры в камеру, маститый присяжный поверенный Н. К. Муравьев, председатель комиссии. Рядом с ним секретарь комиссии: узколицый, светлокудрый человек во фронтальной гимнастерке, подпоясанный широким кожаным солдатским ремнем. Его светлые, немного как будто голубоватые глаза грустно и чуть-чуть усмешливо разглядывают подследственных, открытый лоб дышит прямою мыслью, складки у губ — угрюмой сосредоточенностью. Это известный всей читающей России, любимый ею поэт Александр Александрович Блок.

В дни войны Блок был призван в действующую армию, с полугода прослужил в 13-й инженерно-строительной дружине во фронтовой полосе, а 8 мая 1917 г. по вызову из Петрограда был откомандирован в распоряжение Чрезвычайной следственной комиссии. Муравьев попросил его протоколировать заседания, редактировать стенограммы. Поэт стал очевидцем и участником почти всех допросов заключенных сановников и в крепости, и в резиденции комиссии — Зимнем дворце. Через руки Блока прошли материалы 48 допросов 33 человек, изданные в семи томах позднее, в годы Советской власти. Тогда же поэт записал свои впечатления от допросов и заключенных. Эти штрихи, в те дни поэтом уловленные, позднее сложились под его пером в живые портреты бывших помощников свергнутого царя:

А. А. *Вырубова*. Вошли в ее камеру члены комиссии: она стоит с жалким видом у кровати, опираясь на костыль. Смотрит просительно, почему-то косясь в особенности на Блока. Комендант говорит, что она все жалуется и плачет. «У нее все данные, чтобы быть «русской красавицей», но все чем-то давно и непоправимо искажено, затаскано»*.

* По распоряжению Керенского Вырубова была освобождена из заключения 24 июля 1917 г. Вместе со своим слугой Н. Берчиком скрывалась в мансарде на Петроградской стороне. Тайком пробиралась на Кронверкский проспект к А. М. Горькому, который несколько раз с ней беседовал. Из Петрограда поддерживала связь с Романовыми в Сибири и на Урале. С 1920 г. в эмиграции, в Финляндии, где и кончила свою жизнь.

И. Л. Горемыкин, бывший премьер-министр. «Породистый... Барин». Большой нос, большие уши, кожа местами сизая, руки красноватые, в веснушках. Высокие мягкие сапоги, стариковские, на резинках. «Полный рамолик... Говорит еле слышно, напоминает случайно... О какой дряхлый, сейчас умрет». Сам говорит: «Массу перезабыл, уже не владею памятью. Очень трудно различить, что законно и что незаконно — могут быть различные толкования».

Б. В. Штурмер, бывший премьер-министр. «Мерзостный». «Большая тоскливая развалина все еще хитро (и глупея) воздевает на нос черпаховые очки».

М. А. Беляев, бывший военный министр: плачущий, с неврастенической спазмой в горле.

С. П. Белецкий, бывший директор департамента полиции. Острый черный взгляд припухших глаз. Короткие пальцы, жирные руки, лицо маслянистое. «Нос пипкой». Смех беззвучный, короткий. Иногда чуть-чуть прищуривается, чтобы лучше понять. Словоохотлив, но умеет вовремя незаметно остановиться, когда его перестают слушать. В выговоре иногда нечто похожее на малороссийское «у(-в)». Говорит: «Адэсса»; «Азэф»; «газеты»; «телехрама»; «загентурен»; «вопрос так же са́мо стоял», иногда — «само́»; сообщил, что Николаем II было поручено ему «освещать» близких лиц, даже кружок реакционера князя В. П. Мещерского. «Когда заходит речь о морали, о преступлениях, лицо Белецкого делается равнодушным».

А. И. Дубровин, бывший председатель «Союза русского народа». «Гнусные глаза». При появлении членов Следственной комиссии всхлипнул, бросился целовать руку Муравьеву, потом с рыданием упал на койку.

Н. Е. Марков, бывший лидер черной сотни. Лицо широкое, темное — «харя». Глаза черные, скалит белые зубы. Виски зачесаны вперед. Линии лица жесткие, глухой и озлобленный голос. Тон нахальный: «Дело ихнее там, что они знают». «Засим-с». «Немножечко это дело понимаю». «Погромы были до СРН и будут после него». По его словам, ежегодно получал от правительства тайную субсидию — тысяч 12—16.

Глава следственной комиссии Н. К. Муравьев ведет себя на допросах все более неустойчиво, двусмысленно. На лицемерно-покаянное заявление Белецкого: «У меня душевный перелом, я многое понял» — Муравьев отвечает: «Вы нас обезоруживаете». Иронический комментарий поэта: «Так-то вот сразывается разговор. Белецкий левеет, председатель правееет»²⁵.

Но главными заключенными были, конечно, Николай и Александра Романовы. «Скрипя зубами», они сошли в сравнительно спокойную и не лишенную прежнего комфорта частную жизнь. Арест не строг. Особых ущемлений нет. Для обслуживания семьи оставлены во дворце 150 человек.

Глава семьи разгребает в парке снег, расчищает дорожки, предается издавна любимому занятию — пилке дров. Подолгу засиживается в комнате сына, играет с ним в разные игры, читает ему книги. Делает отметки на карте военных действий. Разрешено читать все газеты, но он ограничивается «Новым временем», «Вечерним временем» и «Русской волей». На прогулках по парку или во время лесопильной работы на некотором расстоянии следует или наблюдает за ним дежурный офицер из караула. Охрану несут поочередно офицеры и солдаты четырех стрелковых полков Царскосельского гарнизона. Всем им предписано не исполнять никаких приказаний бывшего императора. Титулование «ваше величество» отменено; обращаться только со словами «господин полковник», по этому чину и отдавать честь. Жизнь во дворце за-

мирает рано. К девяти часам вечера Николай прощается с детьми, в десять все идут спать, бодрствуют лишь караулы²⁶.

Все вышестоящие любезны и заботливы. Несколько хуже обстоит с нижестоящими. Например, по возвращении Николая из Ставки супруга с ужасом рассказывает ему, что в одну из ночей солдаты протащили под самыми ее окнами труп Распутина, вырытый из могилы. Они сожгли его. «Это был он, наш дорогой Григорий», — причитала она, заламывая руки, и чувствовалось, по свидетельству очевидца, что этим эпизодом «она была потрясена даже больше, чем отречением царя». Минуты огорчения доставляли иногда младшие офицеры, в особенности трое из внутренней караульной службы: мичманы Шумович и Домодьянц, лейтенант Ярынич. Последнему, когда он однажды разводил по дворцу караулы, Николай протянул руку. Ярынич отступил на шаг, руку не принял. Ошеломленный Николай пытался сгладить сцену, подойдя к нему вплотную и положив ему руку на плечо: «Почему, мой друг?» На что офицер ответил: «Я — из народа. Когда народ протягивал вам руку, вы не приняли ее. Теперь и я вам руки не дам»²⁷.

Зато верх предупредительности демонстрировали генерал Корнилов и дворцовый комендант полковник Коровиченко, а по увольнении последнего — его преемник полковник Кобылинский. Самый же яркий луч утешения и надежды, от времени до времени освещавший апартаменты дворца, — это 36-летний министр юстиции А. Ф. Керенский, уполномоченный Временным правительством обеспечивать охрану, покой и безопасность семьи экс-модержца.

Всего лишь месяца за четыре до своего обращения из императрицы в арестантку Александра Федоровна, возмущенная неучтивыми либеральными монологами в Думе, потребовала от своего супруга «повесить Кедринского за его ужасную речь» — это, считала она, было бы для других «полезным примером». Но Кедринский-Керенский после переворота, войдя министром юстиции во Временное правительство, оказался весьма полезным Романовым в функции охраняющего их и непосредственно служащего им. Поначалу они в нем не разобрались. Такое говорил в Думе! И чего им ждать от него теперь, когда они в его руках... 21 марта 1917 г., когда он впервые появился в Александровском дворце в роли правительственного уполномоченного по надзору за арестованными, Александра Федоровна, завидя его, посылает Вырубовой на другое крыло дворца отчаянную записку: «Милая Аня, Керенский здесь... Этот Керенский (теперь она именуется его точнее) обходит наши комнаты... Да смилуется над нами бог!»²⁸

Но ничего страшного не произошло. Керенский оказался сверх ожидания человеком обходительным, хотя в первые минуты и немного нервным. О его визитах в Александровский дворец бывший обер-гофмаршал П. К. Бенкендорф вспоминал в эмиграции так:

21 марта. Он явился в 2 часа дня в сопровождении 15 человек... в высоких сапогах, в плотно застегнутой синей куртке... вошел через кухню, собрал в коридоре всех людей охраны и «произнес ультрареволюционную речь». В классную комнату, где ожидали его Николай с Александрой Федоровной и сыном, вошел один. Остановившись на пороге, сделал что-то вроде поклона и представился: «Министр юстиции». Вздвигая дрожащими руками, «он не мог спокойно стоять на месте, хватался за предметы, лежащие на столе... затем, попрощавшись с царем, еще побегал по зданию, проверил порядок охраны и наблюдения за арестованными и уехал».

Следующий приезд 27 марта. «Войдя, заявил мне, что хотел бы поговорить с Николаем Александровичем». В беседе с бывшим царем подчеркнул, что «политические страсти в Петрограде» разгораются: «Крайние левые требуют заключения государя в крепость, чтобы вывести его из-под влияния государыни, готовящей контрреволюционный заговор». Временное правительство хочет это уладить; необходимо отделить Николая от Александры Федоровны, переселив ее в другую часть дворца, так, чтобы они могли видеться только во время богослужения и за столом и всегда в присутствии караульного офицера... Согласились. Керенский заверил чету, что он есть в данный момент их «единственный защитник» и что только он «способен отвлечь от них угрожающие им опасности».

Следующее появление (в сопровождении полковника Коровиченко) 12 апреля. «В этот раз в момент его приезда государь был на прогулке, поэтому он заявил мне о желании увидеть государыню. Я ей доложил. Она приказала мне передать Керенскому, что занята своим туалетом, пусть подождет...» Покуда министр юстиции ждал, доктор Боткин заговорил с ним о том, что члены семьи по состоянию здоровья нуждаются в «лучшем климате, в более спокойной обстановке», что, если нет возможности вывезти их за границу, хорошо бы им переехать в Ливадию. Министр вполне с этим согласился, сказав, что, безусловно, может устроить такой переезд в Крым. «Его ответ, — замечает Бенкендорф, — очень нас обнадежил».

Затем Керенский вместе с Коровиченко прошел к Александре Федоровне. «Вежливо и сдержанно» стал расспрашивать о той роли, какую она до переворота играла в политических делах, в частности о ее вмешательстве в назначения министров. Александра Федоровна пояснила ему, что, поскольку она составляет с мужем «дружную семью», естественно, что у них «нет никаких тайн друг от друга». Кроме того, поскольку супруг почти все время находился вдали, в армии, он передавал ей тогда малозначительные поручения. Бенкендорф замечает: он впоследствии слышал, что «ясность и твердость объяснений императрицы поразили министра Керенского. Сама она мне говорила, что у нее не осталось от него дурного впечатления. Она была очень польщена несколькими приятными фразами, которые он сказал ей. Государь, возвратившись с прогулки, позволил Керенскому взять из шкафов его кабинета все бумаги, могущие понадобиться следственной комиссии. В этот раз доверие их величеств к Керенскому еще более возросло»²⁹.

Те же визиты в изображении А. Ф. Керенского:

После обычных слов первого знакомства с Романовыми он спросил, нет ли у них каких-либо жалоб или заявления. Затем передал им «приветствие от английской королевской семьи... В это же свидание я осмотрел помещение дворца, проверил караулы и дал некоторые указания руководящего характера»³⁰.

Так Керенский рассказывал бывшему колчаковскому следователю Соколову в начале 20-х годов. Суть указаний того дня осталась нераскрытой, но достоверно известно, что такого странного явления, как сожжение бумаг пудами в дворцовых каминах, они не задели; на исчезновение в куче золы шести ящиков переписки с немецкими родственниками инспектор не обратил внимания, и после его отъезда отопительная система Александров-

ского дворца продолжает работать с той же необычайной нагрузкой, что и до его появления.

А вот что через восемь лет Керенский написал в книге «Русская революция»:

«Я очень хорошо помню мое первое свидание с бывшим императором... Он не мог пожаловаться на мое к нему отношение...

Я вошел. Вся семья сгруппировалась в беспорядке вокруг маленького столика около окна. Человек среднего роста в военной форме, отделившись, двинулся нерешительно мне навстречу со слабой улыбкой на устах. Это был император... Остановился, как будто колебался, что ему делать. Он не знал, как я поступлю. Должен ли он был принять меня как хозяин дома или же ожидать моего обращения к нему? Протянуть ли руку или ожидать моего поклона?

Я почувствовал его затруднение, как и всей семьи, перед страшным революционером. Я быстро подошел к Николаю II и с улыбкой протянул руку, назвав себя... Он с силой пожал мне руку, улыбнулся и, заметно успокоенный, провел меня к своей семье. Его сын и дочери, поглощенные любопытством, пристально смотрели на меня...

Я справился о здоровье членов семьи, сказал, что их родственники за границей беспокоятся о них... обещал им без задержек доставлять все известия... Спросил, нет ли каких-либо претензий, хорошо ли держит себя стража, не нуждаются ли они в чем-либо. Я просил их не беспокоиться, не огорчаться и положиться на меня. Они благодарили меня».

Общий вывод «страшного революционера» касательно особы бывшего императора: «Николай II был человеком, не лишенным гуманных чувств. Вообще же этот человек с чудными голубыми глазами был для меня загадкой. Пользовался ли он сознательно своим искусством очаровывать, унаследованным от своих предков? Был ли он искусным актером или вкрадчивым хитрецом?.. Казалось невероятным, что этот простой человек с медленными движениями был императором всей России... Ничто не обнаруживало в нем, что еще месяц тому назад столь многое зависело от одного его слова»³¹.

С 21 марта по 31 июля 1917 г. Керенский в качестве министра и премьер-министра приезжал в Александровский дворец более десяти раз. Впечатлений, полученных во дворце за эти четыре с половиной месяца, хватило ему для лирико-публицистических воздыханий о Николае II на полстолетия. Следует, конечно, учесть: если в семнадцатом году Керенский еще мог на митинге позволить себе «революционный» выпад против династии, то позднее, на Западе, ему приходилось принаравливать к взглядам и вкусам той крайне реакционной среды, к которой он примкнул и от которой зависел. Даже под конец жизни на страницах своего гигантского заключительного мемуарного фолианта, вспоминая полувековой давности подробности своего общения с Николаем, Керенский вновь и вновь характеризует его как «прямого человека, не чуждого человеческих чувств», «собеседника с прекрасными голубыми глазами», «с натурой доброй, но искаженной окружением и традицией». Что касается Александры Федоровны, которую мемуарист 12 апреля 1917 г. полтора часа допрашивал (так ничего и не узнав) о ее политических интригах, — он до конца жизни остался при убеждении, что она «была просто страдающей матерью своих детей, тревожной и плачущей»³².

Не удивительно, что монархисты в разных странах поставили Керенскому в заслугу «классически образцовое» отношение к по-

следней чете Романовых*. Охотно готова подтвердить и шпрингеровская «Ди Вельт», что Керенский как в те далекие дни, так и едва ли не до конца жизни пребывал, по его же словам, «под глубоким впечатлением непринужденных и совершенно безыскусственных манер Николая II... В его (Керенского) глазах это была естественная простота, придававшая Николаю то редкое обаяние, которое еще более подчеркивалось его прекрасными глазами, его глубоким, полным грусти взглядом»³³.

Под влиянием этого обаяния, как и «по делу чести перед Временным правительством», говорил в свое время Керенский, он «считал себя обязанным оградить неприкосновенность семьи и гарантировать ей джентльменское обращение»³⁴.

Какой милый молодой человек, кто мог бы подумать... Совсем не похож на того «Кедринского», для которого высматривали было сук покрепче. И о здоровье спросит, и охрану пожурит, чтобы не досаждала... С третьего визита, когда к Керенскому во дворце уже попривыкли, он после официального обхода усаживался на диванчике с бывшим царем, заводил с ним беседу о том о сем, делился радостями и огорчениями первых шагов своей министерской деятельности. Снисходительно выслушивал Николай бойкие рассказы словоохотливого «страшного революционера» о том, как он распоряжается и приказывает, какое у него множество дел и как самосильно он их решает.

— Как жаль, Александр Федорович, что у меня раньше не было такого хорошего министра, как вы, — сказал однажды Николай. — Вы бы были у меня очень хорошим министром, вы всегда говорили бы мне правду...³⁵

Представитель «февральской демократии» польщен...

— Вот теперь у вас гостит Альбер Тома (один из лидеров французских социалистов), — сказал однажды Николай Керенскому. — В прошлом году он обедал у меня. Это интересный человек, напомниме ему обо мне.

И Керенский далее повествует: «Я это выполнил. Особенность выражения, с которым он произносил «прошлый год» и «теперь», позволяла думать, что экс-император иногда сожалеет о прошлом... Казалось, ему тяжело говорить об этом, особенно о людях, которые покинули его, так быстро ему изменили... Да, не ожидал он такого вероломства...» «Февральскому демократу» от души жаль бедного императора, лишившегося трона.

* Восславил его за это, например, ведущий орган промонархического клерикализма в Австрии: лучшего отношения «не мог бы пожелать никакой легитимист». Журнал ставит Керенского в пример австрийским политикам: они-де не проявили такого сочувствия к свергнутому последнему Габсбургу, как Керенский к последнему Романову: «Многие ли из этих господ сумели найти в адрес нашего последнего кайзера столь теплые слова, как Керенский в адрес царя Николая?» (*Schwarzenberg K. Von der Palais — zur Oktoberrevolution // Die Furchе (Wien). 1967, 12. VIII*).

— Какое несчастье случилось... — говорил он как-то по возвращении из Царского Села супруге последнего царского министра юстиции Н. А. Добровольского (она живет в здании министерства, муж ее сидит в крепости). — Что мы наделали... Как могли мы, его не зная, сделать то, что мы совершили... Я собирался в первом же разговоре назвать его «Николай Романов»... Но я увидел его, он на меня посмотрел своими чудными глазами, и... я вытянулся и сказал: «Ваше величество»... Как мудро и проникновенно он говорил... И какая кротость, какая доброта, какая любовь и жалость к людям... Понимаете ли, это и есть идеал народного правителя... И его-то мы свергли...³⁶

Оба пришлось друг другу по вкусу. Одному в другом почти сразу что-то понравилось.

Если «воля народа», как выразился, «скрипя зубами», Николай в беседе с Мордвиновым, воплощена в этом министре юстиции с тщательно выбритым актерским лицом, он, бывший царь, против такой воли в данную минуту не очень возражает, готов в настоящей обстановке посчитаться с ней, не «скрипя зубами». Столь приятный в некоторых отношениях молодой человек и в самом деле «пускать управляет»: не приходится быть «насиленно милым» ему — он сам рассыпается в изъявлениях почтения и заботы. Запись Николая о Керенском (от 22 июня 1917 г.): *Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту; чем больше у него власти, тем лучше*³⁷. Отношение Николая к нему — вроде как бы к своему главному приказчику. Приняв на себя в трудный час важный участок управления страной, он должен удерживать его в относительном порядке до момента, когда сможет вернуться хозяин, временно отлучившийся по не зависящим от него обстоятельствам. Теперь и Александра Федоровна, смягчившись, говорит некоторым из приближенных о своем бывшем кандидате на перекладину: «Я не могу пожаловаться на него. Он порядочный человек. С ним можно говорить»³⁸.

«С ним можно говорить...» О чем? Практически обо всем, что беспокоит, пугает или томит экс-царскую чету. Даже о выходе из дворцового заточения.

ПОПЫТКА БЕГСТВА

Да, о выходе на свободу. Об отъезде в Ливадию или за границу. Вообще подальше от революции, таящей в себе столько угроз, пока скрытых.

Потеряв власть, Романовы не потеряли надежды вернуться к ней. «Тебя еще позовут», — говорила супругу Александра Федоровна. Чтобы дожидаться этого, надо пережить революцию. А чтобы пережить революцию, лучше всего было бы бежать от нее. Куда? Подальше, за пределы ее досягаемости. Лучше всего — за границу.

Об этом и мечтают Романовы с того дня, как очутились в заключении. Одно заветное желание владеет ими, тесня на задний план все иные помыслы и хлопоты: оторваться от России, удалиться на возможно более приличное расстояние. Не насовсем. Оторваться от нее, чтобы в подходящий момент, взяв необходимый разбег, вновь прыгнуть ей на спину.

Одни из слуг разбежались. Другие в казематах Петропавловки дают показания Чрезвычайной следственной комиссии. Но появились новые служащие — и на них тоже можно положиться, — это доброжелатели и заступники либерально-демократические. И первые в их ряду, исполненные заботы о будущем бывших, — Г. Е. Львов, П. Н. Милюков и А. Ф. Керенский. Эта группа, доминирующая во Временном правительстве, и взялась оказать Николаю и Александре Федоровне особую услугу: властью, перехваченной на гребне революции, спасти их от санкций революции, со ссылкой на милосердие народа оградить от ответственности за содеянное против народа. И не вина этой группы, что это ей не удалось...

Шла незабываемая бурная весна семнадцатого года; праздновал свою победу народ, убежденный, что его борьба против царской тирании увенчалась успехом. Февраль привел в движение всю гигантскую страну, прогремев набатом в самых отдаленных ее углах. Даже мещане и обыватели, еще вчера шарахавшиеся от одного слова «революция», пугавшиеся самого слова «крамола», стали с интересом прислушиваться к вестям о событиях в Петрограде, Царском Селе, Могилеве. Даже почтенные буржуа нацепили на себя красные банты. Наивному наблюдателю могло бы в этой атмосфере восторгов и ликований показаться, будто всех и вся объединил один порыв, будто в России устанавливается всеобщий классовый мир. То была иллюзия. На самом деле «классовая борьба еще более обострилась, вступив в новую фазу своего развития»³⁹.

Хотя государственную власть официально прибрало к рукам буржуазное Временное правительство, установившее свой контроль над старым аппаратом управления, все же подлинная и реальная сила была на стороне возродившихся Советов, которые поддерживались армией и революционным народом. Без согласия Петроградского Совета не мог быть издан ни один закон. За столичным Советом стояли Советы, созданные по всей России. Впоследствии Г. Е. Львов, первый глава Временного правительства, признавал, что это правительство было властью без силы, тогда как Совет рабочих депутатов был силой без власти. Пользуясь поддержкой армии и народа, Советы несомненно могли бы сосредоточить в своих руках всю власть, им даже не пришлось бы для этого пускать в ход оружие. Но мелкобуржуазные группы, обладавшие в то время в руководстве Советов большинством, — меньшевики и эсеры добровольно уступили власть буржуазному Временному правительству и превратились в опору его

политики, направленной против жизненных интересов народа и революции.

А интересы эти требовали активных действий. Экономика страны была подорвана, разруха на транспорте и топливный кризис усилились, финансовая система развалилась. От материального производства была отвлечена почти половина взрослого мужского населения; промышленность работала на войну. Страна была ввергнута в пучину невиданной нужды и обнищания, товаров становилось все меньше, росла дороговизна. Война продолжалась, поглощая жизни и громадные средства: каждый день военных действий обходился России в 50 млн. руб.⁴⁰, а капиталистические объединения наживались на военных поставках и биржевой спекуляции.

В то же время буржуазное правительство не выказывало намерения ни ограничить доходы капиталистов, ни вывести страну из трясины войны. Напротив, оно еще крепче привязало русскую внешнюю политику к Антанте; обрушило на плечи трудового народа, в первую очередь рабочего класса, бремя дополнительных налогов и повышенных цен; срезало заработную плату. По расчетам финансового ведомства, новые налоги на трудящихся должны были дать в 1917 г. свыше 1 млрд. руб.

Власти с мест посылали министерству внутренних дел Временного правительства такие, например, сообщения: «Низкий уровень заработной платы и условия жизни и быта рабочих привели рабочее население к физическому истощению в буквальном смысле, что бросается в глаза даже при поверхностном наблюдении»⁴¹.

Рабочий класс — гегемон русской революции — был главной силой в общественной жизни страны; его мужеству и решимости было обязано своей победой над царизмом в феврале — марте 1917 г. всенародное движение. Под руководством большевистской партии, опираясь на свои массовые организации (профсоюзы, фабзавкомы, Советы), рабочие дали отпор попыткам буржуазии реставрировать монархию и заставили Петроградский Совет сказать свое веское слово по этому поводу.

Однако враждебные народу элементы не успокоились. Стали приходить в себя оглушенные революцией крайне правые реакционные элементы. Едва оправившись, они вошли в соприкосновение и взаимодействие с теми кругами буржуазии, которые никак не хотели забыть о провале своих февральско-мартовских планов сохранения в России монархического строя. Все эти группы — от либералов до недавних черносотенцев — сходились на том, что надо сохранить «на всякий случай» низвергнутого царя. Определилась их общая практическая цель: уберечь бывшую царскую чету от возможных неприятностей, связанных с пребыванием близ бурлящего Петрограда,

вывести ее из-под угрозы расплаты за совершенные преступления. Иначе говоря, сохранить за Романовыми возможность возвращения к власти. А это значило помочь им бежать за границу, где они могли бы отсидеться в ожидании благоприятного для них часа.

Известный в свое время адвокат Н. П. Карабчевский писал в белой эмиграции, будто Керенский после Февраля был настроен по отношению к царю «весьма решительно» (в смысле привлечения его к ответственности). Как-то раз Керенский предложил ему, Карабчевскому, поступить на государственную службу (стать сенатором).

— Нет, Александр Федорович, — будто бы ответил Карабчевский, — разрешите мне остаться тем, что я есть: адвокатом. Я еще пригожусь как защитник...

— Кому? — спросил Керенский. — Николаю Романову?..

— Да, я его буду защищать, если вы затеете его судить.

Керенский откинулся на спинку кресла, на секунду призадумался и, проведя указательным пальцем левой руки по шее, сделал им энергичный жест вверх. Я понял, что это намек на повешение.

— Две, три жертвы, пожалуй, необходимы, — сказал Керенский, обводя нас своим не то загадочным, не то подслеповатым взглядом...

— Только не это, — дотронулся я до его плеча. — Забудьте о французской революции, мы в двадцатом веке, стыдно, да и бессмысленно идти по ее стопам...⁴²

Нечто в этом роде о том, будто Керенский собирался потребовать судебного искупления грехов царя, повествовал пресловутый советолог Виктор Александров. Незадолго до смерти Керенского он нанес ему визит в Нью-Йорке.

«Он принял меня в своей элегантной квартире на 93-й стрит, этот старик 82 лет, наполовину потерявший зрение и все же сохранивший большую живость... Я спросил его: в те давние времена революции — были ли у него по отношению к Романовым определенные планы?

— О да, — сказал он. — Мои намерения были вполне определенными...

— Чего же вы хотели?

— Я хотел пролить побольше света на эпоху и дела царизма... Я всячески добивался, чтобы царь и царица предстали перед революционным и демократическим судом. Потому-то и указал полковнику Коровиченко забрать у царя бумаги, разделить его от царицы, форсировал работу следственной комиссии... Вот какие были мои подлинные намерения. Увы, я не мог огласить их в ходе все еще опутывавшей нас ужасной войны»⁴³.

Таковы ли, однако, были его «подлинные намерения»?

В тот день, когда четверо думцев выехали в Могилев, чтобы взять под стражу Николая, одновременно в адрес генера-

ла Алексеева ушла телеграмма за подписью Львова и Керенского, сообщавшая, что Временное правительство обеспечит бывшему царю возвращение к семье в Царское Село, с тем чтобы в ближайшее время переотправить их «через Мурманск в Англию». Поступление этой телеграммы подтвердил в эмиграции бывший генерал-квартирмейстер Ставки А. С. Лукомский: он лично получил ее и передал Алексееву. «Временное правительство, — показывал он Соколову, — гарантировало императору свободу и отъезд его семьи за границу». По словам другого свидетеля, Дубенского, у него было тогда ясное впечатление, что между Керенским и Алексеевым достигнута договоренность «о свободном приезде государя в Царское, его свободном там пребывании и свободном отъезде за границу через Мурманск»⁴⁴.

Все это происходило на второй-третий день после отречения Николая. Нет недостатка в подтверждениях того, что «мурманский» план Керенского возник сразу после переворота. Во-первых, засвидетельствовал это сам Николай. *Разбирался в своих вещах и в книгах и начал откладывать все то, что хочу взять с собой, если придется уезжать в Англию...* — записал он в дневнике 23 марта 1917 г. Во-вторых, показал Соколову первый глава Временного правительства Львов: он сам, министр юстиции Керенский и вся компания в целом «находили, что царской семье лучше будет уехать из России. Называли тогда Англию и Данию... Выяснял эту возможность министр иностранных дел Милюков». Последний в свою очередь засвидетельствовал, что, «как только возникла революционная власть, было признано желательным и необходимым, чтобы Николай II с семьей покинул пределы России и выехал за границу, причем страной, куда были обращены наши взоры, была Англия... Тогда же я и счел себя обязанным вступить в переговоры по этому вопросу с Бьюкененом»⁴⁵.

Из всего этого следует, что за спиной восставшего народа в дни, когда на Марсовом поле еще хоронили героев революции, Керенский и его коллеги уже собирались открыть бывшему царю путь бегства за пределы страны. Их согласие на его арест (они избегали этого слова, предпочитая говорить об «ограничении свободы») было связано с их же планом отправить его в Англию. Арестом они рассчитывали успокоить Совет, усыпить бдительность рабочих и солдат, а главное — обеспечить безопасность Романовых до того момента, когда можно будет поставить страну перед совершившимся фактом, эвакуировав царскую семью за пределы России.

Раз «счел себя обязанным» (перед кем?), переговоры завязываются. Они носят официальный характер, хотя ведутся втайне. Посол Джордж Уильям Бьюкенен запрашивает свое правительство, как быть. Обсудив на ближайшем заседании запрос Бьюкенена, коалиционный кабинет Ллойд Джорджа постанов-

ляют: просьбу Милюкова и Керенского удовлетворить; пригласить Николая с семьей на жительство в Англию. Это решение было единодушным: «ни один член кабинета не выступил против этой меры гуманности и политической мудрости». По инструкции с Даунинг-стрит посол 20 марта является на Дворцовую площадь в министерство к Милюкову и официально сообщает ему, что «его величество король и правительство его величества будут счастливы предоставить русскому императору убежище на Британских островах». Бьюкенен добавил, что для вывоза семьи из России правительство Великобритании готово предоставить военный корабль (крейсер), которому в указанный петроградским кабинетом момент будет приказано отправиться в Мурманск. Затем было уточнено, что выделяется для Романовых один из британских кораблей, крейсирующих в Северном море. Организацию переезда из Царского в Мурманск Временное правительство возложило на Керенско-⁴⁶

Казалось, переговоры подходят к результату. Керенский и Милюков согласовали с послом детали переезда, чете Романовых оставалось лишь собрать чемоданы. Николай и в самом деле часть вещей уложил. Но возникло затруднение — нельзя сказать, что непредвиденное.

Обо всем этом узнали в Петроградском Совете. Под давлением масс Совет запротестовал, хотя руководство им находилось в руках меньшевиков и эсеров. С оглядкой на присутствующих в зале представителей рабочих коллективов крупнейших предприятий столицы Н. С. Чхеидзе, председательствуя на одном из заседаний Петросовета, счел нужным заявить о своей поддержке требований, чтобы новая Россия была «обеспечена от возвращения Романовых на историческую арену»⁴⁷.

Некоторые западные авторы, касаясь этой страницы Февраля, признают, что в Совете заседали люди, которые, собственно, «ничего особенно жестокого не стали бы замысливать против бывшего монарха», они просто «боялись реакции народа на развивающиеся события». Этим людям в Совете и Временному правительству желательнее было договориться между собой, чем «встретиться лицом к лицу с гневом и подозрениями народных масс, всегда готовых хлынуть к центру города из своих пригородов и барakov...»⁴⁸.

Именно такую реакцию — «гнев и подозрения» — и вызвало в рабочих районах Петрограда быстро распространившееся известие о том, что буржуазным правительством разработан и уже приведен в действие план вывоза Романовых за границу. Одновременно поползли по Петрограду слухи о заговоре монархистов, готовящих нападение на Александровский дворец с целью освободить и увезти царскую семью. О необходимости пресечь эту возню заходит речь на митингах и собраниях, на каждом заседании Совета. Большинство Совета считает со-

мнительной охрану дворца, возложенную на Корнилова и контролируемую Керенским. Караулы, передоверенные полковнику Коровиченко (позднее полковнику Кобылинскому), ненадежны. Вокруг дворца заметна подозрительная суета.

И в самом деле, внимательному наблюдателю нетрудно заметить, что вокруг дворца шныряют сомнительные личности, группами и в одиночку. Через слуг и коменданта они сносятся с арестованными. Позднее, в эмиграции, Марков 2-й сам расскажет, как в марте — апреле 1917 г. он организовал в Петрограде группу бывших охранников и жандармов для насильственного освобождения и вывоза через финскую границу царской семьи. Его подручный, штабс-капитан Сергей Марков, подготовил диверсию, под прикрытием которой Романовы должны были бежать: намечено было инсценировать нападение «большевиков и анархистов» на дворец, взорвать бомбу в правом крыле корпуса и, воспользовавшись сумятицей, вывезти семью. Своим сообщникам среди прислуги Сергей Марков передал динамит; он наладил систему паролей и сигналов, установил маршрут до границы, нашел и подготовил автомобили. В дни, когда Милюков и Керенский договаривались с английским послом, Марков 2-й довел до сведения Николая, что «подготовка идет к концу» и «час близок». Николай поручил Бенкендорфу передать заговорщикам «спасибо за преданность», но попутно и просьбу «повременить». Есть смысл, сказал он, немного подождать — посмотрим, что получится из официального, более безопасного плана эвакуации за границу. Если организовать такой выезд властям не удастся, тогда уж «сами возьмемся». Оба Марковы с поправкой согласились, передав во дворец через мадам Ден: «Но знайте, что мы ко всему готовы»⁴⁹.

Следуют контрмеры. Петроградским Советом принято решение: призвать Царскосельский гарнизон к революционной бдительности, предотвратить вылазку монархистов. И еще: не допустить вывоза семьи в Мурманск агентами правительства, оказать им решительное сопротивление. Верным Совету вооруженным отрядам отдан приказ взять под контроль железнодорожные узлы и станции на Северо-Западе России. Командированы комиссары для наблюдения в таких пунктах, как Тосно и Званка. Органам власти и демократическим организациям на местах дан приказ: в случае бегства Романовых найти и задержать их во что бы то ни стало с применением любых средств. В подходящий момент водворить бывшего царя в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Кроме того, решено послать в Царское Село отряд, который, во-первых, проверит бы наличие арестованных, во-вторых, выяснит бы состояние охраны и, наконец, определит бы на месте условия, при которых Совет, если сочтет нужным, мог бы вывезти Романовых из дворца.

Такой отряд стрелков и пулеметчиков на броневиках был действительно послан в Царское Село. Командовал им левый эсер С. Д. Масловский (он же Мстиславский), бывший библиотечарь Академии Генерального штаба, а в описываемый момент член совета Союза офицеров-республиканцев, активист военной комиссии Думы и исполкома Петроградского Совета. При нем заместителем некий В. В. Яковлев, тоже левый эсер, незадолго перед тем возвратившийся из эмиграции, пристроенный Масловским на работу в ту же библиотеку. Прибыв к Александровскому дворцу, они проверили состояние наружной охраны, приказали отключить от здания телефонную и телеграфную связь, затем потребовали предъявления заключенных*. Бенкендорф воспротивился, ссылаясь на приказ Корнилова не пускать никого во внутренние помещения без именных пропусков, им, Корниловым, подписанных. Лишь когда Масловский пригрозил применить силу, Бенкендорф согласился «предъявить» ему и его спутникам Николая.

Поначалу Масловский требовал, чтобы его провели непосредственно в комнаты бывшего царя и «предъявили» Николая там. На этот раз решительно и угрожающе воспротивилась комендатура. Чтобы избежать стычки, а также унижительной для Николая сцены, договорились устроить так, что Николай пойдет по коридору из одной комнаты в другую, Масловский его здесь увидит, об этом и будет сообщено в Петроградский Совет как о состоявшемся «предъявлении».

Позднее Керенский истолковал этот эпизод как попытку захвата Петроградским Советом бывшего царя. Слух о возможном отъезде царской семьи, писал он, вызвал «налет» на Александровский дворец посланного Советом отряда: «явился с броневыми машинами член военной секции Масловский и пытался взять царя. Он не исполнил этого только потому, что в последнюю минуту растерялся»⁵⁰.

На какое-то время авторы плана «бега к морю» дали отбой. К маю — июню обстановка в районе Петрограда и в стране сложилась такая, что об осуществлении царскосельской авантюры, запланированной еще в марте, ни Марков 2-й, ни политики из Таврического дворца не могли и думать.

Три месяца прошло с начала революции. А важнейшие ее вопросы — о мире, земле, хлебе — оставались все еще не решенными. Буржуа в городе и помещики в деревне нагнали. В армии поднимало голову контрреволюционное офицерство, провозгласившее своей целью «обуздание солдат». Хозяйственное положение еще более ухудшилось. В обстановке всеобщего недовольства масс состоялись 18 июня в Петрограде и по

* Мстиславский в своих воспоминаниях отрицает, будто он окружил дворец войсками и будто его солдаты беспорядочной гурьбой забили вестибюль. По его утверждению, он один в сопровождении другого офицера направился во дворец, оставив отряд на вокзале.

стране демонстрации протеста против произвола эксплуататорских классов. Этот день вошел в историю русской революции как один из дней ее перелома. Июньские демонстрации «вскрыли остроту политического положения в стране, высокий накал классовой борьбы»⁵¹. Ускорив процесс развития революции, они, с одной стороны, выявили крепнущее единство действий рабочих и солдат, возросшее влияние большевистской партии в массах, а с другой стороны, ослабление позиций буржуазии, шаткость кадетско-меньшевистско-эсеровского правительства. Как раз в те дни, в обстановке, чреватой взрывом, состоялся в Петрограде I Всероссийский съезд Советов. С его трибуны один из меньшевистских лидеров, И. Г. Церетели, заявил: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место»⁵². В ответ из зала послышалось уверенное: «Есть такая партия!» Эти исторические слова произнес от имени большевистской партии В. И. Ленин.

В страхе перед надвигающимися событиями, в предвидении дальнейшего подъема революционной волны буржуазные политики в первые летние недели возобновляют попытку вывезти Романовых из района Петрограда — Царского Села, открыть им дорогу за границу. И эта попытка провалилась.

Сперва переговоры с Бьюкененом шли «приятно», писал в своей парижской газете Милюков, но потом «как-то почувствовалось, что дело затягивается». Тогда же стал вырисовываться еще один вариант: возможность получения Романовыми убежища в Испании. Но так как на официальное приглашение Альфонс XIII не решился, к тому же был контакт на этот счет с Англией, центр тяжести вопроса по-прежнему лежал в диалоге с англичанами⁵³. Соколову же Милюков поведал, что произошло дальше: после того, как «лондонское правительство заявило о своей готовности принять царскую семью», после того, как «Бьюкенен уведомил меня, что для перевозки должен прибыть крейсер, — никакой крейсер не приходил, и отъезда все не было». И вдруг однажды Бьюкенен явился в министерство иностранных дел и поставил Милюкова в известность, что «британское правительство более «не настаивает» на переезде царской семьи в Англию»⁵⁴.

Со своей стороны и Жильяр подтверждает, что заключение в Александровском дворце царская семья считала «непродолжительным», «она все ждала» отправления в Англию. Но «по-видимому, — считали в семье, — власть от Временного правительства постепенно уходит», «мы были только в нескольких часах езды от финляндской границы... и казалось, что, действуя решительно и тайно, можно было бы без большого труда достичь одного из финляндских портов и вывезти семью за границу»⁵⁵.

«Действуя решительно и тайно...» Легко сказать! Но как

раз по этой статье Керенскому в эмиграции особенно крепко досталось. И Ллойд Джордж, и пресса тори, и спутники по белоэмигрантским бегам поносили его как за нехватку решимости, так и за несоблюдение тайны переговоров, допущенное в 1917 г. Ллойд Джордж в своих мемуарах, например, прямо заявил, что Романовы «погибли из-за слабости Временного правительства», которое не сумело вовремя вывезти их за границу, подальше от «разбушевавшихся» народных масс. У него, Керенского, весной и летом семнадцатого года были еще и власть, и личное влияние, достаточные для того, чтобы помочь Романовым покинуть страну.

Поначалу Керенский крепился, нападки эти терпел, а потом прорвалась обида. На него, объявил он в западной прессе, возводят напраслину. Он старался. Англичане обещали крейсер. Был бы крейсер, не было бы Тобольска, не было бы Екатеринбурга. Касательно же секретности переговоров — нарушил ее сам Бьюкенен, что и подтверждается тем фактом, что по выходе его в отставку Форин оффис отказал ему в пенсии за нарушение государственной тайны, каковую представлял собой план вывоза Романовых в Англию. Движимый любовью к истине, он желает со всей ясностью раскрыть, «почему Николай II и его семья не попали в Англию».

Отправить их за границу Временное правительство решило еще в марте. Тогда он, Керенский, сказал: они будут отправлены в Англию и я сам доведу их до Мурманска... «Мы вели переговоры с лондонским кабинетом, но как раз тогда, когда их пребывание в Царском сделалось невозможным, мы получили от англичан сообщение, что до окончания войны въезд бывшего монарха в пределы Британской империи невозможен». И далее: «Я утверждаю: если бы не было этого отказа, мы не только посмели бы, но и вывели бы Николая II и его семью за пределы России, так же как мы позже вывели его в Тобольск»⁵⁶.

Причина этого отказа восходит к пальмерстоновскому принципу, согласно которому у Британии «нет ни постоянных друзей, ни постоянных врагов — она имеет лишь постоянные интересы». Хорошенько поразмыслив над перспективой заполучения таких иммигрантов, как Николай и Александра Федоровна, особенно в свете бурных событий в России и нарастающего революционного брожения в Европе, на Даунинг-стрит пришли к убеждению, что возникновение романовского гнезда на Британских островах никаких выгод Англии не сулит, на неприятности же можно рассчитывать наверняка.

Главное затруднение состояло в том, признает Фрэнклэнд, один из заокеанских советологов, что «приезду бывшего царя в Англию был враждебен и фактически воспротивился английский народ». Хотя обычаем британских правящих кругов с давних времен было предоставление убежища беглым монархам

и претендентам на престолы (можно вспомнить Людовика XVIII, Луи-Филиппа, Наполеона III и др.), в 1917 г. лондонские лидеры решили воздержаться от приглашения Романовых в страну, сознавая, что английскими рабочими не забыты ни 9 Января, ни разгром Пресни в декабре 1905 г., ни убийства на Лене в 1912 г., ни прочие преступления царизма. К тому же, как отметил в одном из донесений в Форин оффис тогдашний английский посол во Франции лорд Берти, в Европе многие подозревают, что «британское правительство, включив в свой резерв бывшего царя, попытается когда-либо использовать его в целях реставрации, как только оно сочтет это соответствующим своим эгоистическим интересам, или в тех же своих корыстных интересах попытается в будущем вызвать в России междоусобицу и раздор».

Тем не менее лондонские политики обиделись. Что, собственно, хотел сказать бывший петроградский премьер? Что царя выдали революции они, традиционные ревнители короны? Но ведь все знают, что это на них не похоже. Не они отказались принять царскую семью, а он, Керенский, оказался неспособным ее передать. Ему следовало бы без промедления, уже после первого ответа Бюкенена, доставить семью в условленный порт, а уж там наверняка все уладилось бы. Ведь пояснил же авторитетно Ллойд Джордж, цитирует Фрэнклэнд, что они «вовсе и не брали назад свое приглашение. Конечный исход дела определили действия русского правительства, которое само ставило препятствия на пути выезда царя»⁵⁷. Керенский сам тянул, выдвигая отговорки — например, что еще нездоровы после кори дети; что есть опасность нападения на семью по дороге в Мурманск; что еще не исследованы изъятые у царя бумаги; не сняты следственной комиссией все необходимые допросы и т. д. Одним словом, заключала возглавившая эту кампанию благородного возмущения «Дейли телеграф», не отказ британского кабинета, а «медлительность мистера Керенского плюс его малодушие в отношениях с большевиками» явились причиной того, что позднее совершилось в Екатеринбурге...

Таким образом, лондонские оппоненты потеснили экс-премьера на позицию, с которой он должен был доказывать уже не только свои заслуги в борьбе за царя, но и свою способность воевать со злокозненными большевиками. Однако бывший герой «февральской демократии» не дал отвлечь себя на смежную тему. Его ответная статья вновь переносит полемический заряд на первый пункт, на крейсер. Была бы палуба, а царя бы как-нибудь на нее доставил. Конечно, это дело вообще было не из простых. «Я никогда не утверждал, что это было так просто... Напротив, это было очень трудно. И все же я имею основание утверждать, что технически проезд Николая II до границы или до Мурманска осуществлялся бы не с большими трудностями, чем до Тобольска»⁵⁸.

Так в чем же дело? А вот в чем... И тут мистер Керенский, изловчившись, наносит своим британским оппонентам не лишённый меткости удар, такой, что надолго воцаряется неловкое молчание. Мистер Ллойд Джордж, объявляет экс-премьер, не желает сказать всю правду. Он предпочитает полуправду. Поэтому «я сейчас скажу во всеобщее сведение: опущенная Ллойд Джорджем половина правды состоит в том, что ему самому тогда становилось все труднее и труднее выполнить намеченный план, как и мне... Его связывало общественное мнение рабочего класса в Европе... общественное настроение во Франции... и, наконец, позиция сил русской революции»⁵⁹. Иначе говоря, Ллойд Джордж не подал крейсер не потому, что был мало оперативен Керенский, а потому, что транспортно-погрузочную попытку английского премьера парализовали на Западе те же революционно-демократические силы, которые бушующей волной поднялись тогда на Востоке.

Да, не часто Керенский оказывался на столь короткой дистанции от истины, как в данном случае... В самом деле, что же произошло в те дни 1917 г., когда правительство Ллойд Джорджа взяло назад свое согласие на въезд семьи Романовых в Англию? Сказалась и глубокая неприязнь англичан и французов к Александре Федоровне, олицетворявшей в их глазах пруссацкую группу в России, политику тайных происков в пользу кайзеровской Германии. Не поблекла в памяти англичан и гибель «Хэмпшайра» у Оркнейских островов — для них Китченер по-прежнему оставался жертвой преступления распутинской клики, действовавшей под покровительством Александры Федоровны. На подобные военные и политические диверсии и намекала одна из британских нот, после отставки П. Н. Милюкова врученная его преемнику М. И. Терещенко. В ней, в частности, было сказано: «Британское правительство не может посоветовать его величеству оказать гостеприимство людям, чьи симпатии к Германии более чем хорошо известны»⁶⁰.

Так что в истории тяжбы вокруг перемещения Романовых, резюмирует Фрэнклэнд, британская политика «очутилась в тисках одновременного давления с двух сторон: и политического, и эмоционального»⁶¹.

И все же решающими для исхода дела были не эти, а иные, куда более весомые обстоятельства. Яркий луч света бросила на них позднее Мериэл Бьюкенен, дочь британского посла в Петрограде:

Посольский курьер доставил расшифрованную лондонскую депешу моему отцу. Читая ее, отец изменился в лице.

— Кабинет больше не желает приезда царя в Великобританию, — сказал он.

— Почему?

— Они боятся... Боятся, что возникнут в стране беспорядки. Боятся,

что вспыхнут забастовки... Повсюду могут вспыхнуть стачки: в доках, на военных заводах, на других предприятиях, на шахтах... Не исключена даже опасность того, что, если Романовы высадятся в Англии, поднимутся в нашей стране мятежи. Итак, мне придется сообщить русскому правительству, что наше соглашение с ним более не существует.

Перед лицом таких опасностей главе правительства его величества, «зажатому в тиски», не остается ничего другого, как в свою очередь предпринять натиск на его величество... «чтобы подавить его добрые чувства»⁶².

Это было непросто. Георг усиленно хлопотал за Николая*. Он первым из родственников послал Николаю телеграмму сочувствия сразу после его отречения, о чем в эмиграции поведал Милюков: «Уже в первые дни переворота была получена от Георга V на имя отрекшегося государя телеграмма, в которой король выражал ему свои личные чувства... Но так как уже не существовало официального лица, коему телеграмма была адресована, я вернул ее Бьюкенену»⁶³. Это не обескуражило обитателя Букингемского дворца. Он вступился за Николая перед своим премьером и кабинетом, когда завязалась дискуссия о предоставлении убежища. Георг V ссылаясь, в частности, на то, что всего лишь год назад, в феврале 1916 г., посланные по его, Георга, поручению в Могилев генерал Пэджет и лорд Пэмброк вручили Николаю жезл фельдмаршала британской армии. В своей официальной речи в штабе могилевской Ставки Пэджет просил его тогда «принять это звание и жезл как знак искренней дружбы и любви», на что Николай ответил здравицей в честь «его величества короля Георга... дорогого двоюродного брата, друга и союзника»⁶⁴.

Можно ли предать забвению британское фельдмаршальское звание Николая II только потому, что в Петрограде, как когда-то случилось и в Лондоне, хлынула на улицы чернь? С доводами короля, хоть и ненадолго, солидаризировался министр иностранных дел сэр Артур Джэймс Бальфур. Он опротестовал отказ от приглашения, заметив, что, поскольку оно принято, налицо «позорный скандал». Все же Ллойд Джордж, известный еще под кличкой Уэльская Лиса, взял верх и над своим номинальным шефом, и над поддерживавшим его министром. Да и от внимания Георга V не ускользнуло, что предоставление в Англии убежища Романовым будет приписано мировой общественностью в первую очередь его, короля, родственной протекции и что «благоразумнее будет не компрометировать английский Саксен-Кобургский дом слишком настойчивым заступничеством за семью Романовых, олицетворяющих вековые фамильные и политические связи с Германией»⁶⁵. И по поручению короля его секретарь Эндрю Чэлфорд направляет

* Матери Георга V и Николая II были родные сестры — дочери датского короля Христиана IX.

Ллойд Джорджу письмо, означающее отбой: «Его величество со своей стороны выражает сомнение, благоразумно ли было бы в настоящее время направить в Англию царскую семью, учитывая не только рискованность в военное время путешествия, которое ей предстоит совершить, но и в не меньшей степени — из более широких соображений национальной и имперской безопасности». В свете этого шага резонно замечание Роналда Хингли, что на решающей, заключительной стадии эпизода «фактическим инициатором отказа семье русского императора в убежище в Англии выступил, собственно, самолично его кузен, король Георг V»⁶⁶.

Ясно, что довод насчет «рискованности» переезда был формальной отговоркой. Терещенко вцепился в него: ему хотелось уличить дорогих союзников в неискренности, смутить их совесть. Конечно, совести он у них не смутил, но на своих защитных конфуз навлек немалый.

Через датского политического деятеля Скавениуса Терещенко обратился к кайзеровскому правительству с секретным запросом: может ли Временное правительство рассчитывать на безопасность бывшего царя и его семьи, если они будут отправлены морским путем в одну из западноевропейских стран? В ответ на запрос через Копенгаген поступило из окружения Вильгельма II сообщение: «Императорское правительство считает своим долгом заверить, что ни одна боевая единица германского военно-морского флота не позволит себе напасть на какое бы то ни было судно, на палубе которого будет находиться русский император и его семья»⁶⁷.

Тому же факту отводит место в своей книге Александров. У него буквально сказано так: «Через посредство датского министра Скавениуса мистер Терещенко получил заверения, что крейсер, на борт которого взойдут в Мурманске Романовы, не подвергнется нападению подводных лодок». Раз немцы не нападут, значит, можно везти? Нет, все равно не повезем, говорят английские родственники. Почему? Бормочут что-то невнятное. Но бормочут со слезами на глазах — от жалости, от сочувствия. В таком виде, придя к Терещенко, сообщал Бьюкенен об окончательном отказе. Он явился «в состоянии глубокой подавленности... — пишет Александров, — передал министру послание от высокопоставленного лица Форин офиса, поддерживающего также тесные контакты с королевским двором». Со слезами на глазах сэр Джордж сообщил русскому министру иностранных дел, что британское правительство раз и навсегда установило, что оно не в состоянии предоставить убежище бывшему царю. Это означает, согласно комментарию советолога, что «после того, как Романовы были преданы и покинуты своими подданными, они были безжалостно покинуты также своими союзниками»⁶⁸.

Сошелся ли, однако, свет клином на Дэвиде Ллойд Джорд-

же? И впрямь. Англия была не единственной страной, где Керенский пытался укрыть Романовых. Но, странное дело, при множестве союзников и приятелей Романовым после Февраля нигде приткнуться.

Дания? Там у Николая двоюродный брат — король Христиан X; но, оказывается, семью бывшего суверена воюющей России Дания не может принять в силу своего статуса нейтральной страны. Греция? Мать короля Константина I, вдовствующая королева Ольга, родом из дома Романовых, проживает в России; но ни прогермански настроенный греческий король, ни проантантовски настроенное правительство не могут дать согласия на приезд Романовых по тому же мотиву нейтралитета страны. Испания? Королева Евгения приходится Александре Федоровне двоюродной сестрой; король Альфонс XIII всегда высказывал особые симпатии к Николаю II. Но вот дошло до дела — и эти тоже ссылаются на нейтралитет. Норвегия? Нейтральна. Португалия? Нейтральна. Сербия, Черногория? Они указывают на свое тяжелое военное положение, на австрийскую оккупацию. Франция? Теперь она, самая верная союзница, может уже открыто заявить, что не желает, чтобы развенчанный тиран и в особенности его немецкого происхождения жена ступили на республиканскую землю...

Что касается крейсеров, то они были и у Керенского. Впрочем, для эвакуации царской семьи они не очень-то и нужны были. Чтобы перебросить Романовых через Финляндию в любую из сопредельных (в том числе Скандинавских) стран, можно было обойтись и другим транспортом. Но в том-то и дело, что любой из вариантов бегства, включая и мурманский, терпел крах по обстоятельствам, зависевшим не от транспорта, а от воли народных масс. Массы же эти в России — рабочие, крестьяне и солдаты, революционным инстинктом осящая опасность, исходившую от низвергнутой семьи Романовых, решили из страны ее не выпускать.

БЕСЕДЫ НА ДИВАНЧИКЕ

То, что в закулисные интриги вокруг Романовых вмешались иностранцы (Вильгельм II, Георг V, Альфонс XIII, Ллойд Джордж, Бальфур, Скавениус и др.), резко обострило опасения народа — осознанные или подсознательные, все равно. Как уже не раз бывало в истории революционных переломов, вовлечение иноземных сил лишь ухудшило положение верхушки рухнувшего абсолютистского режима. Сначала Романовых пытались вызволить англичане. Потом вмешались в это внутреннее дело России немцы. Среди множества планов освобождения Романовых не было ни одного, который не исходил бы из расчетов на иностранную помощь. И проваливались эти планы по одной и той же причине: их осуществлению препятство-

вали население страны, местные демократические организации, даже охрана царской семьи. Потому-то уже на первом, царскосельском этапе промонархических происков потерпели неудачу и «официальный» (Керенского — Милюкова), и «неофициальный» (Маркова 2-го) проекты вывоза Романовых за границу. Было ясно: куда бы ни привела Романовых дорога их бегства, они нигде не угомонятся; жажда мщения, тоска по утраченной власти удесятерит их активность. Если им удастся выбраться из-под стражи, они неизбежно станут знаменем контрреволюции, центром консолидации ее самых свирепых элементов. До конца дней своих они будут рваться в свои дворцы, не давая покоя ни себе, ни России, ни миру.

Ныне и г-н Хойер, уж как ни силится он в своих очерках изобразить Николая «кротким», «смирившимся», «фаталистически предавшимся своей судьбе», даже он сопровождает этот свой вольный портретный этюд оговоркой, что «в глубине души низвергнутый царь, по-видимому, все же не смирился». Николаем и его женой «владела, вероятно, надежда, что их последняя страница далеко еще не перевернута. Александра Федоровна «ждала освобождения в уверенности, что оно так или иначе придет. Она верила, что еще есть преданные люди, храбрые офицеры, которые отдадут за нее свою жизнь. Хоть и существовала цензура, замкнувшая Александровский дворец, секретные сообщения извне не переставали убеждать царицу, что освобождение возможно и даже близко». Эти оговорки, которыми г-н Хойер как бы вскользь оснащает свои утверждения, более убедительны, чем сами утверждения. И уже в явном противоречии со своим сентиментальным рассказом о последнем возвращении Николая из Могилева в Александровский дворец (он стоял перед женой «растерянный», «глаза его были полны слез», они оба почувствовали себя в эту минуту «бессильными жертвами») этот советолог признает: «Они были жертвами, но отнюдь не безвинными. Как уже бывало в истории со слабыми людьми, Николаем владела жгучая, лишь наполовину, может быть, осознанная жажда власти, и он считал, что те, кто его освободит, выполнят лишь благочестивую миссию»⁶⁹.

Сидя с Керенским на диванчике, бывший император, ласково заглядывая ему в глаза, поддакивал его монологам, внимательно следил за каждым движением — весь предупредительность, кротость и смирение. Не таким увидел царя Масловский (Мстиславский), когда по поручению исполкома Петроградского Совета прибыл во главе вооруженного отряда в Царское Село, чтобы проверить наличие именитого заключенного.

На «предъявление» пошли с ним начальник внутреннего караула и другие должностные лица охраны. Распахнулись двери. «Мы вступили в вестибюль, нас окружила — почтительно, но любопытно — фантастической казавшаяся на фоне пе-

реживаний этих дней толпа придворной челяди... Все по-старому: словно в этой дворцовой громаде не прозвучало даже дальнего отклика революционной бури, прошедшей страну из конца в конец».

Комиссар и его спутники попадают в коридор, где ждет кучка придворных во главе с Бенкендорфом. Сейчас выйдет на поверку главный арестант. Где-то в стороне шелкнул дверной замок. Дрожащей рукой Бенкендорф расправляет седые бакенбарды. Офицеры охраны вытягиваются в струнку, торопливо застегивают перчатки. Слышатся быстрые, чуть призывающие шпорами шаги...

На нем не было полосатой арестантской робы, о нет! Он вышел в щегольском полковничьем кителе, в нарядной форме офицера лейб-гусарского полка. «Как всегда, подергивая плечом и потирая, словно умывая, руки, он остановился на перекрестке, повернув к нам лицо — одутловатое, красное, с набухшими, воспаленными веками, тяжелой рамой окаймлявшими тусклые, свинцовые, кровавой сеткой прожилок подернутые глаза. Постояв, словно в нерешительности, потер руки и двинулся к нашей группе. Казалось, он сейчас заговорит. Мы смотрели в упор в глаза друг другу, сближаясь с каждым его шагом. Была мертвая тишина. Застылый, желтый, как у усталого, затравленного волка, взгляд императора вдруг оживился: в глубине зрачков словно огнем полыхнула растопившая свинцовое безразличие их яркая, смертная злоба...

Николай приостановился, переступил с ноги на ногу и, круто повернувшись, быстро пошел назад, дергая плечом и прихрамывая...

Напутствуемые «шипением брызгавшего слюной Бенкендорфа», Масловский и люди его отряда двинулись к выходу. Кто-то из сопровождавших сказал в вестибюле: «Вы напрасно не сняли папах: государь, видимо, хотел заговорить с вами, но когда он увидел, как вы стоите...» Другой добавил: «Ну, теперь берегитесь. Если когда-нибудь Романовы опять будут у власти, попомнится вам эта минута: на дне морском сыдут...»⁷⁰

Когда-то там еще обретет династия возможность разыскивать своих обидчиков на дне морском... А пока нуждаются в защите от дальнейших неприятностей сами Романовы. И англо-хранителем их остается Керенский, прежде министр юстиции, в данную минуту глава Временного правительства. В должности-то он вырос, но возможности его сужаются... Теперь туговато приходится и ему самому.

Середина лета 1917 г. характеризуется широким размахом совместных выступлений рабочих, крестьян и солдат. В построениях народных масс отмечается дальнейший резкий сдвиг влево, в сторону решительной борьбы с контрреволюцией, рост доверия народа к большевикам. В ответ буржуазия устроила в столице 3—5 июля массовую расправу над рабочим

классом, его большевистским авангардом, над другими демократическими элементами трудящегося населения.

Глубокий анализ таких событий, как июльские расстрелы и репрессии, осуществленные Временным правительством при прямой поддержке эсеров и меньшевиков, привел Ленина к выводу о том, что двоевластие окончилось, контрреволюция организовалась и взяла реальную власть в свои руки.

Разгул реакции нарастал. 7 июля отдано было распоряжение о расформировании воинских частей, участвовавших в июльской демонстрации в Петрограде. 9 июля разгромлены в Петрограде помещения ряда большевистских и других демократических организаций. Эсеро-меньшевистские лидеры, предательски сдающие буржуазии одну позицию за другой, объявляют Временное правительство «правительством спасения революции» и признают за ним неограниченные полномочия для дальнейших репрессий.

12 июля Временное правительство вводит смертную казнь на фронте. В те же дни разгромлены и закрыты редакции ряда большевистских газет. 19 июля назначен верховным главнокомандующим русской армией генерал Л. Г. Корнилов, прежде всего приказавший разгонять силой оружия митинги солдат.

Сложился единый антибольшевистский фронт, в котором объединились главные силы контрреволюции: партия кадетов — вождь русской буржуазии; реакционная военщина, которую активно поддерживали империалисты Антанты, усвоившие метод грубого вмешательства во внутренние дела России. Развернулась неистовая кампания клеветы, травли и террора против большевиков.

Особенно усердствовал Керенский. По его приказу составлялись списки революционных борцов, подлежащих аресту, а фактически и уничтожению. Старания Керенского, одновременно проявлявшего заботу о безопасности царской семьи и создании для нее комфорта, по достоинству оценили как русская буржуазия, так и представительства западных держав в Петрограде. 8 июля он сменяет Г. Е. Львова на посту главы правительства, сохранив портфель военного и морского министра.

22 июля, за четыре дня до открытия VI съезда РСДРП(б), Керенский инспирировал опубликование в прессе сообщения «От прокурора петроградской судебной палаты» — о так называемом расследовании июльских событий, о привлечении к судебной ответственности «за измену и за организацию вооруженного восстания» В. И. Ленина и других видных большевиков. Буржуазная пресса охотно подхватила сообщение прокурора, распространяя клевету на революционную партию, на лучших революционных борцов. По прямому указанию Керенского командующий Петроградским военным округом генерал П. А. Половцев, организатор июльских расстрелов, с помощью своих подручных организовал охоту за В. И. Лениным с целью расправиться с ним. «Офицер, отправляющийся в Териоки с надеждой поймать Ле-

нина, — писал в эмиграции генерал, — спрашивает меня, желаю ли я получить этого господина в цельном виде или в разобранном... Отвечаю с улыбкой, что арестованные очень часто делают попытки к побегу»⁷¹. Это был прямой намек о расправе над вождем революции.

Свою временную победу в июльские дни буржуазия пыталась использовать для установления открытой военной диктатуры. Генеральным смотром сил контрреволюции должно было стать четырехдневное так называемое Государственное совещание, проведенное 12 августа в Москве в здании Большого театра. Когда оно открылось, забастовали в знак протеста против него 400 тыс. рабочих Московского промышленного района, а также сотни тысяч на предприятиях во многих других крупных городах России. Власти установили вокруг Большого театра тройной кордон полиции и войск. На совещании выступили с яростным призывом к удушению революции, к развертыванию практики смертных казней на фронте и в тылу верховный главнокомандующий Л. Г. Корнилов, казачий атаман А. М. Каледин, лидер кадетской партии П. Н. Миллюков; а глава правительства А. Ф. Керенский со своей стороны заверил в те дни реакцию, что он сделает все возможное, чтобы раздавить революционное движение «железом и кровью».

Это положение, сложившееся после июльских событий, Ленин охарактеризовал как начало бонапартизма. Меньшевики и эсеры, отмечал он, «играют уже прямо-таки роль шутов гороховых около бонапартиста Керенского». Налицо основной исторический признак бонапартизма: «лавирование опирающейся на военщину... государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравнивающими друг друга». Для России тех дней бонапартизм не был случайностью: он представлял собой «естественный продукт развития классовой борьбы в мелкобуржуазной стране с значительно развитым капитализмом и с революционным пролетариатом». «Не будем же обманываться фразами, — писал Ленин. — Не дадим ввести себя в заблуждение тем, что перед нами только еще первые шаги бонапартизма». Вместе с тем «признать неизбежность бонапартизма вовсе не значит забыть неизбежность его краха»⁷².

Еще не определенность с полной очевидностью, кого из кандидатов в русские Бонапарты предпочитают русская буржуазия и ее антантовские союзники. Похоже, что с преобладающими шансами выходит на такую роль Корнилов. Но не теряет надежду, то и дело принимая актерские позы под Наполеона, и Керенский.

Пока же, шумя и суетясь, он продолжает опекать Романовых. Как был, так и остался их ангелом-хранителем.

27 июля он подкатывает на автомобиле к подъезду дворца. Взбегает по парадной лестнице в апартаменты своих поднадзорных, усаживается с бывшим царем на диванчик и — после вступительных вопросов о здоровье каждого члена семьи в отдельности и о настроении всего семейства в целом — говорит:

— Знаете, Николай Александрович, вам с семьей придется отсюда уехать.

— Почему?

— Так решило вчера правительство. Поверьте мне, оно желает вам только блага. Сейчас это значит: большей для вас безопасности.

— Но куда же нам ехать, Александр Федорович?

— Простите, этого я пока не могу сказать...

— Я хотел бы в Крым, в Ливадию...

— Не будем забегать вперед. О направлении точнее будет сказано позже.

Помолчав, добавил:

— Если, как я надеюсь, вы в принципе не возражаете, я попросил бы вас безотлагательно приступить к сборам.

И еще, после маленькой паузы:

— Ограничений ни для вас, ни для ее величества никаких нет. Из вещей можете взять с собой что угодно. И в сопровождение свое — по личному вашему желанию — тоже кого угодно⁷³.

Volentem ducunt fata, nolentem trahunt
(Желающего судьба ведет, нежелающего тащит).

ПОЧЕМУ ТОБОЛЬСК

Из древних стоиков

Весеннее смятение во дворце улеглось. Понемногу все как будто притихло. Лишь монотонно скрипит пила у горки поленьев в углу парка — Николай Романов передается излюбленному занятию. По-видимому, к нему возвращается душевное равновесие.

Блоку это казалось странным... 25 мая он заносит в свою книжку несколько строк поразительной проницательности — устами поэта здесь вещает пророк: «За завтраком... комендант Царско-сельского дворца рассказывал подробности жизни царской семьи. Я вывел из этого рассказа... что трагедия еще не началась; она или вовсе не начнется (намек на возможный выезд Романовых за границу. — М. К.), или будет ужасна, когда они встанут лицом к лицу с разъяренным народом...»¹

До «ужаса», предвещаемого Блоком, еще далеко, но сквозь слово «Тобольск» прорывается его едва уловимое дыхание... В дореволюционных справочниках сказано: «Тобольск — губернский город на правом берегу Иртыша, близ впадения в эту реку Тобола. Основан в 1587 г. казачьим головою Данилой Чулковым. С 1708 до 1824 г. — центр управления всей Сибирью. Ко времени описываемых событий бывшее значение утратил. 22 тысячи жителей. Главные занятия — рыболовство и ремесла. Есть 25 церквей. Есть предприятия: всего 600 рабочих в год производят изделий на 250 тыс. руб. Еще есть пристань, банк, музеев, памятник Ермаку, пожарная команда, богадельня, дом для подкидышей, общество трезвости и общество спасения на водах. Из 2332 домов 50 — каменные*.

Одному из этих 50 домов выпало сделаться предпоследним пристанищем для последних Романовых.

Впервые Тобольск был упомянут в середине июня на заседании Временного правительства А. Ф. Керенским. В какой связи — об этом сам он рассказал так:

* Дореволюционные справочники, как правило, умалчивают о выдающихся людях, чьи имена связаны с Тобольском. Его уроженцем и почетным гражданином был Д. И. Менделеев. Здесь родились художник В. Г. Перов и композитор А. А. Алябьев, жили и творили художник В. И. Суриков, поэт П. П. Ершов. По Никольскому взвозу поднимались когда-то к пересыльной тюрьме А. Н. Радищев, В. К. Кюхельбекер, А. П. Барятинский, Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Короленко и многие другие замечательные деятели России. Через Тобольск прошли тысячи каторжан и ссыльных — тех, кого царские власти гнали на мучения и гибель по бескрайнему Сибирскому тракту.

Причиной, побудившей правительство перевести семью в Тобольск, была все более обострявшаяся борьба с большевиками... Проявлялось большое возбуждение в этом вопросе со стороны солдатско-рабочих масс... Царское Село было для нас, Временного правительства, самым больным местом... Они (большевики) усерднейшим образом вели пропаганду среди солдат, несших охрану в Царском, и разлагали их. Я бывал в Царском и узнавал там о беспорядках и должен был реагировать, прибегая иногда к резким выражениям. Настроение солдат было напряженно-недоверчивое. Из-за того, что дежурный офицер по старой традиции дворца получал из царского погреба полбутылки вина, о чем узнали солдаты, вышел скандал. Неосторожная езда какого-то шофера, повредившего ограду парка автомобилем, также вызвала среди солдат подозрение, что царя хотят увезти. Все это... отнимало у нас реальную силу — Царское селский гарнизон, в котором мы видели опору против разложившегося уже Петрограда².

Ясно, почему Тобольск привлек взоры Керенского: обострение политической обстановки в районе Петрограда потребовало перебазирования Романовых в другой, более безопасный для них район. С одной стороны, провалились расчеты на выезд их за границу; с другой — растущее напряжение борьбы между силами революции и буржуазно-помещичьей контрреволюции грозило ударить рикошетом по царское селским заключенным; близость же Петрограда и Кронштадта делала корниловское ограждение Александровского дворца все более шатким и неопределенным. Готовя рабочему классу в продолжение июльских расстрелов новые, еще более жестокие избиения, Временное правительство спешило вывезти Романовых из эпицентра борьбы, чтобы под горячую руку не хлестнуло и по ним. Расчетам же и Керенского, и Корнилова на бонапартистскую карьеру ущерб таким образом не наносился — напротив, они в какой-то степени выигрывали от удаления бывшего царя на возможно более приличную дистанцию от районов, где разыгрывались эти карьеристские страсти буржуазных калифов на час. В этой обстановке и возникла мысль, продолжал показания Керенский,

изыскать для царской семьи какое-либо другое место поселения; и разрешение этого вопроса было поручено мне. Я стал выяснять эту возможность. Первоначально я предполагал увести их куда-нибудь в Центр России; останавливался на именах Михаила Александровича или Николая Михайловича. Выяснилась абсолютная невозможность сделать это. Просто немислим был самый факт перевоза царя в эти места через рабоче-крестьянскую Россию. Немислимо было увести их и на юг. Там уже проживали некоторые из великих князей и Мария Федоровна, и по этому поводу там уже шли недоразумения. В конце концов я остановился на Тобольске и назвал его министрам...

Его особое географическое положение, вызванное удаленностью от центра, не позволяло думать, что там возможны будут какие-либо стихийные эксцессы. Я, кроме того, знал, что там хороший губернаторский дом. На нем я и остановился... Припоминаю, что послал в Тобольск комиссию, в которую, кажется, входили Вершинин и Макаров, выяснить обстановку. Они привезли хорошие сведения³.

Выбору способствовал архиепископ Гермоген — личность колоритная. В свое время приятель и сподвижник Распутина, державшийся его дружбой, а позднее его смертный враг. Не стало Распутина, а дела Гермогена все шли в гору; уже при «февральской демократии» он получает из рук В. Н. Львова, «револю-

ционного» обер-прокурора синода, назначение на архиепископское место в Тобольске. За ходом событий вокруг Александровского дворца архиепископ пристально следил из своего сибирского далека. Когда же ему стало известно, что Временное правительство обсуждает выбор нового местожительства для бывшего царя, самолично явился в Петроград и предложил Керенскому: если Романовых перевозить, то лучше всего в Тобольск.

Понравилось. Городок хоть и губернского ранга, а небольшой, тихий, полусонный. Рабочих мало, больше ремесленников и мещан; изрядное засилье купечества и чиновничества. К тому же и в городе, и в прилегающих районах многочисленное духовенство, настроенное промонархистски. И во главе всей этой темной рати зловеще неугомонный Гермоген. Ближайшая железнодорожная станция — Тюмень — почти за 240 верст. Летом город связан с ней по реке пароходом, зимой — санным путем*.

Среди обширного угрюмого простора тайги и болот город кажется отрешенным от страны, отгороженным от внешнего мира. На самом же деле, если приглядеться, отсюда ведет прямой водный путь по Иртышу и Оби к океану, а зимой — хорошо наезженные санные тракты к главным сибирским городам... И жить в Тобольске можно спокойно, и чувствовать себя благонадежно, а уж если так выйдет, что задумают ссыльные бежать, — убегут без особого труда и риска.

Не будет ли нареканий? Не стоит задумываться. Во-первых, кто знает, чем еще все обернется. Если удастся справиться с большевиками, царя не втайне, а в открытую можно будет из Тобольска отправить и в Англию, и в Японию, и даже в Крым. Затем: этот глухоманный город издавна пользовался репутацией гиблого места, куда царизм гнал — большей частью транзитом, для дальнейшего следования в Восточную Сибирь, — тысячи революционных борцов за свободу. Переселению Романовых в такое место, рассчитывал Керенский, народ препятствовать не будет. Ловкость этого расчета отметил г-н Хойер: «Тобольск оставался почти не затронутым революционным возбуждением, охватившим Европейскую Россию. Николай II и его семья могли находиться там вне общего внимания, а далее вырисовывалась перспектива их переброски за границу, например в Японию. Обеспечив семье эту возможность, сам г-н Керенский вместе с тем оставался вне подозрений, ибо все знали, чем была тогда Сибирь: классическим местом изгнания осужденных — политических и иных. Следова-

* Ныне Тобольск (районный центр Тюменской области) — один из цветущих городов Сибири. За годы Советской власти здесь, на берегах Иртыша, вырос крупный речной порт, построены мощная судоверфь и ремонтные мастерские, современный аэропорт, сооружается нефтеперерабатывающий и химический комплекс. Значительное развитие получила деревообрабатывающая, легкая, пищевая промышленность. Активна культурная жизнь. Функционируют педагогический институт, восемь средних специальных учебных заведений, драматический театр, историко-архитектурный музей-заповедник, клубы и библиотеки. Население города утроилось: в нем почти 70 тыс. жителей.

но, никто не смог бы бросить г-ну Керенскому упрека в том, что отправкой туда Романовых он совершил измену делу революции». Того же мнения Виктор Александров: «Как обычно, Керенский и в этом случае оборудовал свою позицию с расчетом на оборону как против правых, так и против левых»⁴.

Позицию он и в самом деле обеспечил себе удобную: она позволяла ему и в демократах еще походить, и в резерве контрреволюции сохранить развенчанного монарха. Одни за тобольскую операцию хвалят его, другие поругивают. Транспортировка за Иртыш, как и несостоявшаяся переброска на Белое море, была позднее предметом дискуссии. Лорды нападали на Керенского за то, что он не сумел доставить Николая на палубу крейсера. Белогвардейцы попрекали за переселение Романовых на север, а не на юг. «Я не могу понять, — роптал один из них, — почему везти царя из Царского Села куда-либо, кроме Тобольска, означало везти его через рабоче-крестьянскую Россию, а в Тобольск — не через рабоче-крестьянскую Россию». Уж раз везти, так везти. Не подальше от границы, а поближе к ней — оттуда, глядишь, и переметнулись бы. «Жизнь того времени была повсюду полна недоразумений, но ведь видим же мы, что все августейшие особы, жившие тогда на юге России, спаслись, так как они находились вблизи границы»⁵.

Среди советологов нет на этот счет единодушия. Один, например, отмечает, что, «хотя царица в свое время мечтала повесить Керенского на самом высоком суку в царскосельском парке, все же именно благодаря ему царская семья обрела безопасность на расстоянии тысячи верст от бурлящей столицы...». Пусть изгнаны — и все же лучше, чем опасности Царского Села. Как говаривал царю полковник Кобылинский: «В конце концов лучше Сибирь, чем самосуд»⁶. Напротив, шпрингеровская «Ди Вельт» осуждает выбор Тобольска: «Судьба Романовых, несомненно, была бы иной, если бы Керенский послал их не в Сибирь, а в Крым. Здесь некоторые члены династии уже жили в относительной безопасности. Позднее, в эмиграции, г-н Керенский утверждал, что не мог послать экс-царя в столь далекую поездку (на юг) через взбудораженную Россию. Но ведь путешествие из Петрограда в Тобольск было ненамного более коротким, чем в Ялту, к тому же и эта дорога шла через опасные области...»⁷.

Обобщенные же оценки этого эпизода американских советологов особенно мрачны. Харкэйв заявляет, что Романовы, выйдя из положения арестантов Александровского дворца, стали заключенными в масштабе всей России. Отмечая, что над Николаем повсюду тяготело обвинение в преступлениях против народа, Харкэйв последние слова берет в иронические кавычки. Фрэнклэнд еще более резок. «Очевидно, — пишет он, — Керенский решил не допустить повторения в России французской истории. Царское Село находится на достаточном удалении от Петрограда, как Версаль от Парижа, и все же не столь далеко, чтобы туда не смогла нагряз-

нуть чернь. Своим решением Керенский предотвратил повторение французского случая, но достиг он этого страшной ценой. Ибо последовавшая в уральском погребении казни Николая II бесспорно превосходит по тяжести публичную казнь Людовика XVI в сердце Парижа, ныне по странному недоразумению именуемое площадью Согласия»⁸.

Возражения Керенского на эти упреки обратились под конец его жизни в стереотип. Оппоненты, твердил он снова и снова, страдают верхоглядством. Они судят и рядят на слишком большом расстоянии во времени и пространстве; он же, Керенский, занимался этим делом вплотную, непосредственно. Ему и тогда, летом семнадцатого года, было ясно, что лучше бы доставить Николая II к южным границам или берегам. Но смог бы кто-нибудь практически это сделать? Для него было очевидно, что «уже невыносимо увезти семью на юг, куда ранее (а потому удачней) выбрались некоторые великие князья и Мария Федоровна»⁹.

Убедившись к середине лета, что и на юге Романовы переживают «недоразумения», «Керенский решил не откладывать экспедицию в Сибирь. Известив Николая (27 июля) о предстоящем отъезде, он направился в царское селение комендатуры. Сюда с утра были вызваны члены городского Совета, полковник Кобылинский, несколько офицеров и унтер-офицеров из дислоцированных в Царском Селе полков, в их числе председатель солдатского комитета гарнизона прапорщик Ефимов. «Прежде чем сказать вам что-либо, — открывает совещание Керенский, — я беру с вас слово, что все, что вскоре произойдет и о чем мы сейчас должны договориться, пока остается между нами, строгой тайной»¹⁰. Заверения даны, он продолжает: да будет известно присутствующим, что по постановлению правительства царская семья вывозится в Тобольск. Надобно решить, как это сделать.

В ходе совещания определяется план. Должны быть составлены два поезда: один — для семьи и непосредственно сопровождающих, другой — для остальных, включая охрану. Численность воинского отряда (батальона), назначаемого в сопровождение, — примерно 350 человек. Солдат и шестерых офицеров выделяют расположенные вокруг дворца 1, 2 и 4-й гвардейские полки. Командир отряда, ответственный за порядок в поездах, — полковник Евгений Степанович Кобылинский*. Возглавляют экспедицию особоуполномоченные Временного правительства, недавно побывавшие в Тобольске, — депутат Думы В. А. Вершинин и помощ-

* Об этом человеке, состоявшем при царской семье на протяжении полутора лет ее ссылки, известно следующее. До войны служил в лейб-гвардии. В 1914 г. попал на фронт. В 1915 г. был ранен в бою под Лодзью, по излечении вернулся на фронт; контужен в сражении под Старой Гутой, из госпиталя вновь возвратился на позиции. Когда контузия осложнилась нефритом, остался в тылу; до сентября 1916 г. находился в царское селение комендатуры. С конца 1916 г. полковник Кобылинский состоял при генерале Корнилове, пользовался его личным доверием. Им же в мае 1917 г. был назначен комендантом царское селение комендатуры с задачей — обеспечить безопасность Романовых.

ник правительственного комиссара при министерстве двора (личный друг премьера) инженер П. М. Макаров. Согласны? Тогда — приступать.

Кобылинский энергичен. Помогает ему Ефимов. К 30 июля отряд охраны сформирован. Солдаты — молодец к молодцу, все георгиевские кавалеры, провоевавшие около трех лет. Всем по указанию премьера выданы новые кителя и шинели, новые винтовки. Гвардейцев повзводно вывели на учебный плац, премьер сделал смотр, обошел шеренги, остался доволен; под конец объявил перед строем, что за время предстоящей поездки и офицерам, и солдатам будут выплачены повышенные командировочные и наградные.

Пока обмундировывали и вооружали солдат, Николай подбирал себе спутников. Не все приняли приглашение. Например, бывший свитский генерал Нарышкин, тот самый, который 9 марта удрал с вокзального перрона, попросил 24 часа на размышление и больше не появлялся. Поступили так и некоторые другие. Но многие, человек сорок, согласились разделить с ним изгнание. Среди них — генерал-адъютант И. Л. Татищев; обер-гофмаршал В. А. Долгоруков; фрейлины и прислужницы С. К. Буксгевден, А. В. Гендрикова, Е. А. Шнейдер, Е. Н. Эрсберг, М. Г. Тутьельберг, М. В. Занотти; учителя-воспитатели Сидней (Иванович) Гиббс, Пьер (Андреевич) Жильяр; два врача — лейб-медик Е. С. Боткин и врач наследника В. Н. Деревенько. Для обслуживания семерых членов семьи были взяты шесть лакеев, три слуги для наследника (дядька К. Г. Нагорный, С. И. Иванов и 10-летний Иван Седнев), три повара, пять служителей, три комнатные девушки, пищик, гардеробщик, парикмахер. Взят был и слуга в должности «заведующего погребом». Из перечисленных двое — Гиббс и повар Харитонов — задержались в Петрограде, поехали в Tobольск позднее. Уткина и Романова, горничные царицы, в списках не числились, через два месяца прибыли в Tobольск без ведома властей.

Николай лично внес в список еще одного «дядьку» — боцмана Деревенько. Этот человек, известный по фотоснимкам и парадным выходам миллионам людей (он носил на руках наследника Алексея), пользовался особой симпатией царской четы. Перед отъездом в Tobольск Деревенько предъявил Кобылинскому к оплате явно дустрый счет расходов на царевича. Согласно счету, только за первые пять месяцев семнадцатого года Алексей якобы износил сапог на 700 руб. Когда же случайно был вскрыт «дядькин» сундук, в нем обнаружились всякие вещи, наворованные во дворце. Кобылинский объявил Деревенько, что его не берет. Боцман пожаловался Александре Федоровне. Та вызвала полковника.

— С первых же шагов, — сказала она, — нарушается обещание Керенского: право выбора преданных нам людей.

— Вы считаете этого матроса преданным и бескорыстным? — спросил Кобылинский.

Александра Федоровна ответила утвердительно. Тогда Кобылинский показал счет, поданный матросом, и рассказал о наворованных вещах. Николай и Александра Федоровна были смущены. В Тобольск боцмана не взяли, но еще долго запрашивал он по почте коменданта, когда же его вызовут наконец «для продолжения служебных обязанностей при наследнике цесаревиче»¹¹.

ПОД ЯПОНСКИМ ФЛАГОМ

Отъезд был назначен на раннее утро 1 августа. Накануне приехал в Царское Село Керенский. Приказав Кобылинскому вывести на площадку перед дворцом конвой, еще раз прошелся вдоль строя, осмотрел солдат и, встав в позу, обратился к ним с напутственной речью, в которой, между прочим, сказал: «Помните, солдаты: лежачего не бьют. Держите себя вежливо, а не хамами. Не забывайте, что это бывший император. Ни он, ни его семья ни в чем не должны испытывать лишений»¹².

Это нравоучение в анналы меньшевистско-корниловской демократии вошло, но осталось незафиксированным, какую нотацию в тот же день прочитал Керенский другим своим слушателям — в железнодорожном депо. Ибо, когда он занялся проверкой готовности транспорта, выяснилось, что рабочие, узнав о назначении поездов, отказались дать паровозы. Кое-как с помощью Вершинина и Макарова премьер уговорил железнодорожников выполнить его распоряжение. Паровозы из депо вышли. Затем он вручил Вершинину и Макарову собственноручно им составленную инструкцию по уходу за царской семьей с подробными наставлениями касательно быта и пропитания, вплоть до перечня рекомендуемых обеденных блюд.

Вечером 31 июля Керенский снова прибыл во дворец, ведя за собой Михаила Романова. Не без задней мысли решил он устроить братьям это прощальное свидание: ему хотелось задобрить Николая, прежде чем сообщить ему, куда его повезут. В этот день пополудни Николай в последний раз срубил топором три сосны на краю парка, пришел на встречу с Михаилом заметно усталым. «Их свидание состоялось в присутствии Керенского... Николай и Михаил не виделись со времени переворота и теперь не могли быть уверенными, увидятся ли еще когда-нибудь. Они стояли друг против друга... в растерянности, не зная, что делать — переминаясь с ноги на ногу, берясь за руки, трогая друг у друга пуговицы... Попрощавшись с Николаем, Михаил попросил у Керенского позволения попрощаться с детьми... Керенский сказал, что этого он разрешить не может...»¹³

Как только Михаил вышел, Керенский сообщил Николаю главную подробность предстоящего переезда.

— Николай Александрович, — сказал он, — теперь я могу и должен вам сказать: мое правительство решило направить вас в Тобольск. Вы и ваша семья расположитесь там в удобных усло-

виях, в бывшей резиденции губернатора. Поверьте мне: вам будет там хорошо, кроме того, вы будете избавлены от угроз и оскорблений. Не беспокойтесь.

Взглянув на него усталыми, почти равнодушными глазами, Николай ответил:

— Я не беспокоюсь. Мы верим вам. Раз вы говорите, что это необходимо, — я уверен, что это так. Мы вам верим, — еще раз повторил он¹⁴.

Ночь была беспокойной, минутами лихорадочной. В ожидании отъезда члены семьи, одетые по-дорожному, собрались в круглом зале в первом этаже дворца. Далеко за полночь царевич все еще метался в возбуждении, дядька Нагорный переносил его из кресла в кресло, пока, укрытый пледом, он не уснул. Керенский с вечера нервно бегал по дворцу и распоряжался, иногда ложился на несколько минут отдохнуть, то в парке в автомобиле, то в кабинете царя. Несколько раз Бенкендорф ошибочно подавал сигналы к подъему, и семья возвращалась в свои кресла. В 5 часов утра наконец стало известно, что поезда подошли.

После пяти месяцев пребывания под стражей семь членов царской семьи выходят в сопровождении Керенского к главному подъезду Александровского дворца, рассаживаются в двух автомобилях и в сопровождении драгун 3-го Балтийского полка отъезжают к близлежащей станции Александровской. Вслед за семьей отправляется в своем автомобиле Керенский. Толпятся кучками придворные, провожая взглядами своих хозяев.

За станционной платформой виднеются два железнодорожных состава. По приглашению Керенского Романовы выбирают из своих автомобилей и идут к вагонам. Керенский помог Александре Федоровне подняться в вагон, ввел ее в купе, поцеловал руку и сказал: «До свиданья, ваше величество, — как видите, я предпочитаю придерживаться в обращении с вами старого титула». Не все ладилось, при сверке списков не все слуги оказались налицо. «Керенский метался как угорелый, то приказывая отправлять состав, то отменяя свое приказание»¹⁵.

В 6 часов 10 минут отошел первый поезд; в спальном вагоне международного сообщения — семья и часть свиты, в остальных восьми вагонах — часть прислуги и охрана (стрелки 1-го полка). Следом вышел второй состав: в его десяти вагонах — остальная часть свиты и прислуги, охрана (стрелки 2-го и 4-го полков), багаж.

Поезд бывшего царя идет под японским флагом. На спальном вагоне, где средние четыре купе занимает семья, надпись: «Японская миссия Красного Креста». Составы идут на максимальной скорости, избегая остановок в городах и на крупных станциях. Из Петрограда указано: при приближении этих двух поездов узловые станции оцеплять войсковыми частями, публику из вокзалов и с платформ удалять. Ненадолго задерживаются на полустанках, дольше — в открытом поле, где основные пассажиры

в сопровождении Вершинина и Макарова могут иногда выйти размяться. Остальным покидать вагоны запрещено.

Путешествие «через рабоче-крестьянскую Россию» идет как будто гладко, если не считать инцидентов на станции Званка и в Перми. В первом пункте железнодорожники, а во втором — представители местного Совета потребовали предъявления документов, пассажиров и грузов. Там и тут Вершинину и Макарову удалось произвести впечатление своими комиссарскими мандатами, подписанными министром-председателем, и эшелоны пошли дальше.

В предрассветном сумраке 4 августа поезда на очень малой скорости проходят Екатеринбург. Николай и Александра (им не спится) стоят в коридоре у окна, разглядывают проплывающие мимо кварталы старинного уральского города, не подозревая, что им предстоит снова очутиться здесь — и то будет их последним маршрутом — следующей весной.

4 августа в вечерних сумерках оба поезда с тридцатиминутным интервалом подходят к платформам станции Тюмень. На автомобилях, поданных к вокзалу городской думой, комиссары перевозят семью к пристани. Здесь, у причала, стоят три судна: «Русь», «Кормилец» и буксир «Тюмень». Романовы размещаются на «Руси»; свита, слуги, багаж и прочие следующие за семьей грузы — на «Кормильце» и «Тюмени». Конвой — по всему каравану. К раннему утру 5 августа погрузка закончена, пароходы выгруливают на середину реки и берут курс на Тобольск.

Комфорт невелик. Главный пассажир тогда записывает: *У Аликс, Алексея и меня по одной каюте без удобств*¹⁶. Но пусть без удобств, бог с ними, с удобствами... Что могут они значить в сравнении с минутами волнующего переживания; из-за горизонта выплывает село Покровское — родина Распутина, всего лишь полгода назад выпившего у Юсупова последнюю рюмку мадеры. Привалившись к поручням, Романовы устремляют свои взоры на большой белый дом среди чернеющих изб. Александра Федоровна, едва сдерживая рыдания, говорит стоящим рядом фрейлинам: «Здесь жил наш дорогой Григорий Ефимович. Здесь, в этой реке, он ловил рыбу. Вы помните, он присылал нам свежую рыбу в Царское Село. Мир праху его, божьего человека. Царство ему небесное»¹⁷. Долго не может прийти в себя от нахлынувших чувств и супруг, проводив глазами низкий суглинистый берег.

6 августа пополудни караван подошел к Тобольску. Оказалось, дом, назначенный для семьи Романовых, еще ремонтируется, к приему жильцов не готов. Пришлось пожить еще семь дней на пароходе. По-летнему тепло и солнечно. Под конец, когда стало скучновато, комиссары решили поразвлечь подопечных, устроили им прогулку на лодках вверх по Тоболу, в Абалакский монастырь. Экскурсия шумная и многоцветная. Окруженные, почти стиснутые со всех сторон толпой — плачущими и стонущими богомолками, монашками, кликушами, купеческими и чиновничьими же-

нами с дочками, затаенно-свирепым глухотным кулачем — Романовы в сопровождении комиссаров ходят по кельям, участвуют в богослужении, молят всевышнего не оставить своей милостью и защитой...

13 августа на виду у тысяч сбежавшихся к берегу тоболяков началась выгрузка. От скрипучего настила пристани вверх к городу вытянулось колоритное шествие. Впереди — глава семьи. Идет спокойно, даже уверенно, сохраняя осанку. Только заметнее прежнего нервное подергивание плеча да выражение усталости во взгляде. На нем защитного цвета офицерская гимнастерка с золотыми полковничьими погонами и бриджи, заправленные в хромовые голенища гармошкой.

За ним легкой походкой, почти вприпрыжку, следует мальчик, опрятный, аккуратно подстриженный, довольно рослый. Миловидное, но слишком бескровное для подростка лицо, большие живые глаза, с любопытством скользящие по всему окружающему, и такая же точно офицерская форма, что и у отца: гимнастерка с золотыми погонами, бриджи, до блеска начищенные (дядькой Нагорным) хромовые сапоги*.

В фэтоне на покачивающихся рессорах — его мать: тот же, знакомый России и миру, но еще более заострившийся профиль. Высокомерие, тоска и мертвящее презрение ко всему, на что падает ее стеклянный взгляд.

За коляской, суетясь, подчас сбиваясь в кучку, семят в длинных шевитовых юбках четыре принцессы; на всех одинаковые осенние джемперы, в руках совершенно одинаковые ридикюли. Миловидна Мария. Остальные кажутся почти безликими, они почти ни в кого — ни в отца, ни в мать.

Далее пестрой, растянувшейся вдоль улиц толпой — свита и челядь. С титулами и без оных. Камердинеры и няни. Повара и лакеи. Слуги четы, слуги дочерей и сына, слуги свиты и слуги слуг.

Багаж еще не выгружен. Он на всех трех пароходах: необъятный груз, вплоть до мебельных гарнитуров из царскосель-

* Вокруг этого мальчика еще при его жизни создавались легенды. Ему посвящались роскошно изданные книги. По описанию близко знавших его, «был с ленной и не особенно любил книги... Подчинялся только отцу... Болезнь наложила на него тяжелый отпечаток. Скуповатостью напоминал мать... Собирает разные брошенные вещи: гвозди, свинцовую бумагу, веревки и т. п. С отцом говорил по-русски, с матерью — по-английски (*Соколов Н. А.* Убийство царской семьи. Берлин, 1925. С. 53). С 12-летнего возраста вел дневник. Обычно отмечал, когда встал, когда лег, какая погода, в какую игру играл; почти нет упоминаний об уроках, ни одного названия читаемой книги, ничего — об отношении к учителям. События, которые стоит зафиксировать: «получил французскую медаль»; «чистил штык»; кого-то «покусал пес»; «У Нагорного (дядьки) украли 90 рублей с кошельком»; ходил на Невском по магазинам, «купил счета, солонку и зажигалку». После пяти лет обучения грамоте писал: «был у заутрины»; «после ихнего обеда»; «читал по англиски» (в другом случае — «по англизку») и т. п. (ЦГАОР, ф. 628, оп. 1, д. 189. Дневник Алексея Романова, 1916 г.).

ских дворцов. А пока самое легкое и мало обременяющее свитские и слуги несут в руках.

Это не дворцовый выход недавних времен. Не то сиятельное сопровождение, какое следовало за императором сквозь 23 года его могущества и величия. До полусотни человек, добровольно последовавших в изгнание за бывшим императором, получивших твердое заверение полковника Кобылинского, что им в прежнем объеме и в прежние сроки будет выдаваться установленное жалованье...

Подошли к двухэтажному свежеокрашенному дому. Все, кроме Александры Федоровны, не желавшей ни на что глядеть, осмотрели его сверху донизу. Постояли. Николай повернулся к Долгорукову.

— Так кто здесь жил, князь?

— Губернатор, ваше величество.

— Кто это?.. — Он наморщил лоб и поскреб оттопыренным мизинцем рыжеватую бородку, сисясь что-то или кого-то вспомнить.

— Да этот, как его... Ордовский-Танаевский...

— И где он сейчас?

— Да, говорят, выехал куда-то... Еще в марте уехал, то есть бежал. И никто не знает, где он, что он.

— Странно... Не могу вспомнить, чтобы я его принимал. Мне кто-нибудь его представлял?.. Неужели он у меня ни разу не был?

Долгоруков не ответил. Он этого не знал. Это могли сказать Столыпин, или Маклаков, или Трепов, или еще кто-нибудь. Но одних уж нет, а те далече.

ИГРА В ТРИК-ТРАК И ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ СПЕКТАКЛИ

Дом как дом. Строился для губернатора. Каменный, с балконом. С улицы палисадник за железной изгородью. Вся усадьба вместе со служебными постройками и садом обнесена тесовой оградой. На углах ограды и у ворот будки для часовых. Еще вчера улица называлась Дворянской. Сегодня, в день приезда Романовых, прибиты новые таблички: улица Свободы.

Комнаты большие, коридорной системы. Всего их восемнадцать. Есть электричество и водопровод. Семья располагается наверху: кабинет Николая, комната Алексея, четыре комнаты для дам, гостиная и столовая. Меблировка отличная: кое-что осталось от губернатора, многое доставлено из Царского Села. Дорогие диваны, кресла и пуфы, ковры и гобелены, шелковые и бархатные драпри, портьеры на окнах и дверях. Ливреи и золотые позументы лакеев.

Наверху относительно просторно; первый этаж, отведенный для прислуги и части охраны, набит людьми. Есть еще цокольный,

полуподвальный этаж, где размещены кухня и кладовые. Там и того хуже. Прислугу Кобылинский разместил в беспорядке, в антисанитарных условиях. Работающие у плит спят среди утвари, на полу. Теснота еще оттого, что слишком много навезено вещей. Чемоданами загромождены до потолка комнаты и коридоры в цокольном и первом этажах. Вынуть вещь из багажа зачастую невозможно, хотя каждый лакей ведает своей отраслью: один — бельем, другой — костюмами, третий — обувью и т. д. Отдельные чемоданы забиты курительными трубками, или зонтами, или стеками и т. д. Только ключи к чемоданам весили 20 фунтов.

Поскольку в губернаторском доме тесно, некоторые свитские и часть прислуги разместились в доме напротив, тоже двухэтажном, купца Корнилова. Там же, на противоположной стороне улицы, поселились оба комиссара и Кобылинский. Инструкция запрещает сопровождающим снимать частные квартиры. Они нарушили ее с первых дней.

Настроение у обитателей губернаторского дома в общем светлое, оптимистическое. Хотя и под стражей, а терпимо. Тепло, уютно, спокойно. Приятная тишина и непринужденность сменили тревожное напряжение Александровского дворца. Комиссары приветливы и предупредительны. Кобылинский — весь внимание и забота. Днем всем семейством идут через улицу и скверик на богослужение в церковь Покрова Богородицы. Жители сбегаются поглядеть, стоят шпалерами с двух сторон.

Из той же церкви взят в домашние духовники царской семьи священник Алексей Беляев. Вечерами он сидит в гостиной, беседует, удостоивается поощрительных улыбок. Из корниловского дома приходят свитские — на чаепитие в обществе новьей, сыграть в безик или триктрак, обменяться скромными новостями.

Где-то там, далеко, волнуется взбодораженная страна, все выше поднимаются волны небывалых событий. А здесь, в сибирской глуши, на краю болот и тайги, притаилась недавно всемогущая императорская пара, Россией как будто потерянная из виду, всеми почти забытая. Надвигаются осенние долгие вечера, окутали город туманы и темень. Вечером из окон верхнего этажа видны сквозь влажную пелену огни на реке да из тишины иногда доносятся гудки как будто заблудившихся пароходов. Однако тишина обманчива. В сумерках вокруг дома бродят неизвестные. Заглядывают в окна, подают знаки, суют в щели записки, а завидя дежурного офицера, спешат уйти в темноту.

Не прошло и двух недель после того, как Романовы перешагнули порог этого дома, а из центра дошла сюда весть о зловещем событии, поразившем страну: о мятеже недавнего царского генерала, в данный момент верховного главнокомандующего, — Корнилова.

Активность народных масс, быстрый рост их доверия к большевикам — все свидетельствовало о том, что новый подъем революции не за горами. Керенский вознамерился уничтожить боль-

шевистскую партию, ликвидировать Советы, обессилить кровопусканием рабочий класс, обуздать революцию.

25 августа Корнилов двинул на Петроград 3-й конный корпус генерала Крымова, объявив, что желает «спасти родину». Участвовал поначалу в заговоре и Керенский. Но когда дело началось, он объявил Корнилова мятежником против Временного правительства. Центральный Комитет партии большевиков призвал рабочих и солдат к вооруженному отпору, в то же время не прекращая, как требовал Ленин, разоблачать антинародную политику Временного правительства и его эсеров-меньшевистских приспешников.

Грозная опасность всколыхнула народные массы. Большевистская партия в те критические дни выступила как руководящий центр, вокруг которого сконцентрировались революционные силы. Рабочие вооружились. Численность красногвардейских отрядов возросла в те дни в несколько раз. Были посланы агитаторы навстречу корниловским полкам. Уже на четвертый день мятежа все они отказались наступать на революционный Петроград. Корниловщина была разгромлена. Крымов застрелился. Корнилов и его сподвижники — в их числе Деникин и Лукомский — были арестованы и отправлены в Быхов (откуда потом бежали).

Весть о провале корниловского мятежа доходит до Тобольска. Александра Федоровна в отчаянии говорит фрейлине Буксгевден, что «свет еще раз померк» в ее глазах. Но город пока еще тих, все вокруг спокойно и дремотно.

К началу той зимы в большей части российских провинциальных городов уже не осталось ни дум, ни земств, почти всюду утвердилась власть Советов. Здесь же, в Тобольске, и в начале восемнадцатого года еще хозяйничает городская дума, а не Совет, возглавляемый меньшевистско-эсеровскими красными. Они располагают в Совете подавляющим большинством голосов, но не имеют ни власти, ни авторитета, чтобы хоть заглянуть в губернаторский дом; их и на порог туда не пускают.

Зато установили прочную связь с губернаторским домом Гермоген и его сообщники. Главным посредником между резиденцией Романовых и монархической контрреволюцией служит отец Алексей. Он вхож в дом на правах духовника; помогали священнику в поддержании связей горничные Уткина и Романова. Они приехали на два месяца позднее, устроились в Тобольске на положении вольных граждан, что облегчило им участие в подпольных интригах. Стараниями Гермогена доступ к царской семье практически открыт для тех, кто участвует в подготовке к ее освобождению. Ведется же эта подготовка с первых дней прибытия именитых постояльцев.

Гермоген, прикидывая расстановку сил в прилегающих к Тобольску сибирских просторах, особые надежды возлагает на монастыри, где сосредоточены подвластные ему материальные средства и люди: Абалакский мужской монастырь; Знаменский — резиденция епископов в самом Тобольске; женский Иоанно-Вве-

денский, или Ивановский... Обширные хозяйства, целые городки со своей казной, угожьями, мастерскими, гостиницами. К церковному фронту примыкал фронт мирской. На первых порах это «Союз фронтовиков» — организация офицеров и унтер-офицеров из буржуазных и кулацких слоев местного населения. Возглавляет «Союз» некий штабс-капитан Василий Лепилин, якобы бывший политический ссыльный, субъект с темным прошлым, которого Гермоген с декабря 1917 г. взял на свое содержание, назначив ему и его организации ежемесячно субсидию в 12 тыс. руб.

Лепилин представлял в Тобольске серьезную опасность. Его организация к осени 1917 г. выросла в значительную вооруженную силу. Он открыто грозился арестовать членов городского Исполкома, распустить Совет и устроить его сторонникам кровавую баню, подобно тому как сделал Дутов в Оренбурге. В декабре большевикам удалось разоружить приспешников Лепилина в местном гарнизоне. Кроме того, большевики разыскивали в губернском архиве и предали гласности документы, свидетельствующие о преступном прошлом Лепилина. Он был арестован и отправлен в Омский революционный трибунал, но почему-то освобожден и вернулся в Тобольск¹⁸. Позднее Лепилина видели у Каппеля и Унгерн-Штернберга, он участвовал в расстрелах сторонников Советской власти в Восточной Сибири.

Неподалеку от города, у безлюдного берега Иртыша, притаилась с погашенными огнями шхуна «Святая Мария». Чья она и для чего здесь, с кем и куда собирается отплыть? Поговаривают в городе: при первом удобном случае еще этой осенью (1917 г.), а если не удастся до морозов, то весной, едва пригреет солнце и начнут вскрываться реки, архиепископ Гермоген с помощью этой шхуны сделает великое историческое дело. То есть отправит отсюда кого надо прямым путем к океану — и невозможно будет ни найти, ни догнать, ни перехватить шхуну... Ходит с непроницаемым лицом комендант Кобылинский. С комиссарами Временного правительства отношения у него отличные. Но им уже пора возвращаться в Петроград.

Прибыл, как обещал Керенский, новый уполномоченный — Василий Семенович Панкратов. С виду кряжистый, мужиковатый, а если присмотреться — узкогрудый, черты лица бесцветные и неопределенные, брови жиденькие, как и борода. В облезлом пальто с драным барашковым воротником, мятая фуражка почему-то форменного, почтово-телеграфного образца. Хотя он персона важная, правительственная, прибыл с мандатом от министра-председателя, взгляд у него покорный, как будто испуганный; на худом желтовато-морщинистом лице постоянно держится выражение нерешительности и смущения.

Жребий его необычен. В юности токарь петербургского завода Семяникова. Был вовлечен в организацию «Народная воля». Осужден, просидел 14 лет в одиночной камере в Шлиссельбурге, попал в ссылку в Вилюйск. Возвратился в 1905 г., принял участие

в революционных выступлениях в Москве. В 1907 г. снова схвачен и сослан. С 1912 г. находится в Питере под надзором полиции, а в марте 1917 г. вновь включившегося в политическую деятельность бывшего семянниковского токаря эсеры восславили как ветерана и героя своей партии. Его-то Керенский и послал на смену Вершинину и Макарову. Проводил бывшего шлиссельбуржца на тобольскую должность с подчеркнутым почетом, трижды принимал его в Зимнем дворце, подолгу сам инструктировал. Сверх того отправил его на консультацию к своей приятельнице Е. К. Брешко-Брешковской, прозывавшейся у эсеров «бабушкой русской революции». Та напутствовала его словами: «Смотри же, Панкратов, ты сам все испытал, пойми и их испытания. Ты человек, и они тоже люди».

Умудренный этим бабушкиным наставлением, уравнившим в испытаниях династию Романовых и ее жертвы — бессчетный сонм смертников и каторжан, бывший шлиссельбуржец и выехал в сентябре 1917 г. из Петрограда в Тобольск, прихватив с собой на роль заместителя некоего В. А. Никольского, а в карман положив мандат № 3019, гласивший:

Предъявитель сего Василий Семенович Панкратов назначен Временным правительством комиссаром по охране бывшего царя Николая Александровича Романова, находящегося в гор. Тобольске, и его семейства.

Министр-председатель
Александр Керенский

Первое появление в губернаторском доме нового комиссара выглядит в его собственном описании так. Не желая нарушать приличия, я заявил камердинеру, что желаю видеть бывшего царя. Камердинер исполнил поручение, отворив мне дверь его кабинета.

Обмен приветствиями, затем комиссар слышит вопрос:

— Скажите, пожалуйста, а как здоровье Александра Федоровича Керенского?

В этом вопросе звучала какая-то неподдельная искренность, соединенная с симпатией, и даже признательность... Я сказал ему: — Я желал бы познакомиться с вашей семьей.

— Пожалуйста... Извините, я сейчас... — ответил бывший царь, выходя из кабинета, оставив меня одного на несколько минут. Потом вернулся и сказал: — Пожалуйста, господин комиссар.

Вхожу в большой зал и с ужасом вижу такую картину: вся семья выстроилась в стройную шеренгу, руки по швам. Ближе всего к входу Александра Федоровна, рядом с ней Алексей, затем княжны.

Что это? Демонстрация? — мелькнуло у меня в голове. Но тотчас же прогнал эту мысль и стал здороваться¹⁹.

Зря, конечно, поторопился эсеровский комиссар «прогнать эту мысль». Демонстрация была. И ни тогда, ни позднее Панкра-

тов не догадывался, что в то время, как он расшаркивается перед своими подопечными и обхаживает их, защищая от «распустившегося» конвоя, за глаза и в дневниках они же называют его «поганцем», «ничтожеством». Николай в кругу семьи именует его не иначе как «этот маленький человечек» (комиссар был небольшого роста).

Ограждаемые «маленьким человечком» с героической шлисельбургской репутацией (солдаты поначалу отнеслись к нему с большим уважением), Романовы ведут в губернаторском доме размеренную жизнь. Этот период их пребывания в Тобольске западная буржуазная историография называет «самым благополучным и трогательным» за все 12 месяцев их сибирско-уральского изгнания.

Лирико-меланхолический, иногда чуть ли не трагический колорит наводит на тобольские будни Романовых шпрингеровская пресса: «Дом, двор, садик, терраса, церковь — таков был их тесный горизонт... Золотая клетка хуже смерти, написала Фрейлейн Шнейдер в один из зимних дней 1918 г. на клочке бумаги... На окнах никакого рисунка, только толстый слой льда». И попытка изобразить сочувствие населения к заключенным: «Жители проявляли живейшую симпатию к ним. Когда в окнах показывался кто-нибудь из членов семьи, прохожие останавливались, снимали головные уборы и приветствовали их»²⁰. Единичные случаи такого рода, возможно, бывали, но для подавляющего большинства трудящихся города характерно было отношение к Романовым негативное, зачастую нескрываяемо враждебное.

Общество коротает время за игрой в безик или триктрак. Отмечаются вечеринки семейные даты. Ставятся домашние спектакли; руководителем художественной самодеятельности и актером выступает глава семейства*. За обеденным столом обычно сидят в кругу семьи Татищев, Долгоруков, доктор Боткин, Жильяр и Гиббс, иногда приглашается (с сыном-гимназистом Колей) доктор Деревенько. Фрейлины, как встарь, почтительны, хотя могут иногда позволить себе небольшую вольность. Александра Федоровна чаще мрачна; усевшись в кресло, поглядывая на прикорнувших у ее ног собак Джимми и Ортипо, она обычно рукодельничает или раскладывает пасьянс, а чаще пишет письма. Пишут и другие; у главы семьи основные корреспонденты — пребывающие в Крыму мать, сестры Ольга и Ксения. Но Александра Федоровна пишет особенно увлеченно, в иные дни почти нескончаемо. Чаще всего Вырубовой, иногда Н. В. Воейковой, жене бывшего дворового коменданта.

Бывшая царица перешла в своей переписке на русский язык — Панкратов подсказал ей, что в данной обстановке она таким об-

* Сам он находил, что из сыгранных на домашней сцене в Тобольске лучше всех удалась ему роль помещика Григория Степановича Смирнова в комедии А. П. Чехова «Медведь».

разом избежит лишних недоразумений и неприятностей (через его руки проходила вся корреспонденция семьи, и он перехватывал и скрывал от Романовых письма с угрозами и проклятьями, поступавшие со всех концов страны). К концу своего 23-летнего проживания в России она все же овладела русской грамотой, хотя и не совсем безупречно, в чем можно убедиться по одному из ее писем к Воейковой (полностью сохранены орфография и пунктуация):

2/15 марта 1918 г.

Милая Нина,

Самое сердечное спасибо за хорошее письмо — так обрадовано была наконец иметь от вас всех известии. Надеюсь, что М^{me}Zizi (обер-гофмейстерина Е. А. Нарышкина) передали ему привет. Бедный Папа! Больно его таким видеть, скажите ему что хозяйка целует Nuss knacher («щипцы для орехов» — прозвище министра двора В. Б. Фредерика, отца Нарышкиной) и часто с любовью его помнит и надеется что еще увидимся что не надо падать духом — Господу Богу все возможно и Он еще дорогую родину спасет... А нам лучше всех живется. Были весные дни, теперь опять 17, 20 гр. мороза, но на солнце очень уже тепло — они даже немного загорели. На дворе усердно дрову рублят и колят. Много учатся — время скоро бежит — 7 м: уже что сюда переселились. Тяжелая годовщина сегодня! Но Господь милостив. — Как у Голово (прозвище Воейкова) глаза? И сердце. Передайте ему и всем Вашим наш искренний привет. — По вечерам Муж читает нам в слух — мы вышиваем или играем в карты. — Иногда выхожу, когда не слишком холодно, даже два раза наслаждался, сидя на балконе.

Очень рады знать, что котик здоров...*

Можете ли быть Ангелом, т. к. на островах живете и переслать письмо Ольге К. (королева греческая, жила на Петроградской стороне); почта не идет, а этим образом могу ее за письмо благодарить.

Прощайте, нет, досвиданье, Милая Нина — Господь с Вами²¹.

Николай попросил Панкротова выписать иностранные газеты и журналы. Петроград разрешил; бывший верховный главнокомандующий стал следить за ходом мировой войны по зарубежной прессе. Днем один или с дочерьми много гуляет по двору, расчищает снег, прокапывает в сугробах дорожки. На прогулки выходит в любую погоду, подолгу занимается физической работой на открытом воздухе, пилит и укладывает дрова. Его дневник в те дни заполнен упоминаниями об этом. Обычно напарником себе ставит Татищева, или Долгорукова, или какую-нибудь дочь, но все они скоро устают, сменяют друг друга, он же может работать часами. Панкратов спросил его однажды, не оборудовать ли для него столярную мастерскую, — сказал, не надо, столярничать ему не нравится.

Детей продолжают учить. Некоторые преподаватели выписаны из Петрограда. Основные предметы преподавали: жена Кобылинского учительница гимназии Битнер (география); вызванный из Петрограда учитель гимназии Батурин (математика); Николай Романов (история); Александра Романова (богословие); бывшая фрейлина Гендрикова (древняя история); доктор Боткин (биоло-

* Перед отъездом в Тобольск наследник оставил у Воейковых своего кота.

гия); бывший князь Татищев (русский язык); Пьер Жильяр (французский язык). Приступив к урокам, Битнер делилась с Панкратовым своими огорчениями: «Я совершенно не ожидала того, что нашла: такие взрослые дети и так мало знают русскую литературу, так мало развиты. Они мало читали Пушкина, Лермонтова еще меньше, а о Некрасове и не слышали... Алексей не проходил еще именованных чисел, у него смутное представление о русской географии». По совету Панкратова Битнер отвела урок чтению поэмы Некрасова «Русские женщины». «Впечатление, — рассказывала она, — было потрясающим. Княжны мне сказали: как это нам никогда не говорили, что у нас такой чудный поэт»²².

Чуть было не удостоился включения в этот педагогический коллектив комиссар. Еще когда он был в пути, Романовы узнали, что едет к ним бывший крамольник, просидевший за шлиссельбургскими стенами полтора десятка лет. Оказалось — ничего особенного: против ожидания — не страшилище, а «маленький человечек», о котором оставили лестные отзывы приближенные бывшего царя. Полковник Кобылинский, например, отзывался о нем как о «человеке умном, развитом, притом замечательно мягком и душевном». Эрсберг удостоверила, что «государь при встречах охотно с ним разговаривал»²³.

Случилось однажды так, что зубной врач, вызванный из центра, взял у Панкратова книгу его воспоминаний «Возврат к жизни», незадолго до того изданную в Петрограде. Прочитав, передал книгу Николаю, тот — жене и детям. «Вы знаете, — сказал комиссару через несколько дней врач, — они все прочитали вашу книгу, и представьте, говорю вам без всяких преувеличений, все они от этой книги просто в восторге».

Вскоре Николай попросил Панкратова выступить перед семьей с устными рассказами на ту же тему. У эсеровского уполномоченного хватило неуважения к самому себе, чтобы из истории своих страданий на каторге и в ссылке сделать развлечение для тех, кто олицетворял и возглавлял всю эту карательную систему. До Александры Федоровны суть его повествований, видимо, доходила слабо, потому что однажды она прервала его вопросом: «Мне все же непонятно, господин комиссар, почему вы так ненавидели наших жандармов?» Княжны и Алексей рассказчика слушали с широко раскрытыми глазами и однажды попросили его взять на себя часть уроков истории. Идейный питомец Брешко-Брешковской и Керенского умилился: «Какая странная игра судьбы. Почти всю жизнь быть гонимым, считаться вредным человеком, врагом династии. Но вот условия меняются — и этот вреднейший человек приглашается преподавателем, наставником детей бывшего самодержца». «Обыкновенной семьей» кажутся Романовы комиссару, он не видит ни малейшей их вины перед страной и ее народом.

Присматриваясь к двусмысленному поведению комиссара, солдаты разочаровались в нем. Вообще же солдаты вели себя с неиз-

менным достоинством, сдержанно и корректно, чего нельзя сказать о вывезенных из Александровского дворца слугах, которых Романовы лично выделили как самых верных и достойных для переезда в Тобольск.

К конвойным члены семьи относятся по-разному. Мария бежит в караулку, кокетничает с молодыми солдатами. Алексей ходит по постам, собирает для своей коллекции пуговицы, пряжки, пустые гильзы. Захаживает иногда в караулку Николай — поиграть с рядовыми в шашки. Александра Федоровна как бы вовсе не замечает конвоя, проходит молча, всем своим видом выражает безразличие.

В то время (осенью 1917 г.) в Тобольске, как и в других городах России, собирались пожертвования для действующей армии. Через Татищева и Кобылинского общественные организации передали подписной лист в губернаторский дом. Там вывели цифру: 300 рублей. Тобольки возмущены, требуют возвратить Романовым скарденный взнос («а для Распутина, небось, не скупилась»). Негодует и Панкратов: «Меня поразила эта скупость. Семья в семь человек жертвует 300 рублей, имея только в русских банках свыше ста миллионов». Оказывается, что цифру вписала Александра Федоровна. «Да, — констатирует он, — Алиса была скупа для России. Она могла бы быть в союзе с людьми, которые готовы были жертвовать Россией. Ведь известны были ее жертвования на германский Красный Крест уже во время войны»²⁴.

В первые месяцы своей тобольской жизни Романовы в средствах не нуждались. Продукты закупались в громадных количествах в лавках и на рынке, в результате чего подскочили цены и обеднел ассортимент, что вызвало ропот среди населения. Был, правда, еще один, и на первых порах довольно обильный, источник снабжения: доброхотные даяния местных благотворителей. «Продукты для Романовых закупались на базаре, — сообщает очевидец. — В тех случаях, когда на рынке каких-либо продуктов не оказывалось, например сахара, эта нехватка пополнялась приношениями монашек из окрестных монастырей. За честь выпить стакан кофе на кухне бывшего царя эти чернохвостницы приносили Романовым в неисчислимом количестве свои подарки в виде сахара, масла, сливок, яиц и прочей снеди. Об уплате за эти продукты не могло быть и речи»²⁵.

И все же на гостинцах не продержишься, нужны были деньги. А они по старой привычке расходовались с такой легкостью, что в конце концов наличности стало не хватать. Бывший премьер-министр Временного правительства Львов в эмиграции показывал: «Был нами также разрешен вопрос о средствах царской семьи. Конечно, она должна была жить на свои личные средства. Правительство обязано было нести лишь те расходы, которые вызывались его собственными мероприятиями по адресу семьи». Ныне западная пресса оспаривает это утверждение. Она ссылается на заявление (эмигрантское же) Керенского о том, что «Временное

правительство взяло на себя содержание семьи бывшего царя». В подкрепление приводится свидетельство Кобылинского: «Перед нашим отъездом в Тобольск Керенский сказал мне: «Бывший царь доверен вашему попечению. Его семья не должна терпеть ни в чем нужды»»²⁶.

И после таких жестов, негодуют советологи из «Ди Вельт», «Временное правительство уклонилось от выполнения своих обещаний и обязательств, оставив несчастную семью, без вины со своей стороны потерявшую свободу, к тому же еще и без средств к существованию». Смысл попреков: сами Романовых вывезли — сами должны были и кормить их. Но «тщетно обращается Кобылинский в Петроград — все его письма остаются без ответа... и полковнику Кобылинскому не остается ничего другого, как пойти по городу в поисках ссуд, чтобы прокормить вверенную его попечению семью»²⁷.

Со ссудами же обстояло так. На первых порах тобольское купечество в общем относилось к Романовым весьма сочувственно. Отпускать им продукты и товары в кредит почиталось за честь. Когда же обозначились у Романовых (еще при Временном правительстве) материальные затруднения, местные поставщики охладели к августейшей клиентуре, стали прижимистыми и несговорчивыми. Повар Харитонов, ходивший по магазинам и рынку за продуктами, все чаще возвращался с полупустыми корзинами и докладывал Кобылинскому, что торговцы «больше не верят» и «скоро в кредит вовсе отпускать не будут». Тогда-то комендант и пошел по городу в поисках займов (предварительно уволив из соображений экономии часть прислуги). Он выдавал кредиторам векселя за тремя подписями: Татищева, Долгорукова и своей.

Это не значит, что у Романовых не было денег. Средства у них были крупные. Как показали в эмиграции Львов и Керенский, еще Временным правительством было установлено, что Романовы на банковских счетах за рубежом имели минимум 14 млн. руб., по другим же источникам — раз в двадцать больше. Но в ту пору воспользоваться ими они не могли, так как получить их из немецких и английских банков было невозможно. Время от времени поступала финансовая помощь из центра от монархистов; немалые суммы присылали, в частности, Ярошинский и Вырубова. 25 марта 1918 г. Николай записал в дневнике: *Из Москвы вторично приехал Владимир Николаевич Штейн, привезший оттуда изрядную сумму от знакомых нам добрых людей...*

23 февраля 1918 г. Кобылинский получил из Петрограда официальную телеграмму, извещавшую его о том, что «у народа нет средств содержать царскую семью». Под телеграммой стояла подпись народного комиссара государственных имуществ В. А. Карелина, одного из организаторов и лидеров партии левых эсеров (после Октября вместе с Марией Спиридоновой и некоторыми другими деятелями этой партии входил — недолго — в состав

Советского правительства). Карелин извещал, что государство может взять на себя лишь расходы, связанные с предоставлением помещения, отоплением и освещением, а также обеспечить членов семьи солдатским пайком. В остальном Романовы должны жить на собственные средства; им предоставляется право расходовать 600 руб. в месяц на человека, 4200 руб. в месяц на семью.

На материальные затруднения семьи некоторые западные авторы охотно ссылаются, доказывая, будто Романовы из патристических чувств готовы были претерпеть любые невзгоды, лишь бы «остаться дома, в России»; их нужда якобы подчеркивает величие отказа бежать куда-либо, в особенности за границу. Весь их тобольский период якобы характеризуется «покорностью судьбе и умиротворенностью». Они, по утверждению западной прессы, «вовсе не собирались оставить русскую территорию... Царица говорила тогда в Тобольске, как и раньше, в Царском Селе: ничто не заставит меня покинуть Россию»²⁸. То же, впрочем, доказывали в свое время белоэмигранты, в частности Т. Мельник-Боткина: «Намекни она хоть одним словом, и император Вильгельм обеспечил бы ей мирное и тихое существование на родине ее величества. Но, уже будучи в заключении в холодном Тобольске и терпя всякие ограничения и неудобства, ее величество говорила: «Я лучше буду поломойкой, но я буду в России». Редко кто обладает той горячей любовью и верой в русского человека, какими была проникнута государыня императрица, несмотря на то, что от нас, русских, она ничего не видела, кроме насмешек и оскорблений»²⁹.

Все эти и подобные им утверждения, мягко говоря, необоснованны. С первых же недель после крушения царизма Романовы стремились выездом из России обезопасить себя от грозящих неприятностей и таким образом обеспечить себе возможность в подходящий момент возвратиться к утраченному. При этом они трезво учитывали, что тайное бегство куда опаснее открытого выезда при попустительстве буржуазных властей и при содействии монархистов. В условиях первых тобольских месяцев Романовым были не очень-то по душе варианты авантюрного бегства: им не хотелось менять, как им казалось, «верное на неверное». Только когда выяснилось, что «верного» ждать бесцельно, ставка была перенесена на «неверное», но поздно. Они, впрочем, никогда не считали, что бежать поздно.

День за днем, неделю за неделей отсчитывал Николай, томясь и выжидая перелома в своей судьбе. Он коротает время за чтением, играет в любительских спектаклях. За Толстым читает Лейкина, за Тургеневым — Аверченко, за «Пошехонской стариной» Салтыкова-Щедрина — «Приключения Шерлока Холмса» Конан Дойля. О том, что он читал, можно судить по его собственноручным записям в дневнике: *Во время безика теперь читаю вслух «Накануне» Тургенева; С увлечением читаю «Анну Каренину»; Читал до обеда 4-ю часть «Войны и мира», которую не знал раньше.*

Под его руководством и при его актерском участии обитатели верхнего этажа выписывают из пьес роли, заучивают их, репетируют, по вечерам разыгрывают спектакли. Мелькает из страницы в страницу: *Сыграли очень дружно маленькую пьесу... много смеху было; Перед обедом сыграли свою пьесу по-настоящему... Сознали, что прошло бойко и гладко; Вечером было представление... Все прошло хорошо и забавно; Вечером состоялся спектакль... Волнений вначале представления было много, но кажется хорошо сошло.*

Кто попытается обидеть его — тех поколотите палками. Кто рукоплещет ему — тех вешайте.

*Афиша о Людовике XVI,
вывешенная на стенах Конвента*

ВЕТРЫ ПЕРЕМЕН

К концу лета семнадцатого года возвратился с румынского фронта в Тобольск уроженец этого города 33-летний солдат Коганицкий, типографский рабочий, большевик¹.

Первые царская «охранка» заметила его еще в начале века как социал-демократического агитатора среди типографских рабочих Томска, а затем среди солдат Ачинского гарнизона. С тех пор сыпались на него кара за карой — аресты, высылки, тюремное заключение, но не ослабевают дух и воля молодого революционера. Преследуемый полицией, Исая Яковлевич Коганицкий, член РСДРП с 1904 г., переезжает из города в город, выполняя задания партии в Тобольске и Тюмени, в Уфе и Перми, в Симферополе и Иваново-Вознесенске: печатает листовки и прокламации, приобретает шрифты для подпольных типографий, собирает (с 1912 г.) подписку на газету «Правда». Призванный с начала мировой войны в армию, ведет большевистскую агитацию среди солдат, а после Февраля участвует в создании первых в армии солдатских комитетов. Тяжелое ранение, надорванное (тифом) здоровье — и солдат отправлен домой, худой, изможденный, в поношенной шинелишке и стоптанных сапогах.

Коганицкий включается в городскую общественную жизнь, избран депутатом Тобольского Совета. Преобладали тогда в Совете меньшевики и эсеры; задавал тон губернский комиссар Временного правительства г-н Пигнатти, адвокат-говорун; украшали общество несколько эсеровских дамочек из подражательниц «бабушке русской революции». С трибуны льются речи о «большевистском предательстве», о петроградских «заговорщиках, толкающих Россию в бездну»².

Много сил партийно-политической работе среди населения Тобольска отдавал другой видный большевик — Николай Михайлович Немцов; многотрудной была его жизнь. В 1897 г. 18-летним слесарем Тульского оружейного завода он вступил в РСДРП, занимался в кружке И. И. Скворцова-Степанова. За участие в забастовках не раз репрессирован, с завода изгнан, вынужден с волчьим билетом уехать в Петербург. 1905 год застает Немцова (Товарища Макара) на Металлическом заводе. Партийный организатор Полюстровского подрайона, член Исполкома Петербургского Совета, Немцов — Макар — завязывает дружбу с М. И. Калининым, работающим на Путиловском заводе, вместе с ним борется за сплочение рабочих, за подготовку их к новым

классовым боям. Затем «Кресты» и высылка на вечное поселение в Сибирь. Он был рыбаком в Обдорске, и лесорубом под Тюменью, и истопником в одной из тобольских прачечных. Крепко-накрепко породнился Макар с этим краем. И когда явившемуся в Петроград после Февраля бывшему ссыльному Я. М. Свердлов предло-жил вернуться в Сибирь для решения новых партийных задач, для подготовки масс к новым революционным свершениям, Немцов охотно согласился. Так в июне 1917 г. его вновь увидел Тобольск³.

Большевистская группа в Тюмени сформировалась в составе объединенной организации РСДРП после июльских дней 1917 г. под влиянием Н. М. Немцова. Рядом с ним были Н. В. Шишков (квартира которого использовалась для встреч большевиков), П. А. Сивков и А. А. Неверов. В сентябре того же года под влиянием и совместными усилиями Немцова и Коганицкого оформилась большевистская группа в Тобольске (тоже в составе объединенной организации РСДРП). Одновременно возникла большевистская фракция в городском Совете, а также небольшая, но сплоченная группа сочувствующих большевикам солдат охраны губернаторского дома во главе с подпрапорщиком Матвеевым. Активную поддержку Коганицкому в этой работе оказала Г. А. Козлова, член партии с 1915 г., избранная секретарем большевистской группы. Из Омска и Екатеринбурга наезжали агитаторы и организаторы поделиться опытом работы в массах; побывали здесь и посланцы Петроградского и Московского комитетов партии, в частности питерцы Петров и Голованов.

Так в преддверии Октября развернулся в этих местах процесс большевизации масс, объединения и подготовки их к борьбе за власть Советов. Пигнатти уже ранней осенью доносил в Петроград министерству внутренних дел, что «в настроении населения Тобольска замечается перелом в сторону, сулящую мало хорошего»⁴.

В начале декабря 1917 г. тюменские большевики выделились в самостоятельную организацию и избрали свой первый партийный комитет, в который вместе с другими вошли самые активные коммунисты — Н. М. Немцов, Г. П. Пермиков и Н. В. Шишков. Самостоятельная большевистская организация в Тобольске сформировалась 2 апреля 1918 г. В первый ее партийный комитет наряду с другими были избраны И. Я. Коганицкий, Т. И. Наумова, К. И. Пичурин и В. Д. Поварнин. Эти партийные комитеты и возглавили в Прииртышском районе Западной Сибири первую кампанию выборов в Советы, взявшие в свои руки власть⁵.

Тогда же стало очевидно, что оставление губернского центра в Тобольске более не отвечает социально-географическому облику новой России. Решением губернского съезда Советов, утвержденным правительством, два города поменялись статутом. Тобольск стал уездным, Тюмень — губернским центром.

Поначалу во главе губернского Совета стоит (недолго)

23-летний Георгий Прокопьевич Пермьяков, уроженец Тюмени. Но ему партийная организация поручает комплектование частей Красной Армии, и председателем Тюменского губисполкома избирается Н. М. Немцов.

Тем временем И. Я. Коганицкий и его товарищи готовили и в Тобольске решительный перелом. Он совершился несколько позднее, когда здешний Совет возглавил присланный из Екатеринбурга уральской партийной организацией балтийский матрос П. Д. Хохряков.

ВЕСТИ ИЗ ПЕТРОГРАДА

За событиями в центре страны бывший царь мог следить по газетам, которыми аккуратно снабжал его Панкратов; многое же он узнавал из писем и особенно из рассказов приезжих. 7 октября 1917 г. он записывает в дневнике: *Появился мистер Гиббс, который рассказывал много интересного о жизни в Петрограде*; несколько ранее (22 сентября) с такой же «интересной» информацией *прибыл... добрый барон Боде* (который, кстати, привез *груз дополнительных предметов для хозяйства и некоторые наши вещи из Царского Села*). Присылают письма с различными ориентирующими сведениями сестра Ксения (10 октября), «дорогая мама» (12 октября) и др. Постепенно записи, касающиеся общей политической обстановки, становятся все более мрачными и тревожными. Он отмечает необычные перебои в поступлении информации: *Уже два дня не приходят агентские телеграммы*, предполагает, что, *должно быть, неважные события происходят в больших городах* (4 ноября). *Давно газет уже никаких из Петрограда не приходило, также и телеграмм. В такое тяжелое время это жутко* (11 ноября).

Он еще не знает, что как раз в эти дни совершился величайший переворот в человеческой истории, что открылась новая глава в книге летописей России и что на страницах этой книги уже не будет места ни для него, ни для его заступников, ни вообще для того мира, вернуться в который он все еще надеялся. «Неважными событиями» были: победа вооруженного восстания рабочих и солдат в Петрограде, арест Временного правительства, бегство Керенского. К осени 1917 г. трудящиеся России в массе своей окончательно разочаровались в политике правящих групп и сознательно, по своему свободному выбору встали на сторону большевиков. Характеризуя этот период, Ленин писал: «...рабочие и солдаты в сентябре и начале октября в громадном большинстве *уже* перешли на нашу сторону»⁶. В невиданно короткий срок большевистская партия создала политическую армию социалистической революции. Большинство народа шло за ней. Ленинские идеи борьбы за народную власть овладели массами и стали материальной силой. Рабочий класс — авангард революции — развил огромную энергию; стал цементирующей силой в Советах, укрепил

профсоюзы, выковал грозную Красную гвардию. «Все формы пролетарского движения тесно связывала главная цель — завоевание власти Советами»⁷.

В 9 часов 45 минут вечера 25 октября 1917 г. крейсер «Аврора» возвестил о начале новой эры в истории человечества — эры Великой Октябрьской социалистической революции.

В ночь с 25 на 26 октября революционные рабочие, солдаты и матросы штурмом взяли Зимний дворец.

На открывшемся в Смольном 25 октября II Всероссийском съезде Советов было объявлено о переходе всей власти к Советам, приняты декреты о мире и о земле, сформировано первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров — во главе с В. И. Лениным.

Закончив свою работу, делегаты съезда разъехались на места, чтобы рассказать народу о победе Советов в Петрограде, чтобы способствовать утверждению Советской власти по всей стране.

Петроград сделал решающий шаг. За ним поднялась вся страна. К февралю 1918 г. Советская власть успела распространиться по всей России. Ленин охарактеризовал это как «триумфальное шествие». В этот период ЦК партии большевиков и ВЦИК направили на места тысячи стойких борцов за утверждение нового строя. Только Петроград послал до 15 тыс. рабочих — энергичных проводников большевистского влияния на массы.

Соединенные усилия этих посланцев партии и революционного актива на местах способствовали триумфальному шествию Советской власти и по крупнейшим промышленным районам Сибири и Урала. Концентрация пролетариата в этих районах была весьма высокой, они были по традиции опорными базами партии большевиков. Эта особенность сказалась здесь и на темпе событий после 25 октября 1917 г. В Екатеринбурге, политическом центре Урала, Советская власть утвердилась уже на второй день после победы вооруженного восстания в Петрограде; в других уральских городах — в течение 26 и 27 октября. Провозглашение Советской власти Западно-Сибирским областным III съездом Советов в Омске состоялось в первой декаде декабря. По различным причинам, однако, «значительно позднее власть Советов реально установилась в Тобольской губернии»⁸. В городах этой губернии (Тюмень, Тюкалинск, Тобольск, Ишим, Туринск, Ялуторовск, Тара) власть в руки Советов перешла в течение января — марта 1918 г., за исключением Кургана, где она была установлена 20 ноября 1917 г.

Только во второй половине ноября до Тобольска доходит более или менее внятная информация. В своем дневнике Николай записывает: *Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и Москве. Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени* (17 ноября). О том, как он представлял себе октябрьские события в Петрограде, Панкратов поведал в воспоминаниях:

Он (Николай) нервно спросил меня:

— Неужели Керенский не может приостановить такое своеволие?

— По-видимому, не может...

— Как же так? Александр Федорович поставлен народом. Народ должен подчиниться... Не своевольничать... Ведь Керенский — любимец солдат, — желчно сказал бывший царь...

Помолчав несколько минут, он сказал:

— И зачем же разорять дворец? Почему не заставить толпу? Зачем допускать грабежи и уничтожение богатств?

Последние слова он произнес с дрожью в голосе. Лицо его побледнело, в глазах сверкнуло негодование⁹.

Сам он, Николай, ни при чем, лично себя считает ни к чему не причастным, происходящее в России разглядывает как бы со стороны. Возведя Керенского в «любимца солдат», упрекает его в неспособности «заставить толпу». Словно не он за восемь месяцев до того пытался с помощью Хабалова и Иванова (и столь же безуспешно) сделать с «толпой» то же самое.

В последующих записях: *Получилось невероятнейшее известие о том, что какие-то трое парламентаров нашей 5-й армии ездили к германцам впереди Двинска и подписали предварительные с ними условия перемирия. Подобного кошмара я никак не ожидал.* Затем ему становится известно, что переговоры прерваны. *Судя по телеграммам, война с Германией возобновлена, так как срок перемирия истек. Но на фронтах у нас, кажется, ничего нет, армия демобилизована, орудия и припасы брошены на произвол судьбы и наступающего неприятеля. Позор и ужас!* (7 февраля 1918 г.). Все же договоренность достигнута. И в дневнике появляется запись: *Сегодня пришли телеграммы, извещающие, что большевики, или, как они себя называют, совнарком, должны согласиться на мир на унижительных условиях германского правительства ввиду того, что неприятельские войска движутся вперед и задержать их нечем. Кошмар!* (12 февраля).

Автор дневника ругает большевиков за переговоры с немцами, позабыв, что тремя годами раньше — но в кардинально противоположных целях — сам вынашивал «заветную мечту предложить неприятелю заключить мир». Вступая в тайную переписку с Эрни и посылая Протопопова к фон Варбургу, царь и царица отнюдь не интересовались при этом «мнением народа»... Позабыл и о том, сколько раз за Неманом, Вислой и в Карпатах — особенно наглядно в Галиции в 1915 г. — были «орудия и припасы брошены на произвол судьбы» и сколько раз за годы войны России действительно с ужасом пришлось наблюдать, как вражеские армии лезут напролом и «задержать их нечем».

В том же тоне он записывает: *Сколько еще времени будет наша несчастная Родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дальше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать* (2 марта). Дальше такие записи: *Сегодня Георгиевский праздник. Для кавалеров город устроил обед и прочие увеселения в Народном доме. Но в составе*

нашего караула... было несколько георгиевских кавалеров, которых их товарищи некавалеры не пожелали подменить, а заставили идти по наряду на службу — даже в такой день! Свобода!!! (25 ноября). Отрядный комитет стрелков постановил снять с нас погоны. Непостижимо! (3 января 1918 г.)*. После изменений в графике прогулок: Утром увидели в окно горку перекрытую; оказывается, дурацкий комитет решил это сделать, чтобы помешать нам подниматься на нее и смотреть через забор (20 февраля). После прибытия из Омска красногвардейского отряда: Прибытие этой «красной гвардии», как теперь называется всякая вооруженная часть, возбудило тут всякие толки и страхи... Комендант и наш отряд, видимо, тоже смущены, т. к. вот уже две ночи караул усилен и пулемет привозится с вечера. Хорошо стало доверие одних к другим в нынешнее время! (14 марта). Кобылинский показал мне телеграмму из Москвы, в которой подтверждается постановление отрядного комитета о снятии мною и Алексеем погон... Этого свинства я им не забуду! (8 апреля)¹⁰.

КЕРЕНСКОГО НЕТ, ПАНКРАТОВ НА МЕСТЕ

Жизнь в губернаторском доме усложняется. Стол заметно скудет. Часть прислуги уволена, намечаются новые сокращения. За триктраком все чаще находит тоска. В этом тусклом, заброшенном в таежную глушь Тобольске вообще нелегко даются ожидание и надежда. Невидимо действуют вокруг губернаторского дома силы избавления. А на другом конце бывшей империи, на юге, собирают монархическую рать Корнилов и Алексеев, уже завязали бои Каледин и Краснов. Разыгрываются в Тобольске несколько зловещих инцидентов.

В церкви Покрова Богородицы перед скопищем прихожан, окружавших царскую семью, дьякон Евдокимов провозгласил «многая лета царствующему дому Романовых», перечислив по старорежимной формуле и «государя императора», и «государыню императрицу», и «наследника цесаревича», и каждую из великих княжон — всех по титулам и именам. Были в церкви солдаты охраны, обычно сопровождавшие семью на богослужения. Старший конвой подошел к Евдокимову и спросил: «Как это понимать?» Дьякон пояснил, что в такие тонкости вдаваться ему не под силу, а поступил он так, как велел ему настоятель отец

* Подоплека инцидента такова: общегарнизонное собрание солдат единогласно приняло решение снять погоны старой армии, ношение их впредь запретить. Согласно этому решению, сняла погоны охрана губернаторского дома, предложив Николаю II и Алексею, носившим военную форму, сделать то же самое.

Николай воспротивился. Кобылинский стал упрашивать членов отрядного комитета «не беспокоить» Романовых этим требованием, воздержаться от «новых оскорблений и унижений». Солдаты настаивали на своем. Лишь после того, как они пригрозили сорвать погоны силой, Романовы подчинились, но послали жалобу в Москву, в Президиум ВЦИК.

Алексей. После пришли из Совета депутаты — несколько рабочих и солдат, объявили дьякона и священника арестованными и увели их. На допросе оба держались нагло, а Евдокимов угрожающе заметил: «Ваше царство минутное, придет скоро защита царская, погодите еще немного, получите свое сполна».

Гермоген, считавший себя особой неприкосновенной и неуязвимой (его действительно не решались тронуть), вступился перед Советом за своих подчиненных, которых по существу сам толкнул на провокацию, и, вызволив их из арестантской, спровадил в монастырь. Запрошенный депутатами Совета, как посмел он в революционной России инспирировать провозглашение здравницы свергнутому царю, Гермоген письменно (от личной явки он уклонился) ответил, что, во-первых, «Россия юридически не есть республика, никто ее таковой не объявлял и объявлять не правомочен, кроме предполагаемого Учредительного собрания»; во-вторых, «по данным Священного писания, государственного права, церковных канонов и канонического права, а также по данным истории, находящиеся вне управления своей страной бывшие короли, цари и императоры не лишаются своего сана, как такового, и соответственных им титулов», поэтому в поступке отца Алексея «ничего предосудительного» он не усмотрел¹¹.

Возмущенные депутаты и солдаты предупредили Гермогена, что, если провокации не прекратятся, они могут плохо для него кончиться*. Романовым же через Панкратова и Кобылинского объявили, что впредь хождение в церковь им запрещается; хотят молиться — пусть молятся дома. Настоятель как будто исчез с глаз, потом опять вернулся к прежней роли связного между губернаторским домом и резиденцией архиепископа, но повел себя осторожнее.

Порой бывшего царя сильно занимает Учредительное собрание: будет ли оно и когда? Он связывал с ним какие-то свои смутные надежды, по некоторым признакам рассчитывал, что Учредительное собрание освободит его с семьей из-под стражи, позволит свободно проживать в России или выехать за границу. По воспоминаниям Панкратова, в те дни Николай чуть ли не при каждой встрече спрашивал его: «Когда же, наконец, откроется Учредительное собрание?» Самому Панкратову, как правоверному эсеру, тоже не терпелось услышать о созыве Учредительного собрания, и он бодро отвечал своему поднадзорному: «Скоро, Николай Александрович, теперь уже ждать недолго». А в начале января 1918 г., когда Учредительное собрание после единственного своего заседания было разогнано, ему пришлось в последний раз удовлетворить любопытство бывшего самодержца несколько иначе: «Боюсь, Николай Александрович, что теперь оно уже и вовсе не состоится». Через несколько дней Панкратов был отстранен от должности.

* Гермоген был арестован и отправлен из Тобольска 28 апреля 1918 г., после выезда Николая Романова.

Дьяконовым многолетием в церкви Покрова Богородицы монархическая реакция засвидетельствовала, что с изгнанием Романовых она не примирилась и накапливает силы, намереваясь в подходящий момент перейти в наступление. В тихом, с виду полусонном городе поднимают голову черносотенные элементы. Вокруг города активизируется подстрекаемое Гермогеном кулачье, монастырское и сельское духовенство. Из Петрограда, Москвы и южных районов страны (Дон, Кубань) зачастую по подложным документам и под вымышленными именами, группами и в одиночку пробираются и оседают в Тобольске и Тюмени лица с графскими и баронскими титулами, царедворцы, распутицы, корниловского толка офицеры, активисты ушедших в подполье монархических и иных контрреволюционных кружков и групп. Позже Мельник-Боткина писала: «Надо отдать справедливость нашим монархистам — они напрягали все усилия, чтобы организовать спасение их величеств. Петроградская и московская организации множество своих членов послали в Тобольск и Тюмень, они там жили и готовились месяцами, скрываясь под чужими именами...»¹²

В Тюмени появился князь Львов, бывший глава Временного правительства. Вызванный в местный Совет, он сказал, будто приехал «по лесопромышленным делам», после чего был отпущен и тотчас исчез. Появляются в Тобольске и просят допуска в губернаторский дом представители западных дипломатических миссий. Через посредство того же отца Алексея, с помощью Татищева, Долгорукова и Кобылинского они устанавливают тайные контакты с Романовыми, передают письма и деньги. Ширится сначала осторожная, затем открытая монархическая агитация. Переодетые офицеры, монахи из окрестных монастырей бродят по Тобольску, разбрасывают или суют прохожим листовки с призывами «спасти батюшку-царя». Используется для возбуждения толпы каждый выход Романовых (до запрещения этих выходов) на богослужение. С момента появления семьи на улице и до входа ее в церковь (так же и на обратном пути) поднимается в городе неистовый трезвон колоколов всех 25 церквей.

Заподозрив, что эти и другие эксцессы подстраивает Гермоген, местный Совет по настоянию депутатов-большевиков учиняет на его квартире обыск. Из тайника в архиепископском кабинете извлечены письма и документы, показывающие связь Гермогена с тайными организациями в Петрограде и Москве. Становится очевидным, что он руководит диверсионными группами, накапливающими силы в Тюмени. При обыске найдено письмо из Крыма от Марии Федоровны. Она отчаянно требует энергичных действий. «Владыка, — пишет она, — ты носишь имя святого Гермогена, который боролся за Русь, — это предзнаменование. Теперь настал черед тебе спасти Родину, тебя знает вся Россия — призывай, громи, обличай. Да прославится имя твое в спасении многострадальной России»¹³. В 1918 г. мать Николая взывает к тени патриарха Гермогена первого, стоявшего у начала династии

Романовых, чтобы вдохновить Гермогена последнего, стоящего у их конца.

Рабочим и солдатам в Тобольске, однако, судьба «много-страдальной России» не менее, а более близка, чем Марии Федоровне. Все происходящее вокруг губернаторского дома им не по душе. Интересы охраняемых и охраняющих — не одно и то же. Романовым надо отсидеться, чтобы бежать за границу или вернуться в лоно контрреволюции. Тобольские же рабочие, как и солдаты охраны, которые и в шинелях царской армии оставались сынами своего народа, решили такого исхода не допустить.

В своих воспоминаниях, опубликованных в 20-х годах в советской печати, участник событий А. Д. Авдеев приписывал тобольской охране антисоветские настроения, моральное разложение и продажность, приверженность монархизму, готовность поддерживать диверсию с целью освобождения и увоза бывшего царя. Впрочем, объявив «всю» охрану контрреволюционной на одной странице, Авдеев на другой странице признает, что «также среди нее (охраны) было и довольно сильное демократическое настроение»¹⁴.

Конвой встревожен подпольной возней вокруг дома. По настоянию местных большевиков инициативная группа созывает общее собрание отряда; избран солдатский комитет. Председатель комитета подпрапорщик Матвеев побывал в Тобольском Совете, поделился своими сомнениями и беспокойством с депутатами из большевистской фракции. Они посоветовали ему и его товарищам держаться настороже, обещали помощь и внимание, сказали, что общат обо всем в Омск, которому Тобольск подчиняется административно. Пока же пусть отрядный комитет соберет солдат, пусть сами обсудят положение, надо послушать, что скажут люди.

Собрались, пригласили комиссара, попросили его объяснить. Панкратов с места в карьер заявляет, что солдаты «суются, куда им не положено», и что все происходящее «не их ума дело». Поднялся шум. Солдаты запротестовали. По предложению Матвеева отряд принимает решение: заключенных взять под более строгий надзор; свитских, расселившихся по городу, заставить перебраться в корниловский дом; внутри и вне губернаторского дома усилить караулы; по ночам выставлять дополнительные посты; ввести круглосуточную патрульную службу в кварталах, прилегающих к зданию; вокруг усадьбы поставить забор; огородить площадку, куда заключенные могут выходить на прогулку в определенные часы; хождение по городу всем свитским и прислуге запретить. Татищеву и Долгорукову после собрания сказано, чтобы перестали шептаться по городу, а то «получат по шее».

За них обиделся полковник Кобылинский. Он предупреждает Матвеева, что теперь отряду следует ждать «крупных неприятностей». «За что?» — спрашивает Матвеев. «За самоуправство и хулиганство», — отвечает полковник. «От кого?» Этого Кобылинский определенно сказать не может, страшает солдат то «гер-

манским императором», то «английским королем», которые, дескать, раньше или позже разыщут обидчиков своего родственника — бывшего царя. Но фронтовиков-георгиевцев, в боях не раз глядевших в лицо смерти, запугать трудно.

В январе едет в Петроград и Царское Село делегация от отряда охраны. Солдат в Смольном принял Я. М. Свердлов; они рассказали об обстановке вокруг губернаторского дома, положили на стол пачку тобольских газет. Свердлов внимательно выслушал делегацию, просмотрел газеты и сказал:

— Спасибо, товарищи, за верность делу народному, за службу революции. Знайте и передайте вашим товарищам в Тобольске: Советская власть вам доверяет. Поручается вам и далее так же бдительно и зорко сторожить бывшего царя, как до сих пор, вплоть до того момента, когда он предстанет перед открытым все-народным судом¹⁵.

РЫЦАРИ САМОДЕРЖАВИЯ

Тайно понукаемые из губернаторского дома, монархические группы готовятся к выступлению. Их активность в Тобольске особенно возросла в конце 1917 — начале 1918 г. К этому году монархисты располагали в Западной Сибири крупными денежными средствами, боевыми кадрами (главным образом бывшие офицеры и жандармы, активисты распавшихся после Февраля черносотенных организаций). Они находили опору в реакционно настроенных слоях местного населения — среди кулаков, торговцев, чиновников.

Советская власть в этих районах еще не окрепла, кое-где не сразу и установилась. В центре уже нет Временного правительства, а на местах продолжают действовать его органы власти и агенты. В Тюмени на одной улице располагаются два штаба: один записывает в Красную гвардию, другой вербует в белые банды. Отпору концентрирующимся в губернии силам контрреволюции препятствуют меньшевики и эсеры, имеющие большинство и в Тобольском и в Тюменском Советах.

Удалось заговорщикам проникнуть в отряд охраны губернаторского дома — помог им в этом Кобылинский. Они подкупили несколько слуг, солдат и поручика Малышева, которые обязались по сигналу открыть нападающим ворота и другие выходы и «помочь заключенным безопасно уехать». Агентом германской секретной службы является в доме фрейлина Софья Карловна Буксгевден, дочь царского посланника в Дании (Копенгагене) барона Буксгевдена. К германскому послу в Москве информация поступает главным образом от этой особы. Не лишены оснований высказывавшиеся в 20-х годах предположения, что таким же осведомителем Мирбаха и Рицлера был и Кобылинский¹⁶.

Заговорщических групп было несколько. В их числе: петроградская — Маркова 2-го (ее главным агентом в Тюмени был

штабс-капитан Сергей Марков); московская — «монархического центра» Нейдгардта (его был заслан в Тобольск Кривошеин, еще при Временном правительстве обосновавшийся здесь на нелегальном положении); распутинская (в центре — Вырубова и Ярошинский, представитель в Тюмени — Соловьев); гермогеновская (точнее — священника Беляева), связанная с матерью бывшего царя; офицерская группа «Союз тяжелой кавалерии» (с конца 1917 г. центр в Берлине, филиалы в Петрограде и Киеве) и др. Каждая из них претендовала на роль единственного спасителя семьи Романовых, что немало способствовало крушению их планов — по крайней мере в первое время «тобольского сидения» семьи, когда свита и челядь свободно ходили по городу, усиленной караульной службы еще не было и при содействии Кобылинского можно было попытаться вывезти семью не только ночью, но даже днем.

Вверх, к координирующим центрам в Москве и Петрограде, восходили нити связей от всех перечисленных групп. Такими руководящими инстанциями были сначала «Правый центр» — нелегальная антисоветская организация в основном прогерманской ориентации, действовавшая до весны 1918 г., затем развернувший активность с мая того же года проантантовский «Национальный центр». Тянулись нити от тобольских групп и к некоторым другим антисоветским организациям, например к пресловутому «Союзу защиты родины и свободы». Различались эти и подобные им объединения только оттенками отношения к одному из двух империалистических блоков. Что касается отношения к Советской власти — у всех оно было единое и неизменное: смертельная вражда и злоба, ставка на сокрушение и месть. Их антисоветское неистовство было тем сильнее, чем очевиднее становились первые успехи народной власти на пути разрушения старого мира, строительства новой жизни.

Вопреки невероятным трудностям молодая Советская республика успела многое сделать уже в первые месяцы своего существования — с осени 1917 до весны 1918 г.

Национализированы заводы и фабрики, шахты и электростанции, банки и транспорт. Обращена в собственность народа земля. Создан Высший Совет Народного Хозяйства. Аннулированы кабальные иностранные займы, заключенные Николаем II и Временным правительством. Отменены сословия, провозглашено и осуществляется равноправие населяющих Россию национальностей; установлено равноправие женщин; отделены церковь от государства и школа от церкви. Предприняты первые решительные шаги к улучшению условий жизни и труда рабочего класса и трудового крестьянства. Сломлен саботаж царского и буржуазного чиновничества в центре и на местах, упразднены старые министерства и ведомства, вместо них создан новый, рабоче-крестьянский аппарат государственного управления. Начали формироваться Красная Армия и Красный Флот. Организована ВЧК — Всероссийская

Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Учредительное собрание, избранное в основном по спискам кандидатов, составленным еще до Октябрьской революции, т. е. под буржуазным контролем и давлением, а после Октября отказавшееся подтвердить решения II съезда Советов, распущено. Выполняя волю народа, Советское правительство реализовало свой курс на выход России из империалистической войны: 20 ноября 1917 г. в Брест-Литовске начались переговоры; 3 марта 1918 г. мирный договор был подписан.

Уже первые шаги пролетарской революции вызвали ярость контрреволюции. Подпольные монархические группы активизировались и в центре, и в Сибири, где они ставили своей целью вызволение царской семьи. У каждой из них были особенности. Например, группу Вырубовой отличала ее личная близость к Александре Федоровне, а также денежная состоятельность (Ярошинский собрал на покупку оружия и подготовку побега царской семьи свыше 1 млн. руб.). Организацию Маркова 2-го выделяло другое: опыт тайных связей с окружением бывшего императора еще во времена царскосельского заключения; не просто прогерманская ориентация, но и контакты с германским командованием на оккупированных территориях России; наконец, наличие в сибирском подполье довольно многочисленной кулацко-офицерской банды, которую сплотил присланный из Петрограда штабс-капитан Сергей Марков. На его счету значилось одно из первых кровавых преступлений, совершенных в тех местах: в селе Голопутовском Марков со своими приспешниками напали на группу екатеринбургских рабочих, следовавшую в Тобольск на помощь Совету, и публично, на виду у созданного по тревоге крестьянского схода, зверски всех перестреляли.

Не менее достойного рыцаря обрели в те месяцы Романовы в лице поручика Б. Н. Соловьева, причастного в прошлом к распутинскому кружку в Петрограде. Сочетавшись браком с Матреной Распутиной, Соловьев осенью 1917 г. пробрался из Петрограда в Тобольскую губернию и здесь через отца Алексея установил контакты с черным воинством Гермогена.

Соловьев хитер, корыстолюбив, труслив и жесток. Обремененный директивами и подотчетными суммами, полученными от временно объединившихся доверителей — Вырубовой, Маркова 2-го и Нейдгардта, он развивает необыкновенную активность. Прежде всего с помощью Кобылинского проникает ночью в губернаторский дом, представляется Александре Федоровне в качестве зятя покойного Григория Ефимовича и уполномоченного Вырубовой, вручает бывшей царице Анино рекомендательное письмо, а главное, от нее же 175 тыс. руб. Расположение завоевано сразу.

Еще не ударили первые морозы, как Борис Соловьев, отгуляв «медовый месяц» в Покровском, появляется в Тюмени, на пересечении путей, по которым идут связи и снабжение монархических

групп и переписка Царского Села — Петрограда с Тобольском. Его миссия — сплочение и координация действующих между Тюменью и Тобольском монархических групп. Но одолевает его зуд стяжательства. Опираясь на санкцию Александры Федоровны и контакт (через отца Алексея) с Гермогеном, Соловьев как будто организует спасение царской семьи. А на деле, воспользовавшись редкой ситуацией, набивает свой карман. Угнездившись в Тюмени, он перехватывает, шантажирует и обирает встречаемых и поперечных: офицеров, прибывающих по вербовке на пополнение подпольных банд; фрейлин и камердинеров, везущих из Петрограда в Тобольск письма, деньги, посылки. Ухитрился обобрать и своего сообщника отца Алексея, которому монархисты из разных углов России шлют пожертвования. Да еще ниспослана удача: царская чета сама передала ему на хранение часть своих фамильных драгоценностей. Как-никак зять Григория Ефимовича...

Шло дело гладко, поручик и священник были друг другом довольны. Плывущее в руки делили мирно, по-хорошему. Но случилось однажды расхождение в расчетах. Служитель культа обнаружил, что партнер его обкрадывает. Состоялся обмен мнениями в форме сначала печатной, а потом непечатной. И с воплем: «Караул, ограбили!» — отец Алексей побежал жаловаться. И кому же? О боже праведный! Комиссарам Совдепа!

Вовремя учуяв, что предстоит объяснение в Чека, поручик не стал терять времени: уложил в чемоданчик свои накопления, как денежной наличностью, так и ювелирными изделиями, и вместе с Матреной подался на восток. Угодили они вскоре в расположение воинства атамана Семенова. Здесь поручик сделал неверный шаг: предложил наложнице атамана Серафиме Маевской царский кулон за 50 тыс. руб. Атаману эта сделка показалась слишком сложной и дорогой, он ее упростил и удешевил: приказал поставить Соловьева к стенке как «большевистского агента», замеченного в крамольных склонностях еще в Таврическом дворце... В последний момент Матрена спасла жизнь супругу, отдав Семенову всю бриллиантовую коллекцию, вывезенную из Тюмени.

Западные историографы (вслед за летописцами) Соловьева считают одним из главных виновников провала планов бегства Романовых из Тобольска. Он-де внес дезорганизацию и распад в ряды спасителей царя, «исполненных решимости действовать», сетует бывшая великая княгиня Мария Павловна. И он женился на дочери Распутина только для того, чтобы злоупотребить в своих корыстных целях этим именем, войти в доверие к Вырубовой и бывшей царице и, опираясь на них, сделать за счет их жизненных интересов жалкий скопидомный гешефт¹⁷. Свой «медовый месяц» в доме Распутиных в Покровском (по дороге из Петрограда в Тюмень) Соловьев начинает с диких издевательств над женой — существом малоразвитым, недалеким и еще с прежних лет довольно забитым. Не сама Матрена нужна ему, а ее фамилия, и он

с легкостью делает ее орудием своих афер. Свидетельствует об этом дневник Распутиной-Соловьевой, изъятый у нее в Чите колчаковским следователем и опубликованный в Берлине в 1925 г. Вот некоторые из записей (с соблюдением орфографии подлинника), относящиеся к 1918 г.:

13 февраля. Решила ни на грошь не верить Боре. Он мне все врет, как не стыдно вот низость то для мужчины врать по моему такому мужчине и руки не надо подавать, а я еще его жена. Надо его от этого отучивать, но как. Раз его с малых лет не воспитали и не научили. Он мне много говорил неправд. Буду надеяться, что господь его исправит, хотя и существует поговорка горбатого одна могила исправит.

24 февраля. Дома был полный скандал, он мне бросил обручальное кольцо и сказал: «Я ему не жена».

27 февраля. Чаше и чаще учащаются ссоры. Жить уже стало невыносимо.

А вот запись в дневнике Б. Соловьева (опубликован тогда же):

Продолжая жить с ней надо требовать от нее хоть красивого тела, чем не может похвастаться моя супруга, значит просто для половых сношений она служить мне не может, есть много лучше и выгодней¹⁸.

Таковы нравственные нормативы, характерные для распутинского кружка вообще. Таких этот кружок поставлял царю слуг, такого он поставил и «спасителя».

Так и получилось, что жалоба суетливого попа открыла перед тобольскими советскими организациями кое-что не лишнее значения... Теперь, когда проступили новые признаки непосредственной угрозы, еще более посуровел и ожесточился солдатский комитет. На собрании отряда, созванном комитетом, в присутствии председателей Совета и местной большевистской организации солдаты поклялись: что бы ни случилось, Романовых караулить, не выпускать. Комитет взял в свои руки контроль над всеми связями дома с внешним миром. Льготы и послабления, допущенные Панкратовым, отменены. Все свитские из корниловского дома переселены в губернаторский и тоже взяты под стражу. Челяди в доме объявлено, что и к ней полностью относятся правила режима заключения (только Сидней Иванович Гиббс продолжает упорно настаивать на своих особых правах британского подданного, почему комитет некоторое время еще позволяет ему ходить по городу). В комнатах Романовых произведен обыск, холодное оружие изъято.

ПРОБИЛ ЧАС И ПАНКРАТОВА

Панкратову такое обращение с заключенными претит. Он пытается помешать солдатам где и чем может. Поэтому неприязненное отношение отряда к нему переходит во вражду, а критика его распоряжений — в открытое неповиновение. С конца декабря отряд фактически отказывается признавать его полномочия.

Панкратов сам отмечал, что поведение тобольской охраны всего лишь отражало общее настроение, все более охватывавшее трудовое население страны. «На мое имя поступали анонимки

с угрозами с фронта, из Омска, Красноярска, Екатеринбурга и даже от самих тоболяков. С фронта мне грозили даже прислать целую дивизию за то, что я распустил царскую семью»¹⁹. Тем самым бывший комиссар признал, что за отрядом тобольского конвоя незримо стояли миллионы таких же солдат, и, будь другие на месте этого конвоя, они отнеслись бы к Романовым так же.

Комиссару, пережившему в Тобольске на два с половиной месяца власть своего петроградского начальства, солдатский комитет отряда предлагает написать заявление об уходе. Он не хочет. «Назначен я не вами, — говорит он, — а центром, поэтому только центр может меня снять». Комитет возражает: «Того центра, который вас назначил, уже нет и не будет. Новому же центру пока не до вас. Поэтому, согласно закону революции, мы, солдаты, и берем на себя роль вашего начальства. Предлагаем похорошему — уезжайте отсюда». Панкратов в конце концов согласился уехать, если получит подтверждение того, что вина за его отстранение лежит не на нем, а на солдатах, вступивших в «раздоры» между собой. Ладно, сказали ему, пусть так; пишите заявление. И он написал:

В отрядный комитет

Ввиду того, что за последнее время в Отряде особого назначения наблюдается между ротами трение, вызываемое моим присутствием в Отряде, как комиссара, назначенного еще в августе 1917 г. Временным правительством, и не желая углублять этого трения, я, в интересах дела общегосударственной важности, слагаю с себя полномочия и прошу выдать мне письменное подтверждение основательности моей мотивировки.

В. Панкратов

гор. Тобольск

Отрядный комитет постановляет: просьбу удовлетворить, выдать просимый документ.

Удостоверение

Дано сие от отрядного комитета Отряда особого назначения комиссару по охране бывшего царя и его семьи Василию Семеновичу Панкратову в том, что он сложил свои полномочия ввиду того, что его пребывание в отряде вызывает среди солдат трения, и в том, что мотивы сложения полномочий Комитетом признаны правильными.

Председатель Комитета: Киреев
Секретарь Комитета: Бобков

гор. Тобольск
26 января 1918 г.²⁰

Вручив бывшему комиссару эту справку, Киреев и Бобков сказали ему, что с данного момента ни ему, ни его бывшему заместителю Никольскому «в дом ходить больше нечего». Оба побродили вокруг дома еще с месяц (в последний раз они видели Николая 24 января), а 26 февраля уехали на санях в Тюмень.

Потеряв опору, хочет уйти и Кобылинский. Комитет готов распрощаться с ним. Но прежде чем подать заявление, комендант решает поговорить с Николаем. Сам Кобылинский вспоминал об этом эпизоде так:

То была не жизнь, а сущий ад. Нервы были натянуты до последней крайности... Я не выдержал. Я понял, что больше нет у меня власти, и почувствовал полное свое бессилие. Я пошел в дом и попросил Теглеву (няню Романовых. — М. К.) доложить царю, что мне нужно его видеть. Государь принял меня в ее комнате. Я сказал ему: «Ваше величество, власть выскользает из моих рук... Я не могу больше быть вам полезным. Если вы мне разрешите, я хочу уйти. Нервы у меня совершенно растрепались. Я больше не могу». Государь обнял меня одной рукой... Он сказал мне: «Евгений Степанович, от себя, жены и детей я вас прошу остаться. Вы видите, мы все терпим. Надо и вам потерпеть». Потом он обнял меня, и мы поцеловались. Я остался и решил терпеть²¹.

Кобылинский оставался и «терпел» до последнего дня пребывания Романовых в губернаторском доме. Впоследствии некоторые белоэмигранты задним числом поносили и Кобылинского, называя его «тюремщиком», погубившим царскую семью. Другие же вступались за него, так как, по их мнению, он сделал для Романовых все, что было в его силах. В частности, взял его под защиту Соколов; он включил в свою книгу показания, оправдывающие Кобылинского, в том числе следующее (свидетельство Эрсберг):

В высшей степени хорошо, душевно относился к ним (Романовым) Кобылинский. Он их любил, и они все хорошо относились к нему. Он был весьма предупредителен к ним и заботился о них. Но ему было очень тяжело ладить с солдатами и приходилось быть весьма осмотрительным. Он, однако, проявлял большой такт. Не будь около них Кобылинского, я уверена, много худого они могли бы пережить при ином человеке²².

За недооценку возможностей Кобылинского и недостаточное их использование порицал заговорщиков Жильяр:

Никто не подумал, что, несмотря на революцию и состоя якобы в противном лагере, он (Кобылинский) продолжал служить государю императору верой и правдой, теряя грубости и нахальство охраны. Кобылинский сделал для царской семьи все, что мог, и не его вина, если недальновидные монархисты-организаторы не обратились к нему — единственному человеку, который имел полную возможность организовать освобождение царской семьи и ждал только помощи извне, которую он сам не мог призвать, так как был под постоянным надзором враждебно настроенных солдат²³.

Здесь Жильяр не совсем прав. Монархисты не обходили Кобылинского. Они держали его в курсе своих замыслов, и он всячески им помогал. Была у него лишь специфическая трудность, ограничившая его участие в заговоре, вскользь Жильяр упоминает о ней: Кобылинский все время находился на глазах у солдат охраны, они следили за каждым его движением.

Слово «потерпеть» в устах Николая означало: развязка недалека. Освобождение близко. Уверена в том и его супруга.

Однажды она спрашивает себя: «Когда все это кончится?» И сама себе отвечает: «Скоро, скоро». Из записи в запись переходит: *Все это ненадолго...* Один из источников, питающих ее оптимизм: *Епископ за нас, и патриарх тоже, и большая часть духовенства за нас...*²⁴ Из систематически проникающей в дом тайной информации Романовы знают, что диверсионные офицерские группы, кулацко-монархические отряды, собранные на месте Марковым, Кривошеинным и Гермогеном, подбираются все ближе к губернаторскому дому. Перспективы столь бодрящи, что *гофмаршальскую часть мы решили пока не упразднить. Считаем, что незачем это делать*²⁵. В летописи безумств и пошлостей, нагроможденных Романовыми на своем долгом пути, этот штрих венчает остальное: спустя год после своего падения, через полгода после своего изгнания, в глубине Сибири, под тобольской стражей, в окружении солдат, поклявшихся не выпускать их живыми, Романовы глубоко-мысленно исследуют вопрос о дальнейшем функционировании гофмаршальской части и постановляют: сохранить. Она им еще понадобится.

Беспокоит Александру Федоровну, что в Петрограде Аня, т. е. Вырубова, как видно из ее письма, встретила с А. М. Горьким. Бывшая царица спешит предостеречь подругу: *Что ты познакомилась с Горьким — меня так удивило... Ужасный он был, не моральный... Ужасные, противные книги и пьесы писал. Будь осторожна, дорогая... Берегись, так как он нехороший человек, настоящий большевик*²⁶.

Чем дальше, тем нетерпеливее становятся обитатели губернаторского дома. Напряжением ожидания пронизаны их будни и праздники. Они втайне подталкивают своих приверженцев, внушают им решимость, стараются навести их на выбор благоприятного момента. Напрасно усердствует г-н Хойер, пытаясь задним числом приписать Николаю «наивное игнорирование жестокой действительности», почти безразличное «созерцание опасностей, обступивших его со всех сторон». С наигранным простодушием Хойер спрашивает: «Как переносил Николай II возрастающее ухудшение своего положения? Пытался ли он подкупить солдат и офицеров охранявшего его батальона, чтобы они помогли ему бежать? Завязывал ли он с той же целью тайные связи?» И сам отвечает на свои вопросы: «Ничего подобного не было. С почти непостижимой пассивностью, с фатализмом, граничащим с самоуничтожением, предался он своей судьбе»²⁷. Хочешь — верь, хочешь — не верь.

Были и подкупы, и тайные связи, и планы бегства, и банды, которым предназначено было эти планы привести в исполнение. Была и та подноготная всей подготовки, которую г-ну Хойеру хотелось бы затушевать: нити, тянувшиеся из окружения Николая к западным разведкам, дирижирование акцией спасения Романовых из стана международного империализма. Об этом прямо пишут некоторые его коллеги: «Царь и царица в беседах с дове-

ренными людьми не раз выражали надежду и уверенность, что преданные люди помогут им бежать... Эту надежду вполне разделяло непосредственное окружение бывшего царя. Они настаивали перед царем, чтобы он был готов к любым обстоятельствам». И далее: «Даже к началу весны 1918 г. планы бегства еще не лишены некоторых перспектив на успех»²⁸.

Это подтверждает Жильяр, свидетель и участник событий: «Император держался наготове на случай ожидаемой возможности». 17 марта 1918 г. он пишет в своем дневнике: «Никогда еще обстоятельства не складывались более благоприятно для побега... Ведь при участии полковника Кобылинского, на которое можно с уверенностью рассчитывать, так легко обмануть наших тюремщиков... Достаточно всего несколько стойких, сильных духом людей, которые планомерно провели бы операцию извне». А через несколько дней (26 марта) Александра Федоровна, стоя у окна, видит вступающий в город конный отряд и вне себя от радости кричит домочадцам: «Смотрите, смотрите, вот они идут — настоящие русские люди!» Ей показалось, что вступают в Тобольск белогвардейцы. Она обозналась, хотя это были действительно настоящие русские люди: на помощь тобольским рабочим прибыл из Омска отряд Красной гвардии под командованием рабочего А. Ф. Демьянова. В тот день швейцарец записывает: «Наши надежды на спасение, кажется, рушатся»²⁹.

В губернаторском доме этот иностранец был едва ли не лучшим знатоком обстановки.

Подходило к концу восьмимесячное тобольское сидение Романовых, или, как выражаются западные публицисты, их «качание». Не кончилось и не могло завершиться это сидение той развязкой, которую они ждали.

Во-первых, помешали солдаты охраны и тоболяки. Как в Царском Селе весной 1917 г., так и в Тобольске побега Романовых не допустили простые граждане революционной России, трудящийся люд. Не будь его бдительности и решимости, Романовы раньше или позже скрылись бы. И не обязательно ночью, может быть, и среди бела дня. Для того чтобы это было возможно, делали все от них зависящее и Вершинин с Марковым, и Панкратов с Никольским, и в особенности Кобылинский.

Во-вторых, в среде монархистов не было единства, они бранились и грызлись между собой. Рыцари царского самодержавия и после его краха несли на себе печать его маразма. Некоторые из них попытались нагреть руки на неволе своего кумира, организацию его высвобождения превратили в толкучку, цинично махнув рукой и на координацию, и на самую суть «святого дела» во имя легкой наживы.

В-третьих, когда обострилась угроза контрреволюционного выступления в районе Тюмени — Тобольска, в события вмешался пролетариат ближайших крупных промышленных центров. Появление на улице Свободы конных отрядов Демьянова, затем

Бусяцкого и Зенцова означало, что омские, екатеринбургские и уфимские рабочие все решительнее берут судьбу Романовых под свой контроль. И вполне резонно воспитатель цесаревича Жильяр расценил появление Красной гвардии как крушение еще одной надежды...

Однако в последующие месяцы надежды Романовых оживали еще не раз. Ненадолго вспыхнули они и в те весенние дни восемнадцатого года, когда мелькнул в калейдоскопе событий некий проходимец Яковлев. И, вспыхнув, снова — теперь уже навсегда — угасли...

ПОДГОТОВКА ПЕРЕЕЗДА

На тобольское сидение судьба отвела Романовым около девяти месяцев. Больше времени не оставалось.

По монастырским и хуторским гнездовьям монархисты точили ножи. И Советская власть на четвертом месяце своего существования встала перед необходимостью принять два решения: об удалении Романовых из района, где их могут захватить белогвардейцы; об определении дальнейшей судьбы царской семьи.

Надвигается весна, а с нею пора ледохода на широких сибирских реках. Обозначилась реальная опасность: монархисты воспользуются открытием навигации и, захватив в слабо охраняемом губернаторском доме царскую семью, увезут ее в Обскую губу, а оттуда переправят за границу.

Встревожил местных большевиков случай, с виду как будто мелкий. Екатеринбургскому рабочему И. П. Логинову довелось разговаривать в Тобольске с солдатом охраны. Тот проболтался: полковник Кобылинский, сказал он, кой-кого в батальоне уже предупредил, что, как только лед сойдет и шхуна «Мария» сможет двинуться с места, солдаты конвоя поедут по домам. «Охранять будет некого... охраняемые, того... уплывут... и догонять их будет некому...» Логинов сообщил об услышанном в Совет. Стало ясно, из Тобольска надо Романовых вывезти, и поскорее.

Из записок тобольских ветеранов видно: опасения и тревога временами точили так, что ночью, бывало, кто-нибудь вскакивал и бежал к губернаторскому дому, чтобы убедиться, «под стражей ли еще заключенные»³⁰. В тревоге Немцов и Пермяков в Тюмени, Белобородов и Голощекин в Екатеринбурге, Чудинов и Зенцов в Уфе, омские большевики и красногвардейцы. Вести об опасной обстановке в Тобольске, распространяясь кругами по стране, достигали прежде всего этих ближайших городов. Особенно сильный отзвук вызывали они в соседней Уральской области.

О том, что между Тюменью и Тобольском концентрируются силы монархической реакции, что вокруг губернаторского дома идет зловещая возня, екатеринбургские и омские рабочие знали уже в конце 1917 г. Ранней весной в Уральском Совете прямо заговорили о фактической «безнадзорности» Романовых, о необ-

ходимости вывоза их в другое, более надежное место. Да и кому же было вмешаться, как не уральцам. И они решили помочь тоболякам сорвать назревающий монархический мятеж.

В марте в Москву отправился Ф. И. Голощекин, секретарь Уральского обкома партии. На заседании Президиума ВЦИК он кратко изложил мнение своих екатеринбургских товарищей. По предложению Я. М. Свердлова Президиум ВЦИК решил: во-первых, подготовить открытый судебный процесс по делу о преступлениях бывшего царя перед страной и народом; во-вторых, перевезти Романовых из Тобольска в Екатеринбург; в-третьих, выделить особоуполномоченного ВЦИК для организации этого переезда в контакте и под контролем Уральского Совета. Со своей стороны и Уральский Совет должен был послать в Тобольск надежного человека.

Имя особоуполномоченного ВЦИК вскоре выяснилось: Василий Васильевич Яковлев.

Назвал и Екатеринбург своего представителя, посылаемого в Тобольск: Павел Данилович Хохряков. Имя его уже тогда многое говорило как в Кронштадте и Петрограде, так и в Екатеринбурге.

Рослый, широкий в плечах, с пристальным и как будто немного наивным взглядом светло-серых глаз, всегда готовых засветиться простодушной улыбкой, этот молодой человек в черном бушлате и бескозырке вошел в историю революции как одна из ее романтических легенд.

Павел Хохряков, матрос с линкора «Заря Свободы» (б. «Александр II»), 3 апреля 1917 г. встречал и приветствовал на Финляндском вокзале в Петрограде возвратившегося из эмиграции В. И. Ленина. Вскоре он послан военной комиссией при ЦК РСДРП(б) на Урал³¹.

В последних числах февраля 1918 г. начинают вытягиваться в северо-восточном и восточном направлениях уральские рабочие вооруженные группы и отряды, преследующие общую цель: перекрыть дороги из Тобольска. Один отряд продвигается из Надеждинска в сторону Березова, с тем чтобы пересечь пути возможного бегства царской семьи в Обдорск. Другой идет на тракт Тобольск — Ишим. Третий — на тракт Тобольск — Тюмень. Хохряков во главе небольшой группы скрытно пробирается напрямик к Тобольску.

Опасен этот переход через местность, кишашую бандитами. Первой прибыла туда Татьяна Наумова — она местная уроженка, ее мать живет в Тобольске. Подтянулись за ней и остальные. Так сосредоточились в Тобольске уральские боевые группы, состоявшие в основном из екатеринбургских и надеждинских рабочих, во главе с большевиками А. Д. Авдеевым, С. А. Заславским, Т. И. Наумовой под общим началом П. Д. Хохрякова. Подоспели вскоре красногвардейцы из других крупных промышленных центров. С их появлением в городе тобольские рабочие почув-

ствовали себя увереннее, демократические организации активизировались, стали действовать смелее и решительнее. На общегородском партийном собрании конституировалась как самостоятельная тобольская организация РСДРП(б). «Я сделала на собрании доклад о состоянии партийных рядов, — пишет в воспоминаниях Т. И. Наумова, — был избран партийный комитет, в его состав вошли Коганицкий, я и другие товарищи»³².

Едва возникнув, комитет сразу взялся за два дела: возглавил формирование местных рабочих вооруженных отрядов и призвал трудящихся города к перевыборам Совета. 6 апреля выборы состоялись. Из 163 мандатов большевики получили 85. Вместе с сочувствующими и беспартийными они составляли теперь в Совете подавляющее большинство. Председателем Исполкома Совета 9 апреля был избран П. Д. Хохряков. Вошел в состав Исполкома И. Я. Коганицкий (ставший редактором новой тобольской газеты «Известия»).

В тот же день новый Исполком принял постановление, возвестившее «переход в ведение Совета всей хозяйственной, административно-политической и военной власти как в городе, так и в уезде»³³. Далее Исполком провозглашает роспуск городской думы и буржуазно-помещичьих земских учреждений; запрещение клерикальным инстанциям и духовенству заниматься политической деятельностью, вмешиваться в дела управления, шантажировать органы власти своими претензиями и угрозами. И наконец, что Совет берет в свои руки контроль над домом заключения Романовых. Его, Совета, распоряжениям и указаниям должны повиноваться как заключенные, так и охрана. Атмосфера в городе начинает меняться.

Пока Хохряков и его товарищи вели в Тобольске борьбу за установление революционного порядка, Уральский и Западносибирский Советы приняли дальнейшие меры с целью заблокировать опорные пункты монархистов. Уральцы и омичи стремятся обезвредить прииртышские кулацкие гнезда, нейтрализовать опасные своими ресурсами и укреплениями глубинные монастыри, а также перехватить и удержать пути, ведущие из Тобольска на север, восток и запад (с юга прикрытием была Тюмень). Особые опасения внушали пути на Обдорск, где Романовы в случае удачного побега могли сесть на иностранный корабль, и тракт на Ишим, по которому они могли бежать на Дальний Восток. На подступах к крупным населенным пунктам, таким, как Березово, кулацко-монархические банды стали навязывать красногвардейцам вооруженные столкновения. После схваток в Голопутовском и Березове, где монархисты действовали против рабочих отрядов с невиданным дотоле озверением, стало особенно очевидно, что тобольских ссыльных надо вывозить немедленно, что дороги каждый день, каждый час.

Для срочного обсуждения ситуации и выработки плана немедленных действий встречаются в Екатеринбурге Ф. И. Голоще-

кин и А. Г. Белобородов — от уральских советских и партийных инстанций; Н. М. Немцов и Г. П. Пермяков — от тюменских инстанций; вызванный из Омска председатель Западносибирского облисполкома В. М. Косарев; прибывший из Москвы В. В. Яковлев — особоуполномоченный ВЦИК.

Личность последнего остается неясной до сих пор. Туманны, противоречивы данные и о его жизни, и о его конце. Недолго пробыл он возле четы Романовых, но и этого оказалось достаточно, чтобы западная пропаганда объявила: вот герой! В главу о последних неделях жизни Романовых этой пропаганде страсть как хочется вставить рыцаря, эдакого романтического избавителя. Фигура остро дефицитная. Взяться ей неоткуда. На кого ни глянешь в сибирском монархическом стане восемнадцатого года — предстает перед взором то лихоимец-прохвост вроде Бориса Соловьева, то помесь шулера и садиста, как Сергей Марков, то незадачливый эконом-ключник образца Евгения Кобылинского, то мародер-кляузник типа отца Алексея. И в Гермогене ничего возвышенного или оригинального. Ну что ж, раз заскорузли в корысти и малодушии белые рыцари самодержавия, сойдет за героя выкрашенный в красное перевертень-оборотень, кающийся во грехах мнимый большевик...

Если поверить Хойеру, Яковлев явился в Тобольск «с дурными намерениями». Но, приглядевшись к Романовым, проникся сочувствием к ним, из тюремщика преобразился в защитника; в первые же минуты общения с поднадзорными совесть пробудилась в нем и толкнула его на сусанинский подвиг, какого меньше всего можно было ожидать от большевика, тем более особоуполномоченного ВЦИК, который попытался сделать нечто противоположное тому, что было ему поручено.

Э, вздор, считает кое-кто из коллег Хойера. Какой там большевик, какая совесть, чему там было преобразаться. Яковлев, утверждают они, был просто-напросто «наш» (т. е. германский) шпион. Дело давнее, не стоит отрицать: ухитрилась кайзеровская тайная служба дотянуться до Сибири, внедрила в губернаторский дом своего человека. «Судя по всему ходу событий, последовавших за его появлением в Тобольске, нет ничего логичнее предположения, что Яковлев был немецким агентом»³⁴.

И еще: «По показаниям людей, близко стоявших тогда к Николаю II, свергнутый царь тоже считал Яковлева сотрудником германской тайной службы, который только выдавал себя за коммуниста, чтобы выполнить поставленную перед ним задачу»³⁵. Целью же Яковлева было: доставить семью Романовых к советско-германской демаркационной линии и там передать ее кайзеровским оккупационным властям.

И заокеанский автор В. Александров тоже утверждает, что «Яковлев был немецким агентом», — со ссылкой, между прочим, на швейцарскую газету «Трибюн де Женев», выступившую с публикацией на эту тему в 1958 г. Этот автор, однако, не исключает и

того, что «таинственный Яковлев был двойным агентом, состоявшим и на британской службе», — ссылаясь на бывшего сотрудника Интеллидженс сервис Уильяма де Куэ (он же в разные времена Стрэнфорд или Робертсон), который в своих публикациях после первой мировой войны прямо указывал, что именно британской тайной службой был в 1917 г. направлен в Россию «этот резидент с канадским паспортом в кармане и с квазиреволюционной эсеровской репутацией на политическом счету»*. Удивляться, считает Александров, нечему: «Нет ничего невероятного в том, что британская разведка обзавелась в рядах русских революционеров вторым сверхшпионом... Мы говорим — вторым, потому что первым был Сидней Рейли, обладатель полученной в Оксфорде ученой степени, обосновавшийся в России в 1909 г., занимавшийся шпионажем под именем Релинского до 1924 г.; он был разоблачен, приговорен к смертной казни и под видом священника бежал в Ригу...» По сложности полученных заданий, по дерзости действий и по глубине проникновения, считает этот американский автор, Яковлев может быть поставлен в один ряд не только с Рейли, но и с Локкартом, Кроми и Кроуфордом — «этими блестящими агентами тайной службы в России». Посвятив двойному германо-британскому резиденту Яковлеву специальную главу в своей книге о конце Романовых, Александров так и озаглавил ее: «Зеленый центр — или Интеллидженс сервис?»³⁶

От немцев Яковлев получил задание спасти Романовых, вывезя их в Германию. Англичане поставили перед ним менее определенную цель: «Наблюдение за царской семьей и в зависимости от ситуации влияние на ее судьбу»³⁷

Приглядимся к столь возносимой личности. Зовут его Василий Васильевич Яковлев. Родился он примерно в 1885 г. По одним данным, его настоящее имя Константин Мячин, родом он из Уфы, в молодости примкнул здесь к экспроприаторской группе и, совершив нападение на казенную кассу, бежал от царских властей**. По другим данным, он родом из Киева, из семьи состоятельного торговца Москвина. На этой версии настаивает в своих воспоминаниях Гудинов. Третье предположение, что он выходец из Риги, из семьи инженера Зарина или Зариня.

* Упоминаются, в частности, две книги де Куэ, содержащие эти утверждения: «The tragic Tsarina» и «The dead only talk at the last Judgment» (Alexander V. The End of the Romanovs. New York; Boston; Toronto, 1966. P. 211).

** Новые исследования советских историков подтвердили эту версию. К. А. Мячин (псевдоним — Яковлев), член РСДРП с 1905 г., родом из Оренбуржья, жил в Уфе, был боевиком, позднее — эмигрант-отзовист. Вернулся в Россию после Февраля 1917 г., участвовал в штурме Зимнего, был комиссаром ВРК. В апреле 1918 г. при выполнении задания ВЦИК по перевозке Николая II из Тобольска в более надежное место возник конфликт Яковлева с уральским партийным руководством. В основе его лежало недоверие уральцев к Яковлеву-Мячину, которого они знали еще по подполью. Осенью 1918 г. Яковлев совершил открытое предательство, перейдя на сторону эсеровского правительства Комуца. Подробнее об этом см.: Иоффе Г. З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 253—272. — *Ред.*

Далее различные источники сходятся на следующем: молодой человек был призван на флот, проходил службу на кораблях Балтийской эскадры, благодаря своей ценной технической специальности преуспевал, пользовался комфортом и поблажками, в конце концов попал в офицерскую электротехническую школу в Свеаборге; здесь в разгар революционных событий пятого года он вступил в партию эсеров, принял участие в вооруженном восстании моряков; заочно приговоренный царским судом к смертной казни, бежал за границу. Двенадцать лет провел в эмиграции — сначала в Германии, затем в канадской провинции Саскачеван, работал электротехником. Сильно англоизировался, получил канадский паспорт, с которым в марте 1917 г. и проследовал в Россию через Стокгольм. К удивлению других эсеровских эмигрантов, пробиравшихся в Петроград, «бумажник Яковлева был переполнен банкнотами». И хотя сам собой напрашивался вопрос: «Где он раздобыл деньги для столь комфортабельного путешествия?» — никто из эсеровских коллег «не стал расспрашивать этого элегантного джентльмена, какие у него были дела в Германии и Канаде и в особенности почему он задерживается в Стокгольме, этой тогдашней главной явке международного шпионажа»³⁸.

В Петрограде он попадает под опеку Масловского (Мстиславского), имя которого уже упоминалось. Этот эсеровский активист военной секции Петроградского Совета, формально сохраняя за собой должность хранителя библиотеки Академии Генерального штаба, устраивает Яковлева на должность своего заместителя по классификации и хранению военно-технической литературы на иностранных языках. Новый библиотекарь отлично владеет немецким, английским и французским языками, хорошо знает электротехнику и корабельное дело. Но однажды шеф вызывает его в Таврический дворец и назначает своим заместителем по командованию бронепоездом, направляемым в Царское Село на проверку режима охраны в Александровском дворце. (Об участии Яковлева в этой экспедиции Мстиславский впоследствии упомянул в своих мемуарах.) Там Яковлев впервые и увидел Николая, «предъявленного» обер-гофмаршалом Бенкендорфом представителям Петроградского Совета.

Больше в библиотеку Яковлев не возвращался. Его можно было видеть в те месяцы семнадцатого года то в окружении Бориса Савинкова, то возле полковника Муравьева (позднее пытавшегося открыть белым Восточный фронт), а после Октябрьской революции около левоэсеровского наркома юстиции Штейнберга. Не вполне ясно, каким образом весной 1918 г. Яковлев очутился особоуполномоченным ВЦИК, но в бурной обстановке того времени да еще при содействии таких политиканов-авантюристов, какими были левоэсеровские главари типа М. А. Спиридоновой, Б. Д. Камкова и И. З. Штейнберга, подобные карьеристские взлеты на гребне революционной волны случались. Сумел по заданию своих доверителей подняться на гребне этой волны и проникнуть,

куда ему было указано, и Яковлев — Мячин — Заринь. Существуют указания на то, что на назначении Яковлева особоуполномоченным ВЦИК настоял ЦК партии левых эсеров³⁹.

В Екатеринбурге Яковлев на совещании в Уральском Совете окончательно договаривается о деталях предстоящей эвакуации Романовых с Немцовым, Косаревым и прежде всего с Голощекиным, несущим за исход операции главную ответственность перед Москвой. В последний раз напомнил Голощекин Яковлеву о директиве центра, не допускающей двойного толкования: Романовы вывозятся в Екатеринбург. Военский отряд, как договорено, будет предоставлен в непосредственное распоряжение Яковлева Уфой. Окажет воинскую поддержку и Урал, но основным будет отряд уфимский.

Из Екатеринбурга Яковлев прибывает в Уфу, является к Петру Ивановичу Зенцову, начальнику штаба «боевых организаций народных вооружений» (БОНВ)⁴⁰. Зенцов уже осведомлен о миссии Яковлева, ориентируется. В присутствии особоуполномоченного ВЦИК этот бывший уральский кузнец, ветеран революционных боев с 1905 г., издает приказ о формировании отряда. Действия его энергичны и четки. Выделены кавалеристы, пехотинцы, пулеметчики, сестры милосердия. По указанию Зенцова секретарь Железнодорожного райкома партии города Уфы Кулыгин выделил для особоуполномоченного ВЦИК телеграфиста С. А. Галкина, который неотлучно и состоял при нем, обслуживая связь с Москвой и Екатеринбургом по прямому проводу. Из воспоминаний Галкина видно, что он также вел для Яковлева записи различных бесед и переговоров, выступлений на митингах, собраниях и т. д.⁴¹

Начальником отряда назначен другой испытанный ветеран революционных битв на Урале — член партии большевиков с 1906 г. Дмитрий Михайлович Чудинов. В помощи ему поставлен брат начальника штаба Григорий Иванович Зенцов. Позднее, на обратном пути каравана из Тобольска, начальником отряда был назначен вышедший навстречу из Тюмени с дополнительной конной группой уфимский большевик Петр Гузаков, заместителем его стал Чудинов⁴².

Взяв с собой запас продовольствия и фуража на неделю, отряд отправляется из Уфы. О выходе уфимских эшелонов Яковлев сообщил по телеграфу в Екатеринбург, напомнив, что все уральские и омские дружины, выдвинувшиеся раньше за Тобол и Иртыш, есть дополнительная сила, поддерживающая его экспедицию, причем подчеркнул, что, согласно договоренности, с приходом его в Тобольск все дружины и их руководители, включая Хохрякова, Авдеева, Бузяцкого и Заславского, переходят в его, Яковлева, подчинение и беспрекословно ему повинуются, содействуя выполнению возложенной на него миссии.

В Тюмени тревожно. Ползут слухи о крупной кулацко-офицерской банде, численностью до тысячи человек, которая готовится отбить царскую семью на пути между Тобольском и Тюменью.

Поэтому, как уже на вокзале сообщил Яковлеву председатель губисполкома Немцов, вспомогательные отряды уральцев и омичей, ушедшие вперед к Тобольску, численно усилены и дополнительно вооружены. Немцов, выясняется, разработал и уже выполняет план: вдоль 200-верстного пути он разместил на каждом станке (придорожный пункт, где можно сменить лошадей или устроиться на кратковременный отдых) по кавалеристу для наблюдения за связью и безопасностью. А на каждом из наиболее крупных станков подготовил до 20 сменных упряжек, так что одновременно смогут пересаживаться в новые перекладные все пассажиры предстоящего каравана.

Пройдя от Тюмени верст 20—25, отряд останавливается: Чудинов приказывает проверить исправность пулеметов. Немного постреляли, все оружие в исправности, можно ехать дальше.

22 апреля отряд вступает в Тобольск. Он дефилирует по улице Свободы, мимо губернаторского дома, откуда в просвет между портьерами смотрит на конников невысокий человек в штатском, всего лишь год тому назад самодержавный властитель гигантской Российской империи.

Яковлев занял комнату в доме Корнилова. Постоянно с ним телеграфист Галкин. Рядом по коридору расположились Чудинов и Григорий Зенцов. К губернаторскому дому в этот день особоуполномоченный интереса не проявил. Вместе с Чудиновым и Зенцовым зашел в городской Совет. Хохряков внимательно прочел мандат за подписью Я. М. Свердлова, также секретаря ВЦИК В. А. Аванесова и наркома юстиции И. З. Штейнберга. Едва заметно прищурился на обладателя мандата — он высок, худошав, с гладко выбритым длинным лицом, в довольно чистом и почти щегольском (несмотря на долгую дорогу) полуофицерском костюме. Сказал: «Возражений нет». Чуть помедлив, добавил, что по такому делу надо бы всем вместе поговорить, посоветоваться. Когда? А хоть бы и сегодня.

Вечером состоялось совещание, как будто товарищеское, и все же чего-то ему не хватало. Пришли с Хохряковым его помощники Авдеев, Заславский, Бусяцкий. С Яковлевым — Чудинов и Зенцов. Были на этой встрече в местном Совете и другие. Яковлев предложил Хохрякову информировать присутствующих об обстановке. Тот кратко доложил, спросив в свою очередь Яковлева, каковы его намерения. Яковлев объявил, что облечен особой властью, требует от местных органов повиновения и содействия, отныне они ему подчинены и обязаны беспрекословно выполнять все его приказы и распоряжения. Он увозит Николая с семьей, излишни всякие пересуды на эту тему. Можно разойтись.

Утром следующего дня, 23 апреля, Яковлев в сопровождении Авдеева отправился в губернаторский дом. У ворот его встретил Кобылинский, предупрежденный накануне. Вместе поднялись на второй этаж. В коридоре Кобылинский попросил пришедших пождать: он сейчас доложит бывшему императору. Через несколь-

ко минут они приглашены в зал. Посредине стоит Николай, за ним четыре дочери. Отрапортовав на военный манер (руку к козырьку), Кобылинский представляет бывшему царю Яковлева как «специального уполномоченного нынешнего правительства России, избравшего своей резиденцией московский Кремль». Николай пожимает уполномоченному руку, тот галантно кланяется барышням, те отвечают ему книксеном. Яковлев спрашивает, нет ли жалоб на обращение, на обстановку. Нет, жалоб не имеется. А где же бывший цесаревич Алексей? Накануне он упал и ушибся, лежит в постели. У него, по-видимому, гемофилическое кровотечение, ему нельзя двигаться. Яковлев хочет его видеть. В сопровождении Николая и Кобылинского прошел с Авдеевым в комнату больного, молча постоял у постели, откланялся и ушел. Через полчаса пришел еще раз, чтобы представиться Александре Федоровне, в первое его появление запоздавшей с выходом в зал.

Снова появился Яковлев в губернаторском доме через день, 25 апреля. Просит передать Николаю Александровичу, что хотел бы с ним переговорить. В полдень комендант Кобылинский и камердинер Алексей Волков ведут Яковлева в комнату на первом этаже, где его ждет чета. Поздоровавшись, он заявляет, что хотел бы поговорить с Николаем Александровичем один на один. Супруга протестует: «Я желаю тоже присутствовать». Яковлев уступает ей и обращается к нему: «Николай Александрович, я имею честь еще раз официально сообщить вам, что я являюсь здесь чрезвычайным уполномоченным центральных высших властей, прислан из Москвы Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и полномочия мой заключаются в том, что я должен увезти отсюда вас и вашу семью. Но так как Алексей Николаевич болен, то я, переговорив с Москвой, получил приказ выехать с одними Вами». Николай резко заявляет: «Я никуда не поеду». Яковлев говорит: «Прошу этого не делать (т. е. не возражать против отъезда). Я должен выполнить миссию, возложенную на меня. Если вы отказываетесь ехать, я должен или воспользоваться силой, или отказаться от возложенного на меня поручения. Тогда могут прислать вместо меня другого, менее гуманного человека. Со мной же вы можете быть спокойны. За вашу жизнь я отвечаю своей головой. Если вы не хотите ехать один, можете ехать с кем хотите. Завтра в четыре часа мы выезжаем». И, поклонившись, вышел.

Николай удерживает Кобылинского, вместе с ним и супругой поднимается на второй этаж. Там сидят в нервном ожидании Татищев, Долгоруков и Жильяр. Шестеро совещаются. Николая интересует: куда, собственно, тащит его этот субъект? Никто из присутствующих этого не знает, но позволяет себе высказать предположение комендант: судя по нескольким отрывочным фразам, брошенным на ходу Яковлевым, похоже, что речь идет о поездке продолжительностью четыре — шесть дней. Следовательно, это поездка скорее всего в Москву. Да, конечно же его

величество хотят увезти в Москву, может быть, даже в Петроград. Пожалуй, присоединяется Александра Федоровна, похоже, что в Москву. Но зачем? Кого-то осеняет догадка: большевики заключили Брестский договор, а без подписи царя Германия не может считать его действительным. Николая заставят скрепить своей подписью этот договор. «Что вы, что вы! — вспыхивает Николай. — Я не подпишу — пусть лучше отрубят мне правую руку». Да какой там договор, вмешивается Татищев. По-видимому, кайзер добился вашего освобождения и вы едете к нему. Неужели? Все буравят глазами Татищева. У Александры Федоровны на глазах слезы. Она говорит: «Это, кажется, первый случай в моей жизни, когда я не знаю, что мне делать... Впрочем, я знаю, что делать: я поеду вместе с ним». Может ли она надеяться, что в ее отсутствие позаботятся об Алексее? О, конечно, стоит ли об этом и спрашивать. Вскоре является Волков и докладывает: комиссар снова здесь, на первом этаже. Просит спуститься.

Лицом к лицу стоят Яковлев и чета Романовых. Он обращается к Николаю: «Я позволю себе еще раз спросить вас: намерены ли вы подчиниться распоряжению о вашем выезде из Tobольска?» Николай говорит, что подчиняется. «В этот момент выступила вперед Александра Федоровна и, сильно волнуясь, сказала: «Я тоже еду. Без меня опять заставят его что-нибудь сделать, как раз уже заставили». И что-то при этом упомянула про Родзянко. Она, несомненно, намекала на акт отречения государя от престола»⁴³. Затем она спросила, куда они поедут. Яковлев ответил: «В Москву».

Отвечая таким образом, он не совсем лгал. Яковлев и в самом деле не собирался везти Романовых в Екатеринбург. Он, правда, не намеревался попасть с ними и в Москву, но уже в Tobольске знал, что сделает попытку прорваться на московское или киевское направление. По-видимому, замысел был такой: сначала выйти на юго-западное или южное направление, а далее — как удастся, там будет видно, важно только удержаться на кратчайших маршрутах, ведущих к границе зоны немецкой оккупации.

С полудня все начинают собираться.

Объявлено, что комиссаром в губернаторском доме отныне будет (по совместительству) председатель Tobольского Совета П. Д. Хохряков. Комендант Кобылинский с этого дня подчиняется ему, Хохрякову. Он же, председатель Совета, обеспечит в возможно кратчайший срок выезд из Tobольска второй группы Романовых — вслед первой группе.

Чудинов и Зенцов просят Кобылинского поскорее уточнить, сколько будет слуг и багажа, чтобы заблаговременно обеспечить достаточный транспорт. Через час Кобылинский передает: едут дочь Мария и 12 слуг, багажа будет пудов восемь — десять.

Часть транспорта добыта Чудиновым путем реквизиции во дворах, какие побогаче. Остальное собрано за наличный расчет

по обыкновенному найму у местных ямщиков. Проездная плата поверстная, расчеты и касса у Чудинова. Ямщикам розданы бумажные ярлыки с порядковыми номерами — кто за кем следует.

АВАНТЮРА ЯКОВЛЕВА

Появление Яковлева в канун выезда из Тобольска по записям в дневнике Николая: *Узнали о приезде чрезвычайного уполномоченного Яковлева из Москвы; он поселился в Корниловском доме. Дети вообразили, что он сегодня придет делать обыск, и сожгли все письма, а Мария и Анастасия даже свои дневники.*

В 10¹/₂ ч. утра явились Кобылинский с Яковлевым и его свитой. Принял его в зале с дочерьми... Мы ожидали его к 11 часам, поэтому Аликс еще не была готова. Он вошел, бритое лицо, улыбаясь и смущаясь, спросил, доволен ли я охраной и помещением. Затем почти бегом зашел к Алексею, не останавливаясь осмотрел остальные комнаты и, извиняясь за беспокойство, ушел вниз. Так же спешно он заходил к другим в остальных этажах. Через полчаса он снова явился, чтобы представиться Аликс, опять поспешил к Алексею и ушел вниз...

*Сегодня после завтрака Яковлев пришел с Кобылинским и объявил, что получил приказание увезти меня, не говоря куда. Аликс решила ехать со мной и взять Марию; протестовать не стоило... Сейчас же начали укладывать самое необходимое. Потом Яковлев сказал, что он вернется за Ольгой, Татьяной, Анастасией и Алексеем и что, вероятно, мы их увидим недели через три...*⁴⁴

В канун выезда снимаются старые (царскосельские) караулы, на их места ставятся новые (екатеринбургские и омские). На площадке перед домом совершается передача постов гвардейцами старой армии, уезжающими по демобилизации домой, красным бойцам, присланным сюда уральским и сибирским рабочим классом. Церемония выглядит своеобразно в неповторимом стиле тех дней. Вот как ее описывает Авдеев:

С одной стороны выстроился взвод саженных красавцев гвардейцев, одетых, как один, в лучшее обмундирование, во главе с изящным, высокого роста офицером.

С другой стороны, напротив этого взвода, выстроилась наша братва красногвардейская, одетая как пришлось, во что попало: кто в засаленном полушубке, кто в штатском пальто, кто в старенькой шинельке и т. д. Большинство было в старых серых подшитых валенках.

Вооружение также не было однообразным у нас: у одного аршинный револьвер системы «Лефаше», найденный им где-то в складе и самим исправленный; у кого пулеметная лента через плечо, а в руках берданка системы «Гра» и т. д. и т. п.

Не приходится уже говорить о ранжире: рядом с саженным Костей Украинцевым — слесарем — стоял токарь со Злоказовского завода Ваня Крашенников, ростом чуть ли не до пояса Украинцеву, и разъединить их было нельзя. Надо

было видеть, какое изумление отразилось на лице полковника Кобылинского при виде нашей охраны...⁴⁵

Под утро 26 апреля к губернаторскому дому поданы сибирские кошевы и тарантасы, так как местами на дороге снег еще не сошел, а кое-где земля оголенная, так что транспорт может понадобится и санный, и колесный. Всего поданы 8 парных и 11 троечных, включая крытый троечный тарантас для бывшей царицы.

Вошел в дом управляющий извозчицей биржей и доложил Чудинову, что все упряжки налицо, у дома. «Выходим на улицу... — пишет Авдеев. — Отдаю распоряжение назначенным в колонну бойцам занять свои места, а ямщикам с номерами 4, 6, 9, 11, 12, 13, 14 и 15 ехать во двор губернаторского дома». Началась погрузка багажа и посадка. Скоро все закончено. Тройки выезжают на улицу. Инструкция выполнена в точности. В первом тарантасе сидят два стрелка, во втором — два пулеметчика с пулеметами «кольт», в третьем — два стрелка, в четвертом — комиссар Яковлев и бывший царь Николай, в пятом — два стрелка, в шестом — бывшая царица Александра Федоровна и дочь Мария, в седьмом — два стрелка, и также в остальных тарантасах: «впереमेжку стрелки и пулеметчики с пулеметами, приближенные Романовых и их слуги, в том числе доктор Боткин и камердинеры, а также необходимые в дороге багаж и провизия»⁴⁶. Последними должны выйти из дому и сесть на свои места трое Романовых.

Рассчитывали выехать не позднее пяти утра. Но Александра Федоровна, выйдя из дома, сразу заапризничала, и отъезд стал задерживаться. Сначала она обнаружила, что едут двое, а не трое ее слуг, и потребовала, чтобы взяли третьего. Так как места были строго рассчитаны, а возражать ей Яковлев не хотел, ему пришлось побегать вдоль колонны, перемещая и тасуя пассажиров, чтобы выкроить лишнее место. Затем выяснилось, что багажа больше, чем было заявлено, — не все влезло; Александра Федоровна снова жалуется и протестует. По распоряжению Яковлева бойцы пошли по соседним улицам и дворам, реквизировали у какого-то купца парный возок. Все погружено, можно, кажется, ехать. Дан сигнал к отправке, но вновь слышится голос Александры Федоровны: она желает сидеть вместе с супругом. На этот раз Яковлев вежливо, но твердо отказывается уступить: он сам сидит рядом с Николаем и это место не оставит.

К удивлению охраны, Яковлев в нарушение установленных правил стал именовать своих поднадзорных «величествами» и «высочеством». «Из-за штор на окне, — вспоминала Мельник-Боткина, — я видела, как в темноте комиссар Яковлев шел около государя к экипажу и что-то почтительно говорил ему, часто прикладывая руку к папаше»⁴⁷. «Я прекрасно помню, — рассказывала Битнер, — как Яковлев стоял на крыльце и держал руку под козырек, когда государь садился в экипаж». «Его (Яковлева) от-

ношение к государю было исключительно предупредительно, — показал Волков. — Когда он увидел, что государь сидит в одной шинели и больше у него ничего нет, он спросил его: «Как! Вы только в этом и поедете?» Государь ответил: «Я всегда так езжу». Яковлев возразил ему: «Нет, так нельзя». Кому-то он при этом приказал подать государю еще что-то. Вынесли плащ и положили под сиденье». Держали себя в рамках вежливости и другие, корректное обращение с членами семьи было нормой общей; но по каким-то вывертам Яковлева Николай уже в те часы уловил, что, как потом записано было с его слов Жильяром, «этот человек вовсе не тот, за кого он себя выдает»⁴⁸.

6.00. Еще темно, в густой предутренней мгле слабо проступают силуэты постовых, расставленных Чудиновым на пути от губернаторского дома до берега Иртыша. Над Тобольском стоит мертвая тишина. Город спит. Изредка доносится с окраин лай собак. Все на своих местах, словно прислушиваются к тишине, пронизываемой предрассветными звуками. Дана последняя команда, можно трогать. Яковлев сидит рядом с Николаем; в крытой карете на мягких сиденьях свободно расположились Александра Федорова и Мария. Из приближенных едут Долгоруков и Боткин, из слуг — Чемодуров, Трупп, Иван Седнев, Анна Демидова и некоторые другие. Вдоль колонны гарцуют Чудинов, Зенцов и Авдеев. Им вменено в обязанность строго следить за порядком в колонне, обо всем замеченном немедленно докладывать особоуполномоченному, передавать по цепи его распоряжения. Впереди и позади следуют отдельные группы конвоя с пулеметами из отряда Чудинова — Зенцова (часть его оставлена Яковлевым в Тобольске для предстоящего сопровождения второй группы Романовых) и из солдат старшей охраны, сформированной еще в Царском Селе. Их возглавляет подпрапорщик Матвеев. Опережая всех, уходит вперед кавалерийская разведка. Далеко позади, держась на постоянной дистанции, но не теряя колонну из виду, следуют уральские и омские конные группы.

Через Иртыш переправились по льду, уже покрытому талой водой. Яковлев гонит колонну вперед безостановочно, не давая передышки. В ложбинах еще лежит снег; там, где повыше, земля голая; двигаться по тракту то легче, то труднее. «Ямщики гикают. Лошади несутся стрелой. Того и гляди, вылетишь из тарантаса или из седла. Надо держаться прочно. По дороге местами то грязь, то снег. В лицо летят комья. На зубах неприятный хруст, не то грязь, не то песок»⁴⁹.

Первый короткий привал устраивается в 90 верстах от Тобольска. В придорожном трактире пассажиры напились чаю. Пересели в заранее подготовленные сменные экипажи. Колонна снова выходит в путь.

Переночевали (с 26 на 27 апреля) в селе Иевлеве, у впадения Тавды в Тобол, покрыв за первый день 130 верст. Для трех членов семьи конвойные втащили в придорожный двухэтажный дом рас-

кладные кровати, взятые из Тобольска. В 8 часов утра, позавтракав, поехали дальше. Не без затруднений переправились через Тобол: местами вода уже шла поверх льда. Александра Федоровна отказалась переезжать через реку, заявив, что боится. Из ближайшего села доставили доски, сделали кладки. Поддерживаемые Боткиным и Долгоруковым, Александра Федоровна и Мария прошли по ним, а сажень десять до берега проехали на пароме. Николай до парома ехал напрямик по льду в тарантасе. Он вообще всю дорогу был оживлен, держался непринужденно, много разговаривал с Яковлевым, с окружающими. Ямщик Севастьянов потом рассказывал, что «царь все гутарил с Яковлевым да спорил, и про политику, и про все такое прочее, наседал на него страсть как, прямо-таки прижимал его на обе лопатки». Николай просил Севастьянова дать поправить тройкой, тот отказал. Кони, сказал ямщик, «горячие, сибирские .. так что тебе, ваше величество, с ними, поди, и не справиться...».

Авдеева, верхом на своем коне поравнявшегося однажды с тарантасом, Николай спросил, сколько лет он прослужил в кавалерии. Тот ответил: «Ни одного дня». «После чего, — вспоминает Авдеев, — Николай посмотрел на меня недоверчиво, пришлось объяснить ему, что это я с детства, в киргизских степях, научился так верхом ездить»⁵⁰.

Ему любопытно, что это за люди, в руки которых он попал, и он использует это соприкосновение с ними, чтобы уяснить себе, кто они, чего от него хотят. Случилось Авдееву на одном перегоне посидеть в тарантасе рядом с бывшим царем, пока Яковлев что-то улаживал в хвосте колонны.

Разговаривать дорогой почти нет возможности. Летят комья грязи. Но Николаю хочется поговорить со мной. Вынув портсигар, он предлагает мне папиросу. Я отказался: некурящий. Помолчав, спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, какое училище окончил ваш комиссар?

— Насколько я знаю, — говорю, — он окончил только электротехническую школу.

Кивнул головой. В этот момент с заднего колеса брызнула в тарантас грязь, попал комок на рукав шинели царя. Он достал комок, показал мне.

— Вот видите, Николай Александрович, — сказал я ему, — вам следовало в свое время проложить здесь железную дорогу. Из губернского города, и едем по такой грязи.

— Да, конечно, — ответил он. — Но... не на все хватало тогда у нас средств.

Еще подумав о чем-то, вдруг и меня спрашивает:

— Скажите, а у вас какое военное образование? Вы-то какое военное училище кончали?

— Да нет, Николай Александрович, никакого военного образования я не получал.

— Как же так? — Удивленно повернулся он ко мне и уперся прямо в лицо взглядом. — Ведь вы же начальник этого отряда.

— Да, — ответил я ему. — Я начальник отряда. Но у нас не обязательно иметь для этого образование. — После паузы я добавил: — Во всяком случае сейчас.

Он пожал плечами и замолчал, выражая полнейшее недоумение, вернее, непонимание⁵¹.

В отличие от своего супруга Александра Федоровна всю дорогу была мрачна, почти не разговаривала. Мария держала себя общительно, охотно болтала с бойцами охраны. Яковлев на стоянках вертелся вокруг обеих дам, изображая галантного кавалера, сыпал шутками и анекдотами. Из села Покровского, где колонна сделала привал у распутинского дома, послал в Тобольск на имя Кобылинского телеграмму: «Едем благополучно. Как здоровье Маленького. Христос с вами. Яковлев». Здесь бывшая царица получила возможность еще раз всплакнуть о Распутине. В. Александров комментирует: «Так дважды прошло через Покровское подобное пляске смерти вынужденное паломничество плененных Романовых, возложивших все свои надежды на бегство, на вероломного предателя — зятя старца»⁵².

Так ехали от станции к станции; поравнявшись с поджидавшими сменными экипажами, пересаживались в них и, понукаемые Яковлевым, вновь мчались вперед. Вышедший навстречу отряд Петра Гузакова присоединился к колонне. Яковлев объявляет Гузакова командиром отряда, а Чудинова — его заместителем.

По пути в деревнях все знали, что везут бывшего царя и бывшую царицу, хотя организаторы переезда старались не разглашать это. Там, где проезжали днем или под вечер, улицы были полны народу. Некоторые, чтобы лучше видеть, забирались на крыши домов, на колокольни, деревья, ограды. Наблюдали большей частью молча, но иногда до Николая доносились насмешливые выкрики вроде: «Что, доцарствовался?», «Ну как, навоевался?», «Наломал наших костей, а?»

Но бывало в пути иначе. На какой-то из остановок перепрыгали лошадей. Вокруг собралась вся деревня, и стар, и млад. Разглядывают царя, царицу, Марию. Какой-то старик спрашивает Чудинова:

— Паря, а паря, а скажи-ка ты мне на милость, ты уж будь так добр: куда это вы, черти, нашего царя-батюшку везете? В Москву, что ль?

— В Москву, дедушка, в Москву.

Старик понимающе кивает головой.

— Ну, сла те господи, что в Москву. Таперича, значит, будет у нас в Рассее опять порядок⁵³.

По лесным и полевым дорогам, по льду и мосткам, а то и паромом через три широкие реки колонна под начальством Яковлева покрыла за 40 часов 280 верст и в десятом часу вечера въехала в Тюмень.

На подступах к городу колонну встретил во главе кавалерийского эскадрона председатель губисполкома Н. М. Немцов и проводил ее до городского вокзала. Позднее, в 20-х годах, он вспоминал об этом эпизоде:

Я выехал с товарищем Пермяковым, военным комиссаром, навстречу царю. Один эскадрон на всякий случай поставил в десяти верстах от Тюмени.

Встретили мы царя на 35-й версте от Тюмени. Остановившись у сельской

школы, мы еще издали заметили приближающийся кортеж. На лихих сибирских тройках ямщики с шиком подкатили бывшего царя к бывшему ссыльному, а теперь руководителю губернии, т. е. ко мне. Я назвал ему себя, указал ему помещение, где он может подождать, пока будем сменять лошадей. При этом я спросил его, как он себя чувствует, как он перенес дорогу.

Благодарю вас, сказал он, хорошо. А вот Александру Федоровну дорога утомила. Как раз в это время бывшая царица вылезала из возка, бросая на нас исподлобья взгляды, которые очень трудно было бы назвать дружелюбными.

Николай расспросил и Немцова (на тюменском вокзале, при посадке в поезд) — кто он такой, какое у него образование.

Я сказал ему, что в 1907 г. по указу его величества я, лишенный всех прав состояния, следовал от этапки до этапки по этому же самому пути в конечный пункт губернии — Обдорск⁵⁴.

Паровоз подал к перрону состав из шести пассажирских вагонов, обозначенный в расписании как «внеочередной поезд № 42 Самарско-Златоустовской железной дороги». Началась посадка. Романовы разместились в вагоне первого класса в середине состава. В центре этого вагона заняли купе Яковлев и его телеграфист. Справа от Яковлева поместились отдельно Николай и Александра Федоровна, слева — дочь бывшего царя и Анна Демидова. Рядом с ними — прислуга и приближенные. Приказано двери всех этих купе постоянно держать открытыми. В крайних купе у выходов — Авдеев, Чудинов, Гузаков и Зенцов. Караулы поставлены в концах коридора и в тамбурах. Вся охрана в этом вагоне из уфимского отряда.

Чуть позднее полуночи (на 28 апреля) посадка и погрузка закончены, в трех средних купе главного вагона слугами развернуты постели, суматоха улеглась, на платформе и в поезде воцаряется тишина. Появляется Немцов. Он о чем-то переговорил с Яковлевым, оба уходят на телеграф. Вскоре Яковлев возвращается (без Немцова) и, пройдя по вагонам, вполголоса передает по рядам бойцов, что у него сейчас состоялся разговор с Москвой и что ему велено ехать не в Екатеринбург, как намечалось ранее, а в Москву, по маршруту Омск — Челябинск — Самара. В 5 часов утра (28 апреля), когда пассажиры в своих купе спят, поезд № 42 тихонько трогает с места и выходит по направлению в Омск.

Дежурный по Уральскому Совету в то утро ждал телеграфного подтверждения выхода поезда № 42 из Тюмени в екатеринбургском направлении. О том, что такие сообщения будут регулярно посылаяться Совету по мере продвижения поезда, Голошекин и Яковлев договорились заранее. Первый сигнал (о выходе поезда) должен был поступить в Совет 28 апреля в 6 часов утра. Сигнала не было. Дежурный забеспокоился. По указанию председателя президиума Уральского Совета А. Г. Белобородова послан в Тюмень телеграфный запрос. Ответа нет. Лишь когда в Тюмень

пришел отставший от Яковлева уральский конный отряд и обнаружил уход поезда в омском направлении, екатеринбургские власти в 10 часов утра из телеграммы своих красногвардейцев узнали, что Яковлев пустился на какую-то авантюру.

Срочно созван президиум Исполкома. Он решает принять чрезвычайные меры. Под грифом «Всем, всем, всем» из Екатеринбурга по России передан телеграфный призыв воспрепятствовать преступлению, задуманному Яковлевым. Уральский Совет объявляет Яковлева изменником делу революции и ставит его вне закона.

На призыв уральцев откликнулся Западносибирский Совет. Выходит из Омска конный отряд, спешит наперерез Яковлеву к узловой станции Куломзино, откуда поезд может повернуть на Челябинск.

Командиры уральских отрядов, следовавших из Тобольска за Яковлевым, передают из Тюмени по прямому проводу в Москву Председателю ВЦИК экстренное сообщение о случившемся и просят дать в Омск распоряжение направить поезд с Романовыми в Екатеринбург.

Тем временем Яковлев в пути узнает, что преследование началось. На станции Любинская он отцепляет паровоз с одним вагоном и, оставив поезд под охраной отряда, уезжает в Омск. Представитель Западносибирского Совета, встретив его на вокзале, рекомендует «одуматься, пока не поздно», подчиниться указаниям и ехать в Екатеринбург. Яковлев желает еще раз переговорить с центром. Получив связь с Я. М. Свердловым, лжет, будто уральцы и омичи объединились против него в заговоре, он сам и его пассажиры якобы находятся под угрозой «расправы». Просит у Председателя ВЦИК разрешения увезти и скрыть Романовых «в подходящем месте», где под его, Яковлева, надзором они смогут переждать «до прояснения обстановки». Свердлов велел ему ехать в Екатеринбург и сдать Романовых уральским областным властям.

Яковлев понял, что попал в безвыходное положение. Через Куломзино прорваться невозможно. Не было уверенности, что охрана и помощники в поезде будут и дальше верить его ссылкам на указания Москвы. Возвратившись к поезду, он приказывает повернуть обратно в Тюмень с последующим направлением на Екатеринбург.

Точного расчета в действиях Яковлева, видимо, не было. Он надеялся достигнуть цели, применяясь к обстоятельствам. Сначала хотел прорываться в центральные губернии, а оттуда при благоприятных условиях повернуть на юг, к границе зоны германской оккупации. Потом, как отмечают его почитатели из «Вельт ам Зонтаг», «какое-то место в его расчетах заняло и то соображение, что за Омском, если его достигнут, открывается тысячекилометровый свободный путь к Тихому океану»⁵⁵. Затем у него возник вариант: высадить Романовых на пути к Самаре

и скрыть их в горах в Уфимской губернии (откуда Яковлев, по его словам, был родом).

Сами Романовы, по-видимому, догадывались, что этот человек готовит их бегство, мало-помалу прониклись доверием к нему. На семейных совещаниях в средних четырех купе Александра Федоровна говорила: «Это хороший человек, его нам послали добрые люди, он хочет нам добра». Николай сказал о нем: «Это человек неплохой, прямой, он мне определенно нравится». Такое отношение Романовых к Яковлеву питалось их предположением, что, по словам Соколова, с его помощью «немцы увозили государя и семью ближе к расположению своих вооруженных сил на территории России». Бывший царь, по словам того же автора, «правильно понял Яковлева... Скрываясь под маской большевика, тот пытался увести царя и наследника, выполняя немецкую волю. Нельзя не видеть этого, если вдумчиво отнестись к тому, что делал Яковлев в Тобольске и в пути. Цель увоза, несомненно, носила политический характер». И далее, еще раз ставя вопрос, «какая сила, зачем и куда увозила царя», колчаковский следователь Соколов признает, что Николай, собственно говоря, «сам дал ответ на эти вопросы. В лице Яковлева, в этом «неплохом и прямом человеке», он видел посланца немцев». Будучи враждебен намерениям большевиков, Яковлев был посланцем иной, небольшевистской силы. Действуя по ее директивам, он вез царя не в Екатеринбург, а попытался увести его через Омск в другое, недоступное для большевиков место⁵⁶.

Попытка не удалась. Авантюра провалилась. Дерзкое кружение по сибирским железнодорожным магистралям двойного шпиона-диверсанта, называвшего себя Яковлевым, кончилось ничем.

Главный пассажир заметил эту неудачу не сразу. Неладное он заподозрил лишь после стоянки на Любинской. По названиям попутных станций, по беготне охраны, по случайным обрывкам фраз конвойных догадался, что едет не в Москву. Ночью, когда поезд прошел через Тюмень, понял, что едет в Екатеринбург. На рассвете 30 апреля он вышел из своего купе и, увидев в коридоре П. М. Матвеева, направился к нему, явно нервничая. Последний потом вспоминал:

Вдруг он меня спрашивает:

— Скажите, вопрос определенно решен, что мы останемся в Екатеринбурге?

Получив от меня утвердительный ответ, он сказал:

— Я бы поехал куда угодно, только не на Урал.

На мое замечание, что не все ли равно, куда ехать, раз везде в России Советская власть, он ответил, что все-таки на Урале ему оставаться не хочется, так как, судя по местным газетам, уральские рабочие настроены резко против него.

Приготовили обед на одной из попутных станций по телеграмме, данной еще из Тюмени Немцовым. По приглашению Чудинова «все пошли к столу, накрытому в салон-вагоне». Все — за исключением Александры Федоровны. Реакция на окружаю-

щее была у мужа и жены в этом их последнем в жизни вояже различна. В ней не переставала kloкoтaть злoбa и нeнaвисть, a oн oстaвaлся сpaвнитeльнo уpaвнoвeшeнным и учтивым, лишь минутами выдaвaя свoю нeрвoзнocть.

Пo ee глaзaм, кoгдa oнa, лeжa нa нижнeй пoлкe, cмoтрeлa в кoридop, виднo былo, чтo oнa нeнaвидeлa и прeзирaлa вceх и вce, чтo твopится вoкpуг нee. Этo были глaзa тигpицы, кoтopая бeссильнa слoмaть кeткy. Чувствoвaлocь: бyдь y нee силa и влaсть, oнa рaзopвaлa бы кaждoгo из нac coбcтвeнными рyкaми. Никoлaй был пoлнoй пpoтивoпoлoжнocтью ей. В тeчeниe вceгo пyти кaждый рaз пpи вcтpeчax, чтo cлyчaлocь пo нecoлькy рaз в дeнь, бeз вcякoй нaдoбнocти yнижeннo зaиcкивaющe oтдaвaл чeсть кoмисcaрy, нaчaльникy и дaжe нaшим рядoвым тoвapищaм.

Нa пoдxoдe к бoльшим cтaнциям чacoвыe cpeднeгo вaгoнa oпycкaли нa oкнax зaнaвeски. Кoнcпирaция пoддepживaлacь вcячecки. И вce жe к пpихoдy пoeздa нa cтaнцияx coбиpaлись тoппы.

Пyбликa зaбpaсывaлa нac вoпpocaми:

— Ктo eдeт в вaгoнe?

И мы им вceм oтвeчaли:

— Иностранная миссия⁵⁷.

Из гaзeт, кoтopые нa cтaнцияx пoкyпaл Яковлeв, Никoлaй знaл, чтo ypaльcкиe рaбoчиe нaстрoены «пpoтив нeгo». Нo нe знaл, дa тeпeрь этo вpяд ли былo бы для нeгo интepecнo, чтo ypaльцы рaзoблaчили Яковлeвa. Впpочeм, бывший ocoбoупoлнoмoчeнный дeшeвo oтдeлaлся.

Пo вoзвpaщeнии из тoбoльcкoй экcпeдиции дoмoй eкaтepинбyргcкиe бoйцы, cлeдoвaвшиe зa кoлoннoй Яковлeвa, пpишли в Уpaльcкий Coвeт c тpeбoвaниeм: Яковлeвa apecтoвaть, пoeзд eгo oбcлyкaть. Этo нe былo cдeлaнo, oгpaничилиcь вызoвoм Яковлeвa для oбъяcнeний. Aвдeев и Зacлaвcкий вьcтyпили нa зaceдaнии Иcпoлкoмa c peзкими oбвинeниями. Oтвeчaл им Яковлeв yвepeннo и дaжe рaзвязнo. Eгo oбъяcнeния cвoдились к тoмy, чтo eмy дeйствитeльнo yкaзaнo былo вeзти poмaнoвыx в Eкaтepинбyрг, нo в пyти oн якoбы yлoвил, чтo Aвдeев и Зacлaвcкий coбиpaютcя coвepшить пoкyшeниe нa poмaнoвыx. Пockoлькy Я. М. Свepдлoв дaл eмy дирeктивy oхpaнять ceмью вceми cpeдcтвaми, oн и peшил cпacти ee пyтeм yвoзa в дpyгoм нaпpaвлeнии. Пpeдъявил тeлeгpaфнyю лeнтy cвoих пepeгoвopoв c Мoскoвoй: cccылacя нa yгpoжaющиe poмaнoвым oпacнocти, oн пpoсил paзpeшeния yвeзти их в Уфимcкyю гyбepнию и нa вpeмя cкpыть «в гopax», в чeм eмy былo oткaзaнo. Bьcлyшaв cбивчивыe oбъяcнeния ocoбoупoлнoмoчeннoгo, Уpaльcкий Coвeт, yдoвлeтвopeнный yжe тeм, чтo poмaнoвы дocтaвлeны и coдepжaтcя в нaдeжнoм мecтe, peшил oтпycтить Яковлeвa пoдoбpy-пoздopoвy в Мoсквy (Дидкoвcкий, зaмeститeль пpeдceдaтeля Coвeтa, cкaзaл: «Пycть oни тaм caми c ним paзбepyтcя»).

Из Мoсквы Яковлeв пpeждe вceгo пoслaл тeлeгpaммy в Тoбoльcк cвoим пoмoщникaм в oстaвлeннoй тaм чacти yфимcкoгo

отряда. Она гласила: «Собирайте отряд. Уезжайте. Полномочия я сдал. За последствия не отвечаю. Яковлев».

Он получил назначение военным комиссаром на Самарский фронт и в одну из темных октябрьских ночей 1918 г. перешел через линию обороны к противнику. Доставленный к белочешскому генералу Шениху, заявил ему о желании «обратить оружие против коммунистов». Был принят в колчаковскую армию. В белогвардейских газетах тех дней выступил с серией статей, покаялся в своих «большевистских» грехах. И все же ни эти показания, ни ставшая известной его попытка увести и спасти Романовых не сослужили ему службу в глазах озверевшей белогвардейщины. 30 декабря 1918 г. по приказанию полковника контрразведки Клецанды Яковлев был арестован и отправлен в штаб Колчака. Здесь он попал к полковнику Зайчеку, белочешскому начальнику контрразведывательного отряда при штабе «верховного правителя», бывшему офицеру австро-венгерской армии. Из рук последнего он живым не ушел.

Соколов в своей книге ругает Зайчека за «бесполезное и до дикости бессмысленное уничтожение важнейшего свидетеля последнего этапа бытия и страданий царской семьи».

В девятом часу утра 30 апреля поезд № 42 медленно приблизился к Екатеринбург, приглушив пары. На площади перед вокзалом собралась толпа — местные жители, в большинстве рабочие. Не исключается опасность эксцессов. Прибывшие на станцию члены президиума Совета указывают путейской администрации: на станции Екатеринбург-III (товарная) высадить трех Романовых, затем подать поезд с остальными пассажирами к вокзалу.

Задолго до подхода к городу Романовы одеты и стоят в своих купе, готовые выйти. Не доезжая двух верст до вокзала, поезд останавливается. Трое пассажиров спускаются на платформу. Яковлев прощается с ними без всякого признака эмоций на тщательно выбранном лице.

Посреди пустынной, но по краям оцепленной красновардейским кордоном площадки у станции Екатеринбург-III стоят два автомобиля. Из-за длинных складских амбаров показались трое Романовых в сопровождении Авдеева. Встретили их председатель Уральского Совета А. Г. Белобородов, его заместитель Б. В. Дидковский, член президиума Совета Ф. И. Голощекин. Поздоровавшись с прибывшими, Белобородов приглашает их занять места в машинах.

В первом автомобиле сели на заднее сиденье Николай, его супруга и дочь; рядом с шофером Самохваловым занял место Дидковский. Во втором — Белобородов, Авдеев (сзади) и Голощекин рядом с шофером Загоруйко*.

* Оба шофера были занесены в проскрипционные списки колчаковской прокуратуры по «екатеринбургскому делу». П. Т. Самохвалов был расстрелян в Омске в марте 1919 г. С. Т. Загоруйко арестован во Владивостоке в июле и расстрелян в Чите в августе 1919 г.

Без конвоя и охраны, не привлекая внимания ранних прохожих, машины по сигналу Белобородова направились к центру города.

Присмотримся немного ближе к трем сопровождающим Романовых лицам, которые в ближайшие несколько недель решают повлиять на конечный исход событий для царской семьи.

Александр Григорьевич Белобородов в это время 27 лет. Выходец из семьи рабочего Александровского завода под Соликамском, окончил здесь начальное училище. Работал учеником в мастерской газозлектрического цеха на Надеждинском сталерельсовом заводе, там же помощником цехового конторщика. Ему еще не было 16 лет, когда он в начале 1907 г. вступил в Надеждинскую организацию РСДРП. Затем работал электромонтером на Луньевских коях под Соликамском. В начале 1908 г. попал под первый арест и просидел в тюрьме около четырех лет. В 1917 г. работал на Лысьвенском заводе. Отсюда избран делегатом в Пермь на I съезд Советов Урала, на I Уральскую областную партийную конференцию (где впервые встретился и подружился с Я. М. Свердловым), затем в Петроград, на Апрельскую конференцию партии, где видит и слушает В. И. Ленина. Несколько позднее в составе уральской делегации снова едет в Петроград для участия в VI съезде РСДРП(б). Председателем Уральского областного Совета Белобородов был избран за три месяца до появления в Екатеринбурге Романовых⁵⁸.

Его заместитель по руководству Уральским Советом Борис Владимирович Дидковский старше на восемь лет. Сын штабс-капитана 127-го Путивльского пехотного полка, воспитывался в Петербурге в кадетском корпусе. Однако курс подлинного образования и воспитания преподала ему жизнь. Он порывает с привилегированной средой, из которой вышел, включается в революционное движение. Принужденный царской охранкой эмигрировать, прожил за границей (главным образом в Швейцарии) восемь лет. Здесь слушал выступления В. И. Ленина, сдружился с П. Л. Войковым, в Женевском университете получил степень бакалавра геологических наук. К 1913 г. вернулся в Россию, на Урал, где и вступает на свою долгую стезю революционера и ученого-геолога, которая длилась всю его остальную жизнь. Большевик с марта 1917 г.⁵⁹

Филипп Исаевич Голошкеин, 42-летний уральский военный комиссар. Секретарь Уральского областного комитета партии, член президиума Совета. Уроженец Невеля, профессиональный революционер (в партии с 1903 г.). Входил в 1906 г. в Петербургский комитет партии, потом вел партийную работу в Москве, Риге, Кронштадте, Сестрорецке. В 1912 г. на Пражской партийной конференции был избран в ЦК РСДРП(б). Неоднократно подвергался арестам и судим. Со сланный в Нарымский край, оттуда в 1910 г. бежал; из Туруханской ссылки вернулся в Петроград после Февральской революции. Делегат Апрельской конференции и VI съезда партии. После Октября секретарь Пермского, Екатеринбургского губкомов и Уральского обкома партии, член Сибирского бюро ЦК РСДРП(б)⁶⁰.

На углу широкой улицы и узкого переуллка остановились у какого-то парадного подъезда. Белобородов вышел из автомобиля и, подойдя к Николаю, который в этот момент выбирался из другой машины, сказал ему:

— Гражданин Романов, вы можете войти в дом.

* * *

Западная реакционная пропаганда постоянно изощряется в придумывании всевозможных «конфликтов», которые якобы имели

место в 1918 г. в органах Советской власти и среди тобольской охраны в связи с перемещением Романовых в Екатеринбург.

Некоторые из версий:

Москва якобы намеревалась выслать Романовых за границу, но этому помешали «слишком радикальные» местные власти. Это подтвердила безнадежная попытка Яковлева;

без санкции Москвы Урал сам не решился бы ничего предпринять; поэтому ответственность за последовавшие решения падает целиком на центральные власти;

во время распри между Москвой и Екатеринбургом Яковлеву удалось перехватить царскую чету, что и обрекло ее на гибель;

соперничали между собой Екатеринбург и Омск, последний из-за вялости действий «проиграл», хотя имел преимущественное право распоряжаться в районе Тобольска;

солдаты охраны якобы сами давали Николаю возможность бежать;

распри внутри конвоя, а также между Кобылинским, Панкратовым, Татищевым и Гермогеном обрекли на провал планы бегства.

Все эти версии противоречивы, надуманны и опровергаются тем, что в действительности происходило.

**СВАСТИКА
В ОКОННОЙ НИШЕ**

Величайшая твердость и есть величайшее милосердие.

Лонгфелло

Хлопнув дверцей автомобиля, Николай с усмешкой поблагодарил Белобородова за приглашение. Но еще с минуту потоптался у машины, прищурился на часового у входа, со спокойным любопытством осмотрел дом сверху донизу. Из-под вуали скользнула взглядом по фасаду его жена. Высунулась из-за спины и открыто улыбнулась молодому стрелку у парадной двери Мария — недурная собой подвижная девушка с плутоватыми глазами.

Дом стоит на косогоре. Приземист, но виден издалека. По соседним приметам его можно разглядеть даже из пригорода. Московский журнал «Прожектор» 15 июля 1928 г. писал:

Когда подъезжаешь к городу из Москвы, уже за несколько верст видишь высоко взметнувшуюся в небо бледно-зеленую стройную колокольню. То колокольня Вознесенской церкви... И высится она на самой макушке господствующей над городом Вознесенской горы, и у ее подножия притулился на косогоре, напловину врос в землю двухэтажный, беленький, затейливо разукрашенный по фасаду особняк.

Он стоит на углу Вознесенского проспекта и одноименного переулка, в центре большого и старинного промышленного города, насчитывавшего (ко времени революции) до 100 тыс. жителей. Переулок ведет в низинные кварталы города, к широкому пруду. На восточную сторону, к проспекту, дом обращен одним этажом; с тыльной, западной стороны, на откосе, — два этажа. Так как цокольный этаж упирается в склон, он ниже уровня проспекта, почему и похож на полуподвал. Вдоль спуска по переулку, за забором, примыкает к дому довольно просторный сад, площадью с полдесятины; разросшиеся березки, липки, акации, сирень вплотную подступают к деревянному крылечку и надворным постройкам (каретник, конюшни, хозяйственный навес). Окна особняка сравнительно широкие и светлые, стены толстенные. Дом прочно сложен, старомодно тяжеловесен, немного вроде бы пузат — как, впрочем, и его владелец Ипатьев Николай Николаевич, уроженец здешних мест, 48-летний горный инженер, подрядчик и коммерсант.

Строил он это здание для себя, достатку у него хватало: разбогател на горных промыслах, на казенных подрядах. Был уверен, что до конца дней своих не будет потревожен в этом удобном гнезде. Вышло иное. Постучался в парадную дверь посыль-

ный, вручил повестку — вызов в Уральский Совет. Принял домовладельца член Исполкома П. Л. Войков, комиссар снабжения. По поручению президиума, говорит комиссар, он должен поставить в известность господина Ипатьева, что по случаю необычных обстоятельств, о которых сейчас невозможно распространяться, дом на Вознесенском проспекте реквизируется и поступает в распоряжение Совета. Вся мебель должна остаться на месте. Прочие вещи могут быть убраны в кладовую и будут опечатаны. Совет ручается за их сохранность. Комиссар просит извинения за причиняемое беспокойство, но дом должен быть освобожден в 24 часа. Реквизиция временная: как только необходимость пройдет, дом будет возвращен.

29 апреля 1918 г. пришли красноармейцы, при хозяине снесли и опечатали вещи, отдали ему ключи от кладовой и предложили удалиться. Вечером в особняке и вокруг него — теперь он именуется Домом особого назначения — расставлены часовые.

Утром следующего дня вместе с тремя приезжими вошли в дом председатель Уральского Совета Белобородов, его заместитель Дидковский и член президиума Исполкома Голощекин. В вестибюле Белобородов попросил внимания и объявил:

— По постановлению Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов бывший император Николай Александрович Романов вместе со своей семьей будет находиться в Екатеринбурге, здесь, в этом доме, в ведении Уральского Совета, впредь до суда над ним, Романовым. Комендантом дома Уральский Совет назначил Александра Дмитриевича Авдеева — вот он, перед вами. Имеются ли в данную минуту заявления, жалобы или вопросы? Нет... Если впредь будут — обращаться с ними в Совет через посредство коменданта Авдеева или его помощника Украинцева. А теперь граждане Романовы могут располагаться в доме по своему усмотрению, как им покажется удобней. В их распоряжение отводится большая часть второго этажа.

Официальное сообщение о прибытии Романовых в Екатеринбург опубликовала газета «Уральский рабочий» через несколько дней, 9 мая 1918 г.:

Согласно решению Совета Народных Комиссаров, бывший царь Николай Романов и его семья переведены на жительство из Тобольска в Екатеринбург и помещены в отдельном изолированном от внешнего мира помещении.

Белобородов и Голощекин уехали. Дидковский и Авдеев проšli вместе с новыми жильцами по комнатам. Это были уже не тобольские апартаменты. Там маловато было и восемнадцати комнат, пришлось прихватить соседний Корниловский дом. Здесь меньше. Все же и тут комнаты довольно просторные, неплохо меблированные. Николай с супругой и Мария (позднее вместо Марии — Алексей) заняли угловую комнату с двумя окнами на проспект и двумя в переулок. В соседней, окнами в переулок, по-

селились потом дочери. Драпри на окнах, большой ковер на полу, мягкий диван, маленькие столики, кресла. Из комнаты дочерей дверь в столовую. Здесь спала Демидова. Комната, смежная со столовой, разделенная посредине аркой, считалась гостиной (или «залом») — здесь спали доктор Боткин и слуга. Повар Харитонов и поваренок Леонид Седнев жили в кухне. *Караул поместился в двух комнатах около столовой*, — записал Николай в дневнике. — *Чтобы идти в ванную и шк, нужно проходить мимо часового у дверей караульного помещения. Вокруг дома построен очень высокий дощатый забор в двух саженях от окон; там стоит цепь часовых, в садике тоже*¹.

Николай рассматривает обстановку спокойно. Александра Федоровна нервозна, раздражена. Заходит речь о багаже, она теряет самообладание, начинает грубить, покрикивает. Дидковский призывает ее к порядку. «Я прошу вас, — говорит он, — не забываться и помнить, что вы находитесь здесь под арестом и следствием».

Муссируется в западных изданиях версия этого инцидента: будто бы Дидковский внезапно выхватил из рук Александры Федоровны ридикюль и стал перебирать его содержимое. Николай якобы вскричал: «Вы что себе позволяете? До сих пор мы, кажется, имели дело с порядочными людьми!»

В действительности было не так. Из Тобольска увозили Романовых в спешке, их вещи там не досматривались. Еще до их прибытия в Екатеринбург президиум Уральского Совета постановил взять под контроль обширный багаж, что вынуждалось тревожным напряжением обстановки. Чемоданы, доставленные на автомобиле, были внесены в коридор и осмотрены красноармейцами в присутствии Авдеева и Марии. Затем Дидковский предложил Александре Федоровне предъявить к осмотру ее саквояж. Она бурно запротестовала на русском, потом на английском языке. Боткин, прибывший к тому времени с вокзала, взял на себя роль переводчика. Он объяснил Авдееву и Дидковскому, что Александра Федоровна считает осмотр вещей издевательством и ставит в пример комиссарам корректное поведение Керенского. Саквояж тем не менее был осмотрен. Со дна его Дидковский извлек миниатюрный фотоаппарат и весьма детальный план Екатеринбурга. Александра Федоровна цеплялась за этот фотоаппарат, «крича по-английски что-то столь для нас нелестное, что Боткин перестал даже переводить»².

Дидковский пытался образумить Александру Федоровну, напомнив ей, что она здесь находится под арестом и следствием, но это ее не успокоило. Николай бесстрастно наблюдал всю эту сцену, не проронив ни слова. После осмотра чемоданы заперли в кладовой, ключи отдали Романовым.

Как только Дидковский с Авдеевым ушли, Александра Федоровна вынула из сумки химический карандаш и отточенным твердым острием изобразила на глянцевитой белой поверхности

оконного косяка знак свастики, написав рядом: *17/30 апреля 1918 г.*

Жильяр увидел ее через три месяца, когда вошел в дом вместе с белогвардейскими следователями. Тогда он заметил в своем дневнике: «На стене в амбразуре окна комнаты императрицы я сразу же увидел ее любимый знак «Swastika», который она столь часто рисовала. Она изобразила его карандашом и тут же крупными русскими буквами отметила дату 17/30 апреля, день прибытия в дом Ипатьева. Такой же знак, только без числа, был нарисован на обоях стены на высоте кровати, принадлежавшей, видимо, наследнику»³.

Н. Е. Марков (Марков 2-й), повествуя в эмиграции о своих попытках увезти Романовых, пояснял: «Нашим условным знаком была свастика... Императрица хорошо знала этот знак и предпочитала его другим...»⁴

О симпатии русской императрицы к свастике с тех пор говорят на Западе. Лондонская «Таймс», рецензируя американский двухсерийный фильм «Николай и Александра», назвала Александру Федоровну «фашиствующей Брунгильдой». Главу о пребывании Романовых в Ипатьевском доме В. Александров так в своей книге и озаглавил: «Под знаком свастики». Он отмечает «выявившийся в одном отношении исторический приоритет Александры Федоровны», а именно: «Задолго до того, как крюкообразный крест стал заносчиво выставлять себя напоказ на фасадах третьего рейха, его след прочертила на стене Ипатьевского дома в Екатеринбурге низвергнутая императрица»⁵.

Повышенный интерес проявился у Александры Федоровны в Ипатьевском особняке к драгоценностям. Где они? Что с ними случилось?

Сокровища, накопленные династией за 300 лет, остались в дворцовых хранилищах в Петрограде и Москве. После Октября они были национализированы и включены в особые государственные фонды — алмазный и золотой. Однако часть драгоценностей Романовы при выезде в Тобольск прихватили с собой. Относительное их значение как будто невелико, но абсолютная совокупная стоимость составляла миллионы золотых рублей. Конечная судьба этой доли царского состояния осталась невыясненной до конца. Какая-то часть, как уже отмечалось, попала в руки Соловьева. Оставалась какая-то часть в губернаторском доме в Тобольске.

С Яковлевым выезжали второпях и в неизвестность, ничего из драгоценностей с собой не взяли. Теперь, когда выяснилось, что тобольское становище окончательно закрывается, экс-императрица хочет со второй группой эвакуируемых заполучить свои украшения.

«24 апреля, — записывает в своем дневнике в те дни Жильяр (оставшийся в Тобольске при больном Алексее), — пришло от государыни из Екатеринбургa первое письмо, в котором она из-

вещает нас, что их поселили в комнатах дома Ипатьева, что им тесновато, что они гуляют в садике, что город пыльный...» Но пыль екатеринбургская — это еще куда ни шло. Александра Федоровна больше озабочена пылью, которую хочет пустить в глаза красновардейской охране и органам Советской власти. Слуг она наставляет в приемах утаек и уверток. Дочерей, которых прежде учила пресмыкаться у ног Распутина, теперь учит лицемерить и обманывать. «В очень осторожных выражениях она давала нам понять, что надо взять с собой при отъезде из Тобольска все бриллианты, но с большими предосторожностями. Она условно называла ценности лекарствами»⁶.

Затем приходит в Тобольск письмо от Анны (Нюры, Нюты) Демидовой, адресованное няне Теглевой; в нем даются практические указания, «как поступить с драгоценностями», как понадежнее, скрытно доставить их в Екатеринбург, причем они теперь для конспирации называются «вещами Седнева». Следуя этим директивам, «мы взяли несколько лифчиков из толстого полотна, положили драгоценности в вату и эту вату покрыли двумя лифчиками, а затем сшили вместе, так что драгоценности, покрытые с обеих сторон ватой, оказались зашитыми между двумя лифчиками».

Много ли, казалось бы, можно таким образом укрыть? А вот поди ж ты: в каждый вместились «по 4 с половиной фунта драгоценностей... Один такой надела Татьяна, другой Анастасия... Драгоценности княжон были таким же образом зашиты в двойной лифчик, и его надела Ольга». Изумруды, аметисты, жемчуга зашивали «в шляпы княжон, между подкладкой и бархатом... — сообщила Теглева следователю в эмиграции. — Из драгоценностей этого рода помню большую нитку жемчуга и брошь с сапфиром и бриллиантами... Отпарывали пуговицы с костюмов, вместо пуговиц вшивали бриллианты, обернув их сначала ватой, а потом черным шелком... Кроме того, под блузки на тело они надели много жемчугов»⁷.

С сыном Алексеем родители прежде не расставались. Что с ним, оставленным в Тобольске? И что с дочерьми?

Под знаком лихорадочно-тревожного ожидания их приезда проходят первые дни и недели в Ипатьевском доме. Команданту Авдееву нет прохода — допытываются, когда привезут остальных. Почтовая связь с Тобольском слаба, вести приходят нерегулярно. Авдеев заверяет, что остальные члены семьи непременно приедут, притом скоро. Он, конечно, умалчивает, что уральские органы власти скорейшим вывозом Алексея из Сибири озабочены не меньше, чем его родители, хотя по совершенно другим мотивам. Дело в том, что нависла исключительно острая опасность захвата 14-летнего Алексея Романова силами контрреволюции. Возлагалась надежда на бдительность и боевую решимость П. Д. Хохрякова, которому поручено было обеспечить вывоз второй группы после вскрытия рек. Эту надежду Хохря-

ков оправдал. Насколько своевременно, видно из того, что белые овладели Тобольском через 14 дней после эвакуации оттуда бывшего престолонаследника и его сестер.

С 26 апреля, когда Яковлев и его спутники исчезли в пред-рассветном тумане за Иртышом, ответственность за порядок в губернаторском доме берет на себя Хохряков. Он ставит во главе охраны (теперь красногвардейской) Родионова и приступает к подготовке выезда в Екатеринбург оставшихся четырех Романовых. 2 мая уволен Кобылинский. К середине мая Алексей поправился. Открылась весенняя навигация. В погожий майский день Хохряков и Родионов перевозят четверых Романовых на пароход «Русь» — тот самый, на котором они приехали в Тобольск прошлой осенью. Вместе с ними 26 свитских и слуг, в том числе Татищев, Жильяр, Гиббс, Буксгевден, Шнейдер, Гендрикова, Тутельберг, Эрсберг, няня Теглева, дядька Нагорный, повар Харитонов.

Экспедицию возглавляют Хохряков и Родионов. 20 мая в 3 часа дня «Русь», охраняемая воинским отрядом, отходит от тобольской пристани. 22 мая в 8 часов утра пришвартовывается в Тюмени. Происшествий в пути никаких, если не считать вызывающего поведения Нагорного: он все время скандалит, протестуя против «неудобств» каюты, куда помещен Алексей.

Из Тюмени пассажиры без задержки выезжают по железной дороге далее: Романовы — в классном вагоне, с ними шесть приближенных (включая Нагорного), остальные — в товарных вагонах. Добился разрешения сопровождать вторую группу и едет в товарном вагоне Кобылинский, хотя формально он отрешен от дел. Под утро 23 мая поезд (как уже было 30 апреля) останавливается на станции Екатеринбург-III. Пассажиров на этой же пристанционной площадке ждут извозчицы дрожки. Той же дорогой, по спящим улочкам и переулкам, они доставлены в Ипатьевский дом. Позднее прибыл с вокзала багаж.

Теперь свита Романовых мало напоминает тот ее состав, в каком она выезжала десятью месяцами раньше из Александровского дворца. Одни отсеялись («по сокращению штатов») еще в Тобольске. Других отделили от семьи в Екатеринбурге, в Дом особого назначения не пустили. Третих за провокационные выходы отправили с поезда прямо в тюрьму (Долгорукий, Татищев, Волков, Седнев). Дядьку Нагорного взяли было в Ипатьевский дом, но через неделю он был арестован и тоже очутился в тюрьме. Всем уволенным от службы при семье (в частности, баронессе Буксгевден, полковнику Кобылинскому, дамам Эрсберг и Тутельберг) приказано было незамедлительно покинуть пределы Урала. Искключительную льготу дали врачу Деревенько (лечившему Алексея): ему Уральский Совет разрешил остаться в городе, проживать на частной квартире, в любое время входить в дом.

Жильяру и Гиббсу приказано было уехать из Екатеринбурга

в тот же день, когда они сюда прибыли. Им Родионов в 5 часов пополудни принес на вокзал проездные документы. Объяснил, что в их услугах в России больше не нуждаются; рекомендовал им, как иностранным подданным, продвигаться подальше на запад, «на свою сторонку». Этого здравого совета они не послушались, остались жить в товарном вагоне на пристанционных путях. Пробыли здесь до 3 июня, когда екатеринбургские железнодорожники нашли способ избавиться от них: прицепили вагон к так называемому беженскому поезду, направлявшемуся на восток, и в результате оба 15 июня очутились в Тюмени. Там явились в городской Совет с требованием денег и документов на право дальнейшего проезда по России «по свободному выбору», но были арестованы.

Пока местные органы Советской власти разбирались, как поступить с англичанином и швейцарцем, белые 20 июля захватили Тюмень и извлекли обоих из милицейского карцера. После 25 июля, когда пал и Екатеринбург, Жильяр и Гиббс снова появились в этом городе, теперь уже как участники белогвардейского следствия по «екатеринбургскому делу». Вместе с ними «неоценимые услуги следствию» оказали всплывшие снова на поверхность Эрсберг, Тутельберг и пресловутая баронесса Софья Карловна Буксгевден...

Уклонился и Кобылинский от выполнения данного ему Родионовым совета — убраться подальше от Ипатьевского дома подобиру-поздорову. В августе 1918 г. он очутился на территории, захваченной белыми. Окончательно исчерпав свою комендантскую роль свидетельскими показаниями колчаковским следователям, Кобылинский возвратился в Тобольск, где его жена Битнер устроилась на преподавательскую работу в местной гимназии. Однако к концу 1918 г. он вновь надевает полковничью форму и, оставив Битнер с ее матерью в Тобольске, уходит в белую армию. Служит в колчаковском штабе по интендантской части. В бою под Красноярском взят красными бойцами в плен. После гражданской войны поселился с женой в Рыбинске. Белогвардейским подпольем в 1927 г. был вовлечен в антисоветский заговор и по приговору военного трибунала расстрелян.

В конечном итоге от всей экспедиционной группы, отправленной Керенским из Петрограда летом 1917 г., остались к концу мая 1918 г. в Ипатьевском особняке семеро членов семьи Романовых и пятеро обслуживающих (доктор Боткин, лакей Трупп, комнатная девушка Демидова, повар Харитонов, поваренок-ученик Леонид Седнев) — всего 12 человек.

О том, что Романовы перемещены из тобольского губернаторского дома в Ипатьевский особняк в Екатеринбурге, Я. М. Свердлов сообщил официально на заседании ВЦИК 9 мая 1918 г. Он рассказал о происках и заговорах реакционных элементов вокруг тобольского места заключения, о попытках монархистов подкупить охрану, об уличающих документах, найденных у Гермо-

гена, о том, что царскую семью надо было перевезти в более надежное место. Теперь, сказал Свердлов, это сделано. Уральскому Совету даны указания о бдительном содержании бывшего царя, являющегося «арестантом Советской власти»⁸.

БУДНИ ПОСЛЕДНИХ НЕДЕЛЬ

До 4 июля 1918 г. в Доме особого назначения комендантом был Александр Дмитриевич Авдеев, рабочий (слесарь-механик) екатеринбургского завода братьев Злоказовых. Его современники рассказывают, что был он человек добрый и отзывчивый, с заключенными в Ипатьевском доме обращался корректно, подчиненные ему бойцы охраны, наполовину состоявшей из рабочих того же завода, относились к нему дружелюбно и с уважением. С воспоминаниями о своем участии в уральских и сибирских событиях несколько раз выступил в советской печати в 20-х годах. Дальнейшая жизнь его была полна напряжения и тревог — личных и трудовых; детей не имел, тем увлеченнее отдавал силы спасению беспризорных; усыновил казахского мальчика из детдома Искания и вырастил его как Николая Дмитриевича Авдеева. Умер, больной туберкулезом, в 1947 г.⁹ Заместителем Авдеева был рабочий того же завода А. М. Мошкин. 4 июля 1918 г. Авдеева сменил на посту коменданта Я. М. Юровский, а место Мошкина занял Г. П. Никулин.

Яков Михайлович Юровский, член партии с 1905 г., по специальности часовой мастер, гонимый и преследуемый царской «охранкой» за революционную деятельность, поселился с семьей в Екатеринбурге в 1912 г. Он и здесь продолжал в подполье активную работу по заданиям партии; в 1917 г. в первых рядах сражался на Урале за идеалы социалистической революции, за победу Советской власти. Яков Михайлович был одним из ближайших соратников своего тезки Я. М. Свердлова и других ветеранов уральской большевистской организации — Ф. И. Голощекина, А. Г. Белобородова, Н. Г. Толмачева. Юровского знал, его принимал в Кремле и беседовал с ним (после гражданской войны) В. И. Ленин.

Комендантом Дома особого назначения Юровский был назначен, будучи депутатом Уральского Совета, товарищем комиссара юстиции Уральской области, членом коллегии областной ЧК. Ответственные посты занимал и в дальнейшем¹⁰.

Различные буржуазные авторы давно распространяют на Западе вымысел, будто он в 30-х годах стал жертвой репрессий и «где-то погиб», в чем злорадно усматривают «кару божью за Екатеринбург». В действительности Я. М. Юровский умер в Кремлевской больнице в 1938 г. после тяжелой продолжительной болезни¹¹.

Вопреки инсинуациям Вильтона, Мэсси, Фрэнклэнда, Хойера, их американских и западногерманских коллег обращение с Рома-

новыми в Ипатьевском доме было неизменно корректным и человечным, обеспечение всем необходимым вполне достаточным. В комнатах второго этажа поддерживался (насколько это возможно было в тогдашних условиях) элементарный комфорт; расписание дня, чередование занятий были в основном оставлены на усмотрение заключенных; часы для прогулок в саду они выбирали сами; во внутренний распорядок их жизни комендатура, как правило, не вмешивалась. Имелся постоянный врачебный уход. Алексея обслуживал Деревенько, остальных — доктор Боткин. По приказу коменданта красноармейцы не раз ходили по городу в поисках священника (приводили в дом, например, священника Сторожева, который и устраивал богослужения для заключенных).

Мытарства Романовых, расписываемые на Западе, — плод измышлений. Правды во всем этом менее крупницы. Единственное, что идет от этой крупницы: Н. Н. Ипатьев, уже зная, кого поселили в его доме, поспешил на кое-какое имущество для временного пользования семьи бывшего монарха. Почему и недоставало в первые дни посуды и белья. Но вскоре все необходимое, включая дополнительные кровати, было комендатурой доставлено в дом. Николай в первый же день отмечает в дневнике: *Дом хороший, чистый*. Иногда проговариваются на этот счет советологи. «Дом был в полном порядке... — пишет Харкэйв. — Питались они в общем неплохо, а временами даже хорошо»¹².

При этом следует учесть продовольственные трудности того времени. Из лучшей в городе столовой заключенным ежедневно доставлялись обеды обычно из нескольких блюд. Мясные супы, жаркое, котлеты, компоты и т. д. Прислуге был выдан примус, на котором пищу можно было подогревать (вначале это делал поваренок Седнев, а по приезде из Тобольска — повар Харитонов). Когда в мае столовую на несколько дней закрыли, обслуживала Романовых кухня екатеринбургской партийной коммуны.

Вопреки тому, что утверждает г-н Хойер, комендатура не запрещала закупку дополнительного продовольствия для Романовых на городском рынке (на их собственные средства); допускались неограниченно и приношения Романовым из окрестных монастырей. Систематически доставлялись им, в частности из Ново-Тихвинского женского монастыря, масло, сливки, молоко, колбасы, свежие овощи — редис, огурцы, молодой картофель и т. д. Монашек с продуктами караульные не гнали от дома, как изображает Хойер, а зачастую сами передавали им просьбы от заключенных. Например, Авдеев, которого Николай в дневнике называл своим врагом, не раз передавал монашкам его просьбу принести табак, в то время остро дефицитный, что они и выполняли.

Впрочем, вот строки самого Николая: *Еда была отличная и обильная и попевала вовремя; Еда была обильная, как все это время, и попевала в свое время*¹³. Можно лишь присоединиться к

выводу одного из заокеанских авторов, В. Александрова: «Рискуя повториться, мы должны снова отметить, насколько более благоприятными были эти условия в сравнении с теми, в которые попадали когда-то поборники свободы, заточенные в Шлиссельбург... До самой последней своей минуты Романовы не подвергались дурному обращению»¹⁴.

Конечно, при желании можно было найти повод для капризов. Даже для скандала — это Александра Федоровна позволяла себе не раз. Ее истерика перед Дидковским с первых минут в Ипатьевском доме — лишь один из таких случаев. Еще эпизод из той же серии: она заявляет Авдееву и Украинцеву, что слишком мало слуг взяли в дом, требует, чтобы пустили в дом прибывших с тобольской второй группой. Комендатура отказывает. Как обычно, Александра Федоровна в возбуждении переходит с русского (ломаного) языка на английский, при этом «обращается в сторону Боткина, который должен переводить то, что она кричит... Оказавшись между двух огней, доктор повторяет одно: Александра Федоровна протестует, она требует к себе председателя областного Исполнительного комитета, требует передать (ее протест) в Москву».

Является в качестве представителя Совета П. Л. Войков. Он готов выслушать претензии. Рассчитывая, по-видимому, что Войков не знает английского языка, «Александра Федоровна при его появлении начала кричать, топать ногами и наступать на доктора Боткина, пятавшегося от ее наступления; все ее крики были, конечно, по нашему адресу, — пишет Авдеев. — Тогда Войков остановил ее и спокойным тоном попросил доктора Боткина передать бывшей царице, чтобы она не забывала, что находится под арестом и была бы в выражениях более корректна, изложила бы коротко сущность жалобы и не задерживала бы его. Он очень занятый человек и не хочет слушать ее истерические крики.

После этого доктор Боткин приступил к изложению ее жалобы. Заключалась жалоба в том, чтобы были возвращены все ее слуги, и во всяком случае не меньше 30 человек. Если областной Исполнительный комитет не удовлетворит ее просьбу, она попросит передать ее жалобу в Москву, В. И. Ленину.

Войков сказал, что слуг им не прибавят, потому что в этом нет надобности. А жалобу, если она желает, он может передать в Москву, только пусть она изложит в письменной форме. На чем и кончился инцидент»¹⁵.

Капризы ее грубы, игра в мученичество примитивна и лишена достоинства. Иногда она демонстрирует нечто вроде голодовки — встает из-за стола, не притронувшись к еде. Поваренок Седнев уносит на кухню любимые ею макароны, приготовленные по ее вкусу. Этими выходками она надолго обеспечила своим западным биографам возможность рисовать трагический облик великомученицы, которую Россия якобы «сделала козлом отпущения за все свои исторические упущения и неудачи»¹⁶. Но даже кое-кому из

сочувствующих Александре Федоровне претит ее поведение: «Надо признать, что в те дни ее личных испытаний она мало что обнаружила в себе от русской императрицы. Она своим поведением скорее напоминала супругу прусского генерала, постоянно изводящую окружающих в сознании своего значения»¹⁷.

Еще не раз Войкову приходилось навещать особняк по служебным обстоятельствам. Однажды он встретил бывшего царя, спускавшегося на первый этаж... Слегка поклонившись, Николай спросил, не может ли господин комиссар объяснить причины, по которым ему не разрешили пилить дрова во дворе.

— В Тобольске, — продолжал он, — я пилил кругляк во дворе дома вместе с дочерью Марией. Препятствий со стороны новых властей не было. Я позволю себе спросить, разве здесь другие условия?

— Да, в Екатеринбурге другие условия, — ответил Войков, — для арестованных установлен более строгий режим.

— Позвольте, господин комиссар, я не вижу оснований для отказа. Опасения властей напрасны. Я не собираюсь бежать из-под стражи.

— Это было бы невозможно. Здесь охрана из рабочих и крестьян...

Подошла бывшая царица, бросила на Войкова злобный взгляд, взяла мужа под руку и сказала ему:

— Partons d'ici, Nikki. Ses barbares ne comprennent rien! (Уйдем, Никки. Эти варвары ничего не понимают!)

— Madame, sans injures! (Мадам, без оскорблений!) — ответил Войков¹⁸.

Она злится на Войкова за то, что он (а точнее, президиум Уральского Совета) отказался допустить в особняк больше слуг, — теперь, к ее негодованию, часть домашней работы для семьи выполняют иногда ее дочери, например несколько раз сами испекли хлеб, белье для себя постирали. *Дочери учатся у Харитоновой готовить и по вечерам месят муку, а по утрам пекут и хлеб*, — записывает Николай. Его комментарий несколько ироничен: *Недурно!*¹⁹

Со стиркой поначалу «были затруднения», вспоминает А. Д. Авдеев.

Привыкли они менять свое белье ежедневно, а нам надо было всю эту массу белья тщательно просмотреть, прежде чем сдать прачкам... Для этого не было ни времени, ни людей...

Согласовали мы этот вопрос с тов. Белобородовым и предложили заняться этим делом самим дочерям бывшего царя вместе с Демидовой... Делать-то им было нечего — не мешало немножко поучиться работе хотя бы на себя... Отгородили им на кухне место для прачечной.

Бывшие великие княжны обратились ко мне, чтобы им достать печатную инструкцию по стирке белья. Конечно, книжки, как стирать белье, нам негде было достать... Нас выручил один старик кузнец с фабрики Злоказова, тов. Андреев. Он вызвался проинструктировать их. И действительно, после оборудования прачечной тов. Андреев оказался хорошим преподавателем, и дело со стиркой наладилось.

Никто не сказал бы, и прежде других сами бывшие принцессы,

что эта работа пошла им во вред. Напротив, в однообразные их будни вошла какая-то самостоятельность, которую они восприняли как развлечение; она же дала им, пусть слабенькое, представление о труде.

Вообще же они выглядели в Ипатьевском доме здоровыми и оживленными, как, впрочем, и их отец. По виду его, свидетельствовал бывший комендант Авдеев,

никак нельзя было бы сказать, что он арестованный, так непринужденно весело он себя держал... Доктор Боткин говорил, что Николай Александрович вообще никогда не был таким полным, как во время своего екатеринбургского заключения²⁰.

Да и по другим (включая белоэмигрантские) описаниям, как и на сохранившихся екатеринбургских фотоснимках тех дней, Николай и его дочери меньше всего похожи на больных, или изможденных, или хотя бы усталых. Бывший император был «по внешнему виду всегда спокоен, ежедневно выходил с детьми гулять в сад... — приводит Соколов показания бывшего бойца охраны В. В. Медведева. — Он по виду был здоров и не старел, седых волос у него не было»; Александра Федоровна же «начинала сидеть и была худощава. Она в сад не выходила никогда, только на крыльцо, иногда на крыльце сидела возле сына... Дети вели себя обыкновенно и улыбались при встречах с караульными. Разговаривать с ними запрещалось». Неоспоримо во всяком случае, что «за время их заключения в Ипатьевском доме никакого издевательства над царем и его семейством не делалось и никаких оскорблений и дерзостей не допускалось»²¹.

Глава семьи держался непринужденно, просто, спрашивал всех, кого хотел, обо всем, что его интересовало. Содержательную беседу завязывает как-то с Авдеевым.

Он спросил меня, кто такие большевики. Я сказал ему, что пять большевиков-депутатов IV Государственной думы были им сосланы в Сибирь, так что он должен знать, что за люди большевики. На что он ответил, что это делали его министры, часто без его ведома.

Тогда я его спросил, как же он не знал, что делали министры, когда 9 января 1905 г. расстреливали рабочих перед его дворцом, перед его глазами.

Он обратился ко мне по имени и отчеству и сказал: «Вот вы не поверите, может быть, а я эту историю узнал только уже после подавления восстания питерских рабочих». (Мирное шествие к Зимнему в пятом году он и в восемнадцатом году все еще называл восстанием.)

Я ему ответил, что этому, конечно, не только я — не поверит ни один мальчишка из рабочей семьи²².

Караульного Медведева однажды спрашивает: — Ну как идут дела? Как война? Куда ведут войско?²³

Вышел он на прогулку с дочерью Марией. У края садика сидят на скамье заместитель коменданта Украинцев и Воробьев — дежурный член Исполкома Совета, ответственный редактор газеты «Уральский рабочий». (Каждые сутки в Доме особого назначения дежурил кто-нибудь из членов Исполкома.) Подсел к ним доктор Боткин. Николай с дочерью, пишет далее А. Д. Авдеев,

стали ходить по саду из конца в конец. Ходил он молча, сосредоточенно глядя себе под ноги, изредка перекидываясь словом с Марией. Зато Боткин приставал ко мне со всякими расспросами...

— Нас всех очень интересует, — сказал Боткин, — как долго нас будут держать в Екатеринбурге.

— Этого я не знаю.

— А от кого это зависит?

— От правительства, конечно...

Николай не принимал участия в разговоре, но, не переставая мерить солдатскими шагами дорожку, внимательно к нему прислушивался. Вдруг он круто повернулся и остановился перед нами.

— Скажите, пожалуйста, Белобородов — еврей?

Пораженный нелепостью и неожиданностью вопроса, я не сразу нашелся, что ответить.

— Он на меня производит впечатление русского, — продолжал Николай.

— Он русский и есть.

— Как же он тогда состоит председателем областного Совета? — недоумеваю-
ще протянул бывший царь.

Оказывается, он был убежден, что во главе советских органов стоят только большевики-евреи...

У меня не было никакой охоты читать бывшему царю уроки политической грамоты и разъяснять ему отличие национальной политики Советской власти от его собственной, и я не совсем вежливо оборвал разговор.

— Скажите лучше, нет ли у вас каких-либо заявлений или жалоб.

Отчего же и не пожаловаться. К примеру: расход белья большой, а стирка приостановилась. Из дома никто ее не берет, дочери не справляются. Впрочем, это, может быть, и не первостепенный вопрос, тем более что дежурный член Исполкома Совета обещает вмешаться и помочь. Его больше интересует иное, и он спрашивает Воробьева:

— Скажите, пожалуйста, каковы сейчас отношения России с Германией?

— Читайте газеты, — сказал я ему, — там все напечатано, что вас интересует.

— Да мы уже две недели никаких газет не видели. Не знаю даже, какие газеты у вас в Екатеринбурге выходят.

— У нас издаются две газеты: партийная — «Уральский рабочий» и советская — «Известия».

— Партийная — это что? Что большевики издают?

— Большевики.

— Как бы устроить, чтобы я мог эту газету получать?

— Очень просто: взять и подписаться на газету. Будете получать ее через коменданта.

— Как же мне подписаться?

— Я редактор этой газеты. Дайте мне денег, и я сам для вас выпишу газету.

Николай деловито осведомился, сколько стоит на месяц «Уральский рабочий», и тут же в саду вручил мне подписную плату²⁴.

Эпизод с наследником, записанный Авдеевым:

— Однажды Алексей услышал, что красногвардейцы поют песню. Спросил меня, знаю ли я эту песню, и, получив утвердительный ответ, попросил написать ему (текст), так как очень понравился мотив.

Я объяснил ему, что это революционная песня; присутствовавшая здесь же Анастасия начала говорить что-то Алексею по-английски...

Вскоре сборник революционных песен, гимнов и стихов был в руках Алексея. Но воспользоваться сборником ему, кажется, не пришлось. Когда я спросил через некоторое время, читает ли он песни, то получил ответ, что песни читает мама. Было ясно, что сборник мой угодил в камин²⁵.

Конечно, они в Екатеринбурге популярны — известности им не занимать. По-прежнему Николай записывает в дневник все до мелочей.

Когда мы вышли гулять, все свободные солдаты тоже пришли в садик смотреть на нас...

Вторично вышли гулять около 4 часов. Какая-то старуха, а затем мальчик лезли к забору, смотреть на нас через щель; их всячески отгоняли, но все при этом смеялись...

Гуляли и сидели в садике... Аликс стригла мне волосы.

Вечером электрическое освещение пошаливало; пока Седнев исправил его, играли в безик при свете огарка в банке.

Перед чаем снова увлекались в триктрак.

Из дежурной комнаты раздавались звуки пения и игры на рояле, который был на днях туда перетащен из залы.

Настроение караульных очень веселое и предупредительное²⁶.

Может быть, и не всегда «веселое», но, во всяком случае, постоянно «предупредительное», вплоть до организации в доме богослужений. Вполне бодро отметили свои дни рождения: Александре Федоровне исполнилось 46 лет, Николаю — 50. В дневнике запись:

Дожил до 50 лет, даже самому странно. Погода стояла чудная, как на заказ. В 11^{1/2} часов батюшка с диаконом отслужили молебен... Днем посидели в саду, греясь на теплом солнышке²⁷.

ГОРОД ОСАЖДЕН

И все же, конечно, заключение было заключением. С двойным забором вокруг особняка. При караулах внутри и вокруг дома, с часовыми у входа в комнаты и в проходах между заборами. При строгой системе ежедневных дежурств членов Исполкома Совета. При неослабном круглосуточном бодрствовании часовых республики, которая одновременно вела борьбу не на жизнь, а на смерть на фронтах гражданской войны...

Екатеринбургский комитет партии 14 июня объявил мобилизованными всех коммунистов. В те дни влились в ряды вооруженных защитников революции почти две трети состава Уральской областной партийной организации. Ушли на фронт почти все рабочие Сысертского, Нижне-Тагильского, Алапаевского и других заводов.

Угроза Уралу обозначилась на второй день мятежа белочехов, 26 мая, когда они захватили Челябинск. Оседлав железнодорожную магистраль в этом узловом пункте, они двинулись в трех направлениях: на восток — к Омску, Кургану, на соединение с сибирской группой легиона; на запад — к Златоусту, на прорыв к своим частям, выступавшим в Поволжье; на север — в направлении Кыштым — Екатеринбург. К последнему пункту Гайда и собравшаяся вокруг него белогвардейская свора рвались с осо-

бой яростью: они знали, что здесь, в Ипатьевском доме, с конца апреля находятся под стражей Романовы.

Однако уже в первых боях на Екатеринбургском направлении, в частности в сражении с белочехами и казаками, завязавшемся 28 мая у станции Аргаяш, красноармейцы и рабочие показали свою решимость сорвать эти замыслы контрреволюции. Положение ухудшилось, когда противник захватил Кыштым, очутившись в 130 верстах от Екатеринбурга, а с падением Златоуста двинулся по соединительной железнодорожной линии на Пермскую магистраль, рассчитывая обойти Екатеринбург и отрезать его от центра страны, лишитъ связи с Москвой и Петроградом.

Отражая эту угрозу, подлинный героизм проявили отряды, присланные в помощь Красной Армии ближними и дальними рабочими районами. В те дни атаки белых на Екатеринбургском направлении удалось отбить. У Аргаяша они были отброшены, на других участках Уральского фронта долго топтались на месте.

В июне и первой половине июля защитники Урала ведут тяжелые бои, удерживая свои позиции под натиском превосходящих сил врага. Его усиленно снабжают правительства и военные миссии Антанты, он получает все более ощутимый перевес в численности и вооружении. Под давлением белочехов с запада и востока и белоказацких частей полковника Анненкова со стороны Славгорода пал Омск. Примерно в то же время legionерам с помощью эсеров и белогвардейцев удалось прорваться в Самару. 3 июля Дутов вновь овладел Оренбургом. 8 июля интервенты захватывают Уфу.

Вся железнодорожная магистраль от Самары до Иркутска и прилегающие к ней районы подпали под жестокую власть белых. Повсюду в этой зоне совершаются аресты и казни коммунистов, советских работников, активистов из рабочих и деревенской бедноты. Пали Пенза, Сызрань, Симбирск, Томск. С соединением челябинской, сибирской и поволжской групп легиона снова возросла наступательная активность белогвардейщины в направлении на Екатеринбург. К середине июля 1918 г. этот город представлял собой последнюю на Урале крупную преграду на пути сил контрреволюции, разлившейся черным пятном до Иркутска, а местами и до Владивостока.

С дальних и близких расстояний палящее дыхание войны доносится до дома Ипатьева. Обитатели верхнего этажа с надеждой вслушиваются в отдаленный гул.

Но пристально приглядываются и уральцы: что происходит в Ипатьевском доме?

Перед рабочими мартеновского цеха Верх-Исетского завода выступил с беседой о текущем моменте П. Л. Войков. Посыпались записки с вопросами.

— Скажите, — читает он одну из записок, — почему бывший царь находится в роскошном особняке, а не в тюрьме?

- Причин много. Главная из них — гуманность Советской власти.
- Куда делись царские бриллианты?
- Бриллианты изъяты комиссией Уральского Совета по акту, запечатаны и сданы на хранение до особого распоряжения.
- Что за выстрелы раздавались на этих днях во дворе дома, в котором проживает царская семья?
- Это были два предупредительных выстрела охраны, заметившей подачу сигналов из окна спальни бывшего царя²⁸.

Эвакуируя Романовых из Тобольска, Советская власть считала, что перемещает их в тыл, за пределы досягаемости белых. В ходе внутренней войны, навязанной народу контрреволюцией, тыл стал фронтом. Романовы под стражей передвигались с востока на запад, из Сибири на Урал, а их рыцари-избавители катили вслед за ними свой вал террора, заговоров, массовых убийств — и не в последнюю очередь ради вызволения царской семьи, навлекая на нее гибель. Такую связь причин и следствий отмечает и западная антикоммунистическая пресса: «Удары, в те месяцы нанесенные белыми красным, роковым образом сказались на дальнейшей судьбе заключенных». Точнее: «Американцы и англичане высадились в Мурманске. На юге старые генералы формировали белую добровольческую армию. В Сибири чешский легион численностью в десятки тысяч солдат захватил Омск и двигался к Екатеринбургу. Давление этих сил и толкнуло большевиков на крайние меры, направленные против возможности монархической реставрации»²⁹.

Констатация, заслуживающая высокой оценки, если учесть, сколь редко шпрингеровская публицистика балует свою аудиторию хотя бы относительной близостью к истине. Впрочем, расщедрившись на такое признание, автор статьи игнорирует в событиях восемнадцатого года весьма существенные обстоятельства: кайзеровскую оккупацию значительной части территории России, а также происки вильгельмовской шпионско-диверсионной службы, которая ухитрилась запустить свои щупальца сначала в тобольский губернаторский дом, а потом и в екатеринбургский особняк Ипатьева.

Как бы то ни было, на угрозу прорыва белых в Екатеринбург уральские рабочие реагировали просто и понятно — по законам революционной логики. Именно потому, что белые стремились во что бы то ни стало захватить бывшего царя, уральские рабочие решили ни под каким видом его не отдавать. На этой канве событий и разыгрывается драма семьи Романовых. За приземистым особнячком на косогоре разливается гигантское, на полнеба, зарево войны не на жизнь, а на смерть, охватившей Россию от края до края. Залегают и падают искры и за двойной дощатый забор, за которым содержатся бывшие император и императрица и где стоят на своих постах, сжимая в руках винтовки, караульные революции — сысертские слесари и верхисетские молотобойцы.

На что же в сложившихся обстоятельствах могли еще рассчитывать эти бывшие?

Все на то же, что и года полтора тому назад: на бегство при содействии иностранных держав. Как раз на екатеринбургский период заключения Романовых и приходится наиболее яростные попытки их освобождения, предпринятые и внутренними и зарубежными силами контрреволюции. Еще в конце апреля 1918 г. екатеринбургские условия охраны Романовых казались несравненно надежнее тобольских. Но уже через месяц разница почти сходит на нет. А вскоре дело обернулось так, что из Екатеринбурга Романовым даже легче было бы ускользнуть, чем из Тобольска. Там в случае бегства им пришлось бы преодолевать тысячи верст; тут же по отличному, густо разветвленному путям до белочехов и дутовцев рукой подать.

КОЛЬЦО СУЖАЕТСЯ

Один из цитируемых здесь авторов, В. Александров, повествует: спустя много лет после описываемых событий он встретил в Каннах бывшего белого офицера Соколова, владельца ресторана в том же городе. Весной и летом 1918 г. этот человек в составе обширного круга заговорщиков участвовал в подготовке освобождения царской семьи из дома Ипатьева. Соколов отчетливо помнит, как включились в эту операцию люди Текинской («дикий») дивизии, участвовавшей в свое время в корниловском мятеже. После подавления мятежа арестованные содержались в Быхове под охраной Текинского конного полка и Георгиевского батальона. В феврале 1918 г. генералы бежали из Быхова, текинцы во главе с Корниловым прорвались на Дон, в Новочеркасск.

Соколов признался своему собеседнику, что весной и летом 1918 г. текинцы по тайному приказу Деникина и Алексеева рассеялись по Уралу, притаились в екатеринбургских предместьях, стягивая на подступах к дому Ипатьева невидимый пояс осады. То были отчаянные, от ненависти потерявшие голову люди, «и если они не совершили тогда нападения на особняк, то не в последнюю очередь потому, что, условившись с ними об одновременном совместном ударе, чехи в первой половине июля замедлили штурм Екатеринбурга»³⁰.

Несколько ранее, 10 июня, группа белых офицеров под командованием капитана Ростовцева и есаула Мамкина пыталась прорваться из предместий в город, намереваясь освободить и увезти царскую семью из заключения. Рабочему конному отряду во главе с П. З. Ермаковым удалось эту банду перехватить и рассеять.

Прежде чем покинуть наконец город, чего настойчиво требовали от них местные власти, Жильяр и Гиббс (как рассказал тот же бывший офицер Соколов) неоднократно обращались к британскому консулу в Екатеринбурге Томасу Рестону, спрашивали у него советов и указаний, просили принять меры в защиту царской семьи. К тому времени Рестон изрядно набил руку на шпионско-диверсионных махинациях в глубине России, одновременно выпол-

няя задания посла Бьюкенена, своего непосредственного шефа, а также главы британской военной миссии в России генерала Альфреда Нокса (как прежде его предшественника Сэмюэля Хора) и лондонского центра Интеллидженс сервис³¹. Британский резидент на Урале, по утверждению американского автора Мэсси, в общении с Гиббсом и Жильяром якобы проявил определенный «пессимизм», выразив мнение, что в «данной обстановке иностранное вмешательство только повредило бы узникам Ипатьевского дома», а главное — перед лицом наличных сил Красной гвардии попытка царской семьи бежать была бы безумием — это-то и навлекло бы на нее «наибольшую опасность»³².

Утверждение сомнительное: вся деятельность Рестона и его коллег на востоке России была грубым вмешательством в русские дела; «пессимизм» же Рестона отнюдь не побудил его оказать сдерживающее влияние на подпольные банды головорезов, готовивших рабочему населению города «ночь длинных ножей», — напротив, Рестон обеспечивал их оружием, форсировал боевую подготовку, требовал от них дисциплины и повиновения, координировал взаимодействие. Последнее обстоятельство особенно существенно, если учесть разномасштабность вооруженных банд. Дело в том, что «шуаны русской контрреволюции», численность которых В. Александров оценивает в 5 тыс. человек, были в то время рассредоточены по нескольким городам: в Казани, Симбирске, Перми, Алапаевске и Екатеринбурге. В частности, среди участвовавших в заговоре и повиновавшихся консулу Рестону был сербский батальон под командованием майора Благотича, охранявший в Казани золотой запас Государственного банка России, еще в 1915 г. вывезенный сюда из Петрограда.

6 июля 1918 г. в Симбирске, в гостинице «Троице-Спаская», открывается инспирированное Рестоном военное совещание, посвященное вопросу о мерах к освобождению царской семьи. Председательствует на совещании полковник Каппель (тот самый, который позднее возглавил колчаковские соединения в Сибири). Присутствуют среди прочих: бывший думец, видный белогвардейский политикан Фортунатов; кадетский деятель инженер Лебедев; руководитель оперативного отдела подпольной организации монархистов капитан Степанов. Решение, единогласно принятое совещанием, гласит: «Ночью штурмовать дом Ипатьева. Внимание Красной гвардии отвлечь выступлениями в Перми и в других ближних городах. Выделить особую офицерскую команду, которая уведет семью в тайное убежище; операция сочетается с мощным славянским (белочешским. — М. К.) наступлением, которое желательно назначить примерно на 15 июля»³³.

Для уточнения и согласования с командованием чехословацкого легиона сроков выступления командирится в район Екатеринбурга капитан Степанов. Не успел, однако, Степанов ступить на екатеринбургский перрон, как был схвачен сотрудниками уральской Чeka.

Ждут своего часа таящиеся в Екатеринбурге враги и ненавистники народной власти. Еще весной вслед за царской семьей они перебазировались из Сибири на Урал, многие из них обосновались по соседству с домом Ипатьева. Сплачиваются и вооружаются, готовятся к выступлению вооруженные группы. Одни чекистами раскрыты и обезврежены, другие в подполье продолжают точить ножи. В нескольких сотнях шагов от дома Ипатьева расположена эвакуированная из Петрограда еще летом 1917 г. Академия Генерального штаба, представляющая собой дисциплинированную, хорошо вооруженную, из опытных офицеров боевую силу, готовую к действию в любой момент.

Зафиксированы несколько попыток антантовских офицеров проникнуть в Ипатьевский дом: в одном случае с подложным «разрешением Москвы»; в другом — с подделанным пропуском Уральского Совета; в третьем — со ссылкой на необходимость проконсультировать с бывшим верховным главнокомандующим план союзнических операций лета 1918 г. ...

А тут еще набежала в Екатеринбург многочисленная императорская родня, в том числе группа великих князей, ранее высланных из Петрограда в Вятку. Они притаились в городе и подключились к участию в заговорщических кружках, интригуя и подстрекая.

Из членов императорской фамилии оказались в Екатеринбурге великие князья Сергей Михайлович, Иван, Константин и Игорь Константиновичи; князь Палей; великая княгиня Елизавета Федоровна (сестра царицы); сербская королева Елена Петровна. По постановлению Уральского Совета все они были 20 мая 1918 г. отправлены в Алапаевск, в 170 верстах от Екатеринбурга. Там их разместили под охраной в каменном здании так называемой Напольной школы, на краю городка.

На этом общем фоне внушает тревогу слабость охраны особняка. Ее боевые качества неопределенны. Стража дома — энтузиасты революции, но оружие у них устарелое, обращение с ним неумелое, многие прежде винтовку в руках и не держали. «Стоят люди у пулемета, а стрелять из него не умеют... — вспоминал Авдеев. — Делали мы так: ставили к пулемету пост и тут же принимались его учить, как с этим оружием обращаться»³⁴.

Июль — в грозах. Уже его начало — в потрясениях. Екатеринбург уже не имеет обычной связи с Москвой. Но вести оттуда и из других городов доходят. 6 июля Блюмкин убил германского посла Мирбаха. 6—7 июля в столице подняли мятеж левые эсеры. В ночь с 9 на 10 июля совершил измену левый эсер М. А. Муравьев, главнокомандующий Восточным фронтом — тем самым фронтом, положение которого прямо влияет на судьбу Екатеринбурга. Из своего штаба в Казани Муравьев с группой приспешников бежит в Симбирск, оттуда «объявляет войну» Германии, и нужен ему этот «антигерманский подвиг» главным образом для того, чтобы попытаться открыть белочехам фронт, а это распахнет перед ними и во-

рота Екатеринбургa. 11 июля белогвардейцы подняли мятеж в Ярославле. Все это грозит тем, что вражеское полукольцо вокруг Екатеринбургa замкнется, пояс осады станет теснее.

Ответственным за охрану Романовых больше нечего ждать: белые могли хлынуть в город в любой день и час. Нельзя терять времени. Уральский Совет должен на что-то решиться.

Этот орган власти, конституировавшийся на III областном съезде Советов в феврале 1918 г., представлял свободно выраженную волю 98% избирателей Урала. Его ведущую и самую активную часть составляли рабочие — депутаты от Екатеринбургa, Перми, Надеждинска, Чусовой, Лысьвы, Мотовилихи, Кунгура, Мань-яра, Челябинска, Кыштыма, Сысерти, Невьянска, Алапаевска. Это были представители районов, где власть Советов утвердилась уже в ноябре 1917 г., вскоре после победы социалистической революции в Петрограде. На основе законных полномочий, полученных от свободно избранного подавляющим большинством населения Уральского Совета, действовал его Исполнительный комитет во главе с президиумом из пяти человек. Их имена: А. Г. Белобородов (председатель), Б. В. Дидковский (заместитель председателя), Ф. И. Голощекин, Г. Н. Сафаров, Н. Г. Толмачев.

Первоначально, когда Романовых привезли на Урал, намечалось и московскими и уральскими инстанциями проведение открытого суда над бывшим царем (возможно, и над его супругой). Президиум ВЦИК решил вынести проект организации процесса на утверждение предстоявшего V Всероссийского съезда Советов. Пока шла подготовка к съезду, Голощекин выехал в Москву для доклада Президиуму ВЦИК о положении на Урале. Поскольку военная обстановка в этом районе страны быстро ухудшалась, Президиум ВЦИК отказался от прежнего намерения ждать съезда для решения вопроса о суде и предложил Ф. И. Голощекину по возвращении в Екатеринбург немедленно приступить к организации процесса, с тем чтобы он состоялся еще до конца июля.

То, что ВЦИК и Уральский Совет до последней возможности стремились к организации суда с соблюдением действовавших в то время юридических норм, не могут не признать сегодня и самые злобствующие советологи. «Из показанного мною выше (хода гражданской войны. — М. К.) с несомненностью вытекает, — пишет В. Александров, — что вскоре после того, как большевистские лидеры встали у власти, они в принципе согласились с идеей предания суду Николая, а также, весьма вероятно, его всеми ненавидимой жены; но под давлением проблем, гораздо более жгучих, нежели вопрос о наказании Романовых, они оказались вынужденными все дальше откладывать этот план, а затем и вовсе от него отказаться». К такому же выводу приходит Мэсси: «Быстро нарастающая угроза со стороны продвигавшихся армий (белогвардейских. — М. К.) — вот что вынудило большевиков расстаться со своими мыслями об открытом суде над царем и обратиться к иным планам относительно его семьи»³⁵.

12 июля Голошекин возвратился из Москвы в Екатеринбург. В тот же день состоялось чрезвычайное заседание Исполкома Совета. Прибыл вызванный с фронта представитель командования; его попросили дать оценку военной ситуации на данный день и час. Он прямо заявил: надежды на восстановление положения на подступах к Екатеринбургу нет. Наступающие силы интервентов и белогвардейцев обходят город с юга, теснят отступающие красные части с двух сторон. От станции Кузино ударная группировка противника рвется напрямую к городу. Так как ресурсы обороны иссякают, а резервов живой силы и боезапаса нет и не предвидится, падение Екатеринбурга можно считать вопросом считанных дней.

Это учуял и враг, притаившийся в городе. Идет лихорадочный обмен информацией и сигналами между особняком и монархическим подпольем. Романовы вызывают о помощи, торопят с нападением на охрану. Письма из дома и в дом обнаруживаются в кусках хлеба, в упаковке продуктов.

В пробке бутылки со сливками, принесенными из монастыря, — вспоминал бывший комендант Авдеев, — я обнаружил записку на английском языке: офицер сообщал Романовым, что все приготовлено для их спасения, ожидают их согласия. Бумажка была мной доставлена тов. Голошекину. После снятия с нее копии она была вложена обратно в пробку и передана по назначению. Через 2—3 дня таким же порядком последовал ответ Николая, что они готовы. Офицер был арестован. Он оказался офицером австрийской армии по фамилии Мачич³⁶.

В те же дни в одной из комнат на втором этаже идут почти непрерывные совещания с участием Боткина. В коридор высылаются на вахту Мария и Татьяна: они сидят на сундуке и рукодельничают, а как только покажется посторонний, встают и уходят в комнату, чтобы предупредить. Частенько бродит по караульным помещениям Боткин, заводит разговоры, старается что-нибудь новое выведать. Доктор Деревенько злоупотребил предоставленным ему правом входа в особняк в любое время (такого преимущества не имел никто, кроме членов Исполкома) — стал агентом местных подпольных групп. Когда же в середине июня тайно прибыл в Екатеринбург белогвардейский полковник И. И. Сидоров со специальной миссией — скоординировать подготовку нападения на дом Ипатьева, Деревенько взял на себя выполнение и его поручений.

Час освобождения приближается, — пишет Сидоров Николаю. — Дни узурпатора сочтены. Славянские (белочешские. — М. К.) армии все более и более приближаются к Екатеринбургу. Они в нескольких верстах от города. Момент становится критическим. Этот момент наступил...

Ваши друзья не спят, — сообщается в другой записке. — Час, столь долгожданный, настал³⁷.

С божьей помощью и с вашим хладнокровием надеемся достичь нашей цели, не рискуя ничем, — гласит еще одно письмо, переданное в особняк. — Необходимо расклеить одно из ваших окон, чтобы вы могли его открыть; я прошу точно указать мне окно. В случае, если маленький царевич не может идти, дело сильно

осложнится... Напишите, нужны ли два человека, чтобы его нести, и не возьмет ли это на себя кто-нибудь из вас. Нельзя ли было бы на 1 или 2 часа на это время усыпить царевича каким-нибудь наркотиком. Пусть решит это доктор... Будьте спокойны. Мы не предпримем ничего, не будучи совершенно уверены в удаче заранее. Даем вам в этом торжественное обещание перед лицом бога, истории, перед собственной совестью.

Офицер³⁸

Встречная почта (через того же Деревенько) выносит на волю одно из собственноручных писем Николая:

Второе окно от угла, выходящего на площадь, стоит открыто уже два дня и даже по ночам. Окна 7-е и 8-е около главного входа, тоже выходящие на площадь, точно так же всегда открыты. Комната занята комендантом и его помощниками, которые составляют в данный момент внутреннюю охрану. Их 13 человек, вооруженных ружьями, револьверами и бомбами. Ни в одной двери, за исключением нашей, нет ключей. Комендант и его помощник входят к нам, когда хотят. Дежурный делает обход дома ночью два раза в час, и мы слышим, как он под нашими окнами бряцает оружием. На балконе стоит один пулемет, а под балконом — другой, на случай тревоги. Напротив наших окон на той стороне улицы помещается стража в маленьком домике. Она состоит из 50 человек. Все ключи и ключ номер 9 находятся у коменданта (Я. М. Юровского. — М. К.), который с нами обращается хорошо... Перед входом всегда стоит автомобиль. От каждого сторожевого поста проведен звонок к коменданту и провода в помещение охраны и другие пункты... Известите нас, когда представится возможность, и ответьте, сможем ли мы взять с собою наших людей³⁹.

Не видя иного выхода из сложившегося положения, Исполнительный комитет Уральского Совета к концу того же заседания 12 июля принял решение: предать Романовых казни, не дожидаясь суда.

Взети чету уже было некуда и не на чем. Языки пламени, ими зажженного, добрались и до них. Посеявший ветер поглотила буря.

ТЕ ТРИ НОЧИ

12 июля 1918 г. в здании Волжско-Камского банка заседает Уральский Совет. Председательствует Белобородов. Заседают с раннего утра. Выступления ораторов исполнены страсти. Реплики резки, подчас неистовы: решается участь бывшего царя.

Воображению некоторых западных авторов это заседание «на самом дальнем краю Европы» рисуется в зловещих, почти апокалипсических тонах. Его атмосфера, пишет один из советологов, «пропитана табачным дымом и ненавистью»; его фон — «пыльная буря, бушующая над городом».

Выдумка. Стояла погожая летняя погода. В сиянии яркого солнца зеленели сады и скверы, блестя пруды и озера, серебряной оправой обрамляющие старинный уральский город.

Сколько времени длилось заседание в банковском зале, не мог бы, наверное, сказать никто из его участников. Уже далеко за

полдень Белобородов встал и объявил голосование. Исполнительный комитет единогласно выносит решение. Члены президиума — в их числе Белобородов, Голощекин, Дидковский и Толмачев — скрепляют приговор своими подписями.

Возникает вопрос: кому поручить исполнение? Общее мнение: Юровскому Якову Михайловичу, коменданту Дома особого назначения, и его заместителю Григорию Петровичу Никулину. Еще три дня, и наступит развязка затянувшейся тяжелой драмы.

В половине одиннадцатого вечера 16 июля Романовы и их слуги легли спать. В половине двенадцатого явились в особняк двое особоуполномоченных Уральского Совета. Предложили Я. М. Юровскому приступить к исполнению приговора, вручив ему подписанный членами президиума документ.

Около полуночи комендант, его заместитель и группа вооруженных рабочих, сопровождаемые представителями Совета, поднимаются на второй этаж. По поручению Юровского доктор Боткин обходит комнаты, будит спящих, предлагает им встать и одеться. Появившемуся в коридоре Николаю комендант объясняет: на Екатеринбург наступают белые армии, в любой момент город может оказаться под артиллерийским обстрелом. Следует всем перейти из верхнего этажа в нижний.

Один за другим выходят в коридор семь членов семьи Романовых и четверо приближенных (Боткин, Харитонов, Трупп и Демидова). Все спускаются за Юровским и Никулиным вниз — двадцать три ступени между вторым и первым этажами. Пройдя несколько шагов от лестницы, переступают порог угловой полуподвальной комнаты. Площадь ее 6×5 метров. На стенах обои в клеточку. На единственном окне, обращенном в сторону переул-ка, массивная железная решетка.

Когда все прошли в эту комнату, стоявший у входа комендант, он же товарищ областного комиссара юстиции Я. М. Юровский, выступает вперед, вынимает из нагрудного кармана гимнастерки вчетверо сложенный лист бумаги, развернув его, объявляет: «Внимание! Оглашается решение Уральского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов». И сразу после того, как были произнесены последние слова приговора, загремели выстрелы. В час ночи 17 июля все было кончено... В ночной мгле за решеткой окна в переулке глухо шумит автомобильный мотор...

Свершилось здесь то, что на протяжении поколений, мучаясь и погибая, вызывали в своем воображении тысячи борцов за свободу России. Произошло то, что хотели они разглядеть в даях грядущего, прикованные к каторжным тачкам, замурованные в каменных мешках, умирая на эшафотах или истекая кровью под залпами карателей.

Начало свое династия получила в Ипатьевском монастыре, конец нашла в Ипатьевском доме.

Образчик «развесистой клюквы»: один из советологов за-

веряет, будто Н. Н. Ипатьев, владелец особняка в Екатеринбурге, был прямым потомком «владельца» Ипатьевского монастыря близ Костромы, где 21 февраля 1613 г. первый представитель династии — 16-летний Михаил Романов — был провозглашен царем⁴⁰.

На пребывание последних Романовых в Екатеринбурге, в Доме особого назначения, пришлось два с половиной месяца. Смысл совершившегося прояснился в ближайшие дни. Урал не хотел отдать Романовых в руки контрреволюции не только живыми, но и мертвыми. Было решено предать огню и развеять без следа их останки. Не дать пищи ритуальным шабашам. Не оставить зацепок для мстительных оргий.

Юровский, Никулин и помогавший им П. З. Ермаков хорошо знали окрестности Екатеринбурга. Запомнилась им деревушка Коптяки на берегу озера в 17 верстах от города. Полукругом обступил ее вековой бор, сплошняком уходящий в бескрайнюю урало-сибирскую лесную сторону. Летом сюда наезжали, снимая у крестьян избы, екатеринбургские дачники из небогатых. Из города дорога идет через Верх-Исетск полем и лугами, потом дремучей лесной чащей до самой деревенской околицы. За пять верст до деревни слева от дороги начинается урочище Четырех братьев. Названо оно так по четырем соснам, от которых остались старые пни. Когда-то тут добывали железную руду, потом месторождение забросили; на месте открытых разработок образовались пруды, а там, где были шахты, остались глубокие ямы. Все вокруг поросло травой и кустарником. В урочище Четырех братьев и вывезли останки казненных Романовых.

К 3 часам утра под наблюдением тех же особоуполномоченных тела казненных были вынесены во двор и уложены в кузов грузовика. Едва забрезжил рассвет, шофер Сергей Иванович Люханов вырулил в переулок и, сопровождаемый уполномоченными и конным отрядом, повел машину через спящий город к Верх-Исетскому заводу. Впереди разведчиком, просматривая дорогу до горизонта, поскакал верхом на коне Виктор Ваганов, один из активистов Совета.

Дойдя до урочища, грузовик углубился в лес. Среди заброшенных шахт трупы сложили попеременно с сухими бревнами, в штабель, облили керосином и подожгли. Когда костер догорел, останки зарыли в болоте.

В Ипатьевском доме внутренние караулы сняли. Внешние дня два еще несли службу. 22 июля, когда в городе явственно зазвучал грохот артиллерии, началась эвакуация учреждений. Н. Н. Ипатьева пригласили в Уральский Совет, возвратили ему ключи от дома.

Когда пылал костер в урочище Четырех братьев, наступила развязка и для обитателей Напольной школы в Алапаевске. Быстрое приближение белых к этому заштатному городку, наплыв монархистов в Верхотурский уезд, спровоцированный ими в райо-

не Невьянского завода мятеж против Советской власти, возможность захвата родственников бывшего царя — все это вынудило Алапаевский Совет в середине июля принять такое же решение, какое было принято в Екатеринбурге в отношении царской семьи.

В ночь с 17 на 18 июля, через сутки после финала в Ипатьевском доме, к Напольной школе прибыла конная группа рабочих Невьянского и Верхне-Синячихинского заводов во главе с Петром Старцевым. Заключенные были усажены в экипажи, вывезены в лесистую местность за Верхне-Синячихинским заводом и здесь, в 11 верстах от Алапаевска, расстреляны*.

Месяцем раньше нашел в этих краях свою могилу и Михаил Романов, брат Николая II, бывший февральский кандидат на царский престол.

С весны 1917 г. Михаил жил сравнительно неприметно в Гатчинском дворце. В ноябре 1917 г. он явился в Смольный и обратился к В. Д. Бонч-Бруевичу, управляющему делами Совнаркома, с просьбой каким-нибудь образом «легализовать» его положение в Советской Республике, чтобы заранее были исключены возможные недоразумения. Бонч-Бруевич на бланке Совнаркома оформил разрешение на «свободное проживание» Михаилу Романову как рядовому гражданину. Когда же общая ситуация резко ухудшилась (германское наступление на Петроград в феврале 1918 г. и другие события), Михаилу было предписано Петроградским Советом выехать на жительство в Пермь.

Там поселились вместе с ним его секретарь Брайан Джонсон (англичанин), камердинер Никифор Чельшев и шофер Василий Борунов**. Поначалу Пермский Совет несколько ограничивал свободу Михаила, потом по его просьбе ограничения снял. Его вольготная жизнь в центре города, в роскошных номерах гостиницы «Королевская» на Сибирской улице (с выездами на «роллс-ройсе», загородными пикниками, хождением на концерты и в театр, вечеринками), раздражала местное население, многие открыто выражали недовольство и протест.

На заводских собраниях и митингах слышались требования: «Отправить Михаила в тюрьму», «Казнить его». С митинга на Мотовилихинском заводе поступила в Совет резолюция: если органы власти не посадят Романова-младшего под замок, рабочие «сами с ним разделаются». Совет предложил Михаилу ради его же безопасности перебраться из гостиницы «Королевская» в помещение бывшей тюремной больницы, для него отремонтированное. Михаил обратился в центр с жалобой на «угрозы» и «произвол». Двумя документами в адрес Пермского Совета —

* Все, кого выслали 20 мая из Екатеринбурга, кроме Елены Сербской (умерла в Югославии в 1921 г.).

** У Михаила, слывшего автолюбителем, был до революции самый обширный в России личный гараж: до ста машин самых дорогих марок, в том числе «роллс-ройсы» и «паккарды».

из Совета Народных Комиссаров за подписью Бонч-Бруевича и из ВЧК за подписью Урицкого — было подтверждено, что за Михаилом Романовым, поскольку он не дает повода к иному с ним обращению, остаются нерушимыми его гражданские права; он может по-прежнему проживать в Перми, не подвергаясь особым ограничениям. Президиум Исполкома принял указания центра к руководству, но от себя предупредил Романова: раз он в столь сложных условиях продолжает свой прежний образ жизни, ответственность за возможные последствия Совет с себя слагает.

Вышло то, о чем его предупреждали. В ночь на 13 июня в гостиницу «Королевская» проникла группа неизвестных. Они увели с собой Михаила, вывезли за город и в шести километрах от Мотовилихи, за нефтяными складами Нобеля, в густых зарослях кустарника, расстреляли.

Утром в Пермском Совете узнали, что Михаил исчез. Заподозрили бегство. В Москву, Петроград и по другим направлениям полетели телеграфные сообщения о побеге; одновременно организованы погоня и поиски. Выяснилось: Михаила казнили местные рабочие А. Марков, В. Иванченко, Н. Жужков, И. Колпашников. Возглавлял группу Г. Мясников, председатель Мотовилихинского поселкового Совета.

На первом же допросе в Чека с участием представителей Совета Мясников объяснил: рабочие Мотовилихи узнали, что Михаил Романов добивается разрешения на выезд за границу. Его жена, графиня Брасова (урожденная Шереметьевская), была в Москве, как будто обращалась даже в Совет Народных Комиссаров. Но еще до того, как было что-либо определенное решено и сказано, она бежала за границу и объявилась в Париже. Поскольку у рабочих возникли опасения, что Михаил, воспользовавшись предоставленной ему свободой, тоже исчезнет, пятеро добровольцев по личному почину и усмотрению, без ведома советских организаций, «решили сделать то, что они и сделали...».

Таким образом, четырнадцать представителей семейства Романовых нашли свой конец на Урале.

**УРОЧИЩЕ ЧЕТЫРЕХ
БРАТЬЕВ**

И первые станут последними.

День, когда дом Ипатьева опустел, — это 1456-й день первой мировой войны.

Под Парижем все еще дрожит земля от залпов германской тяжелой артиллерии: бушует ожесточенное сражение у Шато-Тьерри, в 50 милях от французской столицы. Но выступают все более зловещие признаки надвигающегося тотального краха Германии.

Насколько низко пали акции кайзера, видно из того, что в тот день лагерь его открытых врагов пополнился княжеством Монако. Оно еще не бросило на чашу мировых весов свои вооруженные силы (87 солдат), но, объявив рейху войну, потребовало, чтобы Монте-Карло покинули все германские подданные.

В этот день парижская «Матэн» в очередном обзоре хода мировой войны, а также гражданской войны в России уделяет особое внимание положению в районе Екатеринбурга. А еще через четыре дня, 21 июля 1918 г., та же «Матэн» первой из западных газет печатает — неброско, мелким шрифтом на третьей странице, — сообщение под заголовком: «Слухи о расстреле царя».

Париж, 20 июля. Агентство Гавас передает. Русское Советское правительство распространяет радиограмму, излагающую обстоятельства смерти бывшего императора в соответствии с полученными этим правительством сведениями от Уральского Совета. Ввиду того, что силы контрреволюции вознамерились освободить Николая II, о чем свидетельствует и организованный ими заговор, ныне разоблаченный, Уральский Совет решил: расстрелять бывшего царя. В ночь на 17 июля приговор приведен в исполнение.

В Англии с первым сообщением такого рода выступила 22 июля газета «Таймс», за нею остальная пресса. Белые узнали о конце царской семьи примерно в те же дни, еще до захвата ими Екатеринбурга.

В двадцатых числах июля силы красной обороны, отступив к предместьям города, не выдержали напряжения. Поредевшая цепь защитников Екатеринбурга разорвалась. Подвигом было уже то, что при таком изнурении сил они сумели продержаться на внешнем обводе 6—7 дней дольше ожидавшегося. Утром 25 июля через бреши, пробитые в обороне уральцев артиллерией Гайды (командующего екатеринбургским участком фронта), хлынула в южные предместья белоказачья конница. Екатеринбург пал.

Офицеры, посланные Гайдой, кинулись в Ипатьевский дом. Этажи пусты, двери раскрыты настежь. Забегали по дому и по двору есаулы Дутова и белочешские фельдфебели; они не знают, с чего начать, где искать следы исчезнувших. Перерыли садик. Обыскали лес за вокзалом. Баграми и неводами обшарили городские пруды. Лишь 27 июля, когда в контрразведку явился поручик Шереметьевский, до прихода белых проживавший нелегально в Коптяках, от него впервые услышали об урочище Четырех братьев.

Гайда приказал проверить это сообщение. Сформирована комиссия: четыре офицера военной академии, председатель — полковник И. И. Жереховский. Одновременно екатеринбургский, царских времен, прокурор В. Ф. Иорданский, возвратившийся с дутовцами, приказом № 131 от 30 июля 1918 г. поручает следователю М. А. Наметкину открыть формальное дело о казни Романовых. В тот же день Наметкин и Жереховский, сопровождаемые белыми офицерами, врачом В. Н. Деревенько и бывшим камердинером царя Т. И. Чемодуровым, приступили к поискам среди заброшенных шахт. Продолжаются розыски в городе. Однако через неделю, 8 августа, Наметкин от следствия отстранен: контрразведка заподозрила его в недостаточной благонадежности. Заодно распущена, как слишком либеральная по составу, комиссия Жереховского; военная академия вообще слишком прегрешила своим «созерцательным» отношением к Ипатьевскому дому с апреля по июль. Следствие перешло в руки Сергеева, чиновника екатеринбургской дореволюционной прокуратуры. Ему помогает председатель старого екатеринбургского суда В. М. Казем-Бек.

Сергеев направляет в район Коптяков инженера Котнева и велит ему приступить к землеройным работам. Доставлены паровые двигатели с насосами. Приказано откачать воду из шахт, обшарить ямы и пруды. Ищут также у Верхне-Синячихинского завода, за Алапаевском. Нужных для работ людей хватают среди бела дня на улицах городов, в окрестных деревнях.

Пока ведутся раскопки в лесах и болотах, в контрразведке идут допросы с пристрастием. Помощники Сергеева рыщут по Екатеринбург и Алапаевску в сопровождении белоказачьих патрулей, арестовывают и тащат в камеры пыток каждого, кто хоть сколько-нибудь причастен к недавним событиям в Ипатьевском доме и Напольной школе. Над рабочими лачугами Алапаевска и крестьянскими хатами Коптяков витает смерть. Сергеев собрал с фабрик и заводов конторские «Книги учета персонала». По ним с помощью шпиков составлены списки подлежащих аресту советских и профсоюзных активистов, бойцов охраны Ипатьевского дома и Напольной школы, прежде всего тех, кто, по данным белой разведки, охранял эти здания или участвовал в исполнении приговоров. Всех отмеченных в этих книгах разыскивали, а обнаружив, на месте убивали.

Примкнул к белогвардейским следователям и истязателям

полковник Кобылинский: высланный в начале июня из Екатеринбурга, он добрался до Тюмени и здесь дождался белых. Вслед за Кобылинским появились Жильяр и Гиббс. Ходят они в особняк, что-то выискивая и анализируя, но однажды всех их бесцеремонно оттуда выставили.

Гайда сам занимает особняк Ипатьева и поселяется в той самой комнате, где до 17 июля жил бывший царь.

О том, как все эти рыцари «белого движения» относились друг к другу и к памяти монарха, во имя которого перебили столько людей, свидетельствует опубликованный Вильтоном документ — протокол, который подписали И. Сергеев, В. Казем-Бек, В. Иорданский и Н. Ипатьев.

В протоколе записано: представитель комендатуры города прапорщик Алексеев приказал сотрудникам следствия освободить дом «под квартиру для командующего фронтом генерала Гайды и его штаба». На отказ ответил, что распоряжение исходит «от самого командующего» и дом будет занят «независимо от согласия или несогласия». Вскоре пришли legionеры, приступили к уборке, мытью полов и т. д. Срочно вызванный владелец дома «отставной инженер-капитан Н. Н. Ипатьев объяснил, что, как уже указывалось чешскому командованию, все помещения находятся в распоряжении следственной власти и без ее согласия никто не может быть допущен в дом...». Однако прибывший капитан Блача лишь подтвердил приказ об очистке особняка. Подписавшиеся выражают «самый решительный протест, подчиняются только насилию»; в связи с этим «вещественные доказательства, хранившиеся в доме, уложены и увезены» в здание окружного суда. Заняв особняк, «подчиненные Гайды, следуя его примеру, открыто насмехаются над судебными властями, срывают обои и т. д.»¹.

Обиженные неделикатным обращением «союзника» и «освободителя», белогвардейцы распаляют в себе тихую ненависть к нему.

«Этот самый Гайда, ныне уже русский генерал-лейтенант с двумя Георгиями, — изливает в мемуарах свою горечь его же обслуживающий белогвардейский генерал барон А. Будберг, — здоровый жеребец, очень вульгарного типа... держится очень важно, говорит плохо по-русски...» Встречая прибывших в Екатеринбург белых офицеров, он выставил на вокзале «почетный караул от ударного, имени Гайды полка с его вензелями на погонах, бессмертными нашивками и прочей бутафорией... тут же стоит конвой Гайды в форме прежнего императорского конвоя... противно видеть всю эту бутафорию... видеть на плечах русских офицеров и солдат вензеля какого-то чешского авантюриста... Бесконечно больно видеть, что новая русская военная сила подчинена случайному выкидышу революционного омута, вылетевшему из австрийских фельдшер в русские военачальники... Вырастают эти бурьяны легко, а вырываются с великим трудом»².

Этот «вульгарный жеребец» стал ближайшим сподвижником Колчака, даже его родственником*.

Сергеев вел следствие до поздней осени 1918 г., когда затребовал к себе его материалы Колчак, провозгласивший себя «верховным правителем России».

В предвкушении победы над большевиками он хочет подготовить судебный процесс над участниками «тех трех ночей» в Екатеринбурге, Перми и Алапаевске. Своим публичным преклономением перед тенью Николая II адмирал намерен продемонстрировать, во-первых, свое кредо поборника контрреволюции и реставрации, во-вторых, преемственность своей власти по отношению к царскому режиму. И 30 декабря 1918 г. колчаковский министр юстиции Старынкевич телеграфной депешей в Париж заверяет Союзнический совет, что «для привлечения к ответственности виновных в царевубийстве адмирал использует в настоящее время все средства, имеющиеся в его распоряжении»³.

17 января 1919 г. Колчак вызывает к себе генерала Дитерихса, именуемого «главнокомандующим Сибирского фронта», и поручает ему общее руководство следствием по делу о казни Романовых. 25 января Сергеев в присутствии Иорданского передает Дитерихсу материалы, собранные с июля по декабрь. 2 февраля Дитерихс представляет Колчаку доклад о них со своим заключением. 4 февраля Колчак, заявив, что итогами следствия «совершенно не удовлетворен», приказывает «начать все сначала». 5 февраля Дитерихс и Старынкевич представляют Колчаку господина Соколова Николая Алексеевича, чиновника здешней прокуратуры, — рекомендуется на место Сергеева.

СОКОЛОВ БЕСНУЕТСЯ

Холодное, жестокое обличье дитерихсовского протезе пришлось по вкусу адмиралу с первого взгляда. 6 февраля он подписывает приказ о назначении Соколова главным следователем.

7 февраля Старынкевич передает Соколову «на случай возможной ориентировки» все материалы, накопленные ранее Наметкиным и Сергеевым — этими, по выражению Вильтона, «двумя жалкими трусами, убоявшимися красных».

Вильтон колесил тогда по России, совмещая мандат корреспондента лондонской «Таймс» с негласной функцией подручного соглядастая главы британской военной миссии генерала Нокса. Чужая пожизну, он присосался к колчаковскому следствию о царской семье, как только оно началось. С момента включе-

* В мае 1919 г. Гайда женился на Екатерине Колчак, племяннице адмирала. Возвратившись в 1921 г. в Чехословакию, Гайда был некоторое время начальником генерального штаба. Примкнул к профашистским элементам. Организовал заговор с целью ниспровержения республики, за что был предан суду и в 1926 г. разжалован. В послевоенное время за активное сотрудничество с нацистами был судим и расстрелян.

ния в дело Дитерихса и Соколова он, по его словам, неизменно сопровождал им в течение всего 1919 г., столь обильного трагическими событиями⁴.

Новый следователь сразу прибрал к рукам все нити. Принимал его для бесед и наставлял Колчак; делились с ним своими соображениями по делу Нокс и Жаннен. 4 марта Соколов выезжает в Екатеринбург, получив следующий документ:

Верховный правитель
России
3 марта 1919 г.
№ 588/Б-32
гор. Омск

Всем

Настоящим повелеваю всем местам и лицам исполнять беспрекословно и точно все законные требования Судебного Следователя по особо важным делам Н. А. Соколова и оказывать ему содействие при выполнении возложенных на него по моей воле обязанностей по производству предварительных следствий об убийстве бывшего императора, его семьи и великих князей.

(Подпись): Адмирал А. Колчак
Исполняющий обязанности директора
канцелярии верховного правителя
генерал-майор
(подпись): В. Мартьянов⁵.

Соколов не дублирует Сергеева, не собирается подправлять и дополнять прежний материал. Как велел ему адмирал, он заходит с самого начала. И следствие отныне станет единственным содержанием его жизни до последних дней, до гроба. Вильтон надивиться не мог «бесстрашию и упорству», с каким Соколов углубился в собирание материала для будущего суда.

Уроженец Пензы, он окончил Харьковский университет по юридическому факультету, в Пензе служил в окружном суде следователем по уголовным делам. После октября 1917 г. бежал в Саратов, прятался в деревне Медведевке. В 1918 г. переоделся мужиком, пересек линию фронта и пробрался к белым в Сибирь. Получил в омском суде должность следователя по особо важным делам. Здесь и обратил на себя внимание Старынкевича и Дитерихса...

Наделенный особыми полномочиями на всех российских территориях, попавших под власть белых, белогвардейский следователь отдает приказы о розысках и арестах. Никому, кроме адмирала и Дитерихса, он не подотчетен и не подчиняется; его требования обязаны выполнять все белые власти вплоть до командующих армиями. Им составлен проскрипционный список на 164 человека, «пробывающих по ту или эту сторону фронта», и разослан по штабам армий и отделам контрразведки с предписанием «по мере продвижения вперед разыскивать, задерживать и препровождать» к нему, Соколову. Единлично решает вопрос о жизни и смерти каждого, кто случайно или не случайно схвачен.

Он ждет, когда сойдет снег, чтобы вновь обследовать урочище Четырех братьев. А пока что ведет «опрос свидетелей». Рядом с ним Роберт Вильтон, которому, по его же словам, в петроградском журналистском мире в 1917 г. никто руки не подавал. С ним и подружился в Омске в 1919 г. Соколов.

Набухают актами и протоколами заведенные им досье. Множатся бумажные стопы «признаний» и «покаяний». Стоны истязуемых снова оглашают Екатеринбург, Пермь и Алапаевск, окрестные поселки и деревни. Кому удалось уйти от Сергеева, тот находит смерть у Соколова. Подвергнут допросу с пристрастием и чудом избежал смерти Н. Н. Ипатьев, владелец особняка. Схвачен, подвергнут пыткам и расстрелян П. Т. Самохвалов, шофер автомобиля, перевозивший 30 ап-

реля 1918 г. троих Романовых со станции в Ипатьевский дом. Расстрелян бывший боец охраны Михаил Летемина, у которого обнаружен Джой, спаниель престолонаследника. Поплатились жизнью монтеры, чинившие в комнатах Романовых электропроводку; слесари, ремонтировавшие в доме водопровод; работники столовой, откуда носили Романовым обеды; кладовщики базы, отпускавшие царской семье продукты; соседи Ипатьева — за то, что подглядывали в щель забора, за то, что с противоположного тротуара смотрели, как охрана ставит забор. И бесновалась колчаковская юстиция вплоть до погожих весенних дней, когда снова стали возможны «работы на местности» близ Коптяков и Алапаевска.

И вот уже второе лето ведутся поиски с помощью багров, крючьев и насосов. Изрыты многие десятины леса. Выкачали воду из 29 шахт. Кой-какую сувенирную мелочь Соколов собрал, но на край болота, где были зарыты недогоревшие останки, так и не набрел. Вместе со своими помощниками роется он в зарослях кустарника, подбирая то пуговицу от брюк, то кусок погона с царским вензелем; каждую находку актирует, фотографирует, направляет на экспертизу, присоединяет к своей коллекции как вещественное доказательство, но, если кто-нибудь спросил бы его, какая именно сторона дела такой пуговицей или пряжкой проясняется, он не мог бы ничего внятного ответить.

Урочище Четырех братьев искатели покидают, когда на коптяевской лесной опушке уже замаячили красные конники. Это были передовые разъезды одного из полков Красной Армии, развернувшей летом 1919 г. на Восточном фронте успешное контрнаступление. 13 июля части 5-й армии освободили Златоуст, тем самым открыв себе ворота на равнину Западной Сибири. Пока 5-я армия проводила Златоустовскую операцию, 2-я и 3-я армии перешли в атаки на Екатеринбургском направлении. Пройдя от Кунгура двухнедельный путь тяжелых боев, советские войска 14 июля вступили в Екатеринбург.

Позднее, в эмиграции, Соколов объяснял настойчивость своих поисков тем, что их якобы «требовала» и «результатов их ждала потрясенная Россия». На стороне красных, писал он, «прятались цареубийцы», сражались же против них «истинно русские простые люди», жаждавшие «рассчитаться за безвинно убиенного императора»⁶. Вторит Соколову западная пресса: «отступление и крах сибирской белой армии были для ее солдат крушением надежд на отмщение за погибшего царя»⁷.

В действительности покотившуюся на восток колчаковскую армию осыпало проклятиями все трудовое население Урала и Сибири, оплакивая гибель от рук белогвардейщины своих близких и родных.

Ужасы белого террора открыли глаза многим из тех сибиряков и уральцев, кого Колчак силой загнал в свое войско. О том, каково было подлинное отношение этих простых людей к идеям и практике монархической реставрации, свидетельствуют многочисленные письма и записки, которыми солдаты колчаковских полков усеяли пути своего отступления. Вот некоторые из бесхитростных человеческих документов, подобранных в те дни в траншеях и на полях боев красными разведчиками (полностью соблюдены орфография и пунктуация оригиналов):

Товарищи красноармейцы.

Если вы не расстреливаете тогда догоняйте и выручайте нас от золотых погонов. Оно хотя нас очень много да организации нету и нельзя ничего сделать. Не все так понимают.

Товарищи, довольно нам проливать крестьянскую жизнь. Давайте жить мирно мы находим ваших прокламаций а все верели, но знаете все как то опасно.

Писал стрелок

Добрый день товарищи красноармейцы

Приветствуем вас за ваши блестящие успехи. И шлем все насильно мобилизованные фронтовики Тобольской губернии вам горячий привет с пожеланием всех благ в мире.

Мы чувствуем что близок час расправы над колчаковщиной вам нужно навести на них сейчас последние могучие удары и армия Колчака рухнет. Просим вас товарищи красноармейцы воодушевлять малодушных, поднять воинственный дух в Красной армии... Ну досвидание товарищи надо удержать.

Да здравствует Красная армия.

Да здравствует Всероссийская Советская Федеративная Социалистическая Россия.

Солдаты Сибиряки

Товарищи.

Напирайте попуше, и тем более старайтесь обходом захватить нас в плен сейчас солдаты все расстроены и все готовы покинуть Колчака и прочих приспешников царского режима. Но только одно не может подняться дух всердцах нашей темноты. Под страхом кракодилов и посредству ихних царских плетей и расстрелов нам приходится пока остатца в рядах белой банды. Но это будет не долго скоро настанет расправа над буржуазией. Мы все знаем, что мы идем под палкой насильно мобилизованные чехами и золотопогонщиками, нас много побили в Тюмени в восстании против царских погонов.

Отпечатайте наше не складное писание в прокламацее чтобы знали все товарищи как мы воюем.

Да здравствует Совет

Мир хижинам.

Война дворцам.

Солдаты тоболяки⁸

Такими письмами, как пунктиром, отмечен был путь бегства колчаковского воинства из Екатеринбурга, Алапаевска, Омска, Красноярска, из других городов и селений, где на костях народных справляли монархисты поминки по императору.

ФИНИШ В САЛЬБРИ

Тем же пунктиром мечен и след Соколова. В обозе распадающегося белого воинства тащился он в направлении, обратном недавнему переезду бывшего царя, увозя с собой на восток ящики и коробки, набитые «вещественными доказательствами».

Эту коллекцию он намеревался представить своему патрону, но свидеться им больше не довелось. Пока следовательно пробирался на восток, ежечасно рискуя попасть вместе со своим багажом в руки красных партизан, не стало и Колчака.

Ну что же. Нет «верховного правителя», но есть выданный им мандат.

Уже рады были бы отвязаться от следователя его попутчики по «великому драпу» — увы, трудно, даже невозможно. Он и в пути, пробираясь в Харбин, продолжает опрашивать, активировать, протоколировать. Пристает к удирающим вместе с ним, требует от них показаний и признаний, сыплет вопросами и угрозами. Пополняет личные дела и досье. Преследует бегущих белых генералов новыми проектами поисковых работ, требует новых ассигнований. От него отмахиваются: ладно, хватит. Угомонитесь, Николай Алексеевич. Не до вас. Отстаньте ради бога. Уносили бы по-хорошему ноги. Спасайся, кто может. Нет, не отстают. Все что-то свое твердит: раскопки, очные ставки...

Накопленный им скерб вначале немалый: ему выделен целый вагон. По мере углубления в сибирские и дальневосточные просторы багаж становится все легче и в объеме меньше: уместается в одном купе и наконец втиснут в угол купе. Сокращали груз в спешке бегства постепенно, разбрасывая пакеты по обочинам дорог, кидая свертки под откос. Кое-что из своей коллекции все же вывез...

19 марта 1920 г. на харбинском вокзале появились три спутника, каждый нес по небольшому ящику, вынутому из автомобиля у вокзального подъезда. Вскоре показался и четвертый. Вместе пошли через рельсы к составу, стоявшему в тупике. Это был поезд генерала Жаннена. Пришедшие вызвали дежурного офицера и попросили его передать генералу, что «в соответствии с ранее достигнутой договоренностью» доставлены и должны быть приняты для отправки из Маньчжурии екатеринбургские «священные реликвии». Офицер ушел, вернувшись, сказал, что генерал разрешает. Трое были: Дитерихс, Соколов и Жильяр, четвертый — Вильтон.

Содержимое ящиков, вывезенных Жанненом из Маньчжурии, было излюбленной темой рассказов Соколова в эмиграции. Благоговейно перечислял он уцелевшие в бегстве накопления, хотя нечем здесь любоваться, нечему умиляться. Среди них не было ничего, что было бы в хвалу или к чести тех, кому они принадлежали.

«Я нашел в доме Ипатьева в уборной за верхней частью трубы книжечку с шифрами государыни и государя. Это был английский код. В нем в порядке алфавита обозначены были вымышленные слова, которыми зашифровывались нужные понятия... Достаточно посмотреть эту книжечку, — поясняет Соколов, — чтобы понять, какое громадное влияние оказывала до революции императрица на все дела государственного управления. В книжечке зашифрованы были собственноручно государыней как вопросы управления, так и имена государственных и общественных деятелей: роспуск Думы, перерывы в ее занятиях,

мятежи, беспорядки, Алексеев, Рузский, Гурко, Безобразов, Протопопов, Пуришкевич, Милюков и многое, многое другое. И вместе с тем зашифрованы были даже такие слова и фразы, как «любовь», «поцелуй», «я люблю вас» и т. д. и т. п.»

Тяготение Александры Федоровны к шифру и нежностям запечатлено было и в других документах, подобранных Соколовым, и на прочих страничках той же записной книжки, даже на ее титульном листе.

Другие находки — вещи, обнаруженные в яме при доме Ипатьева: генеральский погон... портретная рамочка, на обороте клеймо «Эдуард Аккерман, Берлин»... Остатки фотографий — портреты родителя и брата государыни... Дамский зонтик с гравировкой «Alix. 1891»... Топазы от ожерелий — были подарены Распутиным... Иконы Распутина с его надписями... Маленькая обгорелая игральная карта — восьмерка бубен... Кусочек кожи от свиного окорока... Вставная челюсть... Стекло от очков императрицы — назначены были тобольским доктором, так как от слез стала страдать глазами... Два бриллианта, сапфир, два альдимандина, два диаманта, тринадцать круглых жемчужин... Приходо-расходная книжечка в сафьяновом переплете — начата в феврале 1912 и закончена в июле 1917 г. Много было в соколовских ящиках разной мелочи: пряжек, пуговиц, застежек, подвязок и т. п.

Впрочем, коллекция вскоре исчезла. В. Александров утверждает, что коллекция, пройдя по рукам спекулянтов, осела в сейфах нью-йоркского Манхеттен-банка. А один ящик (с тобольскими и екатеринбургскими фотонегативами царской четы) ему, Александрову, якобы удалось перекупить у некоего парижского спекулянта Гурвича. Последний же приобрел этот ящик в Париже на распродаже вещей Н. А. Орлова после его смерти. В подтверждение приводимых ими версий исчезновения соколовской коллекции и Александров, и Вильтон ссылаются на опубликованные в свое время в зарубежной печати выступления отставного генерала Жаннена и его секретаря Ксавьера де Хотклока⁹.

Казалось бы, все ясно. Поисковая эпопея закончилась. Дитерихс бежал в Японию, оттуда перебрался в Шанхай, где и канул бесследно. Соколов подался в Берлин, потом в Париж. Жильяр возвратился на родные берега Женевского озера. Больше нечего делать, кажется, и бывшему главному следователю. Ан нет. Следствие, оказывается, еще не кончилось.

Организованный антантовскими лидерами антибольшевистский крестовый поход, военный и пропагандистский, продолжается. Наряду с амуницией, солониной и всяческой интендантской ветошью, поставляемой очередным рыцарям этого похода — Пилсудскому и Врангелю, бойко котируются на западной интервенционистской бирже басни об ужасах большевизма. Учтя конъюнктуру, наперебой предлагают такой товар бер-

лые белогвардейские «великомученики». Суетятся вокруг антантовских информационных центров, лова на лету центы и сандимы, бывшие герои белой мечты, с разных сторон подбрасывают горячее в чадные костры иностранных наветов на свою бывшую родину.

В унисон этой компании Соколов на основании мандата за подписью «верховного правителя» заявляет — и бульварная пресса делает его претензиям рекламу, — что «возобновляется следствие по делу об убийстве царя». Поскольку же Коптяки находятся теперь вне пределов его досягаемости, он вынужден переключить свое внимание на свидетелей, имеющихсся под рукой, намерен подвергнуть серии опросов своих коллег по эмиграции, прежде всего ее лидеров. Пусть поведают их высокопревосходительства и высокопреосвященства, как прегрешили они перед покойным императором, как оставили его без должного ограждения на произвол судьбы. «Главный следователь» фиксирует и протоколирует. Изводит стопы бумаги, описывает сотни страниц, устраивает очные ставки и экспертизы. Набухают новые папки старых досье.

В 1920—1922 гг. предстали перед Соколовым и дали ему показания: Г. Е. Львов, А. Ф. Керенский, В. А. Маклаков, В. И. Гурко, А. В. Кривошеин, Д. Б. Нейдгардт, А. Ф. Трепов, бывший начальник главного управления почт и телеграфов Б. В. Похвиснев, Н. Е. Марков 2-й, бывший заместитель Керенского по министерству юстиции П. Н. Переверзев, кадетский лидер П. Н. Милоков (дважды). И еще дали показания: фрейлина А. А. Вырубова, графиня Н. С. Брасова (Шереметьевская), дворцовый комендант В. Н. Воейков, экс-гетман генерал Скоропадский, бывший военный министр В. А. Сухомлинов, бывший военный и морской министр во Временном правительстве первого состава А. И. Гучков, бывший председатель Государственной думы М. В. Родзянко, В. В. Шульгин, иеромонах Илиодор (Сергей Труфанов), поручик Б. Н. Соловьев, великий князь Д. П. Романов, князь Ф. Ф. Юсупов, балерина М. Ф. Кшесинская. Все эти подследственные, повинувась ордеру Колчака, приняли участие в соколовском раскрытии «тайны гибели династии», хотя особой тайны, собственно говоря, не было. Натерпелась от них Россия досыта, до отвала и в подходящий исторический момент постаралась освободиться и от власти монарха, и от них самих.

Свои сеансы вопросов и ответов бывший омский следопыт устраивал до тех пор, пока однажды не обнаружил, что его... обокрали. Его бывший шеф Дитерихс, располагая (в копиях) основными материалами следствия 1918—1919 гг., издал на Дальнем Востоке в 1922 г. объемистое двухтомное сочинение «Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале». Правда, к тому времени Дитерихс был не первым и не единственным автором, заговорившим о событиях в Ипатьевском доме.

Первые сведения (искаженные или вымышленные) о екатеринбургском финале царской семьи опубликовал 18 июля 1920 г. Пьер Жильяр в журнале «L'Illustration». Почти одновременно с такими же примерно «достоверными» сведениями выступил Роберт Вильтон. Затем последовали публикации: «Убийство царской семьи и ее свиты. Документы» (Константинополь, издательство «Русская мысль», 1920); «Убийство царской семьи. Материалы комиссии, учрежденной приказом Верховного правителя» (без указания места издания, 1921); «Die Ermordung der Zaren und seiner Familie dargestellt auf Grund von offiziellen Protokollen der Kolttschakischen Gerichtskommission» (Лейпциг, 1921). Выходили и «художественные» произведения, например «Смерть императора Николая II. Драма в четырех действиях» (Владивосток, 1921). Появились в 20-х годах и другие издания на ту же тему — в Берлине, Париже, Лондоне, Белграде, Праге, Харбине, Стамбуле.

Поступок бывшего генерала показался бывшему следователю крайне нескромным, посему Соколов прекратил допросы и в свою очередь сел писать книгу. Дни и ночи сочинял, погрузившись в свое досье, торопился наверстать упущенное. От натуги ли, от огорчения ли, но следователь, не закончив книгу, отдал богу душу. Сподвижники проводили его на кладбище глуховатого местечка Сальбри под Руаном, на могиле поставили деревянный крест с меланхолической надписью: «Правда твоя». Потом, с год спустя, незавершенное сочинение дописали и выпустили в свет на нескольких языках¹⁰.

Что общего с правдой было у Соколова, засвидетельствовали как следы крови и грязи, оставленные им в России в 1919 г., так и литературные следы на Западе в виде серии книг, полных непролазной лжи и неутоленной злобы.

В каких отношениях с правдой состояли Соколов и его коллеги, показал тогда же его ближайший приятель Роберт Вильтон. Свою книгу о Романовых он снабдил столь гнусной антисоветской фальшивкой, что по требованию возмущенной английской общественности вынуждены были выгнать его из редакции даже хозяева газеты «Таймс». Он поместил в своей книге фотоснимок с надписью: *Красная инквизиция на Урале. Комната пыток, оборудованная красными комиссарами... На столе, возвышающемся на помосте, виден набор различных орудий пыток* (намекалось, что здесь якобы пытали членов царской семьи).

В действительности на снимке виден украшенный лозунгами и транспарантами обычный красный угол, какие были уже тогда на многих предприятиях и в учреждениях, а красующиеся на столе на клубной сцене «орудия пыток» — это председательский колокольчик, графин с водой и стакан.

Еще один поборник той же соколовской правды, белоэмигрантский писатель Брешко-Брешковский, в одном из своих изданных в веймарской Германии романов поведал, как Юровский и Ермаков в июле 1918 г. представили Президиуму ВЦИК головы казненной царской четы. Оказывается, стараниями Соколова была раскрыта тайна: будто бы большевики в первые годы революции практиковали такую форму отчетности о проделанной работе, как предъявление начальству отрубленных голов... На представ-

ленные головы вышестоящие комиссары косятся недоверчиво. Но Юровский настаивает: «Каких доказательств вы можете еще требовать? Вот ее императорское величество, вот его императорское величество... И Юровский опустил головы до земли...»¹¹

Уж на что притерпелись к Брешко-Брешковскому его коллеги по антибольшевистскому ремеслу, а и тех стало слегка поташнивать. Один из них, беллетрист Борис Зайцев, в сердцах сказал: — Эва, как паскудно разбрехался Брешка!

Под знаком такой правды орудовали они на следствии и затем на страницах западной бульварной прессы, пока не перехоронили друг друга на заграничных кладбищах.

Брешки нет, но есть Хойер и Мэсси и иные новоявленные советологи. Продолжена в издательских конторах Гамбурга и Нью-Йорка брешкина литературная традиция. Перехвачены и трактуются на все лады, но только с позиций антисоветизма, материалы колчаковского следствия.

ЧТО ПРИВЛЕКЛО
ЕГО ВНИМАНИЕ

Иных уж нет, а те далече...

Морозы в декабре ударили крепкие. На втором этаже прохладно, $+10^{\circ}$. Только в комнате Алексея солдаты топили получше. Студеным утром отставной император сидит в кресле, укутавшись в шинель. Он с увлечением читает, но перед домашними не хочет обнаружить интереса к этой книге.

В эти дни в его дневнике появляются записи: *Начал читать «Девяносто третий год» Виктора Гюго... Продолжаю чтение исторического романа Гюго... Кончил первый том «1793»... Перехожу к следующей части поразительного и жуткого повествования Гюго.* И еще несколько заметок в этом же роде¹.

Позднее прапорщик Малышев подобрал эту книгу, рассказывал: карандашом испещрены поля, отчеркнуты строки, абзацы, некоторые страницы. Значит, читал внимательно и отметил то существенное, что должно было его тогда заинтересовать².

Подчеркнуты строки: **Этот человек в нашей власти... Длань революции опустилась на Каина; рука 93-го года крепко держит за шиворот убийцу... Пробил час; революция взяла в плен врага общества; отныне он не может вредить...**

Не узнал ли он себя? Или, может быть, своих генералов — Корнилова, Деникина, которые его спасут?

Он ждет от ночи к ночи появления заговорщиков, которые мерещатся ему, отвратят гибель от него. А возможно, его просто пощадят?

Его внимание привлекают следующие строки: **С каким рвением возьмется он вновь за свое старое дело... С какой радостью вновь окунется в пучину ненависти и войны... С каким наслаждением уже завтра будет он любоваться пылающими хижинами, убитыми пленниками, приконченными ранеными, расстрелянными женщинами...**

Пощадив его, они вынуждены будут начать все сначала... ибо гидра остается гидрой, ибо он не успокоится до тех пор, пока ему не удастся вновь навалить на страну могильный камень монархии... Его жизнь — это гибель тысяч и тысяч ни в чем не повинных людей, погруженных в водоворот гражданской войны... это разграбленные города, истерзанный народ, залитая кровью Брестань — добыча, вновь попавшая в когти хищника...

Думал ли тобольский арестант, что вынужденное путешествие из Царского Села на восток в конце концов завершится для него Ипатьевским домом? Мог ли он представить себе, что где-то маячит для него эшафот?

Вчитываясь в страницы Гюго — мог.

Теперь он пойман... после долгих месяцев избияния и резни он здесь, этот убийца, и теперь настал его черед умереть. Так неужели же у кого-нибудь поднимется рука для его спасения?

Остаются только две возможности — как поступить с этим человеком. Или убить его, или вернуть ему свободу. Убить его? Какая мука. Дать ему свободу? Какая ответственность.

Прямых аналогий здесь нет. Их и не может быть. Другая эпоха. Другая страна. Противоборствуют и решают исход борьбы другие социальные и классовые силы. Иные их девизы, иные их исторические цели — несравнимые, почти несопоставимые... И все же...

Как правило, западные авторы, пишущие о конце Романовых, утверждают, что рокового исхода никто из них не мог себе представить; якобы и финал, и все ему предшествовавшее свалилось на Николая неожиданно, как гром среди ясного неба; никакой связи между поведением царя и екатеринбургской концовкой нет. Николай стал безвинной жертвой стечения роковых случайностей — сам он не мог их предвидеть, и некому было его предостеречь.

Неправда. Николаю о возможности этого конца говорили. Предупреждали, что его правление может плохо для него кончиться, даже может стоить ему головы.

Лет этак за десять до екатеринбургского финала А. В. Кривошеин составил для царя предостерегающую записку о брожении в империи. Для убедительности напомнил, как Людовик XVI попал на плаху. Николай переадресовал докладную в Государственный совет с резолюцией: *Обратить особое внимание*. Потом старейшине Фришу как-то сказал: «Тут Кривошеин в докладе нагородил всякого вздору».

Но «вздор» знаменитого французского прецедента напрашивался еще не раз. В день Ходынки на балу у посла Монтебелло подошел к царю генерал Буадёффе. «Эти несчастные случаи, — сказал отеческим тоном, подходя к государю, генерал, — бывают везде. Например у нас во Франции во время коронации Людовика Шестнадцатого... И не кончил... Он почувствовал, как вокруг воцарился полярный холод ужаса, и конец этой фразы застрял у него в горле»³.

За 16 лет до Екатеринбурга Л. Н. Толстой призывал Николая II опомниться, подумать о грозящих ему лично последствиях того, что делается им и его правительством. Писатель советовал ему подумать о своей безопасности⁴.

По свидетельству Александра Блока, за 8 лет до Екатеринбурга адмирал Нилов, любимец царя, стоя в нескольких шагах от него, сказал в кругу придворных: «Будет революция, всех нас перевешают, а на каких фонарях — не все ли равно».

«Мы переживаем самый опасный момент в истории России, — писал царю за 18 месяцев до Екатеринбурга его родственник

великий князь Александр Михайлович (отец Ирины Юсуповой). — Какие-то силы ведут тебя к неминуемой гибели»⁵.

За 17 месяцев до Екатеринбургa, в феврале 1917 г., на приеме у Николая II М. В. Родзянко советует ему:

— Ваше величество, спасайте себя. Мы накануне огромных событий, исхода которых нельзя предвидеть. То, что делаете вы и ваше правительство, до такой степени раздражает население, что все возможно...

— Молитесь, ваше величество, — твердит Родзянко. — Молитесь усердно... Шаги, вами предпринимаемые, могут оказаться для вас роковыми...

— Ваше величество, — говорит Родзянко, — я ухожу в убеждении, что это мой последний вам доклад.

— Почему же?

— Я полтора часа докладываю вам и по всему вижу, что вы намерены и дальше идти по тому же пути. Я вас предупредил. Я убежден, что не пройдет и трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет вас, и вы уже не будете царствовать.

— Откуда вы это берете?

— Из всех обстоятельств, как они складываются... Вы, государь, пожнете то, что посеяли.

— Ну, бог даст, все образуется.

— Бог ничего не даст. Революция неминуема.

С первых дней революции народ требовал правосудия. Добивался суда над Романовыми. И добился. И сам выдвинул судей.

Проблему устранения Романовых с пути России, устремившейся в лучшее будущее, эти судьи, стражи революции, разрешили мужественно и смело, действуя в огненном кольце, перед сонмом врагов.

Недруги нашей страны говорят о екатеринбургском финале:

— Подобное возможно только в России... Это могли сделать только большевики.

Нужно ли напоминать о судьбе Людовика XVI во Франции? Или о других исторических примерах, когда революционный народ выносил беспощадный приговор своим угнетателям?

ПО ДЕЛАМ ВАШИМ ВОЗДАСТЯ ВАМ

Не стоит преуменьшать: страшен был конец Романовых. Но, как было однажды замечено, ужас их смерти бледнеет перед ужасом их жизни. Почитателей Священного писания предупреждали: по делам вашим воздастся вам. Они продолжали свое. И им воздалось.

Приговор Романовым вынес Уральский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, возглавляемый большевиками. Но в составе Совета были не только большевики. И стояла за ним огромная масса трудового населения не только Урала,

но и всей великой России. Волей народных масс, поднявшихся на революционную борьбу за освобождение от гнета царизма, было продиктовано решение от 12 июля 1918 г. Большевики выполнили справедливое требование народа, выдвинутое сразу же после свержения царского самодержавия.

Последнее подтвердил А. Ф. Керенский. По его словам, когда он через пять дней после отречения Николая поднялся на трибуну Московского Совета, со всех сторон слышались требования казнить бывшего царя. «Я сам 7 (20) марта в заседании Московского Совета, отвечая на яростные крики: «Смерть царю, казните царя», сказал: «Этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу в Англию. Я сам доведу его до Мурманска». И далее: «Смертная казнь Николая Второго и отправка его семьи из Александровского дворца в Петропавловскую крепость или в Кронштадт — вот яростные, иногда иступленные требования сотен всяческих делегаций, депутатов и резолюций, являвшихся и предъявлявших их Временному правительству, и в частности мне, как ведавшему и отвечавшему за охрану и безопасность царской семьи»⁶.

Подтвердил это Керенский в эмиграции Соколову: «Возбужденное настроение солдатских масс и рабочих Петроградского и Московского районов было крайне враждебно Николаю. Раздавались требования казни его, прямо ко мне обращенные. Протестуя от имени Временного правительства против таких требований, я сказал лично про себя, что я никогда не приму на себя роль Марата. Я говорил, что вину Николая перед Россией рассматривает беспристрастный суд. Самая сила злобы рабочих масс лежала глубоко в их настроениях. Я понимал, что дело здесь гораздо больше не в самой личности Николая Второго, а в идее царизма, пробуждавшей злобу и чувство мести». И добавил, что, если бы Романовых не отправили в Тобольск, «они погибли бы и в Царском Селе не менее ужасно, но почти на год раньше»⁷.

Засвидетельствовано, таким образом, вполне авторитетным для такого случая действующим лицом, что Романовым грозила расплата смертью и в те дни, когда большевики еще не были у власти, когда царскую семью еще охраняли Корнилов и Кобылинский, когда о ней заботился сам глава тогдашней власти Керенский.

Верно, что корни враждебного отношения народных масс к бывшему императору лежали глубоко, что им ненавистен был царизм. Но очевидна несостоятельность попытки отделить личность Николая от царизма. А «злоба и чувство мести» рабочих масс, конечно, выдумка. Такие эмоции и побуждения были характерны не для масс, а для самих Романовых. Отношение народа к низвергнутой династии определялось не жаждой мщения, а стремлением — сознательным или стихийным — защитить

революцию, подрубить корни царизма, отвратить угрозу монархической реставрации.

Угроза эта была реальна. Белыми армиями командовали царские генералы; «белое движение» возглавляли люди, открыто прокламировавшие как цель возвращение царя. Да и сами Романовы верили, что с помощью белых и интервенционистских армий они вернутся на трон. Их переписка тех дней, записи в дневниках пронизаны уверенностью, что «все это ненадолго». «Когда все это кончится?» — записала в Тобольске Александра Федоровна, выразив тем убеждение, что «кончится» революция, а останутся они, Романовы.

Правда, не всегда было ясно самим белогвардейцам, кого из членов династии целесообразнее провозгласить царем. Очень уж одиозной фигурой был Николай II. Чаше назывались в белом стане имена Михаила, Николая Николаевича, Алексея. Последний, лично не запятанный кровавыми злодеяниями царизма, представлял наибольшую потенциальную опасность для революции.

Репутация же у Николая II сложилась более чем определенная... В царствование последнего Романова, писал Горький, погублено русского народа больше, чем «во всех войнах XIX в. Он превзошел знаменитого до него Абдул-Гамида и кровавую славу его затмил... Жестокий и равнодушный ко всему, кроме себя самого и своей жизни, да будет она всегда печальной, насыщенной страхом смерти и мучений совести»⁸. Вопреки этому пожеланию, подсказанному болью за Россию, никто не замечал за Николаем мучений совести, а страх смерти ему довелось испытать только на мгновение, когда он выслушал приговор.

Надо заметить, что такого приговора Советская власть поначалу и не намеревалась выносить. Советской власти с первых дней ее существования претила идея жестоких кар. Там, где приходилось вступать в действие революционному трибуналу, наказания определялись минимальные, зачастую лишь условные. Смертная казнь в первое время после победы пролетарской революции вовсе не применялась. Принципиальным правилом были гуманная сдержанность и великодушие. Достаточно было уличенному врагу пообещать, что он «больше не будет», что от борьбы против Советской власти отказывается, как его отпускали на свободу.

«Нас упрекают, — говорил в ноябре 1917 г. В. И. Ленин, — что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять»⁹.

Подчеркивал принципы гуманности, великодушия, предельной сдержанности как неотъемлемые от Советской власти Ф. Э. Дзержинский. Одна из его инструкций органам безопасности в 1918 г. гласит:

Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовали добро и правда. Но всегда нужно помнить, что

это зло, что наша задача — пользуясь злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем. А потому пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишить человека свободы и держать в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти — рабочих и крестьян и что всякие его окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть¹⁰.

Отвергнув в принципе и с самого начала террор и смертную казнь как методы борьбы, рабоче-крестьянская власть, однако, оказалась вынужденной прибегнуть к этим методам, чтобы не заплатить за великодушные слишком дорогой ценой — своим существованием. Уже 14 января 1918 г. В. И. Ленин в Петроградском Совете призывает рабочих и солдат осознать, что в борьбе с нарастающей контрреволюцией «им никто не поможет, кроме их самих»¹¹. А 21 февраля того же года, когда обозначилось намерение кайзеровских генералов перейти в наступление на Петроград, Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина принимает декрет «Социалистическое отечество в опасности!», восьмой пункт которого гласит: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»¹².

Но в общем до лета 1918 г., т. е. до екатеринбургских событий, случаи тяжелых наказаний насчитывались в Советской России единицами. Обезвреживая своих врагов, Советская власть избегала самой крайней меры — лишения их жизни. Иную позицию заняли некоторые «ультрареволюционные» политические группы, главари которых впоследствии сочиняли небылицы о «большевистских зверствах». Например, левые эсеры устами своего лидера Марии Спиридоновой потребовали анархистского «права» на расстрелы без следствия и суда. Возражая этим людям на V Всероссийском съезде Советов, Я. М. Свердлов 5 июля (т. е. за 11 дней до казни Романовых) говорил: левые эсеры выступают «против смертной казни по суду. Но смертная казнь без суда допускается. Для нас, товарищи, такое положение совершенно непонятно, оно кажется нам совершенно нелогичным». Отстаивая принцип революционной законности и организованного пролетарского правосудия в противовес левозсеровским и анархическим установкам на «эмоциональный» произвол, Я. М. Свердлов вместе с тем заметил, что, конечно, революция в своем развитии может вынудить Советскую власть и к «целому ряду таких актов, к которым в период мирного развития, в эпоху спокойного органического развития» она никогда не стала бы прибегать.

Поскольку не оставалось никаких иллюзий насчет того, почему белые рвутся к дому Ипатьева и как поведут себя Романовы в случае, если интервентам и белоказакам удастся их захватить, Уральский Совет принял кардинальное и единственно возможное в тех условиях решение.

И напрасно Керенский уверял, будто «дело не в самой личности Николая». Народ, взывая к революционному правосудию, требовал прежде всего искупления дел, совершенных царем, царским режимом. Не умозрительным, отвлеченным осуждением абсолютизма был уральский приговор. Это был приговор Романовым по совокупности совершенных ими преступлений. Он отразил стародавние требования всего трудового населения страны.

Как вспоминал позднее редактор газеты «Уральский рабочий», ее читатели в июне — июле 1918 г. засыпали редакцию письмами, в которых выражали беспокойство, «не сбежит ли царь», призывали не допустить его ухода от ответственности (отсюда и опасения анархического самосуда, который в сознании масс приравнивался к избавлению бывшего царя от ответственности). По сообщению прессы, такие призывы, предостережения и опасения звучали в те дни повсеместно на митингах и собраниях трудящихся¹³.

Повинуясь велению народа, уральские и сибирские большевики приняли меры, «чтобы царь не сбежал».

Западная реакционная пропаганда не жалеет красок для их очернения. Особенно изощряется она в инсинуациях в адрес Я. М. Юровского и П. Д. Хохрякова. Последнего мистер Александров называет «случайно очутившимся на посту председателя Тобольского Совета... который столь же внезапно и случайно появился, как бесследно потом исчез»¹⁴.

Нет, Хохряков не случайно появился — он из матросов Кронштадта, поставлявшего революции ее самых бесстрашных бойцов. И не «бесследно исчез»: по возвращении в Екатеринбург он готовит для Красной Армии воинские формирования, а затем во главе отряда уходит на фронт. Сраженный вражеской пулей, он промолвил: «Умираю за революцию. Держитесь, товарищи»¹⁵. Ныне имя Хохрякова носят улицы в Ленинграде, Свердловске, Перми, Тюмени, Тобольске. В центре Перми ему воздвигнут памятник. Бюст его установлен в Центральном военно-морском музее Ленинграда.

Вместе с П. Д. Хохряковым сражался И. Я. Коганицкий. Пал в бою против дутовцев ветеран революции И. М. Малышев. Защищая Петроград от Юденича, погиб Н. Г. Толмачев. Имя его присвоено одной из центральных улиц города великой пролетарской революции. Отдал жизнь за победу Советов Петр Иванович Зенцов.

Таким же было завершение пути многих их соратников по Екатеринбург.

Ничего эти люди для себя лично не искали, о собственном благополучии заботились меньше всего. Не колеблясь, подняли они на Урале меч, вложенный в их руки революцией, а когда пришел час, сами бесстрашно пошли на смерть во имя правого дела.

КАК АУКНЕТСЯ...

Вспоминая о днях февраля, В. В. Шульгин, один из идейных оруженосцев династии Романовых, писал:

Мы ненавидели такой народ и смеялись над его презренным гневом... Не свободы они были достойны, а залпов и казней...

Пулеметов — вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу зверя...

Увы, этот зверь был... его величество русский народ.

Ах, пулеметов сюда, пулеметов!

Николай I повесил пять декабристов. Если Николай II расстреляет 50 000 «февралистов» — это будет задешево купленное спасение России...¹⁶

Будут залпы — спасена Россия. Не будет залпов — пропадет. Что и говорить, выпуклая характеристика отношения царизма к народу.

А ведь древняя пословица учит: как аукнется, так и откликнется. И получилось обратное тому, чего хотели царь и беззаветный его приверженец: не удалось русский народ «загнать обратно в его берлогу», наоборот, русский народ загнал Романовых в Ипатьевский дом и Напольную школу.

Злодеяния их были неисчислимы. Вина перед страной — безмерной. На это указывал В. И. Ленин в «Письмах из далека», написанных перед возвращением из эмиграции в Россию. События, отмечал Владимир Ильич, раскрыли перед миром всю «гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки», «все зверство семьи Романовых — этих погромщиков, заливших Россию кровью...». Ради сохранения своей власти, привилегий, миллионов десятин земли и прочей «священной собственности» эти первые среди русских помещиков всегда готовы были и шли «на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан» страны, волей исторических судеб оказавшихся под властью царизма¹⁷.

Порицали Романовых многие. Предрекали им расплату и революционеры. Л. Н. Толстой проповедовал непротивление злу, но, обличая царизм, отходил от своих догм христианского всепрощения. Он ратовал за избавление людей от «ужаса смертной казни», но, когда заходила речь о царе, готов был сделать для него исключение.

В одной из бесед с Д. П. Маковицким (18 мая 1905 г.) Толстой признается, что прежде резкие отзывы и выражения о царе были ему неприятны, теперь же трудно найти слова, чтобы достаточно резко писать про Николая и ему подобных. Считают царя «священной особой», говорит писатель, но «надо быть дураком, или злым человеком, или сумасшедшим, чтобы совершать то, что совершает Николай». В черновом же варианте газпринского письма Толстой предрекает: если Николай не изменит свою политику и поведение, ему предстоит раньше или позже умереть «насильственной смертью,

оставив по себе и в народе и в истории недобрую и постыдную память». В беседах и записях писатель клеймит «убийцу», «скрытого палача», достойного представителя династии, которая никогда не правила иначе как «избивая и мучая людей». При этом не только предрекает, но и приказывает: «К царю отношение как к убийце. Не нужно особенной жалости». А когда осенью 1905 г. дошел до Ясной Поляны слух, что Николай II, напуганный революцией, бежал из России (в действительности он готовился бежать), Толстой сказал: «Да, не уехать ему нельзя. Людовик XVI казнен был и не за такие провинности»¹⁸.

О своей былой оппозиции царизму не прочь были вспомнить некоторые буржуазно-националистические лидеры панской Польши. О том, как они боролись против Николая II, эти господа рассказывали позднее не без тщеславия. Но вот летом 1924 г. Советское правительство запросило в Варшаве агреман (согласие) на назначение новым послом СССР в Польше П. Л. Войкова. Почти две недели польское правительство медлило с ответом. Наконец сообщило: предоставление агремана ставится в зависимость от роли Войкова в екатеринбургских событиях 1918 г.; требуется «от комиссара иностранных дел Чичерина подтверждение, что Войков к этому не причастен»¹⁹.

Строго говоря, не причастен. Он лишь известил Ипатьева о реквизиции его особняка и, будучи комиссаром продовольствия, заботился о пропитании семейства Романовых, что было делом нелегким по тем временам. О чем Чичерин 4 сентября 1924 г. и сообщил Скиншинскому. Попутно народный комиссар, сам выходец из старинного рода, давшего ряд царских сановников и дипломатов, написал: «Я не помню момента в истории борьбы польского народа против угнетения царизмом, когда борьба против последнего не выдвигалась бы как общее дело освободительного движения Польши и России». По убеждению Чичерина, нет поляка, «который бы не помнил о тех ярких и глубоко прочувствованных стихах, в которых Адам Мицкевич вспоминает о своем близком общении с Пушкиным»; и далее: «Я не сомневаюсь, что Адам Мицкевич был вполне солидарен с известными стихами Пушкина:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу».

Он упоминает в своем письме и «Кордиана» Юлиуса Словацкого, «сцену из этой драмы, где голосами из народа осуждаются на смерть не только царь, но и его семья». В заключение Чичерин выразил убеждение, что все те, кто боролся и пал за свободу России и Польши, «иначе отнеслись бы к факту уни-

чтожения династии Романовых, чем это можно было бы заключить из ваших сообщений»²⁰.

Войков получил агреман. Неполные три года пробыл он на посту советского посла в Варшаве, где под покровительством властей белогвардейцы свили свое осиное гнездо. Правительство Пилсудского могло, конечно, предвидеть, к чему приведет свобода происков и заговоров, предоставленная подпольным монархическим бандам. И одно из их преступлений совершилось 7 июня 1927 г. В тот день на перроне варшавского вокзала белый эмигрант шесть раз в упор выстрелил из пистолета в П. Л. Войкова и смертельно ранил его.

Как само преступление, так и судебный процесс показали, что монархические банды разоружаться не собирались; источник им яд ненависти отравлял атмосферу в Европе, создавая очаги угрозы миру и безопасности у самых советских границ. И хотя суд состоялся и убийца Б. Каверда был осужден, для разоблачения его сообщников и для обличения белогвардейского бандитизма ничего не сделали ни главный прокурор Свионтковский, ни председатель суда Гуминский, ни судьи Козаковский и Скавинский, ни тем более, конечно, выставленная на спасение убийцы адвокатура (Андреев, Надзельский, Паскальский и Этингер, генеральный адвокат апелляционного суда Рудницкий). Встав в позу, террорист на суде заявил перед представителями мировой прессы и международной общественности, что выстрелами в Войкова он «отплатил за Екатеринбург».

Западная антисоветская пропаганда не упускает случая сказать доброе слово о Каверде, а кое-кто не стесняется сказать, что его пули «попали куда надо». В. Александров называет эти выстрелы «точными», «совершенно верными», поскольку «причастность Войкова к событиям в Ипатьевском доме ни прежде, ни сейчас не вызывает ни у кого сомнений». Этот советолог однажды побеседовал с Кавердой... в Нью-Йорке. Конечно, десять лет сидения за тюремной решеткой «наложили свою печать» на данного субъекта. Но жалеть не о чем. Сказали ему тогда стрелять — он и стрелял. Кто сказал? «Еще рано разглашать имена соучастников, — пояснил Каверда, — но придет день, и я их назову». Пока же он засвидетельствовал, что «действовал не один и оружие дали ему антисоветские, антикоммунистические организации»²¹.

Новейшее изделие мастерской антисоветского подлога — так называемые «Записки Войкова», имеющие хождение на Западе. Содержание этой фальшивки — детальное описание всяких ужасов, в центре которых стоит Войков. Дикая стряпня, которая заставила бы позеленеть от зависти самых беззастенчивых подручных из кухни Йозефа Геббельса.

Соболезнуют Романовым. Расписывают их «мытарства». Клянут их «тюремщиков». Десятилетиями оплакивают кончи-

ну бывшего императора; хотя для них жизнь простого человека вообще не имеет никакой цены, однако давно было замечено, что ценность жизни рабочего или землепашца не ниже, а зачастую выше ценности иной августейшей особы — как честный труженик выше, порядочнее и благороднее тунеядца.

Из этого не следует, что совершившееся в Ипатьевском доме и за Верхне-Синячихинским заводом порадовало кого-нибудь в те времена или позднее. Уральскую концовку династии предопределила печальная, но неотвратимая историческая необходимость. В массе населения страны, которую силы контрреволюции ввергли в пучину гражданской войны, известие об екатеринбургском финале Романовых мало кого задело за душу.

Официальное сообщение о приведении в исполнение приговора Уральского Совета поступило в Президиум ВЦИК 18 июля. Вечером в Кремле заседал Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина. С докладом о проекте новой системы народного здравоохранения выступал народный комиссар Н. А. Семашко. Вошел в зал и присел на стул позади председательствующего Я. М. Свердлов. Выждав паузу, Свердлов наклонился к Ленину и что-то ему сказал. Владимир Ильич объявил:

— Товарищ Свердлов просит слова для сообщения.

В своем обычно спокойном тоне Свердлов сказал:

— Я должен заявить следующее. Из Екатеринбурга получено сообщение о том, что по постановлению Уральского областного Совета там расстрелян бывший царь Николай Романов. Как установлено, он хотел бежать. К городу подступают чехословаки. Заседавший сегодня Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановил: решение и действия Уральского Совета признать правильными.

На минуту воцарилось молчание.

— Перейдем к постатейному чтению проекта о здравоохранении, — предложил Владимир Ильич.

Началось постатейное чтение проекта²².

Это и была последняя черта под последней главой трехсотлетней истории злодеяний, совершавшихся в России под родовым знаком династии Романовых.

ИНЦИДЕНТ В ЛИССАБОНЕ

19 января 1908 г., в шестом часу вечера, король Португалии Карлуш I вместе со своей семьей, возвращаясь из загородной резиденции в столицу, подвергся нападению группы республиканских заговорщиков. Король и престолонаследник были смертельно ранены и скончались по дороге в госпиталь.

В том, кто и как реагировал на лиссабонский инцидент,

отобразилась палитра международной политической жизни во всем многообразии ее тонов и полутонов.

Британское адмиралтейство направило к Португалии военную эскадру, приказав на подходе к Лиссабону расчехлить орудия.

Николай II послал вдове телеграмму сочувствия и солидарности. Такую же телеграмму послал Вильгельм II.

В Петербурге наблюдалось паломничество в португальское посольство высшей знати и представителей власти (председатель Совета министров Столыпин, великие князья, члены кабинета, сенаторы и генералы, от имени Государственной думы ее председатель Н. А. Хомяков).

На заседании германского рейхстага, когда его председатель выступил с сочувственной и хвалебной речью в адрес Брангунской династии, социал-демократы в знак протеста покинули зал; правые фракции разразились им вслед бранью и проклятиями.

Председатель парижской палаты депутатов Бриссон в своем слове заявил, что не найдет ни одного француза, который не осудил бы случившееся в Лиссабоне. Социалист Санбо крикнул с места: «Этот акт вызван преступлением диктатуры!» Бриссон дважды лишал Санбо слова. Левые ответили бурей возмущения и протеста²³.

Социалисты в европейских парламентах, писал Ленин, «выразили, кто как умел и кто как мог», свое сочувствие португальскому народу и республиканцам, свое отвращение к правящим классам. Одни прямо заявили о своих взглядах, другие ушли, чтобы не присутствовать при выражении симпатий к португальской монархии, а вот «Вандервельде в бельгийском парламенте выбрал «средний» — самый плохой — путь, вымучив из себя фразу, что он чтит «всех мертвых», т. е., значит, и короля, и убийц его. Надеемся, что Вандервельде останется одинок среди социалистов всего мира»²⁴.

Петербургская буржуазная пресса ругательски ругала португальских республиканцев, в самых неистовых тонах требовала подавления крамолы, чтобы не могло произойти нечто подобное и в России. Но уже в те дни было очевидно, что само по себе лиссабонское покушение чего-либо существенного в политическую жизнь Португалии и Европы не внесло.

Акт индивидуального террора совершился — не изменилось ничего. Что и подчеркнул вождь большевистской партии В. И. Ленин в статье «О происшествии с королем португальским», опубликованной в газете «Пролетарий» 19 февраля 1908 г.

В начале статьи Ленин полемизирует с буржуазной прессой, которая, «обсуждая умерщвление португальского авантюриста», в своих органах, «даже самого либерального и «демократического» направления, не может обойтись без черносотенной морали». Да, отмечал Ленин, «приключение с королем порту-

гальским является поистине «профессиональным несчастным случаем» королей». Но буржуазная пресса предпочитает видеть в происшедшем народ, объявляя его морально выродившимся, приписывая ему «необъятное чувство ненависти». «О, гг. либеральные лицемеры! — восклицал Ленин. — Отчего это не провозглашаете вы моральными вырожденками тех», кто до сих пор ненавидит и бешено бранит не только коммунаров 1871 г., но даже деятелей 1793 г.? Борцов не только пролетарской, но даже и буржуазной революции? Оттого, что «нормальным» и «моральным» для современной буржуазии и ее лакеев «является «добродушное» перенесение народом каких угодно бесчинств, гнусностей и зверств со стороны коронованных авантюристов».

И далее Ленин переходит к главному уроку случившегося. Мы, говорит он, «можем пожалеть об одном: о том, что республиканское движение в Португалии недостаточно решительно и открыто расправилось со всеми авантюристами. Мы жалеем о том, что в происшествии с королем португальским явно виден еще элемент заговорщического, т. е. бессильного, в существе своем не достигающего цели, террора при слабости того настоящего, всенародного, действительно обновляющего страну террора, которым прославила себя Великая французская революция».

Ленин пророчески предсказывал, что «республиканское движение в Португалии поднимется еще выше»*. «Сочувствие социалистического пролетариата, — писал он, — всегда будет на стороне республиканцев против монархии». И вместе с тем подчеркивал: «Но до сих пор в Португалии удалось только *напугать* монархию убийством двух монархов, а не *уничтожить* монархию».

Опытом русской революции, учил Ленин, доказано, что борьба за уничтожение монархии неразрывно связана в России с борьбой за землю для крестьян, за свободу для всего народа. Следуя этим путем, указанным Лениным, русская революция и дала подлинно основательное решение. Она не «пугала» ни монархию, ни ее представителей из царствовавшей династии, а вырвала то и другое из русской почвы с корнем, раз и навсегда.

Немногим менее четырех лет спустя, в декабре 1911 г., в другой работе — «О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы» — Ленин подчеркивает: история России, многовековая история царизма сделала то, что в начале XX в. «у нас нет и *не может быть* иной монархии, кроме *черносотенно-погромной монархии*». Несовместимость царизма с элементарными понятиями свободы очевидна. Либеральные дурачки болтают о примере конституционной монархии вроде Англии. И Ленин отвечает им: да, если в такой стране, как Англия, которая не знала ни монгольского ига, ни гнета бюрократии, ни разгула военщины, «понадо-

* Предсказание, сбывшееся скорее, чем можно было ожидать. К концу 1910 г. вооруженное восстание смело португальскую монархию. Король Мануэл II бежал в Англию. Португалия была провозглашена республикой.

билось отрубить голову одному коронованному разбойнику», чтобы обучить «конституционности» королей, то в России «надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых», чтобы отучить их преемников от преступлений²⁵.

Революция ограничила число казненных Романовых восемнадцатью, развеяв их прах в отрогах Уральских гор и в Невской дельте.

Из пятнадцати членов царской семьи, оказавшихся в 1918 г. на Урале, осталась в живых только жена великого князя Ивана Константиновича Елена Петровна (Елена Сербская). Четверо великих князей были казнены в Петрограде в январе 1919 г. в дни красного террора, которыми республика ответила на белый террор. Бежали за рубеж те члены династии, которым удалось выбраться из центра страны (главным образом на юг, в Крым) весной и летом 1917 г.

ПРИНЦЫ И НИЩИЕ

Судьба августейших эмигрантов столь естественно вписывается в историю краха династии, что кажется уместным вкратце о ней рассказать.

В апреле 1919 г. 72-летняя мать последнего царя Мария Федоровна, ее дочери Ксения и Ольга, а также присоединившийся к ним Николай Николаевич были взяты у ялтинского побережья на борт британского крейсера «Мэрлборо», присланного сестрой Марии Федоровны английской королевой Александрой (матерью короля Георга V). Кораблем командовал вице-адмирал Фрэнсис Придхэм, описавший тот памятный рейс в книге, изданной в 1956 г.²⁶ Он доставил названных лиц и еще нескольких сопровождавших их пассажиров в Лондон, откуда они разбрелись по своим направлениям, кто куда.

Мария Федоровна нашла приют в Копенгагене в одном из флигелей дворца своего племянника короля Христиана X*. Уже упоминалось выше, что она приехала в Россию в 1864 г. невестой старшего сына Александра II престолонаследника Николая. Когда же последний скоропостижно скончался, невеста досталась его брату (будущему Александру III) вместе с титулом престолонаследника. Они поженились в 1866 г. Их первенцем и был Николай II. В силу своей амбиции экс-императрица поладить с племянником не сумела. Примешались и материальные обстоятельства. Племянник был скареден, стал притеснять тетку. В частности, у бывшей императрицы иногда выключали свет, ссылаясь на экономию электричества. Наконец вступилась за нее лондонская сестра. Георг V назначил своей «dear aunt Minnie» («дорогой тете Минни») пенсию в 10 тыс. фунтов стерлингов в год. В качестве

* Она также приходилась теткой норвежскому королю Хокону VII, отцу короля Улафа.

такой великобританской пенсионерки при дворе датского короля она и умерла, пережив на 10 лет казненных в Екатеринбурге сына, невестку и пятерых внуков.

Сестра Николая II Ксения (1875—1960) поселилась в пригородном домике в Лондоне, предоставленном ей английской королевской семьей. Младшая сестра Ольга (1882—1960) вначале поселилась с матерью в Копенгагене. По ее смерти прожила там еще 20 лет, включая годы фашистской оккупации. В 1948 г. переехала в Канаду, где обзавелась небольшой фермой близ Торонто, в одиночку вела хозяйство. Почувствовав себя больной, переехала в один из окраинных кварталов города, там и скончалась.

Николай Николаевич обосновался в Париже, Кирилл Владимирович* — в Мюнхене. Оба претендовали на роль «главы императорского дома». 31 августа 1924 г. Кирилл провозгласил себя императором всероссийским.

Из Парижа в Мюнхен градом полетели попреки и всякие обидные выражения. Возгорелась полемика в известном стиле великого комбинатора из фирмы «Рога и копыта»: «А ты кто такой?» — «Нет, а ты-то кто такой?» На уязвление соперника бывший верховный главнокомандующий обратил весь свой запас бранных эпитетов, которым блистал еще в Барановичах и Могилеве. Самое деликатное из его критических замечаний состояло в том, что «Кирюха есть всего-навсего повелитель банды пьяниц и дураков».

Противники припомнили мюнхенскому «повелителю» все его большие и малые прегрешения в далеком и недавнем прошлом. Одни — как Кирилл в февральские дни пришел к Таврическому дворцу с красным бантом на кителе. Другие — со ссылкой на свидетельство Пуришкевича — как еще до революции Кирилл и его мать Мария Павловна, «закоренелая немка и германofilка, тешили себя мыслью, что, когда Николай II слетит с трона, русская корона перейдет к ним»²⁷. Третьи — как Кирилл увел когда-то у брата царицы его жену Викторию Мелиту Саксен-Кобург-Готскую и в свою очередь женился на ней**.

Мюнхенские оппоненты припомнили кое-что и Николаю Николаевичу. Как в 1917 г., вступив второй раз в должность верховного

* Двоюродный брат Николая II (сын Владимира, брата Александра III), в свое время широко использовал для саморекламы тот факт, что в 1904 г., во время японского нападения на Порт-Артур, служил офицером на броненосце «Петропавловск», спасся одним из немногих, когда корабль затонул. К 1917 г. — контр-адмирал, командир гвардейского экипажа.

** Громкий скандал 1905—1906 гг.: Виктория Мелита бросила Эрнста Людвига Гессенского, бежала с Кириллом в Баварию и там обвенчалась с ним. Царица, пылая жаждой мщения за брата, добилась изгнания Кирилла из России, притом в весьма унижительной для него форме (позже он был прощен); родившаяся от предсудительного брака дочь Кира была лишена положенных ей княжеских прав и титула. Отец Кирилла, Владимир Александрович, в результате скандала потерял свою должность (командующий войсками Петербургского округа и гвардии); его место занял тогда Николай Николаевич.

главнокомандующего, он прежде всего отбил челом по телеграфу «февральским демократам» Таврического дворца. Как в первые дни революции, когда он еще сидел наместником на Кавказе, тифлисский городской голова А. И. Хатисов по его поручению объявил на митинге на Эриванской площади, что «великий князь сочувствует делу революции»; как по его поручению такое же разъяснение сделал Хатисов в войсках, объехав в сопровождении генерала князя Вагнадзе городские казармы; как он принимал в своем тифлисском дворце послания, призывавшие его «ввиду невозможности пребывания у власти Николая Второго объявить себя Николаем Третьим»; а когда к нему явилась группа грузинских социал-демократов во главе с Ноем Жордания и наместник спросил их, верят ли они его сочувствию делу революции и преданности интересам грузинского народа, Жордания воскликнул: «Да!»²⁸

Пока Николай Николаевич публично и кулуарно шлифовал свой непечатный словарь в выпадах по адресу «царя Кирихи», последний разработал и предал гласности схему будущего устройства России. Помог Кириллу его приятель граф Куно Вестарп, один из лидеров крайне правой «Национальной партии», издававший газету «Кройццайтунг», в которой пропагандировал идею реставрации Гогенцоллернов в Германии и Романовых в России. В частности, он призывал «разрешить» вермахту предпринять новый вооруженный поход против Советского государства в обмен на восстановление Германии в границах 1914 г., присоединение к ней Австрии и Чехословакии и возвращение ей колоний. Эту-то газету Вестарпа и избрал своей трибуной Кирилл, обратившись «к народам Советского Союза» с манифестом под названием «Моя программа», в которой провозгласил, что готов признать Советскую власть, если она возьмет его к себе императором. Что он будет делать в должности царя при Советской власти, разъяснялось в том же документе. Во-первых, он великодушно обещал будущим верноподданным «возвратить промышленные и торговые предприятия их прежним владельцам», поскольку «только они в состоянии снова оживить в Советском Союзе производство и товарооборот». Во-вторых, в компенсацию трудящимся за согласие принять «прежних владельцев» царь Кирилл намеревался «утвердить 8-часовой рабочий день» и не препятствовать «увеличивать свой доход сверх норм». В-третьих, ему представлялось насущно необходимым «радикальное искоренение в России бродяжничества, отлынивания от работы, разгула», а заодно «удешевление средств передвижения»²⁹.

Распри между двумя конкурентами кончились в 1929 г., когда умер Николай Николаевич. Девятью годами позже скончался и Кирилл.

Великий князь Дмитрий Павлович Романов, двоюродный брат царя, участник убийства Распутина, также очутился в эмиграции. В 1926 г. в Биаррице женился на богатой американке,

дочери железнодорожного короля. Развелся в 1930 г. Занялся торговлей шампанским в Палм-Бич, штат Флорида. Умер в Швейцарии от туберкулеза в 1941 г. в возрасте 50 лет.

Близкий родственник Николая II (женатый на его племяннице Ирине Александровне), организатор убийства Распутина князь Феликс Феликсович Юсупов (1887—1967) в декабре 1917 г. был арестован в Петрограде, бежал за границу. Открыл в Париже ателье мод, затем ресторан. Кроме книг писал сценарии для кино, нанимался консультантом к режиссерам, ставившим спектакли и фильмы на тему о распутинщине. В 30-х годах принял скандально сутяжничать с издательствами и киностудиями. В частности, голливудской студии «Метро Голдвин Майер», поставившей фильм о Распутине, предъявил крупный иск (на 3 млн. долларов) и выиграл его. Другой иск, предъявленный студии «Коламбия пикчерс», был отклонен.

К нашим дням от семейства Романовых мало что осталось, но оно все еще называется «домом» и есть у него «глава» — Владимир Романов, сын того самого Кирилла, который предлагал себя народам Советского Союза в качестве императора. Что касается затронутого в Кирилловом манифесте вопроса о борьбе с тунеядством, то, судя по ухваткам той родни, которую Кирилл после себя оставил, придется признать: да, в его «доме» эта проблема всегда стояла довольно остро.

Здесь напрашивается маленькое отступление генеалогического порядка. В свое время Горький задавал вопрос оппоненту монархисту В. И. Брееву: «Как можно думать, что в русских царях есть хоть капля славянской крови?»³⁰ Исходил он из того факта, что все русские цари и почти все великие князья, начиная с послепетровских времен, брали себе жен из иностранных королевских и княжеских семейств, главным образом германских.

Петр III (Карл Петр Ульрих): жена — принцесса Софья Августа Доротея Фредерика Ангальт-Цербстская (в России царствовала 34 года под именем Екатерины II).

Павел I: жена — по первому браку — принцесса Вильгельмина Луиза Гессен-Дармштадтская (в России — Наталья Алексеевна); по второму браку — принцесса Софья Доротея Вюртембергская (Мария Федоровна).

Александр I: жена — принцесса Луиза Августа Баден-Баденская Дурлах (Елизавета Алексеевна).

Николай I: жена — из рода Гогенцоллернов, принцесса Шарлотта Каролина Прусская, дочь короля Фридриха Вильгельма III, сестра Вильгельма I — первого императора германского рейха (в России — Александра Федоровна).

Александр II: жена — близкая родственница Гогенцоллернов, принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа Софья Мария Гессен-Дармштадтская (Мария Александровна).

Александр III: единственное в XIX в. исключение — «датская аномалия» (Мария Федоровна).

Николай II: жена — близкая родственница Гогенцоллернов, принцесса Аликс Виктория Елена Бригитта Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская (Александра Федоровна).

Верными поборниками этой брачной традиции были трое сыновей великого князя Владимира Александровича (брата Александ-

ра III), самого свирепого и горластого из дядьев Николая II: Кирилл, Борис и Андрей. Их матерью была не менее шумная и скандальная, чем ее супруг, принцесса Мария Генриетта Мекленбург-Шверинская, близкая родственница Гогенцоллернов, в России переименовавшая себя в Марию Павловну.

Кирилл, как мы уже видели, традицию не нарушил, женившись на принцессе Саксен-Кобург-Готской. От этого брака родились у него трое детей: Мария (рождения 1907 г.), Кира (1909 г.) и Владимир (1917 г.). Им он задал курс в том же направлении. Старшую, Марию, выдал за принца Карла Мейнингенского; младшую, Киру, — за Луи Фердинанда Прусского, сына кронпринца Вильгельма (т. е. внука Вильгельма II Гогенцоллерна). Что касается Владимира Кирилловича, то рескриптом папы он еще в 1930 г. был возведен в звание великого князя и российского престолонаследника.

Сложилась в итоге довольно плотная, поныне энергично промышляющая августейшая компания.

Луи Фердинанд Прусский. Его современники называют главой дома Гогенцоллернов. Сам себя он именует также «наследником германского кайзеровского престола». Все последние годы проживал с супругой Кирой Кирилловной в ФРГ, в древнем родовом замке Хёхинген.

Владимир Кириллович, его зять, — «глава» дома Романовых. Родился в Финляндии; паспорт у него баварский; живет то в Испании, то во Франции; одевается на английский манер; на пресс-конференциях изъясняется по-французски; царем хочет стать русским.

Оба рода на основе взаимности и одинаково усердно поддерживают культ своих предков. Аккуратно отмечает юбилейные даты кайзера Луи Фердинанд. Старается и Владимир Кириллович не отстать от тестя. Одной из монархических демонстраций, организованных Владимиром, была заупокойная церемония в Брюсселе, приуроченная к годовщине екатеринбургских событий. Инсценировке придали размах. У церкви, подсвеченной прожекторами, собрались реакционеры из многих стран Запада; приняли участие в антисоветском сборище и четыре православных первосвященника из США во главе с Никоном, архиепископом вашингтонским.

Когда Луи Фердинанд и Кира открыли в Хёхингене торжества в честь 900-летия дома Гогенцоллернов, там можно было увидеть не только принцев и принцесс. Туда явились виднейшие политики из ХДС/ХСС, неонацистские главари, депутация от командования бундесвера во главе с генералом Гербером. Много в тот вечер было сказано в замке прочувствованных слов. Бывший полковник вермахта профессор Курт Хессе провозгласил здравицу во славу участников кайзеровского и гитлеровского походов на Восток. Глава союза землячеств Рейнгольд Реес поблагодарил Луи Фердинанда, Киру Кирилловну и «всех остальных членов

кайзеровского дома за то, что они неизменно демонстрируют свою общность с восточными областями рейха». А хозяин замка, объявив себя сторонником «свободных режимов», возвестил, что, на его взгляд, как раз монархии и являются «лучшими гарантами подлинной демократии».

Он часто появляется перед офицерами и солдатами бундсвера. То по случаю 250-летия со дня смерти Фридриха II. То на военном параде в честь 340-летия 4-го гренадерского полка, носящего имя Фридриха-Вильгельма. Поводы разнообразные, но речи однозначны: о величии старого рейха; о прусских старых традициях; о зове воинственных предков; о славе былых походов на восток и запад. Тем самым, считают западногерманские политики, кайзеровский внук вносит достойный вклад в воспитание личного состава бундсвера.

Как люди благопристойные, они не могут оставаться в долгу. Ими создан «Круг Цоллерн» — организация, охватывающая виднейших промышленников, банкиров, генералов, парламентариев. Программа «круга» — популяризация кайзеровской семьи и обеспечение ее личных интересов, а также насаждение в армии и населении духа старой бисмарковской империи.

Под эгидой «Круга Цоллерн», под аккомпанемент шумных славословий старому рейху провели Луи Фердинанд и Кира торжества, посвященные 80-летию со дня рождения дочери Вильгельма II герцогини Луизы Брауншвейгской и Люнебургской. По сему случаю съехались в родовой замок Гогенцоллернов носители самых громких аристократических и промышленно-банковских фамилий времен «старины Викки» (или Вилли) и «милого Ники». Из Бад-Имнау до станции Цоллерн поезд с именинницей и гостями ташил личный паровоз ее отца (взяли напрокат из музея), а от вокзала до замка она ехала в его же карете (также взятой из музея). И снова под древними сводами замка звучал шовинистический «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес». Присутствовала там и Кира Кирилловна Романова-Гогенцоллерн с детьми, вслушиваясь в застольные речи о былом прусском величии, об имперских границах, выдвинутых на восток...

Параллельно натуральным отпрыскам Романовых, завидуя их сладкой жизни в окружении поклонников и «верноподданных», имеются в «свободном мире» отпрыски фальшивые, самозванные, у которых нет за душой ничего, кроме вздорных басен о своем императорском происхождении и таких же сюжетов чудесного спасения из «большевистского плена».

Например, младшая дочь царя, великая княгиня Анастасия, чудом спасшаяся в 1918 г. из екатеринбургского дома Ипатьева. Тоже чудом спасшийся царевич Алексей. Их много, претендентов на принадлежность к дому Романовых (чающих таким способом сколько-нибудь подзаработать). Есть Анастасии западногерманские, американские, французские, австрийские. Есть Ольги, Тать-

яны, Ксении и прочие — по нескольку экземпляров в Европе и Америке.

По некоторым данным, общая численность домогающихся царского и великокняжеского звания уже превысила количество родственников, которых имел к 1918 г. последний русский император. Г-н Гёрлиц насчитал сыше 30 Анастасий, учинивших судебные процессы на Западе в последние десятилетия³¹. Особое упорство проявляет некая Франциска Шанцовски, позднее присвоившая себе также имя Анны Андерсон; еще в 20-х годах ей подсказал идею превращения в царскую дочь Анастасию белоэмигрант Н. М. Шваббе, бывший ротмистр уланского полка: она судилась в Гамбурге свыше 50 лет. Феноменально настойчив в бизнесе романовского претендентства и некий проходимец Майкл Джордж Голеневский: он добился того, что нью-йоркский православный архиепископ Граббе на торжественном богослужении официально провозгласил его царевичем Алексеем³².

Сомкнулся вокруг Луи Фердинанда и Киры Кирилловны «Круг Цоллерн», а вместе с ним и круг давно знакомых имен. Имен одновременно и сегодняшних, и вчерашних. Таких, как князь Отто фон Бисмарк, внук «железного канцлера», ведущий деятель ХДС, депутат бундестага; его брат Филипп фон Бисмарк, лидер Союза промышленников, один из руководителей Союза землячеств, депутат бундестага; граф Дитрих фон Мирбах, сын кайзеровского посла в Советской России; барон Олаф фон Врангель, внук белогвардейского генерала, секретарь фракции ХДС в бундестаге... и другие члены «Круга Цоллерн».

Принцы и нищие. Беженцы и «чудом спасенные». Луи Фердинанд — «глава дома Гогенцоллернов» и его жена Кира из «дома» Романовых. «Круг Цоллерн» и «Кружок Гиммлера». Шпрингер и Штраус. Анастасия Первая и Алексей Второй, а также из года в год умножающаяся гурьба неизвестно откуда берущихся «царских деток», продублированных иногда в нескольких экземплярах.

И пресса, и книгоиздательства, и советологи «свободного мира», десятилетиями изошряющиеся во лжи, клевете, инсинуациях, муссирующие тему о гибели династии Романовых, о их потомках и приспешниках вроде Распутина, о претендентах на родство с бывшим царем. Цель у них одна — любыми средствами опорочить первое в мире государство диктатуры пролетариата, советский социалистический строй, запугать читателя ужасами революции, низвергающей «помазанников божьих».

SIC TRANSIT GLORIA MUNDI

Триста четыре года правила в России династия Романовых. Знала династия дни и торжества, и затруднений. Сверкали вмонтированные в ее корону бриллианты. Чернела запекаясь на бриллиантах безвинная кровь.

Извилисто протянулся ее путь от Ипатьевского монастыря под Костромой до Ипатьевского особняка на екатеринбургском косогоре. Зато прямолинейным был путь последнего царя Николая Кровавого до положенного ему судьбой предела.

Деградировали и кончились цари. Деградировали, но еще не кончились самозванцы. Измельчение сильное.

Sic transit gloria mundi — так проходит земная слава.

* * *

За полтора десятилетия до крушения царизма В. И. Ленин выражал твердое убеждение, что «безвозвратно проходят те времена, когда могло держаться на Руси правительство божиею милостию, что единственным прочным правительством в России может быть отныне правительство *волею народа...* Вопрос поставлен прямо и вынесен на улицу: быть или не быть самодержавию».

Ответ истории: не быть. Царская Россия умирала. На ее место шла свободная Россия. «Темные силы, которые охраняли царское самодержавие, гибнут, — утверждал В. И. Ленин. — Но только сознательный, только организованный пролетариат в состоянии нанести смертельный удар этим темным силам»¹.

«Пролетариату многонациональной России выпала трудная, но и почетная роль первопроходца в создании нового общества, — говорится в постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 г. «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». — Выражая коренные интересы абсолютного большинства населения страны, рабочий класс в союзе с трудящимся крестьянством обеспечил победу революции и установил свою власть. За революцией, за рабочим классом пошли широчайшие массы трудового народа, все передовые люди науки и культуры. Ожесточенному вооруженному, политическому и идеологическому сопротивлению реакции, дезорганизации экономики и контрреволюционному саботажу, кровавому буржуазному террору рабочий класс противопоставил высочайшую организованность и сознательную дисциплину, сплоченность вокруг Коммунистической партии, революционную бдительность. Весь ход борьбы с внутренней контрреволюцией и иностранными интервентами показал, что

революция может закрепить свою победу только в том случае, если она умеет защищаться»².

Напомнив слова Маркса о том, что «весь французский терроризм был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством», Ленин писал: «Якобинцы современной социал-демократии, — большевики... хотят, чтобы народ, т. е. пролетариат и крестьянство, разделался с монархией и аристократией «по-плебейски», беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление, не делая никаких уступок проклятому наследию крепостничества, азиатчины, надругательства над человеком»³.

«Правительство, — писал Ленин, — думало запугать народ видом крови и массою жертв уличных схваток, — на самом деле оно *отучает народ* от страха перед пролитием крови... *Vive le son du canon!* скажем мы словами французской революционной песни — «Да здравствует гром пушек!»...»⁴

Чем дальше, тем очевиднее становилась для всех народов России невозможность жить при самодержавии, его несовместимость с прогрессом общественного развития, с интересами трудящихся масс. Царизм вступил в кричащее противоречие с современностью, обнаруживая на каждом шагу свою историческую несостоятельность. Его внутренняя гнилость и нелепость существования били в глаза всем и каждому. Вот почему неотвратим и логически закономерен стал расчет с царизмом «по-плебейски» за все совершенные им преступления. И столь же закономерен конец, постигший Романовых.

Всегда будут напоминать об этом 23 ступени, которыми они спустились вниз.

Двадцать три — во времени и в пространстве.

Двадцать три — конечный предел, дальше которого для них ничего уже не было, да и не могло быть.

О ЧЕМ ОНИ МЕЧТАЮТ

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В августе 1984 г. парижская газета «Фигаро», принадлежащая единомышленнику американских проповедников «крестового похода» против нас, предалась мечтаниям о восстановлении в нашей стране монархии. Она опубликовала тогда фантастический прогноз бывшего министра Артура Конта на 2004 г. под заголовком «Царь в Кремле» и даже поместила фотомонтаж: на Красной площади идет военный парад, а на фасаде знакомого всем здания красуется портрет Николая Кровавого, который, по-видимому, символизирует представление хозяина «Фигаро» Эрсана о свободе и демократии.

Принадлежащий тому же Эрсану журнал «Фигаро-магазин» продолжил эту тему. Видимо, его хозяин решил подкрепить свои мечтания некоей конкретикой: кого же именно можно было бы посадить на царский трон. И вот прыткие репортеры были отправлены на поиск отродья последнего русского монарха. Задача была не из легких. Правда, еще не так давно на бирже кандидатов на царский престол котирировалась некая госпожа Андерсон, уверявшая всех, будто она вовсе не Андерсон, а Анастасия Николаевна Романова — младшая дочь последнего русского царя. Но в начале 1984 г. она умерла, о чем с глубокой печалью оповестил своих читателей журнал Эрсана, посвятивший ей в февральском номере четыре страницы.

Где же найти ей замену? Казалось бы, дело это безнадежное. Но, представьте себе, некий Жан Распай преуспел в столь трудном поиске, и его репортаж был опубликован в «Фигаро-магазин» опять-таки на четырех страницах под такими сенсационными заголовками: «Великий князь Владимир, потомок последнего царя, живет в уединении вот уже 60 лет в маленькой бретонской деревушке. «Если бог существует, мой внук будет царствовать в 2000 г.», — говорит он». И далее следует пространный рассказ пронырливого писаки, который начинается так:

«Я только что вернулся из Бретани. Там я встретился с престолонаследником российского трона великим князем Владимиром Кирилловичем, племянником Николая II, внучатым племянником Александра III, правнуком Александра II, главой императорского дома. Но было бы ошибкой рассматривать эту встречу в рамках светской хроники из жизни высокопоставленных изгнанников. Если ослепшее общественное мнение Запада утратило остроту духовного зрения, то русские сохраняют надежду и уважают духовную силу, которую представляет собой великий князь. В особенности русские, живущие в Советском Союзе.

Эка хватил, не правда ли?!

Осторожности ради специальный корреспондент «Фигаро-магазин» утверждает, что сам престарелый потомок царского семейства, ни разу в жизни не ступавший на русскую землю (он родился уже после свержения царя, в Финляндии, куда сбежали его именитые родители), не питает больших иллюзий насчет собственных перспектив; но, видите ли, у его единственной дочери четыре года назад родился сын, которого Распай и рекомендует своим читателям как будущего русского императора. А вот и сам кандидат на царский престол: «Маленький светловолосый мальчик врывается в салон, гоняясь за мячом, — умиленно пишет Жан Распай. — Не останавливаясь, он вежливо бросает: «Бонжур, месье» — и исчезает». Это и есть «великий князь Георгий», которого покровители остатков белоэмигрантского отребья хотели бы посадить «царем на Москве» к 2000-му году!

Жан Распай осторожно спросил Владимира Романова: а знают ли об этих проектах «русские, живущие в России»? Самозванный «престолохранитель» ответил: «Убежден, что русский народ вернется к монархической системе правления». Убежден, и все тут!

Но на этом практика гонцов Эрсана не закончилась. Несколько позднее тот самый журнал «Фигаро-магазин» опубликовал письмо некого маркиза Фарас ди Виллафореста, который от имени неких отпрысков царской фамилии дезавуировал претензии Владимира Романова и членов его семьи на царский трон, поскольку браки, в которые они вступали, были морганатическими, т. е. они женились и выходили замуж не за членов королевских фамилий, а за «простых смертных». «Единственным великим князем, который женился на принцессе королевских кровей, — пишет этот маркиз, — был мой дедушка Иоанн Константинович». Стало быть, пояснил он, «князь Георгий» не вправе претендовать на трон бывлой Российской империи.

Никто, конечно, не принимает всерьез милых сердцу газетного короля Эрсана мечтаний о том, что в 2000 г. «великий князь» Георгий из бретонской деревушки Сент-Бриак, что близ города Динар, или кто-либо другой из уцелевших дальних родственников Николая Кровавого станет «императором всея Руси». Но сам факт навязчивой пропаганды даже таких фантастических замыслов говорит о многом. И прежде всего о нескрываемой ненависти к нам со стороны господ, безнадежно мечтающих повернуть историю вспять, и о необходимости поддерживать нашу бдительность на самом высоком уровне!

Юрий Жуков

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ПРЕДИСЛОВИЕ (с. 3—15)

¹ Звезда. 1972. № 8-9; 1973. № 7—10.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 12.

ГЛАВА 1 (с. 24—45)

¹ Pourtales F. Am Scheidewege zwischen Krieg und Frieden. Berlin, 1919.

² Новое время (№ 13777). 1914. 21 июля. С. 2.

³ Саонов Н. В. Потери России в войну 1914—1918 гг.: Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий мировой войны. М., 1923. С. 173; Шулгин В. В. Дни. Л., 1925. С. 52; Струмилин С. Трудовые потери России в мировой войне // Народное хозяйство. 1920. № 12. С. 104, 105; Мировая война в цифрах: Сб. М.; Л., 1934. С. 21.

⁴ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. I—VII. Л.; М., 1924—1927. Т. VII. С. 281—285.

⁵ Rösch N. Schatten fordern heraus // Echo der Zeit (Berlin; Zürich). 1969. 27. X.

⁶ Die Welt (N 157). 1968. 9. VII.

⁷ Heuer H. M. Die Wahrheit über den Mord der Zarenfamilie // Bunte Illustrierte (N 12). 1965. 17. III.

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 249; Т. 28. С. 529, 530.

⁹ Соколов Н. А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925. С. 270—272.

¹⁰ Там же. С. 104.

¹¹ Вильтон Р. Последние дни Романовых / Пер. с англ. кн. А. М. Волконского. Берлин, 1923. С. 16, 118—120.

¹² Alexandrov V. The End of the Romanovs. New York; Boston; Toronto, 1966. P. 70.

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 523—526; Пятый съезд Советов: Стен. отчет. М., 1918. С. 133—134; Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. 1. М., 1957. С. 400—401.

¹⁴ Heuer H. M. Op. cit. // Bunte Illustrierte (N 10). 1965. 3. III.

¹⁵ Вырубова (Танеева) А. А. Страницы из моей жизни. Берлин, 1923. С. 169, 153.

¹⁶ Неотвратимое возмездие: Сб. М., 1973. С. 125—127; ДВП СССР. Т. 1. С. 434—435.

¹⁷ Grün W. Der Zar, der Zauberer und die Juden. Berlin; Leipzig, 1942. S. 259.

¹⁸ Мосолов А. А. При дворе императора. Рига. Б. г. С. 221, 223.

¹⁹ Grezer J. O. 50 Jahre Brest-Litowsk // Blätter für deutsche und internationale Politik (Köln). 1968. N 3. S. 226—229.

²⁰ Alexandrov V. Op. cit. P. 229, 182.

²¹ Вильтон Р. Указ. соч. С. 16, 118—120.

²² Каржанский (Качанов) Н. Чехословаки в России: По неизданным официальным документам. М., 1918; Лазаревский В. Россия и чехословацкое возрождение: Очерк чешско-русских отношений 1914—1918 гг. / Предисл. В. В. Шульгина. Париж, 1927; Попов А. Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг. // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 3—29; Documenty o protitidove a protinarodni politici T. G. Masarika. Praha, 1953.

²³ Alexandrov V. Op. cit. P. 74—75.

²⁴ Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев: Сб. в 6 т. / Сост. С. А. Алексеев; Под ред. и с предисл. Н. Л. Мещерякова. Т. IV. М.; Л. 1927. С. 18—28.

- ²⁵ Неотвратимое возмездие. С. 152—153, 157.
- ²⁶ *Болдырев В. Г.* Директория, Колчак, интервенты: Воспоминания из цикла «Шесть лет (1917—1922)». Новониколаевск, 1925. С. 124, 145, 175.
- ²⁷ *Семенов Г. М.* О себе: Воспоминания, мысли и выводы. Харбин, 1938.
- ²⁸ *Беннингсгаузен-Будберг Р. А.* Воспоминания. Харбин, 1925. С. IV, V.
- ²⁹ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 1788. Адрес японского населения г. Владивостока императору Николаю II по случаю 300-летия дома Романовых / На русском и японском языках.
- ³⁰ *Беннингсгаузен-Будберг Р. А.* Указ. соч. С. 21.
- ³¹ Там же. С. 59, 86.
- ³² *Будберг А.* Дневник // Архив русской революции. Т. XII. Берлин, 1923. С. 197—290; *Он же.* Дневник белогвардейца: Колчаковская эпопея. Л., 1929.
- ³³ *Harcave S.* Jears of the Golden Cockerel. The last Pomanov tsars. 1814—1917. N. Y.; L., 1968. P. 475.

ГЛАВА 2 (с. 46—60)

- ¹ *Haffner S.* Der Teufelspakt // Stern (N 42). 1967. 15. X. S. 60—78.
- ² Дружеские услуги немецкой полиции // Былое (Пгр.). 1917. № 3 (сентябрь). С. 154—155.
- ³ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 476—480.
- ⁴ Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.; Пгр., 1923. С. 123, 124.
- ⁵ *Ламздорф В. Н.* Дневник. М., 1934. С. 43.
- ⁶ *Онгирский С. С.* Записки б. царского чиновника: Неопубликованная рукопись. Ростов н/Д., 1972—1974. С. 114 // ЦГАЛИ, ф. Собрания воспоминаний и дневников, д. 1337.
- ⁷ Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 85.
- ⁸ *Сергеенко П. Л.* Толстой о Вильгельме II // Биржевые ведомости (№ 31). 1915. 1 февр. С. 5.
- ⁹ Die Guelle (Berlin). 1929. 17. IX.
- ¹⁰ Неотвратимое возмездие. С. 144.
- ¹¹ Советская историческая энциклопедия. Т. 12. С. 729.
- ¹² *Мейснер Д.* Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966. С. 143, 232—233, 236—237.
- ¹³ *Dwinger E. E.* Kosaken — die Geschichte eines Reitervolkes // Sankt-Georg Almanach (Düsseldorf). 1962. S. 45—53.
- ¹⁴ *Дмитриев Ю., Красников Н., Курочкин П.* Не одними молитвами... // Известия. 1969. 4 сент.

ГЛАВА 3 (с. 61—82)

- ¹ Былое. 1917. № 6. С. 86.
- ² *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 5—6.
- ³ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее — ОР ГБЛ), ф. 169, карт. 46, д. 6, л. 7—8.
- ⁴ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 232—233. Дневник Николая Романова. Тетрадь 1894 г. (В ЦГАОР хранятся все дневники царя за 36 лет — с 1882 по 1918 г.).
- ⁵ *Савельев А. А.* Два восшествия на престол: Из воспоминаний земского деятеля. М., 1917. С. 102.
- ⁶ Enthüllungen über Nikolaus II. Berlin, 1910. S. 63.
- ⁷ Tribune Russe (Paris). 1909. N 8. P. 9—10; Enthüllungen über Nikolaus II. S. 52—53.
- ⁸ *Толстой С. Л.* Очерки былого. Тула, 1965. С. 234.
- ⁹ *Родзянко М. В.* Воспоминания. Прага, 1922. С. 22.
- ¹⁰ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 234—235. Дневник Николая Романова. Тетради 1895—1896 гг.
- ¹¹ ОР ГБЛ, ф. 436, карт. 16, д. 13, 36, л. 134, 135.

¹² Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 328.

¹³ Петергофские совещания: Протоколы секретных заседаний под председательством императора / Введение В. Водовозова // Былое. 1917. № 3 (25). С. 235—236; № 4 (26). С. 183—245; № 5-6 (27—28). С. 289—318.

¹⁴ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 236. Дневник Николая Романова. Запись от 16 ноября 1896 г.

¹⁵ Poincaré R. Au service de la France. Neuf années de souvenirs. Paris, 1929. P. 453.

¹⁶ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 237. Дневник Николая Романова. Запись от 1 января 1897 г.

¹⁷ Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 3. М., 1960. С. 38.

¹⁸ Моризэ А. Поездка в Россию / Пер. с франц. Н. Дудель. М.; Пг., 1921.

¹⁹ ОР ГБЛ, ф. 169, карт. 46, д. 18, 48.

²⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928—1958. Т. 38. С. 207—210.

²¹ Красный архив. 1936. Т. 3 (76). С. 31.

²² ЦГАОР, ф. 540, оп. 1, д. 720.

²³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 209.

²⁴ ЦГАОР, ф. 540, оп. 1, д. 720.

²⁵ Enthüllungen über Nikolaus II. S. 86—87.

²⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 209, 210.

²⁷ Горький А. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 19. М., 1952. С. 438—474.

²⁸ Лев Толстой в последний год его жизни. М., 1918. С. 83.

²⁹ Enthüllungen über Nikolaus II. S. 88.

³⁰ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 236. Дневник Николая Романова. Тетради 1896 г.

³¹ Massie R. Nicholas and Alexandra. An intimate account of the last of the Romanovs and the fall of imperial Russia. N. Y., 1967—1974. P. 219.

³² Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 69, 70, 74.

³³ Д'Альгейм П. Ходынский ужас // Материалы для характеристики царствования: Сб. М., 1917. С. 105—115.

³⁴ Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 48, 68.

³⁵ Обнинский В. П. Последний самодержец. М., 1917. С. 59.

³⁶ Ходынка. Кровавые жертвы коронации. Женева, 1900. С. 19.

³⁷ Enthüllungen über Nikolaus II. S. 84—85.

³⁸ Ibid. S. 90.

³⁹ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 236. Дневник Николая Романова. Тетради 1896 г.

ГЛАВА 4 (с. 83—112)

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 135—136.

² Ежегодник России за 1904 г. СПб., 1905. С. 80, 81; Варзар В. Е. Статистические сведения о фабриках и заводах России: По производствам. СПб., 1903. С. X—XI; Гливиц И. Железная промышленность России. СПб., 1911: Стат. прил. С. 8, 13.

³ Бич (Томск). 1906. № 3.

⁴ Ламздорф В. Н. Указ. соч. С. 195, 253—254, 207—208.

⁵ Кони А. Ф. Бездействие властей при раздаче хлеба голодающим // Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М., 1966.

⁶ Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 3. С. 398—399.

⁷ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 289—291, 302.

⁸ Революция 1905—1907 гг. в России: Сб. док. и матер. М., 1957. С. 77—83.

⁹ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1956. С. 263.

¹⁰ Хромов П. А. Экономическое развитие России XIX—XX вв. М., 1950. С. 403.

¹¹ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Запись от 5 января 1902 г. М., 1959. С. 105; Толстой С. Л. Указ. соч. С. 228.

¹² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 73. С. 186.

¹³ Гольденвейзер А. Б. Указ. соч. С. 60.

¹⁴ Литературное наследство. 1939. Т. 37—38. С. 326—327.

- ¹⁵ Горький А. М. Литературные портреты. Лев Толстой. М., 1967. С. 118.
- ¹⁶ Гольденвейзер А. Б. Указ. соч. С. 267.
- ¹⁷ Из документации Отдела рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого.
- ¹⁸ Протоколы секретного Петергофского Совещания // Материалы для характеристики царствования: Сб. М., 1917. С. 124, 129, 245—247.
- ¹⁹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Л., 1969. С. 154—162.
- ²⁰ Heuer H. M. Op. cit. // Bunte Illustrierte (N 12). 1965. 17. III.
- ²¹ Кольцов М. Е. Избр. произв.: В 3 т. Т. 1. М., 1957. С. 51—68.
- ²² Законодательные акты переходного времени. 1904—1908: Сб. законов, манифестов и указов. СПб., 1909. С. 615.
- ²³ Сборник РИО. 1896. Т. 98. С. 237.
- ²⁴ Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 3. С. 237.
- ²⁵ Стендецкий С. К. Мы закалились в борьбе // Великие незабываемые дни: Сб. воспоминаний участников революции 1905—1907 гг. М., 1970.
- ²⁶ Лемке М. К. 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915—2 июля 1916). Пгр., 1920. С. 159; Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин, 1922; Он же. Гибель царизма. Л., 1927. С. 57—60.
- ²⁷ Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 378.
- ²⁸ Данилов Ю. Н. Мои воспоминания о Николае II // Архив русской революции. Т. XIX. Берлин, 1928. С. 15.
- ²⁹ Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 377.
- ³⁰ Мосолов А. А. Указ. соч. С. 108; Авдеев А. Д. Из воспоминаний коменданта // Красная новь. 1928. № 5. С. 191.
- ³¹ Мосолов А. А. Указ. соч. С. 10—11.
- ³² Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 380.
- ³³ Там же. С. 381, 379.
- ³⁴ Данилов Ю. Н. Указ. соч. // Архив русской революции. 1928. Т. XIX. С. 213.
- ³⁵ Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 383, 381.
- ³⁶ Там же. С. 377.
- ³⁷ Там же. С. 383, 378—379, 381, 382.
- ³⁸ Мосолов А. А. Указ. соч. С. 212.
- ³⁹ Данилов Ю. Н. Указ. соч. // Архив русской революции. 1928. Т. XIX. С. 217.
- ⁴⁰ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам губернаторов, генерал-губернаторов, военных губернаторов, градоначальников и наказных атаманов казачьих войск. СПб., 1905—1907. С. 4, 11, 17, 19, 30, 36, 42—44, 47, 56, 57, 75—78, 112—114.

ГЛАВА 5 (с. 113—131)

- ¹ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 248. Дневник Николая Романова. Запись от 9 января 1905 г.
- ² Сулержицкий Л. Дни в Ясной Поляне. СПб., 1913. С. 28.
- ³ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 248. Дневник Николая Романова. Запись от 10 января 1905 г.
- ⁴ Голос труда. 1905. № 2.
- ⁵ ЦГАОР, ф. 540, оп. 1, д. 739, л. 45, 46.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 241.
- ⁷ Горький А. М. Литературные портреты. М., 1967. С. 296.
- ⁸ Жорес Ж. Смерть царизма // Голоса минувшего: Сб. М., 1917. С. 253—254.
- ⁹ Русское знамя. 1905. 19 дек.
- ¹⁰ Кингин Н. А. Костры на Пономаревском острове // Великие незабываемые дни: Сб. воспоминаний участников революции 1905—1907 гг. М., 1970. С. 269.
- ¹¹ ЦГВИА, ф. Главного военно-судного управления, 1906—1907 гг., д. 54.

¹² Katkov G. Russia 1917. The February Revolution. L., 1967. P. 345; Alexandrov V. Op. cit. P. 114.

¹³ Листовки петербургских большевиков. 1902—1907. М.; Л., 1939.

¹⁴ ЦГВИА, ф. Главного военно-судного управления, 1906 г., д. 54.

¹⁵ ЦГАОР, ф. ДП, 7 д-во, 1906 г., д. 8, т. IV, лит. А. «Списки лиц, казненных по приговорам военных судов», л. 3—6; *Фалеев А.* Шесть месяцев военно-полевой юстиции // *Былое*. 1907. № 2; *Солнцев К. И.* Воинская преступность в царской армии // Советское государство и право. 1936. № 6; *Новые силы*. 1907. 18 февр., 23 сент.; Столичная почта. 1907. 14 марта.

¹⁶ ЦГАОР, ф. ДП, 7 д-во, 1906 г., д. 8, ч. 34, л. 4, 8.

¹⁷ ЦГВИА, ф. Главного военно-судного управления, д. 5-го отд., св. 10, № 2, л. 337.

¹⁸ Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 224.

¹⁹ ЦГВИА, ф. Главного военно-судного управления, д. 5-го отд., св. 7, № 81, л. 45—64.

²⁰ ЦГАОР, ф. ДП, 7 д-во, 1906 г., д. 106475.

²¹ ЦГАОР, ф. 11, оп. 1, д. 8661, л. 9, 12.

²² *Лукашевич С. П.* Казнь девятнадцати матросов // *Красный флот*. 1923. № 3. С. 120—121; *Новиков-Прибой А. С.* Собр. соч. Т. 1. М., 1950. С. 105—111; ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 15, л. 13—14; *Революционная поэзия*. Л., 1954. С. 532—533.

²³ ЦГИА г. Москвы, ф. Канцелярии московского генерал-губернатора, 1905 г., оп. 6, д. 154, л. 99.

²⁴ *Молодая Россия* (№ 24). 1917. 12 мая.

²⁵ *Сторожев В. Ф.* В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне в 1905 г.: По данным секретного отделения Канцелярии московского генерал-губернатора // *Голос минувшего*. 1918. № 4—6. С. 66.

²⁶ Полный текст этого приказа за № 349 от 15 декабря 1905 г. был впервые опубликован в кн.: *Владимиров В.* Карательная экспедиция лейб-гвардии Семёновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской ж. д. М., 1906. С. 6.

²⁷ *Нужды деревни* (№ 4). 1906. 27 янв.

²⁸ Красный архив. 1926. Т. 5 (19). С. 94.

²⁹ *Крастинь Я. П.* Революция 1905—1906 гг. в Латвии: Док. и матер. Рига, 1956. С. 391.

³⁰ *Революция 1905—1907 гг. в Грузии*. Тбилиси, 1956. С. 537.

³¹ *Образование*. 1906. № 1. С. 119.

³² *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 3. С. 62, 66, 70, 145, 272.

³³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 76—80.

³⁴ *Революция 1905—1907 гг. в России: Сб. док. и матер.* М., 1955. Док. 90, 91, 73—108.

³⁵ ЦГАОР, ф. Совета министров, оп. 2, д. 58, л. 1—1 об.

³⁶ *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 3. С. 555.

³⁷ Там же. С. 92—93; *Лемин К. М.* Вооруженное восстание в Москве. М., 1906. С. 10.

ГЛАВА 6 (с. 132—157)

¹ *Lüstige Blätter* (München). 1906. 18. II.

² *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 3. С. 387.

³ *Финк В.* Литературные воспоминания. М., 1963. С. 275—281.

⁴ *Объединение*. 1906. 15 сент.

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 326.

⁶ *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 283; Т. 2. С. 272—273, 507; Т. 3. С. 43.

⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 76—77.

⁸ ЦГАОР, ф. 540, оп. 1, д. 739, л. 12 об.

⁹ *Погромы в дни свободы* // *Каторга и ссылка*. 1925. Вып. 46. С. 8—10, 12.

¹⁰ Там же. С. 8, 12.

¹¹ *Шульгин В. В.* Указ. соч. С. 25.

- ¹² Падение царского режима. Т. VI. С. 179—180, 191, 197—198, 201. Допрос Н. Е. Маркова 2-го от 24 июля 1917 г.
- ¹³ Погромы в дни свободы // Каторга и ссылка. 1925. Вып. 46. С. 6, 7.
- ¹⁴ Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 3. С. 42, 43, 330, 333, 393.
- ¹⁵ Там же. Т. 2. С. 273; Т. 3. С. 394.
- ¹⁶ Там же. Т. 2. С. 210; Т. 3. С. 326.
- ¹⁷ Лависс Э., Рамбо А. История XIX в. Т. 7. М., 1939. С. 212.
- ¹⁸ Там же. С. 414, 412.
- ¹⁹ Ламздорф В. Н. Указ. соч. С. 130.
- ²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 219, 222.
- ²¹ Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 210, 207.
- ²² Будберг А. Дневник // Архив русской революции. 1923. Т. XII. С. 198, 210.
- ²³ Мулин В. Под маской объективности (О генерале Эрнсте Кестринге) // Красная звезда. 1966. 4 окт.; Безыменский Л. Урок, которого нельзя забывать // Новое время. 1970. 19 марта.
- ²⁴ Успенский К. Н. Очерк царствования. М., 1917. С. 34.
- ²⁵ Обнинский В. П. Указ. соч. С. 83.
- ²⁶ Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 275—276.
- ²⁷ Законодательные акты переходного времени. 1904—1908. С. 200—204.
- ²⁸ Там же. С. 208.
- ²⁹ Эти факты подтверждены в воспоминаниях С. Ю. Витте (Т. 3. С. 152, 157—158).
- ³⁰ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 248. Дневник Николая Романова. Запись от 19 декабря 1905 г.
- ³¹ Факт этого указания подтверждает В. Сторожев в своей работе «Декабрьское вооруженное восстание в Москве» (М., 1906. С. 45).
- ³² Этот факт подтвержден А. М. Горьким (А. М. Горький: Материалы и исследования АН СССР: Сб. Т. 1. М.; Л., 1934. С. 57).
- ³³ Царизм в борьбе с революцией в 1905—1907 гг. М.; Л., 1936. С. 83.
- ³⁴ ЦГИА, ф. 1280, оп.: 1900 г. — № 851; 1901 г. — № 865; 1902 г. — № 879; 1903 г. — № 886; 1904 г. — № 903; 1905 г. — № 930; 1906 г. — № 959; 1907 г. — № 989; 1908 г. — № 1003; 1909 г. — № 1014; 1910 г. — № 1037; 1911 г. — № 1054; 1912 г. — № 1064; 1913 г. — № 1084; 1914 г. — № 1082; 1915 г. — № 1105; 1916 г. — № 1133.
- ³⁵ Карательная экспедиция в Сибири в 1905—1906 гг.: Сб. док. и матер. М.; Л., 1932. Док. 206. С. 31.
- ³⁶ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 1059, л. 1—4 об.
- ³⁷ ЦГАОР, ф. ДП, 1905 г., д. 2540, т. III, л. 51—55.
- ³⁸ ЦГАОР, ф. 642, оп. 1, д. 2328. Письмо Николая Романова матери от 12 января 1906 г.; ф. 601, оп. 1, д. 250. Дневник Николая Романова. Записи от 9 и 10 февраля 1906 г.; Карательная экспедиция в Сибири в 1905—1906 гг.: Дневник А. П. Евецкого, поручика лейб-гвардии Кексгольмского полка. С. 31.
- ³⁹ Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 3. С. 179.
- ⁴⁰ Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 378.
- ⁴¹ Русские ведомости (№ 324). 1905. 19 дек.; Янсон П. Карательные экспедиции в Прибалтийском крае 1905—1907 гг.: По материалам II Государственной думы. Л., 1926. С. 49.
- ⁴² Карательная экспедиция в Сибири в 1905—1906 гг. Док. 60. С. 104—105; Красный архив. 1927. Т. 22. С. 186—187.
- ⁴³ Карышев М. К чему эта комедия?: Лейтенант Шмидт перед царским судом (Время, законы, люди) // Человек и закон. 1976. № 2. С. 54—64.

ГЛАВА 7 (с. 158—186)

¹ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 247. Дневник Николая Романова. Запись от 15 июня 1904 г.

² Письмо Николая II царице от 28 февраля 1915 г. // Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1917 гг. Т. III. М., 1925. С. 116; Вечернее время (Пгр.). 1917. 21 июня.

- ³ Орешин П. Распутин: Поэма // Сб. Родник. Т. 3. М.; Л., 1927. С. 253.
- ⁴ Толстой А. Н. Хожение по мукам // Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М., 1959.
- С. 11.
- ⁵ Наживин И. Распутин: Роман. Берлин, 1924; *Naschiwin J. Rasputin: Roman*. Leipzig, 1925.
- ⁶ *Heymann R. Rasputin: Roman*. Leipzig, 1928; *Linz K. Rasputin, der Dämon des letzten Zaren: Roman*. Berlin, 1931; *Le Queux W. The minister of evil: A poem*. L., 1938; *Billington J. The Ikon and the Axe (Rasputin)*. N. Y., 1966.
- ⁷ Страшный монах (Распутин) и упадок российского царату. Виннипег (Канада). Б. г.
- ⁸ ЦГАОР, ф. 1467, оп. 710. Протоколы Чрезвычайно-следственной комиссии Временного правительства. Документация о Распутине на 88 листах, составленная следователем Ф. П. Симсоном. Папка начата 1 сентября 1917 г.
- ⁹ Онгирский С. С. Указ. соч. С. 46 // ЦГАЛИ, ф. Собрания воспоминаний и дневников, д. 1337.
- ¹⁰ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 245—249. Дневники Николая Романова за 1903—1906 гг.
- ¹¹ *Иеромонах Илиодор (Сергей Труфанов)*. Святой черт: Записки о Распутине / С предисл. С. П. Мельгунова // Голос минувшего. 1917. № 3. С. 1—187; *Trufanoff S. (Illiodor). The mad monk of Russia*. N. Y., 1918; *Fülöp-Miller R. Der Heilige Teufel. Rasputin und die Frauen*. Berlin, 1931; *Simanowitsch A. Rasputin, der allmächtige Bauer*. Berlin, 1928. S. 134.
- ¹² Соколов Н. А. Указ. соч. С. 77.
- ¹³ Там же. С. 68. Показания Ф. Ф. Юсупова.
- ¹⁴ Цитируемые ниже тексты телеграмм, записок и высказываний Распутина частью взяты из документации, обнаруженной после Февраля 1917 г. в делах сановников и в переписке Романовых, воспоминаниях и записях современников.
- ¹⁵ Былое. 1917. № 5 — 6 (27—28). С. 228.
- ¹⁶ Падение царского режима. Т. VI. С. 73—119. Показания А. Н. Хвостова.
- ¹⁷ *Симанович А.* Воспоминания бывшего секретаря Григория Распутина. Рига, 1924. С. 67—68.
- ¹⁸ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 68.
- ¹⁹ *Половцев А. А.* Дневник // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 152, 156—158; *Poloutsov A. A. Glory and downfall: reminiscences of a russian general staff officer*. L., 1935.
- ²⁰ Распутин в освещении «охранки»: Из дневников наружного наблюдения за его квартирой // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 270—288.
- ²¹ *Воейков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта императора Николая II. Гельсингфорс, 1936. С. 69.
- ²² Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 9.
- ²³ *Мельник-Боткина Т.* Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921. С. 15.
- ²⁴ *Otessa Ch. Rasputin and the Russian court*. L., 1918. P. 89.
- ²⁵ *Симанович А.* Указ. соч. С. 117.
- ²⁶ *Вильтон Р.* Указ. соч. С. 43—44.
- ²⁷ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 71. Показания Матрены (Марии) Соловьевой-Распутиной.
- ²⁸ Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1917 гг. / Предисл. М. Н. Покровского. Т. I—V. М.; Л., 1923—1927.
- ²⁹ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 79—80. Показания А. Ф. Керенского, В. А. Макалова и агента Н.
- ³⁰ Петроградская контрразведка накануне революции: Из воспоминаний сотрудника // Былое. 1924. № 26. С. 222—240.
- ³¹ *Grühn W.* Op. cit. S. 285.
- ³² *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 3. С. 44, 384—385.
- ³³ *Симанович А.* Указ. соч. С. 92—96.
- ³⁴ *Комиссаров М. С.* Интервью об обстоятельствах гибели Китченера в 1916 г. // Красная газета (Л.). 1924. 17 дек.
- ³⁵ *Alexandrov V* Op. cit. P. 160.

³⁶ Из письма царицы Николаю II от 5 июня 1916 г. // Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1917 гг. Т. IV. М., 1926. С. 289.

³⁷ *Симанович А.* Указ. соч. С. 133—136.

³⁸ Падение царского режима. Т. II. С. 62. Допрос И. Ф. Манасевича-Мануйлова от 8 апреля 1917 г.

³⁹ *Симанович А.* Указ. соч. С. 139—141.

⁴⁰ Русский двор в последние дни царствования императора Николая II: По статье Бинштока в журнале «Mercure de France» // Исторический вестник. 1917. Т. CXLIX—CL. С. 252—253.

⁴¹ Падение царского режима. Т. I. С. 31—32. Показания А. Н. Хвостова от 18 марта 1917 г.

⁴² Письмо царицы Николаю II от 22 декабря 1915 г. Письмо Николая II царице от 31 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1917 гг. Т. III. С. 506, 289.

⁴³ Падение царского режима. Т. IV. С. 119. Показания С. П. Белецкого от 17 мая 1917 г.

⁴⁴ Письма царицы Николаю II от 7 ноября 1915 г. и 4 февраля 1916 г. // Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1917 гг. Т. III. С. 437; Т. IV. С. 81.

⁴⁵ *Haffner S.* Der Teufelspakt // Stern (N 42). 1967. 15. X. S. 60—78.

⁴⁶ Письмо царицы Николаю II от 6 ноября 1915 г. // Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1917 гг. Т. III. С. 436.

⁴⁷ Письма царицы Николаю II от 25 июля, 8 августа, 12 и 15 октября 1916 г. // Там же. Т. IV. С. 391, 405; Т. V. М., 1927. С. 89, 94.

⁴⁸ Из письма царицы Николаю II от 16 сентября 1915 г. // Там же. Т. III. С. 354.

⁴⁹ Письмо Николая II царице от 28 сентября 1916 г. // Там же. Т. V. С. 79.

⁵⁰ Письмо Николая II царице от 10 ноября 1916 г. // Там же. С. 146.

⁵¹ Письмо царицы Николаю II от 8 декабря 1916 г. // Там же. С. 168.

⁵² *Сухомлинов В. А.* Дневники // Дела и дни. 1920. № 1; 1922. № 3; *Он же.* Воспоминания. Берлин, 1924; *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний б. военного министра. М., 1924.

⁵³ Падение царского режима. Т. II. С. 46—91; допрос И. Ф. Манасевича-Мануйлова (второй) от 10 апреля 1917 г. С. 48—49.

⁵⁴ Падение царского режима. Т. I. С. 31—32; Т. II. С. 46—49.

⁵⁵ *Шульгин В. В.* Указ. соч. С. 71, 78.

⁵⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 15.

⁵⁷ Там же. Т. 35. С. 117.

⁵⁸ Там же. Т. 31. С. 297.

⁵⁹ Там же. С. 12.

⁶⁰ См. там же. Т. 21. С. 178.

⁶¹ Там же. Т. 31. С. 480.

ГЛАВА 8 (с. 187—201)

¹ Путешествие на Восток. СПб., 1891; *Кривенко В. С.* Путешествие наследника цесаревича на Восток. СПб., 1891; *Он же.* От Гатчины до Бомбея: Очерки путешествия наследника цесаревича // Правительственный вестник. 1891. № 41, 48, 56, 78, 100; *Беклемишев Н.* Покушение в городе Отсу. СПб. Б. г.

² *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 439; Т. 2. С. 290.

³ Там же. Т. 2. С. 143—144.

⁴ Там же. С. 478.

⁵ *Кони А. Ф.* Собр. соч. Т. 2. С. 381.

⁶ *Обнинский В. П.* Указ. соч. С. 70.

⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 155—158.

⁸ *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 297—298.

⁹ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 247. Дневник Николая Романова. Тетради 1904 г.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 3. С. 148—150; Т. 2. С. 434—435.

- ¹³ Литературная газета. 1967. 5 дек.
¹⁴ *Massie R.* Op. cit. P. 27.
¹⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 16.
¹⁶ История дипломатии. Т. 2. М., 1963. С. 776—777.
¹⁷ «Ich habe es nicht gewollt — Der Kaiser hatte Angst vor dem Krieg» // Stern. 1964. N 31.

ГЛАВА 9 (с. 202—220)

- ¹ Wie der erste Weltkrieg vorbereitet wurde: Internationale Presse-Korrespondenz. Berlin, 1931. S. 201.
² *Строганов А.* «Я обязан это сделать». Признание бывшего члена Государственной думы В. Шульгина // Известия. 1960. 16 дек.; *Шульгин В. В.* Возвращение Одиссея // Известия. 1961. 6 сент.; *Он же.* Письма к русским эмигрантам. М., 1961; *Он же.* Годы: Главы из новой книги // История СССР. 1966. № 6. С. 65—90; 1967. № 1. С. 125—159.
³ *Шульгин В. В.* Дни. С. 42.
⁴ Там же. С. 43, 44.
⁵ Там же. С. 114.
⁶ Исторический вестник. 1917. Т. CXLIX—CL. С. 135.
⁷ *Шульгин В. В.* Дни. С. 44, 52—53.
⁸ *Сазонов Н. В.* Указ. соч. С. 173.
⁹ Россия в мировой войне 1914—1918 гг.: В цифрах. М., 1925. Табл. 6; Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 39; *Сазонов Н. В.* Указ. соч. С. 173.
¹⁰ *Назанский В. И.* Крушение великой России и дома Романовых. Париж, 1930. С. 254—256, 259—261.
¹¹ The truth about the reign of the Emperor Nicholas II: The economic, social and cultural development of Russia before the Revolution. L., 1967.
¹² ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 265. Дневник Николая Романова. Запись от 2 (15) марта 1917 г.
¹³ *Шульгин В. В.* Дни. С. 48—51.
¹⁴ Там же. С. 178—187, 205—208.
¹⁵ Там же. С. 51.
¹⁶ *Авдеев А. Д.* Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге // Красная новь. 1928. № 5. С. 205.
¹⁷ *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 1963. С. 82—83.
¹⁸ *Бетман-Гольвег Т.* Мысли о войне / Пер. с нем. М.; Л., 1925. С. 79.
¹⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 29, 240—241.
²⁰ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. М., 1966. С. 382.
²¹ Пролетарская революция. 1923. № 2. С. 437, 441.
²² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 65.
²³ *Бадаев А. Е.* Большевики в Государственной думе: Воспоминания. М., 1954. С. 310.
²⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 173.
²⁵ Листовки Иваново-Вознесенской большевистской организации. 1900—1917 гг. Иваново, 1957. С. 304.
²⁶ История КПСС. Т. 2. С. 588.
²⁷ *Тургенев И. С.* Новь. Глава 30. Из стихотворения Нежданова в письме Силину.
²⁸ *Симанович А.* Указ. соч. С. 41.
²⁹ *Dehn L.* The real tsaritsa. L., 1922. P. 94.
³⁰ *Вильтон Р.* Указ. соч. С. 44.
³¹ *Горький А. М.* Монархист: Очерк // Собр. соч. Т. 15. М., 1951. С. 305.
³² *Мельник-Боткина Т.* Указ. соч. С. 15.
³³ *Мосолов А. А.* Указ. соч. С. 85.
³⁴ *Войков В. Н.* Указ. соч. С. 187.

- ¹ Воейков В. Н. Указ. соч. С. 33.
- ² Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. I—II. Нью-Йорк, 1954.
- ³ *Paleologue M.* Am Zarenhof während des Weltkrieges. Bd II. München, 1931. S. 161, 174.
- ⁴ Деникин А. И. Указ. соч. Т. I. С. 17.
- ⁵ Taube O. Rasputin. Zürich; Bern, 1929. S. 32.
- ⁶ Мосолов А. А. Указ. соч. С. 22.
- ⁷ Диалоги приводятся по протокольным записям секретаря Совета министров Яхонтова, опубликованным в кн.: Мельгунов С. П. Легенда о сепаратном мире (Канун революции). Париж, 1957. С. 55—64.
- ⁸ Мосолов А. А. Указ. соч. С. 18.
- ⁹ Деникин А. И. Указ. соч. Т. I. С. 33.
- ¹⁰ Данилов Ю. Н. Воспоминания // Архив русской революции. 1928. Т. XIX. С. 213—217; Он же. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 274.
- ¹¹ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 8.
- ¹² *Alexandrov V.* Op. cit. P. 120—121.
- ¹³ Руднев В. М. Правда о царской семье и «темных силах» / С предисл. Б. Гаранина; Там же: Тальберг Н. Кара божия. Берлин, 1920.
- ¹⁴ ЦГАОР, ф. 601, оп. 2с, д. 36: «Управление верховного правителя и Совета министров», дело о судьбе б. царя Николая II и его семьи, отношение № 322 от 11 февраля 1919 г. и другие документы.
- ¹⁵ Руднев В. М. Указ. соч. С. 28, 30, 31, 39.
- ¹⁶ Там же. С. 4—6.
- ¹⁷ Там же. С. 21, 13.
- ¹⁸ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 78.
- ¹⁹ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 10.
- ²⁰ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 69—70.
- ²¹ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 265. Дневник Николая Романова. Записи от 23 и 28 марта 1917 г.
- ²² *Dehn L.* Op. cit.; *Vyrubova A.* Memories of the Russian court. N. Y., 1923.
- ²³ *Alexandrov V.* Op. cit. P. 141.
- ²⁴ *Haffner S.* Der Teufelspakt // Stern (N 42). 1967. 15. X. S. 60—78.
- ²⁵ Пуанкаре Р. Происхождение мировой войны / Пер. А. Сперанского. М., 1924. С. 162.
- ²⁶ ОР ГБЛ, ф. 259, карт. 12, д. 11. Письмо М. А. Васильчиковой в редакцию газеты «Русское слово» от 31 мая (13 июня) 1917 г.
- ²⁷ Пуанкаре Р. Указ. соч. С. 519.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Письмо царицы Николаю II от 9 марта 1915 г. // Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1917 гг. Т. III. С. 140.
- ³¹ Сухомлинов В. А. Дневники // Дела и дни. 1920. № 1; 1922. № 3.
- ³² ОР ГБЛ, ф. 259, карт. 12, д. 11.
- ³³ Письмо царицы Николаю II от 17 апреля 1915 г. // Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1917 гг. Т. III. С. 174.
- ³⁴ Шацillo К. Ф. К попыткам сепаратных переговоров во время первой мировой войны (март — май 1915 г.) // Вопросы истории. 1970. № 9.
- ³⁵ Письмо царицы Николаю II от 5 января 1916 г. // Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1917 гг. Т. IV. С. 18.
- ³⁶ Письмо царицы Николаю II от 4 июня 1916 г. // Там же. Т. III. С. 211.
- ³⁷ Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. М., 1960. С. 354.
- ³⁸ ОР ГБЛ, ф. 259, карт. 12, д. 11. Письмо М. А. Васильчиковой в редакцию газеты «Русское слово» от 31 мая (13 июня) 1917 г.
- ³⁹ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 14—20, 22.
- ⁴⁰ Там же. С. 13.
- ⁴¹ Тарле Е. В. Германская ориентация и П. Н. Дурново в 1914 г. // Былое. 1922. № 19. С. 161—171.

⁴² Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 8.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 184, 190, 243, 242.

⁴⁴ Из документов ЦГАОР, а также из архивных и литературных публикаций разных лет, в том числе телеграммы Григория Распутина (Былое. 1917. № 5-6 (27—28). С. 228—230).

⁴⁵ Из письма царицы Николаю II от 22 февраля 1917 г. // Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1917 гг. Т. V. С. 208.

⁴⁶ Из писем царицы Николаю II от 24 февраля 1917 г. и 14 декабря 1916 г. // Там же. С. 214, 188.

⁴⁷ Из тех же писем. Последняя фраза — из письма Николаю II от 2 сентября 1915 г. // Там же. Т. III. С. 294.

⁴⁸ Письма царицы Николаю II от 10 и 11 июня 1915 г. // Там же. С. 198, 201.

⁴⁹ Письма царицы Николаю II от 20 июня и 30 августа 1915 г. // Там же. С. 231, 283.

⁵⁰ Письмо царицы Николаю II от 3 сентября 1915 г. // Там же. С. 297.

⁵¹ Welt am Sonntag. 1968. 29 (21). VII. S. 27.

⁵² Приводится по описанию: Мельник-Боткина Т. Указ. соч. С. 18.

⁵³ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 83.

ГЛАВА 11 (с. 242—280)

¹ Пуришкевич В. М. Из записок. Париж, 1923; *Pourishkevich V. M. Comment j'ai tué Raspoutine*. Paris, 1924; *Purischkewitsch W. Tagebuch*. Riga, 1928; Юсупов Ф. Ф. Конец Распутина: Воспоминания. Париж, 1927; *Joussupov F. Raspoutine*. N. Y., 1927; *Jussupow F. Rasputins Ende: Erinnerungen*. Mit einem Vorwort von Klabund. Berlin, 1928; *Joussoupoff F. La fin de Raspoutine*. Paris, 1960.

² ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 265. Дневник Николая Романова. Запись от 24 декабря 1916 г.

³ *Dehn J.* Op. cit. P. 164.

⁴ ЦГАОР, ф. 623, оп. 1, д. 141. Письмо царицы Вырубовой от 27 декабря 1916 г.

⁵ *Paleologue M.* An ambassador's memories. Vol. 3. N. Y., 1928. P. 11—97.

⁶ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 7.

⁷ *Kennan G.* The Russian Revolution — fifty years after: its nature and consequences // Foreign affairs. 1967. Vol. 46. N 1. P. 1—21; *Radkey O.* The agrarian foes of Bolshevism. N. Y., 1958. P. 171; *Mouravieff B.* La monarchie russe. Paris, 1962. P. 29.

⁸ Рабочий класс и рабочее движение в России. М., 1966. С. 43; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 346; Т. 27. С. 42; История КПСС. Т. 2. С. 547.

⁹ Пролетарская революция. 1923. № 1; Вопросы архивоведения. 1962. № 1. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 13.

¹⁰ Там же. Т. 9. С. 258—259.

¹¹ Там же. Т. 31. С. 11—12.

¹² Иоффе Г. З. Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970. С. 45—48, 125; *Игрицкий Ю. И.* Юбилей Октября и буржуазная историография // История СССР. 1968. С. 219—221; *Лотман Ю. М.* (Тарту). Масонство // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966. С. 167—169; Масонство // Большая Советская Энциклопедия. Т. 38. М., 1938. С. 333—339.

¹⁴ *Seton-Watson H.* Russia's February revolution // Encounter. 1967. N 6. Vol. 28. P. 78, 79; *Asher A.* February 1917 // Survey. 1967. N 65. P. 112.

¹⁵ *Smith N.* The role of russian freemasonry in the February Revolution: Another scrap of evidence // Slavic review. 1968. N 4. Vol. 27. P. 604—608.

¹⁶ История КПСС. Т. 2. С. 658.

¹⁷ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 21—30.

¹⁸ Письмо царицы Николаю II от 26 февраля 1917 г. // Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1917 гг. Т. V. С. 217.

¹⁹ *Alexandrov V.* Op. cit. P. 122.

²⁰ *Harcave S.* Op. cit. P. X.

- ²¹ Ibid. P. 454—455.
- ²² История КПСС. Т. 2. С. 666.
- ²³ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 43.
- ²⁴ Там же. С. 14.
- ²⁵ Падение царского режима. Т. I. С. 190.
- ²⁶ Там же. С. 197. Показания С. С. Хабалова на заседании 22 марта 1917 г.
- ²⁷ Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны: Сб. матер. и док. М., 1939. С. 274.
- ²⁸ Падение царского режима. Т. IV. С. 92.
- ²⁹ Пролетарская революция. 1923. № 1 (13). С. 300—309; Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 176.
- ³⁰ Листовки петербургских большевиков. 1902—1917. Т. 2. М., 1939. С. 250—251.
- ³¹ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 59.
- ³² Документы Бюро ЦК РСДРП в России. Июль 1914 — февраль 1917 // Вопросы истории КПСС. 1965. № 9. С. 82.
- ³³ Минц И. И. История Великого Октября. Т. I. С. 544.
- ³⁴ История КПСС. Т. 2. С. 671.
- ³⁵ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 51.
- ³⁶ Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции.
- С. 81.
- ³⁷ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 48.
- ³⁸ История КПСС. Т. 2. С. 690.
- ³⁹ Воейков В. Н. Указ. соч. С. 199, 200.
- ⁴⁰ Там же. С. 200.
- ⁴¹ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 49.
- ⁴² Дубенский Д. Как произошел переворот в России. Рига, 1923. С. 21.
- ⁴³ Великая Октябрьская революция: Хроника событий. Т. 1. М., 1957. С. 15;
- Минц И. И. Указ. соч. Т. I. С. 568.
- ⁴⁴ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 265. Дневник Николая Романова. Запись от 27 февраля (12 марта) 1917 г.
- ⁴⁵ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 62, 63.
- ⁴⁶ Hanlury-Williams J. The emperor Nicolaus II as I know him. L., 1934.
- P. 117.
- ⁴⁷ Alexandrov V. Op. cit. P. 128—129.
- ⁴⁸ История КПСС. Т. 2. С. 672.
- ⁴⁹ Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. С. 237—238.
- ⁵⁰ Красный архив. 1923. Т. 4. С. 214.
- ⁵¹ Падение царского режима. Т. I. С. 204—205. Показания С. С. Хабалова на заседании от 22 марта 1917 г.
- ⁵² Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 68.
- ⁵³ Воейков В. Н. Указ. соч. С. 205.
- ⁵⁴ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 64; Шульгин В. В. Дни. С. 169.
- ⁵⁵ Перетц Г. Г. В цитадели русской революции: Записки коменданта Таврического дворца. Пг., 1917. С. 66—67.
- ⁵⁶ Письмо генерала Н. И. Иванова // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 228—229; Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию в 1917 г. в Петрограде // Вопросы архивоведения. 1962. № 1.
- ⁵⁷ История КПСС. Т. 2. С. 681—682.
- ⁵⁸ Hargrave S. Op. cit. P. 462.
- ⁵⁹ Воейков В. Н. Указ. соч. С. 217.
- ⁶⁰ Daniloff J. Dem Zusammenbruch entgegen. Ein Abschnitt aus der letzten Epoche der russischen Monarchie. Bremen, 1929. S. 120.
- ⁶¹ Мосолов А. А. Указ. соч. С. 86—87; Воейков В. Н. Указ. соч. С. 236.
- ⁶² Воейков В. Н. Указ. соч. С. 234; Вильчаковский С. Н. Пребывание государя императора в Пскове в марте 1917 г. // Русская летопись. 1922. № 18. С. 161—187.
- ⁶³ Воейков В. Н. Указ. соч. С. 235, 4, 219.
- ⁶⁴ Hargrave S. Op. cit. P. 467—468.

- ⁶⁵ Воейков В. Н. Указ. соч. С. 220.
- ⁶⁶ Там же. С. 220, 221.
- ⁶⁷ Там же. С. 212.
- ⁶⁸ *Naigave S.* Op. cit. P. 468.
- ⁶⁹ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 79.
- ⁷⁰ Шульгин В. В. Дни. С. 160.
- ⁷¹ *Naigave S.* Op. cit. P. 468.
- ⁷² Шульгин В. В. Дни. С. 160—162.
- ⁷³ Воейков В. Н. Указ. соч. С. 223.
- ⁷⁴ Шульгин В. В. Дни. С. 162.
- ⁷⁵ Воейков В. Н. Указ. соч. С. 224.
- ⁷⁶ Шульгин В. В. Дни. С. 163, 164.
- ⁷⁷ Там же. С. 167.
- ⁷⁸ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 82.
- ⁷⁹ Шульгин В. В. Дни. С. 167, 168.
- ⁸⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 219.
- ⁸¹ Приводится по кн.: Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. М., 1967. С. 403—404.
- ⁸² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 60.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Лемке М. 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915 — 2 июля 1916). СПб., 1920; Тихменев Н. Из воспоминаний о последних днях пребывания императора Николая II в Ставке. Ницца, 1925; Пронин В. М. Последние дни царя в Ставке. Белград, 1929, и др.
- ⁸⁵ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 82.
- ⁸⁶ *Naigave S.* Op. cit. P. 470.
- ⁸⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 19—20, 64.
- ⁸⁸ Шульгин В. В. Дни. С. 173—175.
- ⁸⁹ Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. Стокгольм; Берлин, 1921. С. 28—29.
- ⁹⁰ Шульгин В. В. Дни. С. 173.
- ⁹¹ Смирнов М. И. (б. начальник штаба Черноморского флота). Адмирал Колчак во время революции // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. С. 246.
- ⁹² Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. I. Вып. 1. София, 1921—1924. С. 54.
- ⁹³ Шульгин В. В. Дни. С. 180, 181, 205—206.
- ⁹⁴ Палеолог Ж. М. Царская Россия накануне мировой войны. М.; Пг., 1923. С. 363—364.
- ⁹⁵ Шверубович В. О людях, о театре и о себе. М., 1976. С. 384.
- ⁹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 70.
- ⁹⁷ Шульгин В. В. Дни. С. 183.
- ⁹⁸ *Naigave S.* Op. cit. P. 471.
- ⁹⁹ Падение царского режима. Т. I. С. 203. Показания С. С. Хабалова.
- ¹⁰⁰ *Buchanan G.* My mission to Russia. Vol. 2. L.; N. Y., 1923.
- ¹⁰¹ *Rodsjancko M. W.* Erinnerungen. Berlin, 1926. S. 28.
- ¹⁰² Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 402.

ГЛАВА 12 (с. 281—314)

- ¹ Падение царского режима. Т. VI. С. 409, 393. Из записей Д. Н. Дубенского.
- ² Мордвинов А. А. Из воспоминаний. Париж, 1925. С. 12.
- ³ Новый Сатирикон. 1917. № 14 (апрель).
- ⁴ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 265. Дневник Николая Романова. Запись от 2 (15) марта 1917 г.
- ⁵ Там же. Запись от 3 (16) марта 1917 г.
- ⁶ The letters of Tsar Nicholas and Empress Marie. L., 1937; *Bing J.* The confidential correspondence between Nicolas II and his mother, dowager Empress

Marie Feodorovna. N. Y., 1938; Der letzte Zar: Briefwechsel Nikolaus II mit seiner Mutter. Berlin, 1938.

⁷ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 265. Дневник Николая Романова. Запись от 3 (16) и 7 (20) марта 1917 г.

⁸ *Frankland N.* Imperial tragedy. Nicolas II, last of the tsars. N. Y., 1961. P. 13.

⁹ *Alexandrov V.* Op. cit. P. 114, 116.

¹⁰ *Almedingen E. M.* The Romanovs. Three centuries of an illfated dynasty. N. Y., 1966. P. 316—317.

¹¹ День. 1917. 29 марта.

¹² *Almedingen E. M.* Op. cit. P. 314, 315.

¹³ Вестник думских журналистов. 1917. № 4. С. 7.

¹⁴ *Соколов Н. А.* Указ. соч. С. 9; *Волков А. А.* Около царской семьи. Париж, 1928.

¹⁵ *Alexandrov V.* Op. cit. P. 120.

¹⁶ Николай II и великие князья. М.; Л., 1925. С. 145.

¹⁷ *Соколов Н. А.* Указ. соч. С. 93, 86. Показания Е. С. Кобылинского.

¹⁸ Там же. С. 11—12. Показания Г. Е. Львова.

¹⁹ *Жильяр П.* Трагическая судьба русской императорской фамилии: Воспоминания бывшего воспитателя наследника цесаревича. Ревель, 1921. С. 43.

²⁰ *Мордвинов А. А.* Указ. соч. С. 12.

²¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 70.

²² *Войков В. Н.* Указ. соч. С. 286.

²³ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 265. Дневник Николая Романова. Запись от 1 (14) апреля 1917 г.

²⁴ *Мосолов А. А.* Указ. соч. С. 97.

²⁵ *Блок А. А.* Записные книжки (1901—1920). М., 1965. С. 327, 328, 331, 350, 378—379.

²⁶ *Botkin G.* The real Romanovs. N. Y., 1934. P. 18.

²⁷ *Блок А. А.* Записные книжки (1901—1920). С. 331.

²⁸ *Dehn L.* Op. cit. P. 24.

²⁹ *Benckendorff P.* The last days at Tsarskoje Selo. L., 1927; Idem. Souvenirs // Revue de Deux Mondes. 1928. N 11.

³⁰ *Соколов Н. А.* Указ. соч. С. 162. Показания А. Ф. Керенского.

³¹ *Kerensky A. F.* La Revolution Russe. Paris, 1928. P. 28.

³² *Sidorsky A. F.* Rußland und der Wendepunkt der Geschichte. Hamburg, 1967. S. 416.

³³ Die Welt. 1968. 12. VII. С. 6.

³⁴ *Соколов Н. А.* Указ. соч. С. 162. Показания А. Ф. Керенского.

³⁵ *Мельник-Боткина Т.* Указ. соч. С. 82.

³⁶ *Назанский В. И.* Указ. соч. С. 195—196, 200—201.

³⁷ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 265. Дневник Николая Романова. Запись от 22 июня (5 июля) 1917 г.

³⁸ *Dehn L.* Op. cit. P. 29; *Соколов Н. А.* Указ. соч. С. 21.

³⁹ История КПСС. Т. III. Кн. 1. С. 3.

⁴⁰ *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960. С. 429.

⁴¹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Док. и матер. Ч. 1. Март — октябрь 1917 г. М.; Л., 1957. С. 521.

⁴² *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели. Т. 1. Берлин, 1921. С. 326.

⁴³ *Alexandrov V.* Op. cit. P. 170.

⁴⁴ *Соколов Н. А.* Указ. соч. С. 8; *Лукомский А. С.* Воспоминания и документы к воспоминаниям // Архив русской революции. Т. II. Берлин, 1922. С. 12—14; Т. 3. С. 247—270.

⁴⁵ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 265. Дневник Николая Романова. Запись от 23 марта 1917 г.; *Соколов Н. А.* Указ. соч. С. 268. Показания Г. Е. Львова.

⁴⁶ *Alexandrov V.* Op. cit. P. 143; *Милюков П. Н.* О выезде из России Николая II // Последние новости (Париж). 1921. 8. IX; *Керенский А. Ф.* Издалека: Сб. ст. Париж, 1922. С. 191.

- ⁴⁷ Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции.
С. 25.
- ⁴⁸ Alexandrov V. Op. cit. P. 143—144.
- ⁴⁹ Двуглавый орел (Берлин). 1922. № 11; Соколов Н. А. Указ. соч. С. 37, 38.
- ⁵⁰ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 24.
- ⁵¹ История КПСС. Т. III. Кн. 1. С. 147.
- ⁵² Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д. М.; Л., 1930. С. 65.
- ⁵³ Милоков П. Н. О выезде из России Николая II // Последние новости (Париж). 1921. 8. IX.
- ⁵⁴ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 268. Показания П. Н. Милокова.
- ⁵⁵ Жильяр П. Указ. соч. С. 45.
- ⁵⁶ Керенский А. Ф. Временное правительство и царская семья. Под датой: 28 августа 1921 г. // Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1924.
- ⁵⁷ Frankland N. Op. cit. P. 119—120, 123; Extract from letter: Lord Bertie to Foreign Secretary, April 22, 1917.
- ⁵⁸ Керенский А. Ф. Отъезд Николая II в Тобольск. Под датой: 11 сентября 1921 г. // Издалека: Сб. ст. Париж, 1921. С. 187.
- ⁵⁹ Alexandrov V. Op. cit. P. 157—158.
- ⁶⁰ Ibid. P. 159.
- ⁶¹ Frankland N. Op. cit. P. 119.
- ⁶² Alexandrov V. Op. cit. P. 158, 160; Buchanan M. Petrograd, City of Trouble. L., 1918; Buchanan M. The dissolution of an Empire. L., 1932; Бьюкенен М. Крушение великой империи / Пер. с англ. Т. I—II. Париж, 1933.
- ⁶³ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 268.
- ⁶⁴ Воейков В. Н. Указ. соч. С. 307.
- ⁶⁵ Alexandrov V. Op. cit. P. 159.
- ⁶⁶ Hingley R. The tsars. Russian Autocrats 1533—1917. L., 1968. P. 302.
- ⁶⁷ Воейков В. Н. Указ. соч. С. 307.
- ⁶⁸ Alexandrov V. Op. cit. P. 156, 159.
- ⁶⁹ Heuer H. M. Op. cit. // Bunte Illustrierte (N 12). 1965. 17. III. S. 42.
- ⁷⁰ Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции.
С. 57—60.
- ⁷¹ Половцев П. А. Дни затмения: Записки бывшего командующего войсками Петроградского военного округа в 1917 г. Париж. Б. г. С. 143.
- ⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 48, 49, 50.
- ⁷³ Жирмунский Е. В то грозное лето // Рабочий путь. 1925. 16 авг.

ГЛАВА 13 (с. 315—336)

- ¹ Блок А. А. Записные книжки (1901—1920). С. 346.
- ² Соколов Н. А. Указ. соч. С. 25. Показания А. Ф. Керенского.
- ³ Там же. С. 25, 26.
- ⁴ Heuer H. M. Op. cit. // Bunte Illustrierte. 1965. 24. IV; Alexandrov V. Op. cit. P. 177.
- ⁵ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 26.
- ⁶ Alexandrov V. Op. cit. P. 180.
- ⁷ Die Welt. 1968. 25. VI. S. 6.
- ⁸ Narcaue S. Op. cit. P. 474; Frankland N. Op. cit. P. 124.
- ⁹ Bulygin P., Kerensky A. The murder of the Romanovs. L., 1935. P. 112.
- ¹⁰ Kobylinsky E. The last days of the Romanovs. L., 1920. P. 41.
- ¹¹ Панкратов В. С. В Тобольске // Былое. 1924. № 26. С. 195—220.
- ¹² Там же.
- ¹³ Kleinmichel M. Memories of a shipwrecked world. L., 1935. P. 12.
- ¹⁴ Назанский В. И. Указ. соч. С. 197.
- ¹⁵ Buxhoeveden S. Left behind: Fourteen Months in Siberia During the Revolution. N. Y.; L., 1928. P. 89, 91, 92.
- ¹⁶ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 265. Дневник Николая Романова. Запись от 7 (20) августа 1917 г.
- ¹⁷ Buxhoeveden S. Op. cit. P. 102.

- ¹⁸ Коганицкий И. 1917—1918 гг. в Тобольске. Николай Романов. Гермогеновщина // Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 6—7.
- ¹⁹ Панкратов В. С. Указ. соч. // Былое. 1924. № 26. С. 199—200.
- ²⁰ Die Welt. 1968. 25. VII.
- ²¹ Публикуется по фотографии с оригинала: Воейков В. Н. Указ. соч. Прил. IV. С. V—VIII.
- ²² Панкратов В. С. Указ. соч. // Былое. 1924. № 26. С. 195—220.
- ²³ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 171, 34.
- ²⁴ Панкратов В. С. Указ. соч. // Былое. 1924. № 26. С. 195—220.
- ²⁵ Матвеев П. М. Великое десятилетие (К 10-летию Советской власти): Сб. воспоминаний о революции и гражданской войне. Л., 1927.
- ²⁶ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 62. Показания Г. Е. Львова. С. 41. Показания А. Ф. Керенского. С. 55. Показания Е. С. Кобылинского.
- ²⁷ Die Welt (N 158). 1968. 10. VII. S. 6.
- ²⁸ Welt am Sonntag. 1968. 12. VII.
- ²⁹ Мельник-Боткина Т. Указ. соч. С. 25.

ГЛАВА 14 (с. 337—376)

- ¹ Об участии И. Я. Коганицкого в борьбе за Советскую власть в Тобольске и Сибири в 1918 г. см.: Три года борьбы за диктатуру пролетариата. 1917—1920. Омск, 1920; Революционное движение в Тобольской губернии. Тюмень, 1961; Роцневский П. И., Никифорова М. М. Сквозь грозы: Краткие биографии 38 революционеров Тобольской губернии в период Октябрьской революции и гражданской войны. Свердловск, 1967. С. 39—44; Мельников В. Борец за Советскую власть // Тобольская правда (№ 69). 1957. 9 июня.
- ² Коганицкий И. Я. Николай II в Тобольске: Воспоминания / Неопубликованная рукопись. С. 11—12 (находится в личном архиве автора данной книги).
- ³ Там же. С. 12. О жизни и деятельности Н. М. Немцова см.: Минутко И., Ошевский С. Он остается с нами // Гвардейцы Великого Октября: Сб. Тула, 1967. С. 212—253; Розачевских В. Верный сын советского народа // Тюменская правда. 1957. 11 июля; Познер А. Г., Чудинова К. П. Сын ленинской партии: К 85-летию со дня рождения Н. М. Немцова // Московская правда. 1964. 29 апреля; Немцов Н. М. Последний переезд полковника Романова // Красная нива. 1928. № 27. С. 16—17.
- ⁴ Очерки по истории партийной организации Тюменской области. Свердловск, 1965. С. 37.
- ⁵ Там же. С. 39, 45.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 349.
- ⁷ История КПСС. Т. III. Кн. I. С. 262.
- ⁸ Минц И. И. История Великого Октября. Т. III. М., 1973. С. 689.
- ⁹ Панкратов В. С. Указ. соч. // Былое. 1924. № 26.
- ¹⁰ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 265. Дневник Николая Романова. Тетрадь 1917 г. С. 23, 27; д. 266, тетрадь 1918 г. С. 42, 56, 58, 62, 65, 71, 84.
- ¹¹ Марков С. Покинутая царская семья. 1917—1918. Царское Село — Тобольск — Екатеринбург. Вена, 1928. С. 24, 35.
- ¹² Мельник-Боткина Т. Указ. соч. С. 44.
- ¹³ Марков С. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁴ Авдеев А. Д. Указ. соч. // Красная новь. 1928. № 5. С. 186—188.
- ¹⁵ Городецкий Е., Шарапов Ю. Свердлов. М., 1971. С. 309.
- ¹⁶ Kreische R. So steht es immer noch im Geschichtsbuch. Wien; Hamburg, 1947. S. 31, 44—45.
- ¹⁷ Marie Pavlovna, grand Duchess. Things I. Remember. N. Y., 1955.
- ¹⁸ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 215—217.
- ¹⁹ Панкратов В. С. Указ. соч. // Былое. 1924. № 26. С. 213.
- ²⁰ Там же. С. 217—218.
- ²¹ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 215.
- ²² Там же. С. 25.
- ²³ Жильяр П. Указ. соч. С. 79.

²⁴ ЦГАОР, ф. 640, оп. 1, д. 314. Дневник Александры Федоровны. Запись от 26 и 28 марта, 2, 10, 11 апреля 1918 г.

²⁵ Там же. Из письма Александры Федоровны А. А. Вырубовой от 12 апреля 1918 г.

²⁶ Там же. Из письма Александры Федоровны А. А. Вырубовой от 23 февраля 1918 г.

²⁷ *Heuer H. M.* Op. cit. // *Bunte Illustrierte*. 1965. 25. VII.

²⁸ *Die Welt* (N 156). 1968. 8. VII. S. 6.

²⁹ *Жильяр П.* Указ. соч. С. 60—61.

³⁰ *Коганицкий И. Я.* Указ. соч. С. 10.

³¹ О жизни, деятельности и облике П. Д. Хохрякова рассказали нам его жена и соратник Татьяна Ильинична Наумова-Теумина и дочь Чибисова Галерия Павловна.

См. также: История гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 3; *Голощекин Ф. И.* От Февраля к Октябрю. М., 1957. С. 111; *Рошеский П. И.* П. Д. Хохряков. Тюмень, 1957; *Бажов П.* Бойцы первого призыва. Свердловск, 1958. С. 159—160; *Столяренко М. А.* Матрос с «Зари Свободы». М., 1965; Герои Октября: Биографии активных участников революции. Т. II. Л., 1967. С. 548; *Сивков П. З.* Кронштадт: Страницы революционной истории. Л., 1972. С. 355—356; *Захаров С. А.* П. Д. Хохряков. Л., 1972; Посланец Кронштадта // Урал. 1973. № 6. С. 152.

³² *Наумова-Теумина Т. И.* 1918 год в Тобольске: Неопубликованная рукопись (находится в личном архиве автора данной книги). С. 6.

³³ Урал. 1971. № 11. С. 13—14.

³⁴ *Die Welt*. 1968. 15. VII. S. 16.

³⁵ *Die Welt*. 1968. 10. VII. S. 6.

³⁶ *Alexandrov V.* Op. cit. P. 211, 212, 205.

³⁷ *Ibid.* P. 211, 212.

³⁸ *Ibid.* P. 206, 207.

³⁹ *Городецкий Е., Шарапов Ю.* Указ. соч. С. 311.

⁴⁰ Уфимский октябрьский сборник № 2. Уфа, 1920. Статьи: *Кривов Т.* Петр Иванович Зенцов. С. 111—115; *Зенцов П.* Поездка за Николаем Романовым в Тобольск. С. 115—118; *Тарасов И. Д., Зенцова С. П.* Петр Иванович Зенцов. Уфа, 1966.

⁴¹ *Галкин С.* Как перевозили Николая II из Тобольска в Екатеринбург: Неопубликованная рукопись. Март, 1957 (находится в личном архиве автора этой книги).

⁴² *Тарасов И. Д., Деденко В. П.* Дмитрий Михайлович Чудинов. Уфа, 1969; *Чудинов Д.* Особое задание // За власть Советов: Сб. воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии. Уфа, 1961. С. 97—108; *Чудинов Д.* Из Тобольска в Екатеринбург: Неопубликованная рукопись. Март, 1957 (находится в личном архиве автора этой книги). С. 1—10.

⁴³ *Соколов Н. А.* Указ. соч. С. 212. Показания П. Жильера.

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 266. Дневник Николая Романова. Записи от 22, 23, 25 апреля 1918 г. С. 84, 85, 86, 100.

⁴⁵ *Авдеев А. Д.* Указ. соч. // Красная новь. 1928. № 5. С. 191.

⁴⁶ *Чудинов Д.* Из Тобольска в Екатеринбург: Неопубликованная рукопись. С. 117, 102.

⁴⁷ *Мельник-Боткина Т.* Указ. соч. С. 47.

⁴⁸ *Соколов Н. А.* Указ. соч. С. 122, 211, 60.

⁴⁹ *Чудинов Д.* Из Тобольска в Екатеринбург: Неопубликованная рукопись. С. 103.

⁵⁰ *Авдеев А. Д.* Указ. соч. // Красная новь. 1928. № 5. С. 194.

⁵¹ *Чудинов Д.* Из Тобольска в Екатеринбург: Неопубликованная рукопись. С. 104.

⁵² *Alexandrov V.* Op. cit. P. 215.

⁵³ *Чудинов Д.* Из Тобольска в Екатеринбург: Неопубликованная рукопись. С. 102—103.

⁵⁴ *Немцов Н.* Последний переезд полковника Романова: Из воспоминаний // Красная нива. 1928. № 27. С. 17—18.

⁵⁵ *Welt am Sonntag*. 1968. 28. VII. S. 25.

⁵⁶ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 93, 94, 44, 45.

⁵⁷ Чудинов Д. Из Тобольска в Екатеринбург: Неопубликованная рукопись. С. 106.

⁵⁸ Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения: Сб. Пермь, 1966. С. 57—59; Быков П. М. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926. С. 102—103; Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. Т. 5. М., 1927. С. 334.

⁵⁹ Букина М. Н., Постнов Ю. С. Революционер-ученый Б. В. Дидковский. Свердловск, 1969; Ленинская гвардия Урала: Сб. Свердловск, 1967.

⁶⁰ Жуковский Н. Полномочный представитель СССР. М., 1968. С. 61; Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. Т. 17. М., 1930. С. 491.

ГЛАВА 15 (с. 377—402)

¹ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 266. Дневник Николая Романова. Запись от 17 (30) апреля 1918 г. С. 92.

² Авдеев А. Д. Указ. соч. // Красная новь. 1928. № 5. С. 200.

³ Жильяр П. Указ. соч. С. 11.

⁴ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 218.

⁵ Alexandrov V. Op. cit. P. 148, 152.

⁶ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 77, 79. Показания Пьера Жильяра.

⁷ Там же. С. 251. Показания Теглевой.

⁸ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва: Стен. отчет. М., 1920. С. 241; Свердлов Я. М. Избр. произв. Т. 2. С. 195.

⁹ Авдеев А. Д. Указ. соч. // Красная новь. 1928. № 5. С. 185—209; Он же. Из истории борьбы за Советы // Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 97—116; Он же. С секретным поручением в Тобольске // Пролетарская революция. 1930. № 9. С. 94—127.

Об Авдееве см.: Воробьев В. Конец Романовых: Из воспоминаний // Прожектор № 29 (147). 1928. 15 июля. С. 25.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 264, 515.

¹¹ Правда. 1938. 2 августа. Траурное объявление.

О жизни и деятельности Я. М. Юровского см.: Ленинская гвардия Урала: Сб. Свердловск, 1967; История Уральского военного округа: Сб. М., 1970. С. 10—11; Резник Я. Л. Чекист (Повесть о Я. М. Юровском). Свердловск, 1972; Грязнов Л. П. Солдат революции // Блокнот агитатора (Свердловск). 1965. № 13 (июль). С. 17—25; Семенов Юлиан. Бриллианты для диктатуры пролетариата: Роман // Октябрь. 1971. № 1—2. С. 55; Воробьев В. Указ. соч. // Прожектор № 29 (147). 1928. 15 июля. С. 25.

Кроме того, автор располагал неопубликованными рукописями Я. М. Юровского: «Воспоминания» (январь 1934 г., 21 с.), «Записка коменданта Дома особого назначения в Екатеринбурге: Историку М. Н. Покровскому о казни Романовых» (1920 г.), а также рукописью его сына А. Я. Юровского «В дни Невьянского восстания в 1918 г.» (10 с.) и автобиографическими заметками М. А. Медведева, б. члена коллегии Уральской ЧК (декабрь 1962 г., 10 с.).

¹² ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 266. Дневник Николая Романова. Запись от 17 (30) апреля 1918 г. С. 92; Hargrave S. Op. cit. P. 118.

¹³ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 266. Дневник Николая Романова. Записи от 25 апреля (8 мая) и 4 (17) мая 1918 г. С. 101.

¹⁴ Alexandrov V. Op. cit. P. 217.

¹⁵ Авдеев А. Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге // Красная новь. 1928. № 5. С. 201.

¹⁶ Buxhoeveden S. The life and tragedy of Alexandra Feodorovna. N. Y.; L., 1928.

¹⁷ Speranski V. La maison à destination speciale. La tragedie d'Ekaterinbourg. Paris, 1928.

¹⁸ Жуковский Н. Указ. соч. С. 63—64.

¹⁹ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 266. Дневник Николая Романова. Запись от 5 (18) июня 1918 г. С. 126.

- ²⁰ Авдеев А. Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге // Красная новь. 1928. № 5. С. 203.
- ²¹ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 171. Показания б. бойца охраны В. В. Медведева.
- ²² Авдеев А. Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге // Красная новь. 1928. № 5. С. 205.
- ²³ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 172. Показания В. В. Медведева.
- ²⁴ Воробьев В. Указ. соч. // Проектор № 29 (147). 1928. 15 июля. С. 24—26.
- ²⁵ Авдеев А. Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге // Красная новь. 1928. № 5. С. 205.
- ²⁶ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 206. Дневник Николая Романова. Записи от 29 апреля, 28, 20, 22 и 24 мая 1918 г. С. 105, 120—123.
- ²⁷ Там же. Запись от 18 мая 1918 г.
- ²⁸ Жуковский Н. Указ. соч. С. 66.
- ²⁹ Die Welt. 1968. 12. VII. S. 12.
- ³⁰ Alexandrov V. Op. cit. P. 219.
- ³¹ О своих темных махинациях в России Нокс и Хор кое-что сами рассказали в книгах: Кнок А. With the Russian Army (1914—1917). N. Y., 1921; Hoar S. Das vierte Siegel. Das Ende eines russischen Kapitels. Meine Mission in Rußland 1916—1917. Berlin, 1935.
- ³² Massie R. Op. cit. P. 486, 487.
- ³³ Alexandrov V. Op. cit. P. 78, 80.
- ³⁴ Авдеев А. Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге // Красная новь. 1928. № 5. С. 203.
- ³⁵ Alexandrov V. Op. cit. P. 190; Massie R. Op. cit. P. 489.
- ³⁶ Авдеев А. Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге // Красная новь. 1928. № 5. С. 202.
- ³⁷ Двуглавый орел (Берлин). 1923. № 12. С. 19, 20.
- ³⁸ Литерихс М. К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. Т. II. Владивосток, 1922. С. 58.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Alexandrov V. Op. cit. P. 213.

ГЛАВА 16 (с. 403—414)

- ¹ Вильтон Р. Указ. соч. С. 103, 104.
- ² Будберг А. Дневник белогвардейца: Колчаковская эпопея. Л., 1929. С. 17—18.
- ³ Illustrated news. 1919. 21. IV.
- ⁴ Вильтон Р. Указ. соч. С. 11; Alexandrov V. Op. cit. P. 101.
- ⁵ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 25.
- ⁶ Двуглавый орел (Берлин). 1922. № 9.
- ⁷ Welt am Sonntag. 1968. 16. VI.
- ⁸ Рабочая революция на Урале: Эпизоды и факты. Сб. / Сост. П. М. Быков, А. Г. Нечепуркин. Екатеринбург, 1921. С. 181—183.
- ⁹ Alexandrov V. Op. cit. P. 14—16.
- ¹⁰ Соколов Н. А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925; Sokoloff N. Der Todesweg des Zaren. Dargestellt vom dem Untersuchungsrichter. Berlin, 1925; Idem. Enquete judiciaire sur l'assassinat de la famille imperiale russe. Paris, 1924—1926.
- ¹¹ Василевский И. М. (Не-Буква). Что они пишут? Л., 1923. С. 29.

ГЛАВА 17 (с. 415—434)

- ¹ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 266. Дневник Николая Романова. Записи за декабрь 1917 — январь 1918 г. С. 48.
- ² Строки, которые подчеркнул Николай II, цитируются по: Гюго В. Девяносто третий год // Собр. соч. Т. 11. М., 1956. С. 343, 344, 351, 352.

- ³ Д'Альгейм П. Указ. соч. // Материалы для характеристики царствования. С. 115.
- ⁴ Толстой Л. Н. Письмо Николаю II от 16 января 1902 г. // Полн. собр. соч. Т. 73. С. 184.
- ⁵ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 10, 34—35.
- ⁶ Керенский А. Ф. Издалека: Сб. ст. Париж, 1921. С. 187.
- ⁷ Соколов Н. А. Указ. соч. С. 116.
- ⁸ Горький А. М. Из письма В. И. Брееву // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 57—62.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 63.
- ¹⁰ Исторический архив. 1958. № 1. С. 5—6.
- ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 311.
- ¹² Декреты Советской власти: Сб. док. Т. I. М., 1957. С. 490—491.
- ¹³ Известия ВЦИК. 1918. 6 июля.
- ¹⁴ Alexandrov V. Op. cit. P. 218.
- ¹⁵ Урал. 1971. № 11. С. 17.
- ¹⁶ Шульгин В. В. Дни. С. 42, 104, 114.
- ¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 12.
- ¹⁸ Толстой Л. Н. Из дневников 1904 г. // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 613; Лев Толстой: Материалы и публикации. Тула, 1958. С. 118.
- ¹⁹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. IV. М., 1966. С. 319.
- ²⁰ ДВП СССР. Т. VII. М., 1963. С. 440.
- ²¹ Alexandrov V. Op. cit. P. 228, 236.
- ²² В. И. Ленин. Биохроника. Т. 5. С. 648; Милютин В. Из воспоминаний // Прожектор № 29 (147). 1928. 15 июля. С. 26.
- ²³ Русское слово (№ 18). 1908. 22 янв.; Биржевые ведомости (№ 10312). 1908. 21 и 22 янв.
- ²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 441.
- ²⁵ Там же. С. 438, 439, 441; Т. 21. С. 16—17.
- ²⁶ Pridham F. Close of a dynasty. Foreword by H. I. H. the Grand Duchess Xenia Alexandrovna. L., 1956.
- ²⁷ Пуришкевич В. М. Из записок. Париж, 1923. С. 31—32.
- ²⁸ Воейков В. Н. Указ. соч. С. 284.
- ²⁹ Kreuzzeitung. 1928. 14. IX; Кольцов М. Император всероссийский Кирилл I признал Советскую власть // Чудак. 1929. № 8; Литературная газета. 1967. 5 ноября.
- ³⁰ А. М. Горький: Материалы и исследования АН СССР. Т. I. С. 57—62.
- ³¹ Görlitz W. Endet Anastasias Weg durch deutsche Geschichtssäle // Die Welt. 1970. N 14 (17. I). S. 3.
- ³² Bunte Illustrierte. 1965. 16. III. S. 24.

SIC TRANSIT GLORIA MUNDI (с. 435—436).

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 123; Т. 8. С. 184.
- ² О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции: Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. М., 1977. С. 4—5.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 47—48.
- ⁴ Там же. Т. 9. С. 334.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие <i>В. Архипенко</i>	3	Глава 5	
От автора	16	«РУЛЕТКА СМЕРТИ»	113
Пролог	20	Залпы под окнами дворца	—
Глава 1		Два повеления	116
ОПЕРАЦИЯ		Вешать или	
«РУССКИЙ КУЗЕН»	24	расстреливать?	119
Пепел над Исаакием	—	Часы отбивают время	124
Надежда на потсдамского кузена	26	Глава 6	
Кайзер не помог	33	КОГДА ВСЕ СРЕДСТВА	
Огнем и плетью	39	ХОРОШИ	132
Глава 2		Партия дикого и трусливого	
СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ:		отчаяния	—
МИФЫ И БЫЛИ	46	Плата за страх	138
Бьёрке	—	На подлинном начертано	150
Скажи, кто твой друг...	51	Глава 7	
Привидения и медиумы	54	СТАРЕЦ	158
Глава 3		Дорогами странствий	—
У ИСТОКОВ		Гороховая улица, 64	166
АВГУСТЕЙШЕЙ		У паперти власти	180
ХРОНИКИ	61	Глава 8	
Вступление в должность	—	В ПРЕДДВЕРИИ	
Необыкновенная		МИРОВОГО ПОБОИЩА	187
обыкновенность	65	Позорное поражение	—
Ходынское угощение	73	Портсмут	192
Кадриль у французского посла	76	Выстрелы у Латинского моста в Сараево	196
Глава 4		Глава 9	
ТОТ, КОГО НЕ БЫЛО?	83	ВОЙНА	202
Царь Голод	—	Континент в огне	—
Письмо из Гаспры	89	Запоздалые балансы	205
Петергофское совещание	93	Счет возрастает	215
Обло, озорно и стозевно	96	Глава 10	
Глаза газели	103	МЕЖДУ ДВОРЦОМ	
Некоторые царские автографы	110	И СТАВКОЙ	221
		Ставку в Могилев	—

Ликвидируют улики	225	Вести из Петрограда	339
Развеяно с дымом	230	Керенского нет,	
Заклинания и каракули	237	Панкратов на месте	342
Глава 11		Рыцари самодержавия	346
КРУШЕНИЕ	242	Пробил час и Панкратова	350
Канун	—	Подготовка переезда	355
Дни первый — четвертый	250	Авантюра Яковлева	365
Дни пятый — восьмой	256	Глава 15	
Отречение	267	ДОМ НА КОСОГОРЕ	377
Еще отречение	276	Свастика в оконной нише	—
Глава 12		Будни последних недель	384
ПОД СТРАЖЕЙ		Город осажден	390
В АЛЕКСАНДРОВСКОМ		Кольцо сужается	393
ДВОРЦЕ	281	Те три ночи	398
Арест	—	Глава 16	
По кабинетам		ПО СЛЕДАМ	403
и казематам	288	Урочище Четырех братьев	—
Попытка бегства	295	Соколов беснуется	406
Беседы на диванчике	309	Финиш в Сальбри	409
Глава 13		Глава 17	
МАРШРУТ		ПЕРЕД ЛИЦОМ	
ПРЕДПОСЛЕДНИЙ:		ИСТОРИИ	415
ТОБОЛЬСК	315	Что привлекло его	
Почему Тобольск	—	внимание	—
Под японским флагом	321	По делам вашим	
Игра в триктрак		воздастся вам	417
и любительские		Как аукнется...	422
спектакли	325	Инцидент в Лиссабоне	425
Глава 14		Принцы и нищие	428
МАРШРУТ ПОСЛЕДНИЙ:		Sic transit gloria mundi	435
ЕКАТЕРИНБУРГ	337	<i>Юрий Жуков.</i> О чем они	
Ветры перемен	—	мечтают. Вместо послесловия	437
		Источники и литература	439

Касвинов М. К.
К28 Двадцать три ступени вниз. — 3-е изд., испр. и доп. — М.:
Мысль, 1989. — 459 [1] с. — (Библ. сер.).
ISBN 5-244-00278-3

23 года царствования последнего представителя династии Романовых отмечены множеством тяжких преступлений, и народ вынес ему свой справедливый приговор. Книга М. К. Касвинова повествует о жизни и бесславном конце Николая Кровавого, дает достойный отпор тем буржуазным фальсификаторам, которые старались и стараются представить его безвинной жертвой. Книга рассчитана на широкие круги читателей.

К 0503020000-025 62-89
004(01)-89

ББК 63.3(2)52

Библиотечная серия

Научная

**Марк
Константинович
Касвинов**

**ДВАДЦАТЬ ТРИ
СТУПЕНИ
ВНИЗ**

Заведующий редакцией
В. С. Антонов

Редактор
С. С. Игнатова

Младший редактор
Л. П. Желобанова

Оформление художника
А. В. Львова

Художественный редактор
Н. А. Дутов

Технический редактор
Т. В. Лячина

Корректоры
**Т. И. Орехова
О. П. Кулькова**

ИБ № 3778

Подписано в печать с готовых диапозитивов, 17.10.88.
А11017. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура
Литературная. Печать офсетная. Усл. печатных листов 29.
Усл. кр. отт. 29. Учетно-издательских листов 33,56.
Тираж 150 000 экз. Заказ № 2774. Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский
проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский поли-
графический комбинат Союзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете СССР по делам издательств, полигра-
фин и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В 1989 г.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МЫСЛЬ»

ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Исторический опыт и перестройка: диалектика перемен. 20 л.
2 р.

Книга посвящена важнейшей и актуальнейшей теме — выявлению на новом конкретном материале закономерностей становления и развития советского общества и советского человека, вызревания идей перестройки, нашедших свое выражение на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, XXVII съезде КПСС, XIX Всесоюзной партконференции. Авторы раскрывают исторические события через деятельность конкретных людей, не обходят и самые сложные проблемы отечественной истории, такие, как идейная борьба 20—30-х годов, роль нэпа, влияние культа личности на общественное развитие и др.

Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. 20 л., ил. 1 р. 40 к.

Эта книга — увлекательный рассказ о выдающихся древнерусских женщинах, которые участвовали в общественной и политической жизни Руси: княгине Ольге, Анне Ярославне, Евпраксии Рязанской и многих других. Автор рассматривает положение женщины в семье, ее имущественные и социальные права, описывает одежду и украшения. Уникальные иллюстрации дополняют текст и дают возможность зримо представить жизнь наших предков.

Уважаемые читатели!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, демографии, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».

двадцать три
ступени
вниз

М.К. Касвинов

